

Российская академия наук
Институт психологии

Теория и методология ПСИХОЛОГИИ

Постнеклассическая перспектива

Ответственные редакторы:
А.Л. Журавлев, А.В. Юревич

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2007

УДК 159.9.018

ББК 88

Т 33

Т 33 Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юрента. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 528 с. (Методология, теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0093-7

В книге, представляющей собой сборник статей ведущих отечественных методологов психологии, рассматриваются наиболее актуальные методологические проблемы – как «вечные», сопровождающие психологическую науку с ее первых шагов, так и новые, обострившиеся на постнеклассической стадии ее развития. Отвечаются судьбы ряда базовых исследовательских направлений отечественной психологии, их современное состояние и перспективы. Анализируются возможности интеграции психологии, традиционно разобщенной по различным школам и исследовательским направлениям, перспектива построения единой психологии в условиях логического методологического плюрализма, характерного для современного этапа ее развития.

Книга предназначена для психологов, интересующихся методологическими проблемами психологической науки и практики, а также для представителей смежных наук, интересующихся методологией социально-гуманитарной науки.

УДК 159.9.018

ББК 88

*Книжка предназначена при поддержке
Российского государственного научного фонда (РГНФ)
проект № 06-06-00200*

© Институт психологии Российской академии наук, 2007

ISBN 978-5-9270-0093-7

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
----------------	---

Часть I СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА

<i>А.Л. Журавлев</i> Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии	15
<i>Т.Л. Морданковская</i> Психология в современном мире	33
<i>М.С. Дроздович</i> Постмодернистские перспективы развития психологии	45
<i>Д.А. Леоцкий</i> Неклассический вектор в современной психологии	74
<i>Т.В. Коршунова</i> Экспериментальная парадигма, или ложные дихотомии в психологии	95
<i>В.Ф. Петренко</i> Конструктивистская парадигма в психологической науке	119
<i>А.Н. Поддьяков</i> Решение комплексных проблем в неклассической парадигме	136
<i>С.Д. Смагин</i> Образ мира как объект психологического исследования	157
<i>В.М. Адамсвердье</i> Научное исследование как тривалентная обоснованная акция	174

<i>Г.В. Завельский</i> ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ В ПСИХОЛОГИИ.....	195
--	-----

<i>И.И. Кирьяков</i> ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ.....	223
--	-----

Часть II
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ
И НОВЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
НАПРАВЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>И.А. Мароченко</i> ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ.....	249
--	-----

<i>В.А. Карабамцкая</i> ПРИНЦИП СИСТЕМОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	268
---	-----

<i>Е.Е. Соколова</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО CONTRA ДИВЕРСИЗАЦИЮ ШКОЛА А.Н. ЛЕОНТЬЕВА ПРОТИВ СОВРЕМЕННОЙ ДИКОТОМИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИИ.....	286
---	-----

<i>А.В. Карпов</i> ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕТАСИСТЕМОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	313
---	-----

<i>В.В. Зинков</i> ОТ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА — В ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ.....	330
---	-----

<i>А.А. Дерягин</i> АКМЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ.....	352
--	-----

<i>В.А. Новиковский</i> ОБЩАЯ ПЕРСОНАЛОГИКА: КОСТУРЫ И КОНТЕКСТ.....	376
---	-----

<i>В.И. Кибрия</i> ТИПСКОММУНИКАТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ АНАЛИЗА ЦЕННОСТНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА.....	396
---	-----

Часть III
ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ

<i>В.А. Мазуров</i> ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ	427
<i>Н.И. Чуракова</i> Из опыта интеграции психологических знаний.....	459
<i>И.Е. Гербер</i> Метапсихологический подход к интеграции психологии	484
<i>А.В. Юрков</i> ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?	503
Авторы	525

ВВЕДЕНИЕ

Российские психологи традиционно проявляли большой интерес к методологии, которой были посвящены наиболее известные труды классиков отечественной психологической науки. Затем в российской психологии, как и во всем нашем обществе, наступило время прагматизма, подавляющее большинство наших психологов устремилось в практику, предав забвению методологические проблемы, изучение которых прекратилось в непопулярное заигравшее. Но в последние годы «маятник» качнулся в обратную сторону, и в настоящее время наблюдается целый ряд симптомов возрождения интереса к методологии.

Основные проявления возрождения интереса к методологическим вопросам психологии, равно как и его причины, сами по себе выглядят важной социально-методологической проблемой. Среди этих причин можно упомянуть и трудности, которые неизбежно испытывает наука и основанная на ней практика, развиваясь в условиях неопределенности своих «тылов» — нерешенности базовых методологических вопросов; и то, что к прежним «ничем» методологическим проблемам психологии добавились новые, порожденные в том числе и развитием психологической практики; и притягательность наиболее сложных проблем любой науки, к которым она обречена регулярно возвращаться; и некоторая утопичность практики, регулярно порождающей «романтические» настроения; и новые методологические вызовы науке, вступившей на постклассическую стадию развития. В результате психология сейчас переживает ренессанс интереса к методологии, проявлением которого является и эта книга.

Не одно поколение психологов, причем наиболее известных, чья задача вошла в учебники, пыталось разрешить основные, в терминах Т. Куна, «головоломки» психологической науки, такие как психофизическая, психофизиологическая и психосоциальная проблема, предпринимало попытки либо построить ее по образцу естественных наук, либо, наоборот, развивать ее как самобытную науку, не похожую ни на одну другую научную дисциплину; объединить психологию путем построения единой психологической теории и т.д. Эти попытки не остались безрезультатными. Без них не было бы архаичней истории

психологической науки, не было бы и учебников психологии, которые содержат в основном не столько характерное для точных наук «твердое» знание, сколько описание проблем и идей, ими порожденных, не было бы и многого другого, чем во праму гордятся психологи. Однако главные методологические проблемы, возбуждавшие мысль классиков психологической науки, не решены до сих пор, они все так же актуальны и современны.

К тому же, как хорошо известно из истории науки, интерес к методологическим проблемам обостряется во время ее кризисов и парадигмальных «разломов», происходящих в переходах от одних парадигм к другим или в изменении их соотношения. Неупорядоченное состояние психологического знания и отсутствие ясного пути развития психологической науки, которые принято воспринимать как ее кризис, были характерны для нее всегда, сопровождая эту науку с самых первых ее шагов (хотя время от времени возникали периоды продолжения кризиса), а основные симптомы кризиса, ранее описанные У. Джемсом, Ж. Пиаже, Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном и другими классиками психологической науки, практически ничем не отличаются от симптомов, выделяемых современными исследователями. Методологические «разломы» современной психологии во многом обусловлены изменением соотношения данных, сосредоточивших в ней гуманитарной и естественнонаучной традиций (в других терминах — объяснительной и понимающей психологии и др.), распространением методологического плюрализма и другими подобными явлениями. В результате в современной психологии существуют все основные предпосылки не только возрождения интереса к ее «вечным» методологическим проблемам, но и его обострения, превращения их в то, что Д.Т. Кеннебелл называет наиболее «горячими» проблемами психологической науки.

Психология не могла остаться в стороне и от тех изменений в основаниях научного познания, которые сопутствовали переходу науки на постнеклассическую стадию развития. Эти изменения наиболее отчетливо проявились в естествознании, но сказались и на социогуманитарных дисциплинах, которые традиционно равнялись на естествознание и стремились быть на него похожими (хотя ведомственность этой мечты регулярно порождала и прямо противоположные интенции). Поэтому не мог не возникнуть вопрос о том, что представляет собой постнеклассическая наука применительно к психологии: достигла ли она этой стадии развития, если нет, то почему, а если да, то в чем это проявляется и как соотносится на ее методологических основаниях.

Предваряя ответ на данный вопрос, который в самых разных вариантах дают авторы этой книги, отметим, что одно из характерных для постнеклассической науки постмодернистских веяний в психологии настолько очевидно, что может быть зафиксировано в качестве констатации, а не вопроса. Это распространение плюралистической методологии, проявляющееся в отказе от моноистических платформ построения знания и попыток построения «единственно правильной» теории, в признании соперничающих теорий в равной мере адекватными и жизнеспособными ответвлениями «древа» психологического познания. Однако методологический плюрализм не прочно закрепился в профессиональном самосознании психологов, а вызвал у них неоднородное отношение, привел не столько к решению, сколько к обострению базовых методологических проблем психологической науки, содействовал ее методологическому усложнению, а не упрощению. Не пытаясь рассмотреть все многообразие вариантов этого отношения, отметим, что оно в принципе сводимо к трем доминирующим формам. Один психолог принял методологический плюрализм с большой радостью и нестандартным энтузиазмом — как своего рода «мировоскресшую» методологию, позволяющую примирить конфликтующие теории и сохранить все многообразие психологической мысли. Другие встретили его в штыки — как размывание оснований психологической науки, порождает дискомфортное состояние, сопоставимое с чувством «материя исчезает», всегда распространенным среди естествоиспытателей. Третьи плюрализм приняли, но весьма критически, с пониманием того, что примирение психологических теорий (школ, течений и т.д.) не решает, а лишь порождает главную проблему — «нивелиция мест» между отцом теориями и иностранцем психологического знания.

Необходимо подчеркнуть важную особенность психологической науки, кардинальное отличие траектории ее развития от типичного пути естественных наук, на которые она долгое время ориентировалась. Это отличие состоит в том, что, если естественные науки сначала решают свои базовые методологические проблемы, вырабатывают общеприемлемые основания научного знания, инкапсулируют это знание и лишь затем находят его практическое применение, то в психологии, напротив, практика существенно опережала теорию и методологию. Психолог-практик стал одним из символов современного «психологизированного» мира, психологическая практика стремительно развивается, не имея под собой сколь-либо прочных научных оснований. Эта парадоксальная ситуация сама по себе нуждается в методологиче-

ском осмыслении, порождая вопросы о статусе психологической науки и практики, о том, почему психологическая наука недостаточно практична, а психологическая практика — недостаточно «научна» и др.

Подобные явления породили новые методологические вызовы психологической науке и заставили громче звучать прежние вызовы, большая часть которых до сих пор остается безответной. Все это, а также целый ряд других важных событий в многогранной жизни психологической науки, создает новый социально-методологический фон, на котором подготовлена эта книга и который служит для ее авторов главным предметом осмысления.

Еще одним «раздражителем» для ее авторского коллектива послужил специфический, сложившийся за рубежом образ российской психологии, который печально известен любому нашему психологу, состоящему с зарубежными коллегами в регулярных контактах. Одна из главных слабых мест этого образа — представление о том, что российская психология — это А.Р. Лурия, Л.С. Выготский и другие представители той блестящей плеяды наших психологов, со времен которых и ней якобы не сделано ничего существенного. Не вступая в полемику относительно этого образа, не лестного для современной российской психологии, создатели книги поставили перед собой задачу проследить, как складывалась судьба основных исследовательских традиций, заложенных классиками отечественной психологической науки, а также представить ряд новых теоретико-методологических подходов, демонстрирующих, что она не стоит на месте.

«Методология» — один из наиболее всеобъемлющих и самых запутанных терминов, в который вкладывается самый разнообразный смысл. Говорит об общепсихологической методологии науки или философской науке, об общей методологии конкретных наук, в т.ч. и психологии, о методологии конкретных исследований и т.д., а выделение различных уровней методологии хотя и несколько упорядочивает картину, но не лишает этот термин его многозначности. В настоящей книге речь идет преимущественно об общей методологии психологии, которую за рубежом чаще называют философией психологии, и именно на этом уровне методологического анализа основная часть ее авторов строит свои рассуждения. В то же время и на данном уровне можно выделить два, хотя и взаимосвязанных, но все же различных смысла термина «методология». Один смысл — предпринимательная методология, предписывающая психологической науке и практике, какими путями им следует развиваться. Другой смысл и, соответственно, вид методологии — диалектическая методология, осмысление, а не предписывание методологических

традиций. Настоящая книга, не лишаясь отдельных проскриптивных элементов, в основном выхлещена в русле аналитической методологии, а главный предмет размышлений ее авторов — происходящие в современной психологии, а не методологические предписания ей.

Разумеется, базовые методологические проблемы психологии столь многочисленны, сложны и многообразны, что попытка охватить их в одной книге была бы абсурдной. Немало проблем осталось за ее пределами, а представленный в ней анализ сосредоточен на трех основных темах, определяющих структуру книги, хотя в силу интегрального характера этих тем в их теснейшего переплетения со многими методологическими проблемами психологической науки, в ней, естественно, обсуждаются и многие другие вопросы. Ее первая часть посвящена новым методологическим тенденциям в психологии, обусловленным переходом науки на постклассическую стадию развития. Во второй части анализируется современный этап развития базовых исследовательских традиций отечественной психологии, а также описываются разрабатываемые в ней новые теоретико-методологические подходы. В третьей части обсуждаются перспективы интеграции психологии в условиях методологического плюрализма, характерного для современной, постклассической науки, отсутствия монополии на «единственно правильное» понимание и изучение психологической реальности. Что же касается других ключевых методологических проблем психологической науки — проблемы ее предмета и его критериев: целей, стандартов и структуры психологического объяснения; изменения соотношения гуманитарной и естественнонаучной парадигм и др., то авторы и составители книги предполагают сделать их предметом последующих совместных трудов. Т. е. «продолжение следует», вследствие чего у этой книги есть наследие, но нет заключения.

Хотя научный замысел этой книги принадлежит Институту психологии РАН, ее авторы представляют различные научно-образовательные центры и разные исследовательские традиции. Вместе с тем их объединяет принадлежность к своеобразному неформальному коллективу «методологов психологии», символическим составным этой науки и регулярно анализирующих его в своих работах. Очень симптоматично и не менее отрадно, что в последние годы этот «неформальный коллектив» быстро разрастается, а сложившиеся в нем связи становятся все более крепкими и зрелыми. Хочется надеяться, что он продолжит славные традиции отечественной методологической школы, которые в конце восточного века отошли у нас на второй план, отступившие прагматическими тенденциями.

Как и великий сборник научных трудов, эта книга представляет собой полемику ее авторов об обозначенных проблемах. Авторы придерживаются разных, подчас альтернативных позиций. В условиях постнеклассической науки, методологического плюрализма и неопределенности какой-либо методологической монополии этот полемический неизбежно перерастает в полемику авторов друг с другом, которая отображает методологическое «многоголосие», характерное для современной психологии. Здесь уместно вспомнить мысль К. Поппера о том, что лучший способ развития идей – их критика, именно она, а не апологетическое продолжение тех или иных исследовательских традиций, всегда служила основой развития науки. Трудно не согласиться и с Д.Т. Кембеллом в том, что социогуманитарные науки нуждаются во взысканной критике в большей степени, нежели естественные, поскольку лишены целого ряда средств верификации гипотез – возможности исполнения независимых переменных и др., которыми располагает естествознание. И именно критика исследователями друг друга служит единственно возможным способом «сведения мостов» между этими традициями, преодоления их, в терминах Т. Куна, «несоизмеримости», необходимого для долгожданной интеграции психологии.

А.А. Журавлев,

А.В. Курочка

Часть I

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ
КАК ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ
НАУКА

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

А.А. Журавлев

Каждый исторический период в развитии психологической науки характеризуется своими приоритетными направлениями и проблемами, различным уровнем популярности объектов исследования, реализацией ведущих методологических принципов, неравномерным развитием и применением основных методов исследования, особенно наблюдения, разных форм эксперимента и т.д. В настоящее время приоритетными в большой мере ставятся междисциплинарные исследования, в это касается не только психологии или социально-гуманитарных наук, но и всей науки в целом. Естественно, возникает вопрос: почему принцип междисциплинарности в организации современных научных исследований стал широко обсуждаться, а также активно реализовываться именно в конце 90-х годов XX в.? Интересно и то, что с началом нового, XXI в. сошла и реструктуризация Российской академии наук, призванная укрупнить структурные подразделения РАН, интегрировать сложившиеся до этого времени научные организации в соответствии с принципом междисциплинарности. В результате то первичное структурное объединение РАН, в которое входил психологическая наука, называется «Секция философии, социологии, психологии и права», а более крупное — «Отделение общественных наук».

Ответить на поставленный вопрос далеко не просто, тем более, что объяснение такого рода сложных явлений никогда не бывает однозначным. Тем не менее, если говорить об особенностях развития психологической науки двух последних десятилетий, то можно высказать некоторые предположения, касающиеся специфики междисциплинарных исследований в психологии.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Во-первых, психологические исследования в интересующий нас период, особенно в 90-е годы XX в., убедительно показали, что общественные запросы на научно-психологические разработки, вызванные объективными потребностями, были по своей сути всегда комплексными и фактически обращены к целому ряду научных дисциплин. В качестве очевидных примеров можно привести следующие темы таких запросов:

- формирование индивидуального и группового сознания в кризисном обществе;
- массовая адаптация людей к радикально меняющимся экономическим и политическим условиям;
- становление новых социальных групп в российском обществе, освоение современной техники и новейших технологий;
- поддержание психического здоровья населения России;
- преодоление экологических, социальных, психологических и других последствий Чернобыльской катастрофы;
- информационно-психологическая безопасность российского общества;
- противостояние террористической угрозе и преодоление последствий террористических актов и т.д.

Практикующие исследователи убедились в том, что невозможно эффективно решать стоящие перед ними задачи, не привлекая либо знания, накопленные в других науках, либо представителей соответствующих научных дисциплин для совместных исследований. По какому мнению, взаимное взаимодействие психологической науки и общественной практики в последние десятилетия привело психологов к особенно острой необходимости междисциплинарных исследований. Общественная потребность решать возникающие практические задачи фактически «подталкивает» психологов к организации таких исследований.

Но важен далеко не только **практический фактор**. Следует учитывать, во-вторых, что внутреннее развитие самой психологической науки уже обеспечило такое состояние и уровень знания, при которых психологи сами могут предлагать представителям смежных наук апробированные принципы и способы решения актуальных комплексных проблем в целом или их отдельных аспектов, стимулируя тем самым

междисциплинарные исследования. Это **внутренний фактор** междисциплинарности в психологии. Потребность обращения к другим наукам является результатом внутренних закономерностей развития психологии и тем самым характеризует ее современный этап и состояние.

В-первых, аналогичная картина сложилась и во многих других науках: медицинской, педагогической, экономической, социологической, политической и т.д. Представители этих дисциплин хорошо осознают, что парадигм самостоятельного (в смысле автономного) и самодостаточного развития науки имеет явные ограничения. Именно в перечисленных и ряде других научных дисциплин возникла острая потребность в психологических знаниях, крайне необходимых для понимания и решения многих типичных для них проблем. Этот фактор, по сути, может быть назван **внешним**.

В контексте рассмотрения обозначенного выше вопроса следует сказать о главном: сама проблема психического изначально является междисциплинарной. В ее исследовании у психологической науки нет и не может быть монополии: феномен психики по своей объективной природе предполагает междисциплинарность его изучения. Среди важнейших наук, изучающих психику и поведение, сегодня должны быть названы, по крайней мере, гистология, нейрофизиология, этология, философия, социальные науки, психиатрия и многие другие. Такое положение во многом определяло стремление психологов к организации междисциплинарных исследований и к привлечению для участия в них представителей других специальностей. Реализация принципа междисциплинарности нередко, а иногда и даже незаметно для самих исследователей, постепенно становилась одним из критериев оценки уровней фундаментальности, масштабности и современности того или иного исследования, причем независимо от отрасли науки.

ОСНОВНЫЕ УРОВНИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

В психологической науке междисциплинарность реализуется в исследованиях нескольких, как минимум, трех уровней. Первый — **внутрипсихологической** — подразумевает исследования тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей. Учитывая, что только отраслей психологии в настоящее время насчитывается свыше сотни, можно с уверенностью утверждать:

междисциплинарные исследования внутриспихологического уровня в настоящее время уже стали нормой. Более того, именно они во многом определяют современное развитие психологической науки, порождая многочисленные промежуточные подотрасли, фактически ставшие зонами наиболее интенсивной разработки и накопления новых психологических знаний. Внутриспихологический уровень, в свою очередь, может быть разделен на два подуровня. Во-первых, это отраслевой, а точнее, внутритраслевой уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии. Во-вторых, это межотраслевой уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии. Если для примера проанализировать реально существующие «пограничные зоны» исследований в рамках лишь одной психологической отрасли — социальной психологии — с другими, также психологическими отраслями, то можно уже сегодня выделить более десятка сложившихся подотраслей: социопсихология, социально-психическая, социально-экономическая, социально-экологическая психология, социальная психология труда и управления, социальная психология личности, социально-педагогическая психология, социальная психология искусства, социальная психология спорта и т.д. Такая же тенденция характеризует современное развитие практически каждой традиционной отрасли психологии.

Предложенная дифференциация внутриспихологического уровня междисциплинарных исследований на внутри- и межотраслевую междисциплинарность позволяет поставить, с одной стороны, относительно частный вопрос о правомерности выделения отраслевого подуровня внутриспихологической междисциплинарности, а с другой — более общий и актуальный вопрос о критериях (или основаниях) квалификации тех или иных исследований как междисциплинарных. Обязательным ли их условием является наличие разных научных дисциплин, отраслей, на перескакивающих границы которых выполняются исследования, или они могут пониматься более широко как синтезирование, интеграция разных подходов, научных направлений, проблем и т.д., в том числе и в рамках одной и той же отрасли психологии? Пока этот вопрос остается в числе дискуссионных.

Новым свидетельством распространённости междисциплинарных исследований внутриспихологического уровня являются также часто возникающие перед Учеными советами трудности, связанные с отнесением диссертационных работ к одной из психологических специальностей, утвержденных ВАКом РФ. И хотя сам перечень

специальностей регулярно пересматривается и делается более современным, трудности от этого не исчезают. Принципиальная сложность состоит в том, что идеи многих исследований рождаются именно на границах разных специальностей.

В настоящее время большой интерес вызывает вопрос о перспективах развития междисциплинарных исследований внутрипсихологического уровня, причем не только очевидных, закономерно ожидаемых, явно переставшихся психологических проблем, научных направлений, дисциплин или отраслей, но и не столь очевидных или совсем неожиданных.

- Первое, что стоит отметить, — это постепенное формирование **социальной психофизики** и развитие соответствующих исследований — этот процесс является неизбежным, так как естественная среда, психофизика восприятия которой сегодня активно изучается в ИП РАН, включает в себя важнейшие социальные компоненты. Поэтому после того, как сделан шаг в развитии психофизики восприятия естественной среды, закономерным становится интеграция психофизических и социально-психологических исследований. Социальная психофизика уже сегодня фактически включает в себя кросскультурные психофизические исследования и имеет серьезные перспективы развития наряду с классической и субъективной психофизикой.
- Второе, что заслуживает серьезного внимания психологов, — это активное формирование смежных дисциплин на границах современной психофизиологии с другими и психологическими, и непсихологическими отраслями, особенно в связи с использованием методов картирования активности мозга и переходом к **нейрофизиологическому** анализу поведения, в том числе групповых его форм, в естественной среде. Так, интеграция нейронаук и психофизиологии, с одной стороны, и социальной и когнитивной психологии, с другой — способствует формированию, в узком значении, **социальной психофизиологии**, а в более широком — **социально-когнитивной нейронауки**. Интеграция психофизиологии и экономической психологии в исследовании психофизиологических основ экономического поведения позволяет подойти к формированию **социально-экономической психофизиологии** как научного направления и т.д.

Сегодня никого из специалистов уже не удивляет и тем более не шокирует перечисленные и многие другие междисциплинарные формы интеграции теоретических подходов, методов исследования, научных дисциплин и отраслей науки.

Говоря о втором – **высшемехнологическом** – уровне междисциплинарности, подразумевают исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией, наукой управления, политологией, этнологией и т.д. Здесь перечислены лишь те науки, с представителями которых сотрудники Института психологии РАН ведут совместные междисциплинарные исследования в таких отраслях психологии, как инженерная психология и психолингвистика, организационная психология и психология управления, социальная, историческая, политическая, экономическая и этническая психология, психофизиология, психоэкология, или психоэкология, психодетекция, онкология и др., сформировавшихся именно на соответствующих границах с вышеназванными науками.

В этой связи возникает закономерный вопрос о том, в каких же направлениях целесообразно развивать в дальнейшем междисциплинарные исследования высшегоехнологического уровня? Ответ вытекает из наличия относительных «белых пятен» на границах психологии с другими соцо-гуманитарными науками, прежде всего, с этникой, культурологией и регионалистикой (или регионоведением). Научный статус только формирующаяся этнической психологии (или психологии нравственности) и культурологии по-прежнему остается сложным, требующим глубокого и специального анализа, поэтому данный вопрос целесообразно рассмотреть в другом научном контексте.

Сейчас же очень важно сказать об острой необходимости развивать так называемую **региональную психологию**. И если современная этническая психология развивается уже достаточно хорошими темпами, то психологические исследования, учитывающие региональный фактор как основной, по-прежнему остаются редкими. Причем такое состояние региональной психологии имеет место на фоне чрезвычайно быстрого развития регионоведения и регионалистики – междисциплинарных научно-практических направлений, в разработку которых сегодня включены историки, экономисты, филологи, социологи, политологи и специалисты других соцо-гуманитарных наук, но явно в недостаточной степени – психологи.

В связи с развитием междисциплинарных исследований высшегоехнологического уровня необходимо отметить и постоянно расту-

щую востребованность психологического знания представителями многих смежных наук, особенно при разработке комплексных проблем человека и отдельных социальных групп, а в последние годы – и общества в целом. Именно для обозначения этой тенденции целесообразно использовать понятие «междисциплинарная релевантность» психологической науки и говорить о возрастании этой релевантности, что в целом нужно оценить позитивно, хотя и здесь возникает непростые вопросы, требующие дальнейшего системного обсуждения.

Необходимо обратить внимание и на третий уровень междисциплинарности, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью «внедрились» в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специализациями (в этом принципиальное отличие психологии). Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (вешхология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность. Четыре отрасли – это, несомненно, уже закономерность, которая утвердилась в качестве таковой за последние два десятилетия. И перспектива состоит в том, что выделенная тенденция будет развиваться и нарастать.

В настоящее время подобная картина начинает складываться и в экономической психологии, основные направления и проблемы которой интенсивно развиваются в структуре не только психологической, но и экономической науки под специфическим названием «поведенческая экономика». Об этом свидетельствуют читаемые психологами или экономистами спецкурсы по экономической психологии (или поведенческой экономике) на экономических факультетах, подготовленные экономистами содержательные учебные пособия по экономической психологии, регулярно вызывающие интерес как у психологов, так и у экономистов научно-практические конференции на базе учреждений экономического профиля (например, Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, Байкальского университета экономики и права и др.), а главное – выполняемые экономистами научно-исследовательские работы и публикуемые ими научные труды по экономической психологии.

Если же говорить об экономической науке на Западе, то в ее структуре сформировалась и достаточно успешно функционирует так называемая «биэкономическая экономика», представляющая собой

гуманитарно, но, прежде всего, психологически ориентированную отрасль экономической науки, тесно интегрированную (формально и содержательно) с экономической психологией как структурной составляющей психологической науки.

Обобщенная тенденция развития психологической науки требует дополнительных комментариев. Развитие различных отраслей психологии в качестве специальностей в рамках других наук, во-первых, следует рассматривать, как специфическую форму интеграции психологии с другими соответствующими науками, которая неизбежно приводит их к взаимному обогащению новыми знаниями. То есть фактически необходимо выделить третий, характерный для психологии, уровень реализации принципа междисциплинарности в исследованиях. В соответствии с логикой обозначения предыдущих двух уровней его можно было бы, но лишь условно, назвать «**психологическим**».

Во-вторых, опыт становления четырех названных выше отраслей психологии показал, что психологи не только не возражали и не противодействовали этой тенденции, но, наоборот, проявляли большую заинтересованность и реально способствовали процессам, достигшимся еще в конце 70-х – начале 80-х годов XX в. Хорошо известно, что руководители и сотрудники Института психологии АН СССР – Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов, В.Ф. Рубинин, Е.В. Шорохова и др. – принимали непосредственное участие в формировании инженерной, социальной и клинической психологии в структурах соответственно технических, социальных и медицинских наук. Сегодня, когда при принятии решений по любым вопросам, связанным с организацией и развитием науки, приходится учитывать финансовые расчеты, такую форму «дополнительного», «психологического» становления и функционирования разных отраслей психологии можно квалифицировать как чрезвычайно экономичный вариант их развития с высоким для психологии КПД.

В-третьих, возможен в принципе аналогичный, хотя по сути обратный процесс, когда конкретная и актуальная отрасль (или специальность) другой науки могла бы развиваться в психологии и стать ее структурной составляющей. Если говорить не о будущем, а о сегодняшнем состоянии, то такой вариант «двойного» функционирования мог бы реализоваться, например, в случае языкознания, возникшей и развивающейся в недрах медицинской науки. Однако о сложностях и даже острых дискуссиях вокруг занятий психологов психотерапевтической практикой очень хорошо известно. Противодействие

в этом вопросе со стороны специалистов медицинского профиля столь велика, что он практически не решается. Хотя справедливости ради нужно сказать, что сами психологи не пытались при этом принципиально пересмотреть программы своей профессиональной подготовки, чтобы быть готовыми, хотя бы в какой-то степени, профессионально заниматься научными исследованиями и практиковать в области психотерапии. При таком положении дел совершенно естественно, что психологами разрабатываются и применяются на практике психологические (а не психотерапевтические) воздействия, помощь, коррекция, консультирование и т.п.

В настоящее время в качестве специальности, имеющей «двойной статус», могла бы развиваться и другая медицинская область знания — психосоматика. С одной стороны, она является специфической областью психоневрологии, поэтому совершенно естественно развивается как отрасль медицинской науки и практики, а с другой — изучает многообразные психосоматические явления, характерные для нормы, чем всегда продуктивно занимались психологи. В будущем возможно, скорее всего, выйдутся, реальностью станет «симметричное» развитие в психологической науке некоторых отраслей других, близких ей дисциплин, и не только медицинских.

Выделяя три основных уровня реализации принципа междисциплинарности в психологической науке, необходимо осознать возможность более тонкой дифференциации и, соответственно, выделения значительно большего их числа, что частично уже было реализовано выше, однако в рамках предварительного рассмотрения продолжать это в данной работе мы считаем целесообразным.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Хорошо известно, чтобы выбрать перспективные пути развития психологической науки, очень полезно обратиться к ее истории. Поэтому адекватно относиться, в частности, к междисциплинарным исследованиям в психологии — означает всесторонне учитывать накопленный исторический опыт. Несомненно, история отечественной психологии чрезвычайно богата традициями междисциплинарных исследований, заслуживающими отдельного анализа. Не претендуя на полноту рассмотрения, ниже приведем несколько, по нашему мнению, наиболее ярких

примером успешного продвижения психологической науки, основанного на организации тесной междисциплинарных исследований.

Первым, без сомнения, должен быть назван В.М. Бехтерев: психиатр и психоневролог, невропатолог и, конечно же, психолог, успешно занимавшийся общей и экспериментальной, клинической и социальной психологией, психологией личности и психофизиологией и др. Междисциплинарность изначально выступала неотъемлемой, существенной характеристикой его исследований, однако наиболее ярко она проявилась в первой четверти XX в. В.М. Бехтерева можно было бы назвать специалистом по всестороннему изучению человека, при этом имея в виду предельно широкий диапазон его исследований: от анализа физиологических механизмов деятельности мозга до рассмотрения нравственных регуляторов поведения человека. В этом контексте уместно вспомнить факт уже современной истории, связанный с В.М. Бехтеревым. Именно психологи (наибольший вклад внес Б.Ф. Лозов) смогли обосновать и добиться утверждения медали имени В.М. Бехтерева в Российской академии наук за особо значимые результаты научных исследований человека и, прежде всего, психологических исследований. Первая такая медаль была присуждена выдающемуся психологу, сотруднику Института психологии РАН Я.А. Пономареву за цикл исследований по психологии творчества, однако она оказалась для психологов и последней, так как усилиями авторитетных физиологов данная медаль была передана «ведомству» физиологической науки. И одним из обоснований служило то, что В.М. Бехтерев — выдающийся физиолог. Такое решение во многом было административным, так как «разделить» крупного ученого между психологией и физиологией и определить, кем он являлся в большей мере — психологом или физиологом, невозможно, ибо вся его профессиональная деятельность была, по сути, глубоко междисциплинарной.

Другой хорошо известный исторический пример — это комплексные исследования человека, выполненные большим научным коллективом под руководством Б.Г. Ананьева в 60-е — начале 70-х годов XX в. Программа его работы, наряду с основной психологической частью, включала анализ даже антропологических и биохимических характеристик человека, не говоря уже о регистрации физиологических и других переменных, традиционных для психофизиологических исследований того времени. Комплексность исследований понималась, прежде всего, как объединение, интегрирование данных о человеке, полученных с помощью взаимодополняющих методов из разных отраслей психологии, а также различных научных дисциплин, и уста-

повлечении закономерных взаимосвязей. Его главная работа «Человек как предмет познания» отражает, пожалуй, не только наиболее полную для своего времени совокупность знаний о человеке, но и содержит завершающую систему представлений о нем, основанную на междисциплинарных исследованиях.

Третий пример связан с историей создания и становления Института психологии РАН и научной деятельностью его организатора и первого директора (1971–1989 гг.), члена-корреспондента АН СССР, профессора Б.Ф. Ломова. Самые первые проекты организации ИП АН СССР провозгласили научно-исследовательскую деятельность и административно-организационную структуру этого учреждения разрабатывались им для проведения комплексных, междисциплинарных, многосторонних исследований психических явлений. Именно с этой целью в ИП АН СССР приглашались для работы представители различных наук: философии, математики, физиологии, технических, медицинских, социальных дисциплин и др.; создавались целые научные подразделения, призванные разрабатывать именно конкретные, междисциплинарные проблемы (лаборатории психофизики, психофизиологии, нейрофизиологических основ психики, математической, инженерной, социальной, исторической психологии, психолингвистики и т.д.). Здесь, безусловно, сказались существенное влияние научных школ В.М. Бехтерева и Б.Е. Ананьева. Первоначально результаты научных исследований ИП АН СССР представляли собой огромную совокупность интересных, но разнородных данных о психике человека, поэтому главная роль системного подхода в психологии, обоснованного и разработанного Б.Ф. Ломовым в середине 1970-х годов, заключалась в интеграции разнородного и разнородящего научного знания о психическом, причем не только психологического, но и полученного другими науками, включившими психику. История научной деятельности ИП АН СССР (а позднее ИП РАН) убедительно показала, что именно комплексный и системный подходы позволили создать и развить современную систему научных представлений о психике человека, построенную на основе ее междисциплинарных исследований.

В 1990-е годы и на рубеже XXI в. историческая преемственность проявилась в деятельности научного коллектива ИП РАН, руководимого членом-корреспондентом РАН, профессором А.В. Брушлинским. В этот период, во-первых, устойчиво развивались междисциплинарные связи психологии с целым рядом социальных и гуманитарных наук: философией, правом, социологией, филологией, этикой, психологией, этнологией, экономической наукой и др. А во-вторых, историческая

преимущественно, истово, обнаружилась в научной деятельности философско-психологической школы С.Л. Рубинштейна, наиболее активно работавшими учениками и последователями которой были А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Е.В. Шорохова, а в настоящее время ее яркими представителями являются К.А. Абульханова и Л.И. Анцыферова. Субъективный (субъектно-деятельностный) подход (принцип, теория) в психологии, условно развивавшийся А.В. Брушлинским, а в настоящее время разработанный К.А. Абульхановой, безусловно, характеризуется комплексностью и системностью и основан, в свою очередь, на междисциплинарных знаниях о психическом. Становление и развитие этого подхода строится на постоянном сопоставлении фактов, полученных в психологических исследованиях, с данными, полученными в области математики, кибернетики, логики, лингвистики, этики и, конечно же, философии. Учитывая историю развития научных исследований в Институте психологии РАН, закономерю, что многие его сотрудники выступили организаторами научной конференции по обсуждению современного состояния междисциплинарных исследований в психологической науке («Психология: современные направления междисциплинарных исследований», октябрь 2002 г.).

Междисциплинарность как характерное качество психологических исследований во многом определяется самим положением психологии в современной системе наук. Примечательным является то, что и сами психологи (например, Б.Г. Ананьев, Ж. Пиаже и др.), и специалисты по методологии науки (Б.М. Кедров) высказывали согласованное мнение: психология занимает **центральное место** в системе научного знания, исходя из пересечения естественных, технических, общественных и гуманитарных наук. Можно утверждать, что сам характер психологии как науки, призванной изучать психику, предрасполагает ее к организации междисциплинарных исследований психического — в этом состоит **атрибутивная междисциплинарность** психологической науки как неотъемлемо ей принадлежащий, сущностный ее признак. Поэтому совершенно не случаен факт систематического приглашения ее профессиональных рядов специалистами из других наук, как бы к этому ни относиться. Известно в психологии становится возможным выделение этими специалистами соответствующих психологических проблем для исследования, которые, как показывает история психологии, не могли бы столь успешно разрабатываться «чистыми» психологами. Атрибутивной междисциплинарностью исследований психики объясняется тот исторический факт, что в психологии продуктивно работали клиницисты и физиологи, философы и историки, математики и физики,

исследоваться и представляли интереса других наук. Эта же тенденция остается во многом характерной и для современной психологии, несмотря на «необходимо» выпускников психологических факультетов.

Интерес к междисциплинарным, как и к любым другим научным исследованиям, характеризуется выраженной динамикой, поэтому его снижение — такой же естественный процесс, как и возрастание. Еще более динамично сменяется приоритет различных наук по организации междисциплинарных исследований. Причины же подобных явлений можно выделить достаточно много, причем в разные исторические периоды развития науки они, как правило, различаются, и даже принципиально. Однако это специальный науковедческий вопрос, на котором мы не имеем возможности остановиться подробно.

РОЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ ПСИХИКИ

Многочисленные попытки познать природу психического привели психологов к осознанию необходимости решения как минимум трех фундаментальных проблем: психофизической, психофизиологической и психосоциальной. Это же и основные направления научного анализа психики, составляющие, по В.Ф. Ломову, систему ее измерений.

Решение психофизической проблемы направлено на выяснение специфики отношения психического, носителем которого является конкретный человек, к внешнему, отражаемому им предметному миру, окружающим его материальным объектам. Анализ психофизиологической проблемы возводит новую отношение психического к физиологическому, прежде всего — деятельности нервной системы в целом, мозга, его форм, рассматриваемых классической психологией в качестве «материального субстрата психики». Решение же психо-социальной проблемы направлено на изучение отношения психического к общественной жизни конкретного человека и социальных групп во всем ее многообразии, хотя прежде всего изучается включенность человека в общественно-трудовую и иные виды деятельности, в многочисленные группы, его взаимодействие с другими людьми, составляющие в целом образ жизни человека. Здесь уместно отметить, что в последние годы в общей и социальной психологии для обозначения широкого спектра социальных форм активности человека стало все чаще использоваться понятие «жизнедеятельность».

Три перечисленные выше аспекта в исследовании природы психического хорошо известны психологам, однако из профессионального осознания и специального анализа в истории психологии имеют принципиально разную продолжительность. Если психофизиологическая и психофизиологическая проблемы выдвинулись для психологии классическими, традиционными и характерными для рассмотрения природы психического еще в доэкспериментальные периоды ее развития, то психосоциальная проблема фактически была поставлена лишь в первой половине 30-х годов XX в. Л.С. Выготским и С.Л. Рубинштейном, хотя и сформулирована каждым из них в разных терминах. Поэтому в настоящее время сравнительно хорошо отрафлексированы, а в теоретическом плане довольно непротиворечно настроены и имеют богатую экспериментальную основу пока лишь две проблемы: психофизиологическая и психофизиологическая. Психосоциальная же проблема имеет сегодня не просто большую, но, можно сказать, чрезвычайно острую актуальность в исследовании современного человека. Механизмы реализации личности, процессы решения задач субъектом деятельности, многообразные психические процессы и состояния в целом функционируют в разного рода социальных средах и испытывают их реальное влияние. Продолжаться в познании механизмов взаимодействия психического и социального — это и означает конкретно решать психосоциальную проблему. Скорее всего, именно с ее продуктивным решением может быть связано принципиальное изменение места психологической науки в современном противоречиво изменяющемся обществе и в первую очередь — рост ее востребованности. В решении же этой невероятно сложной проблемы психологам целесообразно научиться учитывать общую направленность развития социального в современном мире, новые формы социальной интеграции и дифференциации разных людей и их общностей, формирование новых социальных процессов, состояний и свойств, а также социально-психологических типов современного человека в целом и т.д.

Однако с уверенностью можно утверждать, что даже решение всех трех классически для психологии проблем не приведет к полному или хотя бы приемлемому для оставившего времени пониманию природы психического. С этой целью наряду с ними крайне важно интенсивно разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например психоэволюционной, психогисторической, психогенетической, психоморфологической и т.д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными и выделенными выше проблемами. С некоторой вероятностью можно предположить,

что в перспективе названные и некоторые другие (например, психо-лингвистическая) проблемы станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического. Справедливо будет отметить, что и сами перечисленные проблемы, в свою очередь, чрезвычайно неравномерно разработаны в современной психологии. И если по психофизиологическому, психоисторическому и тем более психоэволюционному направлениям имеются достаточно крупные и фундаментальные работы, то психоморфологическая и психолингвистическая проблематики только начинают разрабатываться.

В контексте рассматриваемого нами вопроса необходимо подчеркнуть следующее: решение перечисленных проблем с целью понимания природы психического предполагает обязательное обращение к тем реалиям, которые исследуются другими науками, в частности, физикой, физиологией, общественными науками, биологией, гистологией, морфологией, химией, соматологией и т.д. Это означает, что для того, чтобы изучать природу психического, психологам необходимо выходить за пределы его непосредственного носителя. По аналогии здесь используется содержание одного из положений С.Л. Рубинштейна о том, что «психика выходит за пределы внутриорганизмических отношений» (Основы общей психологии. М., 1940, с. 15). Важно подчеркнуть, что, делая это, психологи неизбежно оказываются в междисциплинарной зоне исследований. Но оправдан ли такой подход в теоретическом плане, не подразумевает ли это некую обреченность психологической науки на междисциплинарные исследования?

Чтобы попытаться ответить на возникающие в связи с этим вопросы, обратимся вначале к исследованиям ключевых для психологии феноменов и, соответственно, использованию основных ее понятий. Остановимся на базовых понятиях, которые обычно просят назвать научные журналы и фонды для обозначения «предметного поля» исследования. Это – человек, сознание, бессознательное, личность, личность, субъект, индивидуальность, группа, активность, взаимодействие, жизнедеятельность, поведение, деятельность, общение, страдание, отношения, переживания. Конечно, данный список можно сократить или, наоборот, дополнить, однако в этом ряду нет ни одного понятия, которое разрабатывалось бы только психологической наукой. Более того, создается впечатление (это очень трудно строго проверить), что чем важнее некий феномен или понятие для психологии, тем большее число смежных наук их исследует, разрабатывают и используют. Это справедливо для понятий человек, сознание, личность, субъекта, активности, деятельности, поведения и некоторых других.

В связи с этим естественным образом возникают несколько вариантов использования и развития содержания перечисленных и других понятий: *во-первых*, обращение психологов к данным других наук с целью сопоставления их со своими результатами; *во-вторых*, специальная организация совместных междисциплинарных исследований по согласованным с другими специалистами программам (целям, задачам, методикам и т.д.); *в-третьих*, освоение методов других наук и включение их в собственные программы исследования (здесь, так нередко используют психологические методы представители наук, близких психологии: педагоги, социологи, политологи, конфликтологи и др.). Каждый из приведенных вариантов имеет свои сильные и слабые стороны. Например, когда методы других наук берутся без приглашения их представителей к совместным исследованиям, то, как правило, это или экспресс-варианты, или более простые для освоения методы, чем реально существующие в той или иной науке, или методы, выполняющие лишь вспомогательные функции в исследовании, и т.п. Однако же в любом случае междисциплинарность становится неизбежным фактором для психологов при организации исследований важнейших психологических феноменов.

Психологическая наука фактически востребована всюду или, по меньшей мере, так должно быть при исследовании проявлений человеческого в любой сфере жизнедеятельности отдельного человека или социальной группы, включая общество и даже человечество в целом. Но нет такой сферы жизнедеятельности людей, в исследовании которой психология была бы полным «монополистом». Специфика психологии состоит не в ее избирательности в исследовании какой сферы, в которой она является единственной востребованной наукой, а в том, что психология необходима в исследовании *всех сфер*, относящихся к человеку и группам; тем самым ее предмет исследования неизбежно «перестыкается» или частично «накладывается» на предмет изучения различных естественных, технических, гуманитарных и общественных наук. Такая ситуация благоприятна для психологии и также располагает к организации междисциплинарных исследований психического.

Замысловатым, конечно, кажется поиск такого психологического феномена и, соответственно, обозначающего его понятия, разработкой которого занималась бы только психологическая наука, но пока подобный феномен не обнаружен и перспектива его выделения неопределенны — скорее всего, это какой-нибудь идеалистичный проект. В целом психологи должны быть заинтересованы в междисциплинарных исследованиях, результаты которых наиболее активно продвигают

их к более глубокому пониманию психики, а психологическая наука, как и другие дисциплины, от этого только выигрывает. Фактически происходит интегрирование разного видения, разных подходов к рассмотрению одних и тех же достаточно сложных явлений.

НЕКОТОРЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ТРУДНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Может создаться впечатление, что психология «обречена» только на междисциплинарные исследования. В этой связи необходимо остановиться как минимум на трех моментах.

Во-первых, неправильно понимать, что таковые — единственная и неизбежная форма исследований в психологической науке. Это было бы крайностью, неизбежно приводящей психологию к полному ее «растворению» в других науках, а процесс продвижения в понимании психики — в тупик. В любой науке, и психологической также, безусловно, принципиально возможны и реально существуют самые различные типы исследований. Вместе с междисциплинарными имеют место и в большинстве своем собственно психологические исследования. В контексте же данного анализа речь шла о междисциплинарных исследованиях как одной из практикуемых форм изучения психических явлений.

Во-вторых, неизбежны и издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований. Здесь мы можем отметить на них, не раскрывая подробно их содержания, например опасность разной степени редукции собственно психических явлений к тем, которые изучаются другими науками, что легко может привести к элиминированию психологии в изучении этих явлений; вмешательство в дела психологической науки со стороны представителей других наук как источника «более старшего», «более научного», «более правильно понимающего», «более опытного» и т.п. знания (исторические примеры такого вмешательства со стороны исторического материализма, научной организации труда, физиологии высшей нервной деятельности, медицинской, педагогической науки и т.п. психологам хорошо известны и их важно помнить); в условиях необходимого приспособления, неизбежной «притирки» методов разных наук утрачиваются некоторые возможности психологического исследования, личностью которых остается понятной только психологам.

В-третьих, нельзя не сказать о больших сложностях и трудностях, типичных для междисциплинарных исследований, избежать которых практически невозможно из-за самой исходной их природы. Так, например, междисциплинарные исследования всегда дают плюралистичное (в смысле множественности) знание, однако степень этой плюралистичности может быть чрезвычайно высокой, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования нередко характеризуются высокой совместностью используемых языков разных наук, а повышение уровня взаимного понимания представителей этих наук требует либо явного упрощения языков, либо занимает много времени; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности, что объективно зависит от состояния конкретной науки, при этом одни методы по различным причинам становятся главными в программе, а другие — вспомогательными и т.д. — все это приводит к получению результатов разной степени точности и важности, и многое другое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имея в виду все отмеченные и позитивные, и негативные моменты, нельзя забывать о сущности междисциплинарности в психологии как атрибутивного качества данной науки. Наряду с эффективным продвижением и пониманием своего предмета, следствием атрибутивной междисциплинарности психологии является также возможность интегрировать через общий интерес и внимание и, соответственно, через ее многоуровневые исследования, представителей самых разных наук. Таким образом в какой-то степени завоевывается и авторитет среди них, очень необходимый психологии в период заветивающегося процесса реформирования академической науки, а следовательно, и всей отечественной науки в целом. История психологии богата яркими примерами подобной интеграции, и современные психологи имеют возможность продолжать эту традицию, выходящую далеко за пределы психологии и доступную для всех областей научного знания.

Результатом специальных организационно-управленческих воздействий в форме реализации принципа междисциплинарности в организации исследований многообразных психологических явлений может стать порождение новых научных проблем в современной психологии.

ПСИХОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Т.Д. Марцинковская

Словосочетание «психология XXI в.» стало настолько привычным и даже выходящим, что в его смысл перестали вдумываться, не замечая, как за привычностью термина уходит не только его содержание, но и осознание происходящих в последние годы изменений отношения к науке, ее места в современном мире. Поиск смысла научной деятельности, роли и границ воздействия научных открытий на общественное сознание сложны как с методологической, так и с аналитической проблем, с которыми мы сталкиваемся в последние годы. Особенно важным такой анализ представляется вследствие того состояния неопределенности, которое переживает российская психология. Среди проблем, с которыми сталкивается наша наука, есть и общемировые (например, размывание границ между теорией и практикой), и специфические для отечественной психологии тенденции, связанные со все более отчетливо прослеживающимся доминированием утилитарности. Такая ориентация характеризует не только и не столько состояние науки, сколько состояние общества, опять возвращающегося к нивелированию ценности творчества и самостоятельной творческой мысли, не имеющей практического выхода.

Таким образом, сложности в осознании психологами смысла и методологических принципов своей деятельности в настоящее время во многом обусловлены как логикой развития науки, так и состоянием общества, которое само не определяет, какие задачи оно ставит в настоящее время перед психологией, чего ждет от нее. Поэтому представляется интересным сопоставить старые понятия и научные представления с социальными представлениями современного общества и его ожиданиями от науки.

Прежде всего, встает вопрос о том, насколько созвучны тенденции к междисциплинарности и постмодернизму, ясно прослеживаемые в науке в настоящее время, тем трансформациям, которые происходят сегодня в мире. Даже поверхностный анализ дает возможность

увидеть некоторые кардинальные изменения, наиболее характерные для сегодняшнего дня. Новой эпохе, в частности, свойственны такие черты, как глобализация, серьезные межэтнические и межконфессиональные конфликты, представления о универсальности и активности людей в конструировании окружающего мира, ярко выраженное состояние неопределенности в понимании целей и направления развития общества. Неоднозначность мира и его образа в сознании людей разной ментальности, образования и социальной принадлежности может и само представление о межличностных и межгрупповых отношениях и attractiveness партнеров, проблематизируя или, напротив, упрощая контакты с людьми другой культуры. Попробуем представить, как это может сказаться на развитии науки.

Проявления глобализации сказываются не только на экономике и политике, они затрагивают все стороны взаимодействия разных культур — от обмена технологиями и совместных научных разработок до смешанных браков. Существенное влияние оказывают эти процессы и на восприятие людьми окружающего пространства, которое начинает ощущаться как сферное, а сама Земля — как небольшая планета, расстояние между разными точками на которой совсем не так велико, как казалось прежде. Естественно, это не может не проявиться в представлениях об окружающем мире. Если в прежние века время и пространство казались людям бесконечными, ведь жизнь вечна, а земля — огромна и обойти ее невозможно, то сегодня люди понимают как быстротечность и ограниченность жизни, так и легкость перемещения в пространстве. Это придает другую ценность жизни, а также создает необходимость принятия факта существования других людей и других культур. Увеличение миграции также приводит к необходимости межличностного взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, поэтому огромное значение приобретает анализ причин дезадаптации людей к новым условиям жизни, восприятие или пассивное отторжение той культуры, тех традиций, которые являются жизненными для нового социального окружения.

В то же время, взаимодействие людей, имеющих разную ментальность, разные языки, разные ценности приводит к необходимости осознания и на бытовом, и на научном уровне относительности наших представлений об истине, о том, «что такое хорошо, а что такое плохо». Важной становится оценка одной и той же позиции с разных точек зрения, в разных подходах и разных науках. Таким образом, междисциплинарность, полипарадигмальность и постмодернизм, о которых говорили методологи, не являются совершенно абстракт-

твыми понятиями, эти тенденции продиктованы не только научными вычислениями, но и самой жизнью.

Особую актуальность такой поиск разных подходов и преодоление границ между ними приобретает для психологии личности. В исследовании проблемы личности в психологии складается, сталкиваясь и соединяясь между собой в своеобразный «коллек», несколько философских и психологических концепций, ведущими из которых, на мой взгляд, является экзистенциальная философия и гуманистическая психология, психологии деятельности А.Н. Леонтьева и культурно-историческая парадигма в разных ее вариантах (А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский). При этом основными точками соприкосновения здесь становятся понятия бытия, значения и смысла.

Если Леонтьев писал о важности общественной (социальной) практики, рефлексия которой создает значения и смыслы, формирующие сознание личности, то Э. Буссерль и Г. Шпет рассматривали феномены сознания, связанные с разными видами бытия. Так, Шпет говорил о том, что существует несколько видов бытия – бытие природное, которого, как он считал, не существует в чистом виде, бытие культурное и бытие отвлеченное (среднее между логически отвлеченным и эмпирически данным). На самом деле, утверждал Шпет, окружающая нас действительность является в первую очередь не природной, а социальной, исторической, культурной. Поэтому все виды бытия соединяются в бытии социальном, которое отражает в мысли человека, и реальные предметы, и предметы творческого воображения. Доказывая это, он приводил в пример любую вещь, которая несет на себе отпечаток различных видов бытия – их естественность есть весьма условная часть действительного целого и абстракция от конкретного. Мне представляется, что именно этот подход не только открывает широкие перспективы исследования социализации человека, присвоения им в процессе деятельности продуктов (реальных и идеальных) общественной практики, но и помогает преодолеть натуралистическую позицию в психологии личности и найти для нее место между субъектом и духовным миром, соотнести внутреннее содержание, присущее только личности, с миром культуры. Шпет считал, что человечество в процессе своего развития создает новый мир, социально-культурный, существующий помимо мира природного. И именно этот мир и является целью социального сознания, и процесс, в результате которого превращает человека в социально-культурного субъекта, а его поведение из естественного трансформируется в поведение, имеющее определенный социальный смысл. Таким образом,

социальное бытие человека превращает его в социальную личность, поведение которой служит определенным знаком для других людей и одновременно для него самого.

Постижение объективного (значения) и субъективного (смысла) содержания знаков, происходящее в процессе социального познания, ставит вопрос о той картине, образе мира, который возникает в сознании человека. Многочисленные исследования, проводимые в разных научных школах, показали многомерность этой картины, в которой, как в гениальной инсталляции, уживаются и дополняют друг друга различные представления, порожденные разными видами бытия. Целостность этой системы представлений, являющаяся важнейшим условием ее существования, доказывается не только работами А.Н. Леонтьева, но и материалами Э. Эриксона, С. Московичи и др. Однако вопрос о том, что же лежит в основе этой целостности, остается открытым. В этом плане представляется, что марксистская концепция Э. Дуссерля для психологии все еще не получила достаточной оценки, в частности, его идеи о существовании априорных постулатов, относящихся к внешнему миру и существующих до всякого, в том числе и научных, эмпирических ценностей. Не умаляя научного знания, эти постулаты структурируют его, позволяя создать из опытных данных о психических феноменах целостную систему. Феноменологическая редукция здесь имеет значение не только для структурирования информации, получаемой из внешнего мира, что было показано еще в работах гештальтпсихологов (частично – в работах Дж. Гибсона), но и для структурирования смыслов, в том числе для понимания себя и смысла своего существования мире.

Именно идея смысла есть некоторое связующее звено, позволяющее перебросить мостик от Э. Дуссерля к другим авторам, в том числе и к концепции значения и смысла А.Н. Леонтьева. Говоря о значимом мире и развитии представлений о нем, Э. Дуссерль подчеркивал, что предмет есть, а смысл – значит. Эта позиция дает возможность соответствия нескольким пластам бытия, в том числе: значение и смысл предмета (что отсылает нас к работам А.Н. Леонтьева), значение и представление, внутренняя форма предмета (что отсылает к Г.Г. Шпету).

Благодаря феноменологической редукции для нас открывается идеальное бытие, но есть еще и реальное бытие вещи, которое часто существенно отличается и от естественного, и от идеального бытия. Ведь любая вещь несет на себе отпечаток различных видов бытия (абсолютного, трансцендентного, социального, природного и т.д.), и их естественность есть весьма условная часть действительности. Значи-

ние — это и есть тот исток, тот аксиоматичный момент, который дает нам в виде общего понятия истину об объекте. Погружение в суть предмета, при всем эмпирическом понимании его субъективности, предполагает в объективное познание. А эмпирический опыт, накопленный на это знание, придает ему личностный смысл, причем именно в том плане, какой вносится в это понятие А.Н. Леонтьевым, тем самым связывая несколько пластов нашего бытия в единое целое. В то же время опыт человека носит не только личностный, но и надличностный характер, а потому появляется еще и идеальное представление, внутренняя форма предмета, которая складывает его эмоционально уже не с личным, но культурным опытом.

Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить такую — совсем без содействия, взаимодействия с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими. Ведь именно в процессе коммуникации люди передают друг другу как знания, так и свои смыслы, часто бессознательно путая одно с другим.

Хотелось бы обратить внимание еще на один пласт проблем, актуализирующая тенденция, развиваемые постсоветской психологией. Глубокие изменения социальной ситуации, ценностных ориентаций и нормативов, преобладающих в идеологии современного (и не только российского) общества, нарушили его стабильность и снизили уровень укорененности и социализированности людей. Современное общество ставит перед человеком большое количество сложных, неоднозначных жизненных ситуаций, требующих осознанного и адекватного выбора. В то же время у многих людей нет понимания ценности своих социальных представлений, нет умения отделять эмоциональные отношения от рационального взаимодействия. Поэтому подходы, раскрывающие ранее содержательные накопленные дискурсы при различных межличностных дистанциях и разных позициях партнеров, являются крайне актуальными. Тревожным является и выходящее во многих исследованных стремление людей к включению этических установок при проблематизации ситуаций, возникающих в межличностном взаимодействии. Возможно, что данная стратегия поведения играет роль своего рода копинга, защиты, помогаая человеку рационализировать проблему и доказать самому себе, что стереотипы и нормы поведения, принятые в его культуре, лучше, чем в культуре партнера. При этом возникает вопрос: не мешает ли такое включение моральной оценки социализации человека в иной культурной среде?

Настраиваемость, текучесть, каковы бы ни были бытовые представления, истоки которых коренятся в бессознательном, в архетипах, обусловила необходимость поиска человеком в себе тех внутренних, духовных способностей, которые помогут ему противостоять давлению среды, кардинальным социальным, экономическим, идеологическим изменениям, способным нарушить (и даже разрушить) его целостность, идентичность, его понимание окружающего мира и самого себя. Символично, что на рубеже XX–XXI вв. вновь, как и столетие назад, приобретает актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического бытия, границ и способов влияния культуры на личность. Это связано с тем, что формирование идентичности начинает происходить уже преимущественно не на основе социальной, но на основе национальной составляющей. При этом крайне важно, чтобы образующей этой идентичности стала национальная культура, а не родовая принадлежность.

Процесс вхождения в определенную социальную действительность предполагает понимание особенностей этой действительности, принятие ее норм и ценностей в качестве собственных идеалов и установок. Однако, в отличие от социальной адаптации, социализация предполагает не только пассивное принятие определенных норм и правил поведения, но и их активное использование, т.е. выработку человеком определенных знаний и умений и их адекватное применение в данной социальной действительности. Именно этот аспект социализации, связанный с выработкой активной позиции, со стремлением самоактуализироваться именно в этой действительности, несмотря ни на какие препятствия, вызывает наибольшие сложности.

Индивидуальные поиски новых эталонов, наиболее оптимальных способов социализации в новой действительности часто приводят к появлению неадекватных для современной ситуации идеалов и норм, заимствованных при обращении или к прошлому нашей страны (как к советскому, так и дореволюционному), или к опыту других стран. Поиски эталонов, идентификации с которыми даст возможность осознать и свою собственную ценность, и ценность и уникальность собственной страны, необходимо и для успешного формирования идентичности, и для успешной самореализации. Они обуславливают тот значительный всплеск интереса к истории, который отразился в большом количестве выпускаемых в последнее время исторических хроник, мемуаров, беллетристических произведений, кино- и телефильмов, созданных на основе исторических фактов. Так люди пытаются «восстановить связь времени», воссоздавая

как индивидуальную, так и социальную идентичность, утраченную в последние годы.

Культура и, особенно, искусство, остаются неизменными даже тогда, когда меняются быт, мировоззрение, политические и структурные аспекты социальной адаптации человека. Поэтому инкультурация обеспечивает уверенность и устойчивость, необходимые в сегодняшней жизни, которая многими воспринимается как разломанная, неопределенная. Национальная культура, в случае успешной инкультурации, эмоционально воспринимается как единое целое. Однако для этого человеку необходимо оставить связь культуры в разные периоды российской истории – дореволюционной, дореволюционной, советской и современной, а также выделить определенных исторических персонажей (ученых, художников, политических деятелей), через эмоциональную идентификацию с которыми могут быть сформированы разные структуры самосознания (национальное, правовое, личное). Так формируется одна из важнейших составляющих структуры самосознания личности – «Я – культурный человек».

Идея культуры как фундамента социализации важна и потому, что нарушение идентичности, связанное, прежде всего, с переменной ценностями, в том числе и ценности своей жизни, увеличивает напряженность, фрустрированность людей. Такое психоэмоциональное состояние мешает восприятию нового, в том числе новых идей и новых форм активной деятельности, которые ощущаются как «эмоциональная перетрутка», а потому либо не воспринимаются, либо агрессивно отторгаются. Подчеркивание связи с когнитивным прошлым опытом, с культурой дает возможность снять этот барьер или снизить его значение. При этом формирование идентичности на основе культурной, а не национальной составляющей дает возможность расширить границы восприятия, преодолеть узкие этнические стереотипы. Междисциплинарная культура, в которой связываются всеядно многие аспекты действительности, разорванные в отдельных областях знания, идеально подходит для многомерного и сложно организованного мира, которым является современное общество. В междисциплинарном и, шире, в межкультурном взаимодействии может быть сформировано новое понимание человека в системе многомерных взаимоотношений, которые он создает в процессе жизни. Междисциплинарный характер культуры проявляется и в том, что ее роль в процессе становления новой идентичности может анализироваться в контексте теории саморегуляции И.Р. Пригожина, так как культура может рассматриваться как фактор, структурирующий и выстраивающий

процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды.

Намеренность, текучесть, казались бы, неизбежность представлений, истоки которых коренятся в бессознательном, в архетипах, обусловила необходимость поиска человеком в себе тех внутренних, духовных способностей, которые помогут ему противостоять давлению среды, кардинальным социальным, экономическим, идеологическим изменениям, способным нарушить (и даже разрушить) его целостность, идентичность, его понимание окружающего мира и самого себя. Символично, что на рубеже XX–XXI вв. вновь, так и столетие назад, приобретает актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического бытия, границ и способов влияния культуры на личность. Это связано с тем, что формирование идентичности начинает происходить уже преимущественно не на основе социальной, но на основе национальной составляющей. При этом крайне важно, чтобы образующей этой идентичности стала национальная культура, а не родовая принадлежность.

Идея о роли пассивной активности и в переосмыслении социального мира, и в создании его образа, показывает, что в концепции образа мира, как в свое время в концепции образа дискования, необходимо перейти от менее сложной и однозначной картины к более сложной и многозначной. В свое время Н.А. Бернштейн, выделяя уровни построения дискований, подчеркивал сложность этого процесса, отличающегося от простых реакций на внешний раздражитель, так как человек не просто реагирует, отражает стимулы внешнего мира, но создает, конструирует свое поведение. По-видимому, в современной психологии также пора перейти от концепции отражения к концепции построения, конструирования образа мира в себе. Конструируемый образ мира не только субъективен, он представляет собой сложную разноразмерную систему, полностью проанализировать содержание которой можно только исходя из разных дискурсов. Таким образом, помимо иерархического строения создаваемых человеком представлений о себе и мире, можно констатировать и их отнесенность к разным областям — т.е. это уже скорее не образ, но коллаж. При этом, возможно, уместно использовать принцип взаимосвязи развития и дифференциации образов, о котором писал еще гегельменский философ, утверждая, что в процессе своего развития человек переходит от смутного образа мира ко все более четкому и дифференцированному представлению о нем.

Еще одной реальностью настоящего времени стал Интернет, который является крайне интересной моделью для исследования

в связи с тем, что в реальности социальная ситуация в значительной мере определяет не только оценку человеком своего положения в ней, но и детерминирует оценку *них* себя. В реальном мире люди часто не могут изменить ни себя, ни ситуацию, как бы она их ни устраивала, но в Интернете можно скрыться за маской, за несколькими масками, приняв разные роли и придумывая себе различные ситуации и разные биографии. Это дает возможность опробовать себя в разных ролях, которые в дальнейшем, при успехе в данном виде коммуникации, может перейти и в действительность. Так неопределенность общения в сети, накладываясь на неопределенность в личностной сфере, может стать источником положительной динамики и осознания если не себя, то хотя бы своего поведения и его причин.

В том случае, если мы уверены в возможности перестроить, переконструировать ситуацию и на этой основе выстроить будущее, снимается неопределенность этого будущего и те тревоги и опасения, которые оно несет с собой. Таким образом, конструктивистская парадигма, в рамках которой можно говорить о трансформации окружающего мира в направлении желаемых изменений, увеличивает степень предсказуемости будущего и снимает эмоциональную напряженность, связывая с проблемой неопределенности, интеллектуальную, и методическую, и метаэпистемическую, и социальную обусловленность.

Сложности в описании неопределенности при предсказании проведения объектов в определенных ситуациях существуют не только в физике, но и в естественных науках, например, в физике, где концепция неопределенности разрабатывалась еще с середины XX в. В рамках этой концепции доказывается, что фактически невозможно не только предвидеть будущее направление движения частиц, но и точно понять, какой путь они проделали в прошлом. Единственное, что объективно возможно – это увидеть полковные частицы в конкретный момент времени.

Применяя понятие неопределенности к психологии, можно говорить о том, что в современном мире причинно-следственные отношения не всегда могут стать основой понимания событий, происходящих даже в настоящее время, и тем более они не могут помочь предсказать, как будет вести себя человек в будущем, как отреагирует даже на знакомые раздражители. Все это делает даже стабильную ситуацию не совсем ясной, еще более неопределенной является новая или постоянно меняющаяся ситуация, в которой сам человек, его мысли, состояние, поведение тоже становится в большей, чем обычно, степени, неопределенными. Человек одновременно является как бы и стабильным образцом с ясной устойчивой структурой мотивов, и постоянно

меняющейся величиной в системе разнообразных отношений (и частица, и воля одновременно).

Поэтому объективизация мотивов поведения человека в ситуации неопределенности не может уже соотноситься с поступком как феноменом личности. Однако невозможно совершенно отказаться от принципа детерминации, так как, хотя мы и не можем, как уже говорилось выше, полностью изучить причины поступков людей, мы в то же время не можем и исключить наличие причинно-следственных отношений в каждом конкретном случае, так же как и возможности их будущего анализа. При этом игнорирование детерминизма фактически стирает границу между научной и житейской психологией, психологией и житейкой: полностью отряцая это принятие, мы выйдем за рамки научности.

Поэтому в настоящее время приходится искать опосредованные способы анализа. По другим людям мы можем судить о том, что происходит с человеком, идентифицируясь с ним, можем судить о его мотивах. Но это — не полностью достоверное знание, оно опосредовано как культурой (человек некто себя соответственно определенным эталоном), так и опытом и переживаниями наблюдателя, его атрибутивными сдвигами. Поэтому такое знание для постклассической психологии приобретает нарративы, результаты самонаблюдения. Как источник света позволяет не только различать движущееся в темноте тело в конкретный момент времени, но и предположить, откуда оно появилось и куда направляется, моменты инсайта, рефлексии позволяют человеку частично познать себя, осознать причины своих поступков, свои мысли и переживания, чтобы потом экстраполировать эти наблюдения на других людей. Но это только дискретные моменты познание того, что предшествовало им (причина) и того, что за ними последует, достаточно фрагментарно и субъективно, т.е. осознание себя и объективизация идентичности в принципе возможны только здесь и сейчас. В то же время сохраняется идея, что мы представляем себе свое предыдущее состояние, хотя мы оцениваем себя не самым лучшим, чем окружающим.

Таким образом, для психологии объективизация и операционализация понятия неопределенности актуальна в связи с методологическими проблемами в предмете исследований — личностью, внутренней мир которой в принципе не определен для окружающих, а во многом и для самого человека. Ситуация инсайта неопределенности лишь усиливает это положение, делая его очевидным.

Поэтому в конструировании человеком своего поведения в ситуации неопределенности присутствует не только элемент активности, но и элемент незащищенности, так как человек не может не создавать

ту реальность, которая вызывает у него мезанш страх и негативные переживания, как-то справляясь с тем фактом, что полностью осознавать и предсказать ситуацию он не в состоянии, если хочет продуктивно жить и работать. При этом им используются различные виды объективации и объяснения, оценки и интерпретации своего поведения. Поэтому, как мне представляется, философия постмодерна и полипарадигмальность методологии особенно созвучны современной ситуации, непредсказуемость и вариативность которой волей-неволей приводит к необходимости создания «коллажа», отражающего разные аспекты ситуации и нашего присутствия в ней.

Полипарадигмальный характер современной психологии дает возможность не только выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и включения воедино забытых смыслов, открывая возможности их сравнительного толкования, что органично связывает ее методологично с постмодернизмом.

Согласно постмодернистскому взгляду, мир многомерен и многогранен, а образ мира — это своего рода мозаика, которая складывается из отдельных образов, представлений, теорий. Как и мозаика в калейдоскопе, образ мира, каким он нам предстает, зависит, прежде всего, от нашего сознания, от нашей интенции, которая и определяет «поворот» калейдоскопа и изменение картины мира. С этой точки зрения эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из которых более точна и приближена, чем предыдущие, но ни одна не описывает явления полностью и окончательно, ни одна не несет абсолютную истину. Именно поэтому наука в поисках ответов на кардинальные вопросы должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, используя те «языки», которые оказываются подходящими для описания различных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной реальности. Одновременно эти критерии задают рамки и основания будущих исследований, которые, безусловно, будут проводиться, и не только в постклассической психологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергер П., Драмби Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1983.
- Бердасова Т.А. Опыт по фониологии движений и фониологии активности. М.: Наука, 1966.

- Либсон Д. Эволюционный подход к нравственному воспитанию. М.: Прогресс, 1988.
- Кранке С.В. Самоизблуждение. М.: Госиздат, 1912.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой и А.И. Довгика. М.: Аспект Пресс, 2002.
- Хадзе Р. Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология саморефлексии маргинальности. М.: ИНИОН РАН, 1995.
- Шнейт Г.Г. Психология социального бытия. М.: Академия педагогических и социальных наук, 1996.
- Фрунзева М.Г. Историческая психология науки. СПб.: Наука, 1994.

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ

М.С. Гусельцева

Последняя четверть XX в. в искусстве, философии и гуманитарных науках была заявлена как эпоха *постмодерна*. И ряд зарубежных авторов начали исследовать возможности развития психологической дисциплины в «постмодернистском культурном ландшафте». Итогом такого исследования стал симпозиум, состоявшийся в Дании в июне 1989 г., посвященный проблемам взаимоотношения психологии и постмодернизма (*Psychology and Postmodernism*, 1994).

Участники симпозиума искали ответы на вопросы о том, как современная психология будет развиваться, охватывая постмодернистский дискурс, и сможет ли постмодернистская мысль радикально трансформировать понятия современной научной психологии. По итогам конференции был опубликован сборник, отражающий разнообразие авторских позиций, который стал своеобразной моделью, выражающей методологическую ситуацию в психологии в целом. Невзирая на то, что между собой школы психологии, по мере сил охватывающие постмодернистский дискурс, как и авторы, не могут договориться о самом термине «постмодернизм» — такой участникам симпозиума предстала kaleidosкопическая картина современной реальности (там же). Однако бесспорным результатом осмысления психологии в контексте постмодернизма стало признание, что эпоха постмодернизма видится одним из методологических «вызовов», обращенных к психологии.

Цель данной статьи — рассмотреть разные грани феномена постмодернизма, представить основные постмодернистские концепции и очертить перспективы развития психологии в постмодернистском контексте.

ПОСТМОДЕРНИЗМ: ТЕРМИНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Проблематика сама по себе трактовка постмодернизма. В нашем понимании постмодернизм — это метафора, указатель пути, это «неидентифицируемая активность» (В.А. Петровский) мысли, возникающая на переломах культуры. Эволюционный смысл постмодернизма в культуре — переосмысление прошлого, демонтаж законов цивилизации (феномен, который Ж. Деррида обозначал термином «деконструкция»).

Пониманию постмодернистских текстов и их критике нередко препятствует терминология. Так, А.Е. Чучин-Русов отмечает, что не только разные, но даже одни и те же авторы употребляют термины «модерн», «модернизм», «постмодернизм» и «постмодерн» как синонимы (Чучин-Русов, 1999).

Понятие *постмодернизм*, как и большинство культурологических понятий, отличается принципиальной неконцентрацией и избыточностью смыслов. Под *постмодернизмом*, словом в предельно широком контексте, принято понимать «глобальное состояние цивилизации последних десятилетий», совокупность «культурных настроений и философских тенденций», связанных с переживанием завершенности определенного культурологического этапа развития, качества «современности», «вступления в полосу эволюционного кризиса» (Скоропанова, 2001, с. 6). В данном смысле *постмодернизм* трактуется как образ и стиль жизни, особый духовный настрой, присутствующий объектам, завершившим стадию модернизации (*postmodern society*) (Жерманов, 1998).

Под *модерном* обычно понимают художественный стиль, зародившийся в европейском искусстве на рубеже XIX–XX вв. и впоследствии распространившийся на другие культуры. *Модернизмом* называют ряд авангардистских направлений искусства XX в., объединенных субъективным художником в восприятии реальности и подчеркнутой оригинальностью интерпретации¹.

Термин «постмодернизм» получает распространение в 70-е годы XX в., обозначая «структурно сходные явления в общественной жизни и культуре современных индустриально развитых стран» (там же)². Ха-

¹ Представители модернизма не только опровергали модерн, их типология и стиль вообще, «они строились: обрести правила и законы, которых он достигал, и усматривали в падении стиля препятствие на пути к самовыражению» (Чучин-Русов, 1999, с. 27).

² «Слово "постмодернизм" следует использовать не столько в литературоведческом или искусствоведческом плане, сколько в отношении литературы как явления».

раковой чертой постмодернизма становится стремление совместить в одном произведении разнообразные стили, мотивы и художественные приемы, взятые из разных эпох и культур. Если модернизм стремился попросту к новизне и критиковал традиции, то постмодернизм старается восполнить, вместить в себя, растворить в едином произведении разнообразные национальные традиции и художественные языки⁷.

Л.Г. Нонна трактует постмодерн как «новую культурную эпоху», характерными чертами которой служат смешанный «культуры», критика науки и техника, тенденции к глобализации, «индивидуализированность» и ряд других особенностей художественной жизни (Нонна, 2000).

А.К. Якимович ставит проблему нового мироощущения людей, порождающих искусство XX в.: «Ведь должен был случиться большой тектонический сдвиг в индивидуальной и социальной психике людей, чтобы это новое искусство приобрело всеобщность и даже стало символом XX века» (Якимович, 1994, с. 242). Особенно показательны в этом смысле течения авангарда и постмодеризма. «До появления авангардизма культура придерживалась упорядоченных моделей мира» (Якимович, 1994, с. 243). Культура авангардизма «освоила парадоксальное искусство строить дом, в котором крыша – ураган, а пол – землетрясение» (там же, с. 244). Постмодернистские течения искусства разрушали привычный мир, приводили его в состояние подвижности, незавершенности и неопределенности. Наступала эпоха мезальяжа, и постмодерн – как стиль неопределенности, размытости, избыточности смыслов – был наиболее репрезентативен для неклассического и постнеклассического мироощущения.

Модернизм, постмодернизм и постпостмодернизм Н.Б. Мавяковская относит к «трем китам» неклассической⁸ эстетики XX в.

тура, сколько во всемирно-историческом плане», – полагает Х. Кенд (Кенд 1990, с. 223). Согласно Л.В. Карасеву, «постмодернизм включает в себя все культурные эпохи, свободно берет материал откуда угодно и применяет его где угодно. Он предельно игрив в плане культуры» (Карасев, 1993, с. 14).

⁷ «Иллюзионизм, литературные, музыкальные произведения, театр и кинематограф относятся к этому ряду явлений, построенны часть по принципу коллажа культурных символов, свободное цитирование, которое, свободно комбинируется, создает новые смыслы, а также отсылками к разным авторам, историческим эпохам, культурам и субкультурам» (Фучин-Рубин, 1999, с. 28).

⁸ Подобно тому, как смешиваются термины «модернистский» и «постмодернистский», зачастую не различаются термины «неклассический» и «постнеклассический». В широком смысле термин «неклассический» означает все, что произошло со сменой мировоззрения, но в рамках более детального анализа рекомендуется различать «неклассический» и «постнеклассический» стили. На смену «классике» в начале XX в. приходят

(Мамышевская, 2000). В своем культурном выражении постмодернизм представлял собой коллаж и пазл, поп-искусство, лас-вегасовский стиль в архитектуре, перемещение реального и воображаемого. В социальном выражении постмодернизм был связан с децентрализацией власти, гетерогенностью жизненных контекстов, переходом к информационному состоянию мира (Kouss, 1994). Согласно В.В. Иванову, смысл авангарда заключался в превращении культуры из «застывшей» в действительно «горячую», в разрушении традиционных классических форм посредством эстетической игры с ними. Важно отметить происшедшую в XX в. перемену мелкокласово-культурной традиции не опровергают, с ней не воюют, но освобождаются от нее, критикуют и переосмысливают. Не «бороться с», а «участвовать в» — credo авангарда. Логика новой парадигмы подобна логике сфинкса. Авангард и постмодернизм сражались с формальной логикой, со здравым смыслом, причинностью — в частности, средствами «коллективного абсурда» (Иванов, 1989).

В философском осмыслении действительности в постмодернистском дискурсе происходило сдвиге дихотомии внутренней и внешней реальности, критика традиции в форме ее семантического переосмысления (это «текстовый анализ» Р. Барта, «деконструкция» Ж. Деррида, «смысловая» Ю. Кристевой). Важное место в философском постмодернистском дискурсе занимал также анализ языка языка (Р. Барт, М. Фуко).

С другой стороны, если принцип рационализма и эмпиризма — основных методологических установок европейской культуры — заключался в непосредственном познании (так, эмпиризм стремился опереться на достоверные факты, а рационализм — на «врожденное знание» или рациональные интуиции), то современная методология, как отмечает Н.С. Антономова, все большее внимание начинает уделять именно посредникам (Антономова, 2000). Такими посредниками становятся интеллектуальный стиль, способ рассуждения, письмо, особенности коммуникации. Последние являются предметом исследования немецкого философа Ю. Хабермаса. Нимми словами, на первый

образом принцип классический стиль, однако переключил в сторону стилистики в постклассический. Однако последние не всегда легко различимы, и в культурологии эти различия не так очевидны, как в истории науки. Поэтому и там зачастую, где речь идет об искусстве и литературе, термины «классический» и «постклассический» применяются не так строго, как там, где речь идет о науке.

«В одном отношении могут ужесточиться/терминироваться модернизм и постмодернизм», — пишет Н.С. Скоромникова (Скоромникова, 2001, с. 20).

план выходит за сами условия процесса познания, и эта проблематика по примеру плакодоказательности ланки сближает философию с антропологической наукой.

ДУХОВНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ XX В

Новое мироощущение стояло за духовными течениями XX в., такими как футуризм, абманизм, символизм, дадаизм. За пришедшей им феноменологией просматривался совершенно иной образ мира. Согласно новому взгляду, мир многомерен, многогранен, гетерогенен и мозаичен, и то, каким он нам предстает, зависит прежде всего от фокусировок нашего сознания. События в этом мире не ограничиваются причинно-следственными детерминистическими связями, но могут быть рассмотрены через связи смысловые, синхронистичные (см.: Азронов, Харитонов, Шелестин, 1999; Юнг, 1997), эмергентные, структурные (см.: Лаврушин, 2001; Харре, 1995). В этой логике мир представляет собой не что иное, как способ описания. Мир рукотворен, мир выстраивается видением сознания, но, с другой стороны, мир неопределим и непредсказуем. Мы живем в реальности, где Порядок бесчно сражается с Хаосом. Не случайно в XX в. ни популярность теории самоорганизации И.Р. Пригожина и соавторов, ни рождение литературного жанра фантази, представленного такими авторами, как У. ле Гуин, Р. Желязны, М. Муркок и др. (см.: Young, 1995), ни появление психологических концепций конструкционизма (см.: Бергер, Лукман, 1995; Дворжак, 1995)¹.

Теория самоорганизации И.Р. Пригожина не столько поставила под сомнение существование универсальных законов и механизмов, сколько показала, что они адекватны лишь тогда, когда речь идет о стабильном развитии системы. Но такие моменты редки в реальности, поскольку даже повседневный мир состоит из асимметричных, неопре-

¹ Более того: «Критика Пригожиным не только классической научной картины мира как черты тотального детерминизма и адекватности, связанного с единственной моделью действительности и ее стабилизации во времени, но и качественно-релятивистского неклассического естественнонаучного познания первой половины XX в., способствовала выработке представлений о постмодернистском научном и художественном творчестве как вероятностных системах с сильными коэффциентом вероятности, соответствующим современному образу мира как сложности и множеству процессов» (Михайловская, 2000, с. 200).

должных, неустойчивых процессов, уникальных и неповторимых ситуаций. Системы, с которыми имеет дело учение за пределами своих лабораторий, являются чаще всего открытыми, характерными для состояний бифуркации и появления диссипативных структур. Поведение же открытых систем в критических ситуациях невозможно предсказать, поскольку они готовы развиваться в любом направлении (в психическом мире эта открытость возможностей становится обоснованием феномена свободы воли). В критических ситуациях будущее системы зависит от ее индивидуальности, от неповторимых и случайных событий, а не определяется универсальными законами.

И теория самоорганизации, и постмодернизм, и история новеллистичности⁶ — все эти направления XX в. подготовили для психологии методологический переворот: смещение интереса от универсальных законов к уникальным событиям, от общих схем исследования — к частному анализу, от «объективизма» — к «культурной аналитике».

Если взглянуть на методологию как на систему «языка», которые мы используем, чтобы описать то, что мы делаем (мыслим, посредством которого это происходит, описан Т. Куном), то мы обнаружим, что современная европейская мышительная культура скорее для обретения произвольного контроля над актом творчества, и для учебного становится привычным (благодаря влиянию герменевтики и теории языка) менять эти «языки» при работе с разными текстами, добиваясь более продуктивного понимания⁷.

Искусство импрессионистов современники понимали тоже встречали в штыки, поскольку обществу созданию надо было научиться видеть в хаотической пестроте красок авторский замысел, угадывать в шпательных штрихах целое произведение. Но, научившись этой процедуре, публика легитимизировала импрессионизм как направление искусства. Постмодернистский текст — своего рода импрессионистская философия. Для постижения такого рода текстов приходится менять на некоторое время «языки», мыслительные установки, привычные настройки восприятия. Можно, конечно, отмахнуться, сказать, что все

⁶ Об истории новеллистичности см. Оболванова, 1996; Ястребцова, 1991.

⁷ Поступление постмодернизма вводит понимание постельных культур, требующих для этого построения «фундаментального языка» видения, произвольного «калорификации» сознания. Понимание постмодернизма предопределяет познавательную рефлексивность, семантическую «обидчивость» и некоторое предварительное знакомство с правилами игры. «Постмодернистский текст теории нового читателя — привлекательного правила интеллектуальности языковых игр, с которыми связано в них участие человека», — пишет Н.С. Саломатова (Саломатова, 2001, с. 60).

это набор, бессмысленный набор слов, а можно, осуществив усилие по смене привычного взгляда, произвольно выстроить иное состояние сознания, осуществлять процедуру, результатом которой станет неожиданным понимание автора.

В отечественной культуре XX в. работал философ М.К. Мамардашвили, и тот способ философствования, который он практиковал, представляется нам сегодня именно постмодернистским. В одной из своих статей М.К. Мамардашвили ввел понятие *предумишля* как принципа работы с философскими текстами. «Предумишля ума» означает, что не следует думать будто Декарт, Кант, или Ницше не видели тех недостатков своих концепций, которые обнаруживаем у них мы как умные люди, они многое видели, но — *они не о том говорят!* И то, что мы замечаем недостатки концепций и не понимаем того главного, что авторы хотели до нас донести, — это проблема не Декарта или Ницше, а нашей неконсенсуальности, нашего сегодняшнего недопонимания. Иными словами, смотреть на авторов прошедших эпох свысока: этого не видели, того не учли — непродуктивная позиция, гораздо эффективнее *размышлять, о чем они говорят*.

Тот же принцип «предумишля ума» должен руководить нами, когда мы имеем дело с работами современников, поскольку прежде, чем приступать к погружению в постмодернистский текст, необходимо выстроить *собой фракционированный зрели воспринимаем* — «глаза», в противном случае «слова не откроются». Чтобы увидеть и понять, что хотел донести до читателя автор, надо приблизиться к некоторому равию над собой, осуществить своего рода процедуру «феноменологической редукции» — очистить свое сознание от шаблонов, установок и готовых теорий. И здесь, на наш взгляд, в постмодернизме происходит любопытное сближение европейской философии с восточными традициями, где ученика долго готовят для возможности восприятия той или иной реальности (так, К. Юнг писал о «западной йоге», которая должна быть выработана европейской культурой самостоятельно, а не перенята с Востока) (см.: Юнг, 1994).

«Предумишля ума» (принцип «методологического сомнения») и коммуникативная рациональность стали методологическими допущениями постмодернизма.

XX в. был богат на «методологические повороты», такие как антропологический, лингвистический, исторический, культурологический, нарратологический, постмодернистский. «Лингвистический поворот» сделал язык ведущей методологической доминантой, возникло направление, известное как структурализм, оказавшее широкое влияние

на различные науки. Не стала исключением здесь и психология. Однако в отечественной культуре 60-х годов XX в. структуралным оказал существенное влияние лишь на развитие тартуско-московской семиотической школы, связанной с именами Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского и др., практически не затронув психологию. Последовавший «постмодернистский поворот» способствовал превращению структурализма в постструктурализм (различие между ними в том, что первый ориентирован на синтез, а второй на гетерогенность; структурализм использует системный анализ, а постструктурализм придерживается анализа сетевого и контекстного).

Подобный культурный контекст оказал влияние и на ментальные установки в целом. К концу XX в. интеллектуальный мир стал рефлексивнее и толерантнее, другим тоном складывалось пребывать в убеждении, что исключительные наши точка зрения верна, а необходимость личности – признак ее душевного здоровья. В психологии возникли теории множественной личности, а в методологии проникли идеи либерализма и «системного плюрализма». Пришло понимание того, что *любая теория спекулятивна* (особенно четко эту методологическую проблему высветил постмодернизм), поскольку имеет в своей основе интуицию и эмпирические предположения. Настало время для толерантности, для осознания взаимодополнительности разных познавательных «логики» – «божественной» (где 1=3), «восточной» (где результат зависит от контекста), «матричной» (2х2=4), для *предупреждающего ума* (М.К. Мамардашвили).

Подобного рода культурные и ментальные предпосылки побуждают задуматься о методологических ориентирах развития психологии в этой новой реальности. Какая методология адекватна современности и способна решить вставшие перед культурно-психологическим исследованием задачи? На наш взгляд, это методология постмодернистской, постклассической, сетевой парадигмы (название которой еще не ustalодось, но общим ее признаком является установка на *экзистенциальность* и «*связь всего со всем*»).

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ФЕНОМЕН ФИЛОСОФИИ

Изначальный смысл постмодернизма (по крайней мере, в концепции Ж. Деррида) заключался в критике *сравнительно разрывалкам*. Разработанной им методологической прием *деконструкция* служил цели

читать тексты критически. Деконструкция была направлена против любого вида «центризма», объединенных Ж. Деррида под термином «логоцентризм» (Herbata, 1989).

Возникновение постмодернизма связывают также с развитием «новейших средств массовой коммуникации». Постмодернизм стал новым *дискурсом* современной *постмодернизации*, диктату идеологии, массовой культуре, навязываемой посредством масс-медиа. Это был рожденный сириусской культурой способ защиты ума от «промывания мозгов». Постмодернизм поставил во главу угла индивидуальность, вариативность, ситуативный контекст, а не универсальные схемы, частные интерпретации в постмодернизме оказывались наикрат канона. Постмодернизм не только срывал маски, осмысливая и показывая, как осуществляются процессы осмысления, но и значительно расширял творческую активность.

Постмодернизм — иронистика, усилитель. Однако каждому он дает нечто в зависимости от того, что уже есть за творческой душой. Между тем, содержательная монография Н.Б. Маньковской позволяет заинтересованному исследователю глубже разобраться в феномене постмодернизма. Н.Б. Маньковская отмечает, что если в западном контексте назвать человека постмодернистом, то это будет воспринято как похвала, но у нас чаще всего слово «постмодернизм» вызывает негативное отношение. Что стоит за подобным негативизмом? Может быть, недостаточная осведомленность? Н.Б. Маньковская показывает, что «в настоящее время существует ряд взаимодополнительных концепций постмодернизма как феномена культуры» (Маньковская, 2000, с. 133). Следовательно, прежде, чем выносить суждение, стоит разобраться: о каком постмодернизме идет речь, в чей конкретно авторской интерпретации? Так, для Р. Панвица (1914), А. Тойнби (1947), В. Вельша и Х. Конга (1990) постмодернизм представляет собой культурологическую реальность. Согласно А. Тойнби, постмодернизм означает конец доминирования западного стиля в культуре и религии. «Подлинно постмодернистская парадигма требует большего, чем плюрализм, релятивизм и историзм», — отмечает В. Вельш, а именно, «базисного консенсуса в отношении определенных человеческих ценностей и прав» (цит. по: Конг, 1990, с. 226). Для Х. Конга постмодернизм — это новое состояние жизни, характеризующееся утратой

² Известно, что аналогичным образом в 1911 г. Г.Е. Шлег критиковал доводы о необходимости за то, что абстрактные слова философических теорий игнорировали любую действительность.

доминирующих установок модернизма, касавшихся роли разума, естественности, сиромцентризма, абсолютности индустрии и демократии. Также Х. Кунг считает поверхностным, хотя и распространённым мнением, что постмодернизм возник в последней четверти XX в. «Словом "постмодернизм" — это всего лишь предварительный шифр, отражающий то затруднительное положение, в котором оказывается исследователь, пытающийся дать определение новой эпохе, возникшей в период первой мировой войны, эпохе, содержание и специфика которой последуют все тщательнее и глубже, но все еще не определены с исчерпывающей точностью и полнотой» (Кунг, 1990, с. 325).

Как известно, единой постмодернистской философии не существует, но это название объединяет мыслителей, обсуждающих различные проблемы постсовременной реальности. Так, Ж.Ф. Лиотаром был проанализирован статус знания в постмодернистскую эпоху, и если классическая наука находилась в конфликте с нарративами, то в постклассической науке Ж.Ф. Лиотар обнаружил ряд коррелирующей с постмодернистской эстетикой (Lyotard, 1979). М. Фуко изучал власть знания и роль бессознательного в историческом процессе. Он показал, что наши представления о реальности обусловлены языком, а за ним скрываются невидимые источники власти (Фуко, 1994). Ж. Бодрийяр сфокусировался на отдельных темах «соблазна» и создании гиперреальности симулякра, когда образ, многократно усиленный техническими возможностями, берет верх над реальностью (отечественный пример, возникновение виртуальной партии «Единая Россия» на выборах 1999 г., доказывает, что такие исследования весьма актуальны). Ж. Деррида вошёл на вооружение темы языка и деконструкции. Деконструктивизм стал одним из влиятельных направлений современной литературной критики, в рамках которой новую литературную парадигму иногда называют под тавтологическим названием «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс» (Скорюпанова, 2001, с. 53).

Для Д. Белла и Ю. Хабермаса понятие «постмодернизм» изначально ассоциировано с постиндустриальными или постинформационным обществом. Д. Белл, известный как автор концепции дивидендизации и постиндустриального общества, связывает с последним социокультурную возможность постмодернизма (его черты — гетерогенность, разнородность, плюрализм) (Bell, 1967). Но если для Ж.Ф. Лиотара открытия провоцируются разногласиями, то, согласно Ю. Хабермасу, согласие достигается посредством дискуссии: он вводит понятие «коммуникативной рациональности» как синтетического мезанима

продолжения противоречий. Заметим, что язык трактован коммуникативной рациональностью более широко, поскольку мы исходим из постмодернистской установки, в соответствии с которой чем сильнее способность не отражать, а искажать чужие теории, тем краше наше исследовательское сознание. На наш взгляд, *ложерациональная рациональность* — это инструмент, посредством которого из отдельных фрагментов складывается мозаика, и постмодернизм выступает здесь в качестве силы, позволяющей увидеть общую картину еще до того, как та стала реальностью. Например, концепция полифонии сознания и диалога М.М. Бахтина — это один фрагмент изменившейся реальности XX в., а теория самоорганизации И.Р. Пригожина — другой. Но это фрагменты одной картины, свидетельствующей о смене культурной парадигмы, включающей изменение и методов, и способов познания в целом. Характеристиками постмодернистской науки здесь становятся неопределенность, неверифицируемость, антиновизность, диалогичность. Причем, *постинтеллектуальная наука* оказывается *модной* и *открытой* *обществе*.

Французский философ и историк науки М. Серр различает идеи о недостаточности естественного и гуманитарного образования: результат первого он назвал «образованием без культуры», а результат второго — «культурой без образования». Он предлагал способ осуществления коммуникации между гуманитарным и естественным знанием, названный им «беспорядочным энциклопедизмом». *Безматематическое и думмагическое знание* *эпифеноменологичны*. Так, если естественные науки представляют собой центр, фокус с его атрибутами точности и четкости видения, то гуманитарные науки открывают горизонты, дали, но они смутны и расплываты. Согласно М. Серру, существует три основных способа познания: философский, научный и художественно-мифологический. На примере творчества Ж. Верна, Э. Золя (предвосхищающего своим генеалогическим древом Рутви-Маккаром будущие открытия генетики), Т. Лукретия М. Серр исследовал эвристичность-сообщения (коммуникативн) разных видов знания. *Точны информации*, согласно Серру, *и есть точка пересечения думмагического и естественного знания*. «Классическая рациональность вытеснила миф во науки и литературу и искусство. Задача постмодернистской культуры — воссоединить науку и мифологию с помощью эстетики», — заключает Н.Б. Маныковская (Маныковская, 2000, с. 217).

Ф. Джеймсон в своей концепции «психодеологии» рассматривал постмодернизм как логику позднего капитализма, а Р. Рорти предлагал неопрагматический подход к постсовременности. Согласно

Р. Рорти, дискурс и коммуникация есть тот фундамент, на котором базируется представление об истине и рациональности. Ф. Пяттари и Ж. Делез научили маршалов как носителей творческой активности. Представление о культуре как *семе* также связано с этими авторами. В книге «Ризома» Ж. Делез и Ф. Пяттари описали две модели культуры: «древесную» и «ризоматическую» (грибница). «Ризоматическая культура воплощает великойшей тип эстетических связей» (Скоробанова, 2004, с. 4).

У. Эко рассматривал взаимоотношения авангарда и постмодернизма. Причем категории «авангардизма» и «постмодернизма» у У. Эко выделяются расширенным, культурно-историческим значением как две критические фазы развития общества. Согласно этой концепции, всякая смена эпох предполагает свой «авангардизм» и свой «постмодернизм». Культурная роль «авангардизма» заключается в том, чтобы разрушить прошлое, освободить от него сознание, сделав его открытым к новому опыту, преодолеть закоренелые установки восприятия. У «постмодернизма» другая задача — осмыслить прошлое, приспособить его к изменяющейся жизни (Эко, 1997). Иными словами, история культуры есть *рассеянно-архивальное знание и символическое знание*.

Если после всего сказанного мы обратимся к работам М. Фуко и попробуем исследовать его метод как пример постмодернистского подхода, то снова обнаружим новаторство. Он вводит ряд новых понятий, таких как «эпистема», «дисциплина», «дискурс». Терминовое творчество позволяет М. Фуко «за столбить» (этимологически «термин» — столб, определитель границ), отразившись обычно ускользающие от анализа реальности. Так, в работе «Слова и вещи» этот автор вводит понятие «эпистемы» — исторически меняющейся структуры познания, которая лежит в основе моделирующихся от эпохи к эпохе ментальности, науки, правил игры общества, социальных институтов. А сам способ постижения таких структур М. Фуко называет архивальной. Он выделяет несколько эпистем: ренессансную, классическую, современную — в основе которых лежит особое соотношение слов и вещей, смена образов человека в культуре.

В своей работе «История безумия в классическую эпоху» М. Фуко исследует изменение образа безумия в культуре, правил игры, установление границ нормы и патологии, и приходит к выводу, что безумие — это культурно-историческое явление.

В работе «Волн к истине» М. Фуко использует понятия «дисциплина» и «дискурс». Понятие дискурса позволяет ему *область необходимая*: дискурсы-правила, дискурсы-практика соединяют

между собой свои познания, этики, реальной деятельности и социального контекста. «Собственно диссонанс — это ось, которая может быть установлена между этими элементами» (Фуко, 1997, с. 368). Более того, в своем исследовании М. Фуко удается сочетать такие разные методологические установки, как марксист, женстцициализм и феноменологично. Мы видим здесь в действительности *сложной выходящий, или комбинированный, равномерности*. Понятие «диссолатив», объединяющее в себе равномерные реальности, становится залогом целостности анализа.

ПСИХОЛОГИЯ И ПОСТМОДЕРНИЗМ

Обрисовав интеллектуальный контекст, обусловленный постмодернистским мировосприятием, обратимся к связанным с постмодернизмом проблемам, обсуждаемым в современной западной психологии. Первый узел этих проблем затрагивает непосредственные возможности постмодернистской психологии. Второй круг вопросов касается осмысления сходства и различия между личностью и субъективностью в постмодернизме и возникшей практической психологии. Третья тема размышлений посвящена постмодернистской критике, идущей от феминистской и марксистской перспектив (*Psychology and Postmodernism*, 1994; Dineen, 1995).

Насколько постмодернизмом и психология — вещи совместимые? Что может постмодернизмом предложить современной психологии? Ответы на эти вопросы разнятся.

Считается, что постмодернистский дискурс находился в поле зрения искусства и гуманитарных наук и лишь недавно привлек внимание антропологии, социологии, педагогики и политологии (Fox, 1994; Pike, 1998; Shetwood, 1994). Тем не менее, проникновение постмодернизма в психологию на самом деле уже совершалось немалым, не всегда заметным образом (см.: Casper, 1994; Conio, Freedman, 1994; Holzman, 1999; Teicholz, 1998). В омаритскую же психологию воспринималась с постмодернистским дискурсом в качестве радикального конструктивизма социальной психологии, а системной терапии, а некоторые воспринимают культурной психологии.

Когда представители постпозитивизма во второй половине XX в. полагали, что научное знание небезупречно, то на эти эпистемологические обсуждения не заведомо отклонялись и психологи. Так,

Р. Харре подверг сомнению каузальный психологический дискурс (Харре, 1995). Дж. Брунер посвятил ряд статей размышлению об *особой доле верования* (Брунер, 2001; Ватет, 1983). К. Джемс описал две модели науки, относящиеся к парадигмам «модернизма» и «постмодернистского поворота» (Getzen, 1994). Модернизм в науке связан с верой в познаваемость мира, в универсальность его черт и силу эмпирических методов, с представлениями о прогрессивной природе знания и независимости результатов исследований от личности. Однако «постмодернистский поворот» предложил психологии новые пути конституирования самой себя, «Сущность постмодернистской школы – критическая саморефлексия» (там же, с. 24). Постмодернистская мысль открывает безграничные перспективы осмысления для дисциплины. «После постмодернистских исследований метод в психологии увиделся как выходящее в заблуждение, но вполне оправданные приобретение» (там же, с. 24).

Среди новых возможностей, предоставленных психологии постмодернизмом, К. Джемс отмечает также «этиологическое продвижение» (вариативные формы термин и образования), «культурную критику», «конструирование новых миров». Так, психологи не только конструируют мир своими терминами (создавая стереотипы: например, что «мужчины более рациональны, чем женщины»), но и являются активными участниками сотворения культуры в целом. Поскольку слово по себе является дискурсом с «оперять как есть» но «оперять как должно быть» является не собой, является реальностью, то «каждое воссоздание нашего понятия образа человеческого действия открывает новые культурные возможности» (Getzen, 1994, с. 38).

К. Джемс показывает, что, по сравнению с академической психологией, современная практика реабилитационной психологии охватывает конкретную постмодернистскую мысль, поскольку имеет дело с различающейся индивидуальностью человека и сосредоточивается на ситуативных и контекстуальных смыслах человеческой деятельности. Поэтому теоретическое знание академической психологии нередко вступает в конфликт с эмпирическим знанием повседневности. Психотерапевтическая же практика предпочитает теоретическому знанию «гетерогенные и качественные знания» повседневного мира, приобретающие достоверность в личном опыте (Getzen, 1994).

В современной зарубежной психологии, как показывают исследования самого К. Джемса, происходит увеличение роста эпистемологических обсуждений. Например, также направлено в психологии, как эмпирическим, заставило обратить внимание на социальную

обусловленность знания. Широкое место в психологических дискуссиях западной психологии занимают и обсуждения альтернативной методологии. Проверженцы феноменологического подхода предлагают новые формы качественных исследований. Герменевтическая психология исследует возможности диалогической психологии. (Заметно, что эти понятия перекликаются с представлениями М.М. Бахтина о *многоголосом диалоге культуры* и с отечественным интеллектуальным стилем в целом — выдать индивидуума в повествовательном единстве с его социальным контекстом). Некоторые психологи также возлагают определенные надежды на обмен опытом с религией и культурой (см.: Hofman, 1999; Chaikin, 1994).

Таким образом, критическая дискуссия в философии науки, с одной стороны, и развитие методологии гуманитарных наук, связанное с парадигматическим, культурологическим и постмодернистским «поворотами», с другой стороны, привели к неизбежности методологического переосмысления психологии. Наш наш взгляд, это переосмысление в целом укладывается в понятие «интеркласической рациональности»⁴.

Методологические установки, происходящие из постмодернистской критики, такие как *рецидивизм* (множественность интерпретаций), принцип «методологического плюрализма» и *критическая лингвистика* (все видится как текст и предполагает анализ текста), нашли отражение в проектах *критической герменевтики* Р. Шварцера и Дж. Миллер. Другим плодом постмодернистской критики оказались направления *социального конструкционизма*, ярким выразителем которого стал К. Джорджес. *Социальный конструкционизм* основывается на следующих теоретических положениях: 1) знания и психологические процессы контекстуально обусловлены; 2) понимание — совместная деятельность людей, ведущая к конструированию миров; 3) истина — не в эмпирической обоснованности, а в множестве социальных процессов; 4) модель мира задается исторически предшествующими видами деятельности и формами социального действия (Джорджес, 1995). Сила постмодернистского дискурса в целом проявляется в его критическом потенциале. Постмодернистская мысль открывает для

⁴ «Интеркласическая рациональность, с которой ассоциируется постмодернизм в науке, — отвечает Н.Б. Мильковская, — характеризуется плюрализмом субъективностей, гуманистичностью, саморазличностью научного знания, рассмотрением таких его классических критериев, как объективность, истинность» (Мильковская, 2000, с. 199).

психологии перспективны критического самоосмысления (Gestjer, 1994). К. Джерджен также обосновывал необходимость рефлексивной установки по отношению к процессу получения знания самим исследователем. И это — общая черта социального конструкционизма и постклассической рациональности.

К. Джердженом были выделены две основные методологические установки, лежащие в основе тех или иных концепций: представления об (1) *известной* или (2) *неизвестной* природе знания. Первую установку разделяли Дж. Локк, Д. Юм и позитивисты, из второй предпосылки исходят И. Кант, Ф. Ницше и феноменологи. Но конструкционизм не следует ни одной из этих традиций, принципиально отказываясь от дихотомии объекта и субъекта. И здесь мы обнаруживаем его очевидное пересечение с идеями М.М. Бахтина и М. Бубера. В свою очередь, коммуникативная концепция рациональности сближает К. Джерджена с Ю. Хабермасом. Много общего также обнаруживается в представлениях К. Джерджена и П. Фейерабенда. Истина и достоверность знания, согласно К. Джерджено, не могут быть подтверждены ни эмпирическим путем, ни следованием определенному методу. «В каком смысле *правдой* можем оказаться добрая методология — до тех пор, пока она позволяет *аналитику* разубедиться во всякого рода сложном объективизме (курсив мой. — М.Г.)» (Джерджен, 1995, с. 71).

Методология К. Джерджена, на наш взгляд, представляет собой образец *постметодологической радикальности* в психологии. Так, разрабатываемая или новая методологическая парадигма предполагает: 1) интеграцию теоретических и прикладных исследований посредством применения психологического инструментария для решения текущих социальных проблем (*социальная анимация*); 2) переход от установок прогнозирования к повышению социальной восприимчивости посредством психологического «просвещения» общества (т.е. распространение знания становится катализатором социальных процессов); 3) поиск «социальных индикаторов», регистрирующих на «психологические сдвиги» (и, продолжим, — «психологические индикаторы», регистрирующие сдвиги социальные); 4) поиск методов, позволяющих дифференцировать социальные феномены по степени их исторической стабильности; 5) междисциплинарный дискурс, внимание к стратегиям и навыкам профессиональных историков, интерес к культурным контекстам (Джерджен, 1995).

Согласно К. Джерджено, ни логические доказательства, ни эмпирические методы не в силах служить подтверждением теории, поскольку все замыкание теорий строится на выбранном некое постулатов, сложившихся

в результате социальных конвенций. А всякое социально-психологическое исследование есть, прежде всего, исследование языковое. Так, социальная психология для автора концептуализируется как *адверсарфакческая наука*, поскольку в ней не существует универсальных закономерностей, а есть сеть взаимосвязанных и исторически изменчивых конвенций.

Трудно не отметить определенные параллели между социальным конструкционизмом и концепцией Л.С. Выготского (но существуют и различия, обусловленные как раз неклассической и постнеклассической рациональностью; подробнее об этом см.: Гусельцева, 2004). И это еще раз подтверждает тот факт, что многие современные эпистемологические идеи разрабатывались отечественными гуманитариями начала XX в. «В некотором смысле, – пишет С. Квайл, – советская культурно-историческая школа после Выготского и теория деятельности Леонтьева и Давыдова близки к социальному конструктивному, особенно в диалектических отношениях человека и мира и исторической и культурной обусловленности деятельности» (Kwail, 1994, p. 46).

В свою очередь, С. Квайл замечает, что академическая психология все еще мыслит в понятиях Просвещения. В центре «модернистской психологии» лежит образ рационального человека. Постмодернизм же связан с невозможностью систематической теории и единой философии, но значит диагностикой и интерпретациями состояния настоящей культуры, изображением множественной взаимосвязанности феноменов (Kwail, 1994). С. Квайл полагает, что основной проблемой парадигмы модернизма (неклассической рациональности) являлась дихотомия универсального и индивидуального. В постмодернистском дискурсе таких дихотомий нет. «Постмодернистская мысль фокусируется на гетерогенности языковых игр, <...> на разрывах и конфликтах» (там же, p. 34). «Фокус на языке предполагает децентрацию субъекта», индивидуальность становится продуктом культуры и языка (там же, p. 36). Согласно С. Квайлу, дихотомия «индивидуальное – универсальное», «субъективное – объективное», «культурное – природное» и т.д. находит свое разрешение в конкретности локальных контекстов, и поэтому психологии следует перейти от количественного к качественным видам анализа.

Немало современных авторов разделяют эпистемологический подход К. Джерджена, в котором очевиден приоритет социальных и лингвистических влияний над природными нуждами. Все большую роль в психологических исследованиях начинает играть культура, культурный контекст. Внимание психологов обращается к вербальному

(см.: Bennett, 1985; Larsen, 1999; Michael, 1994; Sherwood, 1994). Так, для Д. Ларсен психология представляет собой повествовательную дисциплину. Она рассматривает все психологические теории как истории или повествования (*story*), поскольку в них находят отражение как личный опыт авторов, так и культурно-политический контекст. В качестве примеров в жизни биографии на теорию автор рассматривает логотерапию В. Франкла и радикальный бихевиоризм Б. Скиннера (Larsen, 1999). Повествования имеют как структурное сходство, берущее исток во общечеловеческом опыте, так и значительные различия. Понимание психологических теорий как историй дает истодологическое обоснование электизму. Электизм, согласно Д. Ларсен, предоставляет средства (*tools*) для исследования повествовательных альтернатив и тем самым делает наше сознание более либеральным и защищенным от давления линейных историй.

Не менее внушительным источником перемен в психологической эпистемологии стал и «лингвистический поворот». Философ Г. Гадамер и литературовед С. Фанн в своих работах показали, что не столько текст доминирует над читателем, сколько читатель взаимодействует над текстом (Gergen, 1994). В свое время А.А. Потебня отмечал, что в процессе понимания мыслен воспроизводим, а первым значение слова (*дичает*, есть внутреннее «лирико»-искажение — и в этом искажении суть индивидуальности), но эта мысль в психологии осталась практически незамеченной. В концепции Т. Куна также была выдвинута идея о «линках» (своего рода функциональных органах мировосприятия), посредством которых ученые смотрят на мир. В XX в. С. Фанн доказал, что текст не имеет единственной или «истинной» интерпретации, и каждый читатель воссоздает свой текст, являясь своего рода «соавтором». Многозначность интерпретирующей схемы леводоказательством принципов постмодернизма.

Причем в постмодернизме в целом представляет собой не столько систему, сколько интерпретируемую²². Между субъектом познания и объективным миром всегда имеется посредник — язык (Kvale, 1994). Деконструктивистская теория Ж. Деррида, «нарратологическая парадигма», пришедшая из истории, работы М. Фуко, исследования этнографов и антропологов привели к «ренессансу и изучению риторики» (Gergen, 1994). Особенно эриктичными для психологии оказались традиции семиотического анализа (в отечественной культуре они связаны со школами М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана).

²² Г.А. Тульчинский отмечает, что «постмодернизм дает буквально технологию различия: повествований и смысловости» (Тульчинский, 2002, с. 32).

Разновидностью семиотического анализа является «деконструкция» Ж. Деррида. Будучи наукой с обостренным комплексом методологического сомнения, чуткой к социокультурному контексту, эпистемология пришла чем обогатиться в творчестве Ж. Деррида, тем более что в эпистемологии происходит смена ориентиров от естественнонаучного к герменевтическим наукам, а Ж. Деррида — один из современных французских философов, оказавших значительное влияние на методологические поиски гуманитарных наук.

Согласно Ж. Деррида, реальность дается нам в виде текста; *мысль воспринимает реальность опосредованно текстом*. Для освобождения из-под власти текстов им была изобретена особая процедура — «деконструкция». (Заметим, что процедура конструирования «функциональных органов» выдвинута вполне в духе Э. Гуссерля¹¹, но если Э. Гуссерль выносил мир за скобки, чтобы найти чистую субъективность, то Ж. Деррида заключает в кавычки слово, чтобы взглянуть на него новыми глазами.) Прием сам термин «деконструкция» возник, когда этот автор стремился восходить во французском языке понятие М. Хайдеггера¹². Деконструкция есть то, что происходит при переводе от одного языка к другому — разрушение старого смысла и обретение нового, ведь «вещи меняются от одного контекста к другому» (Деррида, 1992, с. 33).

В «Письме японскому другу» Ж. Деррида пытается донести до лингвиста Т. Идзуку смысл слова «деконструкция» с целью его перевода на японский язык. Деконструкция — не критика, разве только в том смысле, что она — *крайняя и фарме рефлексия*. Деконструкция — не анализ, разве только в том смысле, что она — *аванализ*. Деконструкция — не метод, потому что ее нельзя воспроизвести, каждый раз деконструкция возникает заново как неопределимое творческое усилие.

На наш взгляд, деконструкция представляет собой способ «археологической» работы с текстами. Процедура деконструкции заключается в снятии слоев языка, установлении связей («перекрестки») текста с другими текстами. Текст для Ж. Деррида — сложное, неоднородное образование, и последователь *должен обнаруживать в нем следы различных наслоений, связанных с особенностями культуры и личности*.

¹¹ Ж. Деррида испытал влияние феноменологии и структурализма, философии языка и психоанализа, но не стал приверженцем ни одного из этих направлений. Тем не менее, в структурализме, и феноменологии, и психоанализе можно обнаружить отголоски его собственной концепции. И в этом проявляется одна из истин структуральных установок постмодернизма: *«свободный полет, но перепроживание по следам»*.

¹² «Деконструкция» как термин возникла из двух слов: «деструкция» и «конструкция».

Свой метод деконструкции Ж. Деррида впервые сформулировал в работе «Грамматология», состоящей из двух частей (в первой части автор знакомит читателя со своим понятием и способом исследования; во второй — осуществляет показательный опыт исследования определенной культурной эпохи — творчества Ж.-Ж. Руссо). Культурная эпоха для автора — это текст, а способ ее исследования превращается в процесс «чтения». Особенно важно для такого «чтения» не пользоваться готовыми понятиями истории наук, поскольку они нуждаются наше сознание следовать привычным тропам.

Имеет ли это значение для психологической практики? Представим, что личность — это текст, а ее исследование — процесс чтения, и что техники, которые мы уже освоили, не годятся, а должны выстраиваться в самом процессе чтения (в процессе коммуникации отыскиваются адекватные приемы). Так, многие авторы указывают на сходство методов психоанализа и современной интерактивистско-деконструктивной практики¹¹.

Одним из тех, кто основательно исследовал применение постмодернистской эпистемологии в психологической практике, стал Д. Полкингхорн. Он утверждает, что психология в качестве академической дисциплины переносит на изучение человека эпистемологические принципы эпохи Просвещения. Но современные психотерапевты не находят для себя пользы в абстрактных психологических теориях. Цель интерактивистской практики — помочь клиенту преодолеть духовные травмы и предоставить ему власть над собой и свободу. Для адаптации академической психологии к изменившейся культурной реальности необходимо сделать «поворот». И эти повороты стимулируются психологической практикой. Д. Полкингхорн описывает «практический поворот» в психологии и сравнивает методологию постмодернизма и практической психологии. В результате такого сравнения были выделены общие черты постмодернизма и психологической практики, такие как нефундаментальность, фрагментарность,

¹¹ В исследовании личности прием деконструкции обосновывается на материале научной автобиографии, в частности, «История Ж.-Ж. Руссо. Однако Л. Лавла считает, что постмодернистская «смерть субъекта» (death-of-the-subject) клинически основана на положениях психологии и педагогики, касающихся познаний автономного и индивидуального действия. Деконструктивистские понятия преобразования субъекта и текста, описывают субъективность как динамическое структурирующее явление. Такие процедуры уводят человеческий феномен от текста к тексту (Lavoie, 1994). Сам же Л. Лавла, следуя примеру критика М. Фуко, стремится разработать в психологии интерактивистскую эпистемологическую интерпретацию текста, сформировав концепцию.

кластрудизма, авторитаризма. Также этот автор отмечает, что психотерапевты в большей степени в практике психологии-исследователи относят применение постмодернистскую методологию, нежели академические психологи. Практики более свойственно понимание знания как диалектного и зависящего от контекста, фрагментарного и конструируемого («second body of knowledge») (Polkinghorne, 1994).

В целом тенденцию смены эвистемологических парадигм можно сформулировать так: от психологии как науки об универсальных законах следует перейти к психологии как науке об исключительном. Так, С. Квайл отмечает, что большинство психологических теорий ищет общие законы, тогда как гуманистическая психология сосредоточивается на «самости» (self), помогая конкретному человеку постичь собственную логику внутреннего развития, раскрыть уникальный узор судьбы (Kvale, 1994). Этой же цели служит и Девин-анализ (см.: Лаврухина, 2001). Тем не менее, к недостаткам гуманистической психологии относится игнорирование ее социокультурных и локальных контекстов развития (Kvale, 1994). По-видимому, соединение традиций гуманистической и культурной психологии может стать порождением контекстом для методологического преобразования всей психологической науки. Заметим также, что децентрализация субъективности в постмодернизме выступает своего рода противовесом «и-центризму» и абстрагированности психологических концепций. Зачастую психологические концепции напоминают «мир идей» Платона — они статичны, идеальны и предельно абстрактны. Возможно, постмодернистская «встряска» способна их оживить.

Обсуждая возможности постмодернистской психологии, исследователи указывают на известные трудности представления нового стиля мышления в старых категориях. Так, С. Квайл отмечает, что гетерогенность разделов сборника «Психологии и постмодернизм» являет собой определенный вызов современному ландшафту психологической науки. *Постмодернистский дискурс генерален*, и историческим примером подобного дискурса являются тексты С. Кьеркегора. Это непрямой авторский стиль, полный парадоксов, предполагающий множество перспектив его тонны (Kvale, 1994).

Психика понимается постмодернистами как *арена субъективности*, что само по себе не исключает корректного исследования, поскольку объективности скорее можно достичь посредством диалога, коммуникации и конвенции, чем отражением (искажением) реальности при помощи разума. Интерсубъективность здесь становится критерием истинности. С другой стороны, поскольку каждому субъекту картина

мира открывается не его уникально-бытийной перспективой видения, то всякая авторская теория несет свою истину. Любая теория есть конгломерат истин и заблуждений, поскольку с иной социокультурной позиции видения открываются иные горизонты. И в этом — залог динамики науки, осуществляемой при помощи полемики и диалога. Истина всякого текста, согласно постмодернизму — в его искренности и убедительности. Язык — не столько отражение, сколько конструирование мира. Личность (*self*) в постмодернистском понимании есть плод социальных коммуникаций и конструкция. Феномен множественности Я трактуется как обусловленный разнообразием этих коммуникаций (см.: Gemin, 1999; Karpov, Vandardnet, Boote, 1999; Slife, Fisher, 2000).

Движение от нигилистической к постмодернистской фазе развития привело в психологии решительные изменения. Новые подходы расширили предметную область психологии и способствовали ее экспансии в исторические и культурные контексты. Однако если 70-е годы XX в. характеризовались выходом на авансцену модернизированного психоанализа, гуманистической психологии и критической психологии, то в 1980-е годы психологические дисциплины ушли с главной сцены обсуждения. Специфика современной психологии связана с *демонстрацией в связи ее основы*. Особенно ярко увеличился разрыв между академической психологией и профессиональной практикой (*Psychology and Postmodernism, 1994*). В целом же гностическая динамика в социально-психологической науке выглядит следующим образом: от абстрактного, универсального и объективного знания — к знаниям социально полезным и локальным; от академическим коммуникативным процессам — к эмпирическим исследованиям архаичного знания. Делается акцент на ситуативных, перспективных знаниях, на ценностях. Большую роль в психологии начинают играть экзистенциальные и культурно-исторические школы, междисциплинарные исследования. Широко осваиваются мультиметодологический, герменевтический, нарратологический, деконструктивистский подходы (см.: Fox, 1994; Herbert, 1999; Holzman, 1999; Gemin, 1999; Larsen, 1999; Riches, 1994; Steenbarger, 1993).

Показательно, что участники дискуссии так и не смогли прийти к единому мнению. Если К. Дворджен, Дж. Шоттер, М. Мисаэл и Д. Полкинхорн полагают, что постмодернистский дискурс ведет к мета-теоретической реконституализации предметного содержания психологии и этим открывает перед ней новые перспективы, то С. Чейклин оспаривает само понятие постмодернистской эпохи и заявляет, что

голосленные утверждения о включении психологии в постмодернизм сомнительны (более перспективным С. Чейклин считает междисциплинарные исследования в культурной психологии); Л. Сос полагает, что релятивизм и фикционализм постмодернизма способны нанести вред в терапевтическом отношении, поскольку претворяют реальную историю жизни пациента в виртуальную («как если бы»), а П. Мадсен обоснован тем, что постмодернизм может послужить идеологической мистификацией потребительского капитализма (*Psychology and Postmodernism*, 1994).

В целом авторы, поддерживающие междисциплинарную открытость психологии, видят будущее науки за социокультурными и постмодернистскими исследованиями (Keller, Greenfield, 2000). Однако нельзя сбрасывать со счетов и доводы критиков проникновения постмодернистского дискурса в психологию. Так, Г. Хатано обращает внимание на три существенных изъяна постмодернистского дискурса, которые, на его взгляд, представляют опасность для культурной психологии: 1) преобращение индивидуальной ролью личности в инновациях; 2) игнорирование реальности в социальном контексте жизни; 3) неудачные попытки связать локальные практики с практикой в универсальном смысле (Hatano, 1999). Й. Паркер отмечает, что произведения постмодернистов ведут к бессмысленно проблем, касающихся природы человеческого сознания, личностной целостности и языка, но под влиянием постмодернизма происходит размывание психологических понятий, и строгие теоретические рефлексии нередко уводит от реального состояния дел в психологии (Parker, 1998). С ним солидарна М. Смит, критикующая постмодернизм за модный стиль метатеории, который отражает современные утраты личности, но парализует желание с ними справиться (Smith, 1994). Б. Холд критикует практиков за излишнее увлечение теоретическими проблемами в психотерапии (Held, 1995), а М. Бадер убежден, что конструированием и перспективой intersubjectivity отбрасывают психологию от прагматических ориентаций, а идеализация неопределенности обивает у клиентистов омут стремиться к большей точности и чистоте познания (Bader, 1998).

Не могут быть обойдены вниманием и другие негативные стороны постмодернизма. Так, Г.Д. Тульчинский справедливо говорит о *безамбивальности* постмодернистского дискурса, об отказе от «слова как поступка» (Тульчинский, 2002, с. 30). Иными словами, постмодернизм, как кусачая собака, адекватна на авторском поводе. Ответственность вынесена за слова постмодернизма, но это означает, что она игнорирует

должна присутствовать у автора (субъекта). Постмодернизм хорош как «приправа к блюду», но самого «блюда» завесить он не может. «Блюдо» должно быть изначально приготовлено.

Заметим также, что Г.Д. Тульчинский говорит о постмодернизме вообще, не удаляя, какую именно это авторскую версию он имеет в виду. Так, Х. Кюнн трактует дуэльные измерения, связанные с постмодернистской парадигмой, более оптимистично: «Если раньше предпочтение отдавалось развитию таких качеств человека, как усердие, <...> любовь к порядку, основательность, пунктуальность и работоспособность, то теперь гораздо большее значение приобретают человечность, сила воображения, эмоциональность, душевная теплота, нежность. Замечаем углубленный интерес к самовознанию и самоосуществлению личности, повышенная чувствительность и обостренное восприятие тонких и крупных межличностных отношений и связей, чуткость к восприятию социальных проблем, забота об окружающей среде обитания, растущая убежденность в необходимости общечеловеческой этики и интересах выживания человечества. Пронизывает <...> не утрата ценностей, а их изменение» (Кюнн, 1990). М. Серр подчеркивает, что в постмодернистской эстетике есть трезвость и бережливость по отношению к миру.

Итак, мы проследили за развитием познавательной ситуации в современной западной и американской психологии, отвечающей на «вызов» эпохи постмодерна. Однако те темы, к которым пришла зарубежная психология в связи с постмодернистским состоянием культуры, а именно, увеличение удельного веса эпистемологических дискуссий и интерес к историческим и культурным контекстам, к герменевтике и феноменологии, к междисциплинарным связям, уже были в активной разработке отечественных исследователей канита Серебряного века, в работах М.М. Бахтина, П.М. Виногради, Н.Н. Карсена, Л.П. Карсакина, А.А. Потебни, Н.В. Тихонова, Г.Г. Шеста и др. Акадологичным образом, современное направление в исторической науке Запада — асимметрия *посейдентности* — предвосхищалось в работах отечественных медиевистов (см.: Оболенская, 1990; Ястребицкая, 1991)¹⁴.

¹⁴ Обратим внимание и на раннюю судьбу идей отечественных авторов. Так, в 1914 г. в журнале «Современные знания» была опубликована практически не замеченная статья Г.А. Ландау «Стивенс Каррера», по впоследствии эта же идея приписана О. Шпенглеру ираному слову (Стивенс, 1990). С.Н. Шахарович (приводилась) ряд новых идей в психологии, которые затем обрели популярность благодаря работам Э. Фрейда, Ж. Пиаже, Л.С. Выготского (Эрикассон, 1999).

Таким образом, вполне справедливо наблюдение Г.А. Тульчинского о том, что определяющие интеллектуальные приемы (например, деконструкция) существовали и до постмодернизма, но под другими именами (Тульчинский, 2002). Добавим, что в отечественной культуре предтечей Ж. Деррида и Р. Барта (структурно-семантического анализа) был М.М. Бахтин; предтечей С. Фина – А.А. Потебня. Г.Е. Шпет и М.М. Бахтин развивали также идеи единства внешнего и внутреннего, индивидуального и социального. А эволютический смысл «децентрации субъекта» как митоса антропоцентризму прочитывался в учении о космофере В.И. Вернадского.

Сферорефлексивность и «истинность-искренность» постмодернизма проявляются в том, что, перепрочитывая автора сквозь «линзы» своего времени и своих внутренних установок, постмодернизм не скрывает, что это «Дальней и как бы не Дальней», «Выготский и как бы не Выготский». В этой логике современные конструкционисты перепрочитывают также и В. Вундта (см.: Klaget, Scheifer, 1990).

Постмодернизм подчеркивает свой авторский взгляд на тексты, принципиально отказываясь от «объективности». Слово воспроизводит известную процедуру З. Фрейда (прохождение психоанализа психоаналитиками), постмодернизм стремится к истине, не имея рефлексивную работу с собой, выходя, через какие установки и ценности интерпретатор сам смотрит на мир.

Постмодернизм возвращает в психологию антропологический критерий субъектности – «детализует субъективный опыт» (А.В. Юрвич). Однако мало понимать, что наши теоретические построения пристрастны, проективны – надо научиться осознавать диапазоны применимости своих теорий и то, где лучше работает совсем другие теории. Эту развивающую работу над собой продельывают отечественные культурологи, следующие традиции М.М. Бахтина¹². Коммуникативная рациональность стала начальной методологией и практикой работы культурологов. Но и в психологии были предприняты попытки «детализации» коммуникативной рациональности. Так, М.Е. Яременский привнес в психологию понятие «опозиционный круг», основным контекстом которого являлась необходимость критики, наличие конкурирующих теорий. «Встать над схваткой» в постнеклассической рациональности означает прирастить дождевальное намерение

¹² «Мы знаем по привычке, но в друг друга нуждаемся именно в качестве оппонентов. Поскольку культуру познаем по-разному», – писал Л.М. Бахтин (1994, с. 30).

(как в задаче головоломки – выйти из плоскости в пространство). Потому что, как учит история физики, когда есть две противоречащие теории – это шаг к созданию третьей, включающей их в себя как частные случаи.

Хотим мы того или нет, но постмодернизм – это эпоха, в которой мы все живем. И постмодернистский дух все равно будет прокрадываться в психологию, как он проник в литературу, искусство, философию, религию, быт...

Прочтение постмодернистами современной психологией – дело сколь эвристическое, столь и ответственное. К наводкам постмодернизма относят неформальность дискурса, синкретичность мысли, принципиальную недоконцентрационированность понятий, одновременно терпимую, асимметричную со смыслом. Что же касается отрицания постмодернизмом автора, субъекта, то и в этом можно найти здравый смысл. Постмодернизм демократичен, он стирает грани между вещами, между старым и новым, низом и верхом, омыкает иерархии. Это мироощущение, это жизненный стиль, в котором нет различий между молодым ученым и известным мэтром. Важна идея, фраза, а не то, кто ее сказал. В пространстве постмодернизма между собой составляют тексты и мысли, а не авторы (научный вес которых различен, а следовательно, определенным образом работают и силы тяготения в науке). Постмодернизм, делая акцент на текст, протестует против существующего несовершенства мира. Постмодернизм этически чист, поскольку выносит за скобки ссылки, драки, амбиции, «человеческое, слишком человеческое». Постмодернизм, перефразируя Б.Л. Пастернака, – это скоронис культуры в эпохе ее разрывов.

ЛИТЕРАТУРА

- Автоматова В.С. Деррида и грамматология // *Деррида Ж. О грамматологии*. М.: Ad Marginem, 2009.
- Арсланов Э.А., Каримов А.С., Шейхенов Я.А. Постмодернистские проносы как новая парадигма // *Вопросы философии*. 1999. № 7. С. 94–104.

- Бергер П., Драмби Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- Брэннер Дж. Прелюдия разнообразия: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 3–14.
- Гусовичева М.С. Методологические предпосылки и принципы развития культурной психологии // Методологические проблемы современной психологии. М.: Смысл, 2004. С. 82–101.
- Джорджон К.Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия / Ред.-сост. Е.В.Яковлева. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 51–73.
- Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
- Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 23.
- Гессен В.В. Классика глазами авангарда // Никитр. лит. 1989. № 11. С. 226–233.
- Гидис А.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.
- Карасев Л.В. Сегодня и завтра // Постмодернизм и культура (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 3–16.
- Керман Т.Х. Постмодернизм // Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Комарова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург. М., Мн.: ПАНПРИНТ, 1998. С. 668–675.
- Ким Х. Религия на переломе эпох // Никитр. лит. 1990. № 11. С. 223–229.
- Лавренко А.В. К истории формирования методологии Давейн-анализической психологии // Давейн-анализ и философия и психологии / Под ред. Г.М. Кучинского, А.А. Михайлова. М.: ЕГУ, 2001. С. 51–93.
- Мамыловская И.Е. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.
- Облаженская С.В. «История новоделивности» и сокровенной историографии ФРТ // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1990. С. 182–198.
- Скорошова Н.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. М.: Флинт: Наука, 2001.
- Траковский Г.А. Постколониальная герменевтика // Новые перспективы свободы и равноправности. СПб.: Алетейя, 2002.
- Фукс М. Власть и истина: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1997.
- Харре Р. Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности / Ред.-сост. Е.В.Яковлева. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 74–93.
- Чукин-Русов А.Д. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоракшизм? // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 24–41.
- Жак У. Имя Рима. Роман. Заметки на полях «Имени Рима». Зесс. СПб.: Самиздат, 1997.

- Юнг К. Путь в Запад. Сборник. Львов: Никаризмус; Киев: Arkland, 1994.
- Юнг К. Саморазличительность: актуальный объединяющий принцип. М.: Реф-бук, 1997.
- Малышев А.К. О лучах Просвещения и других системах аналитики (Культурная парадигма аналитики и постмодернизма) // Психостр. журн. 1998. № 1. С. 241–248.
- Меттеррайх А.Л. Повседневность и интернациональная культура средневековья // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1991. С. 84–102.
- Basile M.J. Postmodern epistemology: The problem of validation and the retreat from therapeutics in psychoanalysis // *Psychoanalytic Dialogues*. 1998. V. 8(1). P. 1–32.
- Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // *The Public Interest*. 1967. № 6. P. 24–35. № 7. P. 102–118.
- Bauer J.S. Narrative and paradigmatic modes of thought // *Learning and teaching the way of knowing* / Ed. F. Eisner. Ch.: Chicago, Univ. Press, 1985.
- Canziani M. Jung et la modernité, une introduction // *Cahiers junguistes de Psychanalyse*. 1994. № 86. P. 25–29.
- Chandler S. From Theory to Practice and Back Again: What does Postmodern Philosophy Contribute to Psychological Science? // *Psychology and Postmodernism* / Ed. by S. Kvale. London: Sage Publications, 1994. P. 194–208.
- Conely G., Freedman J. Milton Erickson: Early postmodernist // *Ericksonian methods: The essence of the story* / Ed. J.K. Zeig. N.Y.: Brunner/Mazel, 1994. P. 267–281.
- Dones M. The Third Step: Freud, the feminists, and postmodernism // *American Journal of Psychoanalysis*. 1993. V. 53(4). P. 302–319.
- Fox N.J. Postmodernism, sociology and health. Buffalo: University of Toronto Press, 1994.
- Hanson G. Is cultural psychology on the middle ground or farther? // *Human-Development*. 1999. V. 42(2). P. 83–86.
- Held B.S. Back to reality: A critique of postmodern theory in psychotherapy. New York: W.W. Norton and Co, 1995.
- Hephner A. Derrida and psychology: Deconstruction and its ab/uses in critical and discursive psychologies // *Theory and Psychology*. 1999. V. 9(5). P. 629–665.
- Holman L. Performing psychology: A post-modern culture of the mind. N.Y.: Routledge, 1999.
- Genot J. The dissolution of the self in unsettled times: Postmodernism and the creative process // *Journal-of-Creative-Behavior*. 1996. V. 30(1). P. 43–61.
- Gergen K.J. *Toward a Postmodern Psychology* // *Psychology and Postmodernism* / Ed. by S. Kvale. L.: Sage Publications, 1994. P. 17–30.
- Keller H., Greenfield P.M. History and future of development in cross-cultural psychology // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2000. V. 31(1). P. 52–62.

- Kroger G.R., Schuler K.E. A reappraisal of Wundt's influence on social psychology // *Canadian Psychology - Psychologie-Canadienne*, 1990, V. 31, P. 220-228.
- Kvale S. Postmodern Psychology: A Contradiction in Terms? // *Psychology and Postmodernism* / Ed. by S. Kvale etc. London: Sage Publications, 1994. P. 31-57.
- Larsen D.J. Eclecticism: Psychological theories as interwoven stories // *International Journal for the Advancement of Counseling*, 1999, V. 21(1), P. 69-83.
- Lurie L. Postmodernism and Subjectivity // *Psychology and Postmodernism* / Ed. by S. Kvale. London: Sage Publications, 1994. P. 119-134.
- Lyons J.F. La condition postmoderne. Rapport sur le savoir. P: Minuit, 1979.
- Parke I. Against postmodernism: Psychology in cultural context // *Theory and Psychology*, 1998, V. 8(5), P. 601-627.
- Polkinghorne D.E. Postmodern Epistemology of Practice // *Psychology and Postmodernism* / Ed. by S. Kvale. L.: Sage Publications, 1994. P. 146-165.
- Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvale etc. London: Sage Publications, 1994.
- Rappoport L., Baumgartner J., Boone G. Postmodern culture and the plural self // *The plural self: Multiplicity in everyday life* / Eds. J. Rowan, M. Cooper. L.: Sage Publications, 1999. P. 93-106.
- Richer P. An Introduction to Deconstructivist Psychology // *Psychology and Postmodernism* / Ed. S. Kvale. L.: Sage Publications, 1994. P. 110-118.
- Sherrinoff S.J. Narrating the social: Postmodernism and the drama of democracy // *Journal of Narrative and Life History*, 1994, V. 4(1-2), P. 69-88.
- Smith M.B. Solitude at risk: Post-modern perils and the perils of postmodernism // *American Psychologist*, 1994, V. 49(5), P. 405-411.
- Stavesinger S.N. On the role of theory in the postmodern integration of science and practice // *American Psychologist*, 1993, V. 48(1), P. 56-57.
- Tischler J.G. Self and relationship: Kohut, Loewald, and the postmoderns // *The world of self psychology: Progress in self psychology* / Ed. A. Goldberg. Hillsdale: The Analytic Press, 1998, V. 14, P. 267-292.
- Wang T.R. Chaos theory and social dynamics: Foundations of postmodern social science // *Chaos theory in psychology and the life sciences* / Eds. R. Robertson, A. Combs. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 217-233.

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Д.А. ЛЕОНТЬЕВ

Развитие психологической науки на протяжении XX в. предстает в первую очередь как расширение рамок того, что входит в понятие научной методологии и научного подхода к человеку. Если в начале этого периода молодая психологическая наука основывала себя, прежде всего, через призму классического представления о науке, сформировавшегося по мере развития естественных наук, то в дальнейшем в психологии, при сохранении и укреплении ее классической составляющей, параллельно набирал силу неклассический вектор развития, связанный с разнообразными попытками строить психологию иначе, а именно как гуманитарную дисциплину, основанную на расширенном, неклассическом представлении о науке и научном познании.

За последние полвека направленные различия психологической науки в целом можно обозначить как движущие от классической к неклассической аксиоме. Это ключевой тезис данной статьи, который, однако, требует четкого определения понятий «классическая» и «неклассическая» психология — этот термин употребляется в настоящее время достаточно часто (напр.: Эльконин, 1989; Асмолов, 1996; Дорфман, 1997; Леонтьев А.А., 2001, 2005; Леонтьев Д.А., 2004), однако обильно без четких дефиниций. Цель данной статьи — рассмотреть основные тенденции, в которых проявлял и продолжает проявлять себя неклассический вектор развития психологии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ

Как известно, в европейской цивилизации точкой отсчета для развития всех наук выступает античная философия, которая включала в себя

и вот естественные. Начиналась она с альтернативных философских школ, которые спорили между собой о том, из каких базовых элементов построен мир, т.е. полемика шла на уровне принципиально несомкнутых картин мироустройства. Каждая школа была организована вокруг учителя — лидера школы; ученики воспринимали учителя и шли за ним дальше. Постепенно из философских школ стали выкристаллизовываться фрагменты естествознания, начались попытки эмпирически познавать мир. Стала формироваться база эмпирического знания, накопленного наукой и промышленностью, постепенно становившаяся все больше и больше; возникала дифференциация наук, выделялись как отдельные науки физика, химия, биология, география и др. По мере развития науки стало возникать все больше пространства для согласия в виде эмпирических знаний, которые представители разных конкурирующих взглядов принимали в качестве общеразделенных. Постепенно этот путь привел естественные науки к их нынешнему состоянию. Практически любая из них содержит громадный массив общепринятого знания в единой общей язык, на котором представители разных стран и научных школ разговаривают между собой. Школы сохраняли свое значение, прежде всего, как институт социализации ученых, как место, где они осваивают базовые профессиональные навыки. Разные школы, конечно, представляют, предлагают и проверяют альтернативные взгляды, но эти альтернативные взгляды касаются уже сравнительно частных вопросов — они могут быть глобальны по масштабу, но основная часть общепринятого поля знаний не зависит от расхождений в этих вопросах. Это поле различные школы возделывают с разных сторон, будучи частью единой научной индустрии. Естественным наукам потребовалось достаточно много времени, чтобы прийти к этому состоянию.

Психология, наука сравнительно молодая, достаточно быстро прошла сложный путь. В первой половине XX в. в психологии наблюдалась примерно та же картина, что и в Милете в VI столетии до н. э.: конкурирующие школы, спорящие между собой по поводу базовых элементов и общего языка описания личности, сознания, инстинкты. Такая структура школ с их лидерами и авторитетами сохранялась, в основном, примерно до начала 1970-х годов. В последние три десятилетия в психологии хорошо заметны достаточно радикальные изменения в том же направлении, в котором на протяжении столетий менялось естествознание. Интересно, что эти процессы происходили и в западной, и в советской/русской психологии, с небольшими сдвигами во времени, но в целом довольно синхронно, несмотря на

барьера, осложнявшие коммуникацию между ними. Научные школы сейчас во всем мире начинают отступать на задний план, они перестают быть структурирующей основой для научных исследований. Уже в 1960-е годы начали доминировать активные процессы взаимодействия школ и попытки синтеза знания на границе разных школ и направлений: объединения психоанализа с теорией информации, бихевиоризма с гуманизмом и многое другое. Размыкание границ было важным временем, и хотя трудно вставить этому процессу четкие рамки, но если-то к 1990-м годам он в основном завершился.

Что же произошло? Во-первых, в сфере психологии личности и мотивации, которая стала преобладающим направлением (в других сферах психологии это произошло еще раньше), академическая, научная психология стала экспериментально проверять многие положения, выдвигавшиеся на совершенно другом языке так называемыми операциональными теориями, не отвечающими общенаучным критериям достоверности, но активно применяемыми на практике, например, фрейдовской теории стадий психоэмоционального развития, основные положения которой были переведены на язык таких понятий, которые более или менее операционализированы в терминах современных академических исследований. Таким образом, осуществляется не просто синтез представлений, но и переводы с одного языка описаний на другой. Одновременно активизировался критический анализ самой научной терминологии. Очень большой вклад в критический анализ понятий внес социальный конструкционизм, о котором речь пойдет ниже.

Ситуация в психологии сейчас уже во многом приблизилась к ситуации в сфере естественнонаучного знания. Психология стала во многом единой индустрией. Границы между школами размываются. Разные направления и школы не столько работают в рамках отдельных конкурирующих учений, сколько выделывают единое поле, используя более или менее единый язык описаний, общую терминологию — конечно, с некоторыми вариациями и нововведениями, специфичными для отдельных школ и направлений, однако затрагивающими не весь когнитивный аппарат, а лишь какую-то его часть, фрагмент. Альтернативные объяснительные модели также не претендуют на перестройку всего общепринятого знания. Если в публикации идет речь о новой теории, как правило, за этим стоит не более чем новое объяснение выявленной связи между двумя-тремя переменными. Во многом на развитие в этом направлении повлияло упрощение циркулирования научной информации. Выходит тематический журнал, сразу же в об-

предоступной компьютерной базе данных позволяет реально его публикации, это реально сразу широко распространяется, и во всем мире начинают проверять выдвинутые идеи — работа не замыкается в рамках научной школы. Допустим, в Англии ученый предложил новую теорию, опубликовал в международном журнале, через полгода-год приходят дискуссионные отклики, а через два-три года приходит статья из США, Индии, Южной Африки, Словении, где предложенные идеи проверяются, авантажируются, уточняются и т.д.

Еще одним следствием описанной ситуации стала демократизация науки — ушли в историю фигуры неперережаемых авторитетов в психологическом мире, какими были, в основном, лидеры школ и направлений. Сейчас лидеры различных направлений психологии уже не находятся на каком-то пьедестале, а воспринимаются скорее как первые среди равных — их идеи точно так же подлежат критике, проверке, исправлению и т.д., как и идеи всех остальных. Несколько человек еще сохраняют статус «живых классиков», — и мог бы назвать для примера Дж. Брунера, А. Бандура, Дж. Бьюрдагитала, Р. Харре, — но в силу преклонного возраста они мало участвуют в социальном процессе и являются скорее виртуальными, духовными, чем социальными лидерами. Отношение же научного сообщества к тем реальным лидерам, которые определяют сейчас направление развития науки — для примера могу назвать таких ученых, как Б. Вайнер, М. Селигман, С. Мадди, К. Джердасон, С. Кришнер, К. Мартиндейл, Ю. Куль, Э. Десн, Д. Кавсман (другие могут назвать свои примеры), при всем уважении к ним, лишено сакральности. Это, конечно, связано в первую очередь с общим социальным контекстом, с демократизацией жизни вообще, с общим движением западной цивилизации в направлении менее формально иерархизированной социальной структуры.

Однако сложный процесс происходит и у нас в стране. Он закономерен и, по-видимому, необратим, так как он согласуется с общей эволюцией науки и социальной динамикой. Некоторое отличие состоит, правда, в том, что четкая структура школ в психологии, существовавшая у нас до 1970-х годов, стала размытываться не только и не столько за счет внутренних процессов, сколько за счет взаимодействия с зарубежными подходами — внешняя конкуренция оказывается намного сильнее внутренней. Поэтому крайне непродуктивным представляется нередко встречающееся у нас стремление сохранить позицию конкуренции с другими направлениями в мировой психологии, довольно слабо представляя себе и даже практически не интересуясь тем, что делается в рамках этих направлений, заранее обрывать их со счетов.

«это неправильные пчелы, и мед у них, наверное, тоже неправильный». Понимая «у нас есть подход, он нам очень нравится, а что происходит у вас, как мало волнует» устарева лет на сорок. Если некоторое время тому назад она выражала господствующую тенденцию в отношении между разными школами и направлениями психологии, то теперь ситуация изменилась. Сегодня важнее всего, не отбрасывая свои подходы, карьеры, традиции, не замыкаться в местечковом контексте, а выйти за его пределы и найти свое место в более широком мировом контексте, показать, что наши подходы работают не только в русле наших внутренних задач, что они могут многое дать для решения проблем, над которыми трудится весь мир.

Это общий организационный вектор развития мировой психологии, который касается ландшафта науки в целом.

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ В ПСИХОЛОГИИ. ПСИХОЛОГИЯ КЛАССИЧЕСКАЯ И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ

Концом 1920-х – началом 1930-х годов можно датировать несколько сделанных в разных местах различными учеными очень важных прорывов, которые привели к существенному изменению облика образа человека. Этот прорыв, который можно назвать гуманитарным, или неклассическим прорывом, обеспечили в первую очередь пятеро ученых – Курт Левин, Лев Выготский, Михаил Бахтин, Альфред Адлер и Людвиг Бинсвангер.

Курт Левин (см.: Левин, 2001) выдвинул идею галилеевского способа мышления как антитезы аристотелевскому способу мышления. Свойства, которые проявляют объекты, как показал Галилей по отношению к физическим объектам и физическим свойствам, не принадлежат природе самих этих объектов. Они обнаруживаются только при взаимодействии этого объекта с другими объектами, тела – с другими телами. Так, например, вес не есть свойство самого тела, он представляет собой характеристику взаимодействия этого тела с гравитационным полем Земли. Если убрать это взаимодействие, то тело потеряет вес. Аналогичным образом, как показал Левин, психологические свойства мы также должны рассматривать не как внутренние атрибуты самих людей, черты диспозиции, а как что-то, что проявляется в некотором поле взаимодействия человека с окружающим миром и другими людьми.

Л.С. Выготский заложил основы неклассического подхода в узком смысле слова. *Неклассическая психология* в данном смысле слова — это методологическая позиция, эксплицированная Д.В. Элькинским, который выводит ее из обихода замысла подхода Л.С. Выготского, особенно в его поздних работах. Суть его заключается в том, что психические содержания и процессы существуют не только в интраиндивидуальной форме, будучи привязаны к активности нервной системы индивида. Они существуют также в объективированной, опредмеченной форме в культурных артефактах и могут передаваться (транслироваться) от индивида к индивиду. По мере нашего развития мы усваиваем такие содержания из окружающего культурного мира через взаимодействие с этим миром, опосредованное взаимодействием со взрослыми. *Неклассическая психология* — это наука «о том, как из объективного мира искусства, из мира орудий производства, из мира всей промышленности рождается и возникает субъективный мир отдельного человека» (Элькин, 1989, с. 478). Можно говорить о процессе циркуляции психологических содержаний из индивидуально-психологической в предметно-объективированную форму и обратно, осуществляемом посредством механизмов опредмечивания и распредемливания (Леонтьев А.Н., 1977).

М.М. Бахтин в своих новаторских работах показал принципиальную равнозначность сознания человека и смысловое взаимодействие сознаний. Он показал, что в таком процессе, как диалог, выходящем за рамки классической парадигмы и человекознания, происходят взаимодействия и взаимопереходы смыслов, т.е. в диалогическом общении сознание разных людей оказывается разомкнутым по отношению друг к другу (см. напр.: Бахтин, 2000).

Альфред Адлер провнес революцию в психологию тем, что ушел от естественнонаучного детерминизма применительно к поведению человека. Человек не детерминирован причинами, которые толкают его к определенным действиям. Наоборот, причиной действия выступает цель. Мы должны по отношению к человеку задавать не вопрос «почему?», который задавал Фрейд, а вопрос «зачем?», и только через указание на цели, которые человек себе ставит, мы можем понять действие человека (см.: Adler, 1960).

И, наконец, Людвиг Бинсвангер — основоположник экзистенциальной психологии и психиатрии — ввел в обиход такое понятие, как *жизненный мир*: пытаюсь понять человека, *безвозвратно его обогреть*, *включать*, *тестировать* — *наде* проникнуть в его *жизненный мир*, который включает в себя *вещный мир* (то, что окружает человека).

внутренний мир и социальный мир, в котором осуществляется диалог, обмен, взаимодействие с другими людьми (см.: Бинсвангер, 2004).

Эти примеры (не случайно все они оказались так синхронны) привели к разрыву и становлению нового взгляда на человека, который можно назвать неклассическим в широком смысле слова. *Неклассическая психология* в широком смысле слова — это все способы построения психологического знания и психологической практики, отличающиеся от классического. Под классической психологией мы будем при этом понимать психологию, строящуюся по образцу естественных наук, как *субъект-объектное* познание, основанное на методологии эмпирического исследования (см.: Дорфман, 2003; 2005). К характерным образцам классической психологии можно отнести бихевиоризм, особенно классический, и дифференциальную психологию (Штерн, 1998), а также (в более современной модификации) когнитивную психологию.

Соответственно, к неклассическим будут относиться все подходы, пытающиеся в той или иной степени отойти от этой парадигмы или полностью ее заменить, противопоставить естественнонаучной методологии гуманитарную. Гуманитарный подход в смысле, прежде всего, с двумя ключевыми особенностями. Первая — это активное включение в рассмотрение социально-исторического, культурного контекста, рассмотрение человека не как вещи среди вещей, а как индивида, участвующего в мире культуры, с которым он взаимодействует и во которого себя строит. Гуманитарная, или неклассическая психология рассматривает личность не как природный, а как культурный, искусственный объект (см.: Мамардашвили, 1994), как произведение. Вторая особенность — рассмотрение личности как творца этого произведения, активного субъекта, не столько формируемого извне или изнутри заранее заложенными программами, сколько как самосозидающего, самодетерминирующего. Только гуманитарный подход в состоянии понять субъектность человека (*agency*) — его способность быть не просто побуждаемым изнутри и извне, а источником и причиной своих действий.

Очевидно, что классический и неклассический способы построения психологического знания не во всех отношениях жестко альтернативны друг другу, а в чем-то друг друга дополняют. Не вдаваясь в детальный анализ их соотношения в определенном временном срезе, ограничусь диахроническим рассмотрением, при котором правомерно говорить о постепенной трансформации психологической науки как целого в направлении, которое обозначено здесь в общем виде как

неклассический вектор, — от классической модели к отходу от нее в пользу все большего признания уникальности человека и его сознания как объекта изучения, что требует разработки иной, гуманитарной методологии. Этот общий вектор складывается из ряда более частных векторов, обозначающих направления, в которых классическая модель психологической науки претерпевала изменения в разных конкретных психологических подходах.

ТРАНСФОРМАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ВЕКТОР

Кратко охарактеризую несколько направлений неклассической трансформации психологии: от поиска знаний к социальному конструированию; от монологизма к диалогизму; от изолированного индивида к взаимосвязанному миру; от детерминизма к самодетерминации; от потенциальному к экзистенциальному; от количественного подхода к качественному; от констатирующей стратегии к действенной. Этот перечень построен не по концептуальным основаниям, а отражает фактические тенденции развития психологической науки в XX в., поэтому его нельзя считать исчерпывающим.

От поиска знаний к социальному конструированию. Это очень мощная методологическая струя, которая зародилась в середине 1970-х годов, породила методологию социального конструкционизма (см.: Даврджан, 1995а, б; Барр, 2004; Якимова, 1999), во многом определяющую облик всей теоретической психологии последних двух десятилетий. В числе главных источников этого движения его лидеры указывают на аналитическую философию языка Л. Витгенштейна, подчеркивавшего влияние употребляемых нами слов на характер той реальности, с которой мы имеем дело, на конструктивную социологию знания Л. Бергера и П. Лукмана (1965) и на теорию личностных конструктов Дж. Келли (1959).

Главный разработчик и лидер социально-конструкционистского подхода, американский социальный психолог Кеннет Даврджан начал с идеи о том, что социально-психологическое исследование (пока еще он распространил эту идею на всю психологию и даже еще шире) есть по преимуществу исследование историческое, а все, с чем мы работаем — это слова, ярлыки, формирующиеся в конкретном

сообществе и в конкретной исторической обстановке. Научное содержание всех теорий и моделей, с которыми мы работаем, зависит не только и не столько от объекта исследования, сколько от того, как мы договариваемся использовать термины и понятия, а это, в свою очередь, определяется социально-историческим контекстом. Теория, таким образом, есть продукт языковой договоренности людей, живущих в конкретном историческом пространстве и времени. Поэтому акцент надо сделать с соотношения между теорией и описываемой ею реальностью на соотношение между теорией и контекстом, в котором она строится. Например, в 1950 г. в США вышла классическая книга Т. Адорно с вступителем «Авторитарная личность» (см.: Адорно и др., 2001). В ней был описан тип личности, который в американской литературе активно критиковали с точки зрения американского демократического сознания. К. Джерджес (1995а) обратил внимание на то, что описанный тип авторитарной личности очень сильно напоминает тип личности, который в довоенной нацистской Германии называли «личность G-типа», оценивая крайне позитивно. Таким образом, объективно одни и те же характеристики совершенно по-разному рассматриваются, объясняются и оцениваются в разных социальных контекстах. То, что американцам называют ригидностью, в Германии описывают как стабильность, гибкость и индивидуализм в американском понимании немцы называют слабхарактерностью и эгоцентричностью и т.д. Известно, что для одних и тех же психологических характеристик существуют синонимы с разной, иногда противоположной эмоциональной окраской. Высокую самооценку можно воспринимать как самовлюбленность, потребность в социальном одобрении интерпретировать как стремление к зависимости, творчество — как девяностность, что нередко бывало в истории психологии, когнитивную дифференциацию — как мелочный педантизм, автономно как эгоцентричность и т.д. Все зависит от того, как мы слова употребляем, как договариваемся. Например, индивидуализм в российском, особенно советском словоупотреблении — отчётливо негативная характеристика, вписанная в конструкты индивидуализм–коллективизм, индивидуализм–соборность. Для западного сознания это отчётливо позитивная характеристика в контексте оппозиции индивидуализм–конформизм: индивидуалист — это человек, который сам принимает решения за себя, в отличие от конформиста, который действует сообразно внешнему давлению (см.: Maddi, 1971).

В 1985 г. вышла основополагающая статья Джерджеса под названием «Движение социального конструкционизма в социальной пси-

эпистем» (Джерджен, 1995б), в которой он тезисно формулирует основные теоретические послышки этого подхода. Термины, т.е. понятия, с помощью которых мы объясняем мир и себя в мире, не определяются предметно объяснения, а являются продуктами исторического и культурного взаимодействия между членами общества, т.е. продуктами договоренности. Слова приобретают свои значения исключительно в контексте текущих социальных межличностных взаимоотношений. Вне этих традиционных процессов научной коммуникации любое объяснение превращается в пустую форму. Я могу выстроить какую угодно теорию, но если я игнорирую сложившиеся традиции разговора об этом предмете, то меня никто не воспримет и даже не будет пытаться воспринять. Степень устойчивости во времени той или иного образа мира, той или иной теории, того или иного объяснения определяется не объективной ценностью предлагаемых объяснений, а превратностями социальных процессов. При изменении социальной ситуации некоторые объяснения становятся резко неприменимыми, вне зависимости от того, правильные они или неправильные. Роль языка в жизнедеятельности людей зависит от характера его функционирования в отношениях между людьми – языковые модели и конструкции определяются исключительно ритуалом отношений в среде людей, где эти языковые формы циркулируют. Одна из главных задач конструкционистского учения, как ее формулирует Джерджен – обогащение арсенала теоретического дискурса в надежде повысить потенциал практик.

Получается, что понимание людей, в том числе научное понимание, определяется, прежде всего, тем контекстом, в котором выстраивается наука. Понимание есть результат совместной деятельности людей, их договоренности. Одна из ключевых для социального конструкционизма работ называется «Диалогические реальности» или «Реальности общения» (*Conversational realities*) (Shotter, 1993). Действительно, именно диалог в широком смысле, не между двумя, а между многими людьми, конструирует ту реальность, о которой в нем идет речь. По-разному построенный диалог, в частности, между учеными, между научными школами, внутри научной школы может по-разному конструировать одну и ту же реальность и заставляет по-разному с ней практически работать.

Основная форма работы в русле этой конструкционистской парадигмы заключалась в попытках деконструировать объяснительные концепты и модели, т.е. разложить их на составляющие и понять, почему используются именно такие термины или теории, эксплицитировать

те социальное содержание, которое имплицитно оказывается вложенным в научный термин. В 1990-е годы публиковалось множество работ такого плана. Социальный конструкционизм органично слылся с таким женским социальным движением, как феминизм, который боролся против конкретного варианта конструирования взглядов на образ женщины и образ мужчины в обществе. Феминизм стал основным полем приложения социального конструкционизма, потому что его основной пафос заключается в том, что образы полов во всех социальных текстах, в общественном сознании, идеологии и психологических теориях конструируются предвзято. На данный момент возможности социального конструкционизма в психологии полностью продемонстрированы и практически исчерпаны. Понятно, что психологические теории важно анализировать с точки зрения того социального содержания, которое в них может имплицитно вкладываться, психология возобновляет свой интерес к самой объясняемой реальности, к объекту. Конструкционизм постепенно преодолевает собственную односторонность и принимает более конструктивные формы, в частности, форму диалогической психологии.

От монологизма к диалогизму. Начиная с 1980-х годов как на Западе, так и в нашей стране наблюдается стойкий рост интереса к таким авторам, как М.М. Бахтин, а также Л.С. Выготский и Дж. Г. Мид. Они ввели в психологию неклассическую идею диалога как особой смысловорождающей реальности, несводимой к передаче информации и другим однонаправленным процессам. В обоснование необходимости и уникальности диалогического подхода использовалась восходящая к М. Мерло-Понти и Г. Бейтсону метафора: только при бинокулярном зрении возникает ощущение глубины, отсутствующее при монокулярном. Диалог рассматривается в этом подходе не только как форма межличностного взаимодействия, но и как форма взаимодействия с объективированным миром культуры, а также с самим собой. Диалогичность Я, внутреннее многоголосие является нормой и не тождественно психофрейдистскому расщеплению. Здоровое Я, отмечает лидер этого направления Хуберт Херманс, подразумевает многоголосие, но при обязательном сохранении метапозиции, которая позволяет увидеть между этими голосами определенные связи, упорядочить и структурировать вариативность позиций внутри Я. При этом мы вовлекаемся в диалог определенными областями нашего Я, в то время как остальные области сохраняются вне этого диалога, а границы между теми и другими оказываются достаточно гибкими

и подлинным. Мы можем вовлечь в диалог разные области своего Я. В 2004 г. было учреждено Европейское общество диалогических исследований.

От изолированного индивида к живящему миру. Более двух десятилетий назад Ф.Е. Василюк (1984) противопоставил два альтернативных подхода к психологическому познанию и исследованию – онтологию изолированного индивида и онтологию живящего мира. Онтология изолированного индивида рассматривает человека изначально как отдельный объект, вырванный из всех контекстов изолированный «препарат». Описав присущие ему свойства, можно посмотреть, как они проявляются в связях и взаимодействиях с миром и другими объектами. Этот подход, исходящий из принципиальной возможности описать человека в отрыве от его естественных жизненных связей, от мира, Ф.Е. Василюк считает глубоко ошибочным, потому что невозможно вырвать человека из мира, в котором он изначально пребывает и с которым он изначально связан «спущенной своей жизнедеятельности». Человек рождается уже в мире, он является единственным существом, для которого вообще существует мир, а не среда. Более того, сам механизм развития человека во многом связан с теми отношениями, которые складываются у него с окружающей реальностью. Человек и мир оказываются двумя взаимодополняющими элементами единой системы, из которой нельзя вычленить человека и рассматривать его вне отношений и вне связи с миром.

Под этим углом зрения я проводил анализ проблемы потребностей (Леонтьев Д.А., 1992). Изначально потребности рассматривались как выходящая исключительно внутри организма, а потом, в середине XX в. стали возникать теории, описывающие потребности как формы связей между индивидом и миром, как двусторонние отношения в процессе реального взаимодействия индивида с миром. Имеются интересные, хоть и неяркие, эмпирические подтверждения того, что без взаимодействия с миром потребности не формируются. Например, если новорожденного ребенка с момента рождения кормить из чашки, то у него сосательный рефлекс не возникает вообще. Много, что казалось врожденным, без специфического взаимодействия с миром не возникает. Например, у слепоглухонемых врожденной ориентировочно-исследовательской потребности не оказалось. Если слепоглухонемому от рождения ребенку дать в руку предмет, тот его не ощущивает. Если его научить ощущивать, показать, как это делать, потребность начинает формироваться. И это относится не только к потребностям.

Каким образом формируется представление о смысле собственных действий? Дж. Шоттер проводил в свое время исследования, в которых показал, что решающую роль в его формировании играет интерпретация материю произошедшей ребенком. Ребенок осуществляет некие действительные действия, мать интерпретирует их как имеющие определенный смысл, ребенок видит, что для матери они имеют смысл, и тогда они начинают приобретать смысл и для него (Shoemaker, 1984). Таким образом, сегодня оказывается необходимым изучать человека, изолированного от контекстов его жизнедеятельности. Наоборот, верен противоположный взгляд, который Ф.Е. Василюк (1984) назвал онтологией жизненного мира.

С этой же трансформацией связаны все больший сдвиг акцентов от отдельных действий или черт на личность и ее жизнь в целом. Эту тенденцию также в свое время анализировал Ф.Е. Василюк (1984), отмечавший, что хотя в теории деятельности, например, отдельная деятельность представляет собой абстракцию жизни в целом, а предмет представляет собой абстракцию мира, понятия те причинны, по которым мы изучаем только отдельные абстракты, а не жизнь в целом и мир в целом. Однако, изучив отдельные части, абстрагированные в целях анализа компоненты, мы затем неизбежно должны вернуться к целому. Сам Василюк сделал очень много для введения в психологию понятий жизни в целом и мира в целом, лежащих в русле упомянутого вектора, общемировой тенденции. Выполняется все больше работ, которые охватывают не какие-то отдельные акты, а жизнь в целом. Предметом не только теоретического осмысления, но и эмпирических исследований становится жизненный путь, жизненные стратегии, стиль жизни, цель жизни, смысл жизни. Перечисление только наиболее важных работ заняло бы не одну страницу.

От детерминизма к самодетерминации. В мире давно идут дискуссии на тему «детерминизм и свобода человека», причем не только в психологии. Одна из первых дискуссий на эту тему состоялась между Мартином Лютером, написавшим трактат «О рабстве воли», и Эразмом Роттердамским, противопоставившем ему трактат «О свободе воли» (Эразм, 1987). Мартин Лютер утверждает, что божественное предначертание исключает свободу воли. Эразм отвечает ему: если человек создан по образу и подобию божьему, а Бог свободен в решениях и поступках, то человек тоже должен быть свободен. В XX в. благодаря успехам естественнонаучной и классической психологии стали возобладать детерминистские позиции. В дискуссиях последних десятилетий стоит

вопрос о том, полностью ли детерминировано поведение человека или в нем есть какое-то пространство свободы (см. подробнее: Леонтьев Д.А., 2000). Неклассический подход, отрицающий псевдетерминированность человеческого поведения, получил мощную поддержку со стороны естествознания, например, отмеченных Нобелевской премией работ И. Пригожина по неравновесной термодинамике (см.: Пригожин, Стенгерс, 1984). Пригожин обнаружил и описал процессы в неорганической природе с разрывами детерминации: в определенных точках они могут принять два разных направления, и нет ни одного фактора, который бы предопределил, какое из этих двух направлений процесс примет: это зависит от случайности. Если с детерминизмом бороться бесполезно, то случайностью овладеть можно, что показал Л.С. Выготский (1983) в своих исследованиях использования детьми арбузия как механизма овладения случайностью.

Вспомним формулу: «Проблема личности есть проблема того, что, для чего и как использует человек — врожденное ему и приобретенное им» (Леонтьев А.Н., 1983, с. 385). Эта лаконичная формула замечательно переключается с экзистенциалистским подходом к личности, суть которого заключается в том, что как врожденное, так и приобретенное влияет на поведение, но ни одно из влияний не оказывает равного детерминирующего воздействия. Наоборот, если мы не желаем им подчиниться, мы способны эти влияния ассимилировать и переизлучать в нужное русло, либо найти какой-то способ поведения, который позволит не подчиниться им. Р. Май (May, 1981) говорил, что суть человеческой свободы заключается в паузе между стимулом и реакцией. Стоит остановиться и сосчитать до десяти, как вы выпадаете из жесткой цепи естественной причинности, цепи реагирования на стимул. Современная психология, таким образом, утверждает принципиальную возможность свободы и самодетерминации. Одну из главных оснований и проявлений человеческой свободы заключается в том, что человек способен вводить и устанавливать, а также пересматривать основополагающие принципы, регулирующие его собственное поведение, не подчиняясь автоматически заданным принципам (Harte, 1979; Ruchlak, 1979). В этой способности заключается суть личностной автономии. Дословно «автономия» переводится с древнегреческого как самостояние, обладание собственным законом и следование ему — как в политике, откуда пришло это слово, так и применительно к личности (см.: Дергачева, 2005).

Ключевую роль в самодетерминации играет рефлексивное сознание. Вся традиционная психология описывает человека как существо,

не обладающее рефлексивным сознанием. Если мы сравниваемся сознанием как отражением окружающего мира и не включаем критическое рефлексивное сознание, все сравнительно просто. Можно критиковать, протестировать наши потребности, учесть возможности их реализации, сравнить их силу все включить и вывести равнодействующую, предсказать с высокой достоверностью, какой вариант поведения я выберу в данной ситуации. Однако, как только я включаю рефлексивное сознание, прогноз становится невозможным, потому что я могу принять любое решение – нет такого варианта в данной ситуации, который я не мог бы выбрать. Другое дело – какую цену мне придется заплатить за каждое из решений, но если я принимаю на себя ответственность за сделанный выбор, я выхожу за рамки естественной причинности и могу поступиться гораздо большим, чем в том случае, если я такой ответственности не принимаю.

Экзистенциальный способ рассмотрения можно считать дополнением основной линии традиционной психологии. Вся классическая психология исходит из того, что человеческое поведение принципиально предсказуемо, если достаточно полно учесть все всеобъемлющие факторы. Это эмпирически верно и успешно работает для большинства случаев поведения большей части людей в большинстве ситуаций. Но, во-первых, есть некоторые ситуации, в которых традиционный подход не работает. Изначально экзистенциальные вопросы возникли на материале так называемых неэтичных ситуаций личностных сломов и кризисов, когда привычный мир человека рушится и у него нет никаких адекватных стереотипных форм выученного поведения. Традиционная психология детерминизма бессильна помочь человеку, который должен принимать решение в отсутствие детерминант, один на один с миром, как и в противоположной ситуации, когда у человека все выключено, но ему надо еще что-то, к чему он страстно стремится без явной необходимости. В этих двух ситуациях человек принимает необусловленные решения. Если традиционная психология изучает человека в тех его аспектах, в которых он является детерминированным, экзистенциальная психология изучает человека в тех ситуациях, когда он является самодетерминированным.

Эти два крайних случая, ситуации со знаком минус и со знаком плюс, – ситуации, в которых традиционная психология просто не работает, в которых ответы на вопросы может дать только экзистенциальная психология. Однако и во всем промежуточном диапазоне ситуаций с большим умальным весом обусловленности, в которых чаще всего удовлетворительными оказываются ответы традиционной психологии,

человек может выйти в режим самодетерминированности, включая рефлексивное сознание. Есть замечательная формула Геттлера, которая, как мне кажется, содержит квинтэссенцию всей психологии личности: «Обстоятельства и мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в которой он сам позволяет им это» (Геттлер, 1971, с. 26). В этой формуле заключены две глубоких психологических истины. Первая: обстоятельства и мотивы нами управляют, если мы позволяем это, не включая рефлексивное сознание. Вторая: мы можем и не позволять им управлять собой, с помощью рефлексивного сознания включившись в управление собственной жизнью.

Они потенциальны или существуют реально? Термин «потенциально» принадлежит В. Франклу (1990), который ввел его для обозначения подходов, сводящих развитие человека к полному развертыванию врожденных потенций, изначально заложенных в него на биологическом уровне. Речь шла о теориях самоактуализации К. Гольдштейна, К. Роджерса и А. Маслоу в ее раннем варианте (см. о них подробно: Леонтьев Д.А., 2002). Суть потенциальности можно кратко сформулировать так: все, что формируется в ходе развития, потенциально заложено в организме уже при рождении и должно развиваться при наличии благоприятных условий. Разнится то, что потенциально заложено, является единственной подлинной движущей силой организма и личности и может принимать форму одних или других поведенческих «эквивалентов». Противоположность потенциальному — экзистенциалистская позиция «Существование предшествует сущности» (Сартр, 1994). Она гласит, что никакое развитие не преддано и не гарантировано — человек сам выбирает, чем он станет, в процессе своей жизни, проектируя в себя.

Если Гольдштейн и Роджерс занимали практически тождественные потенциалистские позиции, в дальнейшем не менявшиеся, то Маслоу, вначале придерживавшийся практически таких же взглядов, всю дальнейшую жизнь постепенно дрейфовал в направлении позиции экзистенциалистской и в конце практически полностью на нее встал. В интервью, которое он дал одному из коллег за полтора года до смерти, Маслоу говорил, что его расчет на то, что если создать человеку идеально благоприятные условия, мы обеспечим его полное развитие и совершенствование, не оправдался. Оказывается, нет такого комплекса условий, который автоматически порождает бы развитие и самоактуализацию. Все зависит от самого человека, причем решающим является признание, цель, смысл, направленность на

делю (Маслоу, 2003). Экзистенциалистскую позицию можно выразить формулой: главным фактором развития личности является сама личность. Разумеется, эта позиция, которая в последние годы звучит все громче, никак не вписывается в модель классической науки. Лидер американской ветви экзистенциальной психологии Р. Май писал: «Экзистенциальная психотерапия может быть названа экзистенциально-гуманитарной, поскольку она выступает против предложения терять техников, за возрождение гуманитарного подхода. Экзистенциальная терапия не задается вопросом, как это делается, а ищет скрытые пласты смысла в высказываниях клиента, а также мифы и символы — в его психологии и жизни» (Май, 1998, с. 78).

От количественного подхода к качественному. Последние два десятилетия психологическая наука переживает настоящий бум качественных исследований. Связанный с классической моделью науки измерительная парадигма подразумевает выделение четкой дифференцированных друг от друга переменных, каждой из которых соответствует своя количественная мера. Однако человеческую реальность образуют жизненные миры, смыслы, цели и другие элементы, которые нельзя описать через набор количественных показателей; она требует качественной характеристики содержания. Только при изучении человека и продуктов его деятельности наука впервые сталкивается с такой реальностью, как содержание — во всей остальной живой и неживой природе содержания нет. Психология впервые столкнулась с этой реальностью при появлении психоанализа, проективных методов, а затем методов анализа документов. Во всех этих случаях перед исследователем разворачивалась качественно своеобразная реальность, которую предстояло понять, истолковать, сделать из нее некие выводы без опоры на данные каких-либо измерений. Фактически проблема состояла в специфическом переводе с языка той реальности, в формах которой исходной содержание было дано (сновидения, протоколы ТАТ или теста Роршаха и др.) на язык психологических терминов. Именно перевод является сутью любой интерпретативной или герменевтической работы: понимание есть перевод на одной знаковой или смысловой системы в другую. Конечно, при работе с качественным содержанием полностью трансформируется и принимает иной вид проблема валидности и достоверности выводов. Сейчас эта проблема по-новому встает применительно к таким методам получения данных, как контент-анализ или интервью, которые получают новую интерпретацию как диалогические процессы (см., напр.: Квалс, 2003).

И не имея возможности здесь подробно остановиться на анализе соответствующей методологии, ограничусь лишь констатацией того, что движение от не знающих содержания количественных стратегий познания в психологии к качественным, опирающимся на непрерывные, но измеримые и интерпретируемые содержания, также представляет собой одно из хорошо различимых измерений неклассического вектора в психологии.

От констатирующей стратегии к действенной. Под обозначением «действенная стратегия» мы объединяем все методологические традиции, основывающиеся на идее неклассического исследования, позволяющего реальность или порождающего новую реальность, в противовес классическому типу исследования, направленного на констатацию того, что есть, и систематически ищущего возможности выявления каких-либо изменений в изучаемый объекте. Отход от классической модели был связан с осознанием принципиальной невозможности изучать сознание человека, не меняя его. Две основные традиции развития методологии действенного исследования связаны с именами К. Левина и Л.С. Выготского. Первым еще в 1920-е годы в берлинском цикле экспериментальных исследований аффектов и действия разработал новый тип эксперимента, а в 1940-е годы в контексте решения прикладных социально-психологических проблем сформулировал методологию действенного типа исследования, в котором неразрывно соединены исследовательская сторона и осуществляемое психологом полное изменение (см.: Левин, 2001). Выготский в русле своего подхода к развитию как процессу, имеющему не столько естественную природу, сколько направляемому обучением, то есть представляющему собой целенаправленно организованную деятельность, или взаимодействие, вышел на психотехническую парадигму исследования. Исследование, согласно этой парадигме, возможно только в процессе изменения того психологического процесса, который является объектом изучения (см.: Пузырей, 2006). Эти две традиции не являются единственными; аналогичные им по сути идеи время от времени появляются в рамках терминологического облачения, например, идея конструктивной психологии Е.И. Головахи и А.А. Кроника (1997). Общим для них является то, что в качестве способа существования объекта изучения рассматриваются непрерывные трансформации, которые и служат ключом к познанию: залогом возможности и одновременно критерием адекватности познания объекта выступает возможность изменить его предлагаемым образом.

Таким образом, различные описанные выше исторические тенденции развития психологической науки в XX в. можно рассматривать как разные стороны или грани единого вектора, который был обозначен здесь как гуманитарный, или неклассический (в широком смысле слова) вектор. Общий знаменатель всех описанных тенденций состоит в том, что они знаменуют переход от классического типа научного исследования, характерного для естественных наук, ко все более полному и многостороннему учету специфики человека как уникального объекта познания и разработке специфической методологии познания этого объекта. Сам анализ, представленный в статье, носит индуктивный характер и не претендует на логическую стройность и выверенность, он представляет собой скорее рефлексивно-фактическое познание дел в существенной области нашей науки и попытку разглядеть за пестротой тенденций более или менее ясные ориентиры.

ЛИТЕРАТУРА

- Адэрно Г. и др. Исследования авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001.
- Аскаков А.Г. По ту сторону сознания. М.: Смысл, 2002.
- Барр В. Социальный конструкционизм в психологии // Постклассическая психология, 2004. № 1. С. 29–44.
- Батман М.М. Проблемы творчества Достоевского (1929) // Собр. соч. Т. 2. М.: Русские словари, 2008. С. 5–175.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Академия-центр; Медиум, 1995.
- Бенвенистер Д. Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология. Экзистенциал. М.: Апрель-пресс; ЭКСМО-пресс, 2001. С. 308–332.
- Васильев Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Высоцкий А.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2.
- Гелл Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
- Гвоздева Е.В., Кролик А.А. Сове и другим // Психология с человеческим лицом / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 92–110.
- Дерямина О.Е. Личностная автономия как предмет психологического исследования. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005.

- Джурджев К.* Динамика социального конструирования и современной психологии // Социальная психология саморегуляции маргинальности / Под ред. Е.В. Якимовой. М.: ИНИОН РАН, 1995б. С. 51–73.
- Джурджев К.* Социальная психология как история // Социальная психология саморегуляции маргинальности / Под ред. Е.В. Якимовой. М.: ИНИОН РАН, 1995а. С. 23–39.
- Дорфман Л.Н.* Эволюция в искусстве. М.: Смысл, 1997.
- Дорфман Л.Н.* Эвипарическая психология: исторические и философские предпосылки. М.: Смысл, 2003.
- Дорфман Л.Н.* Методологические основы эвипарической психологии. М.: Смысл; ИЦ «Академия», 2005.
- Евлев С.* Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2000.
- Келли Дж.* Психология личности. СПб.: Ювента, 1999.
- Левин К.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум. М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев А.В.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.
- Леонтьев А.В.* Выбранные психологические произведения. В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1.
- Леонтьев Д.А.* Желанный мир человека и проблема потребностей // Психол. журн. 1992. Т. 13. № 2. С. 107–117.
- Леонтьев Д.А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журн. 2006. Т. 21. № 1. С.15–25.
- Леонтьев Д.А.* Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 13–46.
- Леонтьев Д.А.* Неклассическая психология состояний // Психология интеллектуальных состояний. Вып. 3 / Под ред. А.О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. С. 60–66.
- Мандриковича М.К.* Философия и личность // Человек. 1994. № 3. С. 5–19.
- Маслоу А.* Маслоу о менеджменте: самодетерминация, прославленный менеджмент, организационная теория. СПб.: Питер, 2003.
- Мэй Р.* Терзания свободы // Эволюция психотерапии. Т. 3. М.: ИФ «Клос», 1988. С. 72–84.
- Сартр Ж.-П.* Точность избранные произведения. М.: Республика, 1994.
- Спенсер Н., Спенсер Н.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
- Цукеррей А.А.* Психология – психотехника – психогоника. М.: Смысл, 2006.
- Фрейд З.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Шварц В.* Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.
- Яковлев Д.Б.* Выбранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980.

Друин Роттердамский. Философия поведения. М.: Наука, 1987.

Маслова Е.В. Социально конструированная реальность: социально-психологические подходы. М.: ИНИОН РАН, 1999.

Harre E. Social being. Oxford: Blackwell, 1979.

Adler A. What life should mean to you. London: George Allen and Unwin, 1980.

Maddi S. The search for meaning // Nebraska symposium on motivation 1970 / Ed. by W.J. Arnold, M.M.Page. Lincoln: University of Nebraska Press, 1971. P. 137–168.

May R. Freedom and destiny. N.Y.: Norton, 1981.

Rachels J. Discovering free will and personal responsibility N.Y.: Oxford University Press, 1979.

Shanter J. Social accountability and selfhood. Oxford: Blackwell, 1984.

Shanter J. Conversational Realities: the Construction of Life through Language. London: Sage, 1993.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА, ИЛИ ЛОЖНЫЕ ДИХОТОМИИ В ПСИХОЛОГИИ

Г.В. Корнилова

Пути интеграции знания в психологии не могут обсуждаться вне проблемы соотношения используемых со методов. Психологическое знание изначально предполагает реконструкцию психологической реальности в рамках того или иного метода как способа соотношения теоретических представлений и способов организации эмпирии для «опробывания» теории практикой психологического исследования. Сама эта практика также является предметом методологического анализа, одним из результатов которого стало представление о нем, что на сегодняшний день психология находится на этапе поли- или мультипарадигмальной науки¹⁴.

Рассогласование методов, на которые опиралась метафизическая психология, рассматривалось Л.С. Выготским в качестве одного из оснований определения состояния психологии в двадцатые годы XX в. как кризисного. Поскольку впоследствии произошла определенная подмена изначально подразумевавшейся им дихотомии, приведем сопоставление Выготским оснований двух несовместимых способов занятий психологией: на основе эмпирическом и феноменологическом методов (таблица 1).

¹⁴ После введения Ф. Вассилевым представления о слепоте в психологии в качестве введения представления о слепоте на сцене психологической практики как действительности практикуемой психологом понятие субъективной слепоты введено не психологическим словарем, что не является оправданным хотя бы потому, что относится к одному классу – методов академической психологии – все психологические методы, направленные на проверку научных гипотез, solving проблему различия их возможностей для проверки разных типов гипотез или для достижения разных целей исследования.

Таблица 1

Различия методов двух психологий (как основаниями для новой психологии на науку и метафизическую, по Л.С. Выготскому)

	Аналитический метод	Феноменологический метод
1	Направлен на познание реальности	Не предполагает бытия той сущности, на которую направлен
2	Изучает факты и приводит к достоверному знанию	Добывает истины идеальные, абсолютно достоверные и общезначимые
3	Предполагает опытное, т.е. фактическое (по Юму) познание	Основывается на интуиции, т.е. не есть вид опыта
4	Опирается на обобщения и новые единичные факты, приводит к новым фактическим обобщениям, имеющим ограниченную и исключительную	Приводит к познанию не общего, но идеального (вневременной, вневещной, умопостигаемой)

Речь здесь не идет об аналитическом методе в какой-либо его разновидности (наблюдения, эксперимента или др.), но фиксируется его общая направленность на то, чтобы психологические воззрения критически соотносились с результатами практики как получения опытных данных.

Разделавшись Выготские взгляды, согласно которым сущностное познание основывается на интуиции, а аналитическое – на индукции, было потом переосмыслено применительно к научному методу в исследованиях как Карла Поппера (об обобщении на основе гипотетико-дедуктивного метода), так и Курта Левина (о понятии психологического закона). В год написания Выготским очерка «Исторический смысл психологического кризиса» (1927) эти работы Поппера и Левина еще не были (они вышли в 1934 и 1931 гг.). Но критическое прочтение этого фрагмента не оставляет сомнения в том, что им была схвачена основная линия демаркации психологических воззрений на основе различения научного и ненаучного методов.

Отечественная психология в меньшей степени, чем зарубежная, уделяла внимание специальной методологии, что, на наш взгляд, породило ряд искажений в соотношении направленности теорий и методов исследования. Напротив, в разработке проблемы объективного метода в психологии усиленно озабочены представители культурно-исторического деятельностного подхода, а также Б.М. Теплов и позже М.К. Мамарданидзе и В.П. Зинченко был сделан существенный

прорыв в познании методов психологии, рефлексия которых не всегда включается в наименование способов организации конкретных исследований.

«По содержанию специальная методология той или иной науки есть совокупность исследований, включающая обработку языка этой науки (ее терминологию и утверждения), исследование, усовершенствование и изобретение ее теорий, выявление и исследование ее эвристических допущений... и т.д. — т.е. вся та работа, которую выполняют так или иначе теоретики данной науки (а не логики и методологи вообще)» (Зинковский, 1971, с. 260). Таким образом, целью методологических исследований является не конструирование особой систематической методологии (с этой точки зрения в психологии невозможно специализация «методолога»), а осознание наукой своих парадигм — в том числе и тех допущений, которые приняты оспой не логическим путем (или логично предложить прямо противоположное, или логика допускает и то и другое). С этой точки зрения утверждение, что каждый психолог сам себе методолог, выглядит более обоснованным, чем положение о том, что психолог должен воплощать в своем исследовании все-то другим (методологом с большой буквы) выстроенный аппарат научных познаний. Другое дело, что психолог не должен пренебречь логикой, проваливая логическую несовместимость (редукционизм в построении теоретической системы, артефактные выводы и пр.).

Осознание допущений в рамках конкретной науки — это также и осознание метода соотношения теории и опытных данных. Для психологии в свое время судьбоносной проблемой стало осознание возможностей и ограничений метода аморфоскопии, позже — выработка критериев объективного метода в психологии. Сегодня в психологии осознается проблема освоенности и ограничений экспериментального метода. Этот метод сыграл свою интегрирующую роль в становлении научной психологии. Однако настало время обсудить его место в современных методологических устремлениях психологии.

ПРИЧИННОСТЬ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Сложившаяся в XX в. естественнонаучная парадигма в психологии, которой активно противопоставляется гуманитарная парадигма, была отождествлена с экспериментальной парадигмой в науке. Это

одна из первых ошибок, отраженных в методологических дискуссиях (Психология и язык..., 1993). Второй ошибкой, о которой мы будем говорить, стало отождествление гуманитарной парадигмы с отказом от экспериментального метода. Третьей — искажение позиции В. Дильтея об основании отказа от объяснений в психологии.

Естественнонаучная парадигма в психологии отразила соответствие определенного способа познания психологической реальности той общей стадии развития науки, которая характеризовала классическую картину мира и первоначально базировалась на законах механики в понимании детерминизма (дополненного вероятностным, или лапласовским, и исторически смысловым биологическим, физиологическим детерминизмом). Но одновременно она полагалась и на экспериментальную парадигму в развитии научного знания, которая стала общей для ряда естественных наук и к окончанию Нового времени означала принятие определенной логики проверки истинности знания на пути, который был выработан в противовес индуктивному методу. Позитивистское и неопозитивистское обращение к методу как основному элементу в организации эмпирического исследования и заданный этим направлениями разрыв с теорией, подвергаемой не содержательному, а формально-логическому анализу, не стало в методологии науки основанием экспериментальной парадигмы²⁷, как это сегодня ошибочно представляется в ряде отечественных публикаций (Юршич, 2000, 2003).

Общей основой этой парадигмы стал путь доказательства от противного, обоснованный в 1834 г. К. Поппером как общая логика установления экспериментальных фактов при проверке научных теорий и получивший название критического реализма. До 1983 г. работы Поппера на русском языке не издавались. Внимание к частной методологии как выделенно специфичи методов психологической науки в советской психологии также не наблюдалось. И в ней «естественным» образом произошло отождествление позитивистской методологии с практикой экспериментальных исследований. Эта «практика» необходимо включала разные пути интерпретаций с использованием тех или иных методологических принципов (единства сознания и деятельности, развития, системного подхода). В какой момент и почему только определенный способ обращения к эксперименту (в рамках именно позитивистской методологии) стал рассматриваться как

²⁷ В качестве таковой полагается в отдельности или в любых научных направлениях, поддерживающих свои теоретические гипотезы экспериментальной проверкой.

характерный для психологического эксперимента вообще — это еще предстоит познать историкам психологии.

В контексте же данной статьи важно подчеркнуть следующее. Совсем не континтизм следует полагать в основу так называемой экспериментальной парадигмы в науке. В отличие от методологии континтизма, методология экспериментирования с позиций критического реализма предполагает в качестве основного метода выдвижение гипотезы для проверки теоретических реконструкций и опору на то или иное понимание закона¹⁹, и это отражено в современных учебниках по экспериментальной психологии (Корнилова, 2002; Эксперимент и квазиэксперимент, 2004; Нобкамп, 1981). Однако не меньшее вышло в других учебных пособиях, не отличающих знакомство студентов с планированием психологического эксперимента какими-либо методологическими предпосылками соотношения теорий и эмпирических данных (Коттедидер, 1982 и др.). Поэтому напомним эти предпосылки.

Три основные условия причинного (каузального) вывода были восприняты психологией вместе с включением экспериментального метода в качестве средства наиболее строгого способа проверки теоретических гипотез. Эти условия означали определенную взаимосвязь логика вывода и организация предметно-чувственной деятельности исследователя. По мере она стала называться экспериментальной парадигмой, в рамках которой классическое понимание причинности прямо соотносилось разработку теоретических законов описания мира с экспериментальным методом проверки научных гипотез. Гипотетико-дедуктивный метод направлял получение эмпирических данных с целью проверки теоретических утверждений, предполагая выполнение трех условий:

1. Причина предшествует во времени следствию. Последующие выводы об имплицитивном отношении, выражаемые в высказываниях типа «Если..., то...» обеспечиваются управлением причиной действующего фактора, или экспериментального воздействия.
2. Существует ковариация (неслучайная связь) между изменениями причинно действующей переменной (называемой также независимой) и следствием, или изменениями фиксируемой зависимой переменной.

¹⁹ Другой вопрос — как эти разные методологии провозглашались и реально выполнялись в различных научных школах.

3. Отсутствуют конкурирующие гипотезы, т.е. проверяемой теоретической гипотезе как объясняющей устанавливаемую эмпирическую закономерность не могут быть противопоставлены столь же сильные объяснения, исходящие из другой теории или анализа другого круга переживаний (как воздействующих факторов).

Детерминизмом такого типа и отразил понятие причинности на этапе становления в естествознании классической картины мира. Ему стало соответствовать понятие *выдействующей причины*¹⁹, предполагающее проявление при определенных условиях того или иного закона. Важно, что это представление лишь постепенно формировалось в рамках ассоциативной психологии, где приняло облик положения о необходимости прямого воздействия как условия возникновения ассоциаций. В XX в. в психологии в рамках практически всех психологических школ, за исключением бихевиоризма, экспериментальный метод реализовывался с определенными поправками на психологическое познание причинности (в первую очередь это касалось выполнения первого условия причинного вывода), на характер психологического воздействия (проблема соотношения фиксируемых переменных и изучаемого балансного процесса) и учет взаимодействия с испытуемым, по отношению к которому «объектные» схемы изучения имели явно ограниченную область применения.

Важно отметить также, что познание действующей причиной связывалось в первую очередь с законами природы, или осмысленными законами, которые как дедуктивные конструкции (предполагавшие определенные идеальные объекты) «накладывались» на изучаемую реальность. Общественная жизнь человека осмысливалась в ином познании законов. Приведем только один из аспектов — противопоставление К. Поппером нормативным законам. «Нормативный закон, будь то правовой акт или моральная заповедь, вводится человеком. Его часто называют хорошим или плохим, правильным или неправильным, приемлемым или неприемлемым, но "истинным" или "ложным" его можно назвать лишь в метафорическом смысле, поскольку он описывает не факты, а ориентиры для нашего поведения» (Поппер, 1992, с. 92). Нормы, будучи конвен-

¹⁹ Такой причиной (от среди четырех известных причин у учителя Аристотеля).

циональными, т.е. возникшими в результате соглашения, являются искусственными, но также объяснимыми в том смысле, что они не выдумываются человеком, который обнаруживает их в обществе. Нормативные законы контролируются человеком – ретинидами и действиями сначала других людей, которые могут применять санкции (наказывать или предупреждать тех, кто нарушает закон или неисполняет работу), а потом и им самим.

Крамчатский думает в отношении законов означает лишь то, что нормативные законы, в отличие от законов природы, могут устанавливаться и изменяться человеком.

Другой аспект состоит в том, что человек имеет возможность выбирать, следовать ему тем или иным законам или нет. Его решение соблюдать или изменить их означает, что он несет моральную ответственность «не за те нормы, которые он обнаруживает в обществе, только начиная размышлять над ними, а за нормы, которые он согласился соблюдать, когда у него были средства для их изменения» (там же, с. 93). Результатом размышления может стать желание изменить «существенные» нормы²⁹.

На этапе утверждения вероятностное понимание причинной детерминации, существенный вклад в которое внес Лангас, соединивший представление о линейной детерминации с ее проявлением в совокупностях связей, важным шагом стало обнаружение в больших совокупностях сложных объектов закономерного действия регулярных причин (в меньших совокупностях «затемняемых» действиями причин нерегулярных). То есть отличительной чертой сложностемического закона стало его понимание как проявляемого только в совокупности явлений. Поскольку обычно человек имел дело с индивидуальными явлениями, он не мог видеть многочисленных закономерностей, раскрываемых с помощью специальных мер только в совокупностях. Но и это не изменило основного принципа лангасовского детерминизма.

²⁹ Этих идей были новые гипотезы, возникавшие у человека. Но для природы гипотезы права на существование, воплотить их путем эволюционной силы – это, по Попперу, основной критерий «открытого общества». Давать возможность развиваться любым направлениям мысли – критерий открытого общества. Событиями образования и критическому анализу, начала которого положил Протагорас, и полагалась Попперу для того, чтобы рассмотреть не только разницу в понимании законов природы и общества, но и ввести принципиально новый критерий различия общества – открытого и закрытого, смысл которых представляли не от отсутствия до наличия двух.

Специально обсуждался также вопрос о том, можно ли считать статистические законы эмпирическими. К концу XIX в. на него был дан отрицательный ответ: в статистической закономерности случайности вмешивают друг друга, и выдвигается только «обиды для них тенденции». Предсказание касается, таким образом, поверхности явлений, а не внутренних причин колеблющихся процессов²¹.

Положение о том, что возможно иное понимание закона — как *эмпирически-аналитической взаимосвязи* между скрытой причиной и феноменически проявленным следствием было сформулировано К. Левниным, причем применительно к сфере возникновения намерений человека и их психологических последствий. «*Эмпирически-аналитические определяемые являя причины* (сюда относятся и типы состояний) и есть то, что принято назвать законом» (Левнин, 2001б, с. 124). Это понимание наиболее близко подошло к той логике взаимоотношений между теорией, законом и экспериментом, которая сложилась первоначально в естественных науках применительно к идее действующей причины.

В советской психологии изначально была принята ориентация не на естественнонаучное, а на философское понимание закона, связанное с традициями диалектического материализма. В 1982 г. Б.Ф. Ломов в статье «Об исследовании законов психики», опубликованной в начале дискуссии в рамках «Психологического журнала», обосновывал левнинское понимание однородности понятий закона и сущности, предполагающее, что закон есть «идентичное и явленное, устойчивое и повторяющееся». «*Научное явление и сложное и раскрытому существенным, необходимым, устойчивым, повторяющимся сущим, отличаемым между явлениями*» (там же, с. 18).

Но почти за полвека до этого в работах философов (в частности, венского кружка, где выступил со своей концепцией феноменологии Э. Гуссерль и к которому первоначально принадлежал Поппер) и психологов (В. Дильтея, К. Левина, Э. Шрангера) уже обсуждалась проблема специфики психологических законов, обусловленной особенностями психологической реальности и, в частности, высших форм психики.

Изменение классической картины мира в связи с переходом естествознания и философии к неклассическим критериям рациональнос-

²¹ По мнению одного из лидеров позитивизма Г. Каррера, попытка формулировать общезначимые законы в статистических терминах прямо связана с недостаточным знанием о детерминации социальных явлений культуры.

ти — в целом к неклассической стадии развития науки, по Стенгину (Стенгин, 2000) — по-разному соотносилось с возникновением «неклассических ситуаций» в психологическом исследовании. Огромную роль в методологическом осмыслении проблемы метода — как всецело наследует в психологии «делу понимания» в силу «не-приоритетности наблюдателя» — сыграла работа М.К. Мамардашвили (Мамардашвили, 1981). Но она практически не оказала влияния на специальную методологию, связанную с представлением самих психологов о возможностях методов психологического исследования. Они осуществляли прорыв в представлении возможностей неклассической психологии сразу на уровень постпозитивистской картины мира. И как показали недавние работы Е. Завершиной (Завершина, 2001, 2002), в психологии скорее следовало бы говорить о методологических замечаниях (на исправляемо принятой методологии других наук), чем о методологическом освоении собственного опыта возникновения неклассических ситуаций. Это был тот случай, когда аналогии, апеллирующие к физике микромира, не проясняли, а снимали проблему.

Изменение понимания причинности в науке о микромире означало не только отказ от понимания физикалистской причинности в том его виде, в котором оно сложилось в истории естествознания и было принято в слове естествонаучного эксперимента. Оно изменило понимание закономерности. Физический закон служил дедуктивной логике объяснения в рамках детерминистского понимания «природных явлений, включая принципы непосредственной передачи и прерывности в причинном обуславливании. Это были принципы, отражающие эстетический идеал рациональности в познании. И как отметил А.Г. Асмолов, этот идеал стал тем трюковым козлом, которого дали психологии классическая философия и физика (Асмолов, 2002).

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ПРИЧИННОСТИ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ

Главное завоевание в методологии физики в первой трети XX в. — это изменение понимания физикалистской причинности, которое было связано не только с возникновением статистических описаний в картину микромира, но и с кардинальным изменением понимания детерминации как причинно-следственной. Включение вероятности

в картину микромира было связано с последующей дискуссией относительно возможности онтологизации свойств частиц, описываемых с использованием кода вероятностей. При этом физики могли оставаться на прямо противоположных позициях, а в целом эти позиции означивали очерчивание основных подходов в квантовой механике и философское осмысление возможности говорить о законах бытия материального мира.

М. Планк и А. Эйнштейн отстаивали единство физической картины мира и предполагали, что некоторая неполнота причинного обусловливания объясняется не законами бытия, а именно неполнотой статистических законов (неполнотой квантовой механики). Добавим к этому обсуждение при построении современной неклассической картины мира принципа *неопределенности* (покаже мы вернемся к нему в контексте произвольности толкования этого принципа за рамками физического познания), или проблему «постоянной Планка» как указания на ограничения в описании объекта мерой взаимодействия с ним в ходе физического измерения. То есть в физике процесс измерения играет принципиальную роль в силу необратимости понижений в ходе включения явлений микромира.

Итак, в квантовой физике оказалось, что измеряемые свойства физических явлений конституируются процессом измерения и зависят от того, в каком опыте и какими средствами они отображаются. В 1930 г. дискуссия, по словам Н. Бора, приняла «драматический характер». Выбранный В. Гейзенбергом способ описания свойств элементарных частиц привел его к выводу о том, что «атомным объектам не имеет больше смысла приписывать пространственную структуру» (цит. по Захаряева, 2001, с. 72).

Спор между сторонами остался незавершенным. Позиция каждой из них включала априорные допущения. В последующем понимании физической причинности стало развиваться в новых направлениях. Оно включило принцип *двойственности* в физическую картину мира, принцип *сетевой аркиадамо дивиди* — в описании устройства мира, а также ряд интерпретаций принципа *неопределенности* как *исключающего предположения*, и в том числе о *физическом детерминизме* (последнее представлено в популярной книге американского физика Кэри [Кэри, 1986])³².

³² В той или иной мере примерами парадигмальных изменений, происшедших в физике, и в космологии, являются и признание классического принципа детерминизма единственно в физической картине мира.

Если в переходе к неклассическому периоду развития науки основную роль сыграли достижения физики первой трети XX в., то переход к следующей постнеклассической стадии науки (в парадигмальном изменении принципов построения научного знания) был связан с достижениями в области культурологии, постпозитивистской философии, и появлением новых типов организации знаний. Эти основные выходы классической картины мира обсуждаются в статье Гусельниковой (Гусельникова, 2002), и мы к ним еще вернемся.

Но пока остановимся на следующем: в использовании представлений о вероятностном детерминизме в рамках социального познания, и особенно в физической картине мира, в парадигмальной перестройке других наук (в частности, биологии) не отменяли существования в описании закономерных явлений представлений о детерминизме, основанном на понимании линейной причинности (при понимании причины как воздействующей или целевой), и вероятностном описании (детерминистски представляемых явлений). Вероятностный принцип стал включаться в схемы объяснений практически для всех уровней физической и социальной реальности. Но это не решило проблему методологического понимания вероятности как аспекта мира или элемента его описания при учете множественности причин, в равной степени регулярных и действительных.

Изменение понимания причинности в естествознании в постнеклассической картине мира касалось иного аспекта: перехода к представлению о прерывности причинности. Было введено представление о саморазвитии динамических (физических) систем, понимаемых как непрерывнозакономерные. События стали рассматриваться как следствие неустойчивости хаоса, а присутствующая в эксперименте переменная как причина означала лишь то, что «внешние условия (например, экспериментальные) сдвигают равновесие в неустойчивой системе таким образом, что из всех потенциальных возможностей реализуется только одна» (Пригожин, Стенгерс, 2000, с. 245).

Отказ от представления о воздействующей причине разрушает основной принцип экспериментального размышления как гипотетико-дедуктивного вывода, когда в основу конструируемой экспериментальной модели кладется некоторая теоретическая гипотеза, полагаемая в рамках действия закона. Но для психологии такой подход не является новым. Идея самодетерминации реализовывалась в ряде психологических теорий. И действительно, именно эта линия психологической практики и практики исследования выглядит мак-

специально отстоящей от нормативной экспериментальной дисциплины. Последнее включало предвосхитку аналитического подхода, что было отмечено в уже приведенной схеме Выготского, и заключалось в использовании понятия переводных и исследовательской практике экспериментирования.

Переход в последней трети XX в. к постклассической стадии в научной картине мира явно означал отход от идеи аналитичного пути познания. Холлистическая парадигма, т.е. рассмотрение мира как взаимосвязанного целого, в XX в. заменила структурное его рассмотрение, предполагающее определенную архитектонику (физической реальности) и раскрытие законов, согласно которым элементы образуют целое. Возникли совершенно новые представления об их взаимосвязи — так называемые «будущинные» теории, предполагающие внутреннюю взаимосвязанность («омниуровненность») реальности.

Идея тотального детерминизма стала исчезать даже из естественных наук, которые привлекали новые математические разработки для описания эволюции физических систем. В самой психологии в это же время стал обсуждаться переход к иным представлениям о путях соотношения теории и жизни. Причем речь здесь идет о теориях, заведомо предполагающих допущения о целостности развития личности и отказ от понимания воздействующих причин — т.е. о формировании гуманитарной парадигмы. И осмысление этого явления в психологии начало происходить в том числе в контексте отказа от экспериментальной парадигмы.

КРИЗИСНАЯ, ИЛИ МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Следует обратить внимание на то, что постановка проблемы кризиса в психологии изначально связывалась с рефлексией ее метода. Появление кризиса относят либо к началу двадцатого века (десятые-тридцатые годы), когда на место единой ассоциативной психологии пришло «множество психологий» — со своими предметами и методами, со своими теориями и видами практического приложения психологических знаний; либо к ее постоянному состоянию, напоминающему хроническую болезнь и продолжающемуся по настоящее время. Именно отсутствие единой парадигмы в психологии вызывает перманентные дискуссии о том, находится ли она в кризисе или еще не доросла до

стадии «нормальной» науки²¹. Но означает ли это, что ориентировка на продолжение кризиса должна быть связана с отказом от одних методов в пользу других? И следует ли при этом забывать, что изначально ограничение объяснительной психологии связывалось именно со званием гипотеза, наиболее важным в методологии экспериментирования (как гипотетико-дедуктивного метода соотношения теории и эмпирических данных)?

Применительно к психологии сознания словосочетание «опытная наука» не означало «наука экспериментальная». Экспериментирование было введено в опытах Фехнера, Эббингауса, Вундта, но не в той логике гипотетико-дедуктивной проверки гипотез, которая будет характеризовать экспериментальную парадигму к концу XIX в. в естественнонаучном познании. В. Дильтей критиковал именно звание гипотеза в построении классической картины мира (Коперник, Галилей, Ньютон) и выражал резкое неприятие роли гипотез в естественнонаучном познании. Для Дильтея познание в поле гипотез исключало возможность причинного познания: звание гипотез не может помочь психологическому познанию, поскольку «в познании природы данные сложные комплексы устанавливаются благодаря образованию гипотез, в психологии же именно связанные комплексы первоначально и постепению даны в переживании» (Дильтей, 2001, с. 11). Кроме того, факты в области душевной жизни не достигают той степени определенности, которая необходима для соотношения их с теорией. Вред позитивизма, связываемого с объяснительной психологией, заключается в «бесплодной замкнутости». Предложенный Дильтеем выход – замыкание причинности в «мгчимые положения о связи душевной жизни».

В приведенной выше схеме Выготского именно отсутствие звание гипотез ставит под вопрос возможность понимания аналитического метода как экспериментального. Более того, развитие в культурно-исторической психологии метода, который сам автор назвал экспериментально-генетическим, явно было направлено на продолжение отождествления аналитического метода с естественнонаучной парадигмой. Но это был совсем иной путь соотношения теории и эмпирии – утверждение в гипотезе об опосредствованном характере

²¹ Наличие открытого и обоснованного кризиса в психологии, который, по Т. Куну, является естественным условием смены парадигм в науке, говорит в пользу того, что в психологии мы действительно имеем дело с проблемой, аналогичными процессами роста и развития научного знания в более «продвинутой» области науки.

развития высших психических функций единства теории и метода, воплощенного в принципе *эмпиоинварианты* (в методиках «двойной стимуляции»).

Уже у Дильтея видна ошибка отождествления позитивистского подхода с объяснительной психологией. Подход к гипотезам как «спекулятивному» элементу теоретизирования затмил другую их функциональную роль — как средства перехода к эмпирическому опробованию на истинность обобщенных, или теоретических высказываний. Прогностичность же Дильтея заключалась, на наш взгляд, не в создании предпосылок гуманитарной парадигмы в психологии (как это обычно представляют), а в остром восприятии попыток перенести на психологическую причинность как старое понимание детерминизма, так и метафизический принцип при «рациональном» построении психологического знания. Отождествление им этого принципа с принципом экспериментирования как проверки выдвигаемых гипотез — существенный просчет. Объяснительная психология действительно оказалась связанной с экспериментальной парадигмой, но не с тем ее воплощением, с которым Дильтей боролся как с «метафизикой». Экспериментальная парадигма, эксплицированная в этапной работе Поннера в 1934 г., предстала сначала в логике фальсификационизма, а впоследствии — в представлении о развитии объективного знания как преобразования пространства проблем, основным средством которого стал путь выдвижения и проверки гипотез.

Следует отметить, что сегодня и метод эмпианты в психологии представлен ничем, чем во времена Дильтея. Одно из методологических замечаний о нем как новой парадигме, учитывавшей специфику «мира человеческих отношений» по сравнению с миром природы, сделал Дж. Брунер. Логика нарратива как новой парадигмы психологического описания является сегодня в разных психологических подходах, в частности, в методологии социального конструктивизма (Брунер, 2001). Однако с ней связывают уже принципиально иной этап — постклассическую стадию развития научного знания.

История развития психологической науки показала ошибочность в другой позиции — отставания первенства определенной методологии. Свообразие психологии состоит в том, что вновь возникающие парадигмы не приводят к уходу ее сцены прежних, а продолжают сосуществовать и развиваться параллельно с ними, что позволяет говорить о поли- или мультипарадигмальности психологии. И сегодня в психологии вполне сосуществуют и естественнонаучная

парадигмы, сочетающая в себе опору на экспериментальный метод и способ объяснения, апеллирующий к естественнонаучному пониманию причинности, и ряд других исследовательских парадигм, где экспериментальный метод включен в новую логику опосредствованного познания истины – в первую очередь здесь следует назвать деятельностную и когнитивную парадигмы, а также большую часть исследований в рамках гуманистической психологии.

Для психологии утверждение тех или иных парадигм связано не только с развитием науки, но и с опорой на высшие методы. Во времена давления идеологии это был один «поводок», сегодня – другой. Он связан с апелляцией к ценностному компоненту психологического знания. То, что в постсоветнистской картине мира допустимо включение ценностных отношений в психологическую теорию – лишь один аспект проблемы. Другой аспект, о котором сейчас хочется сказать – монополизация позитивных ценностных отношений гуманитарной парадигмой, в лишение любых других направлений права использовать таковые.

ГУМАНИТАРНЫЙ ИДЕАЛ И ОТНОШЕНИЕ К ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМУ МЕТОДУ

В 1990-е годы в отечественной науке и философии спор о возможностях метода возродился в рамках дискуссии о соотношении естественнонаучной и гуманитарной парадигм (Психология и новые... 1993). С одной стороны, он отражал изменение критериев научности в понимании психологических методов и объяснительных принципов. В этом следует видеть его позитивный вклад в рефлексию основ психологического исследования. С другой стороны, он характеризовался негативным противопоставлением экспериментального метода другому пути к психологическому знанию – пути психопрактик и использованием языков описания (повествования). В контексте данной статьи важно подчеркнуть следующую особенность платформы сторонников гуманитарной парадигмы: отсутствие позитивной направленности на интеграцию содержательных проблем психологического объяснения и методологии организации исследования. От эксперимента как признака «естественнонаучной» парадигмы предлагалось отказаться. Тем самым закрывался вопрос о возможностях этого метода в рамках других объяснительных парадигм.

Однако последнее явно противоречило развитию той психологии, с которой и связывалось в начале 1960-х годов представление о гуманистической парадигме как новом идеале научной психологии. При этом вопрос о том, какие теории могут претендовать на принадлежность новой парадигме, а какие — нет, оставался открытым. Он решался скорее путем самоидентификации авторов. Какие-то теории заведомо относили к гуманистическим по предмету изучения и принятым отношениям к нему в психологическом исследовании (это концепция Г. Олпорта, А. Маслоу, К. Роджерса, Ш. Бюлер, Р. Миз и др.). Какие-то — по принципу, отражающему неэкспериментальный подход. На этом втором основании, как отмечал О.К. Тихомиров, к «гуманистическим теориям» относят и концепцию Дж. Брунера (ярчайшего представителя психологии познания), и ряд других теорий (Тихомиров, 1992).

В отличие от появления движения в сторону гуманитарной парадигмы, связанного у отечественных авторов в первую очередь с отрицанием экспериментального метода, зарубежные представители гуманистической психологии разрабатывали — и, главное, реализовывали — программы коммодовольствующего (синкретичного) использования разных методологических платформ. Они провозгласили методологические альтернативы в психологии и предлагали способы их соединения, что стало уникальным явлением в истории западной психологии (Кришнер, де Карвальо, 1993). Указанные зарубежные авторы останавливались на этих позициях столь подробно, что далее уже невозможно делать ту ошибку, которая связана с подведением под термин «гуманистическая психология» некоей единой гуманитарной парадигмы, якобы заведомо отрицающей путь экспериментирования в психологической науке и практике. Мы не рассматриваем вслед за авторами указанной статьи развитие этого направления в 1960-е и 1990-е годы не столько потому, что соответствующие школы еще малоизвестны отечественному читателю, сколько потому, что, как указывается в цитируемой статье, гуманистическое направление с уходом его основателей отчасти потеряло свою значимость как особая система, а ее уникальные методологические завоевания усваиваются другими течениями.

Кришнер и де Карвальо в своем обзоре ввели понятие экспериментальной методологической парадигмы, существующей в психологии наряду с экспериментальной. Отличительной чертой экспериментальной парадигмы выступает использование феноменологических и экзистенциальных методов, позволяющих изучать уникальное в че-

ловека. Прорыв в обосновании этого нового пути сделали, по мнению авторов статьи, именно американские психологи в силу неудовлетворенности принципами междисциплинарного и атомистического препарирования природы человека в бихевиористском подходе, с одной стороны, и мифологическим отношением к пациенту в психоанализе, с другой стороны. Стремление представителей гуманистической психологии к возврату в психологию общечеловеческих ценностей проявлялось в противопоставлении методов объективного и субъективного исследования, хотя разными авторами представлялись различные акценты в соотношении перспектив феноменологии и позитивизма в эпистемологической перспективе психологии.

Не будем повторяться и еще раз подчеркивать необходимость различения экспериментального метода в рамках методологии критического реализма и позитивистской установки на понимание пути научного познания, отметим только, что эта ошибка проследывается не только у отечественных, но и у цитируемых зарубежных авторов. Сейчас важно другое: отказ от конформизма в понимании роли методов продемонстрировали только некоторые авторы гуманитарной парадигмы, в частности, Р. Мэй. Он вернулся к старому противопоставлению описания и объяснения в психологии, считая, что исследование причинно-следственных связей должно уступить место изучению феноменологии состояний человека. Обращение к прямым методам, связываемым с феноменологическим и экзистенциальным подходами — действительно важное отличие экспериментальных объяснительных схем от тех, которые связаны с экспериментальным методом в психологии. Но они возможны не только при ориентации на гуманистический идеал.

Поиск новых идеалов научности на своем деле возродил на новой основе старую дихотомию прямых и косвенных методов в психологии. Разработка косвенных методов изучения психологической реальности — в силу невозможности принятия идеи ее непосредственной данности — тот аспект преодоления кризиса, который формулировался уже Л.С. Выготским. Однако на современном этапе развития психологического знания эта проблема звучит по-другому: в частности, она затрагивает вопрос о роли исследовательской деятельности в конструировании психологической реальности. Это стало также аспектом сравнения неклассического и классического идеалов рациональности, в частности, когда речь идет о включенности субъекта познания как участника ситуации и необходимого условия конструирования получаемых фактов (а не только теоретических реконструкций изучаемой

реальности). Для психологов здесь существует масса академических примеров: и исследования методом интроекции, и взаимодействие в ходе решения дункеровских задач, и ряд других.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОНИМАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЯ

Явно устаревание принципа каузальности, имеющего в основе физическое понимание причинности, не означает, что психология должна отказаться от объяснительного принципа вообще или от развития исследовательских целей в средства их достижения. Тем более из этого не следует, что гуманистические ценности в психологии должны противопоставить от методологии классическому идеалу естественности. Психологический эксперимент давно перестал быть по своей сути естественнонаучным; он в такой же степени стал и конструктивным. Приведем в этой связи замечание В.Л. Зинченко, высказанное им в работе «Теоретический мир психологии». Он указывает, что психика изучается психологическими методами, если источником реконструкции онтологической реальности выступает такой психологический эксперимент, в котором эта реальность оказывается очищенной от любых живых обстоятельств, чтобы не нарушить строгости эксперимента. Психологи в таких экспериментах стали создавать «абстрактные и беспредметные миры задолго до художников, поэтов, композиторов, не говоря уже о кино. От таких миров не так прост возврат к мирам реальным, если они еще сохранились, и если мы знаем, что они собой представляют» (Зинченко, 2003, с. 10). И налаживание взаимоотношений между теоретическим миром психологии и миром экспериментальной модели — это особый предмет размышлений.

Далее Зинченко обосновывает преодоление постулата непосредственности через «восприятие, опосредствованное душой», или «шестым» органом чувств. И совершенно неожиданным оказывается его обратный ход к оценке роли экспериментальной психологии в построении опосредствованного знания. В.Л. Зинченко говорит о том, что она преодолевает пределы строительства человеком своего телесного и духовного, когда создает ситуации, которых в жизни практически не бывает. Она открывает человеку его возможности, делая полезное дело, конструируя их, причем все как в первый раз (здесь он ссылается на Мамарданлили, считавшего, что человек все делает как в первый

рам). Тем самым экспериментирование способствует самопроизводству человека, отвечая идее «Природа не делает людей, люди делают себя сами». При этом Зинченко использует идею «третьих» вещей, «второго рождения» человека, по Мамардашвили.

Как показала развитие психологии и последующие за дискуссией о соотношении естественнонаучной и гуманитарной парадигмы десятилетия (Психология и новое... 1993), в современной картине мира, соотносительной теперь уже с постклассическими периодами, предположаемого ею противопоставления нет. С одной стороны, гуманитарный идеал существует скорее как провокационная ценность и «образ желаемого результата», чем как указание новых путей психологического познания (Юренич, 1999). Возвращение же к прямым методам не предполагает отрицания тех завоеваний психологии, которые связываются с косвенными методами, в первую очередь с экспериментом. С другой стороны, современные исследования все более уходят от противопоставления человека миру природы, а общий поиск альтернативных классическому механизму теорий – в частности, ориентированных на познание саморегулирующихся систем, – обнимает разные типы мышления – физический и иные (в том числе «гуманитарный»).

Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы пока не различаются методами, поскольку «гуманитарный идеал научного познания» может реализовываться и в академической психологии, и психотерапевтической практике, а психологи в рамках гуманистического направления используют и экспериментальный метод, и все возможности своего мышления, сформированные человечеством как индивидуальные схемы познания в периоды античности, классической (построенной естественнонаучием Нового времени) и неклассической картины мира – в первую очередь в связи с принятием данности психологического факта только как результата взаимодействия. Конструктивистская парадигма явно приходит на смену гуманитарной в осмыслении соотношения психологических теорий, используемых методов и той эмпирической реальности, которая оказывается (или мыслится) за исследовательским порогом.

К. Роджерс писал о практических успехах психологии, выражая опасения по поводу ее возможного могущества, поскольку при чрезвычайных возможностях манипулирования сознанием могут достигаться цели не только созидания, но и разрушения. Совсем не случайно в последнее десятилетие возникли представления о том, что психологическая практика также может оцениваться по-разному: появились оценки разных практик как конструктивной и деструктивной

психотерапия. Таким образом, не по линии ценностного опосредствования проходит линия разграничения психологического эксперимента и психофизиологического действия как психологических методов. Цели экспериментирования могут быть самыми гуманными, а главное, практическая помощь наиболее очевидна там, где речь идет о хорошо (а значит экспериментально) опробованной теории. «Хорошо» означает здесь максимальную критичность исследователя к способам достижения познавательной цели.

В психологии существует также проблема смысла — не только изучаемого, но и направляющего работу психолога. Но если это ценностное предосмысление воссоздаваемой ситуации позитивно трактуется применительно к психофизиологическим практикам, то остается непонятным, почему это должно негативно трактоваться — как антигуманно — в случае исследовательской процедуры в научной психологии.

Самостоятельной проблемой является разделение наук на естественные и гуманитарные. Настойчивость противопоставления в психологии строгого естественнонаучного мышления и мышления гуманитарного не может подменить содержательных аргументов в ведущемся на эту тему споре.

Критичность мышления, ориентированность ученого на то, каковы вопросы, а не только ответы, получаемые в исследовании — это свойства, в равной степени присущие как естественным наукам (с которыми ассоциируется экспериментальный метод), так и гуманитарным. Но в гуманитарных науках разработаны иные средства эмпирического опробования при проверке научных гипотез. Так, в исторических науках метод критического анализа документов — анализ экспериментального метода, также предполагающий воссоздание факта путем сопоставления гипотез и собираемых эмпирически данных.

Связь социальной ситуации с собственной логикой развития психологии рассматривается Т. Марцинковской (Марцинковская, 2004) как порождавшая сегодня обратную ситуацию — необходимости модификация естественнонаучной психологии и поиска нового объяснительного метода изучения познания, предполагающей перестройку самой классической науки. Методология, которая поможет переосмыслить принципы активности (при доминировавшем принципе отражения), связать всеядно усилия теоретических и практических психологов, а главное — признать равнозначность для фундаментальной науки областей, выделенных традиционно как непосредственные (интные) и опосредствованные (мыслные)

психологические явления, должна реализовываться как путь междисциплинарных исследований.

М. Коул через 70 лет после выхода работы Выготского также писал о двух парадигмах в психологии, которые он обозначает как «путь науки» и «путь истории и культуры». Формирование третьего пути и на его основе — единой психологии он связывает с объединением двух мировоззрений, «связанных с природной и культурной составляющими системы В. Вундта, в едином научном подходе» (Коул, 1997, с. 362). Таким образом, возможность третьего пути продолжает обсуждаться в связи с проблемой преодоления кризиса как размежевания предметов двух психологий (натуральных и культурно обусловленных процессов), но не тех двух психологий, которые имел в виду Выготский (материалистической и идеалистической, т.е. «метафизической»).

Другой аспект современного кризиса — тот, о котором Выготский не мог писать. Это переосмысление возможностей деятельностной парадигмы как средства преодоления непосредственного пути познания психического. Связанная именно с методологией марксизма, деятельностная концепция во многом повторяет путь естественнонаучно ориентированной психологии — ее стремятся обогнуть или заменить герменевтической психологией. Но сегодня это уже выглядит как переосмысление возможностей концепции Выготского в том числе и в контексте другой, не марксистской методологии (Брунер, 2001).

Этим же автором отстаивается позиция, согласно которой кризис психологии — это не только кризис «традиционной естественнонаучности» (обратим внимание, что речь идет уже не о том кризисе психологии, который у Выготского был связан с разницей методологических подходов к изучению низших и высших форм психического), но также и кризис взаимоотношений психологии с обществом. Образование двух сообществ — психологических сообществ, занятых преимущественно академической или практической психологией — также является одним из проявлений этого социального аспекта современной стадии кризиса (Юренич, 2000). И дело уже не в разработке когнитивных оснований науки, а в нормализации социальной составляющей ее развития. Раскрытие ошибок на пути ложных противопоставлений — еще один важный аспект дальнейшей интеграции психологии.

РЕЗЮМЕ

Отказ от экспериментирования в психологии означал бы отказ от того способа мышления, который она выстрадала, включив экспериментальный метод в свой багаж опосредствованного познания психологической реальности. В.И. Зинченко привел «панетирник экспериментирования», сформулированный полтом О. Максольдштамом в работе «О Данте» и удивительно точно передающий отличие этого метода от иллюстративного пути обращения к эмпирии: «Антиномичность дантовского опыта заключается в том, что он мечется между примером и экспериментом. Пример навлекается на шпильчатой торбы древясто окованна с тем, чтобы быть возвращенным в нее обратно, как только минует надобность. Эксперимент, выдергивая из суммы опыта те или иные нужные ему факты, уже не возвращает их обратно по ласковому шпильку, но пускает в оборот» (цит. по: Зинченко, 1993, с. 8). В экспериментальном методе главное — обращение к факту как к таковому, а процедура его установления и та логика рассуждения, в рамках которой навлекается научное знание.

В психологии все более утверждается позиция, согласно которой участие психолога как субъекта (а не только рассмотрение в качестве такового испытуемого) выступает необходимым условием конструирования получаемых фактов (а не только теоретических реконструкций изучаемой реальности). И главное здесь — критический анализ такого положения дел не только как пути авалина артефактов, но и как пути развития преобразующей функции психологического эксперимента, конструктивной с точки зрения раскрытия новых возможностей в человеке. При таком подходе к экспериментальному методу нет необходимости противопоставлять его гуманитарному идеалу, но необходимо противопоставлять ему методы, связанные с ориентировкой на непосредственное познание психологической реальности.

Эмпирическая реальность конструируется в исследовании — это отмечается как существенная черта и современных исследовательских методов, и современных психологических практик (помощи человеку). Кроме того, психология рефлексивирует воссоздаваемую в исследованиях (реконструируемую, а не непосредственно данную) картину мира и с точки зрения собственно методологического знания — как присутствие в психологических реконструкциях признаков классической и неклассической (а также постклассической) стадий развития науки. Принятие идеи взаимодействия субъекта познания и изучаемой реальности (хотя это еще не всегда реальность активной личности) ведет

и, соответственно, отношения к классическим словам экспериментальной психологии и обращению к теориям, предполагающим открытость человека миру.

Следующий признак нового типа научности – трансформация естественнонаучной парадигмы в психологических исследованиях, связанная с поисками компромисса между пониманием специфики психологической причинности и методом, который должен удовлетворять двум взаимоконфликтующим требованиям: условия причинного вывода, сформулированным в рамках естественнонаучной экспериментальной парадигмы, и психологическому эксперименту, соответствующему новым типам гипотез, предполагающим опосредованность психологической реальности, активность как признак саморегуляции и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- Арчер, Дж. Терапевство самообраза: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии, 2001, № 4, С. 3–13.
- Васильев Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ, Смысл, 2003.
- Выготский, Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. Т. 1. М., 1982. С. 391–436.
- Виноградов Р. Основы планирования психологического эксперимента. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Дроздович М.С. Культурно-историческая психология и «языково-постמודернизмы» // Вопросы психологии, 2002, № 3, С. 119–131.
- Дальнев В. Описательная психология. М., 2001.
- Заварзина Е.Ю. Проблемы неопределенности и дополнителности в качественной механике и психологии: проблема методологических замкнутостей // Вестник МГУ, Сер. 14. Психология, 2001, № 4, С. 67–77, 2002, № 1, С. 73–80.
- Зинченко А.А. Логика науки. М.: Мысль, 1971.
- Зинченко В.В. Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии, 1993, № 4.
- Зинченко В.В. Теоретический мир психологии // Вопросы психологии, 2003, № 5, С. 3–17.
- Корсаков Т.В. Экспериментальная психология. М.: Аспект пресс, 2002.
- Кора М. Комментарии к комментариям книги «Культурно-историческая психология: наука будущего» // Психол. журн, 2001, № 4, С. 93–101.

- Крайер С., де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии // Психол. журн. 1993. № 3. С. 113–126.
- Левак К. Закон и эксперимент в психологии // Психол. журн. 2001а. № 3. С. 192–198. 2001б. № 3. С. 114–127.
- Мандрикович М.Е. Классической и неклассической идеалы рациональности. Тбилиси, 1981.
- Марьяновская Т.Д. Междисциплинарность как системообразующий фактор современной психологии // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марьяновской. М.: Смысл, 2004. С. 61–83.
- Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. № 3. С. 113–121.
- Паннер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
- Паннер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002.
- Принцьял И., Спенсер Н. Порядок из хаоса. М., 2000.
- Психология в новые идеалы научности. (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 5.
- Степан В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2000.
- Холловей О.Е. Понятия и принципы общей психологии. М.: МГУ, 1990.
- Эксперимент и квазиэксперименты в психологии / Под ред. Т.В. Коряковой. М., СПб.: Питер, 2004.
- Крайер А.В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Крайер А.В. Психология в методологии // Психол. журн. 2000. № 3. С. 35–47.

КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В.Ф. Петренко

Эволюционная парадигма мышления, подготовленная философскими идеями становления (Г. Гегель) и развития (Монтеня, Ж.-Л. Буффон, П.Г. Бардер, М.Ж. Кондерес) и возникшая в биологии (Ж. Ламарк, Ч. Дарвин), затем была успешно перенесена в социологию (Г. Спенсер, К. Маркс), историю (Школа Аналож. Ж. Де Гофф, М. Блок, затем – А.Я. Гуревич), теорию космоформ (Э. Леруа, В. Вернадский, Тойбар де Шарден), лингвистику (младоромантики: А. Шлейхер, Д. Пауль, А. Поппель; в двадцатом веке – А. Мейе, Э. Бенвенист), космологию (А. Фридман, Г. Гамов, Э. Хаббл), эволюционную генетику (Н.И. Шмальгаузен, А.Н. Северцов), психологию (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, Дж. Келли). Идея качественного развития различных форм материи и духа стала важнейшим атрибутом научного, да и житейского сознания.

Эволюционная парадигма фиксирует возможность изменения законов функционирования системы по мере прохождения ею некоторого временного отрезка, траектории, исторической эпохи, цикла развития, жизненного пути.

Другой вектор становления эволюционного сознания, представленный синергетикой, или теорией диссипативных структур (И. Пригожин, Г. Хакен), связан с выражающей парадигмой потенциальной множественности возможных путей развития, множества траекторий, где ставшие актуально существующим бытие есть только одна из воплотившихся реализаций потенциально возможного, только одно из устойчивых состояний, к которым могла бы прийти эволюционирующая система. Применительно к истории возможность сослагательного наклонения – «что было бы, если бы реализовались альтернативная версия значимого исторического события», как в этом случае различа-

лись бы обстоятельства и формировались общественный менталитет и культура – осуществил А.Дж. Тойнби (1991).

В отечественной психологии, базирующейся на марксистской методологии, всегда, как имплицитно, так и эксплицитно (яркий пример – культурно-историческая концепция Л.С. Выготского), присутствовали идеи эволюционизма и активности познающего субъекта. Однако базовая метафора отражения, сыгравшая позитивную роль в рассмотрении эволюции психики на стадии ее адаптации и приспособления к природной среде (вспомним, например, «Проблемы развития психики» А.Н. Леонтьева с его сенсорной, перцептивной стадиями и стадией интеллектуальных операций), на более поздних этапах развития психологической науки, когда последняя перешла, в частности, к проблематике личности, на наш взгляд, исчерпала свой эвристический потенциал и стала во многом тормозить ее развитие. Метафора отражения в самом своем базовом образе содержит элемент вторичности психической активности, ее реактивности. Например, уже на уровне физиологии активности Н.А. Бернштейн вводит понятие «модель потребного будущего», П.К. Анохин же в своих работах, отдалая даль стагнирующей идеологии, вводит понятие «опережающее отражение». Само развитие теории физиологии активности неизбежно выводит методологию за рамки базовой метафоры отражения. «Опережающее отражение» – это, по сути, оксюморон. Другой пример исчерпания базовой метафоры дает, например, теория искусственного интеллекта, где особую роль приобретает база знаний, эволюционные системы с рефлексией, т.е. включающие уровни метаязыка, описывающего собственную базу знаний – знания о знании (Д.А. Поспелов). Проблема рефлексии знания, конечно, является ключевой и для человеческого сознания. Но опора на метафору отражения потребовала бы вообразить столь плохо описываемый образ «слизистого отражения», который мог бы породить только скорреализм Дала.

Мои атаки на базовую метафору теории отражения могут показаться излишними. В конце концов, в истории языка имеется много примеров, когда содержание слова утрачивает связь с породившей его метафорой и слово со стершимся образом становится термином-ярлыком. Но возьмем для примера физику, где трактовки электрона как частицы или как волны имели длительную историю борьбы и дискуссий. Фотоэлектрический эффект и данные о квантованном излучении при доминировании давали трактовку в пользу частицы, а феномены дифракции и интерференции при прохождении лучка электронов через щель свидетельствовали в пользу волны. Фиксация на том или

ним образ-метафоре направляла ход мысли того или иного теоретика, и противоборство школ было достаточно острым. И уравнение Э. Шредингера, описывающее функцию распределения плотности материи, странным уже вероятностную модель, как бы связывающую две предельные образные метафоры. Здесь можно сослаться на то, что понимание абстрактных теорий требует некоторой образности, а феномен «вторичной визуализации» абстрактных терминов описан в психолингвистической литературе. Сопремем на символизм Альберта Эйнштейна, говорившего, что он мыслит образами.

Но вернемся к психологии, в случае которой, в частности, проблема критики базовой метафоры имеет более глубокий смысл.

Обратимся к краткому психологическому словарю под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, который на сегодняшний момент является наиболее полным и полным справочником отечественной психологической науки. Он дает такое определение: «Сознание – высший уровень психического отражения действительности, присущий только человеку как общественно-историческому существу» (Петровский, Ярошевский, с. 368). Я не знаю, кому конкретно принадлежит авторство данной словарной статьи, но это, так сказать, школьное определение, пришедшее из учебников по философии, а средний студент на экзамене по психологии не может воспроизвести именно это. В последнем издании словаря (1998 г.) к этому определению добавилось еще и следующее: «Сознание – это высший уровень психического отражения и саморегуляции», что не мешает существу дела.

Что же отражает сознание? Действительность? Последнее предполагает нечто существующее само по себе (безотносительно к познающему субъекту), законы которого и изучает познающий субъект (так сказать, отражает). Эта представления стали расколотой нормой. Она базировалась на школьной, вульгарной трактовке диалекта, которую насаждала официальная идеология. (Отмечу, что в отечественной философии всегда существовали и более глубокие умы, но они были поставлены в такие условия, когда их влияние на общественное сознание, и, в частности, на психологическую науку, было сведено к минимуму. Я же говорю о некоем нормальном общественном сознании, с позиций которого принято рассуждать о законах физики, законах природы, законах функционирования общества.)

Важней бессубъектного понятия «действительность» С.Л. Рубинштейн в своем труде «Бытие и сознание», и особенно в книге «Человек и мир», вводит в психологическую литературу понятие «бытия». «Бытие как таковое, – пишет он, – как существует – это неслухное, первично

данное, необходимо предполагает мое познание, т.е. человека, существование сущего и познающего» (Рубинштейн, 1997, с. 9). И далее: «Познающий субъект — это человек, сущее, наделяемое сознанием, расположенное внутри сущего. Таким образом, основным является онтологическое отношение различных сущих, сущих с различным способом существования, а познание — это осуществляющееся внутри онтического отношения различных сущих» (там же). Здесь обнаруживается некоторая двусмысленность при сведении всего сущего к «объективной реальности».

Наука о бытии невозможна без человека. Специфическим способом существования человека, по Рубинштейну, является наличие у него сознания и действия (там же, с. 19). Мир, по Рубинштейну, есть «организованная иерархия различных способов существования, точнее — сущих с различным способом существования» (там же, с. 10).

Вместо бессубъектной «объективной действительности» объектом психологического рассмотрения и осознания у Рубинштейна оказывается «Мир существования как мир человеческого страдания...» (там же, с. 19). Рубинштейну верит М.К. Мамардашвили (1996), говоря о том, что бытие — это жизнь, в которой я сам участвую.

Проблема пристрастности бытия, включенности человека в мир, мир человеческой культуры, приводит, на наш взгляд, в рамках сложной логики и А.Н. Леонтьева в позднейшей период его творчества к понятию «образ мира», когда он говорит о плане квазиизмерения, в котором открывается человеку объективный мир. Это — «смысловое поле», система значений.

«Значения, таким образом, несут в себе особую мерность. Это мерность внутрисистемных связей самого объективного предметного мира. Это в есть плане квазиизмерения его!» (Леонтьев, 1979, с. 6)

Но система значений как носителей общественного сознания подразумевает введение в объект познания мир человеческой культуры. Тем не менее, Леонтьев строго следует материалистическому пути, говоря о «внутрисистемных связях объективного предметного мира». Однако введение значения «как единичной, связующей общности и обобщения» (Л.С. Выготский) в самую ткань образа мира, а значит, и моментно в позицию наблюдателя, вводит культурно-историческую составляющую в объект познания. Как тут не вспомнить дискуссию А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина, в рамках которой Леонтьев, отрицая прямую трансляцию ориентировочной основы действия во материальной форме в речевую (согласно теории поэтапного формирования),

говорил о том, что содержание, будучи выраженным в речи, в системе значений, неизбежно входит в новые связи и расчленения. В рамках работы «Психология образа» А.Н. Леонтьев, переключаясь с Ж. Пиаже и Дж. Брунера, пишет о построении «в сознании индивида многомерного мира, в котором мы действуем». (Леонтьев, 1979, с. 7). На мой взгляд, здесь уже содержится идея конструктивизма.

В дальнейшем эта линия размышлений получила свое продолжение в книге С.Д. Смирнова «Психология образа», в статье В.В. Петухова о картине мира. Особое место занимает статья В.П. Зинченко и М.К. Мамарданшвили «Проблема объективного метода в психологии», где авторы обосновывают правомочность понятия «психическая реальность» (Зинченко, Мамарданшвили, 1977). В философской и психологической литературе термин «объективный» (например, «объективные методы») часто по традиции относят к физиологическим коррелятам психических процессов. В понимании психической реальности авторы смещают акцент с субстанциальной трактовки объективного как доступного экстенциональным определениям и функционально-операциональному определению реального как опосредующего индивидуальную посылку и действительность, наделяя этим статусом и фантазию, и вымысел. «Субъектность сама входит в объективную реальность, данную науке, которая является объективной, культурно организованной по отношению к миру сознания, данному нам также и на "языке внутреннего"» (Зинченко, Мамарданшвили, 1977, с. 116).

О навязчивом и патологическом действии бессознательных представлений авторы статьи пишут, что «...эти патологические формации вытекают из психоанализом не из органических повреждений или структуры биологических инстинктов как таковых, а из ушедшей на дно работы субъективности» (там же, с. 119). В художественной форме эту мысль о реальности психического выразил, на наш взгляд, А.П. Чехов. Герой рассказа «Черный монах» Кошкин беседует с галлюциаторным образом монаха:

- Но ведь ты монах, — проговорил Кошкин.
- Это все равно, — ответил монах, — Легенда, монах и я — все это продукт твоего необдуманного воображения. Я — прирак.
- Значит, ты не существуешь? — спросил Кошкин.
- Дурой, как человек, — сказал монах и слабо улыбнулся. — Я существую в твоём воображении, а воображение твоё есть часть природы, значит, и существую и в природе.

Приведа этот отрывок, мы хотели подчеркнуть опосредующее влияние картины мира на поведение и жизнедеятельность человека. В настоящее время эта мысль наиболее интересно развивается в работах Ф. Вассилека о «жизненных мирах».

Близкие мысли звучат и в современной отечественной философии, на мой взгляд, переживающей в последнее десятилетие период духовного ренессанса и наиболее динамического развития. Свидетельством этого является, в частности, издание «Новой философской энциклопедии» (М., 2004). В словарной статье «Познание» И. Касанин пишет о том, что «познание не является "отражением реальности вне человека и человечества", но имеет дело лишь с содержанием коллективной деятельности и общения, поскольку последние нуждаются для своей организации в идеальных, т.е. возможных, пробных, приближительных, вариативных моделях и перспективах» (Касанин, 2004, с. 259).

На сходных позициях в рамках философии познания стоит и Л.А. Михалкина, утверждая, что «... господствующая долгое время фундаментальная метафора "познающий человек – это зеркало" существенно искажала реальное положение дел, заставляла ожидать от познающего копии, зеркально точных отражений действительности, тогда как на самом деле ожидания и, соответственно, оценки результатов должны быть другими, поскольку познание всегда идет в "режиме" выдвижения гипотез, что предполагает господство творческого, интуитивного и воображаемого начала, интерпретацию и проверку гипотез, активное смыслополагание, создание идеальных моделей и другие приемы не отражательного, но конститутивного и истолковывающего характера» (Михалкина, 2002, с. 16).

Реконструкцией картины мира субъекта в различных его локусах, будь то этническое сознание, политический менталитет или эстетические предпочтения, занимается, конечно, и экспериментальная психосемантика. Я не буду сейчас останавливаться на принципах психосемантики, так как неоднократно и подробно делал это в своих предыдущих письменных и устных выступлениях. Отмечу, что теория личностных конструктов Дж. Келли на Западе часто именуется собственно конструктивной психологией, согласно которой познающий субъект, подобно ученому, выдвигает и проверяет альтернативные гипотезы о мире, и поведение субъекта рассматривается не как реакция на внешние стимулы, а скорее как вопрос, поставленный миру. Хочу подчеркнуть другое. Несмотря на путаницы многих психологов аппарат формализации, включающий многомерную статистику,

факторный и детерминационный анализ, построение субъективных семантических пространств, выступающих операциональной моделью сознания, психосемантика во многом является вариантом проективной методики. Изометрические модели семантических пространств дают компактную, высоко структурированную, визуализированную форму репрезентации «имплицитных моделей личности» в терминах Дж. Брунера, П. Танигура, или «социальных репрезентаций» в терминах С. Московичи. Формализация позволяет обобщить исходный язык описания, сгруппировав исходные признаки-дескрипторы в более емкие категории-факторы, отражающие базовые формы категоризации, выявить число категорий-факторов, т.е. когнитивную сложность сознания в той или иной содержательной области; определить «перцентуальную силу признака» – субъективную значимость того или иного основания категоризации – по его вкладу в общую дисперсию; найти координаты коннотативных значений в рамках семантического пространства, фиксирующие смыслы субъекта по отношению к анализируемым объектам. Однако интерпретация выделенных структур требует наличия другого чувствующего, страдающего, включенного в человеческую культуру субъекта, который средствами своей пласики, своей субъективности моделирует психику, личность другого. Координаты коннотативных значений в семантическом пространстве выходяют, по сути, роль ориентировочной основы (в смысле П.Я. Гальперина) для деятельности по знанию, сопереживанию, встраиванию в картину мира, сознание другого человека. Классическая психометрика (испольним тест Кеттелла или MMPI) рассматривает субъекта как точку в пространстве диагностических показателей. Психосемантические же методы позволяют представить субъекта как носителя системы смыслов, что на операциональном языке соответствует не координатной точке, а целому облаку реперных позиций, и субъект выступает неким смысловым мировоззрением, индивидуальной системой мировосприятия и уникальной системой отсчета. Наряду с лингвистической теорией относительности Сепира-Уорфа нам представляется возможным говорить о психологической теории относительности категоризации и мировосприятия.

Согласно герменевтике (см.: Бадамер, 1988), естественные науки – это науки о познании, а гуманитарные науки направлены на познание. Согласно конструирующей психологии В. Диллея и Э. Шпрангера, «природу мы объясняем, а душевную жизнь понимаем». Мы интерпретируем это противопоставление как следствие различия объектов познания. Если естественные науки реализуются в рамках

субъект-объектных отношений, где объект познания самостоятелен и подчиняется неким законам, которые имеют детерминистический или вероятностный характер и заменяются (эволюционируют) слишком медленно в сравнении со временем бытия познающего субъекта, то гуманитарные науки, изучая мир человека, социальной группы, этнической общности, политического сообщества в их синхроническом или диахроническом аспекте, имеют дело с субъект-субъективной парадигмой, где взаимодействие исследователя с познаваемым возможно возникает как познаваемое, так и самого познающего. Применительно к личности человека, обладающей свободой воли и тем самым не являющейся жестко детерминированной системой, говорить о законах, на наш взгляд, некорректно. На уровне психологии личности нам не известно ни одного закона – в лучшем случае можно говорить о закономерностях в поведении. Человек обладает возможностью как выбора, так и открытия новых творческих форм сознания и бытия, которые заведомо не могли быть известны исследователю.

Как пишут создатели Н.П (Нейро-Лингвистического Программирования) Д. Грандлер и Р. Бондлер, наши проблемы являются следствием незнания нами наших собственных возможностей, и острота проблемы может быть снята ее переосмыслением (см. логотерапию В. Франкла).

Однако линия разделения на объяснительную и понимающую науки, очевидно, не совпадает с делением наук на естественные и гуманитарные, а определяется методическими средствами, которые использует исследователь. В психологической науке, например, в психофизике, используется естественнонаучная субъект-объектная парадигма, позволяющая формулировать, например, законы Вебера-Фехнера или Стевенса, а гуманитарная субъект-субъектная парадигма, по сути являющаяся интерпретационной, понимающей.

В гуманитарной парадигме познаваемое – другой человек или коллективный субъект – не является жестко детерминированной системой, подчиняющейся строгим законам, а обладает внутренним развитием (применительно к человеку) и свободой воли и выступает не равным, не тождественным самому себе в каждый новый момент времени. Чем более развитой является система, тем больше степеней свободы она имеет. Применительно к личности человека или социальной общности некорректными являются квантификаторские модели и прогнозы, построенные на принципе детерминизма. Речь может идти только о сигнарных вариантах развития событий, когда человек или общество реализуют одну возможность из всего потенциальных возможностей

в каждый момент времени. Поэтому описание человека или социальной общности в рамках понимающей психологии или социологии осуществляется через картину мира человека или социума, системы ценностей или мотивов, на которые опирается индивидуальный или коллективный субъект в своем планировании «потребного будущего» или при принятии решений.

Писатель А. Мороз отмечает, что человеческая жизнь скорее напоминает обрывки несовершенных романов, сюжетсы без продолжения, чем похожа на развернутую повесть с прологом, кульминацией и развязкой. Тем не менее, другой мыслитель-философ, Г. Померанц, анализируя маловероятное стечение обстоятельств в новейшей российской истории и судьбе ее лидеров, вынужден обратиться к категории «Провидения» в качестве объяснительного принципа. С нашей точки зрения, то, что мы называем судьбой, возможно, может быть объяснено действием более высоких уровней системной регуляции (колеи саморегуляции с обратной связью в духе Н.А. Бернштейна), которые пока еще не открыты, но включают в себя человеческое бытие как элемент более сложной системы развития «интегрального сознания».

В любом случае, человек и человечество меняются и эволюционируют в реальном времени со скоростью, сопоставимой с процессом познания познающего субъекта, что создает ситуацию своего рода аналога познающего и познаваемого, в ходе которого, как отмечалось выше, происходит взаимное влияние и изменение познающего и познаемого. Даже, казалось бы, история, изучаемая уже ретроспективно, «ставшее бытие», непрерывно переосмысливается и переписывается заново, так как в контексте новой ситуации сегодняшнего дня намечается все, значимость тех или иных свершившихся событий, меняется фигура и фон kaleidosкопа фактов. Как выразился Б. Пастернак, история выступает пророчком, «предсказывающим взгляд».

Наличие «самореализующихся прогнозов», функционирующих по принципу «крутовой каузальности», свидетельствует о том, что само познание меняет и структурирует бытие человека. Как подмечает Дж. Келли, «познание человека канализируется по тем же руслам, по которым происходит антиципация событий» (Kelly, 1955). Это положение, на наш взгляд, близко принципу «единства сознания и бытия» С.Л. Рубинштейна и исходит из того, что не только бытие определяет сознание, но и сознание организует, структурирует бытие (см. М. Вебер).

Применительно к искусству это выражается в том, что скорее не искусство отражает жизнь, а сама действительность ребенка подражает

искусству. Французский режиссер Жан Ренуар пишет о своем отце: «Он выдвинул толпу по образу своего идеала... Улицы наших городов полны Ренуарами-девушками, детьми с искренним взглядом и улыбкой, которая не отталкивает света».

Влияние теоретических конструкций психологической или, более широко, гуманитарной науки, построенных учеными, на жизнь, на социальное бытие общества, проявляется не менее отчетливо. XX в. — это культура, ментальность, искусство и даже политика — оказались густо насыщены идеями психоанализа Фрейда, которые, по своей сути, являются психотерапевтическими мифами. Говоря о психоанализе как о терапевтическом мифе, мы вовсе не отрицаем его огромную терапевтическую ценность или значимость открытого им мира бессознательного, защитных механизмов личности, феноменов трансфера и т.д.

Психоанализ дает пациенту некий язык, набор понятий и образов, позволяющих выразить его бессознанные травмирующие переживания, саднящие, как заноза, в бессознательном, и сделать их доступными сознанию, а осмыслен — изжить.

Говоря о психотерапевтическом мифе, мы подчеркиваем, с одной стороны, своеобразную поэтику текстов З. Фрейда, подобную мифологической, что неоднократно отмечалась, в частности, российскими и французскими структуралистами, а с другой — то, что психоанализ изложен в форме конкретных примеров и притч. В отличие от естественнонаучного языка парадигмальных наук, оперирующего идеальными моделями и реализующих объяснения через «возвращение от абстрактного к конкретному» (Давыдов, 1972), от неких обобщенных законов к частному случаю, который описывается также в некой обобщенной, идеализированной форме, психоанализ оперирует системой прецедентов (вспомним случай с пациенткой А, или случай господина Т; обращение Фрейда к собственным переживаниям детства). Можно по аналогии вспомнить «римское право» как иерархизированной, идеализированной свод законов, и английское право, построенное на системе прецедентов. Основание единичного не через понятие, категорию, а через символ (трактуемый Ж. Пиаже как символ типовой образ на класса родственных объектов, или, по терминологии Е. Рощ, прототип), в нашем случае — через выбранный Фрейдом пример из личного опыта, ведет к тому, что, осмысливая свои проблемы в рамках психоанализа, пациент, клиент, просто обычный человек, знакомый с психоанализом, во многом видит собственные проблемы через призму личностного опыта Фрейда, личности Фрейда. И не только Ренуар «выплеснул» на улицы Парижа тысячи своих моделей, но и Фрейд

вышел «из подполья» человека, основывающего и говорящего на языке психоанализа, спроецировав свою личность во множество других личностей — «своих детей не по крови, а по ментальности». В широком смысле все мы — в равной степени культуральной социализации — порождение литературы.

Яркий пример влияния науки на историю XX в. дает и марксизм. Развивая в социологии эволюционистский подход Ч. Дарвина, К. Маркс построил теоретическую модель смены экономических формаций в результате классовой борьбы. Революция как апогей этой борьбы выступала, по Марксу, в качестве «повивальной бабки истории», расчищающей путь лишенному эксплуатации светлому будущему — коммунизму. Образ идеального будущего, предложенный Марксом, являлся, по сути, продолжением утопических теорий Т. Кампанеллы, К. Сэн-Симона, Ф. Фурье и в более глубоких своих основаниях уходил корнями в историю раннего христианства. Согласно Н. Бердяеву, сама идея заимствована из христианской теологии и представляет собой принявшее светский облик эсхатологическое мессианство, унаследованное от иудейско-христианских пророков и попросту переименованное: «Вместо providentia обожествлена сама история и на ее алтарь брошено все и вся, иоаннителем первопродного греха сделан рабочий, а в грядущем обещано все то же второе пришествие Христа с мизодистыми руками и светлое царство духа, но только уже на земле. Свобода личности здесь растоптана железной поступью рационалистически истолкованной Истории, и жизнь столетиями поколений безжалостно принесена в жертву неведомому будущему "грядущему солнцу"» (цит. по: Вельховский, 1973, с. 21).

Возникнув как операциональная реализация новой утопии, идея классовой борьбы, «овладев массами», приобрела огромный эрестический потенциал, сопоставимый по пассионарности с потенциалом мировых религий, и в значительной мере направила историю XX в. по рельсам заданных Марксом конструктов. Они определили не только новейшую историю России, стран Восточной Европы, Китая, Вьетнама, Кубы и ряда стран «третьего мира», но и, задавая линию оппозиции «биполярного мира», повлияли на внутреннюю и внешнюю политику Запада. Можно сказать, что концептуальные рамки истории были заданы мыслью Маркса. История стекает с кончика пера философа. Конечно, мы веруем в суть исторического процесса, некоего, скорее, спаркиные варианты и свои точки ветвления и бифуркации, гипертрофируя роль отдельной личности в истории, которая писалась тысячами мыслителей и публицистов, но делаем это для того, чтобы

подчеркнуть мысль о том, что история — это, в первую очередь, реализация идей, которые олучивают политику и реализуют массы людей, внося свои элементы творчества, но «в начале было слово», несутщее вектору идеи. Идея же на языке психоанализа — это система конструкций или же обобщений. Среди множества социальных отношений, в которые вступает люди, Маркс выделил отношения купли-продажи «абстрактного рабочего труда», создающего «прибавочную стоимость». Отметим воутую, что и «социальные отношения» и «прибавочная стоимость» — тоже суть некие теоретические обобщения-конструкции, выделяющие какие-то аспекты социального бытия человека и определяющие те или иные пути их осмысления. Акцент, в примере, на производящей роли научных идей, ведущей к автоматизированному производству, мог бы породить новую концепцию развития общества, где наибольшей производственной силой является фундаментальная наука и соответственно ученые, а прогрессирующее развитие компьютерных технологий с обработкой знаковой информации вообще в корне изменит представления о труде, сближая его с творчеством и фантазией. Возможны и религиозные, и даже искусствоведческие модели всемирной истории.

В конце концов, не «хлебом единым жив человек», и этические идеи могут нести не меньшую пассонарную силу, чем борьба за предел собственности.

Рассмотрев на примере Фрейда и Маркса роль идей в порождении и конструировании социального бытия, где они интерартируются не как формы «отражения», а как некие возможные модели бытия, оказывающие обратное влияние на само описываемое бытие (не хотелось бы использовать слово «реальность», ибо она традиционно представляется как независимая от описания данность, которую «изучают» гуманитарные и естественные науки). В этом плане концептивный аппарат, который создает каждая гуманитарная наука (конечно, в том числе и психология) не только описывает, но и привносит в это описание новые связи и расчленения (а индифферентно — и некие аксиологические ценности), формируя в конечном итоге новые конструкции сознания (расширяя его), а через осознание конструирует и самую действительность. В рамках старого спора о том, что появилось раньше — «курица или яйцо», сознание или бытие, наука или действительность, мы подчеркиваем не только познавательно-описательную направленность науки, но и ее (в первую очередь для гуманитарной науки) конструктивно-конструктивную функцию.

Как мы стремились показать на двух предыдущих примерах, теоретические конструкции, предложенные мыслителем или ученым, будучи принятыми культурой, общественным сознанием, становятся теми реальными, по которым движется история.

Конечно, это не односторонняя дорога, ибо культура впитывает в себя идеи многих мыслителей, ученых, творцов искусства; здесь есть множество ветвлений, развилок, и каждая страна, этническая культура имеет свои исходные пункты движения; пути сходятся и расходятся, выстраиваются новые, но важно все же раз подчеркнуть, что они прослеживаются конструктами сознания. В начале было слово. В этом плане функция гуманитарной науки состоит не только в описании уже «становшего бытия», но и в порождении конструктов расширяющегося сознания, заданного движение «становящегося бытия».

Любая конструктивистская идея возникает в сознании погруженного в культуру субъекта и существует как текст в тексте, базируясь на множестве культурных миров, в которые погружен субъект, включая его неповторимый индивидуальный опыт. Отсюда уникальность и бытия каждого субъекта, и это «единственное знание». М. Полани (1983) пишет, что любое знание является личностным. Ближайшая мысль звучит и у В. Лекторского – в том, что Я как субъект познания выступает как «единство сознания, единство индивидуальной биографии и центр принятия решений» (Лекторский, 2001, с. 87). Любая, казавшаяся бы, даже эвидентистская или позитивистская идея, содержит в себе в «перевернутом виде» в философском осознании (а каждая философская система – это уникальная система отсчета), и некую культуральную парадигму, и имплицитную систему ценностей, и личностный смысл самого ее создателя. Категориальный аппарат каждой науки эксплицитно-содержит в ее истории, переклону мнений и позиций. Необходимо понимать, что, воспринимая тот или иной феномен, событие или поступок, мы неизбежно вносим в процесс его постижения те знания (научные понятия, существующие как текст в тексте), которые принесены самой историей его становления. Не существует эмпирического факта вне любой теории. О роли апериорализма писал еще В. Вундт.

Идея просеяния культур на объект познания имеет множество следствий. Так, в случае, например, теории индивидуальности важно различить саму онтологию, которую описывает та или иная теория, и конструктивную модель, которая для неререфлексирующего сознания и выступает эквивалентом этой онтологии.

Да. Келли имел понятие «эпохи применимости конструкта». Его суть заключается в том, что конструкт, созданный для описания

одной содержательной области, некорректно (в прямой, а не метафорической форме) переносить для описания другой. Например, оценка веса непримложима для описания запаха, а вопрос о локализации некорректен для мысли (не надо путать с локализацией нейронистических процессов, реализующих мысль в субстрате мозга). Важность метафорических переносов — особый разговор, требующий развернутого обсуждения (см.: Петренко, 1997), но правила приложимости конструктов на глубинных уровнях категоризации иные, чем на понятийном уровне, они починаются скорее «логике транс- или поэтического мышления. Так, метафорические соответствия на глубинном коннотативном уровне не позволяют выносить суждения по законам логики, построенной для понятийных уровней категоризации. Суждения типа «земля наша кормилица — мать (большая посылка), а мать не продается (малая посылка)», следовательно, «нельзя продавать землю в частную собственность», являются некорректными в силу нарушения «зоны приложимости» логических конструктов.

В свое время древние греки ставили в тупик парадоксы типа «вода течет» и «вода состоит из четырех букв». В рамках логической семантики (Дж. Рашел, А. Тарский, В. Карнал, У. Куайн) слово, обозначающее понятие, стали брать в кавычки, а словом без оных обозначать сам объект, «предметную отнесенность понятия».

По-видимому, следует внести в различные обозначения (через введение некого знака, например, звездочки «*», ставящейся после слова), чтобы развести саму описываемую психологическую феноменологию и ее же, но в рамках некой теории, к которой принадлежит используемое понятие.

На наш взгляд, наряду с понятием «зоны приложимости», или «диагональ приложимости конструкта» в плане смысловых переносов, следует ввести временные рамки приложимости конструкта. Я формулирую это в форме принципа: «Конструкт образной силы не имеет». Аналогично тому, как вновь введенный закон не имеет юрисдикции относительно времени до его принятия, так и в психологии некорректной является постановка проблемы «был ли древний грек личностью» или «являлся ли Цезарь интровертом», ибо понятия «личность», «экстраверт» возникли в истории культуры и науки значительно позднее. Нарушая временные ограничения области приложимости конструкта, мы неизбежно выкатываем более ранней культуре собственные модели останова и собственную психологическую онтологию. В наиболее грубой, протескиной форме это характерно для исторических фильмов

Голливуда, где исторические персонажи с обликотом американских ковбоев борются за идеи демократии против варваров. Применительно к описанию исторического прошлого корректнее использовать язык самой эпохи, или же, в силу того, что это может вызвать крайние затруднения у массового читателя, использовать, как предлагалась выше, условные символы для разведения самой психологической онтологии и ее модельного описания с помощью понятий. Так, «интроверсия» (как понятие) появилась в сознании К. Юнга, а затем в мировой культуре только в конце прошлого века, и она не может выступать характеристикой человека *более* ранних эпох, ибо мы проецируем на него культуру конца XIX в. При отсутствии подходящей лексики можно использовать слово интроверсия⁹, понимая условность использования этой психологической характеристики во всей полноте ее содержания применительно к той психической характеристике, которой обладал Цезарь (при этом мы, конечно, понимаем, что слова психологическая⁹, истинческая⁹ и характеристика⁹ тоже надо обозначать предложенным символом «⁹»). Аналогичным образом, в модели «Смысл – Текст» И.А. Мельчук для обозначения семантических единиц – сем вынужден использовать слова естественного языка, где эта сема ярко выражена, беря их в специфические кавычки-«лапки», чтобы подчеркнуть, что содержание слова, обозначающего данную сему и включающего и иные семы, гораздо богаче, чем само обозначаемое. Проблема многословности смыслового наполнения слова ведет к разсуждениям о том, что «язык застилает нам мир». Но нет мира вне языка и культуры, и семиотическая языковая форма человеческого бытия дает нам не только радость познания и понимания мира, но и возможность участвовать в его построении и развитии.

Высказанная здесь идея о том, что язык науки служит не только для описания существа, но, создавая понятийный аппарат, вносит свои сдвиги и расчленения, которые через «крутую каузальность» сознания и поведения человека определяют самое бытие, имеет и доволнительный аксеологический аспект. Любая психологическая теория эксплицитно содержит свое понимание «нормального будущего», свою «модель человека». В этом плане варианты «гуманистической психологии», «христианской психологии» или «психологии с человеческим лицом» содержат эдвуную, эвристическую компоненту, в явном виде вводящую этический компонент в психологическую теорию личности, в психотерапию. В недавней дискуссии, инициированной интересной публикацией А.В. Юренича (2000) в «Психологическом журнале», этот автор склоняется к императиву методологической терпимости,

кавказской провинции «пролиферации» П. Фейерабэнда (1986). Преимущество правомочности и даже необходимости существования множества психологических теорий личности, ведущих полемик в духе М.М. Бахтина. Я полностью присоединюсь к этой точке зрения. Патриарх отечественной философии Т.Н. Оберман в своей недавно вышедшей книге «Философия как история философии» (2000) пишет, что «философия существует, так сказать, лишь во множественном числе». Думаю, это относится и к психологической науке. В библейской герменевтике, а также у немецких романтиков Наваласа и Шлегеля есть положение, согласно которому какой бы текст ни писал человек, он, размышляя о вечных проблемах и сути бытия, продолжает писать одну вещь: Книгу, которая не закончена. Однако императив «методологическая терпимость» не снимает необходимости индивидуального выбора, принятия позиций той или иной школы. И здесь принцип «пролиферации» Фейерабэнда, на котором базируется Юревич, не может дать приоритета. Принцип «пусть цветут все цветы» с дополнением «кроме сорняков» не обеспечивает ни критерия приоритета, ни критерия отбраковки этих самых «сорняков», т.е. лженаук. Но если критерием для элиминации последней может быть принцип системного включения текста, теории в корпус психологической науки, где система цитирования, несвязных смыслов, перекрестных ассоциаций обеспечивает внятность, жизнь текста в тексте, так как гуманитарная традиция не только направлена на стирание нового, но и обеспечивает сохранение и поддержку своего культурного бытия, семносферы (в терминах Ю.М. Лотмана), то применительно к индивидуальному выбору той или иной концепции или психологической школы можно сформулировать принцип «этической аскезы» – выбора той модели человека, которая наиболее соответствует твоим нравственным, этическим критериям. И здесь нет единственно правильной позиции, как не может быть единственно правильной политической партии или этического мировосприятия. Возможно, например, альтернативны прагматическому рационализму, принципу полезности или гедонистическому принципу удовольствия. В качестве примера такого выбора я хотел бы процитировать статью цитатой из Померанца «“Бог милостиво подарил нам страдание”, – писал Паскаль-Давонский. Нам мир потому и хрупок, чтоб через него видел был другой. Мир без страданий – богатейший новый мир Хаксли. Новый мир без мысли о смерти и вечности» (Померанц, 1994, с. 35).

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Ф.Е. Живой мир и кризис. Топологической анализ критической ситуации // Психол. журн. 1995. № 3.
- Великовский С.М. Трагедия «Нечастного сознания». М., 1973.
- Вейсманн Х.Г. Истоки и истоки. Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М., 1972.
- Землинский В.П., Мамардонишвили М.К. Проблема объективного истока в герменевтике // Вопросы философии. 1977. № 7.
- Косова И.Т. Понимание // Новая Философская энциклопедия. М., 2001.
- Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- Ломовичев А.М. Психология образа // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1979. № 2.
- Мамардонишвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию. М.: Лабиринт, 1996.
- Михайлова Л.А. Философия познания. М., 2002.
- Низвергина А.В. Ницшеизм во Восточной. М., 1991.
- Оберманн Г.И. Философия как история философии. М., 2000.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
- Пиаже Ж. Личностное знание. М., 1985.
- Павловский Г. На старых правах // Русское богатство. Независимый частный журнал: литература, искусство, культура. 1994. № 2.
- Психология. Словарь. / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М., 1990.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
- Тайбба А.Дж. Постиндустриальная история. М., 1991.
- Федербаев Д. Набранные труды по методологии науки. М., 1986.
- Юрков А.В. Психология и методология // Психол. журн. 2000. № 5.
- Kelly G.A. A Theory of personality. The psychology of Personal constructs. N.J., 1955.

РЕШЕНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

А.Н. Подьяков

В настоящее время одной из наиболее интенсивно развивающихся областей когнитивной психологии является исследование способностей человека к решению комплексных проблем и задач по изучению сложных динамических систем и управлению ими. Развитие общества характеризуется все возрастающей динамичностью, человечество создает и овладевает собой в новых, все более широких и сложных сферах различных взаимодействий (экологических, технологических, информационных, социальных, политических и т.д.). Поэтому интерес психологов стал закономерно переключаться с анализа решения задач, относящихся к какой-то одной изолированной дисциплине или области (например, с решения шахматных задач, логических задач, математических, инженерных и т.д.) на проблемы другого типа. Возникла необходимость понять, как человек решает такие проблемы, где необходимы знания сразу многих научных и практических областей, учет намерений и действий других людей — партнеров, союзников и противников, способность собирать разнообразную информацию из множества источников и принимать сразу много решений в условиях ограниченного времени. Подпадечи, входящие в комплексную проблему, характеризуются не только разнородностью представляемых ими предметных областей, но также разными уровнями формализации и разработанности: от стандартных, корректно поставленных и алгоритмически разрешимых задач до совершенно новых и плохо сформулированных. Примеров деятельности по решению комплексных проблем в современном обществе очень много — начиная с освоения детьми компьютерной среды и кончая конспектами больших коллективов высококвалифицированных спе-

Работа поддержана грантом РГНФ № 04-06-00174а.

циалистов реализовать новейшие проекты: космические, ядерные, военные, гуманитарные и т.д.

С психологической точки зрения, решение комплексных проблем (РКП) характеризуется рядом особенностей (Вагитлык, Дернер, 1997; Короткова, 2005; Орлов, 2003; Подьяков, 2000, 2002; Функс, Френш, 1995; *Complex problem solving...*, 1995).

Комплексные проблемы являются новыми для решающего и содержат множество нечетко сформулированных условий и целей. Объектом деятельности решающего является динамически изменяющаяся среда, содержащая большое число компонентов с неизвестными и неочевидными, «непрозрачными» взаимосвязями элементами. Эти связи организованы по принципу *критических связей*, а не отдельных целей. Как пишет один из ведущих исследователей в этой области Д. Дернер (1997, с. 106), в сложной системе имеет место перекрестное взаимодействие по типу пружинного матрикса: если потянуть в одном месте, в движение приводится практически все, если надавить в другой точке, произойдет то же самое. Соответственно, процесс решения комплексной проблемы — это многоступенчатая практическая и познавательная деятельность, направленная на преодоление большого числа заранее неизвестных противствий между множественными, нечеткими, динамически изменяющимися целями и условиями (*Complex problem solving...*, 1995). Эта деятельность осуществляется путем разнообразных исследовательских воздействий на систему с целью выявления скрытых причинно-следственных сетей, а также путем анализа и интеграции получаемой в ходе этого исследования информации. Она требует гибкой переключаемости с одних свойств объекта на другие, лишь потенциально существенные (Моросанова, 1998), так как условно, несущественное в одной ситуации, может стать существенным в другой (принцип потенциальной существенности любого компонента действия) (Завалишина, 1985).

Решение комплексных задач требует от человека, соответственно, в комплексе способностей: когнитивных, эмоциональных, личностных, социальных и др.

Фактически в этих исследованиях осуществляется рефлексия сложной творческой исследовательской и практической деятельности человека, поэтому их можно назвать «исследование исследования», «эксперименты с экспериментированием», «управление факторами управления» и т.д.

Цель данной статьи — показать реальные, уже существующие и потенциальные, лишь намечающиеся взаимосвязи психологической

парадигмы и психологического изучения процессов решения комплексных проблем.

Мы сосредоточимся на ряде положений неклассической парадигмы в психологии, разрабатываемых А.Г. Асмоловым (1998, 1999), М.С. Гусельцевой (2003), Г.В. Иванченко (1999), А.П. Стеценко (1990), А.В. Юревичем (2001, 2005).

Это положения о:

- комплексном, многоуровневом, системном характере зависимостей в изучаемом объекте (в том числе познание) и роли неустранимой неопределенности и непредсказуемости в его функционировании и развитии;
- множественности различных теоретических описаний и объяснений психологической реальности и их взаимной дополняемости по отношению к друг другу;
- относительности объекта в средствах его изучения; взаимозависимости исследователя, его деятельности и изучаемого объекта;
- ценностном контексте развертывания исследовательской и практической деятельности, о борьбе ценностей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕШЕНИИ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ

Необходимо подчеркнуть, что подходы к изучению решения комплексных, полисистемных проблем формировались в определенной мере в русле противостояния с анализом решения проблем другого, моносистемного типа. Моносистемные проблемы (задачи) удовлетворительно описываются в рамках какой-либо, пусть весьма сложной, но одной системы. Прежде всего, сюда относятся задачи четко сформулированные, корректно поставленные, не только максимально удобные для алгоритмического представления, но и алгоритмически разрешимые. Комплексные проблемы содержат в себе множество нечетко сформулированных, некорректно поставленных задач, а также корректно поставленных, но алгоритмически неразрешимых. Из-за этого противостояния подходов некоторые принципы решения комплексных проблем формулируются как отрицания того, что при решении моносистемных проблем допускается, и как разрешения на то, что при решении полисистемных проблем запрещается.

Ниже приводится составленный нами на основе анализа литературы и наших собственных исследований перечень *представлений, доводов в основе системно-динамического подхода к решению комплексных проблем* (Поддьяков, 2000, 2002).

1. Структура связей и зависимостей в комплексной динамической системе представляет собой изменяющуюся сеть, охватывающую все ее компоненты. Определенная, весьма существенная часть законов реагирования, функционирования и развития такой системы не может быть установлена в принципе – из-за объективного строения области, к которой относится система, а также из-за принципиальных ограничений познавательных возможностей. В поведении и развитии комплексной динамической системы всегда есть доля неопределенности и непредсказуемости. Иначе говоря, комплексная динамическая система – это такой «черный ящик», который в принципе нельзя сделать достаточно прозрачным для его однозначного описания; она требует множества разнообразных описаний, отличающихся друг от друга и дополняющих друг друга.

2. Комплексная система характеризуется внутренней динамикой существенных ее параметров – изменениями ее собственных системобразующих свойств и зависимостей, то есть изменениями не только на уровне конкретных проявлений, но и на уровне своей сущности. В силу этого невозможно выявить исчерпывающий и надежный инвариант системы, т.е. создать *общую модель ее устойчивых неизменных характеристик*, позволяющую исследовать и контролировать все конкретные ситуации. Любая закономерность может быть при определенных условиях существенно изменена или отменена другой закономерностью, а значит, носит локальный характер. Использование инвариантов возможно, но лишь в ограниченных пределах, причем описать эти пределы точным и полным, исчерпывающим образом нельзя.

3. Принцип динамики существенного относится не только к самой системе, но и к деятельности с ней человека; характеристика этой деятельности также обладает варьирующейся существенностью и подчиняется принципу потенциальной существенности любого компонента. В сложных системах в принципе не может существовать инвариант структуры *эффективной деятельности* (неизменная общая схема, план, алгоритм, применимые в любой ситуации и позволяющие либо безошибочно решать любую задачу, либо доказывать ее неразрешимость). Необходимо рассмотрение множества возможных разнообразных и развивающихся структур деятельности, которые в прин-

щие не могут быть содержательно объединены в каком-либо одном общем универсальном виде.

Из вышесказанного вытекает следующее:

4. Не существует общих универсальных правил исследования сложных систем и управления ими. Эффективные правила могут быть выделены, но они будут с необходимостью достаточно локальны и принципиально зависимы от контекста.

5. Эффективным орудием познания сложных систем, характеризующихся комплексностью, динамичностью, неопределенностью и непредсказуемостью, являются не только знания, зафиксированные в виде теоретических понятий разной степени абстрактности, строгости и точности. Не менее эффективны понятия встроены и нечеткие, построенные на основе эмпирических, а не теоретических обобщений, а также динамические образные представления, которые трудно, невозможно, а также и нецелесообразно фиксировать в виде строгих и точных понятий и устойчивых классификаций.

6. Рассуждения по принципу восхождения от абстрактного к конкретному, выведения частного из универсального общего (дедуктивные выводимые рассуждения) имеют ограниченную применимость. Не меньшей значимости имеет хорошо известная индукция, а также менее изученная абдукция (гибрид рассуждения, направленные на последовательное осмысление и интерпретацию поступающих данных в такую модель ситуации, которая даст наилучшее на текущий момент объяснение).

7. Алгоритмы деятельности (строгие однозначные предписания по ее выполнению) рассматриваются как самый частный вид исследовательских стратегий. Более общее значение имеют алгоритмы разной степени неопределенности.

8. Теоретические модели сколь угодно высокого уровня принципиально ограничены. Для эффективного исследования сложных динамических систем необходимы разнообразные концепские пробы — реальные взаимодействия с системой, а не только теоретическая работа с ее абстрактными моделями. Результат этого поиска не может быть известен заранее.

Часть проб должна осуществляться в виде поиска, не подчиняющегося строгой методологии, в том числе случайного поиска внутри системы, а также в виде разнообразных выходов в внесистемное пространство. Это необходимо не менее чем поиск последовательный, упорядоченный, осуществляемый в соответствии с выбранной методологией любой степени общности.

9. При исследовании сложной системы необходимо множественное целеполагание – постановка разнообразных, разнотипных и разнотипных целей, которые могут конкурировать между собой. Постановка одной цели принципиально недостаточна, сколь бы конкретной или, наоборот, общей она ни была.

10. Мотивационной основой успешного исследования сложных систем человеком является его любознательность и познавательная активность, в том числе активность бескорыстно познавательная.

Одним из основных эмоциональных состояний человека при исследовании сложных систем является неуверенность, сомнение, готовность принять догадки (прогнозирувавшиеся и непрогнозирувавшиеся) результаты действий и т.д. Эти эмоциональные состояния отражают принципиальную невозможность осуществления единственного обоснованного, «самого правильного со всех точек зрения» выбора: выбора единственного общего подхода, единственной цели, единственной гипотезы, единственного метода, единственного критерия оценки результата и т.д.

11. Результаты деятельности человека со сложной системой, результаты взаимодействия с ней не могут быть предсказаны полностью, исчерпывающим образом. Для этого взаимодействия характерна множественность результатов. Получение продуктов с заранее заданными свойствами, и только их один, невозможно. Наряду с прямыми, прогнозируемыми результатами образуются разнообразные побочные, непредсказуемые продукты. Так, следствием непредсказуемости результатов поисковых проб являются: а) неожиданные открытия ранее не известного и не предполагавшегося; б) ошибки разной степени тяжести (в ряде случаев – фатальные).

В ходе взаимодействия с комплексными динамическими системами участвует и сам субъект, причем также в значительной мере непредсказуемым и комплексным образом: развиваясь (или, наоборот, деградируя) в социальном, познавательном, эмоциональном и личностном отношении.

Можно видеть, что теоретические представления о решении комплексных проблем фактически лежат в русле неклассической парадигмы: с одной стороны, они опираются на нее, а с другой – показывают некоторые возможные направления ее развития. Остановимся на этих вопросах подробнее.

ДИАГНОСТИКА СПОСОБНОСТЕЙ К РЕШЕНИЮ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ

Экспериментальным материалом, который предлагается испытуемым при изучении РКП, обычно служат реальные динамические системы или их модели разной сложности — например, реальные игрушки-головоломки, компьютерные сценарии, моделирующие социальные процессы (общение с незнакомцем и т.п.), компьютерные модели нового технического устройства, фабрики, города, государства и т.д. Любой из этих стимульных объектов характеризуется неизвестными и несочисленными внутренними связями и множественными, системными взаимодействиями. В задачи испытуемого входит изучение этой новой системы путем воздействия на нее и наблюдения происходящих изменений (методы «черного» и «все более прозрачного ящика»), а также в ряде случаев управление системой с целью достижения тех или иных заданных в инструкции параметров.

Проблема валидности методов изучения способностей человека к постановке и решению комплексных задач связана со спецификой этой деятельности. Она актуализируется и развертывается в условиях высокой неопределенности, сложности, новизны. Соответственно, методы изучения РКП должны создавать испытуемому условия, неопределенные и новые настолько, чтобы инициировать, «запустить» эту деятельность и дать ей развернуться. Но неопределенность условий приводит к неопределенности того набора способностей, который тот или иной испытуемый может попытаться актуализировать в своей деятельности. Эта высокая неопределенность и новизна дают испытуемым свободу и богатство выбора. Это достоинство, но это же и недостаток метода, поскольку критерии оценки деятельности испытуемых тоже неизбежно становятся не вполне определенными и постоянно требуют новых интерпретаций. (Например, если при обследовании виртуального компьютерного мира новой планеты один испытуемый сел в виртуальный самолет, второй — в виртуальную подводную лодку, а третий вообще привнес за химической анализ окружения, то как сравнивать их результаты? и это только один из вопросов, возникающих при изучении РКП).

В целом в исследованиях РКП остро встает принципиально важная методологическая проблема. Основным требованием к любому методу исследования в любой области, и не только в психологии, является его способность актуализировать, сделать явным, «выявить» и «окрасить» наиболее лучшее свойство и одновременно проинкорпировать, нейтрализовать, «поглотить» эффект всех остальных свойств, не являющихся пред-

метод научения (Поддьяков, 2000). Поэтому необходимым средством достижения цели любого конкретного психологического исследования является такой метод, который, с одной стороны, «выявляет» изучаемое психологическое свойство, а с другой — игнорирует все остальные свойства, оставляет их «в плоскости реальных» или даже активно подавляет. (Например, в инструкции к личностным тестам нередко дается указание отвечать как можно быстрее, без раздумий — тем самым подавляется рефлексия человека, которую авторы теста считают в данном случае вредной.) Однако такие требования, вытекающие из цели исследования, могут иметь неоднозначные следствия. Как пишет Ф.Е. Василюк, «основная функция экспериментального метода в научной концепции состоит в приведении реального объекта исследования в соответствие с основным идеальным объектом данной концепции. Реальной объект специальными процедурами и искусственными методическими ограничениями как бы «вталкивается» в форму идеального объекта, там же, где это не удается, выступающие детали отсекаются либо технически, либо теоретически» (Василюк, 2003, с. 86–87). Ф.Е. Василюк на примере сопоставительного анализа теорий И.П. Павлова и Б. Skinnerа показывает, как представления о сущности психического в каждой из этих теорий трансформируются в свой образ идеальной исследовательской ситуации и какие непосредственные практические следствия для невыдуманного существа из этого вытекают — как в плане подавления тех или иных его способностей в эксперименте, так и в плане его наращивания.

Принципиально та же ситуация сохраняется и в отношении тестов интеллекта, креативности, исследовательских способностей и способностей к решению комплексных проблем. В операциональные определения так называемых «идеального интеллектуала», «идеально креативного субъекта», «идеального исследователя» заложены во многом противоречащие друг другу представления об «идеальном» субъекте познавательной деятельности (Дружинина, 1995, 2001; Поддьяков, 2000, 2004б). Это приводит не только к нулевым и даже значимым отрицательным корреляциям между соответствующими тестами, но и к тому, что предварительное выполнение заданий теста одного типа (например, креативности) ведет к временному снижению способностей к выполнению заданий теста другого типа (например, теста интеллекта)²⁸ (Дружинина, 2001). Таким образом, эти психо-

²⁸ При этом следует помнить, что, например на «тестовом» разделение при диагностике, в реальной познавательной деятельности интеллекта, креативности, исследовательские способности образуют единство. Е.П. Торrance писал: «Я настаиваю, что

диагностические тесты взаимодействуют не синергически, взаимно стимулируя способности, а взаимно подавляют. Печальная правда состоит в том, что речь идет об интеллекте и креативности, диагностика которых должна быть, по идее, направлена на максимальное раскрытие сущностного человеческого потенциала.

Впрочем, возможная причина этого несоответствия кроется не только в оставленном или бессознательном намерении исследователя «отсечь» все, что не является предметом изучения, и оставить один-единственный «обрубок», предназначенный для исследования. Похоже, что существует общий методологический закон исследования сложных динамических систем. Он развивает принцип неопределенности, который был сформулирован в физике: в ходе измерения невозможно определить и координату, и скорость микрочастицы. Более общий методологический закон гласит: *за-за множественности возможных и отрицаемых связей, сформированных в сложной динамической системе, любой метод, раскрывающий одну ее характеристику, будет неизбежно скрывать, подавлять и деформировать другие ее существенные характеристики*. Универсальный метод исследования, который бы только раскрывал характеристики сложной системы, ничему при этом не мешая, невозможен.

Возвращаясь к положению неклассической парадигмы о взаимозависимости исследователя, его деятельности и изучаемого объекта, надо отметить следующее: творчество конкретного субъекта в эксперименте (в том числе, творчество при решении комплексных задач) может изучаться лишь через *совместно* экспериментатора и этого испытуемого (Петушок, 1998).

Это сотворчество разворачивается в рамках социо-когнитивного взаимодействия между: а) лицами, которые создают тот или иной психодиагностический инструментариум, будучи вооружены вполне определенными теоретическими установками, познавательными и практическими целями, и находятся при этом на том или ином уровне познавательного и личностного развития; б) лицами, исследуемыми с помощью этого инструментариума, которые тоже имеют свои познавательные и практические цели и находятся на своем уровне познавательного и личностного развития — вовсе не обязательно более

интеллект и креативность — это взаимодействующие или частично перекрывающиеся друг друга процессы и что познание их как целостных частей различных условий бытия кардинально различает, не существующих в реальной жизни (Тененбаум, 1988, с. 8).

визмом (Подьяков, 2004б). Психологическое исследование – это, в терминах В.А. Лефевра (Лефевр, 2000), изучение «систем, сравнимых с исследователем по совершенству». В этом состоит очень важный личностный, социальный аспект психодиагностики. Ведь те, кто придумывает и разрабатывает стандарты оценки чужого интеллекта и творчества, имеют свой собственный, небезграничный интеллект (живые все-таки люди) и отнюдь не безупречные представления о том, что такое творчество и как его измерить (что, собственно, и служит предметом ожесточенных дискуссий между разными школами психодиагностики).

При этом принципиально невозможны инструментальные решения, алгоритмы, диагностические или обучающие технологии, которые бы гарантировали акты творчества. Экспериментатор может лишь создавать условия для его проявления (Пестунов, 1999). Но, как это ни парадоксально, чем с большей вероятностью технология создания этих условий приводит к появлению того, что экспериментатор считает творчеством испытуемого, тем в меньшей степени это действительно творчество. Недаром П.Я. Гальперин назвал проблему творчества «синой птицей» психологии (Гальперин, Данилова, 1980, с. 36). Он не объяснил, почему использовал эту метафору. С нашей точки зрения, причина в следующем: синюю птицу, по философской пьесе Метерлинка, нельзя поймать; будучи пойманной, она либо умирает, либо перестает быть синей. Так же и творческое мышление – оно тем дальше от настоящего творчества, чем, казалось бы, жестче и надежнее «силюк» психологического метода, который для исследования творчества приготовили. Остается открытым вопрос, какие способности человека при экспериментальном изучении РКП отсыкаются (им не дали развернуться вообще), какие актуализированные способности вступают во взаимодействие с подавляющими взаимодействиями, попадая в «силюк» психологического метода.

Развитие сложных динамических систем в значительной степени непредсказуемо. Это касается и развития познавательной сферы человека. Поэтому можно предполагать, что несмотря на приобретение и разработку все новых и новых методов исследования, человечество всегда будет не вполне готово к диагностике своего развивающегося интеллектуального и творческого потенциала. Соответственно, человечеству всегда будут требоваться все новые методы выявления и оценивания способностей человека – прежде неизвестных, впервые открываемых, хотя и существовавших ранее, или же только возникающих в ходе социального развития. Это еще один источник

неопределенности и нелинейности любой психологической теории, в том числе психоэкономической теории, созданной на тот или иной конкретный момент.

ОБУЧЕНИЕ РЕШЕНИЮ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ

В настоящее время педагоги и психологи в разных странах предпринимают все более интенсивные попытки спроектировать системы обучения, развивающие способности к решению комплексных проблем: комбинаторные способности, способности к рассуждениям в терминах графовых сетей (а не отдельных линий), способности к прогнозированию нелинейной динамики, способности к построению оптимальных стратегий управления в режиме реального времени и др.

Специально организованное обучение решению комплексных проблем включает три основных направления (Подольков, 2002).

А. Формирование у учащихся системного типа ориентировки в изучаемой области, при котором эксперт-преподаватель выделяет для учащихся системообразующие свойства, связи и зависимости в этой области. Это позволяет учащимся анализировать конкретные задачи и строить их решения с точки зрения основных законов и правил, существующих в данной области (Резетова, 1985).

Б. Организация самостоятельного исследовательского учения, которое осуществляется через деятельность с новым сложными объектами и системами без непосредственного участия преподавателя («учение без инструкций» — *instructiionless learning, learning-by-doing*) (Finkle, 1985). Преподаватель представлен в обучении неявно — через содержание отобранных или специально разработанных им учебных объектов и ситуаций, но он не дает никаких рекомендаций и непосредственно в ход деятельности ученика не вмешивается.

В. Комбинированные методы обучения, сочетающие в себе этапы самостоятельного, без участия преподавателя, исследования новых неизвестных объектов и управления ими с этапами целенаправленного обучения под руководством экспертов (Finkle, 1985). Эксперты передают учащимся свои знания и стратегии как в явно сформулированном и четком виде, так и в виде нечетких рекомендаций, интуитивных суждений и слабоосознаваемых приемов деятельности, воспринимаемых учащимся тоже как на осознанном уровне, так и на уровне интуиции (уровне неявного знания).

Основной проблемой обучения решению комплексных задач является обеспечение перевода полученных знаний и усвоенных приемов на как можно более новые и сложные задачи. Остается вопросом — как можно научить человека решать новые, неизвестные экспертам задачи с помощью набора известных методов? Как вообще можно породить новое на основе старого?

Здесь проблема обучения решению комплексных задач наиболее тесно связывается с одной из главных проблем психологии мышления вообще и психологии творческого мышления в частности — с проблемой новизны. Она определяет основную сложность формирования творческих способностей (способностей породить существенно новое) (Брушлинский, 1996). Эта проблема принципиально не может иметь такого решения, которое бы гарантировало успех обучения на 100%. Творчество нельзя сформировать «с заранее заданными свойствами». Можно лишь создать условия для его самактуализации и саморазвития, для самокритического творчества личности (Смирнов, 1995). «К развитию можно только пригласить» (Зинченко, 2004).

Другую плоскость проблем обучения решению комплексных задач задает социальный контекст экономики, построенной на знаниях. В такой экономике «способность учиться быстрее своих конкурентов является единственным надежным источником превосходства над ними» (de Geus, 1988, p. 3). Но понимание ключевой роли знаний и обучаемости может вести соперников не только к повышению своей собственной обучаемости и обучаемости, но и к попыткам ослабления чужой (Подьяков, 2004a). Ведь удар по способности учиться, по процессам обучения и овладения новыми видами деятельности является одним из наиболее эффективных способов сделать конкурента неспособным в меняющемся мире. Темной стороной обучения — этой, по определению, «светлой», «просвещающей» деятельности — становится скрытое противодействие обучению другого субъекта, а также «тройское» обучение — обучение конкурента тому, что для него невыгодно, вредно, опасно, но соответствует интересам организатора обучения. Многочисленные примеры преднамеренного противодействия обучению других субъектов и их «тройского» обучения встречаются в самых разных социальных и профессиональных группах.

При этом, разумеется, преднамеренное подавление и противодействие обучению и развитию другого субъекта следует отличать от непреднамеренного, связанного с невольными педагогическими ошибками конкретных преподавателей или же с неизбежными ограничениями выбранной системы обучения. Отрицательные эффекты

от таких ошибок по типу «медвежьей образовательной услуги» могут быть не меньше, чем от преднамеренного «травянского» обучения.

В целом обучение и развитие, связанное с волевыми и волевыми взаимодействиями и противодвижением, — это не отдельные исключительные случаи, а фундаментальное психологическое и образовательное явление. Предполагается, что развитие личностей, социальных групп и общества находится под влиянием двух противоположных и взаимосвязанных направлений социальных взаимодействий: а) поддержки б) противостояния и подавления обучения, образования и развития (Подольков, 2006, 2004а). Изучение социальной детерминации обучения и развития — комплексная проблема, которая может эффективно решаться только в рамках неклассической парадигмы и мультидисциплинарного подхода, объединяя данные педагогической, социальной и экономической психологии, конфликтологии, теории управления знаниями, философии и социологии образования.

И при конфликтных, и при кооперативных взаимодействиях работает закономерность: чем более воля, слеза и динамика область, с которой придется иметь дело учащемуся, тем больший удельный вес в успехе обучения займут и талант преподавателя, и талант ученика. Талант не непредсказуем — это одна из его сущностных характеристик. Соответственно, результаты обучения постановке и решению комплексных задач всегда будут содержать в себе большую или меньшую долю непредсказуемости.

НЕПОЛНОТА И «ПАРЗИТНЫЕ СВОЙСТВА» ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Стимульный материал, предлагаемый испытуемым при исследовании РКП, часто побуждает их к самостоятельному созданию как относительно простых, так и весьма сложных логических и математических моделей той системы, которая предложена им для изучения. Сложная ситуация наблюдается в психологии, где все большее число профессионалов движется по пути все большей формализации и математизации своих исследований. У этой тенденции есть как положительные (возрастающие точность и определенность результатов), так и отрицательные стороны — например, «позитивистское перенапряжение психологии», «манья исчисления корреляций» (Юренич, 2001), абсурдность содержательных выводов на статистических данных (Аллахвердиев, 2005) и др.

Со своей стороны заметим, что по мере того, как психология будет все больше использовать сложные формальные и математические модели, она столкнется с теоремой Гёделя о неполноте и связанными с ней проблемами. В своей теореме 1931 г., известной фундаментальной философские и общенаучные значения, К. Гёдель доказал, что внутри любой абстрактной системы выводящего знания сколь угодно высокого уровня, начиная с определенного уровня сложности, всегда имеются истинные утверждения, которые не могут быть доказаны средствами этой системы, и ложные утверждения, которые не могут быть опровергнуты. «Во всякой достаточно мощной системе истинность предложений системы неопределима в рамках самой системы» (формулировка А. Тарского, цит. по: Смалльян, 1981, с. 236). Подчеркнем, что простые системы парадоксальным образом свободны от неустраняемости этого недостатка. Там неполнота, противоречия и неопределимость истинности — результат логической ошибки, недосмотра автора, и система может быть переделана в полную и непротиворечивую с логической точки зрения.

Для доказательств или опровержений «проблемных» положений теоретической системы высокого уровня требуется разработка более богатой системы выводящего знания, в которой в свою очередь также будут содержаться свои истинные, но недоказуемые, а также ложные, но неопровержимые положения, и т.д. до бесконечности.

Причем на базе каждой предшествующей системы знания можно создать не одну, а множество отличных друг от друга более мощных теоретических систем, поскольку развитие исходной системы может осуществляться в разных направлениях. Поэтому неполнота сложных теоретических систем — источник роста их богатства. Так, на базе геометрии Евклида были созданы разные более мощные геометрии Лобачевского и Римана, в которые евклидова геометрия вошла как составная часть. По дальнейшей аналогии, нечто подобное произошло в психологии, когда в попытках преодолеть недостатки ассоцианизма были созданы разные психологические школы — бихевиоризм, структурализм и др. (Мы говорим о дальности аналогии, потому что, с формально-математической точки зрения, ассоцианизм не относится к системам, анализируемым Гёделем.)

Если говорить о более конкретной задаче — математическом, компьютерном моделировании психических процессов, то здесь теорема Гёделя принимает форму проблемы «паразитных» свойств, всегда имеющихся у моделей высокого уровня (Патнишын, 1984). Их «паразитизм» состоит в том, что они не отражают свойств оригинала и лишь искажают картину. Их выделение невозможно в рамках данной модели

и требует новых моделей и средств, но у этих моделей следующего поколения, в свою очередь, с необходимостью будут свои паразитные свойства (ложные непроверяемые утверждения) и т.д.

Отсюда следует, что любая сложная математическая модель, в том числе модель психического, всегда и чем-то неадекватна, причем это неадекватное может быть скрыто и от пользователя, и от разработчика (Подьяков, 2003).

С теоремой Гёделя связан ряд фундаментальных положений философии и психологии, в том числе положение о потенциальной бесконечности развития мышления и процесса его познания (Петроу, 2003; Подьяков, 2000).

Испытуемые, решающие комплексные проблемы в психологических экспериментах, будут сталкиваться с проблемами паразитных свойств создаваемых ими моделей в той мере, в какой будут сложны системы, предлагаемые им в качестве экспериментального материала, и в какой они сами способны генерировать модели высокой сложности.

НЕТРАНЗИТИВНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ ПРЕВОСХОДСТВА В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

«Аксиома транзитивности обладает мощной притягательностью и играет фундаментальную роль в практическом рассуждении. Действительно, всякий вывод этой аксиомы будет угрожать не только возможности последовательного подхода к ранжированию тех или иных объектов — он может угрожать самому понятию рациональности» (Teichla, 1996, p. 179).

Важнейшей частью процесса постановки и решения комплексных проблем является оценивание и сравнение конкурирующих альтернатив на предмет выбора одной или нескольких наилучших. Человек должен сопоставлять возможные способы практических действий, чтобы выбрать один из них, сравнивать множество объектов или субъектов, соперничающих между собой, несколько строящихся теорий структуры и функционирования системы в целом, пути ее дальнейшего развития и т.д.

Оценивание осуществляется в соответствии с теориями («нашащими», имплицитными или научными, эксплицитными), формирующимися у решателя-исследователя. При этом создание одной теории любого достаточно сложного сравниваемого объекта вряд ли возмож-

но: так, ведь ли возможна единая психологическая теория (Куревич, 2005). К этому же идеалу единства часто стремятся приблизить и стимульные объекты в парадигме РКП, вводя в них до нескольких тысяч переменных (!) и делая практически невозможным подведение объекта под какое-либо универсальное правило (Дернер, 1997).

Проблемы сравнения не элементарных, а сложных объектов, как реальных, так и идеальных, во многом связаны с тем, что эти объекты обладают свойствами *измеряемости* (система больше суммы составляющих ее частей), *недвойственности* и другими неожиданными свойствами, плохо описываемыми средствами методологии, не учитывающей системных взаимодействий. Эти свойства систем и методы их исследования анализируются А.В. Брушлинским (1996), В.Ф. Ломовым (1984), Ю.Н. Мельниковым (1983) и др. Здесь же мы считаем необходимым остановиться на дискуссионной проблеме *впереводности* (нестранности) отношений превосходства при взаимодействии сложных систем и ее связи с решением комплексных задач в неклассической парадигме.

В классической логике сравнения и в традиционной теории принятия решений транзитивность (переводность) отношений превосходства вводится как аксиома, считающаяся «ключевым критерием рациональных действий» (Кослецкий, 1979, с. 94). Это аксиома состоит в следующем: если первое превосходит второе в определенном отношении (по определенному признаку), а второе превосходит третье, то первое превосходит третье в указанное отношение (Зинковский, 1972, с. 79). Понятие «превосходит» может быть заменено сравнительными понятиями «предпочтительнее», «лучше», «хуже», «более эффективно», «меньше эффективно», «выгоднее» и т.д.

Следование принципу транзитивности рассматривается рядом авторов как *необходимое условие разумности выбора*, а его нарушение — как *логическая ошибка* (Иван, 1998; Tversky, 1969)²⁰. Если че-

²⁰ Простое рассуждение, демонстрирующее ошибочность нарушения принципа транзитивности, выглядит следующим образом («интуиция выбора»). Пусть имеются три объекта А, В, С (это могут быть как неоднородные — товары, так и однородные предметы — кандидаты, претендующие на работу, и т.д.). Пусть человек, принимающий решение, предпочитает объект А объекту В, а объект В объекту С. Тогда, если объект С, он будет готов заплатить какую-нибудь сумму денег, чтобы приобрести С на В и затем В на А. Но если-бы, в нарушении принципа транзитивности, предпочитает объект С объекту А, то он заплатит еще некоторую сумму, чтобы приобрести А на С. Тем самым он придет к тому же, с чего начал, только теперь уже с меньшей суммой денег (Tversky, 1969, p. 43). И так будет продолжаться до тех пор, пока этот «человек» не откажется от предпочтений по «высоте» во средствах и силах субъекта.

человек предпочитает, например, банан апельсину, а апельсин — яблоку, то при необходимости выбора между бананом и яблоком разумное (а не ситуативное и эмоциональное) решение состоит в выборе банана. Аналогично, во многих части исследований, транзитивность должна соблюдаться и при принятии более важных решений.

В то же время вокруг принципа транзитивности идут дискуссии, связанным напоминающие попытки дойти в открытую дверь. Слишком очевидны случаи, когда отношения превосходства представляются непереходными. Но наиболее наглядных примеров можно привести не-транзитивные отношения превосходства между спортивными командами: команда А может систематически выигрывать у команды В, В у С, но команда С может систематически выигрывать у А (Tenkin, 1996). Та же самая ситуация наблюдается при соперничестве компьютерных программ-участниц соревнований по интеллектуальным играм: шахматы, нарды и т.п. (Мельников, Радиков, 2005). Семейные отношения доминирования тоже могут быть не-транзитивны: отец доминирует над ребенком, ребенок над матерью, мать над отцом (Дружинин, 2000). Более того, непереходность отношений превосходства может наблюдаться даже в ситуациях сравнения значительно более простых объектов, чем люди, создаваемые ими теории или компьютерные программы с элементами искусственного интеллекта²⁶. Несмотря на это, сторонники универсальности принципа транзитивности доказывают, что, если тщательно разобраться, он соблюдается во всех этих ситуациях или же что приводимые примеры негибричны, а потери при сохранении принципа транзитивности будут все-таки меньше, чем при отказе от него. Протавинна, соответственно, приводит контраргументы.

Мы считаем, что проблема станет более определенной, если учесть следующее принципиальное обстоятельство. Среди аксиом теории принятия решений имеется и такая, которая исключает возможность взаимодействия между исходами (последствиями) (Козелецкий, 1978, с. 95). И принцип транзитивности, справедли-

²⁶ Дж. Мессе (J. Messer) приводит следующий пример. Пусть на граних игрального кубика А нанесены числа 6, 4, 6, 2, 2, 2, на граних кубика В — числа 1, 3, 4, 3, 3, 2, кубика С — числа 6, 4, 3, 3, 3 (см. Tenkin, 1997, p. 187). Можно убедиться, что в среднем отношение выигравшей (выигравшей большего числа на верхней грани) кубика А к проигравшей кубика В составляет 6/3, соотношение выигравшей В к С — 14/13, но С к А — 6/3. Можно сказать, что кубики «не-транзитивны»: если правила позволяют, то при возможности выбора из пары кубиков А и В надо выбрать А, оставив сопернику «более проигрышный» кубик В, при выборе между В и С надо выбрать В, но при выборе между С и А надо выбрать С.

ный при отсутствии взаимодействий, перестает работать в более сложных случаях, когда взаимодействия все-таки происходят, а сравнение производится именно по способности взаимодействовать. В этих ситуациях само следование аксиоме транзитивности становится логической ошибкой, поэтому требуется изменение способа рассуждений (Подьяков, 2000; Poddyakov, Vabinger, представлено к публикации).

Итак, мы показали, что непереходность отношений превосходства закономерно наблюдается при определенной структуре сравниваемых объектов, включающей: а) средства, имеющиеся у одного объекта для воздействия на другой; б) зоны, чувствительные к воздействию другого объекта; в) зоны, «закрытые» для него. Эти структуры могут быть несимметричны относительно друг друга, что и определяет нестранижный характер отношений превосходства между объектами. (Для более подробного анализа см. разработанные нами модели «Выбор оружия для дуэли», «Раши и рефлексия в антагонистической игре», «Учитель учителя» [Подьяков, 2000]).

Сказанное относится и к сравнительному анализу взаимодействующих научных (идеологических, общественных, культурных) систем, обладающих различными преимуществами и недостатками. При попытках представить эти системы в виде иерархии, основанной на транзитивном отношении превосходства, совокупность преимуществ одной системы может использоваться как «убийственное средство» при сравнении с недостатками другой («достоинства вашей теории значительно лучше, чем недостатки вашей»), хотя их реальное отношение не дает оснований для однозначных выводов и линейной иерархизации. Часто мы не можем отказаться от какой-либо из взаимосвязанных альтернатив, в том числе теорий, даже если в данной точке зрения сравнений она оказалась представленной не на самом высоком месте (Подьяков, 2000). «Теория — это своего рода "тотологические возможности" и, чем шире их рамки, т.е. чем больше расхождение между конкурирующими теориями, тем больше знания они "вырывают"» (Юренич, 2001, с. 14).

С нашей точки зрения, понимание относительности принципа транзитивности отношений превосходства и его ограничений — важный компонент успешного решения комплексных проблем и существенный элемент логики неклассической парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

- Алехардов В.М. Блеск и тьма эмпирической психологии (на пути к методологическому манифесту петербургских психологов) // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2005. № 1.
- Асмолов А.Г. XXI век: психология и век психологии // Вопросы психологии. 1999. № 1, С. 3–12.
- Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии, 1996.
- Брусиловский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Институт практической психологии, 1996.
- Васильев И.А. Специфика мыслительной деятельности человека в сложных ситуациях // Первая российская интернет-конференция по когнитивной науке. WWW Document URL: http://www.dmitriyev.ru/indiv/s/index.php?category&categoryForm&thesisDoc&id_thesis=2023.
- Васильев Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- Виноградова П.М., Давыдова В.Д. Воспитание систематического мышления в процессе решения малых теоретических задач // Вопросы психологии. 1980. № 1, С. 31–38.
- Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической к постклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1, С. 99–115.
- Дэвис Д. Логика научного стратегического мышления в сложных ситуациях. М.: Смысл, 1997.
- Дружинин В.И. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: ИЕР СЭ, СПб.: ИМАТОИ-М, 2004.
- Дружинин В.И. Психология общих способностей. М.: Лагерта, Вита, 1995.
- Дружинин В.И. Психология смысла. Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
- Зеленшицкий Д.И. Психологический анализ оперативного мышления. М.: Наука, 1985.
- Зинченко А.А. Логическая физика. М.: Наука, 1972.
- Зинченко В.П. Введение в психологию. Курс лекций для студентов ГУ-ВШЭ. Психологический контекст, 2004.
- Иванченко Г.Е. Принципы необходимого разнообразия в культуре и искусстве. Татарск: Изд-во ТРТУ, 1989.
- Колесников Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1978.
- Кореньков А.В. Специфика ориентировочной основы мыслительной деятельности при решении комплексных проблем. Дис. ... канд. психол. наук. М.: Ф-т психологии МГУ, 2003.
- Лефор В.А. Элементы логики рефлексивных игр // Рефлексивное управление. Сборник статей. Международный симпозиум. 17–19 октября 2000 г. / Под ред. В.Е. Лезикова. М.: ИИ РАН, 2000. С. 8–30.

- Давыд Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Мельников Б., Рыбников А. Программирование гиперструктурированных игр // Гордон А.Г. Диалог. М.: Пресса, 2005. С. 93–112.
- Мельников Ю.Н. Исследование сложных систем. М.: МЭИ, 1983.
- Марусинкин В.И. Проблемы образа и действия в научном творчестве Д.А. Осипова // Психол. журн. 1998. № 2. С. 134–148.
- Орлов Н.К. Формирование интуитивного опыта при управлении сложной системой // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 3–12.
- Петруков В.В. Проблемы осмысленного действия (по решению творческих задач) // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Б. Войвожского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 235–262.
- Поддьяков А.Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, когнитивное противоборство, конфликт. М., 2000. Электр. версия: <http://www.konarscheb.ru/methodics>.
- Поддьяков А.Н. Правдоподобие и неправдоподобие виртуальной реальности // 3-я Российская конференция по психологической психологии. Тезисы. М.: Психологический ин-т РАН, 2003. С. 364–366. Электр. версия: http://rurpc.bu.ru/text/conf_4.htm.
- Поддьяков А.Н. Противоборство обучения конкурента и «стремительное» обучение в эволюционном поведении // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004а. № 3. С. 65–82.
- Поддьяков А.Н. Психологичность интеллекта: выявление и подписание способностей, выявление и подписание способных // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004б. № 4. С. 75–80.
- Поддьяков А.Н. Решение комплексных задач // Когнитивная психология / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 225–233.
- Поповский К.Н. Об активности модельного познания // Творческая природа научного познания / Отв. ред. Д.П. Горский. М.: Наука, 1984. С. 121–136.
- Решетова Л.А. Психологические основы профессионального обучения. М.: Изд-во МГУ, 1985.
- Семинин Р.М. Как же называется эта книга? М.: Мир, 1981.
- Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Аспект Пресс, 1995.
- Смирнов А.В. О роли и статусе современного методологического знания в современной советской психологии // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1990. № 2. С. 39–49.
- Фрум И., Фрум И.А. Решение словесных задач: исследования в Северной Америке и Европе // Иностранная психология. 1995. Т. 3. № 5. С. 42–47.
- Юрков А.В. Интеграция психологии: узнала или реальность? // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 16–28.

- Крюков А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.
- Complex problem solving: the European perspective / Ed. by P.A. Frensch, J. Funke. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1995.
- de Gooz A.P. Planning as learning // Harvard Business Review. 1988 (March-April). Reprint 88202.
- Funke U. Using complex problem solving tasks in personnel selection and training // Complex problem solving: the European perspective / Ed. by P.A. Frensch, J. Funke. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1995. P. 219–240.
- Podbiak A.S., Wolasz J. Intransitivity cycles and their transformations: how dynamically adapting systems function? // Theory & Psychology (специальный выпуск).
- Sorabji L.S. A continuum argument for intransitivity // Philosophy and public affairs. 1996. V. 25. P. 175–21.
- Sorabji L.S. Intransitivity and the mere addition paradox // Philosophy & Public Affairs. 1987. 16. P. 138–187.
- Sternberg E.P. Creative intelligence and "an agenda for the 80's" // Art education. 1980. V. 33 (7). P. 8–14.
- Thurley A. Intransitivity of preferences // Psychological Review. 1969. V. 76. P. 31–48.

ОБРАЗ МИРА КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С.Д. Смирнов

Попытки дать определение предмета психологии путем очень тонкого и изобретного формулирования вербальных маркеров реальности, с которой имеет дело психология, и отделить эту реальность от предметов других наук, похожи на попытки изобрести вечный двигатель. Они столь же уперны, сколь и бесплодны не только в смысле отсутствия конкретного решения задачи, но и в смысле отсутствия кумулятивного эффекта, т.е. продвижения на пути к такому решению. Но если изобретатель вечного двигателя, как правило, имеет возможность достаточно быстро убедиться в неосостоятельности очередной своей «генеральной догадки», то доказать автору, что его новая формулировка предмета психологии представляет собой продвижение вперед только в плане его личной замысловатой компетенции, позволяющей ему более или менее удачно замаскировать нерешенность (а бы даже сказать принципиальную неразрешимость) проблемы предмета психологии как простого указания на какую-то часть реальности или ее аспект, достаточно сложно.

Вера в возможность построения вечного двигателя обманна своим существованием «вздушкам обыкновенного сознания», связанным научное знание закона сохранения энергии. Аналогично обстоит дело и с предметом психологии. Существует целый ряд иллюзий или заблуждений, питающих веру в возможность простого решения проблемы. Укажем на некоторые из них.

Иллюзия 1. Все согласно с тем, что вопрос о предмете психологии, безусловно, является методологическим, но при этом абсолютное большинство авторов новых формулировок предмета психологии явно или неявно исходят из посылок, что можно ограничиться частью научным (конкретно-научным) уровнем методологического знания, т.е. собственно психологической теорией. Рассмотрение проблемы на уровнях

общенаучной и философской методологии реализуется гораздо реже и, как правило, другими авторами. Можно согласиться с А.А. Пископелем в том, что «предмет психологии есть методологический дискурс о предмете психологии» (Пископель, 2004), и тогда первую иллюзию можно обозначить как ограниченность методологического дискурса о предмете психологии уровнем психологической теории. Негативные последствия такой иллюзии выступают особенно явно, когда речь идет не о предмете отдельного исследования, а предмете науки в целом.

Иллюзия 2 проистокит из наивной веры в возможность построения нового концептуального каркаса науки за счет «проводимой сверху методологической реформы» (выражение Э.Г. Юдина [Юдин, 1978]). На самом деле радикально новые представления о предмете психологии и соответствующие понятия для его описания могут быть сформулированы лишь постфактум как результат обобщения конкретно-научных исследований, в которых эти новые представления реализованы, но не сформулированы явно, не эксплицированы. Иначе говоря, не удастся сначала сформулировать новые и по какому-то методологическим критериям более адекватные трактовки предмета психологии, а потом воплотить их в конкретно-научных психологических исследованиях. И хотя мы всегда выносим дело с встречным процессом «сверху вниз и снизу вверх», тем не менее, основные события, основные приращения конкретно-научного знания происходят «внизу», там, где теория сталкивается с реальностью.

Иллюзия 3 (оказавшаяся, самая сильная) допускает обсуждение и формулирование предмета науки в отрыве от метода, с помощью которого научные знания добываются, фиксируются или даже конструируются (говоря более современным языком). Метод в широком смысле этого слова, понимаемый как совокупность исходных принципов, средств и процедур исследовательской деятельности, фактически строит предмет исследования. Поэтому обсуждение проблемы предмета науки вне контекста ее метода лишено всякого смысла.

Рассмотрим этот вопрос несколько более развернуто, затронув проблему дифференциации понятий предмета и объекта науки. В русскоязычной литературе нет единого взгляда на критерии различения объекта и предмета науки. Большинство авторов придерживаются позиции, развернуто сформулированной П.Я. Гальпериным (Гальперин, 1976), предполагающей, что различные науки могут выделять в одном

в том же объекте разные стороны (аспекты), делая их предметами своего исследования. Приводится знаменитый пример В.И. Ленина со стаканом (объект), который может стать предметом исследования физики, геометрии, эстетики и т.д. В.А. Ядов (Ядов, 1979) поясняет, что средством вычлечения (высечения) предмета в объекте исследования выступает проблема.

Более развернутую и проработанную систему понятий для методологической рефлексии научно-исследовательской деятельности предлагают профессиональные методологи. Так, Э.Г. Юдин (Юдин, 1978) в качестве наиболее общих и широких методологических понятий рассматривает «познавательную ситуацию и объект исследования». Первая включает в себя познавательную трудность (т.е. разрыв между поставленной в науке проблемой и недостаточностью имеющихся для ее решения средств), предмет исследования, требования к продукту, который должен быть получен в результате исследования и средства организации самого исследования. Под объектом науки понимается не просто непосредственно наблюдаемая реальность, на которую можно указать. То, что часто определяется как объект науки, Э.Г. Юдин предлагает называть эмпирической областью. Чтобы превратить непосредственно наблюдаемую реальность (эмпирическую область) в объект исследования, требуется выявить устойчивые и необходимые связи в данной области и закрепить их в системе научных абстракций. Иначе говоря, объект исследования тоже строится исходя из познавательной трудности и проблемы, подлежащей решению. Только после этого возможна формулировка предмета исследования, в который входит объект изучения, исследовательская задача, систем средства исследования и последовательность их применения. Наиболее общим предметом исследовательской деятельности является предмет науки в целом. К средствам исследования относятся фундаментальные понятия науки, с помощью которых расчленивается объект изучения и формулируется проблема, принципы и методы изучения объекта, средства получения эмпирических данных, включая технические средства.

Попытка указать на предмет науки как на некоторую часть или сторону реальности без учета исследовательской задачи (проблемы), средств исследования и т.д. является методологически зануленной и в принципе не может привести к сколько-нибудь приемлемому для всего научного сообщества (или его существенной части) результату. Традиционно считается, что первым предметом психологии как науки выступило сознание, а это нашло свое отражение в издании первого научного выражения в этой области — «Психология явля-

ний сознания». Но это же направление называлось «интроспективно-восточной психологией» (по основному методу добывания фактов); «ассоциативистической психологией» (по основному объяснительному принципу); «атомистической психологией» (по принципу выделения единицы анализа поведения); «социально-сенсуативистической психологией» (по роли субъекта в формировании психического образа); «механистической» (по названию науки, у которой позаимствована основная парадигма); «структуралистской психологией» (по характеру исследовательской задачи, сформулированной В. Вундтом и Э. Титченером) и т.д. Все эти названия дополняли понимание сознания как предмета психологии в тот период развития науки, и это понимание существенно отличается от более поздних направлений психологии, делавших акцент на изучении сознания (например, в гуманистическом психоанализе Э. Фрома или в теории высших психических функций Л.С. Выготского).

Из сказанного можно сделать вывод, что дискуссии о предмете психологии рискуют остаться мало плодотворными, если мы не уточним само содержание этого понятия и не согласимся на более или менее общепринятую его интерпретацию. Выявление и формулирование предмета психологии – это особый вид деятельности определенного слоя научного сообщества, результаты которой имеют (как правило, весьма незначительное) влияние на конкретные психологические исследования. А.А. Пископсель назвал такую деятельность всяким незначительным фактом, фактом жизни психологического сообщества (Пископсель, 2004). Позволяет ли незначительность влияния результатов такого рода деятельности на практику конкретных исследований говорить о полной неостребованности или даже ненужности методологических поисков в области предмета психологической науки в целом? Отнюдь нет. Как справедливо отметил В.П. Зинченко в докладе на одной из конференций, заниматься нужно всем, что интересно; а бы добавил – всем, что вызывает интерес у научного сообщества. К сожалению, других, более объективных критериев, просто нет.

Т. Кун через 7 лет после выхода его книги «Структура научных революций» написал в послесловии к ее японскому изданию: «Если бы эту книгу надо было бы написать давно, то ее следовало бы начать с рассмотрения сообщества как особой структуры в науке <...> каждое научное сообщество, как правило, имеет свой собственный предмет исследования» (Кун, 1977, с. 230–231). Он точно уловил тенденцию все возрастающего значения понятия «научное сообще-

твою не только в социологии науки, но и в методологии как таковой. И если научному сообществу профессионально интересны поиски в области предмета психологии, значит, оно положительно оценивает их эвристический потенциал. Развитие науки носит постулативный характер и позволяет говорить о кумулятивном эффекте в том случае, когда (по Т. Куну) мы имеем дело с «нормальной наукой», успешно решающей свои головоломки в рамках парадигмы, принятой данным научным сообществом. Частным вариантом такого сообщества может считаться научная школа, а разные школы могут подходить к одному и тому же предмету с разных (порой несовместимых) точек зрения (Кун, 1977, с. 231).

Для психологии очень актуален вопрос о том, находится она в до-парадигмальном или постпарадигмальном периоде своего развития. Или вообще она, в силу своеобразия предмета, относится к особому типу наук — принципиально мульти- или полипарадигмальных, что вполне вписывается в модель развитой науки, построенную П. Фейерабендом (Фейерабед, 1986) и названную «эпистемологическим анархизмом». Именно П. Фейерабед подчеркнул специфичность, а не универсальность законов развития каждой науки, и специфичность эта определяется не только особенностями самого предметного знания, но и особенностями внешних условий развития, включая социо-культурную ситуацию. Выдвинутый им принцип пролиферации (размножения) теорий, заключающийся в необходимости создания новых теорий, противоречащих уже существующим и общепринятым с целью их критики еще до столкновения с контрпримерами, очень точно отражает состояние теоретического багажа современной психологии.

Если мы принимаем положение о полипарадигмальном характере психологии, то различные понимания ее предмета не только не являются препятствием для ее успешного развития, но и неизбежны, поскольку отражают наличие разных исследовательских задач, разных средств и организационных форм исследовательской или практической деятельности в разных психологических школах и подходах. Более того, разнообразие трактовок предмета науки является неслучайным условием ее развития, поскольку за ними стоит различие методологические основания, различные теории и практики.

Ситуация множественности методологических подходов и, соответственно, средств методологического анализа, которые одновременно являются и истинными (если это понятие вообще применимо к методологическому знанию) (адекватными), и ложными (неадекват-

вами) в зависимости от массы приходящих условий, провозгласит самые разные установки исследователей и практиков относительно роли методологического знания и целесообразности его использования в конкретном исследовании, а также разные «методологические машины» (по выражению А.В. Юренина).

1. Методологической нигилизм. Часть психологического сообщества (особенно практикующие психологи) полагает, что всякая методологическая рефлексия уводит от сути дела в дурную бесконечность бесплодного философствования и вербализма — коница, в чем-то перекликающаяся с установками позитивизма.
2. Прямо противоположную позицию можно обозначить как «методологический ригоризм» или «методологический монизм». Его сторонники считают, что должна существовать единственная «водичино научная» методология, строго следование которой является критерием научности. Призыв к построению такой методологии часто можно услышать во уст ученых, «ностальгирующих» по времени, когда такую функцию почти директивно исполняла «марксистско-ленинская методология науки». На уровне конкретно-научной методологии сторонники этой позиции стремятся к построению «единой теории психического». Однако современные концепции природы и сущности научного знания (постклассическая наука, по В.С. Степану) оставляют все меньше надежд на то, что построение такой теории в принципе возможно.
3. Сторонники «методологического либерализма» полагают, что разные типы психологического объяснения релевантны разным уровням детерминации психического, при этом каждый уровень или слой обладает самостоятельной значимостью и принципиально не замкнут ни одним другим. В качестве основного поля взаимодействия сил методологии предлагается рассмотреть переходы между разными уровнями, а наиболее перспективным каркасом для построения единой системы психологического знания «представляются комплексные, межуровневые объяснения, в которых нашлось бы место и для смысла жизни и для нейрона и для социума...» (Юренин, 2003, с. 356).
4. Наконец, сторонники «методологического плюрализма» полагают, что в принципе нельзя рассчитывать на создание единой психологической теории путем свывывания принци-

пально различных предметов анализа за счет «комплексных междуровневых переходов». Такой позиции придерживается и автор данной статьи. Поскольку каждая теория конституирует свой предмет и метод исследования, построение единой теории психического представляло бы создание универсального метода исследования психической реальности. При такой постановке вопроса перспектива появления соответствующей теории даже в отдаленной перспективе представляется нереальной.

Методологический плюрализм – система взглядов, согласно которой адекватность тех или иных методологических средств психологического анализа (включая и собственно психологические теории на уровне конкретно-научной методологии) может быть выявлена только в ходе «методологического эксперимента», причем теория даже самого высокого уровня не может быть априори пригодной для определения вновь возникающей констатирующей трудности. А ведь именно на такую роль претендовала бы «единая теория психического». Понятие методологического плюрализма практически синонимично понятию «полипарадигмальности» психологии, по крайней мере, на современной стадии ее развития.

С моей точки зрения, методологический плюрализм заслуживает не сожаления как неизбежное зло, а одобрения как наилучшее условие развития науки. Попытка найти какое-то одно (единственно правильное) определение зиждется на убежденности в возможности построения единой теории психического, своеобразной метатеории, которая выполняла бы роль методологического ориентира для любого частного психологического исследования или психологической практики. Аналогичных теорий нет даже в гораздо более развитых науках. В любом случае формулировка предмета науки в целом должна быть заключительным этапом процесса построения единой теории, когда уже сформулированы исследовательские и практические задачи, описаны все основные методы исследования, единичный анализ и объект науки.

Сказанное не означает, что дискуссии о предмете психологии лишены всякого смысла. Широкое обсуждение предмета психологии в 1960–1970-х годах в советской психологии послужило толчком к развитию методологических работ и оставило значимый след в истории науки. Но что точно необходимо, так это более глубокая и всесторонняя рефлексия самой работы по определению предмета всей психологии, ее отраслей, конкретных исследований и практик.

В качестве примера приведу весьма интересную статью В.Д. Шадринкова (Шадринков, 2003), в которой автор предлагает рассматривать в качестве предмета психологии «мир внутренней жизни человека». Но как тогда быть с животными или младенцами? И с какого возраста у ребенка появляется «внутренняя жизнь», каков ее критерий? Попытку природу трудностей, возникающих при попытке выделить в качестве предмета исследования то *общее*, что есть в любом живом существе, надолгую историю, весьма несложно. Ведь это *общее* очень бедно по содержанию. Тип исследовательских и прикладных задач, средства исследования и прочие составляющие предмета науки в случае психики животного и психики человека принципиально различны. И таких качественных ступеней в развитии психического очень много.

В качестве главного итога всего, что было сказано выше, можно сформулировать следующие предложения для повышения кумулятивного эффекта безусловно интересных и полезных для научного сообщества дискуссий по предмету психологии.

1. Необходимо с самого начала раскрыть понимание автором предмета науки и его соотношения с объектом, методом, исследовательской задачей.
2. Желательно указать, в чем автор видит основной смысл «методологического дискурса о предмете психологии». Возможно, этот дискурс важен как развивающая игра, как способ удовлетворения познавательно-эстетических потребностей, как условие успешного решения проблем преподавания учебной дисциплины «психология». Какие последствия для конкретно-научных исследований может иметь тот или иной ответ на вопрос о предмете психологии?
3. Очень важно зафиксировать представления автора о статусе психологии как науки – находится ли она на допарадигмальной (т.е. донаучной) стадии развития, или она в принципе относится к полнпарадигмальному типу наук в силу специфики ее предмета или других причин. Адекватно ли для описания психологии понятие перманентного кризиса или какие-то другие модели из области методологии и логики науки лучше схватывают специфику структуры и роста психологического знания.
4. Весьма полезно отразить, какая общеметодологическая позиция автору ближе – методологический инквизицизм, риторизм, либерализм или плюрализм (как они сформули-

рованы выше) или занять свою оригинальную позицию по этому вопросу.

Выше я постарался зафиксировать свою позицию по большинству сформулированных вопросов, и это позволяет мне, не нарушая собственных рекомендаций, положить свое видение объекта психологии. Формулирование предмета психологии — проблема гораздо более сложная, требующая сопоставления объекта науки с методов, исследовательской задачей и другими составляющими научной деятельности.

С моей точки зрения, основной, исходной и, безусловно, всеобщей функцией психики является построение модели (субъективного образа) будущего и подчинение поведения живого существа этому еще не наступившему будущему, которое, впрочем, может и не наступить вовсе (достаточно вспомнить пример И.А. Беринштейна: смерть от страха смерти). Не выступает прогнозируемое будущее часто и для продолжающего жить существа. Разумеется, такое подчинение будущему невозможно без реакции на абстрактные раздражители (критерий психического), предложенный А.Н. Леонтьевым и А.В. Запорожцем). Но все более утверждающиеся в современной психологии представления об активной природе психического предполагают, что наделяемое психикой живое существо не ждет пассивно очередного воздействия стимула, чтобы начать прогнозировать будущее, а непрерывно осуществляет такой прогноз на всех доступных для него уровнях взаимодействия с миром. Иерархическая система таких прогнозов на разных уровнях и составляет то, что можно назвать «образом мира» живого существа. Известный лингвистолог К. Фабри именно в таком значении использовал это понятие применительно к рыбам и другим низшим животным. Мне представляется, что совокупность процессов построения образа мира, его развития и функционирования в качестве активного регулятора высшего поведения и внутренней жизни живого существа и составляет объект психологии в самом широком его понимании.

Итак, образ мира — целостное образование познавательной сферы личности, выполняющее функцию исходного пункта и результата любого познавательного акта. Он существует и функционирует в форме непрерывной генерации гипотез-моделей мира, по крайней мере, на трех уровнях — личностном, интеллектуальном и сенсорно-перцептивном, при этом каждой из них включает в себя как сознательные, так и несознаваемые компоненты. Важно отметить, что образ мира ни в коем случае нельзя отождествлять с чувственной (модально оформленной) «картинкой». Последняя (и то лишь частично) может

быть соотносима с «поверхностным», или сенсорно-перцептивным уровнем; глубинные, ядерные уровни образа мира носят амодальный (в смысле чувственных модальностей) характер. Возникает важный вопрос — какая психологическая реальность стоит за этими амодальными составляющими, что выступает носителем наших представлений о недоступных чувственному отражению свойствах реальности?

Как ни странно, этот вопрос касается и сенсорно-перцептивного уровня образа мира, поскольку перцептивный образ отнюдь не совпадает с кожной оцущением. До сих пор во многих учебниках по психологии можно прочитать, что ощущение есть отражение отдельного свойства, а образ восприятия — отражение комплекса этих свойств, строящегося из ощущений. На самом деле между образами-ощущениями и перцептами существует качественное различие, в основе которых лежит принципиально различный характер процессов, приводящих к возникновению этих двух видов познавательных процессов. Ощущения действительно имеют реактивную, рефлекторную природу и возникают в ответ на внешние воздействия в полном соответствии со схемой, постулируемой стимульной парадигмой. Построение образа восприятия — это изначально активный процесс, начинающийся с генерацией перцептивной гипотезы.

Убедительную аргументацию в пользу этого положения можно найти в классических опытах Д.Н. Узнадзе (Узнадзе, 1966, с. 34–37). Он показал, что вне контекста перцептивных гипотез испытуемые не могли идентифицировать отдельные ощущения — одни и те же характеристики стимула (вес, температура, форма поверхности и т.п.) воспринимались ими по-разному, вплоть до противоположности. То, что в контексте одной гипотезы казалось холодным, в контексте другой воспринималось как теплое и т.п. Заключим сказанное словами Д.Н. Узнадзе: «Мы идем к действительности... путем ощущений, но иногда не бывает так, чтобы они давались нам в виде ощущений. <...> Мы не ощущаем действительность, а воспринимаем ее» (цит. по Надарашвили, 1976). Если ощущения составляют лишь самый поверхностный («амальгемный», а не «субъектный») слой образа мира даже на сенсорно-перцептивном уровне, то что же выступает носителем более глубоких свойств, например, перцептивных и вербальных значений?

Ответ на это вопрос и предопределяет название деятельностной парадигмы, противопоставляемой стимульной (Смирнов, 1985). Согласно ей для построения образа необходима специальная перцептивная деятельность или отдельные перцептивные действия, которые должны быть релеванты тем или иным качествам воспринимаемого

объекта. Глубинные, сущностные свойства объектов задают характер той деятельности, которая необходима для их отражения и практического использования. Сама эта деятельность в различные формы ее субъективной репрезентации и является носителями знаний, «составляющими» образа мира человека на глубинных, ядреных уровнях. Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

А.Н. Леонтьев условно делил все свойства объективного мира на две категории. «Одни — это такие свойства вещных вещей, которые они обнаруживают во взаимодействии с вещами же, т.е. во взаимодействии "Объект — Объект". Некоторые же свойства обнаруживаются во взаимодействии с телесными вещами особого рода — с живыми чувствующими организмами, т.е. во взаимодействии "Объект — Субъект". Они обнаруживаются в специфических эффектах, зависящих от свойств реагирующих органов субъекта» (Леонтьев, 1979, с. 9). Таким образом, скажем, «скользкость» или «блестящность» не являются чисто объективными характеристиками объекта, а лишь качествами, проявляющимися во взаимодействии с нашими органами чувств. Но они не являются и чисто субъективными, ибо тело субъекта хоть и особая вещь, но тоже вещь среди вещей. Однако объекты обладают бесконечным числом свойств, которые вообще не могут быть выявлены во взаимодействии с телом субъекта, но лишь с другими телами, и субъект может обнаружить их только с помощью специальной организации такого взаимодействия. Свойства такого типа, как правило, не могут быть выявлены на основе восприятия, и вообще не открываются субъектом в ходе самостоятельной индивидуальной деятельности. Они носят совершенно отчетливый знаковый характер и фиксируются, прежде всего, в понятиях языка, знаках, предметах культуры.

Самое важное заключается в том, что объект-объективные свойства также непосредственно входят в наш образ мира, как и чувственно воспринимаемые. Именно синтетический и целостный характер такого конструкта, как «образ мира», позволяет нам с его помощью ответить на вопрос о том, что же обеспечивает синтез чувственного образа из хаоса отдельных ощущений, являе говоря, за счет чего достигается реальная связь в характере чувственной тианы до оформления ее в виде образа целостного предмета и после него. В восприятии целое предшествует своей части (это замечательно показали гештальт-психологи), и своим призыву этого целого часть (отдельное ощущение) только и приобретает возможность-быть свойством, чертой предмета — качеством, которого никогда не бывает у изолированного ощущения. Не ощущение говорит о том, какому целостному образу оно принадлежит, а, напротив, целое-

твый образ адает ощущение определенное место в своей структуре, благодаря чему ощущение получает объяснение и оправдание своему существованию в качестве устойчивого признака предмета, а не деду-често и нестойкого феномена сознания. Но если образ предмета пред-стает отдельным ощущением и структурирует их, то возникает три вопроса: 1) откуда оно берется? 2) на основе чего рождается, какой образ наиболее успешно структурирует чувственные впечатления в каждой данный момент? 3) в какой форме образ существует, если он еще не имеет конкретного наполнения чувственной тканью?

Чтобы ответить на эти вопросы, попытаемся понять, чем отлича-ется чувственная картина, оформленная в виде предметов внешнего мира, от хаотической смены зрительных ощущений. Важнейшим отличием первого случая от второго является возможность в опреде-ленных пределах предвидеть характер изменений ощущений: а) при естественном (без нашего вмешательства) течении внешнего собы-тия, изменении самого предмета и условий его восприятия; б) при направленном изменении нами условий восприятия; в) при том или ином нашем воздействии на внешний мир, при нашей деятельности с тем или иным объектом. Это происходит благодаря тому, что зна-ние взаимосвязей отдельных объектов и законов их взаимодействия непосредственно включено в сам образ мира.

Степень точности и достоверности таких экстраполяций может быть разной — от чрезвычайно высокой, когда мы даже не удивляем-ся проверить верность своих ожиданий (и на этом основаны многие иллюзии восприятия), до крайне неуверенных и приблизительных гипотез в случае чрезвычайно обобщенного контекста или при большом количестве новых аспектов ситуации. Если гипотеза явно ошибочна и отдельные ощущения не получают характера устойчивых структур, а наши ожидания относительно направления изменений чувственных впечатлений при совершении тех или иных действий окажутся не подтвержденными, то происходит смена гипотезы за счет включения в нее ранее не учтенных связей и отношений, а также на основе рас-ширения или изменения контекста, в котором берется данный объект или ситуация. Тем самым наше представление о мире модифицируется, уточняется, обогащается новыми связями между объектами.

Итак, образ восприятия — это не сумма ощущений, а законо-мерная динамика их изменения при совершении или несомвершении нами тех или иных действий. Иначе говоря, образ — это единство чувственных и, если можно так выразиться, «действительных» пере-живаний. Но если первые представлены в нашей картине мира

в форме ощущений (их закономерных наименований), то как представлены вторые, выступающие в роли носителя модальной схемы мира? Надо принять во внимание, что в образ мира (по крайней мере, на его ядерных уровнях) входит отражение самой деятельности человека и, прежде всего, тех ее компонентов, которые позволяют выделять свойства объектов, не обнаруживаемые при их взаимодействии с органами чувств ($S-O$). Это уже отмечавшиеся свойства, обнаруживаемые в результате взаимодействия с другими объектами ($S-O_1-O_2$) и сверхприродные свойства, обнаруживаемые при воздействии на других людей, например, стоимость (S_1-O-S_2). Свойства этого рода объективно присутствуют внешнему миру и даже относятся к его наиболее устойчивым сущностным характеристикам по сравнению с теми, которые являются нам во взаимодействиях типа $S-O$ и носят выраженный модальный характер.

Ядерный уровень (вернее, уровни) символической (знаковой) репрезентации мира формируется в психике человека на основе системы объективно-выработанных значений, закрепленных в языке, предметах культуры, нормах и эталонах деятельности. Система этих значений и образует отраженное пространство деятельности человека в реальном мире, которое строится по законам этого мира, а не произвольно конструируется субъектом. Наконец, следует отметить, что всякая внешняя деятельность человека в материальном плане осуществляется в форме механических перемещений масс в пространстве, то есть описывается на языке сил, расстояний и ускорений. Это и есть то, что Н.А. Бернштейн (Бернштейн, 1966) назвал биодинамической тканью движения, которая, по нашему мнению, является подлинным носителем модальной схемы мира на уровне тех сущностей, которые открываются нам в восприятии. Чтобы понять и объяснить необходимость движений для построения образа, В.П. Зинченко (Зинченко, 1983) ставит вопрос о том, как «биодинамическая ткань» движения переходит в чувственную ткань образа. С нашей точки зрения, следует несколько сместить акценты. Биодинамическая ткань движения не превращается в чувственную ткань, а служит тем организующим началом, скелетом, основой, благодаря которой мозаика ощущений превращается в целостные, предметные образы восприятия. Ощущения, организованные в образ есть ощущения с заданными взаимопереходами от одного чувственного впечатления к другому, т.е. сгематизированные биодинамической тканью движения. При этом биодинамическая ткань движения сама должна быть как-то отражена, она должна войти в состав чувственного образа в качестве одной из его глубинных составляющих.

Термин для обозначения такого чувственного носителя, презентующего отраженную биодинамическую ткань субъекту, предложил И.М. Сеченовым – это знаменитое «темное мышечное чувство». Оно как бы растворяется во всех других чувственных модальностях, являясь их «общим знаменателем», и потому не имеет своего собственного выраженного модального оформления. Оно презентурует нам трехмерное пространство, которое служит координатной сеткой для планирования и контроля за ходом осуществления любого нашего воздействия на мир. Показательным примером является схема собственного тела. Когда мы с закрытыми глазами пытаемся дотронуться до кончика носа указательным пальцем, то не можем дать себе отчет, чувство какой модальности позволяет нам судить об их взаимном расположении в каждой данный момент – мы просто знаем, где нос и где палец. Это хороший пример амодального слова перцептивного уровня образа мира.

Переходы от одной чувственной картины к другой опосредствованы некоторой системой наших движений, потому отражение биодинамической ткани движений (которые нужно совершить, чтобы перейти от одной чувственной данности к другой) и есть та первая инстанция в перемещении от поверхностных структур к глубинным, которая задает взаимопереходы между разными чувственными воздействиями одного и того же образа, объединяя их в некоторую целостность. Эта целостность в функциональном плане выступает как «предсуществующая» по отношению к отдельному чувственному впечатлению (то, что в восприятии целое предшествует части, как я уже отмечал давно доклады гештальт-психологи).

Важное объективное свойство внешней действительности, которое еще не нашло своего отражения в нашем образе мира, первично проявляется и обнаруживается нами как некоторый фактор, возмущающий ход нашей деятельности во внешнем мире, отклоняющий ее от той маршрута, который был создан на основе прежнего, недостаточно полного образа мира без учета этого фактора. И только вторично этот фактор выступает как предмет специально организованной деятельности, направленной на выделение стимула, презентующего данный фактор среди бесчисленного множества других воздействий.

А.Н. Леонтьев, специально разбирая этот вопрос, сформулировал также о генетической первичности деятельности по отношению к восприятию, о том, что деятельность прокладывает пути отражения. В другой его работе эта мысль выражена следующим образом: «...дифференциатором, управляющим процессом деятельности первично

выступает сам предмет, – и лишь вторично это образ как субъективный продукт деятельности, который фиксирует, стабилизирует и несет в себе ее предметное содержание» (Ломталье, 1975, с. 86). Иначе говоря, не конструируемый в исходный образ мира объект сначала модифицирует аффекторные механизмы деятельности, биофизиологическую ткань реализующих эту деятельность движений, и лишь затем возникает модифицировать чувственную ткань того или иного модального воплощения нашего образа мира. Тогда как стимульно-реактивный подход отводит практике в лучшем случае лишь роль критерия для проверки истинности наших интерпретаций стимульных воздействий, но не того канала, через который объективная действительность открывается нам.

Важным теоретическим следствием введения категории образа мира в указанном смысле понимания является снятие жесткой границы между чувственным и рациональным знанием, а так же между познавательной и эмоционально-потребностной сферами личности. В самом деле, если выработка объект-гипотез, без которой не может начаться процесс построения чувственного образа, осуществляется на основе образа мира в целом, а иногда требует развернутых вербальных суждений, то мы действительно можем сказать, вслед за В.А. Лекторским, что чувственное знание есть осмысление, понимание воспринятого (Лекторский, 1978). Речь идет не о простом влиянии одного вида знания на другой, а об их необходимо совместном функционировании в каждом акте познания. Классы процессов чувственного и рационального познания констатируют лишь различный удельный вес той или иной структурной составляющей образа мира в порождении объект-гипотезы и получения нового знания. В конечном счете интеллектуальная задача может быть поставлена в отношении чувственного впечатления (например, как получить новые вкусовые ощущения за счет наименьших затрат приготавливаемого блюда), и, наоборот, интеллектуальные задачи слюны и рядом решаются на основе приемов изменения образной репрезентации некоторых исходных данных. Разумеется, необходимость в социальном и систематическом изучении конкретного единства чувственного и рационального в каждом акте познания отпадает в силу наличия привнесённого решения этой проблемы.

Что касается проблемы единства эмоционально-потребностной и познавательной сфер личности (или проблемы единства аффекта и интеллекта, как ее сформулировал Л.С. Выготский), то здесь идея образа мира позволяет сделать еще более решительный шаг вперед. Если

образ мира действительно носит выраженный прогностический характер, то неизбежно возникает вопрос об избирательной природе такого прогнозирования. Оно, прежде всего, строится в отношении важных и значимых для человека событий, которые связаны с деятельностью субъекта и его потребностями. Но для того, чтобы выделить тот или иной объект или событие в качестве значимого и осуществить в отношении него акт познания, необходимо наличие какого-то предзнавия, в функцию которого входит выбор направленной волеи познавательной деятельности: чтобы нечто узнать, нам надо заранее предвидеть, что это недостающее знание будет нам полезно, иными словами, что оно *будет* иметь отношение, например, к удовлетворению наших потребностей. Этот механизм работает не только в случае практической деятельности. Когда мы собираемся обдумать какую-либо психологическую проблему, мы как бы заранее ожидаем, что именно здесь нас может ждать успех. Предвзвешенные успехи или неудачи и выступают в данном случае в роли эмоционально окрашенного предзнавия, которое представляет собой подлинное единство, точку пересечения знаний и эмоций. Чтобы пережить эмоцию, надо уже нечто знать (Ж. Пиаже, в частности, говорит, что «невозможно существование каких бы то ни было чувств без известного минимума понимания или различения» [Пиаже, 1968, с. 64]), но, чтобы нечто узнать, надо предварительно пометить его эмоциями как заслуживающее нашего познания.

Решение этого, отнюдь не формального противоречия, невозможно в рамках стимульной парадигмы. В самом деле, как мы можем выбрать один из бесчисленных стимулов для обработки и включения в образ, если мы еще не знаем, что за ним стоит? Согласно деятельностной парадигме, как мы уже отмечали, и предметное значение, и эмоционально-личностный смысл строятся образ заданы всем контекстом нашей деятельности, актуализированной частью целостного образа мира и поэтому в функциональном плане предшествуют валентной стимуляции, а не вытекают из нее за счет бесконечно усложняющейся обработки чувственных данных. В аналитической интерпретации процесс построения образа приобретает характер особой познавательной деятельности, обладающей всеми атрибутами подлинной предметной деятельности и вневской ту же структуру.

Как отмечалось выше, именно совокупность процессов построения образа мира, его развития и функционирования в качестве активного регулятора внешнего поведения и внутренней жизни живого существа и следует, с моей точки зрения, рассматривать как объект психологической науки в самом широком смысле. На этом объекте различные

отрасли психологии и конкретные исследовательские программы строят свой особый предмет в соответствии со спецификой своих исследовательских задач, методов и средств организации психологического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн И.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
- Баллерин И.Я. Введение в психологию. М., 1976.
- Зинченко В.Д., Самарин С.Д. Методологические вопросы психологии. М., 1983.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
- Лекторский В.А. Познавательные отношения: пути исследования их природы. Автореф. дисс. ... дисс. филол. наук. М., 1978.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
- Найденко И.А. Психологическая теория восприятия (с позиций теории установок). Тбилиси, 1976.
- Пиаже Ж. Набранные психологические труды. М., 1969.
- Писляков А.А. Предмет психологии как методологический дискурс // Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 246–254.
- Самарин С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.
- Спиноза Б.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2000.
- Умиде Д.И. Психологические исследования. М., 1966.
- Федербаев Г. Набранные труды по методологии науки. М., 1986.
- Шадрин В.Д. О предмете психологии. Мир внутренней жизни человека // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 332–349.
- Юбилеи Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
- Юрков А.В. «Методологический либерализм» и парадигмальный статус психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 349–357.
- Юзе В.А. Социологические исследования (методология, программа, методы). М., 1979.

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ТРИВИАЛИЗАЦИЯ ОБОСНОВАННОЙ АХИНЕИ

В.М. Алмаквертов

Название обязывает. Поэтому мне придется одну и ту же мысль излагать дважды: то как адвенту, т.е. как идею, кажущуюся желанной, вздорной, бессмысленной, абсурдной, то как совершеннейшую тривиальность, т.е. как трюк, как столь навязную и глупую банальность, что, казалось бы, ее даже можно было бы и вовсе не упоминать. А провокационность названия лишь подчеркивает, что речь в статье при всем при этом пойдет о весьма банальных вещах.

В науке проводится масса исследований, но лишь ничтожно малая толка из них именуется открытиями и остается в истории. А.В. Юревич констатирует: «Наука рождала океан научной литературы, менее одного процента которой находит сколь-нибудь значительный круг читателей» (Юревич, 2001, с. 249). Н.А. Заболоцкий эту же мысль выразил поэтически: «Из миллионов птиц к светилам и зарницам едва ли вырастет одна». Открытие выделяется тем, что шокирует своей неожиданностью и контринтуитивностью. Хрестоматийна фраза Н. Бора, адресованная им более молодому коллеге: «Ваша идея не достаточно сумасшедшая, чтобы быть верной». К тому же, из банальности не вынести никаких плодотворных следствий – только по-настоящему неожиданная идея обладает эвристическим потенциалом. Но все-таки вряд ли стоит объявлять, что эффективность научной идеи характеризуется степенью ее сумасбродности. Наука – слишком рациональное занятие, чтобы несправедливым намеком на сумасшествие теорема подстрекать ее иррациональное начало. В более привычном высказывании о парадоксальности научного знания, однако, именно привычность,

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ.

аппаратность этого оборота мешает увидеть глубинную экстравагантность научного творчества. На мой взгляд, лучше использовать слово *ахивес*, которое, как иногда считается, этимологически восходит к «ахивес» — предкавказцы, что так обычно и отзывались о мудрецах афинских философов. Можно было бы, конечно, назвать ее и как-нибудь иначе, например, *хозмой* («мудрость» по-древнееврейски), но в этом последнем случае повалится вузническая нота иронического отношения к столь серьезному делу, каковым является наука. Добавлю, что о роли исленцы и ахивесы в художественном творчестве мною уже довелось писать (Аллахвердов, 2001).

Однако научное открытие только тогда становится признанным достижением, когда высказанные идеи принимаются научным сообществом. Понятно, что далеко не любая ахивес является научным высказыванием. Открытие, прежде всего, должно быть обосновано. Утверждения науки отличаются от всех других утверждений тем, что они доказываются по принятым научным сообществом правилам, существующим совершенно независимо от авторов этих утверждений. Но в этом мало. Если идеи не согласуются с наличием системы знаний, то они силой и рядом игнорируются научным сообществом. М. Поппер приводит покаянный пример. В одном научном журнале, говорит он, были опубликованы данные, показывающие, что продолжительность беременности в днях у различных грызунов кратна числу π . Результат столь бессмысленный, уверяет Поппер, что никакие доводы не смогут убедить в реальности этого соотношения (Поппер, 1985, с. 201). В науке нельзя верить в абсурд, даже если этот абсурд статистически достоверен. Научное знание должно приобрести полную очевидность, оно должно стать в глазах людей тривиальным и не должно противоречить уже имеющемуся знанию. В конце своего пути оно предносится школьникам как нечто, не вызывающее никаких сомнений. (Что, конечно, является неверно, ибо научное знание — это всегда сомневающееся знание.) В общем, не так просто заниматься наукой, ибо результат научного исследования должен одновременно сочетать в себе несовместное — он должен быть тривиальной ахивесой и при этом ахивесей, по всем правилам обоснованной. Видимо, существует даже особый дар превращать абсурд и ахивесу в трюком. Л.Д. Ландау отнюдь не шутил, когда называл себя гениальным тривиализатором. Соответственно, и оцениваться результат научного исследования тоже должен одновременно и по степени своей ахивесности, и по степени своей тривиальности. Ну а если знание не обосновано, то это просто не научное знание.

Оказывается, многое зависит от того, как сами авторы рассказывают о своем открытии. Дело в том, что ахинеяная мысль всегда несомненна для автора, она совершенно высказано освещает запутанную ранее головоломку. И, разумеется, автор чувствует свою отстраненность, личную непричастность к этой идее, ведь до выдуманного появления ее в сознании не было и откуда она вышла — не известно. Поэтому зачастую даже кажется, что появление творческой идеи — вообще дело случая. О случайности собственного открытия говорили многие выдающиеся ученые, например, В. Сквинер. По принятому канону, авторы обычно скрывают подлинную последовательность предшествующих открытию событий, стараются сразу тривиализировать полученный ими результат, дабы он выглядел убедительным. Тривиализация собственных идей ведет к тому, что на фоне подавляющего большинства стандартных публикаций оригинальность замысла может быть просто не замечена. Впрочем, если автор, наоборот, подчеркивает оригинальность своих идей, то слишком высок шанс непонимания и отторжения сказанного им.

Как же надо оценивать исследование, чтобы можно было оценить и его обоснованность, и его тривиальность, и его ахинеяность? Мне проще всего (и, наверное, корректнее всего) проиллюстрировать и проблему, и высланные понятия на примере собственного исследования. Вначале я кратко опишу реальную хронологию исследования, приведшую его в итоге вроде бы к полной ахинеи, т.е. к аномалии, нарушающей принятую систему взглядов (Аллахвердов, 1993), а затем представлю тот же результат как более-менее тривиальное следствие наличного знания (Аллахвердов, 2003).

РАЗНЫЕ ОПИСАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аксцент в пользу ахинеи. В начале 1970-х годов совершенно неожиданно для себя самого я открыл явление, названное позднее *невозможным несомненным выбором*. Однажды я решил опровергнуть распространенное в научной литературе мнение о неизбежной существования слухового восприятия и об уникальной стимулируемости зрительного. Я верил в принципиальное единообразие психических процессов, а значит, и в независимость их существенных характеристик от модальности. К тому же, полагал я, многоголосное существование полифонической музыки — существенный аргумент в пользу возможности

существования симультанного слухового восприятия. В центре моих интересов тогда было другое – меня интересовало возникновение ошибок при решении простейших когнитивных задач. Но, будучи аспирантом, я мог позволить себе исследовать все что угодно. Объем симультанного слухового восприятия можно было измерить примерно так же, как обычно определяют объем симультанного зрительного восприятия. Впрочем, учитывая периферийность данного замысла, я позволился готовить какую-либо сложную аппаратуру, а ограничился подручными средствами. Трех знакомым музыкантам с абсолютным слухом, т.е. с умением правильно идентифицировать высоту звука с нотным обозначением, я предъявлял на рояле аккорды с просьбой воспроизвести после каждого аккорда названия входящих в него нот или (в другой серии) подобрать эти аккорды на рояле.

Три-четыре звука испытуемые обычно воспроизводили безошибочно. Но иногда – особенно при предъявлении хорошо знакомых гармонических сочетаний звуков (трезвучия и т.п.) – путали тональность, т.е. правильно опознавая само сочетание, ошибочно идентифицировали каждый конкретный звук. При высокой вероятности случайного угадывания (весь алфавит звуков темперированного строя равен 12) наличие подобных ошибок не позволяло убедительно доказать о существовании симультанного слухового восприятия. Тогда я решил предъявлять только атональные аккорды из 6 звуков. Выбор такого числа элементов позволял конструировать более разнообразные аккорды, но для данного замысла исследования он был крайне неудачен: вероятность случайного угадывания составляла уже 50%. *Вскоре* оказалось, что имею два способа предопределять успех исследования. Дело в том, что в каждом следующем аккорде обычно приходилось повторять два-четыре звука из предыдущего. Обычно же экспериментаторы тщательно стараются избежать подобных повторов.

Выяснилось, что испытуемые в среднем безошибочно идентифицировали 3,3 звука, что, разумеется, не позволяло говорить о симультанности слуха. Однако они отмечали, что слышат и озвучают больше. Действительно, невоспроизведенный звук из предшествующего аккорда мог неожиданно ошибочно «озвучить» при воспроизведении звуков следующего аккорда, когда он не был в нем предъявлен. В качестве ошибки воспроизводились 15–30% предъявленных и предшествующей пробе звуков (будем называть эти звуки нейтральными) и 23–34% пропущенных в предшествующем аккорде звуков (разница достоверна на 99% уровне). Но тогда, решил я, следует ожидать, что и вероятность правильного воспроизведения ранее пропущенных

звук должен быть больше, чем вероятность правильного воспроизведения нейтральных звуков, т.е. звуков, в предшествующем аккорде не предъявлявшихся. Однако получилась строгая наоборот. При словесном воспроизведении правильно воспроизводились 56% нейтральных звуков и 44% пропущенных. При подборе звуков на ролле правильно воспроизведены 71% нейтральных звуков и 53% пропущенных. Все различия достоверны на 99,9% уровне.

И был ошеломлен. Этот результат не уместился в моей голове. Бессмыслица какая-то! Прямо как у Августина: как я могу нечто забыть и при этом помнить о том, что я забыл? Августин признает логическую невозможность осознания факта забывания, и это напрямую ведет его к вере: «Каким образом я могу вспомнить то, при наличии чего я вообще не могу помнить? <...> Кто сможет это исследовать? Кто поймет, как это происходит?» (Августин, 1991, с. 251). Я же столкнулся с этой проблемой отнюдь не в результате логических или лингвистических изысканий, а непосредственно в эксперименте. Ведь для того, чтобы повторю не воспроизводить какой-нибудь звук (например, «си бемоль»), надо как-то сохранить в памяти эту самую «си бемоль» как ту ноту, которую не следует воспроизводить. Тогда в общем виде получается: для того, чтобы *условно* забывать какой-нибудь предъявляемый для запоминания знак, сто надо опознать и одновременно помнить, что именно этот знак не подлежит воспроизведению. Но если испытуемый и опознает, и помнит его, то почему не воспроизводит? в чем смысл забывания, если забытое заведомо должно храниться в памяти?

Может, во всем этом проявляется нечто глубинное? Ну, не нравится испытуемому из каких-то всеведомых бессознательных соображений «си бемоль» — вот он и вытесняет из сознания этот звук, а потому утратил его и не воспроизводит. Как известно из психоанализа, однажды вытесненная информация не должна далее проникать в сознание в той же форме, в какой она была до вытеснения. Объяснение, конечно, невероятное; в реальности вряд ли можно найти музыкантов, предпочитающих не играть какую-то одну ноту или не использующих какую-нибудь тональность. Но самое главное — такое объяснение не соответствует полученным данным. В частности, как уже отмечалось, только что пропущенный звук чаще случайного адрут начинает ошибочно воспроизводиться тогда, когда он не предъявляется. О каком вытеснении может идти речь?

Итак, случайно обнаружено явление, которое мыслится совершенно ипоисурным. Вполне можно считать это явление ошибочным:

экзотический стимульный материал, всего трое и притом весьма специфически испытуемых, множество неучтенных алиний (типа нестабильности предъявления аккордов на рояле), да и достаточно слабая выраженность эффекта — производные звуки воспроизводятся всего лишь где-то на 15% хуже. Не лучше ли рассматривать полученные данные как курьез, аналогичный краткости времени беременности грызунов между X ? Стоит ли тратить время на проверку заведомой истины? Именно здесь возникает критическая тема. Исследователь должен сделать выбор либо допустить реальность заведомой истины и начать ее разрабатывать, либо отказаться от нее как от заведомой чепухи, не достойной упоминания.

Позднее в данных других экспериментаторов я находил намеки на обнаружение мной явления, но они обычно отбрасывали эту идею как бессмысленную, лишь некоторые из них отмечали ее в примечаниях как некий странный отсутствующий результат, единицы даже предлагали способ расчета данных, позволяющий элиминировать возмущающий эффект как искажающий результаты исследования. Я же решил — типа на проверку существования этого явления. Я варьировал стимульный материал, переходил от внешне простых задач к сложным, вербальным, арифметическим, полухитрым, в экспериментах участвовали уже сотни испытуемых — и все время наблюдалось одно и то же: однажды неосознаваемые звуки (незамеченные, неуслышанные, невычисленные и т.д.) при выполнении повторных заданий имеют тенденцию оставаться неосознаваемыми; повторные ошибки встречаются существенно чаще, чем случайные, при этом они делаются быстрее, чем ошибки, возникающие после правильных ответов.

Обоснование соответствием опыту. Мои исследования 1970–1980-х годов были направлены на проверку разных, в том числе, самых невероятных предположений, вытекающих из основной гипотезы (см: Афанасьев, 1993, с. 26–93).

1. Испытуемые быстро читали вслух слова и должны были ответить те из них, в которых содержится заданные буквенные триграммы. Например, надо было выделить триграммы «лес» и «лос» в словах типа «пылесос» и «малосольный». Ошибки пропуска встречались не часто (7% случаев), но повторение пропуска той же самой триграммы в следующем же слове, ее содержащем, происходило более чем в 25% случаев. Более того, через месяц ранее сделанные ошибки пропуска повторились в 33% случаев, новые же ошибки встречались в 5% случаев.

2. Я наблюдал, как три неопытных машинистки учились печатать на клавиатуре. Мней были проназваны почти 16 тысяч напечатанных ими слов. Оказалось, что вероятность сделать повторную опечатку в том же самом слове в 6 раз больше (!), чем просто вероятность совершить ошибку. Вот, для примера: одна испытуемая на с. 2 своего текста печатает слово «эксперименты»; на с. 3 – «экспериментов»; с. 6 – «накспериментов»; с. 14 – «накспирименты»; с. 16 – «эксперимента» и т.д. Еще типичные опечатки: «тогда» и «туда». Добавлю собственное переживание: в последнее время в процессе набора текста на компьютере я часто ловлю себя на том, что все время печатаю «существуется», хотя практически не делаю опечаток в подобных словах («проявляется» и т.п.).

3. При многократном и кратковременном (на 300 мс) предъявлении единичных стимулов с задачей их опознания ошибки совершались в 29% случаев, однако исправляемое опознание при следующем же предъявлении того же самого стимула происходило в 43% случаев. Еще более неожиданным оказалось то, что среднее время реакции тесно связано с числом вариантов ответа, даваемых испытуемым в ответ на предъявление данного стимула: чем больше вариантов, тем дольше время реакции. Поэтому оказывается, в частности, что правильные ответы даются быстрее ошибочных, частые одинаковые ошибки совершаются быстрее, чем редкие. Вдумайтесь, насколько этот результат велик сам по себе: испытуемый еще не может знать, сколько раз и как он ошибется при предъявлении именно данного стимула, но это время реакции тесно связано с разнообразием даваемых им ответов; испытуемый не способен точно оценить, дал он правильный или ошибочный ответ, но по времени его правильные и ошибочные ответы различаются.

4. На выбор следующей задачи повлияло потрясение, испытанное мной еще в студенческие годы, когда мне был показан эмбелл, увеличенный безошибочно переводить даты в дни недели. Неужели, задумался я тогда, эмбелл может этокое делать, а нормальные испытуемые не могут, да еще и жалуются на постоянную путаницу дат и дней недели. Итак, испытуемые в ответ на предъявление даты, лежащей в диапазоне от 1920 до 1999 гг., должны были назвать день недели, соответствующий этой дате. В инструкции говорилось: «Старайтесь ничего не вычислять, прислушайтесь к Вашему подсознанию и дайте ответ, первым пришедший в голову». Если предъявленная дата соответствовала, например, четвергу, то ответ испытуемого мог отличаться по степени отклонения от этого дня. Так, в данном случае ответ «четверг» соот-

известно: отклонению 0, отсты «среда» и «пятница» – отклонению на 1 день и т.д. до отсты «воскресенье» и «воскресенье» с отклонением на 3 дня. И замысел, и, тем более, результат этого исследования трудно назвать иначе, чем захватив. Получилось, что вероятность повторения предшествующего отклонения достоверно (на 99% уровне) отклоняется от случайного; этот эффект проявился у 36 испытуемых из 48, а наиболее выражен – при отклонениях 0 и 3.

Надеемся, приведенные примеры побуждают задуматься над объяснением, т.е. тринализацией найденного явления.

Путь тринализации. Признаюсь, что процесс тринализации описанного результата еще не закончен. В поиске объяснения я предположил существование некоего механизма, принимающего решение о том, что осознавать, а что – не осознавать. Этот механизм предначертан для решения когнитивных задач, чем весьма отличается от цензуры у Фрейда, и, надеюсь, не столь спекулятивен, как фильтры ранних когнитивистов. Главное отличие: принятие посредством этого механизма решения обладает последствием – существует тенденция повторно осознавать то, что ранее было уже осознано (в духе гештальтистов, это можно было бы назвать последствием фигуры), и не осознавать того, что ранее уже было решено не осознавать (что похоже на последствие фона). Подробнее как об этом, так и об идеях других авторов, писавших или предположивших нечто аналогичное, а также о вытекающих из подобного представления следствиях рассказано в другой моей работе (Аставердов, 2003). Но поскольку до превращения этой гипотезы в теорию мне весьма далеко, то здесь я ограничусь описанием лишь верного пути тринализации и постараюсь предостеречь оплошавший меня в свое время результат в виде следствия, выводимого из очевидного знания – на уровне известного закона.

Всем известно: для безошибочного воспроизведения большого по объему текста необходимо многократно предъявлять этот текст – все мы именно так, много раз перечитывая, заучивали в школе стихи или таблицу умножения. Все так же знает, что чем больше заучиваемый текст по объему, тем непропорционально большее число раз его надо повторять. Более ста лет назад С. Эббингауз даже установил закон: число предъявлений, необходимых для заучивания ряда, растет гораздо быстрее, чем объем этого ряда. Так, сам Эббингауз мог с одного предъявления воспроизвести 6–7 бессмысленных слогов, однако для заучивания 12 слогов ему требовалось уже 14–16 предъявлений.

Пусть испытуемый изучивает ряд из N никак не связанных между собой знаков (например, числа, бессмысленных слогов и пр.). Допустим также, что после i -го предъявления он правильно воспроизводит только p_i из них — назовем их p -знаками. Знаки, которые он оказался не способным воспроизвести, будем обозначать как q -знаки. Таким образом,

$$N = p_i + q_i$$

Но что же на самом деле остается в памяти испытуемого? Если только p -знаки, то тогда при $i + 1$ -ом предъявлении он должен воспроизводить q -знаки, до этого уже i раз предъявленные ему, как субъективно совершенно новые для него. Но это же, разумеется, не так. В противном случае, собственно, никакого изучения как последовательности связанных между собой актов вообще не должно существовать²⁷. Да и любой человек мгновенно отреагирует, если изучаемый им ряд изменится, даже если изменится только до этого невоспроизведенные им знаки. Значит, изменится не только p -знаки, но и хотя бы некоторые q -знаки. При этом после каждого следующего предъявления испытуемые гораздо лучше воспроизводят предшествующие p -знаки и почти не вспоминают q -знаков. Из 12 впервые предъявленных слогов С. Эббингауз запомнил с первого предъявления шесть, а для изучения шести оставшихся слогов (q -знаков) ему требовалось уже почти 15 предъявлений. Отсюда следует: не воспроизведенные ранее знаки имеют тенденцию вновь не воспроизводиться при следующих предъявлениях. Это значит, что q -знаки — это особые знаки, которые испытуемый хранит в памяти специально для того, чтобы их не воспроизводить и не осознавать. (Здесь, конечно, можно и Августина вспомнить.) Но ведь это значит, что испытуемый должен как-то специально маркировать q -знаки именно как q -знаки, чтобы отличать их от знаков, ранее не предъявлявшихся.

Попробуем эту гипотезу проверить. Будем предъявлять испытуемому каждый раз новые последовательности знаков. Если в очередную последовательность включать q -знаки, то они должны воспроизводиться существенно хуже, чем ранее не предъявлявшиеся знаки.

²⁷ Мудрой Н.А. Бернштейн высказал эту мысль еще в 1930-е годы: «Если первое воздействие не оставляет после себя следа, то второе, следующее за ним, уже не будет в слове комбинированием с признаком "вторым" и должно будет начинаться все с начала. <...> Повторение только в том случае будет повторением, если первое предъявление не прошло бесследно» (Бернштейн, 2003, с. 208–209).

Даже после сказанного уже можно естественно перейти к описанию эксперимента с музыкантами (или даже начать описать стандартный эксперимент, где обычные испытуемые запоминают двузначные числа или дорожные знаки). Таким образом, совершенно неожиданный адхезивный результат может быть в процессе тривалентации выдан за проверку гипотезы, дедуктивно выведенной из локального знания. Как ни странно, это принятое в науке мошенничество. Но пока подобные фальшивки почему-то не осуждаются методологами науки.

В процессе тривалентации также желательно приводить объяснения каких-нибудь базальных явлений, но загадочность которых ранее не всегда обращалась внимания. Вот, например, обучение суммированию цифр в столбик. Если цифр много, учителя еще в школе, то при их сложении возможны ошибки, а потому результат надо обязательно проверить. Однако проверять, добавляли учителя арифметики, называем способам, чем ранее было посчитано. Так, если суммирование велось сверху вниз, то при проверке следует складывать цифры снизу вверх. Но почему? А потому, отвечали опытные преподаватели, что при повторном сложении тем же самым способом человек имеет тенденцию повторять ту же самую ошибку. Но ведь это поразительное утверждение как раз и описывает обсуждаемый феномен! Школьник складывает 2 и 3 и почему-то подумает 6. Он не осознает, что сделал ошибку. Этот результат не соответствует выработанным у него автоматизмам. И, тем не менее, при повторном счете он эту же ошибку в этом же месте снова повторяет. А для повторения ошибки необходимо помнить (пусть в каком-то неосознаваемом виде), где и какая ошибка была сделана. Как иначе возможно ее повторить?

Я уверен, что описывать любой результат научного исследования надо двойке: и как адхезию, и как банальность. Только такое параллельное описание, если, конечно, исследование действительно представляет собой тривалентированную адхезию, позволяет лучше понять сделанное. Проблема описания становится особенно важной, если мы хотим оценить качество исследования. Ведь здесь не обойтись без оценки степени адхезивности развиваемых в исследовании идей (в более привычной терминологии — их неожиданности и оригинальности), их обоснованности (т.е. их соответствия опыту) и тривальности (доказательности, убедительности, непротиворечивости). Но и степень неожиданности, и степень новизны могут оцениваться, прежде всего, субъективно, исходя из ожиданий и понимания представителей научного сообщества. И то, как исследование описано самим автором, разумеется, не может не повлиять на оценку научного сообщества.

ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА В «ТРУДАХ ЯРОСЛАВСКОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРЬ»

Как определить, на каком уровне развития сегодня находится психологическая наука? Вначале рассмотрим типичные оценки, встречающиеся в методологической литературе, а в следующем разделе сравним их с оценкой психологических концепций с опорой на введенные критерии. Давно не пытаясь объять необъятное, в качестве примера существующих взглядов я выбрал «Труды Ярославского методологического семинара» (2004), посвященного поиску предмета психологии, где в качестве авторов собраны вместе едва ли не самые известные отечественные методологи в области психологии. Вот что они констатируют:

1. Отвержение единой теории

Ф.Е. Василюк признает «неожиданное обилие общих психологий» и цитирует Л.С. Выготскому: отсутствие единой общей психологии – симптом недоразвитости нашей науки, «самого рода уродство методологического тела психологии» (Труды..., 2004, с. 12–13). И.П. Волков добавляет: психологическая наука расплелась на множество не стыкуемых областей знаний о человеке, «прорех в научной психологии так много, что если просветить ее на солнце, она будет похожа на решето» (там же, с. 33–34). Ю.А. Гагин: в психологии отсутствуют единый язык и единая логика объяснения (с. 46). В.П. Зинченко: «психологические данные, методы, даже теории представляют собой рой, а не строй» (там же, с. 101). М.М. Кашанов отмечает как заслугу когнитивистов, что им все-таки удалось объединить «разнообразные попытки что-либо поверить», но даже их «разнообразные концептуальные парадигмы не удалось соединить в единую теорию» (там же, с. 184). В.В. Козлов: «Современная ситуация в психологии напоминает строительство Вавилонской башни. Психологи, наплеваяки пытаясь измеренным достичь и постичь дугу в духе, в конце концов, начали разговаривать на разных языках и вся энергия «...» ушла на стучные стеры и исследования шириней, пыли и прохлы» (там же, с. 195).

2. Констатиция методологическая сложная проблем

И.П. Волков: «неуклонно нарастает теоретическая сложность и неопределенность в планировании, осуществлении²⁰ и интерпретации

²⁰ Я думаю не так уж много опечаток, но все слова вычитаете сурово.

результатов эмпирических исследований... Современные учебники психологии приобретают статус «научных трактатов» (там же, с. 32). В.И. Зинченко предлагает сделать, наконец, психологию «наукой о душе, а не только наукой об ее отсутствии» (там же, с. 101–102). В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриевы «Психологические гущины, а также психологические механизмы возникновения и функционирования сознания до сих пор остаются неизвестными» (там же, с. 133). В.А. Машков: «Современная научная психология исступленно определяет свой предмет» (там же, с. 222). Н.В. Поддубный: «научная психология до сих пор не знает, что такое личность, не имеет единой классификации основных потребностей человека, а категориальная сетка в целом напоминает воображение» (там же, с. 267–268). Даже В.Д. Шадринков, пишущий столь уверенно, что кажется, будто ему ведома окончательная Истина²⁹, и тот проговаривается: «В свободе выбора заложена тайна психологии» (там же, с. 303). А я от себя добавил без понимания свободы выбора, т.е. без понимания спонтанности и произвольности сознания, никакая сколь-нибудь серьезная теория личности не может быть построена.

3. Виды теорий и критерии

Об этом авторами «Трудов...» ранее было написано уже много. Классической стала статья Ф.Е. Василюка 1996 г., где говорилось: «Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности расщепленной личности» (Василюк, 2003, с. 199). А вот мнение В.А. Машкова: «Психологическая практика, как это ни печально, чаще всего исходит из каких угодно теорий, но только не из концепций научной психологии» (Машков, 2001, с. 28). В обсуждаемом томе «Трудов...» данная тема не является популярной. И все же Ю.А. Гагин пишет: «практические психологи ориентируются больше на интуицию, чем на теорию» (Труды..., 2004, с. 45). И.Е. Гарбер уверяет: психологи не склонны «учитывать в своих исследованиях исторические, социальные, экономические и культурные факторы, влияющие на изучаемые или феномены» (там же, с. 50), а следовательно, не способны рассматривать эти феномены в реальном контексте. С.Д. Дерабо, И.В. Ветков вроде бы даже подчеркивают, что стратегии и алгоритмы работы психолога-практика возникают в рамках определенной психологической теории. Но далее утверждают,

²⁹ Отсутствие в тексте маркеров цитирования — это следствие вышестоящей В.Д. Шадринковым статистической прием привнесения собственных построений.

что в разных теориях имплицитно содержится разное представление о человеке. Такое представление — это всегда ценностная модель, а «о ценностях, как известно, не спорят — их не доказывают, их выбирают!» (там же, с. 59) Тем самым выстраивается, что на самом деле под психологическими теориями они понимают не научное знание, выделенное таким обязательным атрибутом, как обоснованность, а что-то совсем иное. У них не теории связаны с практикой, а некие метапозиции определяют и построение теорий, и построение практических стратегий. Пожалуй, самый сильный, хотя и не до конца мной осмысленный довод приводит В.И. Задешко. По его мнению, описание «дяди Стеньки», данное молодым С. Михайловым, «выглядит более значимым в прикладном отношении», чем знаменитые эксперименты С. Милгрэма (там же, с. 97–98). Дальше уже некуда.

Вряд ли удивительно, что авторы в своих оценках не опираются на критерии корректности и тривиальности. Но они не опираются и на критерий обоснованности. Ф.Е. Васильев решает сравнить между собой теорию деятельности, теорию установок и теорию отношений. Заранее объявляется, что в философские основания этих концепций одинаковы, и «территория», объявляемая «юрисдикцией» всех этих концепций — это одна и та же территория (там же, с. 12). Но как сопоставить между собой столь разные концепции, как их «измерить» с помощью одной «меры»? Такой общей мерой, общей точкой отсчета объявляется классическая буржуазная психология, в постоянном противопоставлении с которой эти теории создавались и оформлялись (там же, с. 17). Оказывается, В.И. Масишев критикует старую психологию за изолированность индивида от мира людей, а А.Н. Леонтьев и Д.Н. Узнадзе — за подлинность от предметного мира. В.И. Масишев и Д.Н. Узнадзе подчеркивают, что нельзя рассматривать личность в отрыве от своего носителя, а А.Н. Леонтьев — от человеческой жизни и окружающего мира. Вот и измерили теории. Обоснованность, соответствие реальности даже не обсуждается как возможность такой меры.

И.И. Карлицкий упоминает еще большее количество концепций (он их называет методологическими позициями) — к уже перечисленным авторам добавляются Н.А. Бернштейн, В. Кёллер, А. Маслоу, Б. Skinner, А.А. Ухтомский, З. Фрейд, К. Юнг и др. Резюме Карлицкого следующее: говорить, что одна методологическая (читай: теоретическая) позиция лучше или адекватнее другой, — это значит уже знать, как все есть на самом деле, знать полную истину. А потому, мол, необходимо использование разных подходов, каждая позиция объявляется А.В. Юревичем методологическим либерализмом. Но почему, если

мы не знаем абсолютную истину, нельзя выбрать лучшую теорию? Почему, если ни одна политическая система заведомо не является верной, мы должны одновременно придерживаться и работорговли, и восточной деспотии, и фашизма, и демократии? В науке всегда существовал²⁰ выбор. На двух неверных с сегодняшней точки зрения теорий Птолемея и Коперника предпочтение было вполне справедливо отдано противоречащей всякому здравому смыслу (т.е. беззастенчиво адхезивной) теории Коперника, хотя она в тот момент предсказывала астрономические данные даже хуже. И от теории флогистона отказались в пользу весьма еще несовершенной химической теории Лавуазье. Даже трудно представить, что было бы с фашизмом и коммунизмом, если бы этот выбор не был сделан.

А.В. Юревич утверждает: «Психологические теории – это интерпретации психологической реальности, интерпретации же неверными быть не могут. Бессмыслен и вопрос о том, какая из нескольких конкурирующих интерпретаций “более верна» (Юревич, 2003, с. 351). Страстной оппонент эмпиризма Юревич, всунув зачем-то запретного вклада постмодернизма, неожиданно стал приверженцем открытой им ранее доктрины. Мол, ученый рассматривает реальность как текст, а наши теории – всего лишь последующие интерпретации этого эмпирического текста. В таком случае, разумеется, странно говорить о правильности интерпретации. Но на самом деле, и А.В. Юревич это прекрасно знает, все происходит иначе: ученый строит теории (догадки) и пытается затем созданные им заведомо несуществующие абстрактные и идеализированные конструкции (типа материальной точки, не имеющей ни длины, ни ширины) интерпретировать в терминах реальности. Таким образом, в науке не теории интерпретируют реальность, а наоборот, реальность – это естественная интерпретация теории²¹. У одной и той же теории действительно может быть несколько интерпретаций (так, один и те же дифференциальные уравнения описывают и механические, и электрические колебательные процессы), и, разумеется, действительно бессмысленно говорить, какая из них «более верна». А вот интерпретируемость теории в терминах реальности требует доказательства, обоснования. Сами теории весьма

²⁰ Сказать здесь сразу оспечку Вайле утверждению, что в деловом этом слове оспечку, и вынул до этих слов оспечку.

²¹ Возможно также интерпретация одной теории в терминах другой. Так, математиком удалось интерпретировать геометрию Лобачевского в терминах геометрии Евклида. Это невозможно утверждать геометрия Лобачевского столь же неотриворечива, как и геометрия Евклида.

различаются по степени обоснованности. И, судя по приведенным выше оценкам уровня развития психологического знания, обоснованность всех психологических концепций пока не слишком высока.

В.В. Колюнов идет еще дальше А.В. Юренича. Он манифестирует привнес к единству психологического знания на основе принципа «полного равенства всех психологических школ и их представителей» (Труды..., 2004, с. 206). Конечно, мне бы хотелось жить в том «психологическом сообществе взаимопонимания и взаимной поддержки», которое он предлагает создать. Но, с методологической точки зрения, это очень странный призыв. В каком смысле может идти речь о равноправии? Конечно, во всех концепциях содержится какая-нибудь «правда». Например, в концепции, что Земля по форме – блин, содержится элемент очевидной правды для любого человека. Даже утверждение, что психика человека похожа на трехколенный велосипед, можно интерпретировать в терминах фрейдовской триады вставший личности. И что же – теория трехкольности равнозначна психоанализу? Ко мне (я знаю, что не только ко мне) порой приходит загадочно-экзистенциальное письмо знакомого с грамматичной содательной формой психологических «теорий всего». Эти могут и школу создать. Стоит ли вместо того, чтобы направлять их на ассиметрическую экспансию, признавать их на равных правах в ряду представителей интративной психологии, создаваемой В.В. Колюновым и его единомышленниками?

И все же нужно ли единство психологического знания? Как мы видели, некоторые авторы «Трудов...» утверждают, что нет. К ним присоединяется и такой замечательный исследователь, как С.Д. Смирнов: «Методологический плюрализм заслуживает не сожаления как неизбежное зло, а одобрения как важнейшее условие развития науки» (там же, с. 281). Однако привнес к единству, к системности, к целостности психологии все-таки встречается чаще. Главный вопрос: совместимы ли друг с другом психологические концепции? И.Н. Карлицкий: «Возможно ли в конечном счете объединить различные методологические позиции (теоретические, – В.А.) в некоторое непротиворечивое единство – это вопрос не умеренительный» (там же, с. 149). На этот вопрос уверенно отвечают С.Д. Дерибо и И.В. Вавюк: «Психологические теории не только противоречат, но и даже исключают друг друга» (там же, с. 59). Попытка А.В. Юренича спасти ситуацию и заявить о несовместимости различных психологических концепций (мол, они настолько о разных вещах говорят, что их даже сравнивать нельзя), как мне кажется, не полностью принимается даже сторонниками методологического либерализма.

ОЦЕНКА АХИВНЕЙНОСТИ, ОБОСНОВАННОСТИ И ТРИВИАЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Оценка ахивнейности психологического знания дается редко, причем даже если это происходит, она бывает крайне низкой. Так, Э. Тулминг и С. Мадиган утверждают, что «самые яркие и неожиданные результаты психологических исследований не смогли бы ничем удивить Аристотеля» (цит. по: Величковская, 1982, с. 251). Одним из отцов когнитивной психологии У. Найссер прямо обвиняет накопленные знания в одной из самых развитых областей психологии — психологии памяти — в обыденности (т.е. в полном отсутствии ахивнейности). Он пишет: студенты знают о рассказываемых им закономерностях работы памяти «задолго до того, как прослушают наши лекции». Найссер ссылается на исследование Кройцера, Леонарда и Флейшлара: сообщаемые студентам на лекциях сведения о памяти известны по собственному опыту среднему американскому третьекласснику. Все эти знания верны (т.е. обоснованы), но «фактически большая их часть, — добавляет Найссер, — известна детям, посещающим детский сад». И резюмирует: «Если психология памяти планирует основывать свою аргументацию на подобных достижениях, тогда ей нечем особо похвалиться!» (Найссер, Хаймен, 2005, с. 16).

Психологическая практика гораздо более ахивнейна, чем психологические теории. Показательно использование всевозможных техник, сбивающих клиентов с толку. Одни называют это стоят: провокационная психотерапия, шокирующая психотерапия, техника преувеличения в гештальт-терапии, разрыв шаблона в НЛП, парадоксальные интервенции (самая известная — парадоксальная интенция В. Франкла) и др. Даже стандартный призыв (приказ) психотерапевта «Будь спонтанным» среди парадоксу лжотца: выполнить приказ и стать спонтанным можно только при отказе от выполнения любых приказов, следовательно, в данном. Долуж многих психотерапевтических школ: лечение через осознание, т.е. открытие сознанию того, что там до этого не было. Чем более неожиданно это открытие, тем оно эффективнее. Клиенты часто благодарят психотерапевтов и тренеров именно за то, что те перевернули их сознание. В результате практическая психология сегодня оказывает большее влияние на культуру, чем теоретическая. И на кино- и телеэкранах мы регулярно наблюдаем психологов-практиков и почти никогда — теоретиков. Чем, собственно, психологи-теоретики могут удивить зрителя? Бода, однако, в том, что психологическая практика и принципы не имеет обоснования, а потому

нет критерия, позволяющего различать научные и ненаучные методы и техники, ведь, как известно, клиенту помогает все то, во что верит он, а не теоретическая психология.

Теперь рассмотрим отдельные психологические теории. Выберем для анализа три осуществляющих психологические измерения (в терминологии А.В. Юрента): психоанализ, бихевиоризм и когнитивизм.

Психоанализ — концепция, конечно же, первоклассная по своей актуальности. В свое время она сильно побудоражила жителей буржуазной Вены, а потом и Европы. Как известно, уже доклад З. Фрейда Венскому психиатрическому и неврологическому обществу в 1896 г. вызвал скандал. Председатель собрания назвал содержание его выступления «научными сказками». Фрейд в ответ обонял своих критиков «ослами». Налет скандальности сопровождает психоанализ до сих пор. Однако именно актуальность обеспечивает эвристичность данной концепции. Психоанализ оказал огромное влияние на культуру, а сам З. Фрейд входит в десятку самых цитируемых авторов мира. В течение ста лет развитие психоаналитических построений шло по пути их тривиализации. Ничего даже отчасти соизвещенного по своей актуальности с позицией самого Фрейда с тех пор придумать не было. На пути тривиализации проделана гигантская работа: был создан особый язык, развивались отвлечения, лишь отдаленно связанные с оригинальными положениями основателя, делались разнообразные попытки соединить психоаналитические конструкции с иными концептуальными построениями. На мой взгляд, самым выдающимся тривиализатором теории Фрейда был Э. Берн, хотя его и не приняли в психоаналитическое общество. И все же психоанализ до сих пор не тривиализован до конца, он и по сей день привлекает внимание интеллигентной общественности своей контрагентностью. Отчасти это связано с высочайшей актуальностью психоаналитической практики. Но главное — тривиализация психоанализа во многом невозможна потому, что глубинная психология не свободна от логических противоречий. В частности, истинное бессознательное, по Фрейду, вытеснено из сознания. Но само сознание есть порождение бессознательного («плохой потомок бессознательного», скажет К. Юнг). Этот логический круг сопровождает психоанализ с момента своего возникновения и не позволяет превратить его в логический трюизм. Самое слабое место психоанализа — его обоснованность. Уже К. Поппер писал о том, что он совместим с любым мыслимым опытом, а значит, не зависит ни от какого от опыта и принципиально непроверяем. С помощью психоанализа можно объяснить все, что угодно, в том числе, абсолютно

противоположные вещи: например, клиент не согласен с психоаналитиком — это подтверждает теорию, поскольку наблюдается явно выраженное сопротивление, клиент согласен с психоаналитиком — это тем более подтверждает теорию. Большинство современных психологов рассматривают психоанализ как не более чем набор метафор. Вот, например, вывод Н. Смита: «Академическая психология в целом считает психоаналитическую теорию ненаучной» (Смит, 2003, с. 164). И все-таки психоанализ вдохновил исследователей на проведение весьма впечатляющих экспериментов по переносивой заботе и сепарации. Ряд удачных Фрейдом механизмов — например, вытеснение — признаются почти всеми, правда, без принятия предложенных им причин работы этих механизмов.

Выводы практически не содержат аргументов. Они высоко тривиальны — почти все его утверждения полностью соответствуют здравому смыслу. Видяко, нечто подобное ввел в моду В.В. Кошлов («Труды...», с. 189), бывшая бихевиористка «изначально здоровым учеником». Когда Н. Хомский в 1959 г. писал о том, что работа Б. Скиннера доводит бихевиористские теории до абсурда, то это касалось философии исследований, а не полученных результатов. Ахисен лишь сам признал Дж. Уотсона и его радикального последователя Скиннера строить психологию без какого-либо описания внутренних процессов, т.е. без ссылки на сознание, — признав, от которого многие необиористы, в конце концов, отказались. Результаты исследований впечатляли, но не шокировали. Непросто научить голубей играть в пинг-понг, но на хорошем широком представлении можно увидеть и не таксе. На первый взгляд, утверждения бихевиористов хорошо экспериментально обоснованы, но все же об их логической стройности и непротиворечивости говорить не приходится. Стоит довести рассуждения бихевиористов до логического конца, как тут же обнаружится, что концы с концами у них не сойдется. За их коалицированными терминами («связь», «след» и тому подобное) не стоит наблюдаемых феноменов (вопреки их заверениям), они ничем не обоснованы и только ведут в тупик противоречий (см. Александров, 2003, с. 104–130). Ф.Е. Васильев говорит об этом так: «Если не послушаться Скиннера и продолжать линию его экспериментов до онтологической плоскости, то там обнаружатся скандальные для правдоверного бихевиоризма вещи» (Васильев, 2003, с. 116). В итоге бихевиористы постоянно встречаются с аномалиями, но «также их игнорируют или списывают на плохие методы» (Лиси, 2003, с. 320). У. Найссер уже в 1978 г. заявил, что бихевиоризм вообще потерпел катастрофу, а лучшее его достижение — теория научения —

ванность частных результатов достаточно высока, но любая попытка вложить целостную картину выкладит немалое количество спекуляций. Главные достижения неслихо тривиализированы. Однако, в отличие от бахенистов, когнитивисты все-таки разрешают себе отойти от сомнений в собственных конструкциях.

Итог этого анализа (разумеется, заведомо субъективного) в целом совпадает с данной выше оценкой положения дел в нашей науке, но позволяет увидеть картину под другим углом зрения. Отдельные хорошо обоснованные эмпирические кусочки не склеиваются в логически непротиворечивую систему даже внутри одной какой-нибудь концепции. Наиболее ориентичны частные ахнейные результаты когнитивных психологов — ввиду их обоснованности и тривиализированности. Психонализ — самое ахнейное из всех психологических построений — содержит наиболее интересные идеи психических механизмов, которые, однако, до сих пор и не обоснованы, и не тривиализированы. Психологическая практика — как самая ахнейная часть психологического знания — ушла далеко вперед от психологической теории и с ней не соотносима. Общая психологическая теория принципиально не может быть создана путем сложения (синтеза, интеграции) рассмотренных концепций. Думается, что выход из создавшегося положения — не прыжок к абстрактному или психологически комфортному единству, а создание, обоснование и тривиализация подлинно ахнейных идей. И признание необходимости такого описания самих исследований, чтобы и их ахнейность, и их обоснованность, и их тривиальность каждому читателю была бы сразу видна.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверстаев А.Р. Понятие. М., 1991.
Аляхвердиев В.М. Опыт теоретической психологии (в аспекте научной революции). СПб., 1993.
Аляхвердиев В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.
Аляхвердиев В.М. Психология искусства. СПб., 2001.
Аляхвердиев В.М. Методологическое путешествие по окрестностям бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
Бердяев Н.А. Современная философия в философии нервного процесса. М., 2003.
Васильев Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.

- Вельчонский Е.М. Современная когнитивная психология. М., 1982.
- Лакс Т. История современной психологии. СПб., 2000.
- Михайло В.А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль, 2001.
- Рейссер У. Хайман А. Когнитивная психология памяти. СПб., 2005.
- Палла М. Личностное знание. М., 1985.
- Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004.
- Смит Н. Современные системы психологии. СПб., 2003.
- Куркин А.В. Социальная психология науки. СПб., 2001.
- Куркин А.В. «Методологический либерализм» в парадигмальном статусе психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2000.
- Мейерс И. Cognitive psychology. N.Y., 1967.

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ В ПСИХОЛОГИИ

Г.В. Залевский

История развития психологии — это сложное, нередко запутанное движение мысли вокруг трех проблем, а именно: предмета психологии, метода или методов его познания и категориального аппарата как проводного представлений о предмете и методе. Мы пытаемся дать историко-теоретический анализ объяснения и понимания в их соотношении как методов наук о психике в контексте декларируемого сегодня очередного кризиса психологической науки. Мы стараемся показать предпринимаемые сегодня попытки уйти от естественнонаучного методологического минимума к минимому гуманитарно-научному, соглашаясь, скорее, с теми, кто выступал и выступает против «циклонной, односторонней психологии». Поскольку наши научные корни идут от П. Жакэ и М.С. Роговина, мы в своих суждениях во многом опираемся на их труды, а также на результаты собственных экспериментально-психологических исследований личности в норме и патологии, включая разработку проблемы фиксированных форм поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, в норме и патологии) (1976–2004).

ОБЪЯСНЕНИЕ В НАУКАХ О ПСИХИКЕ

Объяснение есть обязательный этап каждого научного исследования, в психологическое научное исследование не является здесь исключением, однако у объяснений в науках о психике имеются собственные специфические особенности. Проблемам исследования, возникающим на этапе объяснения, посвящена обширная литература, которая в настоящее время уже представляет собой органическую часть общей методологии психологического исследования (Шнаке,

1966а; Роговин, 1979; Роговин, Залевский, 1988). Сложность и объем проблем объяснения велики, а потому здесь мы коснемся лишь вопросов, непосредственно относящихся к структуре психологического исследования, к психоаналитической природе самого объяснения и его отношения с пониманием.

Уточним сначала некоторые понятия и термины, когда с дифференциацией понятий объяснения и интерпретации. Интерпретация — это, по существу, тоже объяснение, но, применяя этот термин, мы обычно имеем в виду объяснение, выходящее за пределы непосредственно в ходе исследования (особенно экспериментального) и опирающееся на непосредственно имеющееся, наличное знание. Она представляет собой установление связей и зависимостей внутри данного исследования. Собственно объяснение — это привлечение более широкого круга знания, теоретических концепций, выходящих за рамки данного исследования. Второе уточнение состоит в том, что объяснение обычно определяется как завершающий этап исследования. На практике объяснение выступает не только в этой функции — ввиду явной множественности объяснения в психологии (об этом подробнее ниже) на уровне современной психологии почти любая тема отражена не в одном, но в серии исследований. Поэтому некоторые из объяснений оказываются не только или не столько окончательным, сколько промежуточным этапом, — одним из звеньев всего процесса исследования.

Несколько следующих замечаний относятся к психоаналитической природе объяснения, где на первый план выступает его близость и его противопоставление пониманию (Роговин, 1981; Роговин, 1985).

Говоря о психологии объяснения, следует, прежде всего, различать две его стороны — объективную, или собственно объяснение, и субъективную, — понимание, в конечном итоге индивидуально обусловленное. И то, и другое есть мыслительный акт включения изучаемого явления, объекта в ту или иную систему связей. В идеале обе системы должны совпадать в той мере, в какой они отражают реальные связи действительности. Хорошо известно, однако, что в жизни мы нередко имеем дело как с неадекватными объяснениями, так и с неадекватным пониманием. При этом ведущие закономерности этих процессов различны. Понимание может быть чисто внутренним, неразвернутым процессом, не выходящим за пределы словесного выражения, и тогда обычно говорят *об* (не в терминологическом значении этого слова) интуитивном понимании. Понимание есть, главным образом, акт «присвоения» индивидом внешнего содержания, включения его в индивидуально-своеобразную систему связей.

В отличие от понимания объяснение — не внутренний, а всегда развернутый процесс, реализующийся, главным образом, коммуникативно (даже в тех случаях, когда коммуникация принимает особую форму, например письменную, или даже когда человек дает объяснение самому себе). Отсюда ясно, что объяснение в среднем большей степени, чем понимание, связано с языковой и логической формой выражения, и, следовательно, оно в большей мере характеризуется внешнеязыковыми закономерностями (логическими, лингвистическими). Однако формальная сторона объяснения еще не определяет его качества, поскольку главным для него, как и для понимания, является степень адекватности отражения объективных связей реальности. Не отражающее их объяснение таковым, по существу, не является. Вместе с тем объяснение, оторванное от понимания, не связанное с внутренней словесностью системой связей, представляет собой односторонний и чисто вербальный акт.

Одной из главных особенностей объяснения как акта мышления, отчетливо проявляющейся на донаучном уровне, является его двусторонность. В процессе объяснения всегда имеют место логическая дифференциация того, что объясняется, и того, как и с помощью чего объясняется. Учитывая, что между объясняемым и объясняющим, конечно, должна быть и внешне выражаемая связь, это подчеркивание двусторонности объяснения облекает его, с одной стороны, с простым предложением и со структурой мысли вообще, с другой стороны, делает его как бы наиболее четким логическим воплощением мысли. Конечно, не всякое простое предложение есть объяснение, но структура простого предложения — это та естественная форма реализации объясняющего мышления, в которой она может быть сведена только в идеале. Ведь еще И.М. Сеченов писал, что научное изучение мышления возможно лишь в том случае, «если все почти бесконечное разнообразие мыслей... подвести под одну или несколько формул, в которых были бы вынесены все существенные элементы мысли. Это есть трехчленное предложение, состоящее из подглавного, сказуемого и связки... У всех народов всех эпох, всех племен и всех ступеней умственного развития словесный образ мыслей в наипростейшем виде сводится на такое трехчленное предложение. Благодаря именно этому мы одинаково легко понимаем мысль древнего человека, оставленную в письменных памятниках, мысль дикаря и мысль современника. Благодаря тому же мы можем утверждать с полной уверенностью, что и те внутренние, скрытые от нас процессы, из которых возникает бессловесная мысль, у всех людей одинаковы и производятся одина-

ми, которые действуют неизменно, как жизнь какой-нибудь машины» (Сеченов, 1952, с. 411–417).

Помимо того, что понимание — это характеристика обращенного внутрь, а объяснение — обращенного вовне познания, между ними есть еще одно, хотя и менее очевидное, но существенное отличие. Понимание с логической точки зрения всегда есть констатация некоторой связи, утверждение о характере соответствия объективно фиксируемой реальности имеющейся у субъекта системе познаний. Объяснение как указание на причинную связь только во форме является утверждением (и в этом случае оно выступает в качестве явного выражения понимания), имплицитно же оно есть отрицание, ибо цель причинно-следственных отношений может содержать нечто скрытое от нас. Поэтому, согласно К. Левину (Lewin, 1936), задача психолога исчерпывается установлением законов, или (что по смыслу, вкладываемому здесь Левиним, идентично сказанному) полным описанием отношений между личностью испытуемого как относительно стабильной системой характеристик и ее окружением.

Другие авторитетные психологи, такие как, например, Ж. Пиаже, делают упор на то, что в психологии существует множество типов объяснения, причем, к сожалению, их гораздо больше, чем в таких науках, как физика, химия или биология. «Причину этого не следует искать главным образом в расхождении психологов в вопросе установления фактов или законов; здесь равно или вполне *будет* достигнуто согласие, хотя существуют еще достаточно обширные области, где некоторые факты принимаются как таковые и рассматриваются как общие до их экспериментальной проверки (например, в клинической психологии); это согласие, в конечном счете, всегда неизбежно имеет место. Различие объяснений несколько больше зависит от дедуктивной скоординированности законов не потому, что правила дедукции варьируют от одного автора к другому, а потому, что если некоторые школы предпринимает значительные усилия для достижения дедуктивной связности (например, современные американские теории обучения), то другие савбючем этим гораздо меньше. Но главную причину множественности форм объяснения следует искать в разнообразии "моделей"» (Пиаже, 1966а, с. 164–167).

Несомненно также, что характер объяснения зависит и от других обстоятельств, в первую очередь, от характера проблемы и от объема накопившихся в этой области знаний, — при всем том, что в идеале исследователь всегда стремится вскрыть прямые причинно-следственные связи. Своеобразные сдвиги в характере объяснения намечались,

например, в современной когнитивной психологии вследствие таких ее особенностей, как 1) все возрастающая роль эксперимента; 2) ведущая роль информационных процессов в познании внешней реальности; 3) констатация определенной иерархически организованной структуры психического, в которой по-разному кодируется информация о внешней реальности (Ротунд, Залесский, 1986). Когнитивная психология делает шаг в направлении объяснения сложных психических феноменов, при этом особое значение приобретает понятие репрезентативности. Репрезентативным является тот член класса, которому присущи основные особенности всего класса изучаемых явлений в целом. В классе, с позиций когнитивной психологии, представлял код или совокупность кодов, в которых выражается объект в процессе познания. Прогресс методики исследования обеспечивает репрезентативность их результатов тем или иным классам, а прогресс теории – последующее истолкование результатов кодирования. Эксперимент позволяет увеличить наши знания о той или иной психической структуре (классе психических явлений), и в то же время – поскольку результаты исследования репрезентативны – позволяет рассматривать их как конкретный случай собственного данному классу способа кодирования.

Таким образом, понятие репрезентативности еще не обладает объяснительным статусом, но оно позволяет повысить эффективность объяснения, хотя и путем внесения в него дополнительных значений. Конечно, степень репрезентативности результатов экспериментального исследования может быть различной. Так, в работе Д. Врисфорда и Д. Франкса (Warrisford, Franks, 1971) испытуемым предъявлялась фраза-прототип (содержащая всю информацию в рамках задания, она предъявлялась лишь для опознавания) и фразы, содержащие частичную информацию; последние предъявлялись как для звучания, так и для опознавания. Была отмечена явная тенденция к предпочтительному восприятию фразы-прототипа, хотя испытуемые ее и не звучали. На основании подобных данных делаются выводы как о структуре запоминания визуальной предъявляемой стимуляции, так и о соотношении полного и частичного содержания в процессе запоминания. Здесь фразы-прототипы прямо репрезентируют структуру изучаемого класса психических явлений, но даже в случаях, когда суждение о репрезентативности в большей мере косвенное, его использование в целях объяснения все же возможно. Так, о системном характере ретенции можно судить по данным ассоциативного эксперимента в сочетании с хронометрией (Brooks, 1968); предъявление информации в какой-либо одной модальности интерферирует с информацией в той же

модальности, хранимой в долговременной памяти, но не затрагивает ее содержание в других модальностях (Moscis, DeVosa, 1967); число возможных при решении задач способов действия (стратегий) ограничено, в основном, объемом оперативной памяти, и при увеличении трудности задания резко сокращается число используемых испытуемым гипотез (Wagner, Goodnow, Austin, 1986) и т.д.

В тесной связи с отмеченной выше характеристикой объяснения как не только завершающего, но и промежуточного этапа исследования, а также с возможностью множественности объяснения находится еще одна его особенность, на которой следует остановиться особо. Это — структурно-уровневая характеристика объяснения. П. Фреес формулирует это кратко в следующих словах: «Разумеется, виды объяснения могут быть весьма разнообразными. Можно дать объяснение на уровне переменных ситуаций; можно определить, объясняется ли ряд результатов действия промежуточными переменными, существование которых постулируется (таким характером обладают факторы) и статус которых меняется в зависимости от их объяснительной ценности и соответствии другим промежуточным переменным. В самом деле, было бы ошибочным считать, что данному результату соответствует лишь один какой-то способ объяснения. Во всех случаях для каждого явления можно пользоваться различными "рецептами для чтения шифра". Для всякого, кто ищет объяснения, основная ошибка будет состоять в том, чтобы принять какую-нибудь частную причину за главную причину» (Фреес, 1966, с. 151).

Мы хотели сделать особый акцент на том, что объяснение имеет структурно-уровневое строение не случайно — оно есть экстраполиция на самый процесс исследования внутренней логической структуры предмета психологии. В результате проведенных исследований мы следуем таким мыслителям, как Аристотель, Х. Давидсон, П. Жане и Н.А. Бернштейн, пришли к заключению о возможности объяснить закономерности многих видов деятельности их структурно-уровневой организацией (Желеско, Роговин, 1983; Залевский, 1976; Роговин, 1969, 1979, 1973, 1974, 1977, 1981, 1985; Роговина, Соловьев, Урванцев, Шоттмор, 1977). Под последней имеется в виду иерархизированное соотношение целей и средств деятельности, когда уровень цели выступает как высший, т.е. направляющий и регулирующий, а средства образуют иерархическую структуру, подчиненную этому уровню цели. Совершаемые человеком (в психологическом исследовании — испытуемым) действия осуществляются в рамках этой структуры, но вместе с тем они образуют и свою, уже динамическую (в нашей терминологии) акциональную (от франц.

action – действие; необходимо отличать акциональные уровневые структуры от уровней структур личности, хотя между ними есть и много общего) структуру соответствия самих действий идеализированной структуре целей и средств. Уровни этой акциональной структуры определены многими параметрами (адекватность цели, время, наличие или отсутствие ошибок, легкость выполнения, способ кодирования и т.д.). Следует отметить, что наличие акциональных уровней не очевидно, они являются результатом специально проведенного психологического анализа. Важнейшим экспериментальным условием установления характера акциональных уровней в конкретном виде деятельности является введение неопределенности для решающего ту или иную задачу испытуемого. Как было установлено в работе Л.П. Уркина (Уркина, 1974), различные объективно имеющие место в деятельности решателя виды неопределенности преодолеваются в процессе его деятельности определенными действиями: перцентуальная неопределенность – визуальным поиском, неопределенность репрезентации и семантическая неопределенность – описанием, концептуальная неопределенность – выдвижением диагностических предположений и установлением их обоснованности. Было показано также, что эти действия образуют иерархическую структуру с высшим уровнем цели. Нижний уровень характеризуется самой высокой вариативностью, а наибольшая степень неопределенности типична для стратегии поиска выделенной в зафиксированной патологии. На уровне описания вариативность значительно меньше, и она еще более уменьшается на уровне диагностических предположений. Связанные с переходом от одного уровня к другому перекодирование последовательно снимает неопределенность, но полное «исчерпывание» информативности каждого уровня и преждевременный переход на более высокий уровень увеличивает риск ошибки. Более того, меняется характер ошибки суждения решателя: ошибка на более высоком уровне принимает все более детерминированный, обобщенный характер, выражающийся в форме альтернативного выбора, и при этом в какой-то мере изменяется возможность ее исправления с помощью действий более низкого уровня. Здесь обнаруживается сложная диалектическая зависимость между действием и собственно познанием.

Таким образом, мы констатируем наличие хотя и сложных, описываемых, но все же общих формально-смысловых элементов и их отношений в двух структурах – в предмете и в его объяснении, и поэтому рассматриваем этот способ объяснения как один из наиболее эффективных в современной психологии.

ПОНИМАНИЕ КАК МЕТОД НАУК О ПСИХИКЕ

Понимание как метод наук о человеческой психике родился в психологической школе, ведущей свое начало от немецкого философа и психолога Вильгельма Дильтея (W. Dilthey, 1859–1911), которая в специальной литературе стала известна под названием «Понимающая психология» или «Научно-духовная (гуманитарная психология)». Правда, сам Дильтей не пользовался этими названиями. Вначале он говорил о «реальной психологии», затем об «описательной и аналитической (deskriptiv-analytisch) психологии» (Dilthey, 1934) и, наконец, о «структурной психологии». Кстати, на русском языке опубликована его книга «Описательная психология», вышедшая в Санкт-Петербурге лишь в 1994 г. «Понимающей психологией» это направление, как новое учение о душевной жизни, было названо известным немецким философом и психопатологом Карлом Ясперсом в 1913 г. Название «гуманитарной психологии» она впервые получила в работах другого немецкого ученого — Эдуарда Шпрангера (Spranger, 1930). Именно эти авторы и оказали видными представителями первого течения, основоположником классической «элементной или ассоциативной психологии», предметом которой было сознание (рацио), а философской базой был рационализм Декарта (*cogito ergo sum* — мысль, значит, существую; душа — это сознание и нечто более). Среди других сторонников «новой психологии» следует назвать Александра Фейенкера, Енса Бруле и Теодора Эрисмана. Предметом этой психологии стало «das Erleben» — «переживание».

Со сменением предмета психологии с рационального сознания на непосредственное и целостное переживание меняется и метод психологии. Дильтей и Шпрангер считали, что только понимание ведет в глубины души, в то время как естественнонаучное объяснение охватывает лишь поверхность, «скорлупу» душевной жизни. Посредством критичной редукции можно объяснить психофизиологские взаимосвязи, но не достичь собственно психического. Сущность, ядро психического — мотивационные и чувственные взаимосвязи — можно только познать, но не объяснить. Так сказать, в немалой степени сторонникам понимающей психологии повали как принадлежащие к методу объяснения и эксперимент, и индуктивное движение мысли от фактов к общему, и измерение, и статистика. Они ставили интуицию выше индукции (индуктивно-рационального способа мышления в процессе познания).

В свою очередь, экспериментальные психологи как приверженцы метода объяснения называли своих гуманитарных коллег «писателями, красиво интуитивными», «системными поэтами» и т. д., чтобы

показать, что с их точки зрения метод понимания превосходит много фактов. Историк психологии Людвиг Попперн (Poppern, 1967, s. 263) предлагает оставить этот «спор о рангах», поскольку в целом он уже отягощен к прошлому. Но мы не можем с этим согласиться, поскольку сегодня являемся свидетелями, мы бы сказали, бурного ренессанса и «понимающей психологии», и «понимающего метода», особенно в отечественной психологии, хотя довольно длительное время они выходялись в «анабиоз».

Почему имел место анабиоз и почему это возрождение? Прежде чем ответить на эти вопросы, нам следует осуществить историко-теоретический анализ метода понимания (*das Verstehen, die Verstehensmethode*). И в этой связи следует упомянуть добрым словом немецкого ученого Виллиа Драйзена, который, пожалуй, первым отграничил метод понимания в исторических науках от естественнонаучного объяснения и тем самым как бы обосновал право гуманитарных (духовно-научных) наук на самостоятельность.

В истории психологии понимание вошло вместе с переживанием. Как они связаны? Драйзер писал, что «понимание предполагает переживание» (Dritzey, 1924, s. 143). Отсюда следует, понимание зависит от переживания. Постпереживание, проникновение в мир переживаний другого человека, по мнению Драйзера, зависит от собственного, аналитического переживания. Но с другой стороны, переживание также зависит от понимания. Понимание делает переживание осознанным, оно становится аналитичным опытом. Больше того в понимании переживание выводится из узости субъективности в область целостного и общего. Поскольку понимание ориентировано на общее, то в индивидуальном должно стать транспарентным (увиденным) сверхиндивидуальное, «подобное по форме», «общее». Наконец, по мнению Драйзера, наше собственное переживание через постпережитое понимание чужой жизни содержательно расширяется и обогащается. Переживание и понимание выходятся тем самым в отношениях взаимной обусловленности.

Обратимся теперь конкретно к самому пониманию значения слова «понимание». В литовском, румынском, таджикском, татарском, финском, шведском, восточном, японском языках слово «понимание» указывает на предметную деятельность в значении «уметь», «разобрать», «рассматривать», «упростить», «находить». В языках венгерском, китайском, турецком его значение соотносится с представляемым об «окончании действия», «звершении», «совершении». В некоторых языках «понимание» непосредственно соотносится с элементарным «чувствованием», «ощущением» (французский, турецкий). Ряд язы-

ков, в том числе и русский, выделяет в значении «понимания» идею «овладения», «превращения в свое» (Роговин, 1956, с. 38). В родном для Дильтея немецком языке, как и в русском, глагол «verstehen» («понимать») используется в разных значениях: мы понимаем смысл предложения, свободина, иностранную речь или не понимаем их. Определения слов, терминов, понятий нередко возникают следующим образом: «Под X понимается...» или «...мы понимаем...». Понимание такого рода Ясперс называл «рациональным», другие авторы — «логическим» или «когнитивным» пониманием. Понимание может также означать: что-то знать, в чем-то разбираться. Эту форму понимания можно обозначить как практическое понимание. Но имеет место и **психологическое понимание**. Мы понимаем непосредственно выражение лица другого человека, его жесты и манеру поведения, его походку и голос. Мы обычно говорим: «Я не понимаю, как ты мог / могла нечто сделать», что предполагает, как правило, определенную оценку. Мы понимаем, почему у обиженного человека возникает желание отомстить, почему честолюбивого так ранит критика, почему кто-то кому-то нанесил или даже совершил убийство или самоубийство. В этих случаях мы имеем в виду только психологическое понимание.

Но является это понимание научным или деональным, научным? Этот вопрос оставался спорным со времени Дильтея. Он выделяет «элементарную» и «высокую» форму понимания. Элементарное понимание происходит непосредственно; никакие рациональные акты не оказываются между наблюдением и пониманием. Такое понимание — это, прежде всего, выражение переживания, которое таким образом непосредственно оказывается понятием. Практическая жизнь востребует такое элементарное понимание: «В процессе взаимодействия людей каждый хочет понимать, что хочет от всего другой. Так возникает элементарные формы понимания» (Dilthey, 1924, s. 207). Наряду с непосредственностью Дильтей называет в другой прилагательным элементарного понимания — его отнесенность к отдельному жизненному выражению / проявлению. Конкретный взгляд, жест, поведение понимается элементарно как выражение внутреннего, структурных и чувственных взаимосвязей или даже всей биографии.

Духовные / истинные взаимосвязи поддается лишь высшему пониманию. Оно базируется на элементарном понимании, предполагает его. Высшее понимание востребовано, прежде всего, в тех ситуациях, когда элементарное понимание не справляется, когда мы не можем познать выражение жизни (*Lebensäußerung*). Не понятие стимулирует высшее понимание.

Яссерс обозначил эти два вида познания как статическое и генетическое познание (Jaress, 1948). В отличие от Дильтея, у Яссерса отсутствует диакритикум (диакритический знак) непосредственности. Статическое познание истолковывается им не как непосредственное познание, а как часть процесса познания, как описание феномена.

С целью различения научного и ненаучного познания испанский ученый Роберто Гейе в 1903 г. ввел понятия непосредственного и опосредованного познания. Непосредственное познание основывается на позитивной или негативной идентификации (сочувствие, любовь, ненависть) и отказывается от любого объяснения. Опосредованное познание, напротив, использует размышление и объяснение как самостоятельные средства. К такому виду познания можно отнести глубинно-психологическое познание. Психотерапевт пытается понять ситуацию своего клиента не только через вчувствование (эмпатию) и применение каких-либо процедур (Nachvollzug); он использует также редуцирующее объяснение, отказ психических расстройств в определенному кругу причин, пытается объяснить их посредством гипотез и теории (например, фрейдовской) и тем самым прийти к глубокому познанию.

Теперь сконцентрируемся на «опосредованном», «высоком» или «критическом» познании в психологии, на познании как методе. Это необходимо, поскольку представители понимающей психологии считают познание равным объяснению, а в психологических вопросах — даже методом, превосходящим метод объяснения.

Дильтей называет три особенности нового способа исследования: во-первых, он уходит корнями в непосредственное, целостное переживание. Структурные взаимосвязи, по Дильтею, даны нам «живыми»; а познание нужно для того, чтобы «из них сделать для нас понятным отдельное» (Dilthey, 1924, s. 172). Итак, познание идет от единства внутреннего опыта или восприятия, в то время как объясняющая психология идет от гипотез. Тем самым для понимающей психологии целиком целое, взаимосвязь, а для объясняющей психологии — части (элементы). Тот, кто исследует с помощью метода познания (понимание), согласно Дильтею, движется аналитически, пытается разложить целое на составные части; тот, кто исследует объясняюще, т.е. с помощью метода объяснения, вынужден конструировать взаимосвязь из частей, т.е. заниматься синтезом.

Вторую особенность метода познания Дильтей называет «интеллектуальностью внутреннего восприятия» и пишет по этому поводу:

«Мы узнаем об этой взаимосвязи в нас лишь отрывками, то в одном, то в другом пункте на нас падает свет, открывающий суть, поскольку психическая сила как бы не может представить в сознании (помочь осознать) сразу все зрелья внутренних взаимосвязей. Чтобы осознать душевную взаимосвязь в ее существенных деталях, требуется выключать элементарные логические процессы различать, находить общее, определять степень различий, разделять, абстрагировать, сводить в одну множие взаимосвязей, из многих фактов извлекать общее...» (там же, с. 168). При понимании речь не в коем случае не идет о субъективном произволе, а лишь о сигналах чувств, о неконтролируемом интуитивизме. Понимающие приемы предполагают и дискурсивное мышление: имеет место абстрагирование, обобщение, укрупнение.

Третья особенность психологического метода понимания представляется Дильтемом следующим образом: «Отдельные душевные процессы, объединения душевных фактов, которые мы воспринимаем внутренне, выступают в нас с различным осознанием их ценности для объекта. Так отделяется во внутреннем понимании существенное от несущественного» (там же, с. 168). Понимание сущности является главной целью понимающих приемов. Оно обозначается Дильтемом как акт непосредственного сознания. Понимание сущности является особенностью метода понимания не только в психологии, которая стремится к сущности личности, развивающегося гештальта и т.д., но также и в философии, и в гуманитарных науках. Сущность же есть нечто большее, чем взаимосвязь фактов, она выходит (трансцендирует) за существующее; она является, в конце концов, результатом творческого акта, который вырастает из исходного понимания, что задается изначально человеческому бытию в этом мире.

Дильтеи характеризовал свой метод как «раскладывающий на части» и «описательный». Раскладывается или анализируется данная комплексная действительность, и другие науки — логика, физика, физика — тоже анализируют, ищут факторы действительного. Особенность же психологического анализа состоит в том, что его предмет — это действительность переживания и что «без формулирования в промежутке между либо гипотез» на этой взаимосвязи зрелья как бы вынимаются и помещаются обратно (там же, с. 166).

Как анализ, так и описание не являются особенностью психологии. Естественные науки тоже описывают. Мы сегодня понимаем под описанием кожную философию данных, наблюдаемых или случайно или систематическим образом. Так экспериментальная психология описывает порядок, процесс и результаты своих исследований. От описания

следует строго отличать интерпретацию как особый акт. Для Дильтея описание означает больше: «Я понимаю под описательной психологией изображение представленных в каждой разовой душевной жизни одинаковых по форме составных частей и взаимосвязей, увиденных в одну «единственную взаимосвязь, которые не выдумываются и не открываются, а переживаются» (там же, с. 152). Описательная психология «рассматривает, анализирует, экспериментировать и сравнивает. Она использует любое вспомогательное средство для решения своей задачи». Ее главной задачей являются «дефиниции, четкие определения вещей и классификация». Описание для Дильтея означает, соответственно, уже научное представление результатов анализа. Он дает в связи с этим следующее разъяснение: «Исходит из развитого культурного человека. Описывают взаимосвязь его душевной жизни, пытаются, как только можно ясно, увидеть с помощью всех вспомогательных средств художественного воображения главные явления, как можно точно анализируют содержащиеся в этой взаимосвязи отдельные связи. В этом раскладывании (анализе) идет как можно дальше, оставляя то, что сопротивляется анализу, таким, каково оно есть, дает объяснение происхождения того, во взаимосвязь чего мы можем заглянуть поглубже, однако с той степенью уверенности, которая присуща этому объяснению, превращают повсюду понимающую психологию, историю развития, эксперимент, анализ исторических продуктов...» (там же, с. 157). Поэтому в данном случае не может быть и речи о запланированном, произвольном методе. И не удивительно, что Герман Эббингауз в своей критической статье против Дильтея (Ebbinghaus, 1896) не обнаружил слишком уж заметных различий между понимающей и объясняющей психологией, которые оправдывали бы претензии на две разные психологии.

Обратимся в этой связи к Ясперсу, который писал: «Он, понимающий психолог, исходит из повзвтой общей ситуации. Она раскладывается, объясняются одна за другой, выражения, содержания и феномены, с одной стороны, несогласительные механизмы — с другой, и предполагается возможность единственности как эмпирически исследуемого «основания» (Ясперс, 1948, с. 258). Ясперс различает познание общих взаимосвязей, которое он считает собственно задачей понимающей психологии, и применение этих выводов к отдельному факту. Я еще вернусь к этому различию чуть позже, когда надо будет прояснить ответ на вопрос о критериях надежности понимания. По своей базовой структуре предлагаемые Дильтеем и Ясперсом методы совпадают: они предполагают необходимость исходить из целого, тщательный анализ, обогащенное понимание целого, сделанными

являются в главные пункты герменевтического метода²¹, который был предложен Шляйермахером в 1829 г. и далее развит Дильтейем и Хайдеггером (Heidegger, 1963). Яснее, по сути дела, выходит за пределы психологического понимания, принимая его как путь «прочувствованная» экзистенция, «как эмпирически исследуемое основание».

Теперь скажем несколько слов о третьей модели понимающего метода, предложенной Шпрингером (Spranger, 1930). Духовно-научное (гуманитарное) понимание, согласно Шпрингеру, тесно связано с мировой культурной философией. Он исходит из объективного духа, ценностей и чувственных ориентаций культуры. На первом этапе процесса понимания отдельные ценности культуры (теоретическая, эстетическая, социальная, экономическая, политическая, религиозная ценность) «изолируются», им ставятся в соответствие определенные способы поведения и мышления. На втором этапе получившая таким образом психическая структура возводится к типу, т.е. «идеализируется». Тип следует рассматривать как своего рода категоричный исток, с помощью которого открывается конкретная психическая действительность; он является не самодельно, но «конституирующим звеном» в процессе понимания. Он служит масштабом, нормой, которой конкретная психическая структура «измеряется». Например, если выясняется, что в жизни человека доминирует теоретическая ценность, то эта ценностная ориентация опять может быть увидана в целом культурной системы ценностей: «теоретический» человек руководствуется не исключительно лишь ценностью правды, его активность определяют также и другие ценностные ориентации. Этот третий этап или шаг в понимающем процессе Шпрингер называет «тотализирование». Четвертый и последний шаг или этап — это «индивидуализирование»: на фоне типического унаследуется индивидуальное.

Шпрингер декларировал свой метод как научный метод познания. У истоков психологии раньше и теперь возникает вопрос: имеем ли мы здесь все еще дело с психологическим методом, с методом психологии, которая понимает себя как эмпирическая наука? В своем с этим сегодня мы можем сказать следующее. Шпрингер справедливо считал, что отдельный человек является не только неповторимым, единственным существом, *individuum ineffabile*, но также и, как бы мы сегодня сказали, запечатленным продуктом культуры, результатом различ-

²¹ О герменевтическом методе см.: М.С. Рогова, Г.В. Залесский (1988), с. 77–88).

ных детерминант культурной среды. Поэтому вопрос о социальном характере личности и исключительно необходим при рассмотрении индивидуального характера. В том, как человек приспосабливается к действующим в его культурном кругу нормам, уже лежит свидетельство его индивидуальности.

Итак, мы познакомились с тремя важнейшими моделями понимания метода (метода понимания) и задаем провокационный вопрос о том, для каких предметных областей психологии они применимы. Уже из этого вопроса следует, что понимание не может, скорее всего, рассматриваться как универсальный метод психологии.

Дальней считал, что аналитирующей и описательной психологии открыта тотально вся душевная жизнь. Но, как справедливо пишет Пенграц (Pongratz, 1967, с. 370), с этим вряд ли можно согласиться. Большая область «физиологической психологии» не поддается пониманию. Связи между психическим переживанием и коррелирующими телесными процессами объясняется, — может быть, не строго каузально, а кондационально, — но не понимается. То же самое касается психофизики, которая исследует психические реакции на внешние раздражители, не являющиеся предметом понимания. В то же время мы можем нередко познать результаты экспериментальной психофизиологии. Тот факт, что собака Павлова в ответ на условный сигнал — звук колокольчика — выделяет слюну, следует принять. Но когда крыса-мама, услышавшая плач своих детенышей, преодолевает утрачивающую ей претраду до появления чувства голода, это мы можем познать. О «границах понимания и безграничности объяснения» писал и К. Ясперс (Ясперс, 1997, с. 371).

Названные психологические дисциплины и по сегодняшний день остаются основным исследовательским полем естественнонаучной, объясняющей психологии. Другие области вплоть до последнего времени находились в рамках понимающей психологии: в первую очередь, психология выражения (*Ausdruckspsychologie* — экспрессивная психология) и психология личности. Дальней придавал большее значение экспрессии переживания, поскольку через нее мы узнаем больше, чем посредством интроспекции. И самопонимание, по его мнению, тоже осуществляется через выражение. Психология выражения и сегодня не очень привлекательна естественнонаучно ориентированным психологам, несмотря на ее долгую и богатую историю (Pogonin, 1970; Bühler, 1933; Kirchhoff, 1964; Rohdacher, 1975). Психология личности является предпочитаемой областью исследования также и для поведенческой психологии. Свойства / черты выявляются из способов поведения пос-

редством характерологических тестов и «конструируются» с помощью количественных методов. Названные приемы способствуют пониманию сущности, но они не достаточны для ее конституирования.

Под сущностью, в психологическом смысле, понимается не платоновская идея, она также не предполагает эстетическую оценку, но представляется как нечто «окончательно своеобразное, только этому феномену присущее, предлагающее себя в конечном итоге при аналитическом описании» (Grafhe, 1948, с. 8). Сущность личности, фазы развития, эмоционального возбуждения и т.д. представляют собой не объект, а внутреннее понятие (Inbegriff), для которого все выделяемые существенные признаки являются определяющими. Конечно, познание сущности может осуществляться как доказательно, истинно, так и благодаря идеальным усилиям.

Предпочитаемый предмет понимающей психологии — это, прежде всего, тип. Согласно указаниям Дильтея, душевные взаимосвязи представлены в типичном человеке. Для этого автора любой портрет уже был типом. Он полагал, что в каждом индивиду есть что-то от сущности человека. Один из последователей Дильтея выразил эту мысль следующим образом: «Когда я понимаю, я типизирую» (Langgrobe, 1928, цит. по: Pongratz, 1967). Каждый тип представляет собой констелляцию признаков идеального характера. Чистые типы в реальности не существуют. Отдельный человек не есть тип, но он в большей или меньшей степени подпадает под определенный тип (Allport, 1949, с. 297). С методической точки зрения различают «идеальные типы» и «частотные, или средние типы» (Häufigkeits- oder Durchschnittstypen). Первые из них как бы «высмотрены» из реального многообразия, очищены от всего случайного и идеализированы как чистые типы; в статистико-психологическом смысле они представляют собой «харонные или выразительные» гениталы, поэтому их называют еще «презентными типами» (Weber, 1922; Grafhe, 1948). Вторые определяются посредством факторного анализа (Q-техника). В целом эти типологии строятся по старой схеме: дух, душа, тело. Соответственно этому различают идеологические (духовно- или культурно-научные), психологические (функционально-психологические) и соматологические (конституциональные) типы. Характерным предметом рассмотрения понимающей психологии является идеологические типы. Дильтеи вышел из истории философии типы натуралистического и идеалистического мировоззрения. Шпрингер, идя от объективного духа, сформулировал шесть «жизненных форм», которым соответствуют шесть человеческих типов (Spranger, 1930). Вспер рассмотрел свои мировоззренческие типы

как следствие развития гегелевского закона движения духа: сначала доминирует привычность к традициям («нахождение в скорлупе / раковине»), затем следует скепсис, сомнение в преобладающих ценностях («Hang im Nichts»), наконец, развивается «демонический» человек, который представляет собой синтез обоих первых типов; он создает новые ценности и имеет «свое место в бесконечном» (Jaspers, 1954).

Понимательная психология видит в типе главную цель своего анализа (Rohdadt, 1967, s. 271). Она должна ставить при этом, согласно Дильтею, антропологическую задачу. В типе должно высветиться что-то от сущности человека, от общей человеческой природы. Характерологи, напротив, видят в типе не самоцель, а рассматривают его как вспомогательное средство, инструмент анализа индивидуальности. Оба взгляда, по мнению ряда авторов, не противоречат друг другу: типы имеют как теоретическую ценность, так и служебную функцию. При типизировании проявляется общечеловеческая тенденция к понятию обобщить всю полноту и многообразие отдельных явлений. Поэтому нас не должно удивлять, что типологическое мышление имеет такую длительную историю. Она восходит корнями к Платону, который в своей *Республике* (Политике) выделил пять типов, к псевдоаристотелевской «Физиогномике», к очеркам по характерам ученика Аристотеля Теофраста, к созданному Цицероном и Галеном учению о темпераментах. Позднее появились портреты характеров французского моралиста Лабрюера, типология Канта, «наивные» и «сентиментальные» люди Шллера, димитический и аполлинический человек Ницше, вплоть до духовно-научных типов Дильтея, с которых мы и начали.

Наряду с экспрессией, характером и типом к специальным предметам понимающей психологии относят мотивационные и смысловые связи. Мотивационные взаимосвязи отличаются от причинных взаимосвязей. Механическую причинность (одинаковые причины — одинаковые последствия) нельзя понять, ее нужно принять как сведение. Но то, как нелинейное следует из линейного, можно лишь понять. То, что вода при ста градусах кипит, при нуле градусов замерзает — это закономерная причинная взаимосвязь. То, что ребенок согнул палец на орального сопротивления следует скорее из понимания, чем из статистических доказательств (Jaspers, 1948; Kirchhoff, 1964).

Мотивационные взаимосвязи являются и смысловыми взаимосвязями. Понимая мотив какого-либо действия, мы можем затем понять и его смысл. Так, оппозиционное поведение подростка приобретает смысл, когда мы смотрим на него с позиции развития самостоятельной личности, берущей на себя ответственность. Наконец, какой-либо

феномен приобретает для нас смысл, если мы видим его в качестве знака чего-то целого: например, экономического человека как форму проявления неживотной системы нашей культуры, акт личностной структуры в целом.

В теории понимания насводит вопрос о ее актовой структуре. Основывается понимание на чувствовании либо на интуиции, на непосредственной наглядности, является ли оно, по сути своей, схватыванием смысла? Отличает оно то же самое, что и интерпретация? Как отвечают на эти вопросы Дильтей и другие теоретики понимающей психологии?

Согласно Дильтею, понимание конcrets на «проникновении, постпереживании и постобразовании». Проникновению в другого должно предшествовать собственное переживание, которое «транслируется, переносится в чужую душевную жизнь». При этом постпереживание — это нечто большее, чем просто проникновение. Это продуктивный акт, в котором собственное переживание расширяется за счет приобщения чужого переживания. А когда расширяется собственное переживание, то расширяется и горизонт понимания. Переживание и понимание, как уже говорилось, составляют феномен взаимной связи (Dilthey, 1924; Vinogradov, 1922). Карл Ясперс, Ханс Груде и Теодор Липпе говорят о чувствовании. Согласно Липпе (Lippe, 1907), автору этого термина, чувствование есть «внутреннее содействие», внутреннее подражание, часто также двигательное, т.е. выражения, движения совершаются с большей или меньшей степенью заметности. Оливор, вслед за Фрейдом, говорит в этой связи о «квинтетическом выводе». Кроме того, как считал Липпе, в акте понимания субъект и объект образуют некоторое единство. Можно, например, полностью погрузиться в переживания акробата, со страдом наблюдая за его кувырками (трюками), хотя сам акробат может и не испытывать страданий. В таком случае мы имеем дело, скорее, с идентификацией. С позиций этой теории понимания мы можем понять душевное состояние другого только в том случае, если мы сможем сделать его своим состоянием, если его радость станет нашей радостью, его печаль — нашей печалью.

Теория чувствования поднимает вопрос о конгенитальности (сходстве, родстве) между понимающим и понимаемым. Является ли тождество их структуры *conditione sine qua non*? Дильтей полагал, что она необходима. Он даже считал, что понимание предполагает симпатию — совершенно бесимпатичных нам людей мы не можем понять. Это не согласуется с данными о том, что симпатия, как и антипатия, могут искажать объективность понимания. Однако это не отмечает

понимания на основе общностей. Известно, что представители одного пола, статуса, современники, представители одной и той же культуры и т.д. понимают друг друга лучше.

И Дильтей, и Гуссерль приходят к выводу, что понимание не есть односторонний процесс делания: выводы ума / сознания, как не есть и односторонний эмпириальный процесс. Понимание есть целостный акт. Понимает — не функция, понимает весь человек. Тем самым делается вывод о том, что без личностного участия понимающего нельзя прийти к истинному и полному пониманию. В этом видится отличие понимания от объяснения: при объяснении ученый может сохранять роль «незаинтересованного зрителя», а при понимании он выступает в качестве «понимающего свидетеля». В немецкоязычной литературе можно найти следующее описание различий познавательных позиций ученого-естественника и ученого-гуманитария: «Предмет и метод естествознания позволяют ему осуществлять редукцию к экзистенциальному минимуму наблюдателя. От гуманитария, напротив, требуется полное включение личности во всей ее резонантной поверхности» (Stegem, 1964, с. 141). Понимающий метод означает отказ от позиции незаинтересованного зрителя в науке о человеке и представления о человеке как лишь научном объекте познания. Понимание происходит в напряженном пространстве между дистанцией и участием, на языке античности — между теорией и эросом / жизнью.

Шпрангер придерживается несколько иного взгляда на структуру акта понимания. Научное понимание становится возможным только тогда, когда исследователем берется во внимание, что между субъективным и объективным духом, между отдельными и принятыми в культуре нормами и ценностями существуют «смысловые связи». Понимание, по Шпрангеру, это, во существу, познание смысла. Мы понимаем только то, что имеет смысл. Мы познаем какого-то человека, если мы знаем, какими ценностями он руководствуется в жизни и измеряем его ценности с объективно значимыми ценностями. Структурно речь идет здесь о познании через нахождение места отдельного в общей смысловой связи.

Третья теория предполагает, что понимание опирается на интуицию. Не есть интуитива нечто субъективное, полностью неконтролируемое? Ученый-естественник, стремящийся к объективности, не допустит в науку понимание как интуицию. Его аргументы будут таковы: интуиция относится к искусству, это прерогатива гениальных людей. Действительно, понимание нередко связывают с гениальностью. В этой связи Пенграц несколько утрирует ситуацию: «Если понимающие ученые

являются избранными, аристократии духа, тогда обывающим ученым отводится роль бюргеров и рабочих, которые несут на себе груз и жар будней и не в состоянии достичь такого уровня познания, как элита духа. И умышленно несколько утрировал ситуацию, чтобы напомнить, что с теорией интуиции следует быть осмотрительным. Способностями и даром божьим должен обладать каждый исследователь, каким бы он образом не последовал. Мы не должны, тем не менее, забывать, что большие изобретения в естественных науках и в психологии также были получены интуитивно, а затем подвергнуты испытанию огнем экспериментов и статистики» (Ponzi, 1967, с. 275).

Что понимают разные авторы под интуицией? Олпорт (Allport, 1939) противопоставляет интуитивное понимание личности дискурсивному. Дискурсивное понимание идет через умозаключение и аналогию. Вчувствование тоже ставится на эту сторону. Но интуиция рассматривается Олпортом в очень широком смысле и как понятие обращено к следующим теориям: 1. Прямое восприятие; 2. Врожденное знание и идентичность (Платон, Гегель, понимание через общность); 3. Непосредственное знание (Бергсон, Лоски, симпатическое единение с реальностью); 4. Восприятие индивидуальности (Крон, повторимое исходит из естественнонаучного обобщения); 5. Понимание (специально человека). Олпорт рассматривает понимание как одну из пяти форм «интуитивности», в то время как Страссер (Strasser, 1964, с. 143–163) и Поппер (Popper, 1967, с. 276–277) интерпретируют «интуитивку» как одну из теорий познания. Но они считают необходимым дифференцировать интуицию, во-первых, по уровням или слоям, и, во-вторых, «интуицию любви» от «генеральной интуиции», которую «искусство и наука должны благодарить за свои самые большие достижения».

Четвертая теория представляет акт познания не как интуитивное зрение, а как наглядность (возрение, взгляд). Здесь интересные мысли были высказаны Винсвангером с опорой на Бренстака, Дамаска, Бергсона: «Психологическое познание... предполагает всегда наглядность (презентативную и репрезентативную)» (Vinswanger, 1922, с. 264). Согласно Винсвангеру, мы и душевные взаимосвязи усматриваем / наблюдаем непосредственно. Например, мы познаем ребенка, который безуспешно пытается достать яблоко и поэтому плачет, наглядно / непосредственно; здесь вполне единича переживания, а не свидетельство, которое мы затем как-то интерпретируем. Взаимосвязь здесь дана как целое. Ребенок таким образом учится познавать психические взаимосвязи: например, его мама грозит ему пальчиком, когда она им недовольна: «Я смотрю на чужую душу».

вую жизнь и при этом вижу, как она постоянно меняется, выходящая в постоянное течение, выпуская из себя волну за волной» (там же, с. 283). С этой теорией можно согласиться, считает Ронгайт (Rongait, 1967, с. 377): например, наблюдая за поведением асграфинка, мы видим, что он боится переходить улицу. Но видим ли нам мотивы его страха переходить улицу? На этом вопросе, считает он, «заканчивается главное "наглядное" понимание и начинается критически проверяющееся, научное». По этому поводу довольно метко высказался Олпорт: «Прямое восприятие никогда не раскрывает связь между отдаленными причинами и актуальными явлениями, в то время как понимание человека требует знания такого рода связей. Для понимания необходимы знакомство, запас опыта, причинный и структурный анализ — все это требует, очевидно, ассоциативной активности. Коротко говоря, умозаключения также необходимы, как и "сенсорное поле"» (Алпорт, 1949, с. 530).

Следующей темой теории понимания является отношение между пониманием и интерпретацией. Дильтей определяет толкование, или интерпретацию, как искусство понимания повторяющихся «выражений жизни»; речь здесь идет, прежде всего, о речевых функциях. Наука, где понимание строится по всем правилам искусства, — это герменевтика. Применение и развитие герменевтического метода начиналось с толкования исторических источников и текстов. Перенесенный в психологию, в толкование психологических феноменов, этот метод предполагает, прежде всего, наличие определенного материала, который следует добыть каким-то методом. Это могут быть поведенческие наблюдения, тестовые данные, экспрессивные данные, сны / сновидения, экспериментальные данные и т.д. Во всех случаях вначале должно иметь место описание, а затем интерпретация. Но описание — это тоже научный акт. А до описания должен быть осуществлен сбор материала. Затем при описании происходит упорядоченное отделение несущественного от существенного, проясление в него и «счастливое формулирование», которое, однако, не следует смешивать с интерпретацией — она идет следом. Но надо помнить, указывал Дильтей и др., что описание — это первый акт понимания. Он состоит в выборе способа и образа сравнения, различения, отнесения и комбинирования. И при этом очень важным представляется выбор слов и понятий.

Интерпретация же необходима, когда имеющийся материал не может полностью или частично быть понятым. Она применяется в психологии. Страссер (Strasser, 1964) выделяет две формы интерпретации: антиципирующее толкование, или гипотеза, и толкование

в узком смысле, или герменевтика. Гипотеза обычно формулируется до эксперимента — это так называемая доэкспериментальная гипотеза (или нулевая гипотеза, которая опровергается статистическими данными). Страссер же считает, что существует и «послеэкспериментальная» гипотеза. Действительно, интерпретация результатов исследования может проводиться в форме гипотезы. Послеэкспериментальная интерпретация является одновременно и доэкспериментальной гипотезой для следующего исследования. Герменевтическая интерпретация первоначально была духовно-нравным / гуманитарным методом толкования. И психология также уже не может обойтись без герменевтического толкования (Рогова, Залеской, 1988). Движение от части к целому и опять к части, упорядочение предмета интерпретации через смысловые связи и соотношение двух различных факторов — все это существенные акты герменевтического понимания. В пределах нашей науки — психологии — этот метод применяется преимущественно в рамках психологии личности, экспрессивной психологии, психоаналитика, психологии развития, социальной психологии, психопатологии.

Итак, при рассмотрении актуальных структур понимания мы выделили различные их особенности. Как можно их привести в некоторый порядок? Попытаемся сделать это, прибегнув к материалу, предложенному, прежде всего, Попперам в его «Проблемной истории психологии» (Popper, 1967).

1. Хайдеггер (Heidegger, 1963) тематизировал эту проблему следующим образом: понимание есть конституирующее базовое определение человеческого бытия. Понимание и бытие, по Хайдеггеру, — явления «одного и того же происхождения». Происходит она из «первичного понимания», или начального понимания, свойственного человеку изначально. Дело в том, что в любом нашем вопросе как бы уже имеет место некоторое предпонимание. Это первичное понимание включает в себя теории «чувствования», «ситуации» и «исходности», которые происходят непосредственно и непосредственно.

2. На основе начального, имманентного относительно жизни понимания, человека и личности, строится научное, критическое понимание как метод. Но следует видеть и помнить, что на этом первичного понимания лежат корни как понимающего, так и объясняющего методов. Правда, не стоит отрицать их специфичность. Между этими методами существуют определенные отличия.

Прежде чем мы рассмотрим различия и общее в объяснении и понимании, мы должны познать в отношении понимающего метода вопрос о критериях достоверности высказываний и выводов, сле-

данных на его основе. Только в случае их наличия он может выступить на равных с методом объяснения.

Наука, как правило, должна довольствоваться вероятностями, так как истина — это идеал, а вероятность — это реальность. В этих рамках функционирует и понимание. Понимающий метод — это не априорическая процедура, это не занятие для аристократии духа. Он отвечает критериям науки. Он может делать свои методические шаги опосредствованно и подвергаться контролю. Консенсус опытных и объективно доказательных фактов — основание также и для метода понимания.

В заключение сравним понимание и объяснение, еще раз подчеркнув то, что их отличает и объединяет. Понимая для большей наглядности строит схему (см. с. 218) (Ponitz, 1967, с. 281–282):

Двусторонность психологии, с которой мы встречаемся во многих учебниках о духе, выступила перед нами и в дискуссии о методах. Идеи Дильтея спровоцировали критику классической психологии и ее метода как насильственного, неадекватного переноса в нее естественнонаучной процедуры. Пониз считает (Ponitz, 1967), что Эббингаус своей «Рецептурой на идеи Дильтея» (Ebbinghaus, 1896) довольно убедительными аргументами постарался защитить естественнонаучную психологию. Правда, он увидел не все: больше сосредоточившись на общем, он не заметил различий. Представители же понимающей психологии слишком акцентировали внимание на различиях, дуалистически разведя эти методы. Здоровые голоса звучали раньше, звучат и сейчас, но абсолютно противопоставляя эти подходы и не указывая, какой из них «лучше», а утверждая, что они, скорее всего, дополняют друг друга. Эту позицию отстаивал уже Вундт, когда считал свою «Психологию народов» необходимым дополнением своей же «Физиологической психологии». Кюльпе (Вюрцбургская школа) говорил о «двусторонней психологии», а не о двух психологиях. Так же как и В. Джемс, К. Вилер видел в них две ступени познавательного процесса: «питуция — это первый шаг, но последнее слово все же за надуманной» (Wöhler, 1933). К. Ясперс считал, что «мысль о том, что сфера психического предоблагает пониманию, а физический мир — объяснению в терминах причинности, должна быть признана пограничной и ложной. Любое событие — независимо от того, происходит ли оно в физическом или психическом мире, — в принципе открыто для причинного объяснения; психические процессы могут поддаваться такому объяснению... Понимание ведет к причинному объяснению не само по себе, а только в тех случаях, когда оно сталкивается с тем, что недоступно пониманию» (Ясперс, 1997, с. 371–372). А некоторые психологи — уже наши современники — справедливо считают, что

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ

Объяснение

Понимание

A. Профиль различий

Исходные аспекты

1. Гипотеза (я)	1. Нечто дано(случай/событие (переменная) и поведение)
2. Части (элементы)	2. Цели (структурные связи)

Образ действия

3. Конструктивный, селективный (схематичное образование и эмпирическое объяснение как содержательные элементы)	3. Распадающийся, эмпирический (из данных целостностей выделяются «частичные части, звенья»)
4. Экспериментальный, количественный	4. Интерпретирующий, качественный

Методологическая характеристика

5. Каузальная редукция (или регрессивная редукция)	5. Эпидемиологическая редукция в судейском и корольском залах
6. Верефикации гипотез через эксперимент и статистику	6. Интерпретации на основании «обстоятельств»
7. Определительный	7. Феноменологический
8. Выделительный	8. Идентификационный

Цель

9. Законы, статистические законы	9. Смысловые связи, сущности, типы

Критерии

10. Прогностичность, статистическая надежность подтверждения реалити, контролируемость, воспроизводимость	10. Очевидность, согласие специалистов, объективные данные

Познавательная позиция

11. Дистанцированная «Нормативизирующий зритель»	11. Включенная/интегрированная «Понимающий свидетель»

B. Общее

Непосредственное, дорефлексивное понимание как корень познания.

Объективные данные как основа научных выводов.

Контролируемость выводов.

«в психологии понимание пониманием рассматривается как мыслительная процедура, направленная не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности» (Залесов, 1994).

В XX в. много раз поднимался вопрос о методологическом / методическом кризисе психологии (Выготский, 1982), о необходимости уйти от «методического монизма» (Welfel, 1959). Эта тема благополучно перескакивала через границу столетий и остается острым предметом дискуссии и в XXI в. Сегодня, как отмечают многие психологи, наблюдаются признаки нового / старого методического / методологического кризиса психологии (Залесский, Залеский, 2000; Юренис, 1999, 2000). Но способы разрешения этого кризиса, на наш взгляд, принимают даже не радикальный, но экстремистский характер. Предпринимаются попытки уйти от естественнонаучного методического монизма, предав его анафеме, к монизму гуманитарно-научному. Нередко имеет место эдакая претензия на новаторство «внезапного взгляда», на пережитие «новой парадигмы и революции в психологии». Так и хочется сказать: господа, «шанснейшее» читайте не только своих кумиров и самих себя, но и «проблемную историю психологии». А.А. Ухтомский, исходя из учения о доминанте, в этой связи писал, что в подобных случаях «действительность ускользает ради прекрасных глаз собственной теории» (Ухтомский, 1973). К. Ясперс тоже обращал внимание на проблему философских, теоретических и прочих предубеждений, которые «отягощают и парализуют нашу мысль» (Ясперс, 1997, с. 41). История науки, в том числе и психологической, знает множество примеров проявления учеными предубеждений, догматизма и многих других «фиксированных форм поведения» (Залесский, 2004).

На 65-летнем юбилее Американского психологического общества в 1957 г. Ли Крикбах в своей президентской речи обратился к психологам с призывом покончить со «слишком» жестко экспериментальными и коррелятивными направлениями с помощью их интеграции. Дани Коэн на Международном психологическом конгрессе в Бонне (1961) доктринерскую исключительность в методических вопросах обозначил как «циклонную, одностороннюю психологию». Годом раньше при своем основании Ассоциация экзистенциальной психологии и анализа тран объявила, что «слотла бы видеть в одном ранге экзистенциальный подход (Май), экзистенциальную тенденцию (Раджерс), полностью дисциплинарной личности (Маклеод) с лабораторным исследованием, объективной тенденцией, методом условных рефлексов» (Роздута, 1967, з. 284). В 1962 г. отделение Философской психологии

Американского психологического общества в результате дискуссии в библиотечном и феноменологическом пришло к мнению о том, что «операциональный и феноменологический подходы можно принять в качестве взаимодополнительной базы современной психологии». Следствием такой методической / методологической открытости является возможность интегрировать в одну науку о человеке различные теории и результаты отдельных исследовательских направлений (May, 1965; Рондройх, 1967; Wain, 1964). Эти мысли, оставаясь актуальными и 30 лет спустя, в эпоху нового «системного кризиса психологии», «перезапрограмированы компьютером», «усталости от рационализма» (Юренис, 2000). Тем более что этот кризис, разумеется, далеко не последний, о чем шло острое дискуссии на 3-м Съезде психологов России в Санкт-Петербурге (июнь, 2000 г.), на Всемирном психологическом конгрессе в Пекине (Китай, август, 2004 г.) и на Сибирском психологическом форуме (сентябрь, 2004 г., Томск) (Сибирский Пенал. журн. 2004).

ЛИТЕРАТУРА

- Выготский Л.С. Исторический смысл и психологическое значение // *Собр. соч.* В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 391–436
- Желтово И.С., Рогова И.С. Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности. Казань, 1983.
- Зинковский Г.В. Фиксированные формы поведения. Иркутск, 1976.
- Зинковский Г.В. Психологическая развитость в норме и патологии. Томск: ТГУ, 1993.
- Зинковский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения // *Пенал. журн.* 2003. Т. 24. № 3.
- Зинковский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. М. – Томск, 2004. С. 372–386.
- Зинковский Г.В. Понимание как метод наук о человеке // *Сибирский психологический журнал.* 2004. № 20. С. 12–22.
- Зинковский Г.В., Зинковская В.Г. Психология и психологи на пороге XXI века // *Сибирский психологический журнал.* Вып. 13. 2000. С. 8–12
- Зинков В.В. Понимание в познании и общении. М., 1994.
- Зинков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // *Сибирский психологический журнал.* Вып. 12. 2000. С. 9–17.
- Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук. М., 1966. С. 36.
- Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизической параллелизм // *Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже.*

Вып. 1–2. М.: Просвещение, 1966а. С. 137–194.

Рогова М.С. Проблемы познания. Докл. ... канд. психол. наук. М., 1956.

Рогова М.С. Введение в психологию. М., 1969.

Рогова М.С. Проблемы дисперсии и ее место в психоматологии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1970. Т. 70. Вып. 1. С. 137–163. Вып. 2. С. 280–289.

Рогова М.С. Психологические исследования. Ярославль: ЯрГУ, 1979.

Рогова М.С. Динамика соотношения сознания и перевода в познании // Вопросы философии. 1981. № 2. С. 132–143.

Рогова М.С. Напомение семантико-логической структуры психологического исследования // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 76–87.

Рогова М.С. Значение психологической теории познания в различных видах познавательной деятельности // Психологические проблемы деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1985.

Рогова М.С., Соловьев А.В., Урманцев Л.П. Психологическая природа неопределенности // Проблемы экспериментальной психологии и ее истории. М., 1973. С. 37–59.

Рогова М.С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1974. С. 187–200.

Рогова М.С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977.

Рогова М.С., Соловьев А.В., Урманцев Л.П., Шенников Ш.И. Структура сознания и проблема познания // Вопросы философии. 1973. № 4. С. 75–87.

Рогова М.С. Научные критерии психической патологии. Ярославль: ЯрГУ, 1981.

Рогова М.С., Урманцев Л.П., Иванов Л.М. Структурно-уровневый анализ соотношения субъективных и объективных компонентов процесса познания (три исследования восприятия, представлений и мышления) // Вопросы философии. 1985. № 2. С. 48–61.

Рогова М.С., Залесский Г.В. Теоретические основы психологического и психоматологического исследования. Томск, 1988.

Рогова М.С., Залесский Г.В. Верифицируемое и интуитивное познание психического // Сибирский психологический журнал. № 14–15. С. 8–13.

Сеченов И.М. О предметном мышлении с физиологической точки зрения // Физиология нервной системы. Т. 1. М., 1952. С. 411–417.

Сибирский психологический журнал / Гл. ред. Г.В. Залесский. 2004. № 20.

Урманцев Л.П. Формирование суждений и условий неопределенной нейтральной стимуляции. Автореф. докл. ... канд. психол. наук. М., 1974.

Ужовский А.А. Письма. Пути в будущее. М., 1973. С. 371–435.

Фрусс В. Экспериментальный метод // Экспериментальная психология. Вып. 1. М.: Прогресс, 1966. С. 99–156.

- Крюков А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Крюков А.В. Психология и методология // Психол. журн. Т. 21. № 5. Сентябрь–октябрь 2000. С. 35–43.
- Лягерс К. Общая психоаналитика. Прагматика. М., 1997.
- Адлер Г.В. Persönlichkeit. Stuttgart, 1949.
- Винсентер Л. Probleme der allgemeinen Psychologie. 1922.
- Брауфорд J.D., Фрэнкс J.J. Abstraction of linguistic ideas // Cognitive Psychology. 1971. V. 2. P. 331–350.
- Бродс Л.Е. Spatial and verbal components of the act of recall // Canadian J. Psychol. 1968. V. 22. P. 348–368.
- Брунер J.S., Годшоу J.J., Аустин G.A. A study of thinking. New York, 1956.
- Бублер К. Ausdruckstheorie. Jena, 1933.
- Дильтей В. Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie. GS 5. 1924.
- Эббингаус В. Über erklärende und beschreibende Psychologie // Zechr. für Psychologie. 1896. Bd. 9.
- Грубле В.В. Verstehende Psychologie. Stuttgart, 1948.
- Хейдеггер М. Sein und Zeit. Frankfurt a. M., 1963.
- Хейнс К. Die Lehre vom Charakter. Berlin, (1906) 1949.
- Ясперс К. Allgemeine Psychopathologie. Heidelberg, (1913) 1948.
- Ясперс К. Psychologie der Weltanschauungen. Berlin, (1919) 1954.
- Кирхгофф К. Allgemeine Ausdruckstheorie. Göttingen, 1937.
- Кирхгофф К. (Hrsg.) Ausdruckpsychologie // Handbuch der Psychologie, Bd. 3. Göttingen, 1964.
- Левин К. Principles of Typological Psychology. New York, 1936.
- Липпс Тн. Vom Fühlen, Wollen und Denken, 2 Aufl. Leipzig, 1907.
- Май К. (Hrsg.) Existential Psychology. (1963) 1965.
- Мюрис Р.Е., ДеРуис Д.У. Recognition memory and reaction time // Acta Psychologica. 1967. V. 27. P. 298–305.
- Понгеарт Л.Ф. Problemgeschichte der Psychologie. München, 1967.
- Робачек Н. Charakterkunde. München-Berlin-Wien, 1973.
- Спрингер Е. Lebensformen. Halle, 7 Aufl., 1939.
- Сенसर С. Phänomenologie und Erfahrungswissenschaft vom Menschen. Berlin, 1964.
- Мисс Т.В. (Hrsg.) Behaviorism and Phenomenology. London, 1964.
- Виллер М. Gesamtheits Ansätze zur Wissenschaftslehre. Heidelberg, 1922.
- Виллер А. Der Richtfall in die Methodendebatte der Psychologie und ihre Überwindung. Berlin, 1959.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

И.Н. Карлицкий

В 1996 г. Ф.Е. Василюк поставил диагноз взаимоотношениям психологической науки и психологической практики: схемизм — расщепление этих сфер психологии на независимые области существования (Василюк, 1996)²¹. С тех пор мало что изменилось: психологическая наука слабо привязана к психологической практике и зачастую смотрит в ее сторону, практика не понимает академической теории и не заинтересована в развитии собственных теоретико-методологических замыслов, в ее недрах что-то происходит и это «что-то» ее полностью устраивает, ей несут рефлексировать по поводу собственной полноты жизни. Академическая психологическая наука обладает развитым самосознанием и имеет отчетливое представление о себе, достаточно элитарное, чтобы смотреть свысока, и все же с некоторым испугом, на вдруг забредшую в ее коридор, если не с парадного подъезда, то с заднего двора, не очень-то жалующую черную девушку — психологическую практику, но которая очень уверенно занимает социальное пространство и, вероятно, уже прошла период «первоначального накопления капитала» и теперь тихой сапой поднимает психологическое дворянство на задние дворы, самоуверенно претендуя на его место. Откуда она вылезла и кто она такая? Кто те, кто подвинулся на поприще практической психологии: случайные люди, мошенники, психотики, коммерсанты, профессионалы психопрактического жанра, мастера жизни или академические психологи, оторвавшиеся от своих исследований и расклевывшие окунутые в лимбик и переменчивые волны психопрактического действия? Чем они занимаются? Какие цели ставит психологическая

²¹ А.В. Курьян, говоря о трех фундаментальных разрывах в структуре психологического знания, назвал его наличие «идеальным разрывом» (Курьян, 2005, с. 18, 25–26, 28).

практика, и станет ли? Какими средствами эти цели достигаются? Какова сущность, содержание, структура психопрактики, какие виды психопрактик существуют? Эти и множество других вопросов может быть задано в сторону практической психологии, и будет получено не так уж много внятных ответов. Специальные исследования в этой области крайне редки, даже не очень-то понятно, сколько сегодня на территории России осуществляют свою деятельность люди, называющих себя психологами, кто они по образованию, каковы основания их деятельности в качестве психологов? А всякий, соприкоснувшийся с этой сферой, имеет свое субъективное суждение о ней, основанное на случайном опыте, и эти мнения весьма разнообразны и противоречивы: от восторженно-ослепленных до скептически-осторожных и уничтожительно-презрительных со всеми возможными переходными вариациями.

Может ли академическая наука и дальше игнорировать психологическую практику как вид практической деятельности, как реальность, которая вдруг возникла почти «из ничего» в России и за последние 20 лет превратилась в обширную социальную сферу со многими формами и направленными приложениями? Психология случается совсем не так как ожидается ее оракулами, в ней, как и в жизни, раньше ничего неизвестно, и основой прирост психологии, свершившийся за последние годы, если не качественно, то количественно произошел именно за счет психологической практики. Этот колоссальный рост психопрактической сферы отвечает некой социальной и личностной потребности, до конца неясной по своему истоку, но связанной и с крушением бывшей социальной, идеологической и нравственной устойчивости, и с неутолимой жаждой установления собственной идентичности, с самопознанием, с внезапно открывшейся свободой, с необходимостью постоянно решать множество неожиданных и сложных проблем и, наверное, многое еще с чем. Так или иначе, эта сфера нуждается в своем научном освещении, поскольку если наука своими средствами не обратится к исследованию в этой области, ей будут даны, и уже даны, весьма вольные трактовки, далекие от строгих научных изысканий, а больше похожие на мифотворчество, ловко скрывающее чьи-то самокорыстные интересы. Даже предложена попытка такого теоретико-методологического исследования в практической психологии.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Вглядываясь в социальное пространство практической психологии можно обнаружить множество практических видов деятельности, одни из которых достаточно уверенно ей принадлежат, другие с большой вероятностью, третьи — вполне могут быть отнесены к ней, четвертые уже принадлежат пограничным областям, имея не только психопрактическое содержание, но и существенной частью — и иное, а пятые находятся в этой сфере, скорее, по недоразумению. Кроме того, психопрактическую деятельность можно обнаружить и за пределами области практической психологии. Проблема состоит в том, что конкретные эмпирические явления, которые могут быть обозначены как психологические практики, известны тем или иным образом их создателями и представителями не вследствие строгого логического анализа их содержания в соответствии с явными и развернутыми теоретико-методологическими основаниями, а на основе интуитивных критериев, часто произвольных и случайных, но именно самозаказанные практик являются исходным моментом их исследования. Поэтому, на первом этапе, пока не проделана соответствующая теоретическая и методологическая работа, отнесение тех или иных социальных практик к психопрактикам и их видам остается в известной мере условным, без ясных и достаточных базовых посылок.

Таким образом, можно полагать, что к полю практической психологии в соответствии с самозаказанными практик и с определенной долей неопределенности относятся: психотерапия, психологическая коррекция, психологическое консультирование, тренинги, психологическая помощь, психологическая профилактика, практики личностного и духовного роста, практики саморазвития, саморегуляции, практики обучения психологическим практикам, психологическое просвещение, психологические игры, психологическое управление и манипулирование, психодиагностика и еще целый ряд практик. Сюда же могут быть отнесены некоторые виды эзотерических (эзотерических, духовных, целительских, религиозных) практик, политических и рекламных технологий и т.д., но крайней мере, они тесно смыкаются с пространством практической психологии и проникают в него. Приведенный список основных видов эмпирически обнаруживаемой психопрактической деятельности указывает, в частности, что одна из них включает в себя другие или трудноразличимы: психологическая помощь, по мнению ряда специалистов, охватывает все пространство практической психологии;

психокоррекция является другим названием психотерапии; граница между психотерапией и психологическим консультированием размыта; психологические игры, вероятно, не являются самостоятельным видом психопрактики и т.п. (подробнее см.: Карицкий, 2002, с. 55–84; Карицкий, 2003).

Часть перечисленных практик существует в значительном числе подвидов, определяемых по разным основаниям. Например, психотерапии – медитативная, поведенческая, психосоматическая, психовалитическая, глубинная, гуманистическая, экзистенциальная, клиент-центрированная, ведирективная, позитивная, когнитивная, когнитивно-бихевиоральная, гештальт-терапия, психогенетическая, биологическая, юнгианская, рациональная, рационально-эмоциональная, суггестивная, трансперсональная, клаузульная, телесно-ориентированная, проблемно-ориентированная, танцевально-двигательная, игровая, креативная, провокационная, элекстрическая, синестетическая, интегративная, трудотерапия, логотерапия, музыкотерапия, имажотерапия, скамотерапия, эпитерапия, тангалотерапия, психотерапия микросоциализма, психотерапия по А. Адлеру, арт-терапия, психотерапия характера, психотерапия в особых состояниях сознания и т.д., и т.д., и т.д. (здесь они перечислены случайным образом), и каждый из этих подвидов психотерапии вступил дальше и дальше. Аналогичная ситуация с тренингами: существуют психологические тренинги: козведический, социально-психологический, развития, изменений, самораскрытия, духовного роста, духовных страстей, ролевой, умений, разного рода телесно-ориентированные, ассертивности, мотивационный, жизненных целей, развития эмоциональной сферы, эмоциональной устойчивости, влияния, протинвостомии влияния, оперативный, управленческий, имиджевый, победителя, лидерства, разума, интеллекта, интуиции, навыков консультирования, тренинг тренеров, множество тренингов с собственными именами и т.п. Это верно и для ряда других психопрактик.

При этом пространство психотерапии, психокоррекции и консультирования больше тяготеет к апробированным и научно обоснованным методам, в них, по преимуществу, работают специалисты, имеющие профессиональное образование в данной сфере, тогда как психотренинг, практика личностного и духовного роста, практики саморазвития и, тем более, эзотерические практики представлены зачастую странным смещением научного и обыденного, рационального и мистического, духовного и коммерческого, а зачастую им свойственны откровенный непрофессионализм, профанация и лукавство их ведущих, и не всегда

здесь можно говорить о серьезной их подготовке. Но, так или иначе, все это и составляет реальное содержание эмпирического пространства практической психологии.

ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Эмпирическое исследование психологических практик позволяет ввести ряд исходных теоретических определений, которые составляют основу дальнейших исследований. Каждая такая практика обнаруживает свой субъект, саму психопрактическую деятельность (активность субъекта) и объект практики (момент приложения субъективной активности)²⁴. Это три исходных элемента психологической практики.

Психологическая практика является видом практики (практической деятельности) вообще, и в своем историческом и социальном генезисе восходит к исходной форме социальной практики, которая включает в себя как свои отдельные моменты то содержание, которое в ее дальнейшем развитии порождает все формы и виды человеческой деятельности путем генерализации этого содержания, превращения его в ведущий момент деятельности, подчиняющий себе другие. Практика вообще включает в себя субъект, объект, взаимодействие. Субъект конституируется как момент активности в отношении своего объекта, а объект представляет собой сторону взаимодействия, на которую эта активность направлена. Субъект и объект являются взаимосвязанными категориями, определяемыми друг через друга. Взаимодействие связывает субъект и объект практики, и в нем выделяются четыре существенные аспекта: субъект действует на объект, субъект воспринимает объект, субъект относится к объекту, в этом взаимодействии проявляются свойства субъекта и объекта (подробнее см.: Карцаев, 2004). Эти четыре составляющие в разных видах человеческой деятельности представлены в разном соотношении. Во всех видах практики ведущим является действие, воледействие, повелевание, трансформация субъектом объекта; отражение (восприятие) и отношение имеют подчиненный, обслуживающий характер (см. рисунок 1). В познании — определяющая роль принадлежит

²⁴ Здесь могут быть поставлены известные возражения в отношении применения понятия объект в психологической практике. Этот вопрос рассмотрен ниже в работе Карцаев, 2004.

отражению; в психологических видах деятельности – отношению. Таким образом, самым общим определением практики будет следующее: практика – это деятельность, в которой ведущим является воздействие субъекта на объект. Но это воздействие в практике всегда осуществляется с определенной целью и с использованием некоторых средств. Особенности субъекта и объекта практики, взаимодействия (особенность которого определяется спецификой используемых средств), а также ее целей формирует вид практики, в том числе – вид «психологическая практика». При этом субъект, объект, взаимодействие и цель практики являются взаимосвязанными и взаимопределяемыми.

Рис. 1. Общая структура практической деятельности

Всякая практика имеет в себе в явном или неявном виде психологическую составляющую. Психологическая практика вырастает из практики вообще (точнее, из исторически исходно производственной практики) через усиление этой психологической компоненты и элиминации ее других сторон как несущественных в данном отношении. Ее субъектом выступает психолог-практик (не по образованию, а по принадлежности этому виду деятельности). Ее объектом является социальный объект: индивид, группа, общество. Взаимодействие субъекта с объектом осуществляется с использованием психологических средств. Цели такой практики носят непсихопрактический характер (более подробно ниже). Таким образом, психологическая практика – это деятельность по воздействию психолога-практика на социальные объекты с непсихопрактическими целями и с помощью психологических средств.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ, ЕЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Похоже указанного все психологические практики имеют и другое общее им содержание. Его можно подразделить на четыре основные группы: 1) предпосылки и 2) основания психологических практик, 3) психопрактические аспекты и 4) динамическое содержание. Это содержание соотносится с субъект-объективной структурой практики и включается в нее.

Предпосылки психологических практик – это те методологические, теоретические, практические и иные представления и сферы действия, социальные или личностные потребности, а также наблюдаемые явления (становящиеся объектом внимания) и разного рода наличные ресурсы, которые инициировали появление этих практик и предшествуют им по времени. Соответственно, предпосылки психопрактических систем подразделяются на социальные, личностные, потребностно-целевые, концептуальные, методологические, практические, орудийные, феноменальные и иные.

Социальные предпосылки – это тот комплекс социальных условий, который инициирует появление данной психологической практики. В целом он может быть охарактеризован как социальная потребность, или социальный заказ. Похоже социальной востребованности, он включает в себя готовность социума (или его части) в силу идеологических, культурных, актуальных (например, в ситуации социального кризиса) или иных социальных причин принять данную практику. А также достаточный для понимания и освоения практики уровень соответствующих знаний, умений в обществе, наличие специалистов, способных и готовых пройти соответствующую переквалификацию и т.д. Личностные предпосылки – это те особенности личности создателя (создателей) системы, которые обуславливают ее возникновение. Они определяются личностными проблемами и потребностью их разрешения, способностью конструктивного разрешения этих проблем, готовностью к их решению. Личностные предпосылки психопрактических систем могут ставиться частью их содержания, придавая им соответствующую авторскую окраску. Тогда они становятся личностными основаниями психологической практики. Потребностно-целевые, концептуальные, методологические, практические, орудийные, феноменальные и ряд других предпосылок психопрактических систем по содержанию аналогичны соответствующим основаниям, которые рассмотрены далее.

Предпосылки психологической практики составляют необходимый элемент ее формирования и развития и относятся к структуре ее генезиса и дальнейшего развития.

ПСИХОПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Основания психологических практик — это те теоретические, методологические, практические представления и схемы действия, социальные и личностные факторы, потребности, мотивы и цели, ценности, нормы и оценки, психологические средства, а также наблюдаемые явления, которые в явном или неявном виде существенно в них используются или существенным образом влияют на них. Часть оснований и предпосылок конкретной психопрактической системы может совпадать, т.е. они могут выступать и ее генетической предпосылкой, и составлять логически и содержательно ее основания. Конкретная психопрактическая система может имплементировать в том или ином объеме свои предпосылки в основания, либо содержать их имплицитно, в том числе и для ядра системы. Разные психологические практики, в первую очередь те, в основании которых лежат определенные психологические научные теории, обычно имеют явно представленный и хорошо концептуализированный уровень оснований.

В целом основания психологической практики подразделяются на социальные, личностные, потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические, практические, орудийные (инструментальные) и феноменальные. Потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические, практические, орудийные и феноменальные основания составляют условно вертикальную структуру практики. Социальные и личностные — представляют собой другой срединнопрактики (или ее другое измерение), т.е. в них в той или иной степени представлены прочие основания психологической практики.

Потребностно-целевые основания психологической практики составляют совокупность тех общественных, групповых и личностных (индивидуальных) потребностей, мотивов и целей, которые актуально инициируют данную практику, формируют ее и задают ее прочее содержание, в том числе содержание других оснований, аспектов и динамического содержания. Концептуальные основания представлены совокупностью всех дескрипций, концептов и их систем, которые

обосновывает данную практику, используются в ней или существенно с ней связаны. Например, определенная психологическая концепция или теория может составлять существенную часть концептуальных оснований психопрактики. Реляционные основания представляют собой множество ценностей, норм и оценок, которые формируют отношение к феноменальному пространству данной психологической практики, а также сами эти отношения. Реляционные основания психопрактики тесно связаны с концептуальными и часто трудно отделяемы от них, поскольку всякое представление о реальности уже есть и отношение к ней: «чистых» описаний реальности не существует. Методологические основания психологических практик – это знания о том, как действовать для достижения целей этих практик и чем руководствоваться в этих действиях. Практические представляет собой реальные навыки и умения, необходимые для практических действий в данной системе. Инструментальные (или орудийные) основания – это психологические и иные средства, которые используются в психопрактике для достижения ее целей (результатов). Феноменальные основания психологической практики – это совокупность психических, психосоматических и социально-психологических явлений, которые психологическая практика выделяет, с которыми непосредственно работает, на которые воздействует, которые интерпретирует (концептуализирует) и т.д. Потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические и практические основания относятся к уровню субъекта. Орудийные – частично к субъекту, частично занимают пространство между субъектом и объектом, опосредуя их взаимодействие. Феноменальные – к объекту.

Представленная последовательность оснований психопрактик: потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические, практические, орудийные и феноменальные, – отвечает критерию близости к практике. Потребностно-целевые основания – это уровень существующих потребностей и целей психопрактики. Концептуальные – уровень представления о реальности. Реляционные – уровень отношений к феноменам реальности. Методологические – уровень представления о практическом взаимодействии с реальностью. Практические – уровень практических навыков и умений взаимодействия с реальностью. Орудийные – уровень используемых средств при взаимодействии с реальностью. Феноменальные основания – это уровень непосредственной данности реальности, ее предметной стороны субъекту психологической практики (см. рисунок 2).

Рис. 2. Основания психологических практик

Основания психологической практики соотносимы с теми или иными сферами личности. Потребностно-целевые основания психопрактики коррелируют в основном с потребностно-мотивационной и волевой сферами личности. Концептуальные и методологические – с когнитивной. Реляционные – с когнитивной и эмоциональной. Практические и орудийные – с действительно-операциональной.

Каждый уровень оснований, в свою очередь, подразделяется на подвиды оснований по тем или иным критериям. В частности, концептуальные и реляционные основания делятся, во-первых, на научные

и ненаучные. Научные основания восходят к тем или иным комплексам научного знания, психологическим или другим научным школам, шире – к научным парадигмам своей эпохи. Вненаучные основания включают в себя представления здравого смысла, обыденное знание, системы верований, в том числе религиозные, культурные нормы, ценности, в том числе моральные, отразившие концептуальные элементы утраченных психопрактических систем, псевдонаучные концепции, мифология, идеологии, традиционные и этнические элементы и т.д. Научные основания составляют три-четыре основных группы. Это – философские основания (если философию рассматривать как науку). Это – общенаучные (общетеоретические) основания. Это – частонаучные основания (в основном, психологические). Это – основания, восходящие к тем или иным научным школам (в первую очередь, в психологии), а также основания, опирающиеся на конкретные психологические (и иные) представления, концепции и теории. В свою очередь, философские основания подразделяются на онтологические, антропологические, гистологические, прагматологические, аксиологические, логические, этические, эстетические, экзистенциальные и т.д. Их содержание можно уточнять и далее. Философские основания являются наиболее общими, предельными основаниями психологических практик. Общенаучные основания представляют собой те теоретические построения, которые общие всем (или большинству) научным дисциплинам и на которые также опирается данная психопрактика. Частонаучные основания восходят к определенным наукам (например, психопрактическая система может опираться на лингвистические, физические, биологические, географические или иные теории) и среди них самым существенным является психологические основания. Психологические основания далее подразделяются на основания конкретных психологических школ, учений, концепций, теорий разного уровня.

Методологические основания психологической практики задают ее структуру. Существенным элементом методологических оснований психологической практики является ее собственно методологическое (и узком смысле, прикладное), психотехнологическое, психотерапевтическое и методическое содержание. Вопрос о понимании психотехнологии и, особенно, психотехники является крайне дискуссионным в отечественной психологии (Васильев, 1996; Карлицкий, 2002; Овсянников, 2002 и др.). Мы в настоящей статье ограничимся позитивным изложением только нашей точки зрения.

Метод – это способ осуществления той или иной теоретической или практической деятельности человека, заданной системой опре-

деленных требований, правил, предписаний, порядком действий. Известно, что метод тесно связан с концепцией (теорией), лежащей в его основе, выражением которой он и является (в нашем случае, концептуальные основания). В то же время помимо объективного содержания (знания о реальности, выступающего методологическими принципами организации деятельности) метод имеет субъективное (и субъектное) содержание, связанное с организацией самой деятельности субъекта, обусловленное его природой (драматические основания) (более подробно вопросы своего метода освещены в работе: Карнадай, 2005). Метод практической психологии получает свою конкретизацию в таких понятиях как психопрактическая методика, т.е. подробное, поэтапное описание метода, а также психотехнология и психотехника. В понятиях методика, психотехнология и психотехника выражается структурное содержание метода как способа психопрактической деятельности.

Психотехническое содержание психологической практики представлено совокупностью психологических приемов воздействия, на которые она может быть подразделена. Поскольку это подразделение может быть выполнено с разной степенью детальности, то психотехникой может быть обозначен психопрактический процесс в целом, рассмотренный как конкретный способ (прием, метод) психологического воздействия; но также как психотехники могут быть рассмотрены относительно завершающие отдельные его части, если они выделяются в качестве отдельных действий. Другими словами, психотехника коррелирует с понятием метода психологической практики, составляя его структурную основу. Определяющим в рассмотрении психопрактического процесса со стороны его психотехнического содержания является выделение его способа (или способов) действия. Тогда он может быть обозначен как психотехника и она, в свою очередь, конкретизируется через этот способ. В самом названии конкретной психотехники или их равнозначностей обозначен способ их действия: гипнотическая техника, техника самовнушения, психоаналитические техники, техника рациональной терапии, техника гештальт-терапии, техника психосинтеза, танцевально-двигательные техники, телесно-ориентированные техники, игровые техники и т.д. Также видно, что во всех перечисленных случаях термин «техника» без искажения смысла может быть заменен терминами «метод» или «методика». Возражение может быть поставлено только в аспекте привычности одних сочетаний и непривычности других.

Если психотехника — это прием или совокупность приемов психологического воздействия, то психотехнология — это выстроенная

последовательность применения этих приемов. Такое понимание отвечает и первоначальному значению термина «технология». При этом между понятиями психотехника и психотехнология обнаруживается явная диалектика взаимосвязей. Психотехнология является определенной последовательностью использования психотехник. Если конкретную психотехнику разложить на относительно самостоятельные части, которые в свою очередь могут быть рассмотрены как психотехники (приемы, способы психологической работы), то она предстает в своем психотехнологическом содержании. Если говорить о психотехнике в целом, не разделяя ее на части, то в таком предельном случае понятия психотехники и психотехнологии совпадают в том смысле, что существует только одно звено (технология) в использовании техники. Это позволяет и практически употреблять указанные термины как синонимичные (см. рисунок 3).

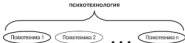

Рис. 3. Соотношение психотехники и психотехнологии

Практические основания подразделяются по уровням и сферам практических действий. Это умения и навыки: телесные, в том числе психомоторные, слухомоторные, зрительные, эмоционально-моторные, мыслительные, тонко-телесные, перцептивные, вербальные, чувственно-эмоциональные, ментальные, духовные, регуляционные умения разных уровней и систем, навыки влияния и воздействия на других и т.д. В тех или иных видах психологических практик они проявляются в разной степени и в разных сочетаниях, составляя существенный и своеобразный узор психопрактического процесса.

Орудийные основания психологических практик различаются на: 1) внутренние, органические, неотделимые от субъекта и 2) внешние средства. Соответственно, первые тесно сливаются с практическими основаниями и различаются с ними по ракурсу рассмотрения («словом» является и вербальным умением (и тогда это практические основания) и средством (орудием, инструментом) воздействия (орудийные основания). Это же касается и всех других навыков и умений: они имеют и практическое и орудийное содержание. К внешним средствам

относится все то, что не является непосредственной принадлежностью индивида (индивидов) как субъекта практики, но используется в целях психопрактического воздействия (музыка, ритм, ароматические вещества, цвет, световое воздействие, инструменты для медитационного воздействия, видео, зыбчатые и биологические вещества и пр.). При этом использование всяких внешних средств также предполагает определенные практические навыки и умения.

Как уже говорилось, феноменальные основания психопрактики — это сама реальность, с которой взаимодействует субъект практики, в которой выделяет отдельные элементы (предметную сторону), соотносит их с уровнем концепции, диагностирует, прогнозирует их развитие, планирует воздействия и осуществляет их. Существенно, что это не уровень описания психической реальности (тогда бы было правомерно его называть феноменологическими основаниями), а непосредственно сама реальность как она открывается в конкретном психопрактическом процессе, живая, подвижная и ускользающая.

В развитых психологических практиках существует единство между различными уровнями их оснований и внутри самих оснований. Потребностно-цельные основания определенным образом влияют на другие. Различные концептуальные основания логически взаимосвязаны и отражают феноменальные основания практик. Реляционные основания связаны с концептуальными и феноменальными. Существует единство концепции (теории) и метода, единство практических, орудейных и методологических оснований. То, что наблюдается на уровне эмпирических явлений, определенным образом отвечает концептуальным востроссиям, должно быть обязательно так, интерпретировано. То, что присутствует на уровне концепции, должно являться опытом. Концепция, преломленная в методе, практически выражается в определенных действиях и используемых средствах (орудиях), которые приводят к описываемым концепцией феноменам и т. п.

ПСИХОПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Следующее содержание психопрактики, общее всем ее разновидностям — это психопрактические аспекты. Психопрактический аспект — это существенная, относительно самостоятельная часть психологической практики как деятельности, в которой она (часть) выступает как ее (деятельности) действие, подчиненное определенной цели.

Выше были перечислены различные эмпирически наблюдаемые виды психологической практики: психотерапия, консультирование, тренинг, личностный рост, диагностика и пр. В то же время любой внимательный исследователь или психолог-практик знает, что в психотерапии и наблюдаемым образом включены психодиагностика, элементы консультирования, тренинга, личностного и группового развития, саморегуляции и т.д. То же самое можно сказать о психологическом консультировании, тренинге, личностном росте, практиках саморегуляции. В них имеются и составляют несомненное содержание элементы других видов психологической практики. Помимо этого все психопрактики также имеют в себе следующее общее им всем содержание: контекстуальное, компенсационное, концептуализирующее, управляюще-регулирующее, исследовательское, игровое, интеграционное, духовное, экзистенциальное, обучение жизни и другое. Это содержание представлено на всех уровнях психопрактики (уровнях оснований) и является ее акцентным содержанием.

В качестве основной цели психотерапии выступает ослабление или избавление от тех или иных субъективных и объективных симптомов страдания, которые испытывает личность. Психологическое консультирование представляет собой профессиональную помощь клиенту в поиске решения проблемной ситуации, обусловленной субъективными трудностями и особенностями личности. Хотя вопрос об основном содержании тренинга довольно запутан различными подходами и специалистами, мы в качестве такового выделяем деятельность по тренировке тех или иных психических функций, навыков, умений. В практиках личностного, профессионального или духовного роста ведущим моментом является развитие тех или иных свойств, качеств, способностей личности либо личности в целом. В практиках саморегуляции ставится цель актуального самоуправления текущими психическими состояниями и процессами. Под психологическим просвещением понимаем распространение психологических знаний. Под практиками обучения обучению психологическим практикам мы понимаем обучение практикам профессионалов, тех, кто в свою очередь ведет психологические практики. Под психологической диагностикой обычно имеют в виду распознавание психологического состояния того или иного психологического объекта (личности, группы, организации) или отклонения от некоторого нормативного состояния. Важно, что психодиагностика не является самостоятельным видом психологической практики, а обслуживает ее другие виды. Еще точнее, является только элементом тех или иных психопрактик, так как сама по себе не является средством

недействия, в ней момент познания объекта является доминирующим (см. выше критерии различения практики и познания). Как уже было сказано, указанное содержание (терапевтическое, консультационное, тренинговое, развивающее) либо характеризует какую-либо практику в целом, является в ней ведущей деятельностью, либо входит в нее как один из ее компонентов, подчиненных ведущей деятельности. Во втором случае в конкретном психопрактическом процессе это содержание может быть совершенно явным, менее явным или латентным, но это его скрытое состояние, как показывают наблюдения, будет проявлено в другом аналогичном процессе.

Контекстуальное содержание практики задается суммой ее контекстов, в которых она развертывается. Компенсационное — проявляется в случае реализации в ней неудовлетворенных в обычной жизни потребностей, например, в общении, в телесном контакте, в открытости, в экспрессии, в движении, и т.д., оно тесно связано с различного рода социальными запретами и жесткими нормами, часто неадекватно усвоенными в раннем детстве и ставшими особенностями личности и поведения, а также с раннего рода внутренними амбивалентностями. Концентрализирующее содержание выражается в отношении тех или иных психопрактических феноменов к определенной концентральной области, характерной для данной практики (понимание их). Всякая практика имеет управляющее-регулирующее содержание, которое проявляется многообразно: ведущий управляет психопрактическим процессом, группой, отдельными индивидами, собственными состояниями, каждый участник оказывает управляющее-регулирующее воздействие на ведущего, на группу, на других участников, на собственные состояния, группа в целом управляет собой, ведущими, отдельными участниками. Практика — это не только трансформация психического содержания, но и процесс самопознания, познания группы, других людей, познание психопрактического процесса, новых реальностей, т.е. в ней присутствует исследовательский компонент. Не это не специальная деятельность познания и самопознания, а вторичный, хотя и необходимый элемент психопрактики. Для многих практик характерен игровой элемент, посредством которого можно проведелярывать ситуации повседневной жизни вне их актуальной и зачастую опасной напряженности. Всякая успешная практика осуществляет интеграцию личности в целом или ее отдельных компонентов. Для многих видов психологической практики или отдельных процессов характерно духовное содержание — практики духовного и личностного развития, трансперсональные практики, некоторые психотерапевтические процессы экзистенциального содер-

жизни и т.д. Существенным компонентом эффективной психопрактики является обучение жизни. Психотерапевту и консультанту часто приходится выступать в роли мудрого учителя жизни, дающего право или wisdom (метафора, притчи) советы как жить, как разрешить ту или иную ситуацию, какой сделать выбор. Психопрактика имеет и другое, общее во всем содержание.

Перечисленное содержание практики (терапевтическое, консультационное, тренинговое, развивающее и т.д.) и контекстуальное, компенсационное, концентуализирующее, игровое, интеграционное, жизнеобучающее и т.д.) и обозначенное нами как ее психопрактические аспекты, характерно для всех видов психологической практики и составляет ее условно горизонтальную структуру (рисунок 4). Некоторые из психопрактических аспектов, если они становятся мотивом психологической практики, формируют ее определенный вид, тогда другие аспекты становятся его подчиненными моментами. Когда акцент делается на определенной стороне психопрактического процесса, то говорят о психологическом тренинге, психотерапии, личностном росте, саморегулировании, профилатике, консультировании, просвещении, обучении и т.д. Таким образом, разные психологические практики могут быть близкими по форме и содержанию, но в зависимости от мотивов, лежащих в их основе, одна из них может являться тренингом, другая – профилатикой, третья – терапией, четвертая – иметь тестированный характер и т.д. В то же время в любой психологической практике присутствуют все ее психопрактические аспекты, более или менее выражено, иногда латентно. Но их всегда можно обнаружить, проанализировать и при необходимости исследовать.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА																
Деятельностообразующие аспекты										Дополнительные аспекты						
Другие	Терапевтический	Консультационный	Тренинговый	Развивающий	Просветительский	Обучающий	Регуляционный	Профилатический	Диагностический	Контраструктурирующий	Компенсаторный	Интеграционный	Исследовательский	Комплексирующий	Игривый	Другие

Рис. 4. Горизонтальная структура психологической практики – ее психопрактические аспекты

Генерализация того или иного психопрактического аспекта, т.е. превращение его в ведущую деятельность практики, является, во-первых, механизмом образования вида (основного вида, в отличие от подвидов) психопрактики (психотерапии, тренинга, консультирования, личностного роста и т.д.), во-вторых, механизмом преобразования одного вида психопрактики в другой. Если генерализован, стал ведущей деятельностью практики терапевтический аспект, то перед нами психотерапия; если ведущей деятельностью является консультационная, то мы имеем дело с психологическим консультированием; если тренинговая – то с психотренингом и т.д. При этом генерализованный психопрактический аспект, формирующий вид психологической практики, является также и частным, подчиненным аспектом в ряду других психопрактических аспектов, т.е. выступает только-действием по мере необходимости в числе аналогичных целей-действий терапевтической, консультационной, развивающей, регулирующей, контекст-задающей, жизнеобучающей и т.д.

Поскольку только часть психопрактических аспектов способны образовывать виды психологических практик, то они являются деятельностьюобразующими. Это – терапевтический, консультационный, тренинговый, развивающий, саморегуляционный, профилактический, диагностический, просветительский, обучающий и другие аспекты. Аспективное содержание практики, которое не образует видов деятельности, также обязательно как ее дополнители психопрактические аспекты. Это – контекстуальный, управленце-регуляционный, когнитивизирующий, компенсационный, игровой, исследовательский, интеграционный, дуализирующий, жизнеобучающий и другие аспекты (рисунок 4).

Предложенная квалификация части психопрактического содержания как аспектов в предложенный механизм образования вида практики через генерализацию одного из деятельностьюобразующих аспектов позволяет по-новому дать определения видам психологических практик, исходя из общего представления о структуре и содержании психологической практики. Психотерапия – это вид психологической практики, ведущей деятельностью в которой является психотерапевтическая, т.е. деятельность, направленная на облегчение психологических страданий личности, группы. Психологическое консультирование – это вид психологической практики, ведущей деятельностью в которой является профессиональная помощь клиенту в поиске решения проблемной ситуации. Тренинг – это вид психологической практики, в котором ведущей деятельностью является тренирующая

деятельность. Личностный рост — это вид психологической практики, в котором ведущей деятельностью является развитие личности. Практика саморегуляции — это вид психологической практики, в котором ведущей деятельностью выступает регуляция личности собственными психическими процессами и состояниями. Аналогично можно определить и другие основные виды психологической практики.

Психопрактические аспекты связаны между собой в развертывании конкретного психопрактического процесса — составляют существенную часть его динамики. Они также определенно связаны с основаниями психологической практики: существует единство между

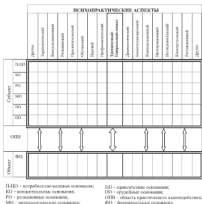

Рис. 5. Модель психологической практики – генеративное триада-триада

психопрактических аспектами и основанными практики. Все аспекты представлены на всех уровнях оснований. С уровня потребности-целей оснований психопрактики задается ее аспективное содержание. Всякая конкретная психопрактическая система имеет уровень теории, определяет отношение к наблюдаемым феноменам, располагает своим методом, специалист также должен владеть определенными навыками и умениями, располагать инструментарием психологического воздействия и данная психопрактика апеллирует к своим специфическим феноменам, с которыми работает и которые интерпретирует. Если конкретный аспект психопрактической системы является в ней частным, подчиненным другим (например, терапевтический аспект в тренинге), то и в этом случае он представлен на всех уровнях. Сказанное справедливо и в отношении других аспектов — консультационного, тренингового, просветительского, образовательного, обучающего, диагностического, развивающего, профилактического, коррекционного, интегративного, жизнеобучающего и т.д. Это единство психопрактических аспектов и оснований позволяет реконструировать на теоретическом уровне модель психологической практики как психопрактической системы (рисунок 3).

ПСИХОПРАКТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Помимо оснований и аспектов психологическая практика имеет также динамическое содержание. Оно составляет еще одно измерение психопрактики — динамическое и делает ее модель полной. Сюда входят личностная и групповая динамика, а также своеобразная динамика взаимного соотношения аспектов в ходе психопрактического процесса, или это системная динамика. Личностная динамика представляет собой систему изменений личности, являющуюся результатом психологической практики. Она может быть отслежена как в процессе одного сеанса, так и на протяжении многих сеансов или более длительных периодов. Эта динамика может быть охарактеризована либо как устойчивые позитивные изменения (прогрессивное развитие), либо как временные флуктуации позитивного характера без устойчивой сохранности, в отдельных случаях — как негативные процессы. Таким же образом в отношении группы можно говорить о групповой динамике, в частности, выделяя динамику взаимоотношений специалиста и клиента, специалиста и группы, самой группы, отдельных

подгрупп. Динамика психопрактических аспектов представляет собой процесс их проявления, развития, выхода на первый план, латентного существования и взаимодействия. В отдельных психопрактических процессах те или иные аспекты могут не проявляться, хотя об их скрытом наличии говорит их манифестация в других сеансах. Личностная и групповая динамика достаточно подробно описана специалистами отдельных видов психопрактик (психотерапия, консультирование, тренинг, личностный рост и т.д.) и в социальной психологии. Рассмотрение динамического содержания психологической практики позволяет строить ее многомерную модель, отражая на теоретическом уровне еще более точно это сложное явление.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК

Предложенная модель также дает возможность проводить различные классификации психологических практик, сравнивать практики между собой, давать им оценки. Классификация основных видов практик на основе их целевой составляющей (ведущей деятельности, или генерализованного психопрактического аспекта), по сути, уже приводилась. Это – психотерапия, психологическое консультирование, тренинг, личностный рост, профилактика, просвещение, обучение практикам, диагностика, саморегуляция и другие.

На пересечении деятельностнообразующих и дополнительных психопрактических аспектов образуется классы подвидов психопрактик. Психотерапия (генерализованный деятельностнообразующий психопрактический аспект) может быть контекстной (сказкотерапия), интеграционной, исследовательской, компенсационной, игровой, экзистенциальной, исследовательской, концептуализирующей и т.д. Игровой аспект может присутствовать во всех видах психопрактик: игровой психотерапии, игровое консультирование, игровой тренинг, развитие через игру, обучение через игру и пр. Аналогично можно заполнить все клеточки, образованные пересечением деятельностнообразующих и дополнительных аспектов, формируя матрицу возможных подвидов психопрактик.

Множество классификаций можно осуществить по критерию концептуальных оснований. Правда, такого рода классификация, в свою очередь, требует подробного исследования существующих и возможных концептуальных оснований. Поэтому здесь такого рода

классификации приведены как примеры. Так, для американской практической психологии можно выделить следующие типы психопрактики по основным направлениям в психологии, которые сегодня характерны для США. (Частично это деление верно для европейской и российской практической психологии. Но российская практическая психология сегодня представляет довольно сложное явление, в котором не просто определить исчерпывающим образом ведущие концепции.) Психопрактики подразделяются на биосимволические (поведенческие), психоаналитические, гуманистического направления, когнитивные и трансперсональные. Далее возможно подразделение по школам каждого из основных направлений, которые получали развитие в США. Так, для психоаналитического направления основными школами будут: классический психоанализ Э. Фрейда, аналитическая психология К.Г. Юнга, индивидуальная психология А. Адлера, психосоматика В. Райха, психоанализ К. Хорни, гуманистической психоанализ Э. Фромма, психоанализ Э. Эриксона, – каждая из которых сформировала свою практику, и т.д. (рисунок 6). Подобное подразделение выполняемо и для других направлений. Так, Л. Кроснер в 1971 г. выделял пятьдесят различных школ поведенческой психотерапии (это будет верно и для поведенческих практик в целом).

По аксиологическим основаниям психологические практики разделяются на манипулятивные и гуманистические (практики самоактуализации). По экзистенциальным – на просекулярные и трансцендентные (трансцендирующие). По степени научной обоснованности – на научно-обоснованные и необоснованные. По наличию внутренней логики – на рациональные и иррациональные (иррациональные) и т.д. С уровня методологических оснований можно произвести следующие классификации психопрактик. По базисным уровням воздействия (и трансформации): 1) телесно-ориентированные; 2) энергетические, дышащие; 3) экспрессивные, эмоционально-образные, резкие; 4) вербальные, ментальные; 5) духовные. По степени вовлеченности психических структур: фрагментарные, интегральные. По глубине проработки психического содержания: поверхностные, глубокие. По основной направленности процесса: адаптирующие, развивающие. По степени структурированности практики: структурированные, аморфные (слабоструктурированные). По уровню осознанности: рефлексивные, спонтанные. По уровню активности клиента: клиент-активные, клиент-пассивные. По наличию игрового элемента: игровые, неигровые. По частоте использования: спорадические, перманентные. По степени воздействия на личность: комфортные,

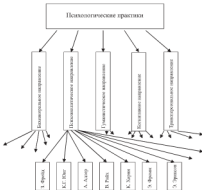

Рис. 6. Классификация психологических практик по направлениям и школе в психологии

гуманистские, школьные и др. На уровне практических оснований классификация возможна по необходимым умениям: психомоторные, сенсомоторные, идеомоторные, эмоционально-моторные, дыхательные, тонко-телесные, перцептивные, вербальные, чувственно-эмоциональные, ментальные, духовные, регуляционные, воздействия на других и т.д. В то же время надо учитывать взаимосвязь и единство оснований разных уровней, это позволяет говорить о корреляции не только оснований, но и классификаций, опирающихся на разные уровни оснований (Психотерапевтическая энциклопедия, 2000; Карацкий, 2002; Коллов, 2001).

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Ф.Е. Методологический смысл психологического синтеза // Вопросы психологии, 1996, № 6, С. 25–40.
- Карваский И.И. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.–Челябинск: Социум, 2002.
- Карваский И.И. Методология практической психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии / Под ред. В.В. Новикова и др. Ярославль: МАПН, 2003. С. 133–138.
- Карваский И.И. Методологический анализ понятий субъекта в психологических исследованиях // Вестник университета (ГУУ), Серия: Социология и управление персоналом. М., 2004, № 3 (10), С. 53–61.
- Карваский И.И. Специфический и универсальный метод психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / Под ред. В.В. Новикова и др. Ярославль: МАПН, 2005. С. 111–135.
- Козлов В.В. Психотехнологии наименованных состояний сознания. Личностный рост. Методы и техники. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001.
- Михалев В.А. Методология психологической науки. Ярославль: МАПН, 2003.
- Овчинкина В.И. История психотехники. М.: Подольский центр «Академия», 2002.
- Психотерапевтическая энциклопедия / Гл. ред. В.Д. Карвасарский. СПб.: Питер, 2000.
- Крюков А.В. Интерпрация психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии, 2005, № 3, С. 16–28.

Часть II

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ
ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
НАПРАВЛЕНИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПСИХОЛОГИИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

И.А. Мироненко

Современное состояние мировой психологической науки отмечено выраженной тенденцией к интеграции. Информационный обмен и нужды практики, необходимость разработки единых стандартов профессий уже изменили то состояние мировой психологической науки, в котором она пребывала с конца XIX в. на протяжении более ста лет – состоянии «феодалской раздробленности» школ, фактического отсутствия единого общенаучного контекста. На смену замыкающей школ, их самоизоляции, что было типично для так называемого периода борьбы школ (третьего периода кризиса психологии) и составляло основную тенденцию этого периода, пришел поиск диалога. Смена основной тенденции позволяет заключить, что в 1980-х годах мировая психологическая наука вступила в новый период своего развития – посткризисный.

Необходимость соотносить различные подходы в контексте единой психологической науки становится актуальной. Закономерно возникают попытки обобщения и соотношения психологических теорий, разработки «теории теорий» психологии, по выражению А.В. Петровского. Так, Л. Хьелл и Д. Зиглер для сопоставления различных теорий личности предлагают использовать систему биполярных шкал, отражающих аксиоматические представления о личности авторов, имплицитно заложенные в основаниях этих теорий (Хьелл, Зиглер, 1997). Система биполярных шкал для сопоставления ряда школ зарубежной психологии и школы А.Н. Леонтьева предложена В.Ф. Петренко (Петренко, 1999). В целях разработки единого стандарта психологического образования в Европе над проблемой соотношения в едином контексте подходов, развиваемых весьма многочисленными и разнообразными научными направлениями, существующими в современной психологической науке, работает Европейская федерация профессиональных объединений психологов (EFPPA) (Lam, 2000; Newstead, Makkinen, 1997).

Для отечественной психологии вхождение в формирующийся единый контекст мировой науки осложняется особенностями предшествующего периода, когда обидая тенденция раскола в относительной изоляции школ усугублялась политическими и идеологическими особенностями развития нашей страны, а также языковым барьером. А.В. Петровский об этом пишет так: «Если до начала 30-х гг. все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после года "великого перелома"¹⁶ эти связи стали очень быстро и стойко разрываться. "Железный занавес" опустился в середине 30-х гг., наглухо закрыв возможность включения трудов психологов, физиологов, социологов в контекст развития мировой науки... Только со второй половины 80-х гг. оказался возможным кардинальный поворот, снявший идеологическое табу, столько лет перекрывавшее путь к включению отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки» (Петровский, 2009, с. 43–44).

В сложившейся ситуации современный процесс интеграции мировой науки для отечественной психологии оказался наивом самым ее существованию в качестве самостоятельной школы.

В создании **зарубежных коллег** отечественная психология представлена скорее в форме географического понятия: есть огромная Россия (раньше был СССР), там живут психологи, они чем-то занимаются — малозначимым, судя по представленности результатов их трудов в зарубежных энциклопедиях. Там жили гениальные И.П. Павлов и Л.С. Выготский, теории которых интегрированы в мировую науку и ведут там собственное существование. Еще там жили также ученые, как С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.Г. Аваньель и некоторые другие, имена которых особо сведущие зарубежные коллеги могут назвать, но практически никто не может сказать, чем именно они прославились, и это не вызывает ни малейшего интереса.

В изданной в США Психологической энциклопедии (Encyclopedia... 1994) развитие психологии личности в СССР после С.Л. Рубинштейна не только не освещается, но даже не упомянуто. Статья о психологии в СССР в другом энциклопедическом издании (Concise Encyclopedia of Psychology, 1987) также оставляет впечатление, что после Выготского и Рубинштейна ничего существенного психологической наукой в СССР достигнуто не было. Отечественные авторы практически не цитируются, не упоминаются в известных переводческих изданиях.

¹⁶ 1929.

Показательно, что в многотомной американской психологической энциклопедии (Encyclopedia..., 1994) в специальной статье, посвященной опыту выраживания детеншей обеседы в человеческой семье, отсутствует упоминание о первом в мире исследовании такого рода, выполненном Н.Н. Ладыгиной-Котс (Ладыгина-Котс, 1935). Статья начинается непосредственно с соответствующих американских исследований, проведенных на двадцать лет позже.

О недостаточной известности отечественной школы за рубежом говорит и такой факт: накануне XXVII Всемирного психологического конгресса 2000 г. журнал «European Psychologist» (Psyche-interviews, 2000) провел опрос среди 50 крупнейших психологов Европы. Их просили назвать основные достижения психологической науки XX в., основные вехи ее современной истории, те новые тенденции в развитии психологии, которые, по их мнению, будут определяющими в XXI в. В числе опрошенных был только один человек из России — А.В. Бруцлинский, ответы которого на вопросы анкеты заметно отличались от остальных. А.В. Бруцлинский, характеризуя психологию XX в., говорил прежде всего об отечественной школе, ее теориях и концепциях. Остальные мэтры не видели места и роли отечественной школы в развитии мировой науки. Упомянулись лишь имена И.П. Павлова и Л.С. Выготского.

Так что в глазах мирового научного сообщества отечественная школа, по всей видимости, — не более чем «позитивном, обросший марксистской фразеологией» (Юревич, 2004, с. 12)²⁶. Как собственно научная школа она не воспринимается, ее не только нет, но и не было. Отсюда «миссионерское» отношение к нам западных коллег, стремление просветить и приобщить, но отсюда же научиться у нас чему-либо.

В сознании отечественного профессионального сообщества существование отечественной психологии как самобытной школы сегодня тоже не является фактом.

Для молодых ученых причиной этого состоит в том, что вся ситуация, в которой происходит их профессиональное становление, настраивает их, прежде всего, на активное усвоение опыта зарубежной психологии. Отечественная наука все больше срывается с западной, и процесс этот имеет односторонний характер. А.В. Юревич с бескомпромиссной честностью пишет о том, что в условиях современности «отечественная социальнo-гуманитарная наука постепенно превращается в некий транс-

²⁶ Отметим, что в числе наиболее ярких и устойчивых традиций, сложившихся в отечественной психологии советского периода, В.А. Кольцова называет высокую теоретичность и отсутствие идеологических тенденций (Кольцова, 2002).

людям знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т.д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» (Юренич, 2004, с.13). Отечественные ученые переводят, налагают, цитируют и включают в образовательные программы концепции западных авторов. Встретить же дилетанские фактически отсутствуют. Отечественный книжный рынок сегодня завален переводной зарубежной литературой, в том числе прекрасными современными учебными изданиями, которые все чаще используются в российских университетах как студентами, так и педагогами. В этих учебниках тот или иной раздел психологической науки представлен широко и равномерно, описан понятным языком. К сожалению, в них отечественные теории и методологии не только не представлены, но обычно даже не упомянуты. Соответствие их с содержанием зарубежных учебников — непростая задача, требующая хорошего владения зарубежной и отечественной теорией.

Ситуация усугубляется тем, что в отечественной науке в настоящее время в основном развиваются прагматические, прикладные направления. Переводятся и воспринимаются преимущественно теории из области прикладной же психологии, причем тех ее областей, которые в силу отсутствия социального заказа и идеологических запретов в отечественной психологии советского периода развития были не достаточно. Соответствующие зарубежные концепции воспринимаются нескритично и не соотносятся с положениями отечественной теории и методологии.

Утрата целостности, общей теоретико-методологической основы, ослабление связей между направлениями и отраслями отечественной психологии происходит на фоне ослабления авторитета естественнонаучного направления, приоритетного в советской психологии, и интереса к нему (Психологическая..., 1997).

В результате уже складывается ситуация, зеркально повторяющая ту, которая имела место в период «нормального» развития советской науки. Если двадцать лет назад молодой специалист-психолог знал отечественную теорию и умел ее оперировать, а в дополнение к этому имел некоторые представления о том, что есть еще какие-то иные теории за рубежом, то теперь молодой профессионал, особенно практик, может в доступной ему мере — т.е. в рамках того, чему можно научиться, равняясь на целостного контекста научной школы, но отдельным переводным изданиям, — владеть аппаратом зарубежной науки, иметь некоторые представления о том, что были (или есть?) и какие-то отечественные школы.

У наших ученых старшего поколения существует определенное внутреннее сопротивление тому, чтобы воспринимать отечественную психологию как школу. Долгое время мы не воспринимали себя как

школы, потому что считали себя чем-то большим, – вообще психологической наукой, внутри которой существует школа: школы Леонтьева, Анохина, Мерлина и др. В определенной мере это общая тенденция, присущая развитию всех школ в период зрелости кризиса психологии. Однако в отечественной психологии эта тенденция проявилась с особой силой по причине парадигмального статуса нашей науки в советский период. Признание значения парадигмы в советской психологии само по себе вызывает сильное сопротивление у существенной части старшего поколения отечественных психологов, привычно фиксирующих внимание на различиях между «внутренними» школами нашей науки и желающими за деревьями увидеть лес. Однако можно считать убедительно доказанным исследованием ученых ИП РАН (Психологическая... 1997), что в результате многолетней работы в русле единой системы в советской психологии сложился общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований. Этот каркас обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли. Методологическое единство и системность организации советской психологии не только не исключали разнообразия теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, но наоборот, обеспечивали возможность сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве.

Думать, что мы – вся психологическая наука, больше уже невозможно. Тем не менее, «геоцентризм», идущий из эпохи парадигмального развития отечественной школы, препятствует сегодня осознанию ею себя как одной из великих школ психологии, уникальной, но не единственной по своим подходам и разработкам. В то время как оценка самобытности отечественной школы, ее отличий от других, ее полемического потенциала по отношению к коллегам других школ необходима для того, чтобы разработанные ею в советский период теории и методология заняли достойное место в формирующемся контексте мировой психологической науки.

Является ли отечественная психология советского периода самобытной школой? Представляется, что есть основания считать ее одной из великих школ XX в., школой, которая обладает уникальной творческой теорией и методологией и богатейшим опытом экспериментирования и эмпирического доказательства.

Задачами целью показать самобытность отечественной школы в контексте различных направлений мировой психологической науки,

в поисках общих оснований для сопоставления теорий целесообразно обратиться к биосоциальной проблематике, так как именно она стала центральной для исследования человека и для практической психологии в XX в. Ускорение исторического процесса к XX в. привело к быстрому и радикальному изменению в культуре. Биосоциальная проблема, традиционно понимаемая как вопрос о соотношении в человеке вечного (биологического) и изменяющегося с течением поколений (социального), обрела новое измерение — вопрос о соотношении сравнительно устойчивой человеческой природы с изменчивым социумом и новую актуальность. Каждый период в развитии науки имеет своего рода «визитную карточку» — основную проблему, вокруг которой концентрируются усилия ученых, в русле решения которой совершаются максимальные научные достижения своего времени. «Первопсихологических исследований и теорий XX-начала XXI в. является проблема биосоциальная (Мироненко, 2002, 2003б, 2005).

Почти все важнейшие достижения психологии последнего столетия могут быть соотношены с постановкой и решением биосоциальной проблемы. Например, в модели Фрейда четкое разделение и противопоставление биологического и социального является центральным моментом и понимается как источник и причина развития и функционирования человеческой психики. Из восприятия представлений Фрейда об антагонизме биологического и социального возник неофрейдизм во всех его вариантах и затем гуманистическая психология, в контексте которых были предложены антагонистические модели взаимоотношений биологического и социального. Непосредственное и прямое отношение к проблеме биологического и социального в человеческой психике имеют практически все крупные разработки в области общей, возрастной, педагогической, дифференциальной, клинической психологии XX в. Таким образом, представления о биологическом и социальном в детерминации человеческой психики, развиваемые различными школами, можно использовать в качестве базы для их сопоставления.

Биосоциальная проблема обрела высокую идеологическую значимость в условиях бурных социальных конфликтов двадцатого столетия. С нею теснейшим образом связаны три вопроса:

- о роли наследственности и среды в формировании личности;
- об отношениях индивидуума и общества;
- о свободе и необходимости в регуляции поведения человека;

Эти три вопроса идеологически значимы, так как непосредственно связаны с политическими и государственными принципами органи-

жизни общества. Здесь, как нигде сильно проявляется влияние так называемого социального заказа. Важнейшим фактором, который необходимо учесть, является антагонизм в мировой политике двух социальных систем, капиталистической и социалистической, на протяжении XX в. Соответственно двум ведущим вариантам социального заказа можно выделить два основных подхода к биосоциальной проблеме, которые определяли исследования в ее рамках на протяжении данного периода. В таблице 1 в краткой форме представлены результаты сопоставления этих подходов.

Таблица 1

Тенденции в особенностях постановки биосоциальной проблемы и понимания «социального», определяемые социальным заказом и культурной традицией в XX в.

		Отечественная социологическая наука	Современная и западноевропейская наука
Социальные факторы	Среда – экзистенциальность	Идеология требовала научного обоснования биологического равенства всех людей, а практика грандиозного социального эксперимента диктовала развитие исследуемой проблемы скорее не личность человека	Социальный заказ сводился к определению оптимальных практик в отношении малой социальной мобильности и, по существу, последственной передаче права принадлежности к привилегированным социальным группам на фоне декларирования «общества равных возможностей»
	Коллективизм – индивидуализм	В основе марксистской философии, служившей методологическо-психологической основой советской социологии, лежал идеал коллективизма. Идеи общности, коллективизма, солидарности и в традиционной российской культуре	Идеал независимого, свободного, самостоятельного принимающего решения и принимающего на себя ответственность. Личность от природы обладает общечеловеческими ценностями и призвана развиваться, расширяя свою сферу социуму может лишь повлиять
	Свобода – необходимость (разумная – волянтная)	Экзистенциальный характер российской культуры обозначил внимание ученых к проблеме внутренней свободы человека, понимаемой, прежде всего, как свобода духа и сознания от страстей и низких потребностей, от принципа необходимости	Практиком и рационалом, привносящей западную культуру, служила фактором принятия модели «естественного» человека, дитя природы, для которого свобода – лишь отсутствие внешнего принуждения

Отечественную психологическую науку отличает уникальная, исторически сложившаяся в силу социокультурных особенностей России, обусловленная достижениями российской физиологической науки рубежа XIX–XX вв., традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, рассмотрения социализации как запрета природного и естественного поведения, подход к культуре как к силе, выходящей человека за пределы власти законов природы. Это традиция подлинно диалектического подхода к проблеме развития человека, построенного на понимании развития как разрешения внутренних противоречий, заложенных в самой природе человека, а не являющихся результатом каких-либо дефектов социального окружения.

Основу такого подхода составило открытие И.М. Сеченовым центрального торможения как механизма задержки непосредственной реакции индивида на воздействие среды. Понятие центрального торможения позволило материалистически объяснить произвольность человеческого поведения, «способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам, с тем чтобы следовать собственной программе» (Ярославский, 1996, с. 376). Большое значение для понимания закономерностей человеческого поведения имело открытие Павловым второй сигнальной системы. Слово как особый вид социально-условного сигнала становится главным регулятором человеческой психики, подчиняя человеческое поведение и сознание уже не законам природы, а социуму и замечательной в языке культуре. «Учение о борьбе за существование, — писал К.А.Тимирязев, — оставившееся на пороге культурной истории. Вся разумная деятельность человека — одна борьба — с борьбой за существование» (Тимирязев, 1949, с. 396).

Подход к социальному как к силе, отягченной биологическую детерминацию поведения человека, ярко проявляется в работах классиков отечественной психологии. В.А. Вагнер, основоположник отечественной сравнительной психологии, усматривает различие разумного поведения у животных именно в их способности действовать вопреки инстинкту; «О способности разума до известных пределов подавлять деятельность инстинктивную у животных нам свидетельствуют многочисленные факты» (Вагнер, 1996, с. 184). У человека социальная детерминация психики выступает как сила, противостоящая инстинктам: «...способность разумные подавляет инстинкты тем легче, чем выше культура того общественного круга, к которому данный субъект принадлежит» (там же, с. 185). Вагнер трактует человека как существо, выходящее в едином ряду с другими живыми организмами, но это единство диалектическое. Оно содержит в себе противопоставление,

противоречие как источник внутренней динамики: «На земле человек только один, пользующий силой своих разумных способностей, преступил железный закон отбора, противопоставил силе биологических законов силу законов социальных» (там же, с. 77).

Разсуждая об эволюционном развитии человека, Б.Ф. Поршнев пишет: «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического» (Поршнев, 1974, с. 17) — вот аксиома, которую он решает. Решение основано на идее инверсии, когда некоторое качество дважды превращается в свою противоположность, подпадая под формулу Фейербаха «выворачивание вывернутого». Возникновение человека, следуя этой логике, надо представлять как «переворачивание» животной природы и ту, с которой люди начали свою историю. Затем начинается собственно человеческая история, которая может быть представлена как «переворачивание» природы этого промежуточного звена. Проблеме соотношения и генетического перехода между биологическим и социальным Поршнев посвящает великой темой философия и естествознание, «загадка человека».

Касательно приоритета духовного начала в человеке в контексте отечественной теории стоит отметить, что, хотя в официальной советской науке декларировался атеизм, как только официальный запрет на религиозность был снят, соответствующая ориентация отечественной психологии проявилась в полной мере. В русле отечественной духовной традиции сейчас защищаются докторские диссертации, пишутся монографии серьезными специалистами, работавшими в лучившими образовании при советской власти. Можно полагать, что духовно-нравственное направление, которое с 1920-х годов было под запретом, скрыто развивалось в контексте так называемого естественнонаучного направления и во многом придало последнему его уникальный в мировой науке характер — обращенность к духовной стороне человеческого бытия. Сама идея о том, что сознание проявляется как запрет на инстинктивное поведение, т.е. в принципе сознательное поведение уже не подчинено принципу выживания, свидетельствует, что, хотя нельзя было открыто декларировать религиозность, человеку приписывались духовные, по сути, устремления.

Хьелл и Зиглер (Хьелл, Зиглер, 1997) справедливо полагают, что теоретика психологии личности, подобно всем людям, имеют определенные аксиоматические представления о человеческой природе. Эти базисные представления, не всегда осознаваемые, глубоко влияют на восприятие людьми себя и друг друга, а также на теоретические представления ученых о личности. Ни одна теория не может быть полно-

стью познания и соотносится с другими безотносительно к количеству законов в ней-системе положений о человеческой природе. По мнению Хьелла и Зиглера, корень этих аксиоматических представлений следует искать в личном опыте авторов теорий. В их монографии изложено мнение каждого из теоретических подразделов к личности поэтому предшествует биография автора, детали которой должны послужить ключом к пониманию особенностей его теории.

Не отрицая влияния личного индивидуального опыта на становление взглядов человека и формирование им теоретических представлений о личности, можно предположить, что еще более значимым оказывается влияние фактора культуры и социального заказа, в контексте которых создается та или иная теория (Мирошенико, 2004). Дialeктическое представление о биосоциальной природе человека, которое развивалось отечественной школой в условиях специфического социального заказа, во многом является уникальным и радикально-отличным от представлений о «естественном» человеке, от природы наделенном общечеловеческими ценностями и добродетелями, лежащих в основании большинства классических зарубежных теорий (см. таблицу 2).

Таблица 2
Система постулатов, положенная в основу классических теорий

Теория отечественной психологии	Теория западноевропейской и североамериканской психологии
Человек просоциален, он коллективист, лучше в нем создается общество и служит обществу	Круг индивидуализма
Человеческая личность в ее важнейших особенностях формируется проакционно, в процессе социализации и индивидуализации, наследственность не является определяющим фактором	Преимущественное значение придается фактору наследственности
Человек небезудачно подчиняется законам природы, необходимости. Благодаря социальному заказу не играет определяющей роли в человеческом поведении	Понимание человека как основы человеческого поведения
Человек активен, он не только приспосабливается к миру, но преобразует, переопределяет его	Активность человека в отношении с миром ограничивается низким уровнем достигнутой цели, которые однозначно определены контекстом ситуации и количеством общечеловеческих ценностей

В отечественной науке сложилось представление об индивидуальном развитии человека как о процессе, востребованном на взаимодействии двух потенциально противоречивых программ: биологической (видовой) и социальной (далекой) в культуре и усваиваемой путем интериоризации). Такое понимание природы человека и законов его развития воплощено, например, в концепция индивидуальности Б.Г. Ананьева (Ананьев, 1968). Интегратором биологической и социальной программ развития является сам человек, индивидуальность, которая выстраивает собственный уникальный вариант жизненного пути и психофизиологического развития. Этот взгляд альтернативен общепринятому в традиционных европейских и американских теориях представлению о единой видовой программе развития человека, на реализацию которой социум может лишь влиять, способствуя либо (чаще) препятствуя ее воплощению тем или иным образом. Теории У. Джексона, Э. Фромма, Э. Эриксона, А. Маслоу, – при всех их различиях, – имеют в своей основе общую систему постулатов о биосоциальной природе человека (Мирошник, 2000, 2002, 2005).

Признание человека существом активным так понимаемой гуманистической психологией не означает еще раскрытия его истинной природы, присущего ему творческого, создающего начала. В контексте гуманистической психологии проблема качественного отличия человека как существа, владеющего мир, от животного, приспособляющегося к миру, не только не решена, но и не поставлена (Мирошник, 2000, 2002, 2005).

В рамках подходов, односторонне трактующих человека как существо или полностью биологическое, или обладающее социальностью, которой нечто не противопоставлено и которая, по сути, является лишь новой формой объективного, личность рассматривается как нечто, существующее и развивающееся по одним для всех законам, присущим либо биологическому виду в целом, либо некоторой культурно-исторической общности как его разновидности. Соответственно, смысл жизни человека определяется стремлением к единой для всех цели, сводится к решению общечеловеческих задач. При такой постановке вопроса индивидуальное человеческое сознание ставится в общий ряд прочих уровней психической регуляции и лишается самостоятельного смысла и личения. По сути дела, рефлексия становится лишь средством выполнения индивидуом программы служения общности. Парадоксальным образом в западной психологии, с ее культом индивидуального бытия, индивидуальная свобода приобретает статус мифического, оказывается свободой и выборе средств, но не целей (Мирошник, 2001).

Только в контексте отечественной теории биосоциального развития человека подлинный смысл и значение приобретает сознание человека, механизм рефлексии. Оказавшись в зоне пересечения двух потенциально противоречивых законов природы и общества, человек обретает статус подлинного хозяина своей судьбы. Индивидуальное сознание здесь уже не только расширяется в ряду прочих форм психического отражения, но *обретает собственную важнейшую функцию, определяя контекст бытия, в котором существует и самореализуется личность*: «Детерминизм не есть предопределенность, детерминизм... не дана изначально в готовом виде, а напротив, формируется субъектом как самоопределение в ходе деятельности, поведения и т.д. ... детерминизм человеческой активности не исключает, а предполагает свободу» (Бруцлинский, 2000, с. 46).

В свете отечественной теории новое звучание приобретает и проблема ответственности человека за свой выбор, свои поступки. Самоопределяющийся субъект, будь то отдельный человек или человечество в целом, уже не застрахован ни от ошибок, ни от ответственности за них — ни инстинктивной беззащитностью инстинктивного природного поведения, ни безальтернативностью социальных ролей и культурных норм (Мирзенко, 2003а).

В русле развития отечественной теории, основываясь на принципах субъектно-деятельностного подхода С.А. Рубинштейна, А.В. Бруцлинский предложил модель механизма функционирования человеческой психики, отличного от функционирования психики животного. Активная борьба животного за существование над контролем естественного отбора осуществляется на основе обратных связей, «подкрепления» механизмов поведения, соответствующих наследственно фиксированным эталонным выживания, равновесия и т.п.: «...механизм обратных связей непосредственно основан на начальной заданности эталона, заранее устанавливающего способ прямого сравнения промежуточных и конечных составляющих регулируемого процесса» (Бруцлинский, 1999, с. 119). Саморегуляция человека, в отличие от животного, «осуществляется безотносительно к любому заранее выбранному масштабу, эталону, критерию и т.д.» (там же). Мыслительная деятельность человека, регулирующая его поведение и определяющая поступки, представляет собой не столько поиск средств для достижения поставленных целей, сколько определение целей и их корректировку в процессе деятельности (Мирзенко, 2003а, 2003б).

Для сопоставления теорий, развиваемых различными школами, и общего продвижения в исследовании проблемы соотношения биоло-

психического и социального в психическом развитии человека оказалась необходимым уточнить содержание понятия «социальное» в современной науке. Для этого мы воспользовались методом «раздвоения единого» (Ташки, 1984), т.е. дихотомий. Можно утверждать, что единое понятие определяется в различных психологических теориях:

- либо как противоположность «индивидуальному», т.е. дихотомия «индивидуальное – общественное»;
- либо как противоположность «животному», т.е. дихотомия «человек – животное».

Существенное различие в содержании понятия «социальное» при его определении через дихотомию «животное – человек» либо через дихотомию «индивид – общество» явно проявилось лишь на современном этапе развития психологической науки, в первую очередь благодаря достижениям биологических наук последних десятилетий XX в., прежде всего генетики, которые перевели проблему отношения индивида и природного сообщества из области идеологизированных стереотипов и верооятных рассуждений в область экспериментов и точных расчетов.

Важнейшее реформирующее значение для понимания биосоциальной природы личности человека имело открытие генетиками взаимосвязей так называемого группового наследования во второй половине 1970-х годов. Тот факт, что носителем целостного комплекса генов является не отдельный индивид, но группа, связанная родственными узлами, позволил объяснить как биологически целесообразные те виды поведения, которые традиционно противопоставлялись биологически обусловленному инстинктивному ионистическому поведению – различные проявления альтруизма и самопожертвования.

Эти открытия сделали возможным и необходимым разделение двух высказываемых значений понятия «социальное», определяемого либо как противоположность «индивидуальному», либо как противоположность «животному». До этого времени существовала сильная тенденция к отождествлению областей этих значений. Так, А.Н. Леонтьев в своей классической монографии «Проблемы развития психики» (Леонтьев, 1972), говоря о различии между психикой животного и человека, доказывает, что животное всегда действует само по себе, в одиночку, даже когда несколько особей действуют вместе, воспринимая других как элементы окружающей среды, объекты. Феномен взаимодействия и взаимопонимания между членами сообщества в соответствии с его концепцией возникает лишь на уровне человеческой психики.

Сегодня благодаря успехам биологии мы можем с точностью говорить о наличии «социального» фактора в животных сообществах, что позволяет на новом уровне поставить проблему специфичности человеческой психики по сравнению с психикой животного. Разведение дихотомий «животное – человек» и «индивид – сообщество» как независимых в контексте определения понятия «социальное» позволяет выделить следующие психические феномены:

- животные, существующие на уровне индивида;
- животные, существующие на уровне сообщества;
- специфические человеческие, существующие на уровне индивида;
- специфические человеческие, существующие на уровне сообщества.

Многие вопросы биосоциальной природы человека ставятся по-разному в зависимости от того, в контексте которой из вышеназванных дихотомий возникает социальное автор теории, а в некоторых случаях вообще не могут быть поставлены. Так, понимание «социального» как противоположного индивидуальному уводит проблему свободы воли человека в локус своего патна научной школы. В русле биологизаторских направлений не могут быть предложены никакие варианты теорий свободы воли человека, понимаемой как «свобода от страстей», так как в основе этих направлений лежит модель человека, лишённая соответствующих свойств и проявлений. Свобода здесь может быть понята лишь как свобода от постороннего принуждения. В качестве своеобразного защитного механизма научного самосознания возникает неоправданное отождествление дихотомий «свобода – необходимость» и «детерминизм – индетерминизм».

Итогом описанного влияния социального заказа на разработку школами биосоциальной проблемы стало смещение ее предметной области для западной психологической науки – в область отношения индивида и общности, для отечественной школы – в область специфических особенностей психики человека, проблем сознания, воли и т.д. (см. таблицу 3).

На протяжении периода идеологического противостояния ученые отечественной школы, часто в силу необходимости, выстраивали критику западных теорий, пытались, часто не вполне обоснованно, представить взгляды отечественной школы как альтернативные западным. Иногда оскарживали суждения, игнорируя существеннейшие различия в содержании используемых понятий. После падения «железного зан-

Таблица 3
Значение понятий «социальное»
в предметных областях исследований «социальности»

	Отечественная психологическая наука	Специализированная и дисцип- линообразная наука
Значение понятия «социальное»	Определяется в отношении «человек – качество»	Определяется в отношении «вид-вид – общности»
Предметная область исследований «социальности»	Специфика – личность человеческая в отношении человек – качество (Интраиндивидуальный подход)	Взаимосознание противопоставленных друг другу индивидуумов и общности (Интраиндивидуальный подход)

веса» эта тенденция свелась к тенденции некритического принятия западных теорий, каждой славится декларированием, часто также не обоснованным, своего подхода. Теперь нередко подчеркивается сходство суждений на фоне игнорирования различий в содержании понятий.

Представляет ли интерес отечественная теория в контексте актуальных проблем и дискуссий современной зарубежной психологии?

Можно утверждать, что исследования, выполненные в русле отечественной биосоциальной теории, не повторяют выводы ведущих зарубежных школ и не противоречат им, но заполняют существенно иное предметное пространство, которое ранее на Западе практически не исследовалось, а сегодня является областью интенсивных разработок и бурного роста теорий в силу их востребованности и актуальности. На рубеже XX–XXI вв. политика и идеология в мире изменились. Мир уже не строится на антагонизме двух систем, что создало идеологическое напряжение в области биосоциальных теорий. Это делает перспективным налаживание конструктивного диалога и формирования научного контекста, общего для отечественной науки и новейших направлений, как теоретических, так и конкретно-психологических, возникших на Западе в посткризисный период.

Это, прежде всего, такие теоретические направления, как эволюционная психология и социобиология, социальная конструктивизм, кросскультурная психология, а также такие области конкретно-психологических исследований, как:

- *Infant human development*,
- развитие человека в период взрослости,

- личность как определяющий фактор и интегратор психических процессов и состояний,
- кросс-культурная психология,
- самореализация личности.

Общность предметного пространства и отсутствие идеологического преоса в рамках данных направлений позволяют прогнозировать возможность их конструктивного диалога с отечественной теорией (Мироненко, 2009, 2012, 2005).

Отметим, что и культурно-историческая теория Л.С. Выготского, признанная зарубежными коллегами, воспринимается ими не во всей своей полноте. Она принята ими лишь в части онтогенного им механизма овладения культурой, но не в части понимания роли и места культуры в формировании личности, революционного пафоса этой теории: «...культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, арист, свято веривший в возможность "формирования нового человека" в рамках марксистской психологии, т.е. исповедовавший идейно-аристинскую идею несомненности в ее новой саентистской форме» (Петровский, 2002, с. 16).

Так что и здесь имеется основа для разворачивания диалога с позицией отечественной школы.

Отечественная теория, несомненно, самобытна, и, как это присуще великим теоретическим школам, обладает большим потенциалом интеллектуального вызова оппонентам, потенциалом для разворачивания полемики. Почему ясность, радикальность и острая полемичность отечественной теории нуждаются в доказательствах и не являются очевидными?

А.В. Петровский называет способ существования отечественной психологии при советской власти тактикой выживания (Петровский, 2000). Возможно, как один из аспектов этой тактики следует рассматривать ту своеобразную маскировку «острых углов», завуалирование полемического потенциала работ, которые закрепились в нашей науке в советский период. «Пикантным, обросшим марксистской фразологией», действительно составлял внешнюю поверхность советской психологии. Внимание цезуров, привлеченное яркими, полемическими акцентированными полужазами, оборачивалось запретом, если не уничтожением работ – во всей видности, «на всякий случай», чтобы не пропустить что-нибудь опасное. Вспомним судьбу таких «смелых», как Л.С. Выготский, В.А. Вагнер, Б.Ф. Поринев. Эти ученые не грешили против официальной идеологии марксизма, напротив, они были даже

слишком последовательными марксистами в использовании диалектического метода, в своем подходе к человеческой психике как к явлению изначально внутренне противоречивому, развитие которого потому и происходит с неизбежностью, что основано на внутреннем противоречии. Они не были репрессированы, но их труды фактически не публиковались практически, игнорировались официальной наукой, уже набранными исчезали в типографах.

А.В. Юренин говорит об утрате современной отечественной социогуманитарной наукой преемств на «самобытность», о том, что отечественные ученые «как "интеллектуальные посредники"», играют очень важную и вполне творческую роль, однако свое традиционное предназначение в качестве производителей нового знания они начинают утрачивать.

Итак — возможно, главным результатом "адаптации" отечественной социогуманитарной науки к явлению социальную анимацию, который сложился в современной России (курсив мой. — И.М.)» (Юренин, 2004, с. 13).

Школа в науке — явление временное. Возможно, наступит естественный конец той школы, которая сложилась в СССР. В то же время есть основания думать, что возможно возрождение этой школы — в новом облике, соответствующем реальным современности, в чем-то радикально отличной от советского периода, но что-то главное в традиционной парадигме развивавшейся. Отечественная теория, в том числе, и прежде всего, теория биосоциального единства человека — при условии необходимой герменевтики — представляется остроактуальной в контексте тенденций развития мировой психологической науки и имеет все основания войти в психологию XXI в. в качестве самобытной школы.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Браунский А.В. Субъектно-деятельностная концепция и теория функциональных систем // Вопросы психологии. 1999. № 3.
- Браунский А.В. Пуанкареистичность психологической науки // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 3.
- Высоцкий Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. М., 1982. Т. 1.
- Винов В.А. Системные описания в психологии. Л., 1981.

- Колырин В.А. Системный подход и разработка проблем историко-психологической науки // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 2.
- Ладьякова-Камс Н.Н. Дети немчанки и дети человека. М., 1935.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
- Мариенко И.А. Творцы В.Г.Ашанина в контексте современной зарубежной психологии развития личности // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 4. СПб.: СПбГУ, 2000.
- Мариенко И.А. Современные взгляды на биосоциальную природу личности и самореализация // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 5. СПб.: СПбГУ, 2001.
- Мариенко И.А. Биосоциальные проблемы в контексте современной психологической науки // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 6. СПб.: СПбГУ, 2002.
- Мариенко И.А. О свободе и ответственности человека в контексте актуальных проблем и тенденций развития психологической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (17). 2003а.
- Мариенко И.А. Биосоциальные проблемы в кризис психологической науки // Труды III Съезда РПО. СПб. Ежегодник российского психологического общества. 2003. Т. 3. СПб., 2003б.
- Мариенко И.А. Модальная теория мышления в контексте проблемы осознанности человеческого познания // Труды III Съезда РПО. СПб. Ежегодник российского психологического общества. Т. 3. СПб., 2003в.
- Мариенко И.А. Об интеграции психологического знания // Вопросы психологии. 2004. № 3.
- Мариенко И.А. О философских основаниях интеграции психологического знания // Философские науки. 2004. № 10.
- Мариенко И.А. Биосоциальные проблемы в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психол. журн. 2005. № 1.
- Петренко В.Ф. Школа А.Н.Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии / Под ред. А.Е. Войтекунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М., 1999.
- Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 3.
- Петровский А.В. Психология в России. XX век. М., 2000.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. М., 2001.
- Парсонс Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997.
- Тамаркина К.А. Избр. соч. в 4-х т. Т. 3. М., 1949.

Хейлс Л., Зиглер Д. Теория личности. СПб., 1997.

Курман А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии, 1999, № 2.

Курман А.В. Психология и методология // Психол. журн. 2000, № 5.

Курман А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии, 2001, № 3.

Курман А.В. Структура психологических теорий // Психол. журн. 2003, № 1.

Курман А.В. Социогуманитарная школа в современной России: адаптация и социальному контексту. М.: ГЭ ВШЭ. Программа W/P6/2004/02. Серия W/P6.

Дрожинский М. С. Наука о поведении: русский путь. М., 1996.

Concise Encyclopedia of psychology. New York, 1982.

Encyclopedia of Psychology / Ed. by R.J. Corsini. V. 1-4. New York, 1994.

Loft J. EuroPsych Project // European Psychologist, 2000, V. 5, № 2.

Newstead S., Mulhrew S. Psychology teaching in Europe // European Psychologist, 1997, V. 1, № 14.

Tele-interviews // European Psychologist, 2000, V. 5, № 2.

ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В.А. Бамбанищikov

Согласно принципу системности, научимые явления рассматриваются с точки зрения целого и обладают свойствами, которые невозможно вывести из его фрагментов или частей. На передний план выдвигается логика целостности, синтеза, взаимопереходов и взаимовключений.

Представление о системной природе психических явлений все чаще выступает в качестве итога развития знания о психике. Включаясь во всеобъемлющую взаимосвязь событий материального мира, психические явления выражают уникальное единство разнообразных свойств живых существ. В совокупности они образуют «функциональный организм», позволяющий животным (человеку) гибко ориентироваться, коммуницировать и действовать в постоянно меняющейся среде (мире). Психическое отрывается и как отражение действительности, и как отношение к ней, и как функция мозга, и как регулятор поведения, деятельности и общения, как природное и социальное, как сознательное и бессознательное. Возникая как феномен жизни, оно достигает высот творчества, самосознания и духовности. Психика объективно выступает в виде многомерного, иерархически организованного, развивающегося целого или *организмической системы*, функциональные компоненты которой имеют общий корень и онтологически неразделимы.

Другой причиной обращения к идее системности является высокое темпы дифференциации психологического знания и связанная с этим методологическая и теоретическая разобщенность исследований. Именно эта тенденция порождает проблему когерентности психологии, т.е. возможности ее существования как единой науки (Glaser, 1992; Koch, 1992). Чрезвычайное разнообразие подходов к исследованию психического (им соответствует многообразие принципов, концепций, методов исследования, эмпирических данных) обостряет проблему предмета психологии и ее метода. Первоостепенное значение приобретает вопрос о способах объединения разнородного психологического знания и осуществлении концептуальных синтезов более высокого порядка.

Наконец, нельзя не учитывать непрерывное сближение психологии в решении задач различных сфер общественной жизни (управления коллективами, бизнеса, сферы обслуживания, обучения и воспитания, охраны здоровья, политики и многих других). Психология все больше превращается в область профессиональной априорической деятельности, которая формирует собственные нормы и принципы работы, понятийный аппарат, методы и задачи. Складывается основание научно-практического направления системного подхода, связанного, с одной стороны, с идентификацией психологических проблем в разных сферах деятельности человека, а с другой стороны — с использованием психологических знаний в реальных жизненных ситуациях.

Как известно, попытки прямого внедрения концепций человеческой психики и поведения в различные сферы практики сталкиваются со непреодолимыми трудностями. Встает задача разработки понятийного аппарата и соответствующей методологии, которые позволили бы конкретизировать научное знание применительно к реальной жизни и деятельности людей. Ее решение невозможно вне системного анализа самой практической сферы — «реального объекта», способов его сопоставления с теоретической моделью и связи психологии с другими научными дисциплинами.

Таким образом, обращение к принципу системности в психологии отражает актуальное состояние и генеральную тенденцию развития этой науки. Внедрение данного принципа в «материал» психологической науки является самостоятельной проблемой, вернее, «деревом проблем», решение которых требует специальных усилий.

Отметим, что системный подход, как и любая методология высокого уровня, не предназначен для решения собственных проблем психологии. Его функция заключается в том, чтобы обеспечить работу по построению предметного содержания науки средствами данной методологии. В зависимости от того, насколько это содержание оказывается адекватным исследуемой реальности, можно судить об эффективности используемого подхода.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

В общем плане под системным подходом понимают методологическое направление, разрабатывающее средства познания и конструирования сложноразвешиваемых объектов. Исторически этот подход противо-

стоит механистической методологии, ориентированной на изучение отдельных, как правило, взаимосвязанных элементов действительности, движение которых подчинено законам классической механики. В отличие от внешнего соединения частей, система представляет собой качественное единство, или совокупность, обладающую интегральными свойствами. «В определенном смысле системный подход и есть методологическое средство изучения интегрированных, точнее, интегрированных объектов и интегральных зависимостей и взаимодействий» (Кузьмин, 1988, с. 258).

Хотя предвосхищение системного мышления (например, представление о несводимости целого к сумме частей, идея иерархии и др.) встречается в философии и науке сравнительно рано, их оформление в методологический принцип потребовало существенного накопления эмпирических данных и разработки позитивного аппарата решаемых проблем. Логика развития познания такова, что первоначально изучаемый предмет берется в отдельности, сам по себе. Его качество лишь констатируется, свойства выводятся из него же самого, а составление разных предметов осуществляется внешним образом. На более высокой ступени познания предмет описывается как часть некоторого целого, закону существования которого он подчиняется. Целое, или система, играет роль основания родового качества предмета, которое вне или помимо системы не проявляется. Поскольку в действительности любой предмет принадлежит не одной, а многим системам, он обнаруживает разные качественные определенности и оказывается многомерным. Наконец, существует еще одна, высшая ступень познания, на которой предмет воспроизводится в жизни целиком, во всей полноте его связей и отношений. Здесь осуществляется высший гностический синтез, восхождение от абстрактного к теоретически конкретному изображению реального предмета. Это предельно широкое видение действительности, которое предполагает оперирование всей совокупностью систем, учет многообразия взаимодействий, разнотипности связей и разноплановости отношений, а также преимущественное использование генетического или конкретно-исторического способа исследования.

С расширяемой точки зрения, чем сложнее и глубже оказывается человеческое знание, тем более системным оно становится. При этом системный подход включает в себя средства как анализа (например, объективизация/выделение систем, спецификация механизмов интеграции или разведения уровней, планов и измерений изучаемых явлений), так и синтеза: разные аспекты знания собираются в единое

целое, а все возрастает число средов и измерений раскрывает действительность в ее конкретной полноте.

Как общенаучная методология системный подход получил распространение в 1960-е годы в связи с успехами научно-технической революции. Его наиболее известная форма, названная Л. Берталяффи общей теорией систем (ОТС), была ориентирована на поиск универсальных закономерностей сложной организованных объектов и решала задачу интеграции разнородного научного знания. Исследователей интересовали устройство систем и механизмы, обеспечивающие их функционирование, т.е. равновесие со средой (Блауберг, Юдин, 1973; Садовский, 1974). Именно в таком виде системный подход проник в западную, прежде всего американскую психологию, затронув не только прикладные области типа Human factors, но и ее общетеоретическое ядро. Представления и установки ОТС использовались при изучении поведения (Б. Skinner), личности (Г. Олпорт), процессов познания (У. Найссер), организации и динамики социальных групп и других аспектов. В какой-то степени этот методологический шаг был подтолкнут яркими достижениями гештальтпсихологии и школы К. Левина, показавшими, что представление психических явлений и поведения в качестве систем открывает исследователю весьма широкие перспективы (Левин, 2000; Кофка, 1935).

История психологической науки во многом выступает как история поиска альтернатив атомистической, по существу, асистемной точке зрения на природу психики и поведения. Наиболее последовательно эта точка зрения реализовывалась оппозитической психологией сознания и в частности бихевиоризмом, который постулировал существование исходных элементов (ощущений, реакций), объединенных внешними связями (ассоциациями), а также обусловленность психики и поведения жесткими каузальными зависимостями. Следствием такого подхода стало распространение редукционизма (физиологического, доктринского, социального, кибернетического, информационного), опасность утери специфики предмета психологии и кризис методологических основ психологической науки. Продолжение этого кризиса, собственно, и связано с освоением (большой частью бессознанным) системного взгляда на предмет психологического познания. Критерия научности все больше ассоциируются не столько с аналитическим, сколько с синтетическим, целостным подходом, выносящим психическое в систему значимых связей и отношений человека и подчеркивающим самостоятельность целого относительно образующих его компонентов. Существенные шаги в раскрытии системной природы психики и отечественной науке

сделаны Б.Г. Ананьевым, В.М. Бехтеревым, Л.С. Выготским, А.Р. Лурия, В.С. Мерлингом, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Тепловым, А.А. Ухтомским и др. Системный анализ поведения и деятельности устойчиво связан с именами П.К. Анохина, А.Н. Леонтьева, Н.А. Бернштейна и др.

В отличие от теоретиков ОТС, Б.Ф. Лозов подчёркивал специфичность и многообразие проявлений целостных образований психики, их зависимость от сферы бытия, уровня организации и развития (Лозов, 1984; Лозов, 1995). Многосистемный взгляд на природу целостностей, с его вниманием к компонентам и структуре, Лозов дополнил выделением, выделением объективных оснований интегральных качеств и свойств. На конкретном эмпирическом материале было показано, что человек (его психика, поведение), включается в разные системы отношений, развертывается в различных планах и обнаруживает качества, которые отсутствуют в других системах. Поскольку облекающих (макро-) систем оказывается несколько, психические явления всегда выступают как своеобразные «качественные узлы».

Принцип системности распространялся Лозовым на психофизику в целом и полагался ведущим регулятивным исследованием. Лозов одним из первых обратил внимание на собственную организацию предметного поля науки, попытался уйти от его внешней гомогенности, и, следовательно, «лобового столкновения» теорий, концепций и методов. Предметное поле психологии выступило в его работах как многомерное, многоуровневое, подвижное образование. Этот методологический шаг подводил к принципиально-новой стратегии познания. Важным становились не только обоснование, подтверждение или опровержение конкретной концепции, полученных данных и т.п., но и указание их места в сложнейшей системе знания, установление их «нишестей» или форм проявления, поиск множественных путей их взаимосвязей и взаимопереходов. Выход классических теорий, претерпевающих на объяснение любых психических явлений на основе преработки какой-либо одной из областей науки, заканчивался.

Исследования, проведенные в психологии во второй половине ушедшего столетия, позволяют заключить, что обращение к идее системности — не просто дань времени или моде. Системный подход вводит в психологию максимально широкий взгляд на изучаемые явления, возможность разработки конкретной логики их взаимосвязей и взаимовключений, а также конструирование интегрального знания, которое не только глубоко отражает сущность явлений (их гетерогенность, текучесть, недетерминированность), но и наиболее приспособлено для решения практических задач. Раскрывая недостаточность (сущность,

односторонность, ограниченность) концептуальной базы и традиционных средств исследования, системный подход создает предпосылки для формирования более адекватных теоретических построений, объяснительных принципов и способов организации знания. Системный подход позволяет наиболее точно ставить проблему и намечать стратегию ее решения, ориентирует исследователя на изучение психики как дифференцированного целого, выявление многообразия его связей и взаимодействий на разных уровнях и намерений, обеспечивает создание предельно широкой многомерной картины психических явлений. Необходимо, однако, иметь в виду (и это вытекает из самой сути системного подхода как грани диалектики), что он не дает исчерпывающе полной методологической характеристики исследуемой психики и предполагает другие методологические ориентации. Более того, он эффективен именно тогда, когда выполняется конкретным психологическим содержанием.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В качестве ориентиров развития системного подхода в психологии на сегодняшний день выступают две задачи: 1) построение на основе принципа системности предмета и 2) разработка системного метода познания психических явлений. Полнота и эффективность решения поставленных задач определяют уровень развития системных исследований в целом.

Строго говоря, изучение интегральных образований психики (либо их производных), выявление их состава, структуры, способов функционирования, иерархической организации и т.д. является скорее правилом, чем исключением. К такого рода объектам относятся поведенческий акт (П.К. Анохин), доминанта (А.А. Ухтомский), генеталы (К. Коффка), психологическая система (Л.С. Выготский), интегральная индивидуальность (В.С. Мерлин), интеллект (Ж. Пиаже), познавательная сфера (Д. Норвик), вербальный цикл (У. Найссер) и др. Особенности текущего этапа состоят в том, что наряду с организацией (структурой, уровнями) и функционированием целостных образований на передний план выдвигается изучение их символической и разнородной. Доминирующим оказывается генетическое направление системного подхода. В качестве ключевых рассматриваются вопросы конкретных механизмов порождения целостностей, соотношения стадий и уровней развития, его видов, критериев, взаимоотношений

актуального и потенциального в психическом развитии и т.п. (Барабанщикова, 2000; 2002; 2003; Идея системности в современной психологии, 2005; Барабанщикова, Носуленко, 2004; Системные исследования... 2006; Психологическая наука в России..., 1997; Принципы системности в психологических исследованиях, 1990).

Как известно, проблема психического развития занимает в психологии одно из центральных мест и имеет глубокое общепсихологическое содержание. К развитию способны лишь целостные образования, находящиеся в перекрестии системы детерминант. Поэтому обратной стороной психического развития выступает закономерное движение этой системы: изменение состава, структуры и способов детерминации психики и ее компонентов. При данном условии само развитие приобретает очертания органического целого, т.е. системы. Это позволяет более дифференцированно подойти к решению ряда фундаментальных проблем психологии и акцентировать не всегда выделяемые измерения детерминационных процессов: их динамичность, величину и опосредствованность. По этой линии проследовался, в частности, анализ психологии с опосредственностью (Шрагелин, Стенгерс, 2000; Хаген, 1960).

При изучении психического развития нередки случаи, когда исследователи пытаются установить некоторую универсальную детерминанту, якобы ответственную за этот процесс и обеспечивающую переход новообразования с одной стадии на другую. Действительная же картина психического развития оказывается более сложной. Любой результат развития (когнитивный, личностный, операциональный), достигнутый на той или иной его стадии, включается в совокупную детерминацию психического, выступая в роли внутреннего фактора, предпосылки либо опосредствующего звена по отношению к результату следующей стадии. Тем самым складывается новая ситуация, обеспечивающая возможность перехода на следующую ступень психического развития. По существу, динамика стадий (этапов, фаз, ступеней) развертывания психического отражает движение всей системы детерминант, которая непрерывно доопределяется в процессе развития и потому никогда не может быть предсказана полностью.

Целостные (интегральные) образования возникают, функционируют и преобразуются в процессе развития некоторой охватывающей системы, качествами которой они наделяются. Соответственно, развитие целостных образований может быть понято только в контексте законов развития порождающей системы (основания). Поскольку и субъект, и объект психической активности включаются в разные системы отно-

шений, развитие выступает как целостный процесс. Он выражает единства дискретного и непрерывного, стабильного и изменчивого, текущего и разрывного, репродуктивного и продуктивного, актуального и потенциального, необходимого и случайного, которые обеспечиваются лишь определенным соотношением (мерой) таких детерминант. В нем можно выделить уровни (микро-, мезо-, макро-) организации, качественно различные ступени или этапы, сферы ведущего основания и ключевых детерминант.

С точки зрения системного подхода психическое развитие не только многостороннее, но и многовариантно. В рамках одного процесса различные психические образования (свойства, функции) развиваются неравномерно и имеют собственную «траекторию движения». Новая система (качество) может возникнуть как в результате интеграции, так и дифференциации целостных образований (их функций). Источником же развития оказываются противоречия между разными измерениями, уровнями организации, свойствами или функциями одного и того же целого. Психическое развитие представляет собой полиморфный процесс, включающий прогрессивные и регрессивные качественные преобразования, возможность стагнации и тупиковых линий движения. Это не только рождение нового, но и трансформации или же разрушение неадекватных форм психической организации и поведения человека. Источник развития, пути, средства и формы его осуществления носят системный характер.

Еще одна черта современных исследований — акцентуация оснований интегративности и целостности психических явлений. Эта тенденция связана с усилением субъективного подхода к анализу психики (С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Бруцлинский), в соответствии с которым и психические процессы, и деятельность (либо поведение, общение, игра) рассматриваются в конкретной отнесенности к тому, кому они принадлежат. Как показывает исследование, даже самый простой психический акт представляет собой акт конкретного субъекта жизни и включен в общий контекст его развития. Субъект выполняет роль сторожа, или интегрирующего звена, объединяющего различные проявления (компоненты, модальности) психики и уровни ее организации. Анализ субъекта, следовательно, открывает возможность выявления механизма образования и развития целостностей и оказывается определяющим для системного исследования психики. Очевидно, что в рамках системного подхода субъект также должен рассматриваться как дифференцированное многостороннее целое (система).

Онтологически (конкретно) *покойный субъект* выражает основу многообразных отношений человека к действительности. Вступая в эти отношения, индивид не просто подчиняется действительности — воплощает в ней самого себя. Реальность разные отношения, один и тот же индивид оказывается субъектом разных жизненных проявлений, в частности, восприятия, мышления, эмоциональных переживаний, общения, деятельности, и реализует соответствующие функциональные возможности (свойства, качества, роли и т.д.). Человек как субъект способен распоряжаться собственными ресурсами и благодаря этому строить отношения с действительностью. Активность, самодетерминация, саморегуляция, самосовершенствование — ключевые характеристики субъекта жизни (Абульханова, 1973; Брушлинский, 1994; Проблема субъекта в психологической науке, 2000; Психология индивидуального и группового субъекта, 2002).

Анализ субъекта заставляет впервые обратиться к еще одной реальности — к *объекту* жизнедеятельности. Чаще всего его отождествляют либо с эмпирическим объектом (вещью, событием), либо со стимуляцией. При таком понимании индивид (или группа) оказывается изначально «отрезанным» от условий своего существования и развития и, как показывает исторический опыт, никакие логические умозрения не способны обеспечить затем их внутреннего единства. Объект, или совокупность обстоятельств жизни и деятельности человека представляет собой функциональное целое, которое включает не только элементы (свойства, вещи, события) и отношения среды, но и самого субъекта жизнедеятельности, объединяющего их в систему. Подобное единство человека и его среды известно в психологии как «ситуация» или «мир» (Левин, 2000; Рубинштейн, 1973; Мадриасон, 1981). В отличие от среды в любых ее формах, объект-ситуация (объект-мир) противоречив и парадоксален: включая в себя субъекта, он одновременно противопоставит ему; одной его стороной является условия жизни, другой — их отражение человеком, включенным в ситуацию. Ситуация (мир) оказывается и сложнейшей системой детерминант активности субъекта, и, одновременно, результатом этой активности. Без анализа объекта (выделения его образующих, структуры, норм и правил, которым он подчиняется, уровней организации, динамики и т.п.) невозможно ни понять содержание психических феноменов, ни охарактеризовать субъекта и формы его активности. Хотя представления об объекте активно используются в рамках прагматологического и средового (экологического) подходов в психологии, проблема объекта как системы ждет своего решения.

Ситуация складывается на основе разнородных элементов среды (физико-географической, экологической, социальной) как целостности, соотносимая с интересами, требованиями и возможностями субъекта. При этом активным оказывается не только человек, но и элементы его окружения: они могут быть «враждебными» (противостоят или мешать субъекту), «дружественными» (содействовать субъекту, его намерению), или нейтральными. Соответственно, и способы разрешения ситуации оказываются различными, принимая вид борьбы, сотрудничества или сосуществования.

Жизнь человека соткана из ситуаций, в которые он вовлечен с первых секунд самостоятельного существования и в которых он не только реализуется, но и развивается. Ситуации чрезвычайно разнообразны по содержанию, способам разрешения, роли в личностном развитии и в жизненном пути. Они имеют как реальные, так и виртуальные способы организации, принадлежат различным сферам бытия, могут неожиданно прерываться или оставаться принципиально неразрешенными. Ситуация редко выступает в чистом виде: это всегда клубок событий разного уровня, разного времени жизни, разного содержательного и смыслового наполнения. При этом каждая ситуация предполагает особую позицию субъекта, соответствующий опыт, пути и способы выхода из нее. Остается удивляться универсальности и гибкости человека, его способности планомерно и достаточно успешно справляться с грузом многочисленных забот.

Ситуация – это «атмосфера» субъекта, наполняющая его жизнь предметным содержанием и смыслом. Поэтому анализ любого психологического феномена с необходимостью предполагает выход за его собственные границы и то объемлющее целое, в котором он возникает и развивается. Деятельность, общение, игра, учение – суть способы разрешения ситуаций, которые не только стереотипно повторяются, следуя естественному течению жизни, но могут радикально меняться и требовать новых подходов и оригинальных решений.

И субъект, и объект жизнедеятельности органически взаимосвязаны и выступают как компоненты одного и того же феноменного бытия, или события жизни, включаемого психическое явление в единстве с условиями их существования и развития. Данная система может иметь различное содержание, способ организации, масштаб (микро-, мезо-, макро-), подчинена определенной логике развития. По существу, это и есть онтологическое основание психического как системы. Понятие события позволяет выделить как бы типичные характеристики психических явлений – целостность и развитие, выходя из

в естественный поток жизни. Изучение законов движения подобных систем, их развития, взаимосвязей, координаций и трансформаций представляется одной из центральных задач психологической науки (Варбавицков, 2002).

Долгое время онтология психических явлений относилась к проблемам «второго плана» и нередко отдавалась на откуп смежным дисциплинам – физиологии, социологии или информатике. Исследователей больше интересовал психологический аспект – механизмы и способы отражения действительности в познании человека. Сегодня становится все более очевидным, что без учета способа существования психических явлений, их бытия психологическое знание остается принципиально неполным, а в практическом отношении – весьма ограниченным. Обращение к онтологической парадигме является необходимой предпосылкой разработки системно-генетического представления о познании.

В рамках рассматриваемого подхода то или иное психическое явление открывается исследователю (и должно быть изучено) в нескольких ракурсах. Во-первых, в контексте определенного фрагмента бытия, в который включен данный индивид либо группа, т.е. ситуации. Здесь лежат основания предметного содержания и динамики изучаемого феномена. Во-вторых, с точки зрения субъекта определенной формы активности. Здесь изучаемое явление берется в единстве внутренних условий своего существования, образующих равномодальное целое (в его состав входят: мотивационно-ценностный, когнитивный, диспозиционный, рефлексивный и другие компоненты). В-третьих, в плане той модальности психического, к которой непосредственно принадлежит изучаемое явление. Здесь фиксируется специфика и уникальность феномена, который выступает как сторона или элемент унимодального целого. Таким образом, в каждом из ракурсов исследователь имеет дело с разными (хотя и связанными друг с другом) интегральными образованиями, а действительная природа явления реконструируется путем синтеза его различных «проекций».

Из вышесказанного вытекают главные требования к системному методу исследования познания: а) чувствительность к интегральным (системным) качествам изучаемой реальности и б) возможность внутреннего света (соприкосновения) выделяемого плана (измерения) с другими планами (измерениями) объекта познания.

С этих позиций далеко не каждое изучение даже системных модулей психического оказывается системным. Например, классическая процедура исследования микротестами чувствительного образа (Ланге,

1893; Klugh, Smith, 1970) не может быть благоговорно отнесена к системным методам потому, что вырывает изучаемое явление из контекста реальной жизнедеятельности субъекта и ограничивается искусственно выделенным фрагментом (пусть и очень важным) целостного перспективного процесса. Микроанализ чувственного образа рассматривается здесь «с нуля», так, будто бы до его возникновения с воспринимающим субъектом ничего не происходило, и заканчивается появлением некоторого устойчивого (зрелого) состояния. Что происходит с образом (а также с субъектом восприятия) потом, когда он уже выполнил свою функциональную роль, остается загадкой. С точки зрения системного подхода микроанализ восприятия должен быть исследован как система, включающая полный цикл жизнедеятельности чувственного образа: его возникновение, становление, функционирование и преобразование, а это требует более адекватных теоретических представлений и методических средств (Барабанников, 2002).

Методологическая квалификация исследования как системного связана в первую очередь с характером постановки научной проблемы и, следовательно, с организацией его предметного содержания. Все определяется тем, рассматривается ли это содержание в качестве целостного образования или нет. В эмпирическом исследовании системный объект всегда выступает перед исследователем опосредствованно. Фиксация наблюдаемых характеристик объекта необходимо дополняется предположением о его системной организации и развитии, а это требует специальной методологической работы.

В зависимости от поставленной задачи один и тот же предмет может изучаться и как системный, и как несистемный. Если, например, необходимо выявить черты характера человека, то можно обойтись традиционными средствами психологического анализа; если же требуется установить структуру характера, то без привлечения системных представлений не обойтись. Отметим, что использование традиционных (несистемных) средств исследования не означает обращения к чему-то устаревшему и неэффективному. Эти средства и адекватны, и эффективны там, где требуется описать сложный предмет и разложить его на части (свойства, функции, способности, процессы и т.д.). Хотя исторически такая задача повсюду в науке достаточно рано, она сохраняет свое значение и по сегодняшний день.

В настоящее время собственный арсенал системных технологий психологической науки и практики очень скромный, а его развитие представляет собой непростую исследовательскую задачу. Главная трудность состоит в том, чтобы изучать то или иное явление, не теряя

(не обрубая), а учитывая его системные (интегральные) качества, связи с другими явлениями жизни и деятельности субъекта, целостный характер его развертывания во времени и разнородность организации. Это условие предвещает разработку концептуальных схем, позволяющих интегрировать эмпирические данные, методы исследования и понятия, принадлежащие к разным научным парадигмам. Их появление открывает возможности новых путей движения в теоретическом пространстве предмета.

Таким образом, на данном этапе развития психологической науки и практики наиболее привлекательным и многообещающим предметом исследования выступает системогенез психики и разнообразных ее проявлений. Движение в этом направлении позволяет более тесно увязать психические процессы, свойства и состояния с характеристиками субъекта, акцентировать внимание на процессуальной стороне, усилить тот аспект исследований, который ведет к интеграции психологического знания.

ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЙ

Признавая несомненные достижения психологической науки, практики и образования в ушедшем столетии, трудно все же согласиться с утверждениями, что человечество иступает в «психологическую эру», а XXI в. станет «веком психологии». На сегодняшний день замечание В.И. Вернадского остается всего лишь метафорой, лысиной самолета бию психологов и подогревающей их исследовательский энтузиазм. Предстоит сделать еще очень многое, чтобы красная форма наполнилась глубоким научным и практическим содержанием.

Обычно «веком» той или иной области знания, например, «веком физики», «веком химии» и т.п. называют столетия, в которых совершались принципиальные открытия, в частности, формулировались фундаментальные законы, утверждавшие новый способ мышления и влиявшие на организацию жизни общества в целом. С этой точки зрения XXI в. представляется «веком биологии и информационных технологий» — т.е. тех дисциплин, которые стоят на пороге крупных достижений и радикальных перемен. Сегодня есть все основания ожидать, что и та, и другая области знания окажут существенное влияние на психологию, создав предпосылки фундаментальных открытий в будущем. Более того, психология сможет эффективно проявить свой

научно-практической потенциал внутри биологии и информатики, решая задачи этих наук. Обратим внимание, что именно в этих дисциплинах системный подход получил наибольшее распространение.

Нельзя недооценивать и общего влияния на развитие психологии физической наук. Физика как феномен культуры, а не только как область познания знания, создает и поддерживает атмосферу научности, определяет представления о предназначении науки и типе ученого, формирует мировоззренческий климат жизни. В физическом способе познания находят отражение существенные черты современного стиля мышления, который остается непоколебимым, несмотря на прерывающиеся возрастающие объемы социо-культурного познания и гуманитаризацию жизни в целом.

Расширение и углубление междисциплинарных связей психологии является одним из наиболее мощных факторов ее развития. Это касается и гуманитарных наук, которые также находятся в поиске предмета и метода, периодически погружаясь в кризисные состояния. Значительное, хотя и не решающее влияние на развитие психологии могут оказать религия (особенно по линии практического опыта), искусство и литература, которые несут целостный взгляд на человека, а по глубине раскрытия внутреннего мира личности и способам воздействия на него существенно опережают академическую науку и строящуюся на ее основе общественную практику. Изображение человека средствами искусства и литературы является идеалом, конечной целью, напоминанием, а иногда и увещанием научной психологии и рациональному познанию как таковому. В этом ключе большие ожидания связываются с развитием собственной практики психологии (исламопрактики), пытающейся учитывать целостность человеческой индивидуальности. Несомненно, что роль психологического знания в постиндустриальном обществе, к которому движется человечество, будет монотонно возрастать, а темпы дифференциации психологической науки – по крайней мере, не уменьшаться. Прогрессирующая глобализация общественной жизни (экономики, политики, финансов, коммуникаций, здравоохранения и др.) с необходимостью утверждает системный способ мышления и отношения к действительности.

Вряд ли кто-либо сегодня всерьез отважится предсказывать судьбу направлений в том более отдельных школ. Можно обсуждать лишь наиболее общие требования к науке XXI в. И условия их выполнения. С точки зрения логики ее предшествующего развития, будущее – за теми течениями, которые, раскрывая определенные свойства, связи и отношения психического, смогут осуществить синтез равномерного

знания и преодолеть односторонность (монотецентризм) в рассмотрении своего предмета. Будущее — за системно-ориентированной, критично-рефлексивной наукой.

Глубинный смысл методологических кризисов, перманентных в психологии, заключается в неспособности науки охватить равнокачественные основания психических явлений одной системой понятий. Методологическая и теоретическая разобщенность исследователей, усиленная высокими темпами дифференциации и гетерохронностью развития психологического знания, остается благодатной почвой не только для редукционизма и эклектики, но и для псевдонаучных представлений о психике и человеке в целом. Крайним выражением разобщенности психологии выступает противостояние естественнонаучной и гуманитарной (социо-культурной) парадигм. Соответственно, вопрос о выходе психологической науки из кризиса в значительной степени касается способов интеграции разнородного знания, его взаимопереходов и взаимовключений.

Хотя решение проблемы когерентности психологии во многом зависит от принимаемого типа рациональности, есть все основания ожидать, что «логика целостности» усилит и разовьет свои позиции. Особый интерес в этом плане представляют принципы *взаимовключения* и *дополнительности*.

Взаимовключение психических явлений — обратная сторона их взаимосвязи. Единство внутреннего мира человека оборачивается взаимопроизведением психических процессов, свойств и состояний. Это предполагает не хаос и беспорядочность включений, а их организованность в рамках и на «территории» локального целого — организованность, выступающую непререкаемым условием возникновения и развития конкретного психического явления. Соответственно, любое психическое образование носит двойственный характер. Оно выражает, одновременно и формирует психика (например, образ или понятие), и психику как таковую, обеспечивающую его существование. Конкретная модальность психического охватывается на все другие модальности, «втягивая» их в себя и распространяя на них свое влияние. Целое заключено в своей части. Принцип Аппенданцера «все состоит из всего», привлекающий внимание современной физики, сулит немало перспектив и психологии.

С данной точки зрения психические феномены не могут все рассматриваться как проявления интегральных образований (целостностей, молярных единиц), вписанных в контекст жизни. Только при этом условии они получают опору как во внешнем, так и во внутреннем

мире человека, выражает формы проявления и порождения бытия. Это, в свою очередь, открывает возможность на эффективного исследования, формирования, диагностики и коррекции.

На сегодняшний день «логика целостности» не может обойтись без «логики дополнительности». Рассматриваемый в широком значении принцип дополнительности (Н. Бор) предполагает многообразие не только феноменов, но и оснований психического. Имеются в виду разные измерения самой сущности феноменов, не сводимые в общем случае к противоречию сторон. Это означает, что выделяемые стороны достаточно самостоятельны, но не разобщены. Отсюда следует постнеклассический познавательный норматив, допускающий альтернативное описание объекта по отношению к *любой* его теории: поскольку теория призвана вырабатывать целостное представление об объекте, ее познавательная ценность как целостной теории всегда оказывается ограниченной. Подобная картина наблюдается не только в современной физике (Бойзенберг, 1987), но и в математике, предмет которой также начинает осваиваться как многомерный (Кляйн, 1984).

Представление о многомерности природы психического позволяет по-новому взглянуть на взаимоотношения альтернативных течений и парадигм. Дух конфронтации уступает место диалогу, новому пониманию истины и новому типу мышления, раскрывающему отношения между различными измерениями психического. Появляется возможность формирования иной методологической культуры и способов профессиональной работы психологов. «Единство в многообразии» — фундаментальное требование познания сложно организованных развивающихся целостностей (органических систем) — выступает как принцип сотрудничества, взаимопознания в связи научных традиций, теорий и практик, прошлого, настоящего и будущего психологии.

Проникновение идей системности в мышление психологов и конструирование на их основе новых задач, предметного содержания и методов психологического познания стало важным достижением философии и науки XX в. Оказавшись в благоприятной среде, эта идея не могла не получить своего развития. Есть все основания надеяться, что в XXI в. произойдет дальнейшее распространение системного подхода на специальные и прикладные области психологической науки, причем наибольший эффект можно ожидать при изучении комплексных (междисциплинарных) объектов. Существенно обогатится и расширится арсенал логико-методологических средств системных исследований. Упрочится значение системных идей в выработке стратегии психо-

логической науки и практики. Вместе с тем в общепсихологическом плане автономность (но не аффективность!) системного подхода будет все более ограничиваться полагающим его и стывающим с ним предметным содержанием науки. «Логика организмической системы» все чаще будет представляться как собственный механизм организации, развития и функционирования психики и поведения человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон К.А. О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973. 287 с.
- Алексеев П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.
- Барановская В.А. Системность чувственного восприятия. М.-Воронеж: МПСИ, 2000. 460 с.
- Барановская В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002. 512 с.
- Барановская В.А. Системная организация в развитии психики // Психол. журн. 2003. № 1. С. 29–46.
- Барановская В.А., Исуринский В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: ИП РАН, 2004.
- Бларберг И.В., Кудин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. 270 с.
- Бруновский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003. 270 с.
- Высокый Л.С. Психология развития как феномен культуры. М.-Воронеж: АПСИ, 1996. 512 с.
- Гейнберг В. Шаги на горизонте. М.: Мысль, 1987. 243 с.
- Идеи системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барановской. М.: ИП РАН, 2005.
- Клико С.П., Курдюмов С.М., Мезендер Г.Г. Сверхтеория и протоколы будущего. М., 1997. 173 с.
- Клод М. Утрата определенности. М.: Мир, 1984. 304 с.
- Колман В.Н. Познавательная система. М.: Наука, 1983. 374 с.
- Курдюмов Э.Д. Природа системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1980. 312 с.
- Ланге Н.Н. Психологические исследования. Записки восприятия. Теория внимания. Одесса: Психологическое общество, 1893. 432 с.
- Ланге К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 365 с.
- Лозов Е.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 445 с.

- Меньшик А.А. О самоорганизации систем: критический анализ // Психол. журн. 1998, № 4, С. 117–131.
- Параллель И., Спенсер В. Парадокс из плоти. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 310 с.
- Принципы системности в психологических исследованиях / Под ред. Д.Н. Замятшиной, В.А. Барабанщикова. М.: Наука, 1999. 184 с.
- Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.Н. Волошиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. 320 с.
- Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.Н. Волошиковой. М.: Пер Св, 2002. 368 с.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: ИП РАН, 1997. 576с.
- Рубинштейн С.Л. Витие и сознание. М.: АН СССР, 1957. 327 с.
- Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1973. 423 с.
- Савицкий В.В. Основы общей теории систем: логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 203 с.
- Системные исследования в общей и прикладной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова, М.Е. Рогова. Набережные Челны: Институт управления, 2000. 262с.
- Хаос Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 257 с.
- Giorgi A. Toward the articulation of psychology as a coherent discipline // A century of psychology as science. Washington: APA, 1992. P. 46–59.
- Koch S. The nature and limits of psychological knowledge: lessons of a century qua "science" // A century of psychology as science. Washington: APA, 1992. P. 75–97.
- Koffka K. Principles of gestalt psychology. N.Y.: Brace, 1935. 720 p.
- Koehn C., Smith G. Percept-genetic analysis. Lund: Gleerup, 1970. 217 p.
- Magnusson D. Wanted: A psychology of situations // Towards a psychology of situations and interactional perspective. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1981. P. 9–32.
- Magnusson D., Eerestad B. A holistic view of personality: a model revisited // Annual review of psychology. V. 44. 1993. P. 3–28.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО CONTRA ПЛЮРАЛИЗМ: ШКОЛА А.Н. ЛЕОНТЬЕВА ПРОТИВ СОВРЕМЕННОЙ ДИХОТОМИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИИ

Е.Е. Соколова

К проблеме путей выхода из методологического кризиса
(«системный плюрализм» – околоторон)

Если пригласить современных отечественных психологов участвовать в ассоциативном эксперименте, одним из ключевых слов которого будет слово «монизм», то у большинства испытуемых оно, скорее всего, вызовет негативные ассоциации (будет ассоциироваться с «давлением», «властью», «авторитаризмом», «тоталитаризмом», «марксизмом» и пр.). Слово «плюрализм», напротив, будет вызывать положительные эмоции и ассоциироваться со словами «толерантность», «демократия», «постнеклассический пафос рациональности», «постмодернизм» и т.п. Несомненно, существующее в современной отечественной психологической литературе отрицательное отношение к монизму и подчеркнутое обоснование необходимости методологического плюрализма является эмоциональной реакцией на ситуацию, сложившуюся в советской психологии, которая всегда заявляла о необходимости монизма, – об этом пишет, в частности, П.А. Мясоед (Мясоед, 2004). Однако подобный отказ от монизма наблюдается и в зарубежной психологии (и в гуманитарных науках вообще). Как отмечает один из современных исследователей, в мировой науке в сфере гуманитарных знаний уже с конца 50-х – начала 60-х годов

Работа выполнена в рамках исследования по гранту РГНФ (код проекта 04-06-00153а).

XX в. нарастало убеждение в том, что многие элементы традиционной профессиональной интеллектуальной деятельности, такие как «генерализирующая идея», «мнение большинства», «объективное знание» и другие, — не просто часть необходимой научности, а проявление и воплощение культуры «силы» в сфере интеллектуальной деятельности (см.: Кранков, 2001, с. 179–180), и потому от них необходимо отказаться. В 70-е годы XX в. это убеждение нашло свое отражение в концепции «знания–власти» французского постмодерниста М. Фуко. Согласно Фуко, именно власть организует получение и выведение знания, которое, в свою очередь, является опорой власти.

Парадоксальность современной ситуации в психологии состоит в том, что ее самой актуальной задачей, как отмечают методологи, является интеграция психологического знания (см., например: Мазлов, 2003; Юренин, 2004). Как же совместить интеграцию и плюрализм? Некоторым исследователям выход видится в интеллектуальном соединении разных подходов. Такую позицию занимает, например, М.С. Гусельцева, утверждая, что в современную эпоху, представляющую собой качественно новое состояние мира, полное неопределенности, неопределенности, фрагментарности и хаотических процессов, требуется постклассическая методология, которая, по ее мнению, предполагает отказ от методологического монизма и принятие «системного плюрализма» и сетевого принципа организации знаний, где каждая концепция связана с каждой и не отдается предпочтения ни одной из них (см.: Гусельцева, 2004, с. 98)²⁷. Другие авторы говорят о том, что магистральный путь развития психологической науки — ее построение как мультисурвентного образования с различными стандартами организации знания на разных уровнях (Кричевец, 2005). Так развиваемая психология неизбежно не может иметь единый предмет изучения и единый способ обращения с научными психологическими понятиями. Предлагается выделить три уровня («этажа») психологических исследований и практик. На первом (нижнем) уровне находится понятие и теории, трактуемые так, как это происходит в естественных науках, т.е. как соответствующие некоторым неизменным

²⁷ Впрочем, говоря о равной доступности отдельных подходов, М.С. Гусельцева все же пытается показать преимущество в истории психологии подхода «единство методологии дискурсов». В частности, она говорит о слитии дискурсов «сознания и действительности» в трудах С.Л. Рубинштейна, «растворения» противоречия между культурно-историческим и действительным подходами в рассуждениях о символе П.А. Флоренского и др. Однако «единство» подобного рода — это не допущение одного другим, а «спиралька» того и другого в третьем.

сущности в объективном мире (например, когнитивные конструкции «возбуждение нейронов», «зрительная стимуляция» и т.д.). Второй уровень — уровень гуманитарных теорий. Здесь человек рассматривается как развивающаяся система, как единичное, т.е. уникальное и неповторимое целое, которое можно лишь исследовать, а не объяснить. К третьему уровню относятся «психологические дискурсы» (которые, по мнению авторов статьи, имеют право называться теориями в минимальной степени), рассматривающие человека в перспективе вопросов о смысле его деятельности и бытия вообще. При этом приветствуется взаимодействие разных уровней (этажей) психологической науки, приводящее к «смешанным образованиям».

На наш взгляд, интеграция требует системности, которая, строго говоря, невозможна на основе «методологического плюрализма». Об этом, как известно, почти 80 лет назад писал Л.С. Выготский, предостерегающий психологов от интеллектуального соединения разных подходов: нельзя строить концептуальную работу в психологии, как «глобус» одной системы и приставить к ней «шпатель» другой, — требуется тщательнейшая «критика понятий» и преобразование скрытой за ними методологической основы. Спустя несколько десятилетий после Выготского, на закате своей жизни о существующем плюрализме в психологии с тревогой говорил А.Н. Леонтьев. Незадолго до кончины, собрав у себя дома сотрудников возглавляемой им кафедры, он резко раскритиковал столь модную ныне позицию «пусть расцветает все цветом» и выразил обеспокоенность тем, что отсутствие методологического единства и отставания «позиция факультета как школы» может привести психологов «в никуда», в беспредельное блуждание без каких-либо ориентиров.

Вслед за Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым мы настаиваем на том, что психология, если признавать ее наукой, требуется не системный плюрализм (на наш взгляд, это оксюморон), а системный юнлизм (то есть не «сетевой», а «стеральной» принцип организации знания)²⁸. А.Н. Леонтьев по этому поводу говорил в свое время, что психология должна расти не «из куста», а «из ствола». Сила интеграции с систематизацией (введением элементарного порядка в «психологическое хаотичество») подчеркивает в последнее время А.В. Юренич (2004). Эта

²⁸ Естественно, не следует понимать «юнлизм» упрощенно: он вовсе не предполагает односторонний принцип познания, — юнлизм вполне допускает существование системы взаимосвязанных процессов, элементов, единиц, единиц «субгенотипической» фактор, «дра» теории.

систематизации, на наш взгляд, требует сложнейшей методологической работы, предполагающей действительно критический анализ имеющихся концепций и понятий с целью не эклектического их объединения, а построения новой теоретической структуры психологического знания. Подобная работа может продолжаться не одно десятилетие, но сформулировать ее необходимость как сверхзадачу теоретиков и методологов психологии нам представляется совершенно необходимым. Этого требует даже не логика развития науки. Этого требует практика.

Приходящий к психологу-практику человек не эклектичен, а целостен (системен), и он вправе получить от психолога более или менее однозначное решение своей проблемы (или «наведение» на таковое). Между тем принадлежатели к разным школам психологи-практики могут решать одну и ту же психологическую проблему своего клиента прямо противоположным образом. Известный пример на данную тему приводит в своей книге «Иметь или быть?» Э. Фромм (Фромм, 1990, с. 270–271). Молодой двадцатичетырехлетний человек пришел на прием к психоаналитику с жалобами на то, что работа (он работает в фирме отца) не доставляет ему никакого удовольствия, он чувствует себя несчастным, ему трудно принимать решения. Все началось за несколько месяцев до окончания колледжа: он увлекся фанфиком и хотел впоследствии поступить в аспирантуру. Однако, поддавшись уговору от отца, занялся бизнесом, после чего все его проблемы и начались. Психоаналитик, основываясь на своих представлениях о сути данного конфликта, стал бы выстраивать дальнейшую жизнь этого человека в контексте примирения с отцом (поскольку увидел бы в конфликте лишь глубоко затаянный с детства антагонизм сына и отца, который необходимо устранить путем проникновения в его причины). Однако представитель экзистенциальной психологии, напротив, посчитал бы в этом случае необходимым помочь этому молодому бизнесмену построить его жизнь так, чтобы он мог свободно осуществлять свои стремления, перестав бояться отца. Таким образом, стратегии выхода молодого человека из жизненного тупика выстраиваются психоаналитиком и представителем экзистенциальной психологии прямо противоположным образом. Так что же делать этому человеку? Профессиональные практические психологи дают ему взаимоисключающие решения одной и той же проблемы. И он, скорее всего, пойдет к какому-нибудь житейскому психологу (другу, подруге, *сале Маше* и пр.), у которого нет подобного плюрализма, и который, может быть, гораздо лучше решит проблемы своего «клиента» — хотя бы и на уровне житейской психологии и здравого смысла.

Для целостного человека нужна столь же целостная (а не эклектичная, а системная) научная теория, которая была бы способна в научных познаниях отразить многомерность его конкретного существования. Таковой теории в психологии еще нет, но возможности построения подобной теории, как нам представляется, имеются. Однако подобной работой надо специально заниматься теоретикам и методологам психологической науки — кроме говоря, общим психологам. Аналогичная ситуация имеет место и в других науках, однако там склеивка в откровенном создании единой общенаучной теории гораздо меньше. Мы имеем в виду, например, ситуацию с созданием общей теории рака. Каких только гипотез (в том числе так или иначе эмпирически обоснованных) нет в онкологии по поводу причин и механизмов возникновения раковых заболеваний (известны, например, вирусная, тканевая, мутационная и другие гипотезы)! Однако подавляющее большинство теоретиков медицины не только не сомневается, что когда-нибудь будет создана общая теория рака, но и работает в этом направлении. Почему же психологи отказываются от работы по созданию столь же всеобъемлющей общепсихологической теории, способной вместе с онкологией изложить целостный архаика?

Многие психологи, вероятно, не премнут заметить, что психология — в отличие от онкологии — имеет дело с гораздо более сложной реальностью — человеческой душой, а не телом. Однако глубоко мыслящий онколог скажет, что он лечит не тело или тем более не большой орган, а целостного человека, и построение стратегии борьбы его пациента с болезнью невозможно без учета его психологии и образа жизни. И желая помочь такому больному, медик не может не размышлять о необходимости целостного, системного представления о человеке. Почему же и психологам не подумать о такой же системной работе в психологии и о возможном основании для объединения всех имеющихся точек зрения?

Не в последнюю очередь наведение элементарного порядка в психологической науке требуется входящим в нее новичкам, которые просто «тонут» в клокочущем психологическом плюрализме. Когда читал лекции по курсу «Введение в психологию», рассказывали, например, о том, как понимали предмет психологии в разных школах, как представляли себе сознание в интроспективной психологии, почему Л.С. Выготский считал это представление ограниченным и предлагал свои подходы к сознанию, не отождествляя с ним явления, изучаемые интроспективной психологией, и тому подобное, обязательно находил студентка или студент, который задает sacramентальный вопрос: «А как правильно?» Этот вопрос не столь бессмыслен, как

может показаться. На ранних этапах обучения психологии хочется получить более или менее однозначное представление о главных психологических проблемах. Психолог, отказываясь от работы над согласованием разных точек зрения на многомерную, но все же, как нам представляется, одну реальность, изучаемую множеством разных психологических школ (которые описывают ее в различных терминах и по-разному пытаются объяснить или понимать), рискует получить у входящих в психологическую науку (и практику) *кусочно-эпистемическое* представление об этой реальности.

Наконец, еще одним основанием для того, чтобы работать над построением единой общепсихологической теории, является для нас убеждение в том, что психология — при всем ее особом положении в системе наук²⁰ — является конкретной наукой (хотя, как говорил Л.С. Выготский, о «самом слове», что есть в мире) и поэтому механизмы ее развития должны быть аналогичны механизмам развития других дисциплин. Как ни красиво звучат слова о непарадигмальности (депарадигмальности, транспарадигмальности и пр.) психологии, магистральный путь любой конкретной науки — изложение оснований интеграции разных точек зрения на изучаемую ею реальность. Возможное основание интегративной работы в психологии видится нам в теории деятельности школы А.Н. Леонтьева, которая антидихотомична и антипифагористична по своей сути, при условии ее дальнейшей разработки. В следующих разделах нашей статьи мы постараемся это доказать. И начнем мы наш анализ с обсуждения чрезвычайно модной ныне темы — противопоставления естественнонаучного и гуманитарного подходов в психологии.

СНТИЗ ДИХОТОМИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И ГУМАНИТАРНОГО ПОДХОДОВ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЫ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Проблема различий между «естественнонаучным» и «гуманитарным» стала обсуждаться еще в конце XIX в. Пионером подобного разведения, как известно, выступил немецкий философ В. Виндельбадт, разделивший науку на «новотетические» (дихономиклагивондиг) и «идиографические» (описывающие «особенное»). Аналогичные идеи применительно к пси-

²⁰ Во многих существующих классификациях психология занимает центральное положение в системе наук.

психологи разрабатывал немецкий философ и психолог В. Дильтей, который различал объяснительную номотетическую психологию (должная под ней, прежде всего современную ему интроспективную экспериментальную психологию) и описательную идеографическую психологию (имеющую в качестве своего предмета целостную душевную жизнь, в том числе в ее высших проявлениях, недоступных экспериментальному изучению, методами постижения которых является описание и понимание душевной жизни в ее целостности, уникальности и смысловой связи с ценностями культуры).

В XX в. идеи двух психологий становятся очень популярной возможностью осуществления естественного и гуманитарного подходов, противоположаемых друг другу, обсуждается до сих пор. Рассмотрим, по каким возможным основаниям они разводятся мыслителями, придерживающимися подобной точки зрения. При этом мы опираемся на идеи М.М. Бахтина (см., напр.: Бахтин, 1979) и наши предыдущие работы (Соколова, 2003).

Согласно Бахтину, естественнонаучный подход к человеку предполагает рассмотрение его как «вещи», тогда как гуманитарный ориентирован на изучение человека как «личности». Это означает, что в первом случае игнорируется субъектность человека. Он рассматривается как пассивный объект нашего исследования, который мы можем изучать отстраненно, не вступая с ним в диалог, – более того, мы пытаемся устранить какие-либо влияния на испытуемого в процессе его исследования. При этом считается возможным предсказать поведение изучаемого человека, т.е. исследователь, ориентированный на естественные науки, в основном придерживается принципа причинного детерминизма. Главным предметом интереса такого исследователя являются «общие» законы существования «вещи» – уникальная неповторимость ее существования игнорируется.

Напротив, гуманитарно ориентированного психолога другой человек интересует как личность, то есть полноправный субъект, познать которого (раз он не безглазая вещь) можно только диалогическим путем. Этот субъект постоянно меняется, развивается (в том числе благодаря диалогам с ним психолога) и ведет себя весьма непредсказуемо. При этом в процессе нашего диалога с ним мы, как психологи-гуманитарии, не можем вывести за скобки себя как наблюдателя: в процессе взаимодействия с другим человеком, с другим субъектом мы так же изменяемся и развиваемся как субъекты. Наконец, в центре внимания психолога-гуманитария стоит не столько то, что роднит одного человека с другим (общее), сколько уникальное и неповторимое в личности.

Соответственно предмету различается и методология двух типов психологического познания. В естественнонаучной психологии преобладает объяснение (подведение наблюдаемого факта под общий закон), в гуманитарной как метод постижения субъекта предлагается познание. Причем под этим последним подразумевается не понятийное, рациональное познание, которое имеет место в естественно ориентированной психологии и естественных науках вообще (предполагающее также «подведение под общее правило»), а, как правило, познание как «чувствование», интуитивное схватывание уникального душевного склада другого человека. При этом подчеркивается, что, в отличие от монологического объяснения, познание всегда диалогично.

Следует также упомянуть, что если для естественнонаучной психологии более характерен принцип элементаризма (стремление расчленить изучаемую реальность на «элементы» как части целого и затем собрать из выделенных элементов целое), то для гуманитарно ориентированной психологии более характерен целостный подход, направленный на познание и описание душевной жизни во всей ее полноте, – так, как это представлено в описанных диалектиках души у великих писателей и философов²².

²² Надо отметить, что выделение двух стратегий научного познания характерно не только для психологии, но и для многих других наук. Отделявшееся еще древней философией и науковедом замечание, что в последние времена гуманитарной идеал научного познания (которому соответствует естественнонаучный и естественнонаучный идеал рациональности) постепенно вытесняет естественнонаучный тип мышления даже в естественных науках (см. Рубин, 2005). Некоторые исследователи выражают опасение, что наука может вообще потерять как особый способ освоения действительности, поскольку научная истина все больше и больше теряет общезначимость, приобретает зависимость от ценностей, целей, установок, интересов и пр. конкретного и широкого общества, становится по своему характеру и результатам в значительной мере конвенцией все больше напоминающей мифы, образы, метафоры, созданные человеком для решения личностных задач. Это точка зрения особенно отталкивает сторонников постмодернистского взгляда на мир. На наш взгляд, несмотря на изменение типа рациональности, наука все-таки остается как способ более рационального освоения действительности, чем искусство или религия. Как бы ни был заинтересован исследователя в создании отвечающей именно его потребностям и установкам «карты мира», она все же определяется не только этими потребностями или установками, но и законами мира, в который выделен и сам человек. Если все-таки обратиться к терминологии школы А.Н. Леонтьева, то можно сказать, что наука занимается построением и кодификацией сложившихся системных элементов как объективных способов познания и деятельности человечества в созданном им мире, условиях которых, индивид приобретает большую волю и свободу в осваивании этого мира, тогда как искусство и религия в большей степени имеют дело со символически структурированной жизнью человека.

Вышеуказанная дихотомизация психологии приводит к неразрешимой при данных условиях проблеме, которая со всей остротой оказалась была сформулирована В.П. Зинченко: как посредством единого языка описания совместить несоместимое — физиологию и душу?

В психологической теории деятельности школы А.Н. Леонтьева дихотомия «естественнонаучного» и «гуманитарного» исходно снята. По нашему мнению, обе стратегии исследования потому противостоят друг другу, что абсолютизируют какую-то одну сторону человеческой деятельности, которая, однако, всегда представляет собой единство субъекта и объекта, человека и мира. Естественно, что деятельность разных субъектов (животных разных видов, человека как индивида, социального субъекта и личности) и, соответственно, их психологии требует выделения разных единиц их анализа. Здесь мы рассмотрим лишь единицу анализа психологии человека на высшем уровне его развития — когда он становится личностью в самом узком смысле слова. В школе А.Н. Леонтьева в ряде работ (как самого создателя школы, так и его учеников и последователей) доказывалось, что наиболее адекватной единицей анализа на этом уровне является поступок (подробнее см. Соколова, 1999). Именно выделение в теории деятельности поступка в качестве единицы анализа личности позволяет снять поставленную В.П. Зинченко проблему разных языков описания человека как субъекта (к постижению которого стремится гуманитарный подход) и как объекта (доучаемого с позиций естественнонаучного подхода). При анализе поступка с позиций теории деятельности они вполне совмещаются, а точнее, превращаются в единый язык описания весьма сложной, многоуровневой, но все же одной реальности.

Определяемый как полемотивированное личностное действие, поступок требует для своего анализа выделения в специальном исследовании всех известных нам по работам школы А.Н. Леонтьева компонентов структуры деятельности, т.е. поступок можно анализировать «через призмы» деятельности, действия, операции и психофизиологических функций. Рассмотрение поступка через призму деятельности означает выделение и анализ лежащих в его основе мотивов. Анализ поступка через призму действия (подчиненного цели — осознанию предвосхищаемому результату деятельности) требует анализа реальных и идеальных целей, стоящих перед субъектом поступка. Не менее важную роль играют операционально-техническая сторона поступка (способы совершения действия в определенных конкретных условиях) и даже его «психофизиологическая» составляющая. Ведь

поступок осуществляется человеком, исходящим определенной телесной организации (конституция, особые свойства нервной системы и т.д.), и эта телесная организация вносит свой вклад в адекватную или неадекватную реализацию поступка.

Приемлемы ли при анализе столь разнородных составляющих поступка единые принципы, например, принцип детерминизма? В психологической литературе последнего времени (см., напр.: Крижакен, 2005; Улановской, 2005) появилась тенденция отказа от детерминизма в понимании выбора человеком оснований его свободного действия (каковым и является поступок), поскольку они зачастую не являются результатом усвоения культурно закрепленных смыслов, а выбираются личностью вопреки этим смыслам. На наш взгляд, последовательное проведение данной позиции означает отказ от научного объяснения способности человека совершить тот или иной поступок — она не может пониматься как результат «игры» неизвестных и не изучаемых наукой сил. Слишком сложная и велинейшая обусловленность совершения личностью данного действия вовсе не должна приводить к допуску индетерминизма в понимании поступка даже на самом верхнем уровне его анализа. В школе А.Н. Леонтьева с опорой на идеи Л.С. Выготского уже давно доказано, что индивидуально-неповторимая деятельность человека («реальная форма поведения») всегда имеет свои «надличностные образцы» («идеальные формы»), и человек совершает свой уникальный поступок всегда «в лоне предшествующих поступков» (М.К. Мазарданилин). Для изучения специфики этих образцов в разные исторические эпохи психолог может воспользоваться, например, известными трудами Ю.М. Лотмана (см., напр.: Лотман, 1994). Так, анализируя поступок жён декабристов, последовавших за своими мужьями в Сибирь, Ю.М. Лотман утверждал, что для подобного рода поступков в русской культуре уже существовали свои «образцы». Во-первых, следовали за мужем в Сибирь было вполне традиционной нормой поведения для простонародья, а в дореволюское время — для своей социальной бодр, что, кстати, вовсе не рассматривалось как подвиг. Во-вторых, в неслыханное время многие дворянки, будучи женами офицеров, следовали за своими мужьями в отряды, участвовавшими в военных походах.

Однако образец является лишь «приглашающей к развитию силой» (В.П. Зинченко), т.е. наличие в культуре образца еще не означает присвоения этого образца конкретным индивидуом. Психология поэтому стоит перед проблемой научного исследования механизмов подобного присвоения. На наш взгляд, одним из таковых является

«эстетизации» совершаемого другим поступка в произведениях литературы и искусства. Так, свою политическую биографию приобрел подвиг Н.И. Раевского в войне 1812 г.: охотничивать можно даже слова умеряющими (реакция им произнесенные или приписанные ему читателями его деяний), которые могут повториться с восторгом и упоением в детской, где в сюжетно-ролевых играх и происходит усвоение стоящих за поступком ценностно-нравственных норм, и вспоминаются в подростковом возрасте, когда ребенок ищет точку опоры для совершения уже своего уникального поступка. Особая роль искусства в своеобразном «программировании» будущих поступков обуславливается тем, что подлинное искусство, согласно А.Н. Леонтьеву, всегда ставит «задачи на смысл» и предлагает читателю либо конкретные пути («образы») их решения, либо побуждает к соответствующему смыслостроительству. Особенности процесса трансляции смыслов зависят также от используемого транслятором языка. Один и тот же поступок, будучи по-разному «именован», может сыграть прямо противоположную роль в «культурном строительстве» и воспитании (ср. «равведа» – «эпивока»).

Психологу осталось решить еще одну научную задачу – повять на основе биографических исследований, как именно и когда произошла трансляция «образовых» смыслов и их индивидуальное приспособление данным конкретным человеком. Часто говорят о том, что большую роль в этом процессе играет Его Величество Случай (случайно попала в руки книга, стал неожиданным свидетелем подвига другого и пр.). Однако в психологии давно известно, что «внешние причины действуют через внутренние условия» (С.Л. Рубинштейн). Одна и та же случайность может оказать совершенно разное влияние на человека в зависимости, например, от сформированной у него ранее, в предыдущей деятельности готовности воспринять возникающую в книге информацию и т.п. Одним из впечатляющих примеров тому является реальный случай, происшедший с В. Франклом, столетие со дня рождения которого недавно отметили психологи разных стран мира. Решая экзистенциальную проблему: уехать из Австрии, оккупированной гитлеровцами, остаться без поддержки родных, или остаться с родными в Вене, рискуя погибнуть, Франкл колебался до тех пор, пока, придя домой, не увидел подобранный его отцом обломок стены разрушенной гитлеровцами синагоги. На нем сохранился текст, имеющий отношение к заповеди: «Чти отца своего...». Именно это обстоятельство помогло Франклу принять окончательное решение: остаться в Вене со своими близкими и разделить их судьбу.

Обратимся теперь к самому низшему уровню анализа поступка — к обеспечивающим его реализацию физиологическим механизмам. В отличие от высшего (смыслового) уровня поступка, детерминация этих механизмов признается всеми исследователями без исключения. Однако многие из них отрицают необходимость изучения данных механизмов для понимания поступка. Между тем в деятельностной психологии школы А.Н. Леонтьева и в неклассической физиологии Н.А. Бернштейна прекрасно показана диалектическая связь между «психологической» и «физиологической» составляющими поступка. По мнению А.Н. Леонтьева, разные мотивы, лежащие в основе поступка, могут «настраивать» и различные физиологические механизмы. Согласно Н.А. Бернштейну, важнейшим фактором, определяющим характеристики движения (в том числе его амплитуду), является двигательная задача, которая имеет свое физиологическое представительство, но поставлена перед субъектом его жизнью в мире объектов. С другой стороны, физиологические процессы, не являясь причиной поступка, могут поставить определенные границы «свободе» человека при его совершении (так, например, в случае опасности человек с так называемыми слабыми нервными процессами может впасть в запрещенное торможение и стать неспособным к активным действиям).

Таким образом, поступок представляет собой многомерную и многоуровневую реальность, системно описываемую на языке психологической теории деятельности, в рамках которой снимается дихотомия естественнонаучного и гуманитарного подходов, препятствующая интегративной работе в психологии.

ПСИХИКА КАК ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ФУНКЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СНИТИЕ ДИХОТОМИИ МЕЖДУ ВНУТРЕННИМ И ВНЕШНИМ

Разведение естественнонаучной и гуманитарной парадигм — не единственный вариант современной дихотомизации психологической науки. Многие авторы говорят о существующих в психологии разрывах между прошлым и настоящим, между исследованием и практикой (Юренич, 1999), а также о не исчезающем до сих пор (хотя и не столь остро, как в предшествующие времена) противостоянии основных «базовых» психологических идеологий — таких, как бихевиоризм, когнитивизм и психоанализ (см.: Юренич, 2004, с. 39). В настоящем разделе статьи мы рассмотрим еще одну дихотомию — противо-

ставление «внутреннего» и «внешнего». Несмотря на то, что данная проблема возникла очень давно — с момента появления психологии как науки о сознании в XVII в., — она до сих пор однозначно не решена. Мы рассмотрим попытку снятия данной дихотомии в школе А.Н. Леонтьева, развивая попутно устойчивый миф о соотношении данных категорий в деятельностном подходе.

Как известно, для так называемой классической психологии сознания была характерна дихотомия «внешнего» (предметов и процессов внешнего мира) и «внутреннего» (явлений и процессов сознания), которые не имели между собой (в соответствии с интроспективной установкой) ничего общего (об этом когда-то говорил еще Декарт) и тем не менее были связаны следующей простой связью: как только происходит воздействие на респонсорные аппараты субъекта, тут же возникает «ответ» на данное раздражение в виде субъективных явлений (это, как известно, называется «постулатом непосредственности» в психологии). Постулат непосредственности был характерен и для бихевиоризма, несмотря на существенное изменение в нем предмета психологии. Соответственно, предполагалось выявить закономерную и непосредственную взаимосвязь каких-либо объективно констатируемых параметров внешних раздражителей, с одной стороны, и свойств субъективных элементов сознания (в интроспективной психологии) или реакций как столь же элементарных составляющих поведения (в бихевиоризме), — с другой.

Надо отметить, что эта схема в свое время сыграла большую роль в повороте психологии от умозрительной «науки о душе» к эмпирической психологии сознания, потому что душа изначально была тем самым таинственным «посредствующим звеном», которое невозможно было познать научными средствами (ведь на те или иные раздражители души отвечала «как котела»). Поэтому введение постулата непосредственности было важнейшим шагом к победе в психологии, как и в любой другой науке, принципа детерминизма, хотя форма этого детерминизма, воплощенная в схеме «стимул — реакция», была еще механистической, то есть для психологии примитивной. Именно примитивность механистического детерминизма заставляла многих исследователей осознать принципиальную недостаточность постулата непосредственности. «Неудовлетворительность этой схемы — писал А.Н. Леонтьев, — заключается в том, что она исключает из поля зрения исследования тот содержательный процесс, в котором осуществляются реальные связи субъекта с предметным миром, его предметную деятельность... (нем. *Tätigkeit* — в отличие от *Aktivität*).

Такая абстракция от деятельности субъекта оправдана лишь в узких границах лабораторного эксперимента, имеющего своей целью выявить элементарные психофизиологические механизмы. Достаточно, однако, выйти за эти узкие границы, как тотчас обнаруживается ее «несостоятельность» (Леонтьев, 1975, с. 75–76).

Осознание принципиальной недостаточности постулата непосредственности даже высвало в конце XIX – начале XX в. обратное движение «назад к духу» – представителями этого движения были, например, в Германии Лейпцигская психологическая школа, в России – Л.М. Лопатин, С.Л. Франк и др. Предпринимались и другие попытки найти опосредствующие звенья между стимулом и реакциями (как субъективными, так и объективными). По этой линии, например, пошло развитие бихевиоризма в направлении необихевиоризма, в котором вводилось понятие промежуточных переменных (когнитивные карты, потребности и др.). В психоанализе таким опосредствующим звеном выступали те или иные бессознательные процессы, в гуманистической школе психологии установки – установка.

По мнению А.Н. Леонтьева, введение понятия промежуточных переменных, несомненно, обогащает анализ поведения, но оно вовсе не снимает упомянутого постулата непосредственности, поскольку промежуточные переменные представляют собой лишь состояния субъекта и потому противопоставленность субъекта и объекта все еще имеет место (даже с учетом «обогаченного» субъекта). Главная же проблема состоит не просто в поиске опосредствующих звеньев, а в том, где именно нужно искать эти опосредствующие звенья: в мире замкнутой в себе субъективности или же в реальных отношениях субъекта психических явлений с миром, которые «размыкают» замкнутый круг этих явлений и устраняют существовавшую в психологии дилемму: объективный, существующий независимо от субъекта мир, изучаемый одними методами, и субъективный «внутренний» мир психических явлений, который открыт лишь субъекту сознания и поэтому должен изучаться якобы совершенно иными средствами, а для этого нужно изменить двучленную схему анализа другой, в которой данная противопоставленность субъекта и объекта somehow бы устранилась. Это было сделано в «трехчленной» схеме Леонтьева, где опосредствующим связь субъекта и объекта «звеном» выступала человеческая деятельность. Однако в данном случае слово «звено» кажется нам чрезвычайно неудачным (хотя оно использовалось и самим Леонтьевым), ведь деятельность – это вовсе не то, что просто «вставляет» между двумя другими звеньями (субъектом и объектом), а то, что объединяет

их в единое целое. В действительности и происходит переход объекта в его субъективную форму, в образ, вместе с тем в действительности совершается также ее переход в объективные результаты, в ее продукты. Действительность, таким образом, есть реальная и конкретная связь субъекта и объекта, это процесс, в котором осуществляются взаимоотношения между полюсами «субъект – объект».

Действительностный подход в психологии, следовательно, предполагает совершенно иной взгляд на происхождение образа мира человека, который всегда интересовал психологию как науку. Образ мира субъекта не определяется автоматически окружающими условиями среды и заданными генетическими программами, а обусловлен жизнью субъекта в среде, его действительностью в ней. Таким образом, человек не стоит перед миром как реактивный аппарат, он активно строит отношения с ним благодаря разнообразной деятельности, и в его образе мира фактически отражается не мир как таковой, а опыт общения субъекта с миром посредством деятельности (некоторые аспекты подобного «конструктивного отражения» мира субъектом рассмотрены ниже в последнем разделе настоящей статьи). Как мы видим, именно деятельность является формой, в которой осуществляется двусторонний процесс интериоризации (превращение внешнего во внутреннее) и экстерниоризации (превращение внутреннего во внешнее).

Однако суть процесса интериоризации в варианте школы А.Н. Леонтьева часто понимается неадекватно. Так, например, в докладе на Междисциплинарном семинаре факультета психологии МГУ 12 ноября 2003 г. профессора И.Н. Ильцова, названного им «Интериоризация как объяснительный принцип теории деятельности А.Н. Леонтьева», были озвучены следующие тезисы:

- 1) психическое порождается внешней деятельностью в процессе интериоризации и является дериватом внешней деятельности;
- 2) психика сама является разновидностью деятельности;
- 3) структура психики (психики как внутренней деятельности) изоморфна (в основных своих чертах) структуре внешней деятельности, из которой она произошла.

Нетрудно заметить, что «ядром» этих положений является отождествление психической и внутренней деятельности. Между тем осуществленный нами ранее анализ различных работ представителей школы А.Н. Леонтьева (см., напр.: Соколова, 2003) привел нас к прямо противоположному выводу – о разведении (не восп-

да, впрочем, отчетливом¹¹) в этой школе понятий «внешнее» и «внутреннее». В своем докладе И.И. Нильсов настаивал на том, что вышеперечисленные представления о сути интериоризации он не один раз слышал в выступлениях самого А.Н. Леонтьева и что их также можно найти в известных текстах Алексея Николаевича. Другими словами, данные представления об интериоризации не раз были опубликованы (в устных и письменных текстах). Однако мы не должны забывать, в какое время подобные тексты создавались: представленные для публикации работы в советское время всегда проходили отбор и цензуру, а потому в них, на наш взгляд, оказался искаженным сам «дух» деятельностного подхода в пользу «буквы» – общепринятых официальных установок идеологизированной философии, которая называла себя марксистской, а на самом деле не была таковой в подлинном смысле слова. «Дух» же деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева – настолько революционный, что он действительно не вписывался в утвердившееся в официальной литературе догмы, – был представлен в этих работах, не предназначенных для печати в дневниках, записках для себя, в материалах устных выступлений в кругу соратников и друзей и т.п. Особую роль играют в этом отношении материалы «домашней» научной дискуссии 1969 г., которая состоялась в доме у А.Р. Лурия. В ней приняли участие А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин, В.П. Зинченко. Стенограммы сохранившихся в записях выступлений были впервые опубликованы в 1990 г. (Деятельностный подход в психологии..., 1990) и совсем недавно – в переиздании книги А.Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» (см.: Леонтьев, 2004, с. 363–338). По нашему мнению, в наибольшей степени «дух» деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева при решении ею проблемы интериоризации выражен в выступлениях на этой дискуссии Д.Б. Эльконина. В нем совершенно отчетливо разводится понятие «внешняя деятельность» и «внутренняя деятельность». К этому выступлению наиболее примыкают опубликованные совсем недавно выдержки из научных дневников Д.Б. Эльконина (Эльконин, 2004).

¹¹ Это особенно касается творчества П.Я. Гальперта, который в ряде своих статей говорил о превращении внешней «интеллектуальной» деятельности в деятельность внутреннюю, личностную. В то же время в «домашней» дискуссии 1969 г. (о ней см. выше) он подчеркивал необходимость разведения понятий «внешнее» и «внутреннее», определяя понятие «внешняя деятельность» (подробнее см.: Дискуссия в проблемах деятельности..., 2004).

В упомянутой дискуссии 1969 г. Д.Б. Эльконин обращает внимание присутствующих на пронашедшее в ходе разработки деятельностного подхода смешение двух проблем, которое до той поры не было оторефлектировано: разделение двух форм деятельности — внешней, практической, и внутренней, теоретической — смешалось с разведением в каждой форме деятельности ее исполнительской и ориентировочной частей. «Мы представляли себе дело так, — говорил Эльконин, — что мы имеем дело с так называемой умственной деятельностью, деятельностью в образах, посредством логических операций, т.е. таким образом "психической", т.е. *всюду умственную деятельность мы представляли себе как внутреннюю деятельность* и главным образом думали в то время над отделением ее от этой внешней практической деятельности, пытались вымыслить ее возникновение... в свете того, что мы сделали за последние годы, мне представляется это положение исправленным» (Дискуссия о проблемах деятельности..., 2004, с. 137). Оно было верным, замечает далее Эльконин, тогда, когда представители школы А.Н. Леонтьева, борясь с идущим еще от Декарта дуалистическим противопоставлением внешнего как «внутреннего» и практической деятельности как «внешнего», пытались показать генетическое единство двух видов деятельности — внутренней умственной и внешней практической. Однако на данный момент, считает Эльконин, отождествление внутренней умственной деятельности с внешней практической является важной методологической ошибкой.

Впрочем, сам Д.Б. Эльконин не раскрывает подробно, каковы могут быть последствия такой ошибки. Нам представляется, что одним из таковых может быть неадекватное понимание самой сути деятельности, которая была главным объектом исследования в школе А.Н. Леонтьева. Отождествление понятия с внутренней деятельностью приводит к невозможности адекватного ответа на критику деятельностной концепции со стороны других школ и направлений в психологии, в частности, школы С.Л. Рубинштейна. В одной из своих последних работ С.Л. Рубинштейн (надо отметить, совершенно справедливо) писал: «Всякая внешняя материальная деятельность человека уже содержит внутри себя психические компоненты (явления, процессы), посредством которых осуществляется ее регуляция. Нельзя, сводя действие человека к одной лишь внешней исполнительской ее части, вовсе забыть на внешней практической деятельности человека ее психические компоненты и вынести "внутренние" психические процессы за пределы "внешней" человеческой деятельности — как это сознательно или бессознательно, явно или неявно

делается, когда утверждают, что психическая деятельность возникает в результате интериоризации внешней деятельности. На самом деле, интериоризация ведет не от материальной внешней деятельности, лишенной внутренних психических компонентов, а от одного способа существования психических процессов — в качестве компонентов внешнего практического действия, — к другому способу их существования, относительно независимому от внешнего материального действия» (Рубинштейн, 1969, с. 253–254).

Очевидно, что Рубинштейн был бы абсолютно прав в своей критике концепция школы А.Н. Леонтьева, если бы психическое понималось в ней действительно тождественным внутреннему. Но приведенных нами ранее положений доклада И.И. Ильина следует, что это вроде бы так. Однако Ильин резко протестовал против понимания психической деятельности как внутренней деятельности, возникающей в результате интериоризации. Он определяет психическую деятельность как ориентировочную часть и практической, «внешней», и умственной, «внутренней», деятельности (см.: Леонтьев, 2004, с. 329). При этом, по его же мнению, нельзя также говорить о том, что в результате обратного интериоризации процесса — экстериоризации — психическая деятельность превращается в какой-либо «внешний» продукт культуры или техническое средство. Педагогическая деятельность вообще не имеет какого-либо экстериоризированного продукта подобного рода — ее продуктом является лишь ориентировочная сфера, то есть «само движение исполнительной части», а именно упорядоченность и логика внешней практической деятельности (там же).

Правота С.Л. Рубинштейна в критике суженого понимания психической деятельности в школе А.Н. Леонтьева (при условии ее отождествления с внутренней) не означает, однако, что позиции двух оппозиционных школ при решении проблемы природы психического сближаются. Когда Рубинштейн говорил о совершенно необходимом включении во внешнюю деятельность психических компонентов, он считал психическим процессом **недеятельной** природы, — по его мнению, психика есть активность, основной функцией которой является отражение мира как такового, мира как объективной реальности. В школе А.Н. Леонтьева в подобной позиции усматривался отказ от деятельностного материализма К. Маркса и, напротив, функцией деятельности всегда считалась психика. По мнению ее представителей, в силу деятельностной природы психики в образе мира (как одной из ее инстансий) отражается не мир как таковой, а его смысл для субъекта, определяемый его деятельностью в мире.

Если психика является функцией деятельности субъекта в мире объектов, то деятельность — субстанцией психического. Таким образом, ни в какой форме кроме деятельности психика не существует. В силу этого при интериоризации психика лишь меняет форму своего существования, а не возникает в результате этого процесса. Психика как функция деятельности появляется, вообще говоря, одновременно с деятельностью, которая исконно существует лишь во внешне-практических своих формах.

Выше мы говорили, что позиция Д.Б. Эльконина больше соответствует «духу» деятельностного подхода, а не его «букве». Между тем внимательный анализ последних работ А.Н. Леонтьева, где по большей части представлены канонические положения деятельностного подхода, заставляет думать, что и в них этот дух присутствует, — более того, нет в них тех идей, которые считаются «буквой» этого подхода. Нам, в частности, не удалось найти в книге «Деятельность, Сознание, Личность» четко прописанного положения о тождественности психической и внутренней деятельности. Когда А.Н. Леонтьев говорит о «размыкании» круга внутренних психических процессов как бы навстречу объективному предметному миру (Леонтьев, 1975, с. 72), о признании им тождественности психического и внутреннего мира бы свидетельствовать запятая между терминами «внутренних» и «психических». Между тем ее нет, и на последующих страницах говорится вовсе не о соотношении внешне-практической и «внутренней, психической» деятельности, а о соотношении внешней и внутренней деятельности вообще. Таким образом, и у самого А.Н. Леонтьева нет четко прописанного утверждения о том, что в результате интериоризации из, якобы, психической внешне-практической деятельности возникает внутренняя, психическая. В одном лишь месте рассматриваемой книги нам удалось найти уточняющую запятую между понятиями «внутренняя деятельность» и «деятельность сознания» (см.: Леонтьев, 1975, с. 71). Однако и в этом случае речь шла о критике понятия сознания в интроспективной психологии, которая рассматривала явление сознания исключительно как внутреннее образование. Напротив, в школе А.Н. Леонтьева всегда стремились показать, что сознание имеет в качестве своей субстанции деятельность, а это означает, что сознание (и психика вообще) является функцией деятельности как в ее внешних, так и внутренних формах, причем эти последние возникают в результате интериоризации первых. Таким образом, психическое (в том числе сознательное психическое) не

возникает в результате интерпретации, – оно всегда является функцией какой-либо формы деятельности субъекта, и поэтому ее характеристики меняются в зависимости от свойств соответствующей ему (дисциплинарному) деятельности «субстанции», которая первоначально действительно представлена в своей «внешней» форме. Поэтому завершаем мы данный раздел нашей статьи словами Д.Б. Эльконина, которые выражают эту мысль в краткой афористичной форме: «Надо познать саму психическую деятельность как внешнюю. Это единственный путь ее изучения. Надо снять с нее мистические покровы!» (Эльконин, 2004, с. 32).

ПСИХИКА КАК СМЫСЛ

СНЯТИЕ ДИХОТОМИИ «ОТРАЖЕНИЯ» И «КОНСТРУКЦИИ»

В последнем разделе нашей статьи мы затронем еще одну активно обсуждаемую в последнее время проблему – соотношение отражательной и конструктивистской парадигм в психологии. В настоящее время базовая метафора отражения, которая лежала в основе многих ответственных психологических концепций, подвергается суровой критике. Так, в одной из своих недавних работ В.Ф. Петренко (Петренко, 2004) говорит о том, что эта метафора, сыгравшая позитивную роль в решении А.Н. Леонтьевым проблемы эволюции психики, стала тормозом развития психологии, так как содержит элемент вторичности, реактивности психики. Поэтому автор указанной статьи обосновывает необходимость конструктивистской парадигмы, согласно которой психология как гуманитарная наука, по преимуществу, сама конструирует изучаемую ею реальность и, в частности, порождает конструкты расширяющегося сознания. Подтверждая идею о том, что для психологии наиболее продуктивен гуманитарный путь, М.С. Гусельцева полагает, что принцип отражения должен быть дополнен принципом искажения действительности, иначе, по ее мнению, за пределами психологического анализа останутся все феномены человеческого творчества (см.: Гусельцева, 2004, с. 93).

Нам представляется, что в деятельностном подходе школы А.Н. Леонтьева с самого начала содержалось диалектическое «снятие» в этой дихотомии, разрешение противоречия между «отражением» и «искажением». Если понимать психику как смысл, т.е. как процессы и результаты смыслового отражения реальности, осуществляется

в процессах деятельности субъекта и посредством нее⁴², вопрос о противопоставлении двух парадигм (отражательной и конструктивной) снимается. Ведь смысл, как подчеркивал А.Н. Леонтьев в «Методологических тетрадах», не есть категория самой действительности, являясь абстрактно, отвлеченно от субъекта, но она не является и категорией чисто субъективной. Это субъективно-объективная категория. Отражая мир посредством деятельности, а значит, на смысловом уровне, субъект получает знания о мире: настолько объективные, насколько это необходимо живущему в нем и взаимодействующему его субъекту, и настолько субъективные, насколько это помогает данному субъекту с его потребностями, усредненными и целыми строить свою жизнь в взаимодействующем мире. О смысловом характере психики говорил еще Л.С. Выготский: назначение психики состоит вовсе не в том, чтобы зеркально отражать, а в том, чтобы субъективно искажать действительность в пользу организма. Действительность и является аппаратом такого смыслового искажения мира и средством конструирования потребной субъекту картины (образа) мира.

Мы настаиваем на том, что любое психическое явление может быть рассмотрено как форма существования или результат смыслового отражения мира субъектом посредством его деятельности в этом мире. В последние годы в психологической литературе, говоря о смысле, в основном имеют в виду человеческие (личностные) смыслы. Между тем мы не должны забывать, что уже на самых первых ступенях филогенетического развития психическое отражение (искажение) действительности имеет смысловой характер. Первые элементарные ощущения отражают не собственно абiotического раздражителя, как это иногда утверждается, а его (биологический) смысл для субъекта. Если выразиться еще точнее, ощущение есть переживание субъектом биологического смысла абiotического раздражителя (который открывается субъекту лишь в его деятельности), а не отражение физических свойств стимула как таковых. Так, к примеру, собака обычно не реагирует на запах наркотических веществ (молекулы пахучего вещества лишь раздражают ее обонятельные рецепторы, т.е. отражаются на физиологическом уровне, но психического – смыслового – отражения абiotического раздражителя еще нет, поскольку при данных условиях

⁴² Именно это и пытался сделать А.Н. Леонтьев, главным образом, в рамках своей работы – в частности, в недавно опубликованном (Леонтьев, 2003) постскрипуме к ВПСУП, подготовившемуся в 1937г., и в «Методологических тетрадах», составленных на рубеже 30-х и 40-х годов XX в. – их первую публикацию см. в Леонтьев, 1994.

оно не имеет смысла для субъекта, обладающего этими рецепторами). Однако при построении у собаки специальной деятельности по наложению наркотических веществ с соответствующими «наградами» удачный поиск запахи отдельных наркотиков начинают ощущаться животным, поскольку приобрели для него биологический смысл награды. Поэтому, заметив в скобках, А.Н. Леонтьев, рассматривая проблемы развития психики, подчеркивал активность и пристрастность (и тем самым конструктивность) психики даже на элементарном сенсорном и перцептивном уровнях ее развития, то есть, строго говоря, не использовал метафору реактивного («зеркального») отражения.

Таким образом, если любые психические явления выступают смысловыми конструкциями, психологической науке следует стремиться к построению многоуровневой системы исследований этих конструкций у разных субъектов (например, у животных различных видов, у человека как вида, социального субъекта и личности). И эта многоуровневая система вовсе не предполагает различных стандартов организации знания на разных уровнях («этажах») психологической науки, отсутствия единого предмета исследования и единого способа обращения с научными понятиями, как утверждают некоторые современные психологи. Категория «смысл» (которая, в свою очередь, неопределима от категории «действие») вполне может послужить основой интегративной работы в научной психологии и тем самым противостоит ее дихотомизации (разделению) или идеалистическому объединению естественнонаучного и гуманитарного, отражательного и конструктивистского подходов).

При рассмотрении смысловой природы психики возникает еще одна важная проблема, затрагивающая возможность научного исследования этой реальности. На одном из секционных заседаний состоявшейся в Москве 19–21 мая 2005 г. Международной конференции «Проблема смысла в науках о человеке: к 100-летию Виктора Франкла» часто звучала мысль о том, что наука о смысле невозможна, ибо смысл невыразим в каких-либо научных понятиях (Дульнев, 2005, с. 113), а постигается лишь как «категория жизни» благодаря ее «начальной и имманентной трансценденции» (В. Дильтей). Категория жизни, — утверждает вслед за В. Дильтейем В.В. Архангельская, — вырастает из жизни и оказывается «встроенными в ее осуществление» и потому всегда ситуативны (Архангельская, 2005, с. 100). Здесь мы опять возвращаемся к рассмотренной выше дихотомии естественнонаучного и гуманитарного в психологии, выраженной в других терминах. Говоря словами А.Н. Леонтьева, речь идет теперь о противопоставлении «значений» и «смыслов».

На наш взгляд, отказ от научного изучения смыслов равнозначен отказу от научной психологии вообще, поскольку, как мы говорили только что, любое психическое явление имеет смысловую природу. Парадокс заключается в том, что в психологической науке ученому требуется рационально (то есть на уровне значений) познать чужие смыслы. Как мы видели, многие психологи высказывают убеждение, что это вообще невозможно, так как мы все находимся в оболочке своих смыслов, и в лучшем случае познание (точнее: понимание, постижение) другого человека возможно лишь через их прямую. Таким образом, никаких объективных критериев «точности» познания этого Другого нет.

Подобная позиция является одним из вариантов чрезвычайно распространившихся в последнее время в психологии и других гуманитарных науках постмодернистских идей невозможности объективного знания о чем-либо. В частности, постмодернисты настаивают на равноправном существовании самых разных — в том числе прямо противоположных — исторических, психологических (в любых иных) интерпретаций текстов и при этом не требуют от данных интерпретаций каких-либо обоснований, кроме констатации «неповторимого истолкования» исследователем того или иного текста, которое может определяться даже не идеологически, а эстетически (см.: Тома, 2000, с. 173). Поскольку поведение человека тоже можно рассматривать, как утверждал еще Ю.М. Лотман, в качестве текста, постольку заранее предполагается плюрализм смыслового прочтения «поведенческих текстов». Это прекрасно вписывается в бурно развивающуюся в современной России психологическую практику, плюралистичную по своей сути. Однако, на наш взгляд, при таком подходе терзается грань между действительно научно обоснованными формами практической психологии и «симптоматической» терапией верофиксированных «практиков», существование которой в нашей стране напрямую определяется дремучей психологической безграмотностью населения.

В школе Л.С. Выготского—А.Н. Леонтьева уже в 20–30-е годы XX в. понимали опасность абсолютизации субъективной призрачности психологического исследования и психологической практики. Более того, даже рассматривая человека в неклассических традициях как «говорящее бытие» (М.М. Бахтин), в его конкретной деятельности, связывающей противопоставление «объективного и субъективного», в указанной школе настаивали на необходимости строго научного изучения психологии человека. Это означало не игнорирование возможности субъективно-пристрастного его рассмотрения, а исследование

источников данной призрачности, которые коренятся, в частности, в идеологии. Уже тогда десидеологизация маркируется как возможной философской основы научной психологии, столь ярко заявленная Л.С. Выготским в «Историческом смысле психологического кризиса» как одна из главных задач методологов, наметила пути выхода из неправомерно идеологизированной (и потому призрачно-смысловой) психологической науки (по сути, агитпушки).

По нашему мнению, свобода интерпретации, как и любая свобода вообще, всегда имеет свои исторически обусловленные ограничения. Мы не должны забывать о строгой культуре научного исследования, которая, несомненно, изменяется со временем, однако всегда опирается на традиции, ограничивающие произвольность толкования. Не могу не привести замечательные слова Ю.М. Лотмана, сказанные им по поводу культуры вообще, однако, на мой взгляд, вполне применимые и к культуре научного исследования: «С чего начинается культура? Исторически – с ограничений... и людям, угнетенным своей серостью или своей социальной униженностью, очень хочется сбросить все это, и тогда появляется толкование свободы как полной свободы от ограничений. Это и есть ханжество» (Лотман, 2002, с. 3). Другой вопрос, что в гуманитарных науках объективность надо понимать иначе, чем в естественных науках. Здесь можно сказать спасибо постмодернизму за то, что они обозначили действительно имеющуюся в гуманитарных исследованиях любого типа проблему невозможности оторвать факт от его интерпретации, которая зависит в том числе от смыслов постигающего этот факт субъекта. Но постмодернисты абсолютизируют субъективность и многозначность прочтения текстов, тогда как это прочтение – каким бы субъективным оно ни было – исторически обусловлено целым комплексом разных факторов, и данную обусловленность надо, как бы это ни было сложно, пытаться вскрыть в объективных исследованиях, отрефлексировав свои смыслы и в известном отношении отделившись от них.

Примечательно, что даже в искусстве (которое, вообще говоря, в отличие от науки, занимается трансляцией смыслов, а не значений) возникает подобного рода задача. Как отмечает современные представители школы Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьев, прокиевание искусства открывается реципиенту только при условии его временного отказа от своей уникальной личностно-пристрастной позиции в мире, сличения с позицией художника, взгляда на мир его глазами (Леонтьев Д.А., 1998, с. 22). Парадокс художественного восприятия заключается в том, что «столько отделившись от восприятия произведения через прямую

множ. смыслов, и оказывается в состоянии обогатить свои смыслы теми, которые заложены в произведении автора» (там же). Перефразируя это очень важное для психологии искусства высказывание в контексте релятивной психологией задач понимания поведенческого текста, можно сказать, что только отказавшись (временно) от своей «правды», от своих смыслов, я смогу попытаться понять смыслы этого текста, т.е. его «правду». Известно также, что русский актер М. Штейнман определял существо актерской игры как отказ от себя (т.е. отказ от своих смыслов с целью понять и выразить смыслы изображаемого им персонажа). Подобного рода задача ставится и наукой, которая, как система с постоянкой, должна совершать рациональный анализ используемых в научном исследовании методов и различать их объективно-беспристрастное операциональное содержание, с одной стороны, и смысловое наполнение (обусловленное мотивами и целями ученого), с другой.

Известно к этому прибывали, на наш взгляд, психологов Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев уже на рубеже 20-х и 30-х годов XX в.; в более поздние время в указанной школе были разработаны научно обоснованные методы влиять объективного исследования смысловой сферы личности. Задача «рационально понять иррациональное» («поверить значимыми смыслами») не всегда должным образом решается, на наш взгляд, в современной столь же идеологизированной (как и в советское время) психологии. Только теперь идеологическое наполнение психологии (особенно психологической практики) определяет другая идеология — рыночная. Самый распространенный тип личности, по Э. Фромму во второй половине XX в. (и, добавим, до сих пор) — как раз рыночный тип, который говорит всякому, кто готов его купить: «Я таков, каким ты хочешь меня видеть». Поэтому, на наш взгляд, сохраняется актуальность требования наших великих соотечественников: психология, как и любая наука, должна стремиться к объективности, что вовсе не исключает деятельного характера психологического познания и его смыслового наполнения (пристрастности). — важно всегда рефлектировать используемые в науке методы с точки зрения очень трудного, но необходимого отделения в психологическом познании значений от смыслов. Как и способы познания и возможного изменения мира (и человечества как его части), значения могут наследоваться и использоваться новыми поколениями людей в известном отношении независимо от породивших их смыслов (в стоящих за ними мотивов). — так обеспечивается преемственность научных традиций и кумулятивный характер психологического знания.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьевская В.В. Смысл как «история жизни» и путь к феноменологической психологии // Проблема смысла в науках о человеке (К 100-летию Виктора Франкла). Материалы Международной конференции (Москва, 19–21 мая 2005 г.). М.: Смысл, 2005. С. 100–101.
- Баткин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Братусь В.С., Крыжовик А.И., Урбанов В.В. Многоотраслевая психология. Учебный проект // Ученые записки кафедры общей психологии. Вып. 7 / Под ред. В.С. Братуся, Е.Е. Саволовой (в печати).
- Гусельникова М.С. Методологические предпосылки и принципы развития культурно-исторической психологии // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марининой. М.: Смысл, 2004. С. 82–101.
- Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы / Под ред. В.В. Давыдова, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во АПН СССР, 1990.
- Деятели и проблемы деятельности // Деятели А.И. Деятельность, Сознание, Личность. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. С. 303–338.
- Кранце В.И. Трансформация оснований профессионализма исторического языка в современном историографическом процессе // Образы историографии. М.: РГГУ, 2001. С. 173–198.
- Крыжовик А.И. Внутренние условия развития и психофизиологическая проблема // Вопросы психологии, 2005, № 1. С. 3–18.
- Крыжовик А.И. Многомерная психология. Учебный проект // Мир психологии, 2005, № 3. С. 218–233.
- Леонтьев А.И. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Леонтьев А.И. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004.
- Леонтьев А.И. Становление психологии деятельности: ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Саволовой. М.: Смысл, 2003.
- Леонтьев А.И. Философия психологии. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. М.: Смысл, 1998.
- Ломан Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994.
- Ломан Ю.М. Искусство дает опыт неслучившегося // Новая газета, 2002, 4–6 марта 2002. С. 5.
- Лордкидзе О.В. Необратимость изменений в научной психологии при постановке проблемы смысла жизни // Проблема смысла в науках о человеке (К 100-летию Виктора Франкла). Материалы Международной конференции (Москва, 19–21 мая 2005 г.). М.: Смысл, 2005. С. 113–116.
- Маслова В.А. Методология психологической науки. Ярославль, 2003.
- Маслов П.А. Психология в аспекте теории научной рациональности // Вопросы психологии, 2004, № 6. С. 3–18.

- Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 71–87.
- Резан В.М. Типы и дискурсы научного мышления. М.: Издательство УРСС, 2000.
- Рубинштейн С.Л. Проблемы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1939.
- Семанов Е.Е. Нурн А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единстве анализа личности и ее смыслах для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии (школы А.Н. Леонтьева). М.: Смысл, 1999. С. 80–117.
- Семанов Е.Е. К проблеме непротиворечивого определения предмета психологии в школе А.Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2003. № 2. С. 32–49.
- Семанов Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. 4-е изд. М.: Смысл, 2003.
- Тыш Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М.: Вильямс, 2000.
- Хавеланд А.М. Сверхреалистическая метафора сознания // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2005. № 1. С. 17–29.
- Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
- Шмаков Д.Б. Выдержки из научных дневников (1964–1962) // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 9–22.
- Крюков А.В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Крюков А.В. Состав и структура психологического знания // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марджановской. М.: Смысл, 2004. С. 37–60.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕТАСИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.В. Карпов

Как известно, в настоящее время вокруг системного подхода как методологического принципа психологических исследований сложилась достаточно неоднозначная и противоречивая ситуация. Более того, общая тональность его оценок все активнее приобретает негативную окраску, отражающую инстинктивный скепсис в отношении его эвристических возможностей. В связи с этим достаточно значимой в методологическом плане является задача специального анализа сложившейся ситуации и определение возможных перспектив выхода из нее. В данной работе мы предприняем попытку решения указанной задачи, которая, в свою очередь, предвещает необходимость ответа на следующий, основной вопрос: отражает ли данная ситуация объективную логику развития психологического познания или является своего рода «методологической aberrацией» и индикатором некоторых скрытых явлений? Имеет ли системный подход будущее и, если да, то каковы его контуры?

Безусловно, сложившаяся ситуация имеет многофакторную обусловленность, она порождена целым комплексом причин, некоторые из них хорошо и давно известны — они как бы «лежат на поверхности», другие же имеют более инвизидный характер и нуждаются в специальном анализе. Так, к числу первых можно отнести следующие основные причины:

1. Подмена адекватной трактовки системного подхода именно как методологического подхода его неадекватной трактовкой как *метода* исследований. В результате этого он превращается как недостаточное средство (а в действительности — квазидостаточное) для организации

и проведения конкретно-научных исследований. Это не приводит, как правило, к получению конструктивных результатов, что, в свою очередь, стимулирует развитие негативного отношения к нему.

2. Недостаточная методологическая культура исследований, в которых предпринимались попытки реализации принципа системности. В результате они приобретали достаточно поверхностный характер, а системный подход, реализующийся (точнее — квазиреализующийся) в них, дискредитировал сам себя.

3. Несколько, а потому — неадекватная, а лишь частичная, так сказать, «парциальная» реализация системного подхода. Часто в исследованиях реализовывалась лишь какой-либо его отдельный аспект (причем нередко — в достаточно корректной форме). Однако весь арсенал методологических средств и истинный потенциал данного подхода оставался все же нереализованным.

4. Абсолютно неаправомерное применение системного подхода по отношению к проблемам, которые не только не требуют этого, но и могут быть более эффективно решены иными методологическими и методическими средствами. При этом нарушался одно из основных методологических требований, согласно которому любая теория и любой подход должны иметь свою меру обобщенности, свою сферу действия. В результате этого достаточно часто проводились исследования, которые Л.С. Выготский в свое время охарактеризовал как приращение «методологического пальца» к «экспериментальной тутовнице»; широкое распространение получило явление «системного редукционизма».

Следует подчеркнуть, что все отмеченные выше причины связаны не столько с «дефектами» самого системного подхода, сколько с ошибками в его применении. Между тем, сводить детерминацию современного состояния системных исследований только к ним было бы недопустимым упрощением. На наш взгляд, существует еще одна группа причин, имеющих более имплицитный и вместе с тем более принципиальный характер. Они связаны не с «ошибками применения», а с недостаточным уровнем развития самого системного подхода. Системный подход — в его современном виде — не есть нечто «полностью сформировавшееся» и «окончательно развившееся»; напротив, значительно более конструктивным является, по нашему мнению, его трактовка как развивающегося принципа. В силу этого многие недостатки, проявившиеся в ходе его реализации, должны быть восприняты не как порожденные его сформировавшимися оплошностями, а как обусловленные недостаточным уровнем его развития.

В связи с этим необходимо сформулировать проблему, которая является основной и критически значимой для методологической рефлексии принципа системности, а также для определения перспектив его дальнейшего развития. Может ли быть развит и усовершенствован сам системный подход (а не только способы его применения) по отношению к его нынешнему состоянию? Если да, то как именно? Содержатся ли в нем самом определенные внутренние предпосылки и условия для его дальнейшего развития? При этом не только не исключено, но, напротив, очень вероятно, что его дальнейшее совершенствование *будет* носить отягощенный «косметический» характер, а потребует достаточно существенной его трансформации.

Безусловно, все эти вопросы чрезвычайно сложны и требуют большого комплекса специальных методологических исследований. Показательно, что именно к ним, так или иначе, приводит наиболее серьезные современные попытки развития системного подхода. Это, например, введение понятия «полисистемности» (Завалишина, 1995, с. 32–42); обобщение «межсистемного» подхода (Болшков, Костин, 1996); комплексное методологическое развитие базовых положений системного подхода в работах В.А. Барабанщикова (Барабанщиков, 2004); попытки синтеза базовых положений системного подхода с основными положениями синергетики (Крылов, 1998; Хакин, 1980; Пригожин, 1985); разработка новых версий системного подхода с точки зрения недавно возникшей дисциплины – метасистем (Айвербарт и др., 2002).

Ниже мы предпримем собственную попытку рассмотрения некоторых из этих вопросов, предельно четко осознавая тот факт, что современный уровень представлений в данной области допускает возможность лишь предварительного и по необходимости пилотажного ответа на них.

Есть основания допустить, что дальнейшее развитие системного подхода возможно при условии более полного, точного и адекватного учета им важнейшей, фундаментальной и основополагающей категории особенностей систем – особенностей их структурной организации. В этом плане необходимо, на наш взгляд, обратить особое внимание на очень важное «системное понятие» (в соответствии, на реальность, обозначаемую им) – понятие *мезосистемного уровня*. Уже в ранних работах по общей теории систем (Берталанфи, 1974) данный уровень дифференцируется от иных уровней и указывается, что метасистемный уровень является не только высшим, но и «открытым». Это, в частности, означает, что через него система взаимодействует

с иными системами и развивается в таком взаимодействии. Вместе с тем приходится констатировать, что понятие метасистемного уровня явно «не повсюду» в плане внимания к нему и, соответственно, в плане степени его изученности. Это, конечно, в значительной степени способствовало его сложности, противоречивости, а в чем-то — даже парадоксальности. Прием эта противоречивость и двойственность заложена даже в самой этимологии понятия «метасистемный»: оно указывает на то, что некая сущность (в данном случае — уровень) принадлежит системе, а лежит вне ее. Но тогда возникает вопрос: где же «на самом деле» локализуется данный уровень? Обычно принимается второй из указанных вариантов, причем в упрощенной форме, когда понятие метасистемности фиксирует лишь факт включения той или иной системы в иные системы более высоких порядков (т.е. в метасистемы), а также ее взаимодействия с ними. Такая, повторюсь, упрощенная трактовка, по моему мнению, не исчерпывает собой всей сложности и специфики понятия метасистемного уровня и тем более никак не объясняет его, а лишь отражает тривиальный факт взаимодействия системы и метасистемы.

Развитию представлений в области системной методологии может способствовать также исследование довольно своеобразного феномена, который можно обозначить как «парадокс высшего уровня системы». Его суть заключается в следующем. С одной стороны, высший уровень в иерархической организации любой системы, находясь внутри нее, но не исчерпывая ее содержание (по определению), является тем самым частью этой системы. Это координирующая, решающая, доминирующая и пр., но все же именно часть системы. Она осуществляет координирующие, организующие и управляющие функции по отношению к остальным частям системы. С другой стороны, любая система (в особенности — сложная) может быть эффективно организована лишь в том случае, если ее «координирующий и управляющий» центр имеет в качестве своего объекта не какую-либо часть системы, а всю ее, все ее содержание — в том числе, разумеется, и все уровни, включая и высший. Тем самым, складывается внутренне противоречивая ситуация, при которой высший уровень системы должен входить в ее состав, но одновременно быть как бы «вне» и «над» ее, точнее — «над» ней. Это, впрочем, достаточно давняя и традиционная трудность, попытка преодоления которой приводит, например, к выделению в той или иной системе некоторой «управляющей суперсистемы» (которая, однако, сама нуждается в «верхнем управлении»), в результате чего возникает типичная ситуация «дурной бесконечности». В психологии

эта же трудность является в конечном итоге главной причиной появления «идеи гомункулуса». На наш взгляд, наиболее естественным, хотя и недостаточным радикальным способом снятия указанного парадокса может быть предположение, согласно которому в самом содержании систем (и тем числе – и психики) может существовать такой уровень, который одновременно является и ее собственным уровнем, и уровнем, выходящим за ее пределы (метасистемным), т.е. в определенном смысле локализованным вне ее¹².

Итак, можно предположить, что раскрытие природы метасистемного уровня может способствовать дальнейшему развитию принципа системности. Вместе с тем, повторим, это понятие остается до сих пор одним из самых противоречивых, «неприятных» и отчасти даже парадоксальных. Эта парадоксальность связана, прежде всего, с тем, что метасистемный уровень, рассматриваемый как принадлежащий той или иной системе, и, более того, трактуемый как ее «вышший и ведущий» уровень (по определению), обычно не включается в состав и содержание этой системы, а локализуется вне ее в плане ее взаимодействий с более общими целостностями – метасистемами. В рамках исторически сложившихся, традиционно закрепившихся и ставших своего рода аксиоматическими, «каноническими» представлений в данной области предпочитают «не замечать» (для сохранения концептуального комфорта) эту противоречивость и парадоксальность понятия метасистемного уровня. Вместе с тем, как следует из вынесенного, эти представления не только могут, но и должны быть существенно уточнены, а частично – и скорректированы. Без такой коррекции вряд ли возможно развитие самого системного подхода в целом.

Сущность этих «канонических» представлений может быть резюмирована следующим образом. При изучении некоторого объекта с позиций принципа системности в нем дифференцируется ряд иерархически соподчиненных уровней. Кроме того, система характеризуется двумя классами взаимодействий – внешне- и внутрисистемными. Первые обеспечивают ее включенность в контекст более общих по отношению к ней систем, обозначаемых понятием метасистем. Эти взаимодействия составляют содержание, своего рода «ткань» ме-

¹² На первый взгляд, данное предположение может показаться не вполне обоснованным и даже неправдоподобным. Но будем, однако, обращаться с осторожностью и кводою, говоря, например, о том, какую роль сыграла в психологии еще менее очевидная в свое время предположение о наличии «определяющего строения» (Алексн, 1978).

тасистемного уровня. Они, а следовательно, и сам метасистемный уровень, по определению, представлены потому и так чтобы «экстрасистемном» плане. Иначе говоря, эти представления фиксируют, в основном, факт существования взаимодействий системы с более общими метасистемами и их определяющую роль для функционирования самой системы. В связи с этим возникает вопрос о корректности и универсальности, о «всобщности» указанных представлений, об их достаточности для характеристики всего многообразия существующих систем в целом и вонюнка в частности.

По моему мнению, для того, чтобы попытаться ответить на сформулированный выше вопрос, сто целесообразно намеренно акцентировать и сформулировать в следующем виде. Является ли положение о том, что метасистемный уровень может локализоваться только вне самой системы, всеобщим и универсальным для всех типов реально существующих систем? Или же такая «экстрасистемная» локализация является хотя и наиболее типичной и распространенной, но все же частной, а не общей закономерностью организации систем?

Предпринимая попытку ответа на данный вопрос, мы считаем необходимым подчеркнуть следующее. Вся история развития психологии, ее наиболее общие положения, а также сама атрибутивная природа психики указывает на существование базового и фундаментального, а не исключено, — и наиболее общего принципа ее организации. Более того, этот принцип является настолько общим, его проявления и воплощения настолько многообразны, а сам он настолько «примичен и обычен», что подробно раскрывать его нет необходимости, а достаточно лишь указать на его смысл: внешняя объективная реальность как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, получает в ней своего рода «душевое» существование в виде субъективной реальности, в форме так называемого «отраженного» (если пользоваться традиционной терминологией). Эта субъективная реальность может принимать очень разные формы, она может по-разному обозначаться и трактоваться в плане ее механизмов, структур и процессов, но сам факт ее существования неспорно и неоспорим¹⁴. В психологии существует очень много понятий для обозначения этой реальности, а также ее разновидностей, форм, аспектов, проявлений и т.д. Приведем лишь некоторые из них: «внутренняя информация», «связанная

¹⁴ Более того, как известно, степень его общности и очевидности даже выше, нежели очевидность существования объективной реальности, что послужило основанием для целого ряда философских направлений и доктрин.

«ментальные репрезентации», «когнитивные схемы», «знания», «образ мира», «внутренний мир», «модель-ситуации», «субъективные репрезентации», «скриншты» и др.

Иными словами, атрибутивная природа психики, а одновременно ее уникальность (раньше это обозначалось как ее «отражательная природа») такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее и адекватнее последняя будет соответствовать объективной реальности, тем больше предпосылки обеспечиваются и для решения общедисциплинарных задач. Следовательно, можно констатировать, что та метасистема, с которой неадекватно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая ей «внешнеположена», оказывается определенным образом представленной в структуре и содержании самой психики. Она транслируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной (которая, однако, по самой своей сути и назначению должна быть максимально подобной в аспекте своих информационных и содержательных характеристик объективной реальности). Естественно, что наиболее сложный и главный философско-эпистемологический вопрос состоит в том, как именно это происходит? Как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть основной вопрос психологии, а она пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако сам факт порождения и, соответственно, существования субъективной реальности как «удвоенной» объективной реальности не вызывает сомнений. Причем «не вызывает» в такой степени, что этот фундаментальный факт очень часто просто принимается как данность, но не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач. В частности, он явно недостаточно учитывается в исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода, а также, что еще хуже, – в содержании самого системного подхода.

Итак, сама сущность психического такова, что в его собственном содержании оказывается представленной, получает свое существование та метасистема, которая является по отношению к нему неадекватно «внешнеположенной» и в которую оно объективно включено. Подчеркнем, что речь идет, разумеется, именно об определенной форме средствеобразия этой объективной реальности, а не о ее онтологической представленности в психике. Причем чем более полным, адекватным и, так сказать, «глобальным» является такое представительство метасистемы в собственном содержании психики, тем «лучше для нее самой» – тем выше ее адаптивные и все иные возможности.

Прямым логическим следствием этого является то, что взаимодействие (как система) с метасистемами, в которые она в силу включена, первично может осуществляться и при опосредованном актуальном контакте с ними. Реальность, которую очень трудно осязать, такова, что любое взаимодействие с внешним миром многократно опосредствуется «внутренними представлениями» о нем. Человек взаимодействует не столько с «миром» непосредственно, сколько со своими представлениями о нем, с его субъективной моделью. Вместе с тем данный факт обычно не осознается и субъективно не репрезентируется. Как отмечал А.Н. Леонтьев, «перед человеком — мир, а не "мир" и "картина мира"» (Леонтьев, 1983). Понятно, что системы, которые могут взаимодействовать со средой и вне актуального контакта с ней, получают огромные преимущества. В частности, оказывается возможной «подготовка» к тем или иным вариантам реальных взаимодействий, ориентации в общей ситуации вероятных взаимодействий, получения временного ресурса для обработки больших массивов информации и др. Известные феномены «рефлексивной паузы», а также уже упомянутого выше «опережающего отражения» — одни из наиболее показательных и известных примеров указанного.

Все рассмотренные выше вопросы являются очень общими и базируются на фундаментальных, оторванных общенациональных представлениях. Вместе с тем все они в очень слабой степени ассимилированы в настоящее время методологией системности. Представляется парадоксальным и даже удивительным тот факт, что системный подход, то есть методология, ориентированная на решение наиболее общего вопросов, до сих пор не уделяет должного внимания этим, которые, фундаментальным вопросам, тогда как попытка синтезировать их с методологией системного подхода позволяет сделать ряд значимых, на наш взгляд, заключений. Причем, следует особо подчеркнуть, что этот синтез отнюдь не является формальным, «исключительным» и внешним. Он, напротив, обусловлен внутренней логикой системного подхода и основными тенденциями развития общепсихологических представлений о структурно-функциональной организации личности. Об этом свидетельствует уже самый первый, но одновременно и главный, наиболее общий вывод, который оказывается возможным сделать на основе такого синтеза: следует признать, что структурно-функциональная организация личности предполагает включенность метасистемного уровня в само ее содержание, в ее собственную структуру.

По отношению к психике метасистемный уровень имеет не только «экстрасистемную» (как по отношению практически ко всем иным

известным в настоящее время системам), но и «внутрисистемную» представленность. Метасистема, в качестве которой по отношению к позиции выступает в конечном итоге вся «внешнеположенная» ей объективная реальность (а также взаимодействие с этой реальностью), получает в содержании самой позиции свое «судовое бытие», свое «второе существование». Оно, разумеется, нежестко связано онтологической представленности, а принимает качественно иные формы. Кардинальное отличие всех этих форм от «исходного бытия» метасистемы состоит в том, что они носят противоположный по отношению к нему характер — имеют нематериальную, а *идеальную* природу. Для их обозначения, как мы уже отмечали, в психологии выработано множество понятий, и наоборот, метасистемный уровень синтезирует в себе все эти важнейшие психические образования, а само понятие метасистемного уровня является редким по отношению к каждому из них как *идею*ому.

Следует обязательно иметь в виду, что интенсификация изучения этих форм субъективной репрезентации объективной реальности по праву является в настоящее время одной из *главных* тенденций развития общепсихологических исследований, особенно явно представленной в современной когнитивной психологии и в метакогнитивизме. Эти исследования направлены на раскрытие механизмов и закономерностей структурно-функциональной организации «ментальных репрезентаций», «систем знаний» и т.п. Вместе с тем важно понимать не только эти механизмы и закономерности, но и общий смысл психологической *связи* указанных образований в общей структуре психического. А статус их как раз и определяется принадлежностью к особому, метасистемному уровню, представляющему по своему содержанию «*бытие*» объективной реальности в форме реальности субъективной, идеальных моделей и репрезентаций. Отсюда вытекает важное следствие: знания, «субъективная информация», «ментальные репрезентации», вообще все содержательно-информационные образования психики, являясь отражением объективной реальности, не есть чисто информационные образования; они имеют в своей совокупности статус *судового* уровня в общей организации психики. Этот уровень взаимодействует со всеми иными ее иерархическими уровнями. Тем самым система знаний (понимаем — в широком смысле, т.е. все информационное содержание психики) сама начинает подчиняться общим структурно-уровневым закономерностям. Несколько упрощая данное заключение, можно сказать, что знания оказываются в состоянии управлять структурой, а содержание получает статус детерминанты функциональной динамики.

С позиций сформулированных представлений могут быть преодолены и некоторые другие теоретические трудности — в частности, та, которая была обозначена выше как «парадокс ведущего уровня системы». Нетрудно видеть, что предлоктника выше траектика метасистемного уровня как принципиально *действенного* и *высшего* две основные формы существования позволяет дать вполне естественное и даже необходимое разрешение указанного парадокса. Действительно, с точки зрения организации психики, данный уровень «встраивается» в ее собственную структуру и, более того, обретает в ней статус ведущего, высшего. Тем самым он получает в ней свое *внутрисистемное бытие*, выступает именно как уровень в *общей структурно-уровневой организации психики*. В этом своем статусе он представлен, как мы уже отмечали выше, в форме многих образований, данно и подробно изучавшихся в психологии, особенно в когнитивной психологии и в метакогнитивике. Вместе с тем по своим содержательно-информационным характеристикам, по своей, так сказать, «наполненности», данный уровень является своего рода «дубликатом» объективной реальности, продуктом и результатом ее «отражения», точнее, воссоздания, порождения. Причем, подчеркнем еще раз, чем более точным и полным является соответствие этих содержательно-информационных характеристик объективной реальности, тем эффективнее функционирует и сам этот уровень, и все иные, соотнесенные ему уровни, и вся психика в целом. Будучи локализованным, разумеется, в «интрапсихической» плоскости, данный уровень локализуется самим субъектом вне ее — в объективной реальности⁶⁵. Таким образом, данный уровень субъективно «выносится» за пределы психического, остается, естественно, внутри него.

Итак, и «парадокс высшего уровня организации», и проблема неопределенности понятийного и концептуального статуса термина «метасистемный уровень» могут быть разрешены, на наш взгляд, лишь в том случае, если привлечь для этого общенаучный аппарат додальнейшего. Как было продемонстрировано выше, сущность, специфика и атрибутивная природа метасистемного уровня таковы, что он не может быть понят по причине «или — или» (т.е. как локализованный или вне психики, или внутри нее). Он может быть

⁶⁵ Одним из проявлений этой общей особенности, раскрытым Л.М. Вексаром на материале изучения перцептивных процессов, является, как известно, сформулированный им «сепаративный парадокс психики», то, что реально (топологически) представляется в содержании психики — например, перцептивный образ, — субъективно выносится за ее пределы и локализуется там, где расположен объект (Вексар, 1974).

адекватно и корректно раскрыт и объяснен лишь по принципу «из – во», т.е. как включенной «двойную локализацию». Это означает, кроме того, существование двух основных форм метасистемного уровня, модулей – материального и идеального.

На наш взгляд, сформулированные представления должны обязательно учитываться в психологических исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода. Они приводят к постановке множества вопросов, позволяя сформулировать и наиболее общий из них. К какому следствию ведет включение в структурно-уровневую организацию всякого метасистемного уровня именно как *ее* *собственного* уровня, а не только как уровня, локализованного вне ее – в ее взаимодействии с метасистемами, в которые она сама объективно включена? Главное из этих следствий состоит, по нашему мнению, в том, что именно благодаря такой «встроенности» метасистемного уровня в саму систему создаются предпосылки для возникновения качественно новых и своеобразных механизмов, принципов структурной организации и функционирования всякого. Так, благодаря данному уровню (как уровню, одновременно и включенному в содержание системы, и «вынесенному» за ее пределы) открывается принципиальная возможность для своего рода объективации системой самой себя в качестве предмета организации и управления. Система, не нарушая рамок своей целостности и «онтологической замкнутости», в то же время оказывается в состоянии выйти за свои собственные границы и сделать саму себя предметом своих же собственных воздействий, своей активности. Наиболее четким и весомым феноменологическим «индикатором» этой особенности является вся совокупность так называемых «рефлексивных явлений». Другими словами, возникновение «встроенного» метасистемного уровня означает не только появление в структуре целого (единицы) «еще одного», пусть даже и высшего, важнейшего уровня. Дело еще и в том, что данный уровень атрибутивно связан с *всем* *принципом* функциональной организации познания (и даже базируется на нем). Он состоит в том, что именно благодаря метасистемному уровню (как уровню, одновременно локализованному и внутри системы, и вне ее) система обретает возможность делать (посредством выхода на этот внешний по отношению к ней уровень) саму себя в целом объектом своего же собственного воздействия, управления, своей собственной организации⁶².

⁶² В связи с этим можно видеть, что сформулированный в данной работе подход по-прежнему ставит (и в определенной мере решает) традиционную проблему «само-организации».

Все сказанное можно обозначить как *метасистемный принцип* функциональной организации психики. Он, повторяем, сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является его основой. При этом следует иметь в виду, что сам статус понятия «принцип» предполагает достаточно общий характер его действия и множественность сфер существования. Следовательно, есть основания считать, что он характеризует не только отношения метасистемного уровня с иными уровнями организации системы в целом, но и пронизывает собой многие другие, такие важные, хотя и более частные аспекты ее организации. Эту же мысль можно сформулировать по-другому: психика как суперорганизованная система, придя в результате своей эволюции к метасистемному принципу организации как к общему, может вместе с тем мультиплицировать его и в своих частных проявлениях. Этот достаточно важный, по нашему мнению, вывод подтверждается многими эмпирическими данными и результатами, в том числе, и полученными нами. Остановимся лишь на одном из результатов такого рода.

В ряде наших работ была сформулирована концепция структурно-уровневой организации системы психических процессов, включившей пять основных уровней (Карпов, 2003, 2004). Данная концепция позволяет реально включить в эту систему те процессуальные образования, которые несводимы к традиционно выделяемым классам психических процессов (т.е. к так называемым «первичным процессам»), прежде всего, рефлексно, интратальные психические процессы, «метапроцессы» и др. Тем самым преодолевается одна из основных трудностей, состоящая в том, что представления, традиционно сложившиеся в области изучения психических процессов (в первую очередь, – когнитивных), препятствуют ассимиляции этих максимально сложных и комплексных процессуальных образований в общую систему. Эти комплексные по составу и синтетические по строению процессы «не укладываются» в традиционную систематику и сложившиеся структурно-уровневые представления, а вырываются и отторгаются ими. Вместе с тем развитые выше представления о специфике метасистемного уровня, о его роли в организации психики позволяют в значительной мере преодолеть эти трудности.

Действительно, именно благодаря метасистемному уровню и его «встроенности» в саму систему (психику) обеспечивается возможность существования фундаментального феномена (точнее – механизма), который можно условно обозначить как механизм *метасистемной обрабатываемости*. Его суть столь же проста и понятна феноменологически,

сколь трудно для конкретно-научного объяснения, и состоит в следующем. Благодаря ему система со «встроенным» метасистемным уровнем оказывается в состоянии объективировать себя для своей же собственной активности (регуляции, организации, координации и пр.). В самой системе (психике) складывается такой «функциональный орган» и такие механизмы, которые позволяют ее мысли (то есть метасистемному уровню) как бы оппозиционировать себя по отношению к ней в целом, относиться к своей себе как к «целостности». В результате этого любой процесс, протекающий в психике, будучи транспонированным на метасистемный уровень, оказывается направленным не на «внешнюю среду», а на внутреннее содержание психики (а часто — и сам на себя). В результате этого возникают известные явления и процессы, которые обозначаются, например, как «мышление о мышлении» (метамышление), «память о памяти» (метавосприятие), «вторичное внимание», «метакогнитивный мониторинг», т.е. как метакогнитивные процессы (Fievel, 1973; Metcalé, Shimamura, 1994; Nelson, Narens, 1990), а более традиционно — как рефлексивные процессы и феномены. Другими словами, те процессы и механизмы, которые заложены в психике исходно и реализуются на всех иных уровнях, могут перенестись и на метасистемный уровень. Но тогда они как бы оппозиционируются и объективируются по отношению к ней; они направлены на всю систему психики в целом, а также на ее отдельные компоненты. В результате этого все внутрисистемные процессы, механизмы, закономерности и феномены сами становятся объектами активных воздействий со стороны их же самих, а также объектом «отражения» (если использовать традиционную терминологию) с их стороны, но уже на метасистемном уровне. Очевидно поэтому, что механизмом метасистемной обратимости является главным средством, обеспечивающим возможность рефлексивных процессов как таковых, возможность рефлексии как фундаментального и уникального психического феномена в целом.

На наш взгляд, рефлексия — это и есть процесс, обеспечивающий связь общесистемного уровня организации психических процессов (т.е. максимально обобщенного уровня, на котором представлена вся их совокупность) и метасистемного уровня организации психики. По своим механизмам и процессуальным средствам рефлексия как бы «дублирует» всю систему психических процессов (особенно когнитивных) и воплощает ее в себе. Эта система является «реализатором» рефлексивных явлений и процессов. В то же время уже тот факт, что совокупность психических процессов транспонирована на

метасистемный уровень, означает, что их объектом, предметом (т.е. тем, на что именно они направлены) становится собственное содержание самой системы психического. Следовательно, именно метасистемный уровень, его наличие в структуре психики делает возможными рефлексивные явления, рефлексивность как способность, уникально присущую человеку. Рефлексия — и в этом состоит ее атрибутивная, важнейшая особенность — приводит к своеобразному «выходу за пределы» системы психических процессов, к тому, что сама эта система становится доступной для субъективной репрезентации и частичного произвольного управления. Психика тем и уникальна, что в ней заложено желание, позволяющий ей преодолевать свою собственную системную ограниченность, постоянно выходя за свои собственные пределы, делая саму себя предметом своего же собственного функционирования. Иначе говоря, в самой организации психики, в самом ее содержании предусмотрен и реализован высший из известных уровней — метасистемный. Рефлексия же представляет собой процессуальное средство реализации данного уровня. Результативным проявлением данного средства выступает вся феноменология сознания, сознание как таковое. И именно поэтому сознание в его собственно процессуальном аспекте соотносится с высшим, метасистемным уровнем организации психических процессов.

Итак, предложенная в данной работе трактовка понятия «метасистемный уровень», а также сформулированные представления о принадлежности психики к системам со «встроенным» метасистемным уровнем показывают, что современные варианты системного подхода пока еще не в полной мере контррентны действительной сложности психики, ее атрибутивной природе. Кроме того, на основе этих представлений открываются реальные и вполне конкретные перспективы развития самого системного подхода, а также определения главного «вектора» его развития. Этот «вектор» предполагает необходимость существенного расширения традиционно сложившихся концептуальных положений системного подхода и его дополнения метасистемным подходом. Метасистемный подход выступает по отношению к системному не только как закономерный продукт его развития, как его новый этап, но и как его своеобразное «диалектическое синтез»: ряд достаточно общих закономерностей, описанных в системном подходе, представляется, как показывают наши исследования (Карпов, 2004), в метасистемном подходе существенно иначе. Ответив лишь одно, но достаточно репрезентативное направление такого рода трансформаций.

Так, если в системном подходе живой акцент традиционно делается на поиске метасистемы для изучаемого объекта, а затем — на раскрытии закономерности его включения в эту метасистему и выявлении дополнительных особенностей, которые он обретает в ней, то по отношению к рассматриваемым здесь системам дело обстоит иначе и существенно сложнее. С одной стороны, безусловно, личность, личность в целом объективно, онтологически является «частью мира», т.е. выступает как подсистема по отношению к метасистеме объективной реальности. В ней она обретает свои многообразные качественные особенности, характеристики, свойства и пр. С другой стороны, личность представляет собой систему со «встроенным» метасистемным уровнем. Она порождает «внутри» своего содержания модель, «дублирует» объективную реальность, «удваивает» эту реальность, а потому сама метасистема в значительной степени включается в состав, содержание и структуру личности. Следовательно, суть вопроса и основная «плоскость» исследования проблемы определяются уже не тем, как, по какому закономерностям та или иная система «встраивается» в метасистему, а наоборот — тем, как онтологически представленная в качестве исходной метасистема сама «встраивается» в систему психического. Как онтологически первичная по отношению к психике метасистема объективной реальности *много-элементна*, субъективно сама «встраивается» в систему психического и приобретает в ней свое «судебное бытие»? Имеет место своеобразная аномалия «классических» соотношений системного и метасистемного методов. Не система «встраивается» в метасистему, а наоборот, метасистема включается в систему (подчеркнем — лишь в определенном аспекте, но не амбивалентно). Следовательно, предметом анализа и поиска должны стать не только закономерности включения системы в метасистему, но и закономерности включения метасистемы в систему. «Встроенность» метасистемы в систему (пусть и лишь в определенном аспекте, в определенной форме) приводит к тому, что сама метасистема в некотором смысле начинает выступать как локальная «составляющая» психики. В результате этого складываются не вполне обычные и отчасти парадоксальные отношения между ними. Метасистема, не переставая быть таковой, одновременно становится частью, компонентом, подсистемой для системы, которая была (и продолжает оставаться) ее собственной «составляющей»; метасистема становится субъективной. Кроме того, система, включая в себя метасистему как свой компонент, сама начинает выступать как метасистема (не утрачивая, однако, своего исходного, т.е. системного статуса). Проще говоря, метасистема, оставаясь таковой, одновременно выступает и как система; система же, также

оставаясь таковой, одновременно выступает и как метасистема. Эту же мысль можно сформулировать и по-другому. Некоторая реальность может одновременно выступать и как метасистема, и как система; и поэтому сами эти понятия (и реальность, которая ими обозначается) не являются абсолютными — они относительны: по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем они могут описывать и реально описывают, характеризуют *одну и ту же* реальность. И наоборот, эта реальность для своего полного описания и раскрытия с необходимостью должна быть одновременно представлена и как система, и как метасистема, то есть с позиций принципа двойственности.

Итак, на уровне психического понятия системы и метасистемы не абсолютны, а относительны; психическое может выступать и в том и в другом статусе и, более того, соединять в себе оба этих статуса. Такое соединение и такая обратимость составляют действительную сложность и реальную основу для развертывания системных закономерностей в сфере психического. Эту сложность во всем ее объеме еще только предстоит познать и объяснить, однако уже сейчас ее можно и нужно хотя бы осознать.

В заключение подчеркнем еще одно обстоятельство. Результаты проведенного выше анализа подтверждают одну из наиболее общих психологических закономерностей (что является дополнительным аргументом в пользу их обоснованности): старая теория (классический системный подход) отнюдь не отменяется новой (метасистемным подходом), а входит в последнюю как ее частная, хотя, разумеется, и очень важная составляющая. Вместе с тем, «новая теория», будучи непосредственным результатом и органическим продуктом развития «старой» теории, показывает, как конкретно могут быть преодолены присущие последней ограничения и создает необходимые перспективы для этого.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.К. Избранные труды. М.: Наука, 1978.
- Барбабандова В.А., Васильева В.В. Системность. Восприятие. Общение. М.: ИИ РАН, 2004.
- Бергмансфелд Л. История и статус общей теории систем // Системные исследования, 1973. М.: Наука, 1974.
- Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 1. Л.: ЛГУ, 1974.

- Валков Ю.В., Костюк А.Н. Проблемы и принципы исследования межличностных взаимодействий в сложных человеко-машинных комплексах // Системное исследование, 1992-1994. М.: Эдиториал УРСС, 1996.
- Землячкина Д.Н. Полнотеловый подход к решению мыслительных задач // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 6. С. 32-42.
- Карпов А.В., Савицкий В.М. Психология рефлексии. М.: ИП РАН, 2002.
- Карпов А.В. Психология принятия решений. М.: ИП РАН, 2003.
- Карпов А.В. Психология рефлексивных элементов деятельности. М.: ИП РАН, 2004.
- Карпов А.В. Метакогнитивная организация уровней структур познания. М.: ИП РАН, 2004.
- Крылов В.Ю. Психоматематика как возможная новая парадигма психологической науки // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 3. С. 57-63.
- Леонтьев А.М. Избранные психологические произведения. Т. 1. М.: Педагогика, 1983.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: ИП РАН, 1998.
- Проханов И. Периоды по Канту. М.: Наука, 1985.
- Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980.
- Шадринко В.Д. Проблемы системологии профессиональной деятельности. М.: Наука, 1992.
- Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. 34. P.906-911.
- Metacognition: Cognitive and Social Dimensions / Ed. By V. Yzerbyt et al. N.Y., 2002.
- Metcalfe J., Shimamura A. Metacognition. MIT Press, England, 1996.
- Nebus T., Nasero L. Metamemory: a theoretical framework and new findings // The Psychology of Learning and Motivation / Ed. by G. Bower. V. 26. N.Y., 1990. P. 125-141.

ОТ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА – К ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

В.В. Знаков

В современной психологической науке все возрастающее значение придается изучению целостных проявлений психики человека как субъекта бытия. Человеческое бытие невозможно понимать абстрактно, т.е. не будучи включенным в него. Поскольку человек сам является участником событий, социальных ситуаций, его бытие представляет собой субъектность, объективированную в процессах, явлениях, предметах человеческого мира. Субъект живет, познавая, осмысливая события и ситуации, ту среду, в которую он физически или мысленно включен.

Динамика формирования научных представлений о субъекте и бытии в психологии отражает их эволюцию в методологии науки. XX в. показал, что психология, как и другие науки, эволюционировала от классической парадигмы к неклассической, а затем – к постнеклассической (Стенга, 2000).

Классическая парадигма воплощалась в идее постижения объективных законов природы, в пристальном внимании ученых к проблеме детерминизма и в поиске причинно-следственных связей преимущественно естественнонаучными методами.

На неклассическом этапе на первый план выходит учет субъективного угла зрения наблюдателя. Ученые отчетливо осознавали, что объекты и события, происходящие в мире, не могут быть определены независимо от контекста познания того, кто их наблюдает. Понятия должны предшествовать наблюдениям, а не вытекать из них. Следовательно, понятия и научные теории являются следствием не наблюдения, а познания. Язык теоретических терминов служит исследователю для того, чтобы определить, что следует принимать

за данность (объективную реальность) в этом мире. В результате на неклассическом этапе развития науки было поставлено под сомнение положение о том, что научные теории могут точно и однозначно описывать происходящее в мире и существующее в нем (Getzen, Getzen, 1986).

Наконец, постнеклассическое понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. На этом этапе развития науки решающее значение приобретают те культурные и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъект соотносит познаваемую и познаемую реальность. Иначе говоря, наряду с естественнонаучными методами познания все большее значение приобретают социокультурные.

Одна из причин пристального внимания ученых к социальному и культурному контекстам человеческого бытия заключается в том, что образцом для неклассической науки в определенной мере оказалась теоретическая физика, а на становление постнеклассической наиболее существенное влияние оказывает культурология (Пуустельма, 2003). В последние годы в человекознании все чаще проводится тенденция сочетания пространственных, энергетических, метанергетических метафор с метафорами, ранее присвоенными исключительно в гуманитарных дисциплинах: игра, роль, ритуал, драма и т.п. Типичный тому пример — драматургический подход И. Гофмана, изучающего, как презентация субъекта себя другим людям, принятие на себя разных ролей в разнообразных ситуациях осуществляется в непрерывном процессе воспроизводства личного самосознания в социуме (Гофман, 2000).

Но еще более значимым для развития психологии субъекта я считаю то, что постнеклассический тип рациональных рассуждений дает возможность ученым избежать противопоставления комбинаторического и кинематографического способов исследования и реализовать естественнонаучные и гуманитарные методы познания изучаемых явлений в их единстве. Показательным примером могут служить исследования Ю.И. Александра в области системной психофизиологии. Они демонстрируют, что культура, общественные формы жизни, способствующие формированию функциональных систем, заставляют мозг работать по-новому. Проводя аналогию между системной структурой субъективного опыта и системной структурой культуры, Александров доказывает тезис о том, что в каждой культуре структура опыта индивиду комплементарна структурам других индивидов. Взаимодействие культуры и процесса специализации нейронов приводит к тому, что

человек формирует свой опыт в культуре, а не усваивает, ассимилирует ее содержание (Александров, Александрова, 2004).

Следовательно, тип культуры, в которой живет человек, влияет не только на поведенческие проявления личности, но и на ее ментальную организацию. Для этих или исследований очень важны для доказательства положения о том, что предметом психологии субъекта и формирующейся на ее основе психологии человеческого бытия могут быть такие проблемы, которые для своего решения требуют применения не только гуманитарных, но и естественнонаучных методов. Да и сами решаемые проблемы могут относиться не только к так называемой «верхней психологии», но и затрагивать биологические основания личности.

Описанные выше три способа рациональных рассуждений в нашей науке интегрировались в той области психологического знания, которая получила название «психология субъекта». Эта область психологической науки стала закономерным воплощением, вершинным проявлением синтеза знаний, полученных на каждом из этапов ее развития. Важно обратить внимание на то, что названные парадигмы представляют собой не только исторические этапы человеческого познания, но и элементы целостной системы современного научного мышления. Следовательно, они могут не противоречиво, а наоборот, системно сосуществовать в сознании, целостном научном мировоззрении конкретного ученого. Ярким примером такого ученого является А.В. Брушлинский.

Психология субъекта сформировалась на основе представлений о взаимной дополжимости психических закономерностей отражаемой действительности и порождаемой человеком новой реальности (недостаточность только категорий «отражения» для описания психических явлений, «исчерпанность ее эвристического потенциала» сегодня отчетливо осознается и даже, можно сказать, остро экзистенциально переживается методологически мыслящими психологами; см. Петренко, 2002). Вследствие этого психология субъекта адекватно описывает и законы бытия, характеризующие то, что есть, и законы функционирования, предписывающие, как именно должны происходить те или иные события и явления в мире человека.

Проблема субъекта является одной из ключевых в психологической науке, как западной, так и российской. Как отмечает Л.И. Анциферова, «в западной психологии, в теориях личности, построенных на основе психоаналитической практики (А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс, К. Юнг, К. Хорни и др.), понятие "субъект" занимает одно из

центральных мест. Оно обозначает способности человека быть инициирующим началом, персонифицированной формой взаимодействия с миром, с обществом; быть творцом своей жизни; создавать условия своего развития; подвергать деформации собственную личность и т.д.» (Аншаферова, 2000, с. 29–30). Аналогичные соображения высказывает Л.В. Алексеева: «В теориях личности А. Адлера, А. Маслоу, К. Роджерса, К. Хорни, К. Юнга понятие "субъект", по сути, занимает одно из центральных мест. В качестве антитезы внешней детерминации психического в исследованиях Дж. Мидла (G.H. Mead, 1912; 1973), С. Олпортом (G. Allport, 1960), Х. Кохутем (H. Kohut, 1971) выдвигались на первый план такие понятия, как "самость" ("self"); в исследованиях Э. Эриксона (1956) — понятия "яго" и "Я"» (Алексеева, 2004, с. 74).

Для формирования научного понятия о понимающем субъекте принципиальной является точка зрения выдающегося мыслителя и психолога В. Франкла. Он подчеркивал, что субъектная сущность человека проявляется, прежде всего, в направленности его активности не на себя, а на внешний мир, ценности, ситуации и смысл, который они ему раскрывают. По его мнению, самоощущение ведет к утрате «чистой субъективности». Человек «не может сделать себя "объектом" рассмотрения, не прекращая быть "субъектом". Субъект образует "место", на которого наблюдают; "однако где есть это место, там не может быть предмета, и, таким образом, субъект не может до конца стать собственным объектом" (Frankl, 1959, S. 636)» (цит. по Лыжко, 2002, с. 155).

В российской психологической науке категория субъекта сейчас играет системообразующую роль и привлекает внимание многих ученых. Неудивительно, что в течение последнего десятилетия проблема субъекта обсуждалась на конференциях, в статьях, монографиях, диссертациях, учебных пособиях (Проблема субъекта... 2000; Психология индивидуальности..., 2002; Психология субъекта..., 2002; Брушлинский, 2003; Селиванов, 2003; Алексеева, 2004; Богданович, 2004; Личность и бытие..., 2004; Субъект и объект..., 2004; Тарасова, 2004; Субъект, личность..., 2005). Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что в последние десять-пятнадцать лет, главным образом благодаря целенаправленным и даже, можно сказать, индивидуальным усилиям А.В. Брушлинского, в отечественной психологии сформировалась новая область психологических исследований — психология субъекта.

В современной психологии субъекта фактически представлена история главных проблем российской психологической науки двадцатого столетия, которые в течение почти полувека являлись научной

деятельностью были в фокусе внимания Бруцлинского. Это проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики. Психология человеческого бытия представляет собой те направления развития, ту сторону психологии субъекта, которая возникла с появлением постклассической парадигмы.

Перечислю характерные особенности психологии человеческого бытия, которые, по моему мнению, сегодня позволяют назвать ее новой областью психологической науки.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

В психологии человеческого бытия одновременно реализуются, доходя и обогащая друг друга, когнитивная и экзистенциальная исследовательские парадигмы. В современной науке сосуществование когнитивной и экзистенциальной парадигм отчетливо проявляется в том, что одни и те же психологические проблемы могут изучаться под разными углами зрения. Для меня показательным примером оказались собственные исследования понимания, в которых отчетливо наблюдается переход от анализа этого феномена с позиций психологии понимания (Знаков, 1994) к его рассмотрению в контексте бытийного слоя сознания субъекта (Знаков, 2000).

Когнитивный план изучения психической реальности характеризуется акцентом на познания и *понимания* человека, стремлением ученых выявить общие закономерности психического развития, большим интересом к фактам и правилам, чем к исключениям. Когнитивные исследования в основном имеют отражательно-познавательную направленность, т.е. ориентированы на изучение того, как субъект отражает и познает окружающую действительность в свой внутренний мир.

Когнитивные психологи ищут, прежде всего, новое знание. Например, изучая мышление субъекта, они много знают об этом психологическом феномене. Когнитивного психолога, получающего в эксперименте новое знание о мышлении, прежде всего, интересует вопрос: «Истинно ли оно?». Ученого, находящегося на позиции психологии человеческого бытия, больше занимает ответ на другой вопрос: «Какой смысл это знание имеет для субъекта?» Это не значит, что для него не существует проблема истинности, просто анализ истинности-смысловой стороны знания является для него приоритетным.

В экзистенциальной психологии приоритетны иные. Большинство современных психологов используют понятие «экзистенция» как синоним слова «бытие». Напомним, что В. Франкл использовал термин «экзистенциальный» для реализации трех целей: во-первых, с целью описания специфики человеческого бытия; во-вторых, для характеристики смысла существования человека; в-третьих, для обозначения стремления к возрождению смысла своего существования, т.е. воли к смыслу (Франкл, 1990). Воля нужна человеку для преодоления препятствий, неизбежного расхождения между «не хочу» и «надо». В человеческом бытии реализация волевого начала всегда предполагает напряжение, усилия субъекта, направленные на преодоление не только внешних препятствий, но и себя. Вероятно, именно это имел в виду Р. Мэй, когда писал, что понятие «экзистенция» (существование), образованное от латинского корня *exsistere*, в переводе с английского буквально означает «не сдаться, подниматься на борьбу» (Мэй, 2004, с. 51).

В экзистенциальной плоскости анализа психической реальности акцент делается на проявления психической активности субъекта, отличные от когнитивных. Это, прежде всего, *ощущаемые* и *переживаемые*. Известно, что человеческое бытие не исчерпывается познавательным отношением к миру. Применительно к переживанию искусственно говорить об отражении, о данности в переживании предметного мира. Переживаемая страдания, восторга, любви, приобретаемая в созвании субъекта оценочный ценностный характер, становится воплощением экзистенциальной наполненности человеческого бытия. Она предохраняет человека от так называемого «экзистенциального вакуума», ощущения пустоты и бессмысленности жизни.

Экзистенциальный план исследования психической реальности проявляется в направленности ученых на анализ вариантов *рождения смысла*, *ископщете* смысла для субъекта. Экзистенциально-ориентированные психологи предпочитают специфические детали *общенным* признакам, а индивидуальными, например, *характерологические*, отличия людей — чертам их сходства и подобия. Их исследования направлены не столько на поиск фактов, событий, явлений, сколько на то, какой *смысл* они имеют для субъекта. Это, конечно, не означает, что в данном случае психологи концентрируются исключительно на *интрапсихических* проблемах и отдают предпочтение обращению к объектам и людям, окружающим субъекта. Просто главную цель исследования они видят в определении того, как испытуемый *структурирует* свою идентичность в соответствии с *системой* конструктора, отражающих

субъективное отношение «Я – мир». Иначе говоря, цель заключается в выяснении ценностно-смысловой позиции субъекта, оказывающей решающее влияние на видение им смысла фактов, событий и т.д.

Различие в углах зрения психологов на то, что является наиболее важным для ученого, изучающего позицию субъекта, обуславливает разницу в целях постановки вопроса и ожиданий, связанных с ответами. Когнитивные психологи ставят вопросы и формулируют гипотезы для того, чтобы, узнав ответы, получить новые знания. С экзистенциальной точки зрения очень часто оказывается, что вопросы нужно задавать вовсе не для того, чтобы получить на них однозначные ответы. Задача психолога – показать, что в психической реальности человека одновременно существует бесконечное множество различных состояний, событий, ситуаций. Неудивительно, что при исследовании позиции человека, в общем и целом, вопросы скрывают в себе больший потенциал развития, обладают большей силой, чем ответы на них. Вопросы нужны для более ответственного ведения *жизни* значимой для субъекта ценностно-смысловой деятельности, в которые он может оказаться включенным и которые впоследствии могут существенно повлиять на его жизнь. Иначе говоря, речь идет об осознании возможности реализации разнообразных жизненных сценариев, которые В.Н. Дружинин называл вариантами жизни – жизнь как предсказание, жизнь как творчество, жизнь как достижение и др. (Дружинин, 2000).

Задача ученого, изучающего субъекта с позиций психологии человеческого бытия и учитывающего не только когнитивные, но и экзистенциальные компоненты жизни, заключается главным образом в исследовании. Постигание включает в себя не только безличное знание об объекте, но и ценностно-смысловое понимание, соотносимое с личностным знанием познающего субъекта. Отличительная особенность постижения как способа познания мира заключается в гармоничном сочетании осязаемых воспринимаемых фрагментов объективной действительности и порождения, конструирования субъектом новых реальностей.

В основании психологии человеческого бытия лежат не только положенные выше конкретно-научные традиции: ее описание невозможно без обращения к более широкому философскому контексту решаемых в ней проблем. Как известно, категория «бытия» принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Несмотря на такой истобъемлющий и, казалось бы, всевременный характер бытия, с гносеологической точки

время в нем надлежит различать два главных периода — до и после возникновения человека и человечества. Такое различие принципиально важно, потому что человек являет собой новый уровень сущего в процессе его развития; при соответствии с ним выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней. Как убедительно показал С.Л. Рубинштейн, с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как "мир", соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности измерения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» (Рубинштейн, 1997, с. 63).

Введение Рубинштейном в контекст психологического анализа соотношения бытия и сознания новой категории «мир» стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. «Мир» как философско-психологическое понятие может быть понят только сквозь призму высшего продукта развития бытия — человеческого бытия. Мир — это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Вследствие человеческой активности мир представляет собой такое бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия — в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования, и одним из главных способов является специфика познания субъектом мира.

Современные психологи сами живут в человеческом мире и потому, изучая субъекта, волею или неволею вторгаются в пределы психологии человеческого бытия. К основателям психологии человеческого бытия следует отнести, прежде всего, С.Л. Рубинштейна и В. Франкла. Несмотря на принадлежность к совершенно различным социальным мирам и научным школам, Франкл и Рубинштейн высказывали поразительно сходные суждения о психологии человека. Основой этого сходства являются, прежде всего, почти одинаковые представления этих ученых о должном — морально-правственном императиве, регулирующем поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим. Этическую категорию должного можно сравнить с законом, не только

помогавшим человеку выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их.

Сходство научных взглядов Рубинштейна и Франкла проявилось и том, что в центре их внимания именно оказывались три группы проблем психологии человеческого бытия. Рубинштейн говорит о проблемах взаимодействия субъекта с объектом, человека с объективной действительностью, отношениях субъекта с другими людьми и его отношении к себе. Франкл интерпретирует эти проблемы в терминах ценностей — смысловых универсалий, объединяющих опыт человечества. Он описывает три класса ценностей, позволяющих сделать жизнь человека осмысленной: ценности труда (творчества), переживания и отношения (Франкл, 1996). Этим классам ценностей соответствуют три типа смысла: «Хотя Франкл подчеркивает, что у каждого индивиду есть смысл в жизни, которого никто другой не может возложить, вот же эти уникальные смыслы распадаются на три основные категории: (1) состоящие в том, что мы осуществляем или даем миру как свои творения; (2) состоящие в том, что мы берем у мира в форме встреч и опыта; (3) состоящие в нашей позиции по отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить» (Пихориков, 1998, с. 498).

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Предметом исследования в этой области психологической науки являются не психические процессы или свойства (позиции, эмоции, переживания и т.п.), а *смысловые образования, выражающие ценностные отношения субъекта к миру*. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. В мире человека объективно истинные описания и объяснения обязательно включают в себя аксиологические факторы: соотносимость получаемых знаний о мире не только со средствами познавательной деятельности, но и с действительностью окрашенными представлениями субъекта о должном. Психология человеческого бытия стала новым шагом в направлении расширения ценностно-смысловых контекстов, в которые включались классические проблемы так называемой «вещной» психологии: смысла жизни, свободы, духовности, гуманизма. Вместе с тем в рамках этого направления изучаются и классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти — т.е. то, «как

человеческая судьба зависит от отношения человека к жизни и смерти» (Дружинин, 2000, с. 5). Наиболее общей проблемой психологии человеческого бытия, прямо или косвенно включающей все названные выше, является проблема личности. Я имею в виду понимание субъектом мира и себя в мире.

Из сказанного следует, что для психологии человеческого бытия, в частности, важно исследовать ценности и ценностные ориентации людей. Я обосную это утверждение на примере одной из главных проблем психологии человеческого бытия — проблемы гуманизма и гуманистического мышления.

Мы живем в такое время, когда в российском общественном сознании происходит формирование новых ценностей и переосмысление старых. Изучение генезиса и природы общечеловеческих и индивидуальных ценностей, например, ценностей образования, является фундаментальной проблемой гуманитарного познания. Междисциплинарность проблемы ценностей, без которой невозможно ее серьезное рассмотрение, проявляется, в частности, в том, что ее затрагивают философы, социологи, психологи, педагоги и ученые других специальностей. Субъективно ценности переживаются людьми как идеалы — ориентиры желательного состояния дел. Сегодня, особенно у молодежи, наблюдается рост интереса к получению знаний, умений и навыков, способствующих росту материального благосостояния человека и общества. Вместе с тем люди задумываются и о том, какое место в их жизни занимают гуманистические ценности. В образовании статус гуманистических приобретает ценности, реализованные в профессиональной деятельности и общении педагога ради ученика, направленные на его развитие, становление как личности, образование и воспитание (Кулеткин, Бездухов, 2002).

Под гуманизмом обычно понимается признание высшей ценности человека, его права на свободное развитие, проявление своих потребностей и способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений (Брушлинская, 2000). Ценностный подход в образовании связан с выявлением и формированием системы ценностей человека, фактически представляющей собой совокупность осознанных смыслов его жизни, и ценностных ориентаций — направленности субъекта на реализацию ценностей. Ценностные ориентации ученика направлены на мировоззренческое осмысление мира, понимание своего отношения к окружающей действительности и взаимоотношений с людьми. С точки зрения этого подхода предметом изучения педагогики и педагогической психологии

является ценностно-смысловая сфера личности учителя и, в первую очередь, его индивидуальные способы понимания бытия, интерпретации смыслов жизни. Ценностный подход направлен на анализ понимания учащимися смыслов, развитие их способностей к такому осмысленно получаемым знаниям, которое включает освоение на гуманистической ценности. Следовательно, понимание как компонент гуманистического мышления позволяет ценностно опосредствовать познавательную деятельность. Сущность гуманистического мышления заключается в ценностном осмыслении бытия, его понимании (Кулютина, Ведухов, 2002).

ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА ПСИХИЧЕСКОГО, ИХ ИНТЕРСЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР

В рамках этой парадигмы психологами признается безусловная необходимость приоритетного изучения не отдельных составленных элементов (памяти, мышления, эмоций и т.п.), а целостных единиц. Такими единицами являются *события, ситуации*. Я имею в виду такие ситуации, в которые субъект попадает при взаимодействии с другими людьми и которые отражаются в его внутреннем мире. Рассматривая жизнь человека как череду событий и ситуаций, психология человеческого бытия не только расширительно трактует действительные основания детерминации психики, но и раскрывает новые источники формирования субъектности человека.

С этих позиций деятельность, направленная на достижение конкретной цели в определенный момент времени, имеет для психологического анализа более частное значение, чем *дело*, которому человек служит и считает смыслом своей жизни. Дело становится ценностно-целевым фактором, не только устремляющим жизнь субъекта в будущее, но и формирующим его способ видения мира, понимания окружающей действительности. «Дело – то, чему человек предан во жизни, то, что выше, больше него, длиннее, чем его жизнь. У дела есть продолжатели и предшественники. Оно имеет историю. Культурные проблемы решаются годами, десятилетиями, веками. У тех, кто включен в этот процесс, – общее дело, общий смысл. Жизнь, таким образом, становится воплощением этого смысла, способом утверждения своего видения мира, своего понимания добра, своей ценности» (Зарецкий, 2004, с. 30). Таким образом, целостная жизнь субъекта полнее и адекватнее описывается понятием «дело», чем категорией «деятельность».

Однако при рассмотрении единиц анализа философского с позиций психологии человеческого бытия категория «дело» по своему содержанию тоже нередко оказывается узкой, недостаточно полно выражающей движущую силу развития и формирования новых граней субъектности. По Брушлинскому, субъект всегда является активным творцом, преобразующим себя и окружающую действительность (Брушлинский, 2003). Разумеется, человек живет в реальном мире, в котором все совершается по законам необходимости, в том числе биологической целесообразности. Осознание существования таких законов можно назвать горизонтальной, так сказать, приземленной плоскостью измерения человеческой жизни. Но подлинно человеческое в человеке, субъектное в субъекте определяется все-таки, прежде всего, вертикальным измерением. Я имею в виду ориентацию человека на идеалы, его устремление к высшим духовным ценностям, основанная на соединении интеллекта и нравственности. Одним из таких идеалов является творчество, контролируемое совестью.

В канун 200-летия А.С. Пушкина В.С. Непомнящий писал о поэте: «Автор помещает себя не в субъективную позицию (характерную для большинства литературных произведений, особенно лирического рода), а в то же объектное пространство Творения, где находится его герой: "субъектность" же автора носит инструментальный характер — это "субъектность" орудия, находящегося в руках высшей творческой силы (если известно религиозное отношение Пушкина к своему творческому дару как к чуду), высшей Правды» (Непомнящий, 1999, с. 99).

Приведенный пример не относится исключительно к нашему национальному гению и является не только историко-литературным. На мой взгляд, выраженная в нем глубочайшая мысль выходит далеко за пределы литературной критики и позволяет читателю отвлечься от «запредельных» трансцендентных аспектов благоговения человека перед дарованным ему судьбой творческими возможностями. С позиций психологии человеческого бытия в нем можно и нужно усмотреть «обратное» влияние творческого начала и нравственных идеалов человека на формирование индивидуально-авторских субъектных качеств его личности.

В предельных случаях идеалы воплощаются в том, что человек считает своим нравственным путем, с которого он не сможет свернуть, даже если в минуту слабости сам этого захочет. Хрестоматийным выражением упорного следования признанию может служить фраза, приписываемая Мартину Лютеру: «На том стою и не могу иначе». (На самом деле, когда 18 апреля 1521 г. Лютер выступал перед рейх-

стагом в Вормсе в защиту своих религиозных воззрений, он закончил речь как обычно: «Да поможет мне Бог. Аминь». Но восторженным поклонникам Лютера этого показалось недостаточно, и впоследствии они добавили к речи знаменитую концовку. Вторые она появилась в трудах великого немецкого реформатора, изданных в Виттенберге между 1538 и 1538 г.).

Какое отношение «дело» или «призвание» имеют к единственному великому предназначению? Самое непосредственное. В деле, которому субъект будет служить всегда, или в жизненном призвании существуя в, может быть, случайно проявляется его отношение к событиям и ситуациям, в которых он оказывается. В категориях «дело», «призвание» есть постоянная устремленность в будущее. Это означает, что избранный путь, линии жизни направляют поведение человека в конкретных обстоятельствах, кристаллизуя и профилируя новые грани его субъективных качества. Другими словами эту мысль выразил В.Н. Дружинин: «Принятие решения о варианте жизни является "точкой бифуркации". После выбора обратного пути нет, и личность человека должна модифицироваться под влиянием нового образа жизни» (Дружинин, 2000, с. 64).

В целом же дело и призвание, во-первых, можно считать такими деятельностьюными структурами, в которых материализуется сущность индивидуума. Во-вторых, как уже было сказано, дело и призвание всегда основаны на нравственности, неразрывно связаны с совестью и ориентацией на высшие духовные ценности. Владение этого обретение нового совокупного опыта, когда-то воплощенного в конкретных событиях и ситуациях, означает наслаждение не только субъективной сущностью, качественными моментами субъекта. Следовательно, дело или призвание, ставшие для человека смыслом жизни, осмысленной целью бытия, являются индикаторами индивидуальных характеристик субъективности человека.

МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В психологии человеческого бытия используются традиционные методы психологического исследования: опросники, метод микроэвентического анализа, методика определения гендерной идентичности и другие. Главная цель выбора методик для проведения конкретного исследования (например, изучения оптимизма) состоит в том, чтобы их набор

давал психологу возможность делать выводы о состоянии окружения субъектом воспринимаемых фрагментов-объективной действительности в воспринимаемых, конструируемых им новых реальностях.

Наиболее полно и точно этой цели соответствует нарративная терапия. Он является одним из основных методов психологии человеческого бытия, позволяя объединить усилия когнитивных и экзистенциальных психологов. В современной психологии представления о нарративе как организующем принципе, лежащем в основе человеческих действий и поступков, развиваются Т.Р. Сарбином, К.Дж. Бергеном и другими учеными (Gergen, Gergen, 1986; Sarbin, 1986). Нарратив — это такой способ организации эпизодов, действий и описаний действий, который включает как смыслы поступков людей, так и причины происшедших событий (Сарбин, 2004).

Применительно к человеческому познанию нарративом можно сравнить с героями, стоявшими вдоль дорог и указывавшими путь древним грекам. Нарративные описания субъектом различных ситуаций фактически являются внутренне присущими ему способами упорядочивания опыта, придания ему смысла, получения знаний, которое структурирует его восприятие и понимание мира и себя в мире.

Нарративный принцип основан на многократно доказанном в психологии факте: там, где отсутствуют четкие связи между эмпирическими событиями, человек сознательно или несознательно организует их в целостные структуры, соответствующие культурным нормам. Рассказываемая субъектом история и конкретная ситуация, в которой происходит рассказ, всегда связаны с базовыми культурно-историческими структурами. Имевшийся у субъекта репертуар фреймов, спеларис, нарративных форм, переплетающийся с культурными нормами, определяет, какую историю, где, когда и кому можно и нужно рассказать. «Другими словами, не только нарратив опосредует, выражает и формирует культуру, но и культура в свою очередь определяет нарратив» (Брокмeyer, Харре, 2000, с. 33). По моему мнению, сказанное выше подтверждает продуктивность попытки Ю.Н. Александрова найти содержательную аналогию между системной структурой субъективного опыта и системной структурой культуры, а также его утверждения о том, что человек формирует свой опыт в культуре, а не просто усваивает, ассимилирует ее содержание.

Итак, почему нарративный принцип оказывается важнейшим методом психологии человеческого бытия?

Во-первых, нарративный принцип всегда предполагает взаимодействие субъекта и объекта, опосредованное убеждением, что любую ситуацию

человеческого бытия можно интерпретировать многими способами. Из-за этого у психологов возникает обоснованное сомнение в существовании «объективных», не зависящих от точки зрения рассказчика истории, происходящих с людьми. Следовательно, «веру в то, что здесь существует некая реальная история, являющаяся раскрытым, латентная аналитической конструкцией и существующая до нарративного процесса, мы можем характеризовать как *метаэпистемологическое заблуждение*» (Брокмистер, Харре, 2006, с. 35). Нарративные структуры человеческого опыта, безусловно, определяют и направляют понимание субъектом событий и ситуаций. Вместе с тем в процессе понимания нарратив тоже изменяется в зависимости от свойств описываемого. Таким образом, способ познания намечается в результате взаимодействия внешних и внутренних условий психического развития субъекта.

Во-вторых, в рамках нарративного принципа, как и в психологии человеческого бытия, отвергается предположение, что при обсуждении многомерных ситуаций человеческого бытия существует одна и только одна реальность, с которой обязательно должны согласовываться все нарративные описания. Иначе говоря, нельзя «объективно отстраниться» ситуацию, потому что реальность, к которой она принадлежит, отчасти является результатом порождения, конструирования, домысливания субъектом некоторых ее сторон. «Следует постоянно помнить о том, что может существовать множество различных историй, которые говорят о таких сложных вещах, как, скажем, человеческая жизнь. Из исследования феномена автобиографий широко известно, что любая история жизни обычно охватывает несколько жизненных историй, которые, к тому же, изменяют сам ход жизни. Ошибочно полагать, что разнообразные автобиографические нарративы различаются по тому, что некоторые из них являются «верными», а другие «не (или менее) верными». Лежащая в основании этой ошибки идея состоит в том, что существует некоторый тип градации истинности историй, начинающийся от истинной истории, банкрутирующей на документальных фактах, и кончающийся неверной историей, часто основывающейся на лжи или самообмане. Реальность, таким образом, рассматривается как некоторый сорт объективного, quase-документального критерия, на основании которого можно судить об истинности нарративной репрезентации. Но если я есть такое типа "реальной" жизни, которую некто уже ведет, как мы узнаем об этой предвданный реальности? Она, конечно же, не дана нам, потому что все, что служит жизни, становится ее частью» (там же, с. 36).

В-третьих, нарративная структура описания мира принципиальна для психологии человеческого бытия вследствие необходимости учета

целенаправленности человеческого поведения и когнитивной детерминации описываемых в истории событий и поступков. Нарративное повествование всегда размещается по направлению к цели, смысловому конечному результату. Кроме того, логика нарративных структур основана на правдоподобии: последующие события не должны противоречить предыдущим (Geertz, Geertz, 1986). Это дает психологу возможность выявлять смысловые и причинно-следственные связи, лежащие в основе познания мира субъектом. При этом познание оказывается центральной проблемой, в которой, как в фокусе, складится большинство проблем психологии человеческого бытия.

В-четвертых, нарративные способы описания существуют в нашем сознании не в виде шаблонов, которые нужно только заполнить конкретным содержанием описываемой ситуации. Нарративы в самих ситуативно изменчивы: они видоизменяют свои формы под влиянием требований ситуации, в описании которых они применяются. Иначе говоря, в них потенциально содержится умственные действия, соответствующие познавательной деятельности субъекта, направленной на структурирование, упорядочивание опыта. Неудивительно, что Й. Брокмейер и Р. Харре считают, что нарратив следует рассматривать как модель: «Мы утверждаем, что, вместо того чтобы быть онтологической сущностью или способом репрезентации, нарратив действует как особо гибкая модель. Любая модель в очень общем смысле слова является аналогией. Она связывает неизвестное с известным, используется для объяснения (или для интерпретации) ряда явлений путем отсылки к правилам (или схемам, структурам, сценариям, рамкам, сравнениям, метафорам, аллегориям и т.п.), которые так или иначе включают в себя обобщенные знания» (Брокмейер, Харре, 2000, с. 39–40).

Из «модельной метафоры» следует вывод: «Рассмотренные под таким углом зрения нарративы являются одновременно моделями мира и моделями собственного "я". Посредством историй мы конструируем себя в качестве части нашего мира» (там же, с. 40). Ту же мысль иначе выразил Дж. Брунер, писавший о том, что, познавая мир, человек имеет дело не с определенной формой его репрезентации, а со специфическим способом конструирования и установления реальности. Понимая, анализируя этот способ, должны, прежде всего, обращать внимание на методы познания людьми себя и осмысления своего опыта (Bruner, 1986).

Эти рассуждения имеют принципиальное значение для психологии человеческого бытия, так как они в явном виде подчеркивают

неразрывную связь познания с самопознанием. Без самопознания и самопонимания субъекта реализация нарративного принципа становится невозможной.

РЕФЛЕКСИЯ ТИПОВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Современное постклассическое понимание мира человека характеризуется ростом рефлексии его ценностных и смысловых аспектов. Рефлексия научных типов рациональных рассуждений — это не *возврат* к ним, а *преобразование*. Преобразование проявляется в том, что субъект не только осознает типы знания и правила действий с ними, но и порождает их смысл. А в смысле потенциально содержится возможность его понять. Познающий субъект не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него, погружен в природную и социальную действительность. Мир оказывается таким, каким субъект его видит, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит. Постклассическая психология человеческого бытия предполагает не только новые способы осмысления мира, но и рефлексивно над основными рациональными типами познания. Как отмечает В.А. Лекторский, сегодня сама рациональность начинает пониматься по-другому. Только в простейших случаях рациональные рассуждения можно свести к действиям по фиксированным правилам, следование которым приводит к заранее намеченной цели. В более широком и глубоком смысле рациональность предполагает переосмысление и развитие самих правил (Лекторский, 2001).

С позиций психологии человеческого бытия одну из главных причин переосмысления рациональных типов познания следует искать в неразрывной связи познания субъектом мира и его самопознания. Известно, что любое познание всегда включает в себя самопознание. Самопознание дает человеку возможность обратиться к своим истокам, ответить на вопросы о том, какой он и что с ним происходит. Вместе с тем углубление в себя одновременно означает постепенное удаление от новых и логичных схем рассуждений. В результате порождаются новые типы рациональных рассуждений, парадоксальным образом включающие в себя иррациональные и бессознательные компоненты.

Исследования показывают, что самопознание является одновременно и целостным, интегративным, и неоднородным, многомерным

психологическом феномене. Пытаясь описать и определить самоопределение, психологи обычно обращают преимущественное внимание на какую-либо одну сторону самоопределения — когнитивную, познавательную, либо экзистенциальную, бытийную. Когнитивная составляющая самоопределения представляется, прежде всего, способностью и склонностью субъекта к рефлексии, сознательному самонаблюдению. Однако современный психолог не может удовлетвориться изучением только этой составляющей анализируемого феномена, потому что большие и подлинно экзистенциальные решения в жизни человека, как правило, не рефлексированы и тем самым не осознаны. Экзистенциальная составляющая самоопределения воплощается не столько в научно достоверных знаниях и познавательной деятельности, сколько в смыслах человека и его приближении к разнообразным ценностям.

Таким образом, самоопределение неразрывно связано с рефлексией. Самоопределение (в отличие от самоосознания) всегда основано на рефлексивном анализе субъектом своего опыта, который в результате умственных операций и действий приводит к переструктурированию, переосмыслению, т.е. преобразованию его внутреннего мира. В этом нет ничего удивительного. Рефлексия онтологически представлена в структуре жизни человека как особый метасистемный уровень ее организации. Специфика данного уровня состоит в том, что человек как бы преодолевает собственную «системную ограниченность», поскольку делает *саму себя* предметом собственной регуляции. Современные исследования показывают, что рефлексии следует рассматривать одновременно и как процесс, и как состояние, и как свойство. Процессуальная динамика рефлексии способствует изменению человека, формированию у него новых субъектных качеств (Жарнов, 2004).

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В рамках рассматриваемого направления подчеркивается, что взаимодействие людей является не только частью картины внутреннего мира субъекта, но и неотъемлемой составляющей человеческого бытия. Психология человеческого бытия несомненно направлена на анализ существования субъекта в мире с позиции «Я и другой человек». Соответственно, в психологическом исследовании «человек должен быть как внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни. Такой подход

предполагает другое понятие и объекта, соотносящегося с субъектом бытия как объект — это бытие, включающее и субъекта» (Рубинштейн, 1987, с. 64–65). Подлинное существование субъекта как социального человеческого существа объективно предполагает его выход за собственные пределы, умение ответить к себе со стороны той реальности, которую он осознает, иначе говоря, умение субъекта взглянуть на себя глазами других людей, с которыми он вступает во внешние и внутренние диалоги. Взаимодействие субъектов-участников диалога (одновременно являющееся их взаимозависимым) всегда основано на понимании как результате коммуникации. Именно поэтому проблема понимания оказывается центральной для психологии человеческого бытия.

Причину этого следует искать не только в эмпирической плоскости, т.е. необходимости анализа психологических механизмов понимания людьми конкретных жизненных ситуаций. Не менее важны теоретические основания психологии человеческого бытия, изначально не направленной на утверждение уникальности, исключительности своих методологических оснований. Эта область психологического знания, во-первых, возникла на базе психологии субъекта и, во-вторых, развивается во взаимодействии, «общении» с другими областями, в частности аксициальной психологией. Стремление к завоеванию взаимопонимания с представителями смежных дисциплин отвечает постклассическому взгляду на методологию современной психологии. Для постклассической психологии характерны интенции к динамическому единству знания, пониманию его сетевой природы в сочетании со стремлением к взаимосогласованности психологических теорий. Это означает, что любая психологическая теория должна учитывать другие концепции и, конечно же, преимущества междисциплинарного дискурса (Гусельнича, 2003). Иначе говоря, сетевая парадигма построена на том, что продуктивное развитие теории возможно лишь при условии ее соотношения, взаимодействия и согласования с другими равноправными теоретическими конструктами. Отсюда следует, что помимо познавательной «методологии психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, то есть способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки» (Манилов, 2003, с. 419). В этой связи построение коммуникативной методологии, к разработке которой призывает В.А. Манилов, представляется мне очень значимым и для психологии человеческого бытия.

Итак, категория субъекта, исследование которой так много усилий и таланта посвятил Андрей Владимирович Брушлинский, действительно занимает особое место в современной психологии. Психология субъекта в наше время представляет собой фундаментальную область психологической науки. Формирующаяся на основе психологии субъекта психология человеческого бытия тоже постепенно обретает ясно очерченные контуры. Она имеет не только убедительные теоретико-методологические доказательства, но и вполне осязаемые эмпирические следствия. Последние представлены в экспериментальных исследованиях субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания вымышленной, половых и гендерных различий и понимании моральной дилеммы, когнитивных и экзистенциальных составляющих самопознания, понимания ситуации этанализа и других (Знаков, 2002, 2004, 2005а, 2005б).

ЛИТЕРАТУРА

- Александров Ю.Л., Александрова И.Л. Системная структура субъективного опыта и системная структура культуры // *Материалы международного научного симпозиума «Системно-сравнительная парадигма в культуре и искусстве»*. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. С. 82–88.
- Знаков В.В. Психология субъекта и субъекта преступления: Монография. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2004.
- Ландерман Л.И. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // *Проблема субъекта в психологической науке* / Под ред. А.В. Брушлинского, М.Н. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 37–42.
- Бодилова И.А. Субъект как категория общественной психологии. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: ИИ РАН, 2004.
- Бродский В., Харин Р. Нарратив: проблемы в области одной альтернативной парадигмы // *Вопросы философии*, 2000, № 3. С. 39–42.
- Брушлинский А.В. Единственность психологической науки // *Психол. журн.*, 2000, № 3. С. 43–48.
- Брушлинский А.В. Психология субъекта СПб.: Алетейя, 2003.
- Варьяк И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Громыцкий М.С. Культурно-историческая психология: от классической — к постклассической картине мира // *Вопросы психологии*, 2003, № 1. С. 90–115.

- Дружинин В.М. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ИЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000.
- Леринский В.К. Творчество. Рефлексия. Самоопределение // 2 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 32–40.
- Лозко В.В. Понимание и познания и общение. М.: ИП РАН, 1994.
- Лозко В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психол. журн. 2000. № 2. С. 7–15.
- Лозко В.В. Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания как скалярный и векторный обобщения // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Бушлинского, М.Н. Волошиновой. М.: ИЕР СЭ, 2002. С. 144–160.
- Лозко В.В. Полная, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психол. журн. 2004. Т. 25. № 1. С. 41–51.
- Лозко В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психол. журн. 2005а. Т. 26. № 1. С. 18–28.
- Лозко В.В. Понимание экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или отказании // Вопросы психологии. 2005б. № 4.
- Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004.
- Кудрявцев В.М., Безданов В.П. Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002.
- Леонтьев Д.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Личность и бытие: субъектный подход. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Э.Н. Рабинович, В.В. Зинкова. В 3-х т. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004.
- Лозко В.В. Значение самопонимания в экзистенциальном анализе и психотерапии: сравнение подходов // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 4. С. 150–168.
- Минина В.А. Проблема интеграции психологического знания // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.В. Тарабурной. М.: ИП РАН, 2003. С. 417–432.
- Мэй Р. Открытие Бытия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
- Петропавлов В.С. Путины: Проблема целостности подхода и категория контекста (феноменологические заметки) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 91–104.
- Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. № 3. С. 113–121.
- Проблема субъекта в психологической науке // Под ред. А.В. Бушлинского, М.Н. Волошиновой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.

- Психология индивидуального и группового субъекта // Под ред. А.В. Брундина, М.Н. Волошиновой. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. В.А. Барабанщикова, А. В.Корова. Вып. 2. Москва-Ярославль: Аспект-Пресс, 2002.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Сарбин Г.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постпозитивистическая психология: Журнал конструктивистской психологии и нарративного подхода, 2004. № 1. С. 6–28.
- Сельванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск: Универсум, 2003.
- Степаня В.С. Теоретические знания. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
- Субъект и объект практического мышления. Монография / Под ред. А.В. Карпова, Ю.К. Корнилова. Ярославль: Рендер, 2004.
- Субъект, личность и психология человеческого бытия // Под ред. В.В. Знакова, Э.Н. Рубинской. М.: ИП РАН, 2005.
- Васильев Л.В. Основы психологии субъекта. Саратов: Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2004.
- Лекторское Ю.В. Экзистенциальная психология. Учебно-справочное пособие. М.: ЗАО «Библио-школа Интел-Салют», 1998.
- Фрейд З. Человек в пограничной области. М.: Прогресс, 1990.
- Baner J. Two Modes of Thought // Actual Minds, Possible Worlds. London: Harvard University Press, 1986. P. 11–43.
- Gegen K.J., Gegen M.M. Narrative Form and the Construction of Psychological Science // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct / Ed. by Th.R. Sarbin. Westport, Connecticut, London: Praeger, 1986. P. 23–45.
- Sarbin G.R. The Narrative as a Root Metaphor for Psychology // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. / Ed. by Th. R. Sarbin. New York: Praeger, 1986. P. 3–22.

АКМЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

А.А. Держанин

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ АКМЕОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ

Понятие «акмеология» впервые было введено Н.А. Рыбниковым в 1928 г. для обозначения особого раздела возрастной психологии – психологии зрелости, или взрослости. Символично, что этот термин появился в период бурного интеллектуального и социального поиска 1920-х годов, когда возникли такие отрасли научно-практического знания, как эврилогия (П. Энгельмейер), эргонология (В.Н. Миссионер), рефлексология (В.М. Бехтерев). Если социокультурным прототипом возникновения акмеологии было также течение в русской поэзии начала XX в., как акмеизм (Н. Гумилев, С. Городецкий, А. Ахматова и др.), то ее естественнонаучной предпосылкой стали исследования Ф. Гальтона и В. Освальда о возрастных закономерностях творческой деятельности, а также работы И. Парра, изучавшего зависимость ее продуктивности от различных психофизиологических факторов.

Б.Г. Ананьев в своей книге «Человек как предмет познания» указал таким образом познаваемой акмеологии место в системе наук о человеке, поместив ее в ряд «педагогика – акмеология – геронтология».

Последовательно применяя принцип развития при анализе психофизиологических функций, психических процессов, психических свойств и состояний человека, особенно глубоко Б.Г. Ананьев открылся на него в своей концепции онтопсихологии, сутью которой являлось психологическое исследование бытия человека как индивидуума и личности, субъекта и индивидуальности в онтогенезе (Ананьев, 2001).

Конечным продуктом онтогенетического развития человека, полагал Б.Г. Ананьев, является обретение им собственной индивидуальности,

когда он становится субъектом своего жизнетворчества, самостоятельного, глубоко-осознанного выстраивания своего жизненного пути. Такая индивидуальность фактически представляет собой полисистемное образование, интегрирующее различные свойства личности, субъекта и индивида, пригнанные определенному конкретному человеку.

Индивидуальное развитие Б.Г. Ананьев рассматривал как внутренне противоречивый процесс, зависящий от множества факторов: наследственности, среды воспитания, собственной практической деятельности и т.д. Сложность структуры и факторность объясняют неравномерность и гетерохронность развития человека как индивида, личности и субъекта деятельности.

Имея в виду неравномерность и гетерохронность развития человека как индивида и множественность факторов, которые определяют конкретные характеристики этого процесса и его результат, представляя неравномерность и гетерохронность развития человека как личности и обусловленность его действием широкого спектра специфических причин, а также фиксируя неравномерность и гетерохронность развития человека как субъекта деятельности в сопряжении со всеми факторами, которые характерны для этого случая, нетрудно заключить, насколько сложным оказывается целостное рассмотрение всех этих аспектов развития индивидуальности и насколько поэтому априорно влечет как сам процесс индивидуализации, так и его результат.

Комплексно решая эту чрезвычайно трудную задачу, потребовавшую вычлечения главного члена взаимосвязей между индивидуальными, личностными и субъективно-деятельностными особенностями человека и широко используя для достижения этой цели математические методы обработки данных (особенно корреляционный и факторный анализ), Б.Г. Ананьев и его ученики эмпирически обосновали теоретические представления об индивидуальности как конкретном воплощении психо-биосоциальной целостности человека.

В результате человек предстал как структурированное целое. Полученные в этих исследованиях эмпирические данные показали, что в любом компоненте структуры личности обнаруживаются корреляционные связи между ее разнородными свойствами, функциями, соматическими и психическими особенностями. По предположению, высказанному Б.Г. Ананьевым, эти корреляционные связи являются конкретной формой выражения внутренней условной, детерминирующей психические процессы, а в конечном счете – поведение.

Фактически этими работами Б.Г. Ананьев положил начало новой науке – акмеологии (Ананьев, 1980). В качестве ее предмета он

рассматривал закономерности процесса достижения человеком вершины в своем индивидуальном, личностном и субъективно-деятельностном развитии как правило, это происходит, когда человек поднимается на ступень зрелости (Аваньес, 2001).

В серии работ, выполненных под руководством Б.Г. Аваньеса с применением комплексного метода, было выяснено, что на этапе зрелости жизнь человека полна динамичных и противоречивых комплексов, включает моменты повышения и понижения психофизиологических функций и продуктивности психических процессов.

Сам Б.Г. Аваньес, опираясь на полученные его сотрудниками экспериментальные данные, делал вывод о том, что противоречивое сочетание разнородных процессов образует сложную структуру развития психофизиологических функций взрослого человека в период не только ранней, но и средней зрелости. Эта структура видоизменяется от периода к периоду, о чем свидетельствует соотношение моментов развития в различные микропериоды зрелости. Наибольшая частота относится к стабилизации функционального уровня. Наибольшая частота относится к положительным сдвигам (повышению функционального уровня). Обращают на себя внимание и значительные отрицательные сдвиги (моменты понижения). Однако некоторые отрицательные сдвиги предшествуют оптимумам, являясь, таким образом, скрытыми периодами перестройки функций, подготавливающим их подъем (Аваньес, 2001).

В исследованиях было обнаружено, что определенные количественные накопления изменений (например, в памяти) выступали необходимым условием для качественных изменений (например, в процессе мышления). Такие же тенденции наблюдались и при изучении индивидуальных, личностных и субъективно-деятельностных свойств взрослого, зрелого человека. Например, положительные изменения в мотивационной сфере личности при выполнении конкретной деятельности наступали у человека более быстрого развития способностей, необходимых для успешного выполнения этой деятельности.

Основываясь на обнаруженные феномены, закономерности и механизмы развития человека как целостной системы, Б.Г. Аваньес сделал обоснованный вывод о том, что активная опора на них позволит более успешно, чем раньше, управлять развитием: точнее выявлять периоды, оптимальные для формирования той или иной функции, целенаправленно корректировать проявления того или иного свойства с более тесной привязкой к индивидуальным, личностным и субъективно-деятельностным характеристикам человека и их взаимодействию, строить процесс обуче-

ния и воспитания, предотвращать раннее старение, выводить развитие каждого человека на уровень акме.

Констатируя современное ему состояние разработки этой проблемы, Б.Г. Ананьев отмечал, что изучение взаимосвязей между формированием и развитием различных свойств у человека пока преимущественно было сосредоточено на изучении односторонних (гомогенных) связей между определенными аспектами воспитания и соответствующими им сторонами развития. По его утверждению, опираясь на получаемые таким путем знания, можно прогнозировать получение лишь локально-однолинейных эффектов в воспитании. И только изучение внутренних взаимосвязей между основными сторонами развития человека позволит выявить другой ряд зависимостей между частями воспитания и отдельными сторонами развития – разнородных, перекрестных (гетерогенных) связей, что даст возможность планировать, прогнозировать и получать более мощные и отдаленные во времени от момента воздействия на личность изменения в ее структуре (Ананьев, 2001).

В методологическом плане комплексные исследования, проведенные Б.Г. Ананьевым и его учениками, представляют собой явный прорыв к системному синтезу, который обусловлен целенаправленным изучением основных «якостей» человека – индивида, личности, субъекта деятельности и взаимосвязей между ними как целостного трайстатной структуры, детерминирующей психические явления «изнутри» (Ананьев, 2001).

Идея Н.А. Рыбникова и Б.Г. Ананьева были развиты в работах Н.В. Кузьминой. Осуществляя исследования в области педагогической психологии, она впервые предложила понимание труда учителя (преподавателя) как целостной динамичной системы (и соответственно ввела новое понятие «педагогическая система»), разработала понятие «продуктивность педагогической деятельности» и описала модели высокопродуктивной и малопродуктивной деятельности (педагога, руководителя, ученика). Она также разработала научно-методический инструментарий оценивания продуктивности педагогической деятельности, предложила понятие «педагогический маршрут» в системе народного образования и определила место в нем педагогической системы. Выделенные на этой основе закономерности педагогической деятельности позволили Н.В. Кузьминой наметить пути решения важнейших научно-практических проблем, оставшихся остро актуальными и до сегодняшнего дня – оценки результативности труда учителя и преемственности между отдельными учебными заведениями внутри

педагогического маршрута. Таким образом, это был переброшенный мост от психологической педагогической психологии к дидактике и методам обучения, психологии управления, школоведению (Кузьмина, 1989).

На основе понятия продуктивности педагогической деятельности Н.В. Кузьмина сформулировала ряд положений для обоснования новой науки – акмеологии. В качестве предмета акмеологии Н.В. Кузьмина определяла изучение зрелого человека в период самореализации его зрелости, процесса создания человеком самого себя посредством выработанных в опыте субъективных интегральных слез. Она рассматривает акмеологические закономерности как устойчивые связи между уровнем продуктивности специалиста, результатами, которых он достигает в той или иной области, и факторами, которые обуславливают этот уровень (Кузьмина, 2002).

Параллельно с Н.В. Кузьминой проблемами акмеологии начал заниматься видный отечественный психолог, доктор психологических наук, действительный член шести академий А.А. Бодалев.

Предметом акмеологии А.А. Бодалев считает «феноменологию, закономерности и механизмы развития человека на ступени его зрелости и особенно при достижении им наиболее высокого уровня в этом развитии» (Бодалев, 1998, с. 5).

И.Н. Семенов, впервые осуществивший методологическую рефлексию акмеологии, выделял четыре основных этапа ее развития (Семенов, 1993, с. 21–27). На первом, латентном этапе, складывались исторические, культурологические, социальные, философские, научные, практические, педагогические предпосылки выделения в научном познании такой сферы человековедения, как акмеология. На втором этапе, номинационном, социальная потребность в линии такого рода была осознана и обозначена путем введения в 1927 г. специального термина «акмеология». Третий этап – инкубационный, это начало датируется возникновением концептуальной идеи о необходимости выделения исследований акмеологической проблематики в качестве новой области человековедения. Завершается этот этап выдвиганием программы ревертирования акмеологии в качестве особой дисциплины. Четвертый, институциональный этап связан с созданием ряда социальных структур: акмеологической кафедры, лабораторий в вузах и институтах, Международной академии акмеологических наук. В рамках этих научно-учебных структур ведутся исследования, разрабатываются акмеологические технологии и осуществляется обучение.

В совместной с В.Г. Зиньковым и А.К. Марковой монографии мы предложили несколько новую периодизацию становления акмеологии

как наука, выделяя в этом процессе следующие этапы: имплицитный (развитие представлений о совершенствовании человека и истории, философии, других науках, культуре; на данном этапе особо выделялись методологические проблемы в психологии, педагогике и других областях знаний, имеющих акмеологическое содержание), эксплицитный (становление акмеологии как области знания, связанное с определением специфики ее предмета) и рефлексивной (осмысление содержания, связи общих и специальных методологических принципов) (Дерягин, Завыкин, Маркова, 2000). Впрочем, при разных терминологиях в основном эти периодизации не расходятся.

В любом случае необходимо констатировать, что становление акмеологии завершено. Сейчас можно говорить о новом периоде развития этой науки. Это период, во-первых, ее реального взаимодействия с психологической наукой и психологами, «концентрации» основных ценных с акмеологической точки зрения идей и исследований вокруг акмеологии (К.А. Абульханова, В.Г. Асеев, А.А. Бодалев, Е.А. Климов, А.К. Маркова, В.А. Понизаренко, В.Д. Шадриков и др.). Во-вторых, это период проведения конкретных акмеологических исследований, направленных на проверку и доказательство правомерности основных принципов и средств акмеологии, а также обогащение ее новыми проблемами, данными, моделями, технологиями. В-третьих, в этот период во взаимосвязи с проводившимися исследованиями была осуществлена операционализация акмеологического аппарата, средств акмеологической поддержки (А.А. Бодалев, Ф.С. Анисимов, С.А. Анисимов, А.С. Гусева, Г.И. Марсаганов, Л.Э. Орбан, А.Ю. Павлов, А.В. Ситников и др.). Акмеология выделилась в самостоятельную науку, доказав свою практическую значимость для решения современных социальных, профессиональных, образовательных, педагогических и других проблем.

Своеобразным социальным заказом для развития акмеологии как науки о личности является, о ее совершенствовании и способности высокоэффективно осуществлять свою профессиональную деятельность и социальную роль, жить полноценной жизнью стала острая социальная ситуация в обществе. Перед личностью возникают сложные проблемы, для которых не существует готовых решений. Личность должна проявлять способность действовать в условиях высокой неопределенности и риска, способность мыслить и действовать, что возможно только в том случае, если человек достиг в своем развитии высшего уровня.

Таким образом, цель акмеологии — совершенствование человека, достижение им апекса — вершины своей жизни и развития. В соответствии с этой целью выделяются объект и предмет акмеологии.

В первые годы становления этой науки наиболее интенсивно развивались те ее направления, которые были связаны, главным образом, с профессиональными достижениями зрелой личности. Стремительное развитие этого русла исследований возбуждали идущие навстречу друг другу социальный запрос, теоретические идеи о вершинах и достижениях личности в ее жизненном пути и практика решения профессиональных, кадровых проблем общества во всех его сферах. В связи с этим объектом акмеологии на начальном этапе ее развития являлась прогрессивно развивающаяся зрелая личность, самореализующаяся, главным образом, в профессиональных достижениях, а предметом — закономерности, психологические механизмы, условия и факторы, содействующие прогрессивному развитию зрелой личности и ее высоким профессиональным достижениям (Дерман, Завина, 2003).

Очевидно, что данные определения объекта и предмета науки отражали конкретную ступень ее становления и в содержательном отношении были несколько узки, если исходить из сущности акмеологии как науки о прогрессивном развитии зрелой личности. Но это было связано с естественной гетерохронностью развития акмеологического знания, обусловленной общественной потребностью.

По мере накопления акмеологического знания, расширения объектного поля, обобщения полученных эмпирических фактов, развития теоретико-методологических основ акмеологии научное содержание объекта и предмета акмеологии стало уточняться.

Современная акмеология ориентируется на решение проблемы *согласности социальных и жизненных элементов личностным свойствам человека*. В соответствии с этим строятся ее теоретико-методологические основы. Проведенные теоретические и эмпирические исследования позволяли определить и описать предмет и объект акмеологии на нынешнем этапе ее развития.

Объектом исследования и формирования в акмеологии является достигавший наиболее высокого уровня развития человек как индивид, личность, субъект деятельности и как индивидуальность, а также «совокупные субъекты», достигшие своего акме, то есть малые и большие социальные общности.

Предметом акмеологии являются объективные и субъективные факторы, содействующие или препятствующие прогрессивному развитию зрелого человека, а также закономерности и механизмы, обеспечивающие возможность достижения им высшей ступени развития — акме. Акмеологии исследует также факторы достижения высшей

ступени зрелости малыми и большими социальными общностями, что выражается в приобретении ими качественной определенности, выраженной в соответствующих атрибутах. Поскольку прогрессивное развитие и саморазвитие человека взаимосвязано с процессами познания, общения и деятельности в рамках различных организационных структур, указанные явления также закономерно оказываются в зоне внимания исследователей.

МЕСТО АКМЕОЛОГИИ В СИСТЕМЕ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

Первоначально акмеология понималась и развивалась как раздел возрастной психологии. Однако эта наука приобрела совершенно иной научный статус, как только ее объектом перестал быть широкий спектр всевозможных характеристик зрелого человека как таковых, а на первый план вышло мастерство его профессиональной деятельности, его профессионализм. Именно с этой точки зрения акмеология привлекала к рассмотрению и исследовала различные стороны жизни взрослого человека, характеристики его личности, условия его воспитания и образования, способы и развернутые технологии осуществления им своей профессиональной деятельности, способы овладения и уровень владения ими и т.д. Это исследование было ориентировано на выявление, изучение и дальнейшее практическое использование различного рода факторов, способствующих повышению профессионального мастерства, достижению вершин профессионализма. Понимаясь таким образом акмеология уже не могла рассматриваться только как раздел возрастной психологии. Она вышла за рамки чисто психологической науки, обращаясь к результатам научных исследований, получаемых в других областях знания, например, в социологии и педагогике, а также научая теории и технологии конкретных производств и видов профессиональной деятельности. Эти данные интегрировались акмеологией на основе применения собственных понятий, реализации собственного методологического основания, нацеленного на достижение специфических теоретических и практических целей, не свойственных тем отдельно взятым наукам, данными которых пользуется акмеология.

Профессиональную деятельность изучают, кроме акмеологии, и другие науки. Общая психология, например, исследует механизмы мотивации деятельности, особенности аффективного поведения,

закономерности различных психических функций человека: мышления, восприятия, памяти и т.д. Отдельные направления психологии труда выдвигают особенности психических процессов, наблюдаемые у людей, занятых разными видами профессиональной деятельности, и формулируют рекомендации по оптимизации этих процессов, а также требования, предъявляемые к системе обучения будущих профессионалов, касающиеся степени развития различных способностей. Тезисология и теория различных областей профессиональной деятельности направлены на изучение и разработку предметно-процессуальных аспектов профессиональной деятельности. Полученные в этих исследованиях данные являются исходными для педагогики профессионального обучения, которая занята разработкой способов и конкретных методик обучения специалистов при широком применении данных различных психологических наук. Социология труда исследует складывающиеся в процессе профессиональной деятельности социальные отношения, их закономерности и развитие, способы их диагностирования и воздействия на процесс их протекания.

Акмеология занимает в этом комплексе наук свое особое место. Выдвигая в качестве главной своей задачи изучение факторов, влияющих на повышение профессионализма, и их дальнейшее применение на практике, акмеология проводит собственные исследования и синтезирует данные всех перечисленных выше научных дисциплин на основе ключевого понятия «профессионализм». Так, если предметом психологии труда является профессиональное мышление, то акмеология рассматривает последнее с точки зрения уровня профессионализма и выявления способов его повышения, основывающихся на использовании не только психологического, но и педагогического, социологического, медицинского и технологического знаний. С этой целью акмеологами анализируются различные технологии конкретных видов профессиональной деятельности, выявляются наиболее продуктивные из них, разрабатываются методологические основания и реализуются методики внедрения наиболее продуктивных технологий в различные сферы профессиональной деятельности людей, при этом широко используются данные психологии и педагогики. Таким образом, акмеология предоставляет практикам не просто рекомендации относительно того, какие параметры различных характеристик профессиональной деятельности, выявляемые самой акмеологией, наиболее желательны, но и собственно акмеологический продукт — способы достижения их соответствия таким параметрам. Эти способы реализуются акмеологами-практиками, а также передаются в распоряжение обучаемых ими

профессионалов для дальнейшего самостоятельного использования с целью повышения уровня своего профессионализма.

В целом можно говорить об акмеологии как о науке, находящейся на стыке естественных, общественных и гуманитарных дисциплин. Первичность акмеологии по отношению к уже сложившимся наукам о человеке заключается в том, что она исследует весь жизненный путь человека. Это позволяет синтезировать накопленные роды факторов из области генистика, физиологии, медицины, всех отраслей психологии, педагогики, геронтологии, философии, социологии и выявить «пересечения» жизненной и профессиональной вершин, установить новые закономерности жизненного пути человека. На основании этих закономерностей можно моделировать рациональные технологии деятельности и саморазвития и обучать им профессионалов, будущих и настоящих, формируя и перестраивая их мышление.

Акмеология исследует реальность, в которой имеются специалисты разных уровней профессионализма и эффективности деятельности: различные, хорошие и посредственные учителя, врачи, инженеры, техники, рабочие, деятели, ректоры, учащиеся, исследователи и др. При этом она стремится ответить на следующие вопросы: что отличает способы решения учебно-познавательных или профессиональных задач специалистами разной степени продуктивности? За счет каких факторов (почему) им удается решать задачи на том или ином уровне продуктивности? Это и позволяет выявить новые объективные закономерности.

Акмеология обобщает достижения смежных наук: философии и теории познания, социологии, психологии (общей, дифференцированной, педагогической), психологии труда (педагогического, медицинского, инженерного, военного и т.д.), педагогики высшей школы в той специальной области знаний, которую человек использует при решении профессиональных задач. Само появление акмеологии связано с возможностями сбора и обработки первичных материалов исследования, обучения, совершенствования и коррекции профессиональной деятельности с помощью компьютера.

Свою интеллектуальную определенность акмеология приобретает вследствие центрированности на выявлении, описании, анализе феноменологии акме-формы в жизнедеятельности человека, его становления не просто как профессионала, но как индивидуальности, его психологически творческого и социально успешного движения по жизненному пути.

Полученные в результате акмеологических исследований научные знания о закономерностях и способах достижения вершин профессио-

качества (Деркач, Завыкин, Маркова, 2006) и творчества (Погомарев, Семенов, Степанов, 1990) характеризует такой интегративный по своей социокультурной природе и системообразующий по методологическому значению онтологический атрибут, как «акмеологичность» социокультурного бытия человека.

Сформированные акмеологией методологические принципы, концептуальные подходы и исследовательские стратегии, а также разработанные ею практически ориентированные технологии позволили встроить эту дисциплину в систему современных наук, констатировать ее категориально-методологически как науку, выявить конкретные дисциплинарные особенности, которые характеризуют ее как специфическую отрасль предметно-методического знания, обеспечить внедрение полученного ею знания в социальную практику (Деркач, 1999–2001).

Конкретным акмеологическим исследованиям присущи три основные ориентации: естественнонаучная, технологическая и гуманитарная (Семенов, 1998).

Естественнонаучная ориентация акмеологии выражается, во-первых, в том, что она, стремясь оформиться в качестве самостоятельной науки, методологически во многом следует дисциплинарным стандартам (в виде изучения в эксперимент фактов, механизмов, закономерностей, их статистической достоверности и т.д.), которые сложились еще в классическом естествознании. Во-вторых, при анализе ряда акмеологических проблем (природы одаренности, генетических и психофизиологических компонентов способностей, психологических предпосылок становления профессионализма и т.д.) имеют место апелляции к естественнонаучным знаниям на сферы возрастной физиологии, психофизиологии труда.

Гуманитарная ориентация акмеологии проявляется еще более многообразно. Привидясь к наукам о человеке, она обретает свою онтологическую определенность, с одной стороны, на базе генетического взаимодействия с этими науками в ходе исторического развития, а с другой — в предметном обособлении от них в качестве формирующейся самостоятельной дисциплины.

Разумеется, в до возникновения акмеологии психологи, социологи, педагоги исследовали вопросы профессионализма, творчества, образования взрослых, которые во многом сходны с акмеологической проблематикой. Однако именно особый акцент на изучение созревающих мастерства, на культивирование его акме-форм привел сначала к зарождению специфически акмеологической проблематики, затем

и концептуально-методическому построению оригинальных акмеологических технологий и, далее, — к возникновению и оформлению особой науки со своими специфическими предметом и методами.

Технологическая ориентация акмеологии проявляется не столько в непосредственном взаимодействии с техническими науками (кибернетикой, системотехникой, теорией информации и т.п.), сколько в использовании присущих им алгоритмически четких стандартов практически ориентированного прикладного знания. При этом, с одной стороны, важно иметь в виду, что акмеология взаимосвязана с техническими дисциплинами не напрямую, а опосредованно, в частности, эргономикой, которая направлена на оптимизацию человеческого фактора в технике (например, в автоматизированных человеко-машинных системах управления и т.п.). С другой стороны, необходимо учесть двустороннее влияние на акмеологию современной праксиологии как технологизации гуманитарного знания, например, в форме психотехники и игротехники, инноватики и рефлексивки, так и гуманитаризации технических наук (концепции бионика, соционика, синергетики и т.п.).

Конкретные исследования, проводимые специфическими для акмеологии методами, носят комплексный, междисциплинарный характер, ибо предполагают системное использование знаний, полученных в смежных с ней науках о человеке — как традиционных (философия, генетика, экология, культурология, педагогика), так и недавно возникших (эргономика, эриетика, рефлексивка и др.).

В акмеологическом плане в качестве системообразующего фактора интеграции указанных типов научных знаний выступает тот их аспект, который определяет возможности их конструктивного использования в качестве «знанных средств» решения важнейшей практической задачи культивирования человеком своего профессионализма вплоть до его высшей, собственно «акме-форма», которые и подлежат дальнейшей трансляции в культуру.

Как конкретная научная дисциплина акмеология характеризуется тем, что она:

— в онтологическом плане охватывает такую сферу человеческой реальности (прогрессивное развитие зрелой личности), которая специально не рассматривается другими областями человековедения и, тем самым, в своей специфически акмеологической сущности, не может быть выведена чисто теоретически или эмпирически охарактеризована путем простого использования и последующей интеграции знаний из смежных с акмеологией наук;

– в *акмеологическом* плане познает собственно акмеологический аспект человеческой реальности специфическими для себя методами, представляющими собой технологию как проведения экспериментальных и эмпирических исследований, так и внедрения их результатов в социальную практику в виде соответствующих приемов саморазвития профессионализма и его формирования у партнеров по профессиональной деятельности;

– в *аксиологическом* плане выражает ту ценность, согласно которой одной из целей жизни человека является его направленность на достижение вершин в различных сферах жизнедеятельности;

– в *методологическом* плане представляет собой новую самостоятельную научную дисциплину: междисциплинарную по своему происхождению, комплексную по форме существования, системную по способу организации знания, фундаментальную по общенаучным параметрам и прикладную по практической направленности своих технологических разработок.

Таким образом, можно говорить о становлении и самоопределении акмеологии как особой области науки и практики, по существу, обладающей статусом метанауки и метапрактики.

ХАРАКТЕРИСТИКИ АКМЕОЛОГИИ КАК КОМПЛЕКСНОГО ЗНАНИЯ НОВОГО ТИПА

Акмеологию как науку отличают фундаментальность, гуманистическая направленность и интегративность.

Фундаментальность акмеологии проявляется в том, что она сразу четко и непротиворечиво обозначила свой объект, предмет и проблематику, при этом не занимая ничьей «научной ниши», как это нередко случается с другими науками: исследования прогрессивного развития зрелой личности в силу каких-то причин не стали центральными в психологии и смежных с ней науках и осуществлялись бессистемно, в известной мере стихийно и вскользь. Акмеология быстро прошла этапы, необходимые для становления любой науки. В результате теоретико-методологических исследований, объединенных общей идеей прогрессивного развития личности и поиска соразмерности социальных и жизненных изменений личностным свойствам человека, была создана система методологических принципов акмеологии. Обоснованы и описаны общеметодологические принципы, суще-

тивные для акмеологии: комплексный, системный и субъективный подходы; принципы детерминизма и социальной детерминации личности, развития и гуманизма. Выявлены и описаны конкретные методологические принципы: личностный, субъекта, деятельности, жизнедеятельности, активности, потенциальности, психосоциальный, оптимизации (Дерягин, 1998).

Общие и конкретные методологические принципы определили проблемное пространство, специфику ориентации акмеологии в ее подходе к человеку, социальную и личностную потребность в данной области знания. Они позволили выявить специфику ее объекта – развивающейся личности и подчеркнуть субъективный характер этого развития.

Разработана методологическая модель предмета акмеологии, позволяющая проследить переход от реального состояния, качества и уровня развития личности (и ее профессионализма) к будущему идеальному (Дерягин, 2004). Модель включает нейтральную характеристику наличного состояния и потенциала личности, алгоритмов и способов его развития, образа будущего состояния, описания контрольных механизмов и принципов функционирования обратных связей.

В акмеологии успешно развивается собственный методический инструментарий. Наряду с общенаучными методами (анализ, обобщение, структуризация и факторизация и др.), в акмеологии активно используются методы ее родной науки, психологии – опрос, наблюдение, анкетирование, тестирование, моделирование и пр. В настоящее время разработаны и собственно акмеологические методы: акмеографические описания и построение акмеграмм, – которые показали свою перспективность и «доводятся» до широкого применения в научных исследованиях и практике (Анисимов, Дерягин и др., 2000).

Фундаментальность акмеологии как науки подтверждается разработанными в ее рамках теоретическими концепциями, среди которых следует выделить концепцию личностно-профессионального (Дерягин, 1997) и гуманитарно-технологического развития (Гусева, Дерягин, 1997), концепцию развития нравственной культуры (Корниенко, 2003), акмеологическую концепцию профессионализма деятельности в особых и экстремальных условиях (Дерягин, Залыкин, 1998), концепцию рефлексивной самоорганизации творческого мышления (Степанов, 1998), концепцию акмеологического воздействия (Кариченко, 1999), концепцию аутоэкологической компетентности (Степанова, 2000), концепцию акмеологической культуры (Селюксова, 2004) и др.

Теоретическая акмеология вплотную подошла к описанию акмеологических законов и закономерностей, для которых характерен ряд особенностей.

Акмеологические законы и закономерности являются выражением устойчивых связей и отношений. Примером тому могут служить связи и отношения между уровнем одаренности личности и ее движением к профессионализму. Очевидно, что при равных «стартовых» возможностях эта связь в общем виде прямо пропорциональна — чем выше одаренность, тем больших вершин профессионализма можно достичь. На определенных этапах развития эта зависимость может иметь различный характер: линейный или экспоненциальной, — но тенденция всегда сохраняется. Другой пример устойчивой связи — связь между уровнем самоорганизации и динамикой движения к профессионализму. И здесь связь также в общем виде прямо пропорциональна.

В акмеологических законах и закономерностях интегрируются субъективное и объективное, внешнее и внутреннее. С одной стороны, акмеология следует строгим критериям объективности и при диагностическом исследовании личности, и при определении алгоритмов и стратегий оптимизации ее развития, деятельности и жизни в целом. Акмеология должна располагать точным знанием и на «выходе». С другой стороны, акмеология едва ли не в большей степени, чем психология, ориентируется на личность как субъекта, на ее самостоятельность, активность в процессе совершенствования, а потому не может не учитывать индивидуальный, произвольный, субъективный характер этого процесса. Можно говорить о том, что объективность акмеологических законов и закономерностей обусловлена действующими условиями, относящимися к «дестартовому» периоду развития личности. Субъективность же связана с индивидуальными особенностями, с «преломлением» объективных факторов сквозь призму внутренних условий.

Акмеологические законы и закономерности характеризуются повторяемостью. Именно повторяемость позволяет «тиражировать» акмеологические методы и технологии развития профессионализма.

Акмеологические законы и закономерности имеют социально-антропологический характер. Это значит, что эволюционно-природные особенности человека, сущностные характеристики его внутренних сил должны быть интегрированы по субординационному или координационному принципу с социальными условиями его жизнедеятельности. На современном уровне знания возникает проблема двойственной природы человека, предполагающая учет

множества взаимосвязей достигаются этой акмеологией и выявлены представляющих этому факторов. Акмеология выросла на основе синтеза анимевских разработок человекознания и акмеологических идей педагогика, разработанных Н.В. Кузьминой и нами в методолого-теоретическом и операциональном планах. Анимевская парадигма была парадигмой знаний о человеке, ориентированной на междисциплинарные исследования. Парадигма Дерягина–Кузьминой содержала оперативно-моделирующий, практически содействующий развиваемый аспект. Таким образом, в акмеологии соединились два зерна одного замысла — *знания о человеке и его мышлении, развитии*. На этапе институционализации акмеологии выявилась социальная потребность в науке, которая *значима бы прогрессу общества*. К этому моменту идея социально-исторического прогресса дискредитировала себя. Обнаружилось, что технический прогресс, столь много давший человечеству, пришел в противоречие с человеческим фактором и привнес в возникновение экологических проблем. Отсюда возникла тенденция поисков прогресса не в совершенствовании социальных систем и их управлении, не в бесконечном улучшении техники, а в *осознанном социальном и выделенном систем с человеком на основе осознания их соотношения и деятельности человека как субъекта*. Именно поэтому мы говорим, что законы и закономерности акмеологии носят не чисто антропологический, а социально-антропологический характер.

Акмеологические законы и закономерности являются критериальными. Это не описательные и не объяснительные законы, как в других науках, тем более, это не законы «понимающей психологии» (по Дильтему). Говоря о критериальности, мы имеем в виду, что при диагностике валичного состояния объекта (личности, «оригинала») необходимы сопряженные с ее целями критерии — критерии определения уровней, по которым будут распределяться ресурсы, критерии дефицитов и потенциалов их данного состояния, критерии для привлечения акмеологических, т. е. развивающих, оптимизирующих средств.

Для акмеологии принципиальное значение имеет ломовское суждение об изменчивости, нормативности психического и возникающей отсюда сложности обнаружения инвариантности, устойчивости (Ломов, 1989). На наш взгляд, это противоречие разрешается в акмеологии следующим образом: должны быть выявлены, с одной стороны, критерии целевого направления развития, критерии желательного качества, а затем, в соответствии с ними — выделены уровни его настоящего, данного состояния, классифицированы средства, содействующие развитию, и факторы, ему препятствующие. Но глав-

вым, однако, оказывается все же определяемая в качестве закона зависимость достижения желательного состояния самим субъектом. Желательные качества, их критерии приобретают свою конкретность и определенность в понятиях «профессионализм», «компетентность», «личностно-профессиональный потенциал», «акмеологическая культура» и т.д. Этот закон проявляется в конкретных закономерностях, которые каждый раз подлежат изучению и моделированию — в этом и состоит задача акмеологов как исследователей.

Законы психологии следны с законами акмеологии еще в одном, отмеченном В.Ф. Ломовым аспекте; они раскрывают разные измеренные психического (Ломов, 1999). Как уже говорилось выше, модель предмета акмеологии включает разные модальности — фактического состояния объекта, способа его изменения и идеального состояния, однако общий закон акмеологии должен состоять в учете их интегральности, неразрывной связи.

Акмеологические законы и закономерности относятся к классу «законов-тенденций», отличающихся «нежесткостью», вариативностью относительно устойчивого объекта. В их числе находятся отмеченные Б.Г. Ананьевым «резервы», «зона ближайшего развития» Л.С. Выготского и др. С этой особенностью законов связана ориентация и психологии, и акмеологии на временные характеристики личности, ее жизни, развития. Для акмеологии представляются существенными параметры именно развивая при учете его прогрессивного, нелинейного характера, а также понятие «современность», близкое понятию «состативность», но носящее принципиальный для соотношения личности и социума характер. Оптимизация деятельности должна достигаться за счет своевременности действий, решений, поступков личности, их соответствия событиям и задачам деятельности.

К числу законов В.Ф. Ломов относит те закономерности, которые определяют соотношение психических явлений. Однако в акмеологии понятие структуры, на наш взгляд, уступает место понятию модели. Понятие «моделирование» употребляется не только применительно к общей методологической модели самого предмета акмеологии, но и к отдельным частным случаям, например, к моделированию ситуаций, содействующих развитию личности, моделированию акмеологических средств и т.д., в данных условиях оптимизации деятельности.

Временность законов проявляется в частных закономерностях, во-первых, и в различии ведущих системных способов связи составляющих в разных акмеологических исследованиях, во-вторых. В одних случаях системообразующим фактором выступает *личность* в де-

тельности — когда выявляются закономерности готовности к той форме деятельности в тех ситуациях, готовность в которых носит решающий характер, т.е. строится специфическая система или модель. В других случаях системнообразующим и центральным для исследования понятием оказывается оптимизируемая той или иной, например, управленческой деятельностью, и тогда выявляется существенный, необходимый и достаточный набор составляющих, который становится определяющим для осуществления данной деятельности в будущем и входит в нормативные рекомендации.

Благодаря огромному числу проведенных исследований выявленные акмеологические законы и закономерности носят уже не проблемный, а аксиоматический характер.

Наконец, акмеологические законы и закономерности носят *целовой* характер, т.е. и процедуры объективного диагностирования, и технологии развития, и субъективные способы совершенствования самого субъекта имеют *одну и ту же цельную направленность* на оптимальность, высший уровень совершенствования.

Фундаментальность акмеологии также проявляется и в ее обширных междисциплинарных связях. Прогрессивное развитие личности осуществляется в процессе деятельности, общения и взаимодействий, поэтому акмеология, на первом этапе заданная о себе как о направлении возрастной психологии, тесно связана с такими направлениями общей психологии, как психология личности, дифференциальная психология, психология творчества. У акмеологии весьма тесные связи с психологией труда и социальной психологией, особенно в разработке проблем профессионализма личности и деятельности. Междисциплинарные связи с науками, не входящими в психологический комплекс, привели к возникновению специальных направлений акмеологии, таких как педагогическая (Н.В. Кузьмина), военная (П.А. Корженевый, Л.Г. Лагтев, В.Г. Михайловская), политическая (В.М. Герасимов), медицинская (В.А. Храник), юридическая (А.В. Караченко). Отмечено, что разработка проблем профессионализма в какой-то конкретной области деятельности приводит к движению научного знания по траектории «отдельное — особенное — общее», что стимулирует выделение новых направлений акмеологии. Процесс дифференциации знания является естественным для науки, но необходимо, чтобы он сопровождался интеграцией, проявляющейся в углубленной разработке теоретико-методологических основ акмеологии.

Проманализируем теперь такую характеристику акмеологии, как ее *дуалистическая направленность*. В исследованиях Н.В. Кузьминой

(Кузьмина, 1985, 1995) было показано, что профессионалами высокого класса становится около 5% тех, кто занят в том или ином виде профессиональной деятельности. У остальных успехи существенно скромнее, а следовательно, ниже самореализация в профессии и жизни, что в конечном счете складывается на самооценку личности и приводит к негативным для нее последствиям. Заметим, что потребности в самореализации являются у подавляющего большинства людей высшими удовлетворенными, а следовательно, всегда остро актуальными. Акмеология, в силу своей объектной и предметной направленности, стратегических целей, сформулированных в решаемых научно-практических задачах, призвана изменить сложившуюся негативную ситуацию. Акмеологическое знание помогает людям в личностной и профессиональной самореализации, в профессиональных и жизненных достижениях.

Гуманистическая направленность акмеологии определяется также ее сугубо личностной ориентированностью, проявляющейся в определении акмеологических условий и факторов, способствующих прогрессивному развитию личности на индивидуальном и отдельном уровнях, а не только на уровне общего и особенного. То есть все разработки акмеологии направлены в первую очередь на благо конкретной, а не абстрактной личности, гармонизацию ее развития и отношений. Акмеологические методы и технологии всегда ориентированы на проблемы конкретной личности. Данный аспект делает акмеологическое знание практически направленным и практически востребованным.

Наконец, акмеология развивается как наука интегрирующая. Все ценное и значимое, что накоплено в человековедении, аккумулируется акмеологией и направляется на прогрессивное развитие личности и ее творческую самореализацию. Это интегративное качество акмеологии не противоречит конкретизации ее исследований с дифференциацией.

Сегодняшняя акмеология является наиболее интегративной наукой, которой удалось за сравнительно короткое время не формально-логически, а содержательно объединить множество смежных наук и областей знания, целенаправленно используя их данные в своем предмете. Каждая наука имеет свой предмет исследования, естественно, дифференцирует его от предметов других наук. В силу комплексного характера акмеологии она, напротив, соотносится с другими науками и взаимодействует с ними. Именно поэтому столь важную роль играет в ней методология, на уровне которой осуществляется целенаправленное преобразование данных других наук с помощью методологических

принципов, несущих более универсальный характер. Одновременно методологические принципы акмеологии задают операциональные направления, по которым должны интегрироваться и использоваться различные знания.

Методология познания субъекта жизнедеятельности, сложившаяся в рамках традиционной парадигмы, как свидетельствует практика, не обеспечивает качественно новых возможностей. Более того, в новой ситуации не все стереотипы познания отвечают социальным требованиям. Как следствие такого подхода, каждая наука в отдельности получает частичное знание о феноменологии субъекта жизнедеятельности. Соответствующие учебные дисциплины тоже отчасти доносят эти парциальные знания до практиков. Не получив изначально целостного конструктивного оформления, фрагментарные знания о субъекте труда и жизни на практике нередко и, можно утверждать, в значительной мере оказываются не востребованными. Все это привело к необходимости поиска принципиально нового подхода, обобщивающего сплеск сведений, получение целостной картины субъекта жизнедеятельности и при этом учета сто включенности во все реальные связи и отношения. Именно такой подход и предложила акмеология. Его суть состоит в следующем.

Использование в акмеологическом познании философских теоретико-методологических положений позволяет выбрать общее направление выработки интегративного подхода. Эти положения также указывают, где и как найти оптимальные точки сопряжения интересов различных наук в исследовании и решении проблемы.

Таким образом, акмеология, не оспаривая функции философии, но используя ее возможности, первой пришла на себя роль «интегратора», призванного изучать, развивать и оптимально содействовать целостному самовыражению человека. Для реализации избранного акмеологией целостного подхода потребовалось не только соучастие философии, но и активное сотворчество со многими другими науками в сферах человекознания и человековедения.

Особую фундаментально-прикладную роль для акмеологии играет психология, в рамках которой она получила признание и успешно развивается.

Последователи и ученики акмеологической школы Б.С. Аманжолова в последние годы успешно применяют акмеологический подход для исследования проблем различного характера — профессиональной деятельности, личностного развития, творческой самореализации, оптимизации в различных сферах социальной практики и других.

В центре акмеологического исследования обязательно оказывается целостный социальный субъект, индивидуальный или групповой, который включен во все многообразие реальных связей и отношений.

Сущность акмеологического подхода заключается в осуществлении комплексного исследования и восстановления целостности субъекта, проходящего ступень зрелости, когда его индивидуальные, личностные и субъектно-деятельностные характеристики изучаются в единстве, во всех взаимосвязях и опосредованиях, для того, чтобы содействовать достигновению им высших уровней развития. Интеграция данных, получаемых при таком подходе к изучению человека, — процесс необычайно трудный, требующий создания особой методологии, а также техники их научно-корректного сопряжения друг с другом.

Для акмеологии важно, что сегодня психология проходит этап переосмысления своих основ, взаимоотношений с другими отраслями знания и реальной практикой, утверждается в качестве силы, способной изменить мир, а не только и самого человека во имя его блага. Представляется конструктивной традиция отечественной психологии опираться на картину мира, в которой ведущие позиции отдают человеку-деятелю, создающему себя и окружающий мир. Сегодня все настойчивей звучат голоса о необходимости новых подходов, представлений, парадигм, все большее число психологов ставит вопрос о смещении акцентов с объяснения на описание, с всеобщности — на уникальность и неповторимость, с фрагментарно-парциального изучения — на целостно-интегративное познание и преобразование.

Новая ситуация в психологической науке порождает проблемы, связанные с уточнением предмета, выявлением в науке соотношения теоретико-методологического и прикладного, определенном взаимодействии психологии с естественными, общественными и техническими науками. В частности, важно выделить не только философский или общенаучный уровень методологии, но и ее конкретно-научный и процедурно-методический уровни. Именно в рамках такой методологии стала возможной реализация целостно-интегративного подхода. Кроме того, акмеологический подход предполагает целостность и интеграцию знания в рамках единой системы не только исследовательских, но и деятельностных, развивающих моделей, алгоритмов и технологий.

Акме — это высшее состояние человека, которое хотя и занимает значительный по временной протяженности этап его жизни,

но всегда реально показывает, насколько он состоялся как гражданин, как профессионал-деятель, как бедная или богатая своими связями с окружающей действительностью личность. Вместе с тем оно никогда не является статичным, отличаясь большей или меньшей вариативностью и изменчивостью.

Чтобы целостно понять человека как «субъекта», как «носителя» всех этих «интенсивов» и осмыслить всю сложность зависимостей между ними, необходимо свести в единую «картину» результаты изучения конкретного человека, полученные в исследованиях, проведенных с позиций разных наук.

Построение целостной «картины» человека, проходящего ступень зрелости, предполагает, что его индивидуальные, личностные, субъективно-деятельностные и непостоянно-индивидуальные макрохарактеристики постигаются и развиваются в единстве, во всех их взаимосвязях и опосредованиях. Они выявляются акмеологией в ходе осуществления ее взаимосвязанных исследовательских и развивающих функций. Интеграция данных, получаемых при таком подходе к изучению человека как социального субъекта, — процесс необычайно трудный. Он потребовал создания особой методологии, процедур, а также техники их научно-корректного сопряжения друг с другом.

Таким образом, в методологическом плане акмеология по своему общенаучному статусу является современной комплексной наукой фундаментально-прикладного характера.

Фундаментальность акмеологии проявляется в том, что она познает закономерности такой сферы реальности, которая в своей онтологической определенности не сводится к никакой другой существующей ныне науке.

Прикладной дисциплиной акмеология является в том смысле, что она разрабатывает на базе познанных фундаментальных закономерностей практически ориентированные технологии, которые не могут быть выведены из уже существующих социологических процедур, психологических методов и педагогических приемов. Акмеологические методы и технологии должны обеспечивать такие общепризнанные виды деятельности, как диагностика, коррекция, развитие. Причем собственно акмеологические технологии выделены на создание акмеологической инфраструктуры для экологически-комплексного культивирования творческих способностей, обеспечивающих саморазвитие человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Акмеология: итоги, проблемы, перспективы. Материалы научно-практической конференции, посвященной 10-летию кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности / Под ред. А.А. Дерягина. М.: РАГС, 2004.
- Акмеология: Учебник / Под общ. ред. А.А. Дерягина. М.: РАГС, 2002.
- Алякин Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
- Алякин Б.Г. Избранные психологические труды / Под ред. А.А. Бодалева, Б.Ф. Лозова. В 2 т. М.: Педагогика, 1984.
- Алякина О.С. Акмеология и методология: проблемы психологии и эпистемологии. М., 1998.
- Алякина С.А., Дерягин А.А., Ковалева Н.В., Павлов Б.С. Методы акмеологических исследований. Учебное пособие. М.: РАГС, 2000.
- Бодалев А.А., Рыбкович Д.А. Как становится великим и выдающимся. М.: Киев, 1997.
- Бодалев А.А. Актуальные проблемы акмеологии // Вопросы акмеологии. Вып. 12. Саратов, 1998.
- Бодалев А.А. Переходы в развитии взрослого человека, характеристики и условия достижения. М.: Феникс: Наука, 1998.
- Бодалев А.А., Алякин Б.Г. Основные акмеологические закономерности человеческой жизни // Мир психологии, 1999, № 3, С. 11–23.
- Бронский В.В., Пономарев С.Д. Социальная структура и акмеология. СПб.: Политехника, 2002.
- Вашкин И.Ф. Креативная акмеология. Минск, 1998.
- Волков И.П. Спортивная психология и акмеология спорта. СПб., 2001.
- Гусев А.С., Дерягин А.А. Оптимизация гуманитарно-технологического развития государственных служащих. М.: Агентство «Квант Т», 1997.
- Дерягин А., Лозова В. Акмеология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2003.
- Дерягин А.А. Акмеологические основы развития профессионала. М.: МПСИ; Воронеж: НИО «МОДЭК», 2004.
- Дерягин А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1–5 // Кн. 3. Акмеологические резервы развития творческого потенциала личности. М.: РАГС, 2000.
- Дерягин А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1–5 // Кн. 4. Развитие качественной сферы профессионала. М.: РАГС, 2001.
- Дерягин А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1–5 // Кн. 2. Акмеологические основы управленческой деятельности. М.: РАГС, 2000.
- Дерягин А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1–5 // Кн. 5. Акмеологические технологии динамики и актуализации личностно-профессионального роста. М.: РАГС, 2001.

- Дерягин А.А. Методолого-прикладные основы психологических исследований. Монография. М.: РАГС, 1999.
- Дерягин А.А., Зильман В.Г. Профессиональные деятельности в особых и экстраординарных условиях // Дерягин А.А., Зильман В.Г., Маркина А.К. Психология развития профессионала. М.: РАГС, 2000.
- Дьяченко В.М. Психологические особенности госслужащих: рационального управления и их профессиональный рост. М.: МААН, 1997.
- Дьяченко В.М. Психологические условия и факторы оптимизации личностно-профессионального развития госслужащих: рационального управления. М.: МААН, 1997.
- Психолого-аксиологические основы. М.: РАГС, 1998.
- Карпенко А.В. Аксиологические подходы в профессиональной деятельности: теория, методология, психология. М.: РАГС, 1999.
- Коренькова И.А. Новые исследования экзистенциально-ценностной сферы личности. Новосибирск: СибАГС, 2003.
- Курьянов-Бришно Н.В. Предмет аксиологии. СПб., 2002.
- Курьянов Н.В. Профессиональная деятельность преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища. М.: Высшая школа, 1989.
- Курьянов Н.В. Способности, одаренность, талант учителя. Л., 1985.
- Курьянов Н.В. Теоретический потенциал специализации: Аксиологические проблемы развития // Гуманизация образования, 1995, № 1.
- Лавин Е.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1999.
- Маркина А.К. Аксиология: основы, сфера, границы, ценности. СПб., 2001.
- Основы общей и прикладной аксиологии / Под ред. А.А. Дерягина. М.: РАГС, 1995.
- Панкратов В.А., Селезнев И.Н., Степанов С.Ю. и др. Психология творчества: основы, дифференциальная и прикладная. М.: Наука, 1999.
- Селезнева Е.В. Развитие аксиологической культуры личности / Под ред. А.А. Дерягина. М.: РАГС, 2004.
- Селезнева И.Н. Аксиологический подход к развитию духовных ценностей и творческих способностей в интрарефлексии // Духовная деятельность и ее специфика. Запорожье, 1993. С. 21–27.
- Селезнева И.Н. Аксиология – новое направление междисциплинарных исследований человека // Общественные науки и современность, 1998, № 3. С. 134–135.
- Степанов С.Ю. Психолого-аксиологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. Монография. М., 1998.
- Степанов Л.А. Аксиологические методы деятельности и развития аутопсихологической ответственности государственных служащих. М.: Златоцвет, 2000.

ОБЩАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ: КОНТУРЫ И КОНТЕКСТ

В.А. Петровский

Не составляет какого-либо открытия тот факт, что «психология личности» сегодня — это не одна дисциплина, а две: фундаментальная психология (ее называют еще «академической») и практическая психология (практика психологического консультирования). Каждая из них занимает свою нишу в общественном сознании и жизни общества. Проблемы, подходы, критерии достоверности, категориальный аппарат этих двух психологий принципиально различаются. «Объективность», «Истина», «Детерминизм», «Гипотеза», «Операционализация терминонов», «Статистические методы», «Интерпретация результатов», «Наушность» и т.п. — таковы понятия фундаментальной науки. «Субъективность», «Свобода — Ответственность — Выбор», «Психотелеологический миф», «Метафора», «Уникальность», «Понимание и принятие», «Рост личности изнутри» и т.п. — так «позиционирует» себя практическая психология. Психологи-исследователи и психологи-практики публикуют свои работы в разных журналах, имеют разную читательскую аудиторию. В России различия затрагивают даже уровень материального благосостояния тех и других (быть успешным практикующим психологом — значит, худо-бедно, иметь средства к жизни, что отчасти объясняет волну перепрофилирования академических психологов, которые буквально хлынули в практику).

К факту сосуществования двух психологий можно относиться по-разному. Его можно игнорировать (психологи-практики и психологи-исследователи порой как бы не замечают присутствия друг друга¹⁷). Его можно принять как должное и, более того, — как великое везение. Но можно усмотреть в этом факте также и симптомы некоего

¹⁷ Слово, а значит, и дело: «Там один пошел, и каждый встретил // другого подвешенной улыбайкой».

серьезного кризиса, – быть может, одного из самых серьезных за всю историю существования психологии¹⁰. Симптомы кризиса, последовавшего за тем, о котором писал Л.С. Выготский в «Историческом смысле психологического кризиса». И в самом деле, разве не очевидно для нас пресмыкательство сегодняшнего кризиса «двух психологий» с дуализмом «объяснительной» и «описательной» психологии начала XX в.? Очередной раз целостность психологии как науки оказывается под ударом.

Из двух возможных вариантов исхода этого кризиса раскола психологии или синтеза ее направлений – рассмотрим вторую возможность. И заключимся мы, на наш взгляд, в том, чтобы содействовать рождению особого направления в психологии, которое мы назовем «общей персонологией» (в развитие проекта «общей психологии» Л.С. Выготского и раскрывая в ней новые грани).

Термин «персонология» уже существует в науке. Генри Мюррей называл свою психологическую теорию «персонологией». «Психологический словарь» Артура С. Ребера предлагает также еще одно значение этого термина: «изучение личности» (Ребер, 2003). Говоря об общей персонологии, мы имеем в виду нечто большее, чем психологическое исследование личности, реализуемое в той или иной научной теории: общая персонология есть мета-теория по отношению к теоретико-экспериментальным исследованиям, центрированным на личности, а также фактам и наблюдениям из области многоплановой психологической практики развития и поддержки личности. «Общая персонология», в отличие от «персонологии» Мюррея и всех других ныне существующих теорий личности, исследует себя, свою ценность, в качестве инструмента практической и духовной жизни людей, источника развития и саморазвития человека; тестирует принципы фундаментальной психологии и, таким образом, «составляет психологию перестраивать свои принципы так, чтобы они выдержали высшее испытание практикой» (этой цитатой из Л.С. Выготского мы подчеркиваем преемственность «общей психологии» и «общей персонологии»).

Итак, «общая персонология», если иметь в виду замысел ее построения, это психологическая теория личности, выступающая со стороны эффектов своего воздействия на личность; практическая психология как прикладная психология личности. Теория и практика – лицом к лицу.

¹⁰ Ф.Е. Василюк говорит – «слезно» (см. Post Scriptum).

Контекст формирования новой психологии – это:

- Человечествование,
- Социальная практика,
- Педагогическая антропология (осуществляющая связь первого и второго – см. рисунок 1).

Разумеется, *человекочеловек* – это нечто большее, чем психология: это философия, религия, наука, литература, искусство, свидетельства сознания субъектов истории (идеологов, политиков, духовных наставников). *Социальная практика* – это все то, что относится к сфере «человечно-социально» (в отечественной науке ранее это было принято обозначать как «духовное производство», «производство человека человеком»). Такое образование в самом широком смысле – как личность-образовательные движения. *Педагогическая антропология* – это нечто базовое по отношению к «обучению», «воспитанию», «педагогической поддержке»... Это определенным образом организованное и продолженное совокупное знание человека о человеке; оно как бы «высвечивается» на фоне общественного сознания и может

Рис. 1. Общая педагогическая антропология в контексте науки и практики

быть свободно присвоено (или отторгнуто) человеком в процессе его жизнедеятельности.

Общая персоналогия намеренно ограничивает источники своего воздействия на людей фактами и востребованными, существующими в психологии как науке, отделая их от психотехнических мифов, интуитивных догадок, убеждений обыденного сознания, личного опыта, паранормальных восприятий, мистических, однако, «не-психологических», не ассимилированных психологией как наукой данных (что отличает ее, как часть более общей системы — психотрической антропологии — от «работающего инструментария» современной практической психологии и психотерапии).

Таким образом, факты персоналогии — это, прежде всего результаты психологического исследования личности. Но не только. Это феномены, затрагивающие саму личность, «исходящие» ее из живое.

Повесним сказанное примером (впрочем, совершенно психотрическим): «Проверялась гипотеза о наличии связи между непроизвольными движениями глаз при восприятии движущихся в поле зрения объектов (виды, открывающиеся в окне движущегося поезда) и актуальным содержанием сознания испытуемых (воспоминания, мысли, намерения, ощущения, чувства, — все то, что может быть названо «потоком сознания»). Испытуемые — пассажиры пригородных электричек, согласившиеся ответить на вопросы интервьюера. Время проведения — день. Люди в вагонах могут свободно расслаиваться, выбирая место у окна. Подтвердилось, что пассажиры, сидящие по ходу движения поезда у окна по правую руку чаще фантазируют о будущем, в то время как пассажиры, сидящие спиной к движению поезда у окна по правую руку (это место у другого окна, навстречу от первого в нашем примере) чаще предаются воспоминаниям. В двух оставшихся случаях также выявились определенные различия. В одном случае (место спиной к движению, окно по левую руку) человек как бы расстается со своим прошлым, освобождается от воспоминаний, испытывает облегчение (прошлое отдаляется). Во втором случае (место по ходу движения, окно по левую руку) человек погружается в размышления, вступает во внутренний диалог с собой» («Прошлое» и «Будущее» в асимметриках // Персоналогия, № 1, 200...)

Предположим, что все так и есть... Но может ли рассматриваться это исследование как пример собственно персонально-личностного исследования? Если «да», то только — отчасти. Мы еще не знаем, насколько интересны и полезны результаты этого исследования для людей. Но, положим, мы продолжим исследование. Теперь каждой владеющей

в вагон электрички человек получает «памптку для пассажира», где наложены результаты этого психологического исследования. Скорее всего будем за поведение людей (Многие ли из них начали пересаживаться, как бы проверив достоверность выводов, о которых только что прочитали? Многие ли оторвутся от книги, чтобы «просто» посмотреть в окно?). Могут ли пассажиры, совершающие ежедневные поездки, обнаружить новые предпочтения при выборе места? Если вам при этом удастся показать, что информация, содержащаяся в «Памптке», способна повлиять на поведение людей, оживить их интерес к себе, помочь им сделать для себя что-то, то в этом случае мы придем к проведению исследования персональным, а добытые факты — фактами персональным. В противном случае — перед нами один из сотен и тысяч фактов, вполне вероятно, представляющих интерес для психологов, но и только для них.

Эмпирического исследования, на которое ссылается автор этой статьи, проведено не было. Журнала «Персоналогия» не существует. Мы привели этот пример для того, чтобы прояснить для читателя суть ситуации, в которой персоналог находится, принимая решение о проведении персоналогического исследования. Вот вопросы, на которые заранее он хотел бы иметь ответ: «Зачем ли кто-нибудь — кроме его коллег — узнавать о фактах подобного рода? (А Вы, читатель?) Может ли кто-нибудь предсказать, что получится бы у исследователя в ходе такого эксперимента? Как повлияли бы факты, если бы они были именно такими, на поведение людей? (А на Вас?)» Эти вопросы персоналог предварительно обсуждает с самим собой, и судьей тут выступает его интуиция. Но дальнейшее требование состоит в проверке принятых допущений.

Итак, проблема состоит в том, что, возможно, не любое знание фактов лично в плане существования и изменения человека, и что заранее, до проведения специальных исследований, невозможно предсказать, чем обернется для личности сам факт наличия подобного знания. Для того, чтобы персоналогия в целом, как система «работающего знания», состоялась, «существовала», необходимо предъявлять совершенно особые требования к собираемым фактам: они должны быть истинными, информативны, действительно значимы («важно-возможны», «предостерегающи» и т.д.). Вести лучше, если все это сочетается в них (истинность, информативность, действительно значимость), но об этом, пожалуй, можно только мечтать — как о чуде, по аналогии с воскрешением Лазаря (это-то и нечто такое, что возмущается над лживым смыслом, разрешает сомнения, глубоко затрагивает

лично каждого). Но если факты в построении психологии и не столь чудесны, как воскрешение Лазаря, то они, как минимум, должны отвечать хотя бы одному из перечисленных выше условий.

Все эти «параметры» фактов и их подтипы могут быть определены эмпирически¹⁰.

Неатриальность (атриальность). Под неатриальностью научного факта понимается мера несоответствия полученного в исследовании результата предположениям и ожиданиям, исходящим из житейских наблюдений, здравого смысла, традиционных представлений и т.д. Понятие «неатриальности» операционализируется следующим образом. Ряд экспертов (по числу пользователей этой продукции), независимо друг от друга, должны выдвинуть свой прогноз, описывающий исход некоторого эксперимента (условия проведения этого эксперимента известны экспертам в подробности). Далее должны быть сопоставлены средняя оценка исследуемого параметра согласно прогнозам экспертов и средняя его оценка согласно данным проведенного эксперимента. Статистически значимое расхождение между средними $M_{\text{прог}}$ и $M_{\text{факт}}$ свидетельствует об атриальности факта (можно было бы сказать – «феноменальности феномена»), а сближение средних говорит в пользу его тривальности.

Информативность. Информативность научного факта может быть осмыслена как мера неопределенности, устраняемая в ходе эмпирической проверки гипотезы. Вполне возможно, что результаты прогнозов, касающихся исхода эксперимента, будут соответствовать последним по критерию совпадения выборочных средних значений ($M_{\text{прог}} = M_{\text{факт}}$); в то же время разброс экспертных оценок существенно превосходит разброс реальных эмпирических данных. Эмпирической мерой информативности научного факта в таком случае может служить статистически значимое различие между выборочными дисперсиями ($D_{\text{прог}} - D_{\text{факт}}$) или, соответственно, между выборочными стандартными отклонениями прогнозируемого и реального положения дел ($\delta_{\text{прог}} - \delta_{\text{факт}}$). Если окажется, что разброс экспертных оценок меньше разброса оценок эмпирических (при равенстве средних), то статистически достоверная разница выборочных дисперсий (стандартных отклонений) свидетельствует о *неинформативности* научного факта.

Экспертная личность. Этот параметр оценки научного факта характеризует уровень заинтересованности научного сообщества

¹⁰ Петровский, 1996.

в получении достоверной информации об исследуемом объекте. Понятие «значимость научного факта» операционализируется следующим образом. Эксперты, ранее уже высказавшие свое мнение относительно возможных исходов каких-либо испытаний, касавшихся различных сфер действительности, имеют теперь возможность ознакомиться с реальным положением дел, то есть с подлинными результатами соответствующих исследований. Необходимо при этом, чтобы число экспериментов, результаты которых прогнозировались экспертами (обозначим это число равнородных экспериментов как N), существенно превышало число экспериментов, с результатами которых разрешено ознакомиться экспертам (правим это число на n): $N \gg n$. В случае, если в число верных и выборов попадет оцениваемое явление (вывод, зависимость, закономерность и т.д.), это свидетельствует о значимости научного факта в глазах сообщества (Петровской, 1996).

Остановимся на примере исследования неярмичности факта (запомним, что это «расстояние» между точкой зрения здравого смысла и результатами эмпирического исследования).

Совместно с О.В. Митяевой мы протестировали «на восторженность» знаменитый эффект Зейгарник (более высокие показатели запоминания прерванного задания по сравнению с завершённым) в феномен ролевой жестокости Милгрема. Напомним, что С. Милгрэм создал ситуацию, в которой «ассистенты» под давлением экспериментатора должны были выключать своих «учеников» за ошибки в работе электрическим током непереносимой близости; испытываемые были актеры, а подлинными испытуемыми были ассистенты экспериментатора. Экспериментально был выявлен фантастически высокий процент испытуемых, выключивших «высшую меру» за промахи своих «учеников»: 65–85% (!).

В нашем исследовании приняло участие 812 человек, из них 231 психолог (дипломированные и студиты-старшекурсники). Задача, поставленная перед испытуемыми («независимыми экспертами»), заключалась в предсказании исходов «некоторых психологических экспериментов». «Экспертам» подробно рассказывали об экспериментальных ситуациях Зейгарник и Милгрема. Имена создателей экспериментальных ситуаций, «Зейгарник» и «Милгрэм», при этом не упоминались. Нам интересовало, насколько точно будут «эксперты» в своих прогнозах догадываться ли они (или хотя бы исповедать) о том, какое задание — прерванное или завершённое — сохраняется в памяти испытуемых лучше (в эксперименте Зейгарник), а также о том, каков был процент людей, проявивших «ролевую жестокость» и насколько

они были жестоким (в экспериментах Милгрема). Нам интересовало также, будут ли отличаться экспертные оценки психологов и не-психологов.

Прочитав вывод:

1. Усредненные ответы-прогнозы психологов экспериментов Зейгарник и Милгрема, полученные в подвыборке психологов и не-психологов, значительно отличаются от средних показателей, полученных в обоих экспериментальных исследованиях; тем самым не только подтверждается нетривиальность феноменов Зейгарник и эффекта Милгрема, согласно принятому критерию, но и оправданность предложенного подхода к измерению нетривиальности научного факта.

2. Обе категории респондентов, психологи и не-психологи, по обоим заданиям в большинстве своем дали неправильные ответы.

3. Статистических различий в ответах психологов и не-психологов не выявлено.

4. В то время как нетривиальность феномена Зейгарник и эффекта Милгрема — факт, на наш взгляд, вполне тривиальный (это и следовало ожидать!), феномен отсутствия различий между экспертными прогнозами психологов и не-психологов относительно исходов названных экспериментов — явление, на наш взгляд, нетривиальное. О том, что это действительно так, читатель может судить, сопоставляя собственные прогнозы относительно экспертных прогнозов психологов с реальными данными, полученными в нашем эксперименте. Возникает впечатление, что психологи, несмотря на знание работ Зейгарник и Милгрема, в своих ответах забывали об этом и вели себя как «наивные» испытуемые (не-психологи), руководствуясь обобщенными житейскими представлениями (Митина, Петровский, 2001).

Нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость факта — все это характеристики субъективной ценности факта.

Но может быть установленна и объективная ценность фактов, полученных экспериментально — это их действительность, влияние, эффекты, порождаемые психологическим знанием (знанием психологии). Между «фактами» и «эффектами» при этом могут складываться противоречивые отношения.

Вот, например, известная «дилемма узника». Испытуемые в экспериментах Рапопорта, дают показания о мере своей виновности и виновности другого в ситуации условного тюремного заключения. Выясняется, что обычно они готовы «подставить» другого, выгораживая себя, и в итоге получают гораздо больший срок, чем тот, который получили бы, будь они альтруистичнее. Данные этих исследований

информации публично: оказывается, наше самодовольство и недоверие к другому таково, что мы без задумки совести готовы действовать себе во вред — сообщая рутину не работают... После опубликования результатов эксперимента провели повторные замеры. Вопрос состоял в том, изменилось ли число таких «индивидуалов», действующих вопреки своим интересам, и если изменилось, то в какую сторону? Впрочем, на этот вопрос я, по сути, ответила заранее. Да, изменилось. Их стало больше! Недоверие друг к другу выросло, люди стали еще менее разумны, чем были...

Справедливости ради должен сказать, что знания, полученные в ходе психологических экспериментов, могут быть и позитивно значимыми. В экспериментах Мингрема тем, кто выказывал, раскрывали существо эксперимента, в частности, тот факт, что все было подстроено: актеры показывали, что им больно, а подлинными отсутствующими были ассистенты экспериментатора. Многие на них горючо осуждали себя, утверждая, что никогда больше не поведут себя так; другие, впрочем, ссылались на требования экспериментатора, не испытывая смущения — они были готовы повторить все сначала во имя науки.

Бывают случаи, когда знание об условиях испытания парадоксальным образом не воздействует на человека вообще — хотя, как представляется, могли бы привести к пересмотру им своей поаннии. Примером может служить некорректируемость установок людей под влиянием информации, разъясняющей происхождение этих установок. Например этот феномен: «Сердце подкажет». В экспериментах Валенса мужчины должны были оценить привлекательность молодых женщины на фотографиях; во время разглядывания фотографий в наушнике они слышали бисесно сердце при предъявлении некоторых фотографий оно учащается или замедляется. Выяснилось: мужчины считают более привлекательными те изображения, при предъявлении которых слышно, как ускорится или замедлится сердцебиение (все, разумеется, подстроено). Самое поразительное: эффект сохранялся, даже если перед окончательной оценкой испытуемым сообщалось об испытании.

Еще один факт — мы называем его «эффектом Эдвина» (Петровский, Тунгусова, 1983). Человеку говорят: мы расскажем тебе, что думаешь о тебе психолог, он знает тебя, он догадается о том, как ты ответишь на эти вопросы — и предъявляют испытуемому заранее заполненную форму опросника. «Сверхчеловеческая провидательность» психолога имеет под собой вполне прозаическую причину. После заполнения испытуемыми первой формы опросника им предъявляется параллельная

форма. Она-то и заполнена психологом в соответствии с ответами, которые испытуемый дал на вопросы первой формы опросника. Иными словами, испытуемым показывают их собственные суждения о себе — под видом прогноза, который осуществляет в отношении их оценок компетентный психолог. Выяснилось, что в этих условиях испытуемые обнаруживают тенденцию отмахиваться от своих старых решений, в частности, на статистически достоверном уровне значимости у них повышается показатель интраверсии (словом, «счастье — когда тебя понимают», но несчастье — когда тебя раскусили...). Перед нами аналог известного в философии «парадокса Эдипа», заключающегося в том, что прогноз оказывает влияние на прогнозируемые события. В данном случае человек не хочет подчиняться прогнозу, он отстаивает свою самость: он сам себе мера, он никому не позволит думать иначе... Таким образом, проявляя защитные тенденции, испытуемые обнаруживают тенденцию опровергать чужие прогнозы, затрагивающие их лично, даже если они соответствуют истине.

И прогнозу все эти примеры для того, чтобы подчеркнуть неоднородность связи между фактами поведения личности и эффектами влияния этих фактов на личность: усугубление негативных закономерностей (дилемма Уиника), частичная «реабилитация» себя (феномен Мингрема), упорствование в своих предпочтениях (эксперименты Валенса), факты также могут стимулировать защитные тенденции («парадокс Эдипа»). Но, по-видимому, и это еще не все. От большинства фактов, выявившихся, по выражению Фреда и Пиаже, в шкафах лабораторий, людям, по-видимому, «ни жарко, ни холодно».

Вот почему мы подчеркиваем: факты и построения персоналогичи развития должны быть не просто значимы статистически. Они должны быть *личностно-значимы*: должны обладать субъективной и объективной ценностью для человека.

Особая проблема, о которой мы здесь только упомянемся, — это форма предъявления психологических сведений аудитории «пользователей психологическим знанием» (термин А.С. Огиева). Достоинств фундаментальной науки должны быть особым образом предъявлены, иначе они окажутся деструктивными, или, по меньшей мере, совершенно незначимыми для людей. Одно следует подчеркнуть сразу: сведения «предъявляемся» персоналогом, но имеют самодемонстрационный характер, они влетены в общение, они представляют взаимоотношения в системе «персоналог — пользователь психологического знания». Факты, при всей «утраченности» этой вещи, все есть инструмент знания. В психологии личности неопорными выводов нет. Даже если выводы основаны,

бесспорно, на фактах. Каждый такой вывод, каждое положение психологии личности, заключают в себе элемент неопределенности, как бы окружая его. Неопределенность, сопутствующая рождению фактов (проблем при обосновании сбора эмпирических данных — где и как их искать, какими способами операционализации теоретически переменных, что представляет собой пути построения эмпирических гипотез и т.д.) и неопределенность в процессе освещения фактов (описания и анализа, интерпретации и интерпретации), то есть все то, что образует неустрашаемый фон научного знания, персонология превращает в фигуру. И, таким образом, осуществляется «поворот» опытных данных к личности, превращение их в инструмент самостроительства²⁴.

Иными словами, любой факт психологии личности открывает собой личности «фронт работ» — осмысления. «Путаясь Вы не можете как ученый безудержно обосновать ответ — ну вот Вы же чувствуете?» — вопрошает один из собеседников в книге Скиннера «Семья и как в ней угодить» (Скиннер, Клини, 1995, с. 229). И другой собеседник отвечает: «Моя единственная «догадка» близка к уже «запатентованной»...». Персонология имеет дело не только с «запатентованными» данными, но и с примыкающими к ним «догадками». Но это не мифы. Это мифы (т.е. в данном случае, допущения, истинность которых предполагает логику самообоснования: «если мы доверяем это, то...»). Персонология — субъективна. Она находится на острие движения научной мысли и мысли «пользователей».

Общая персонология в той ее форме, которая рисуется нам сегодня, — это не застывшая, а постоянно строящая себя система. В ней

²⁴ В настоящее время нами готовится к публикации статья, в соавторстве с Ю.Д. Выходцевой и О.В. Митиной (факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова). Ее описывается один из фактов, проводимый «персоналогическим тестированием» и доказывающий свою неэтичность: уровень развития интеллекта младшего ребенка в семье отличается от соответствующего показателя старшего (оставшимся читателю в состоянии задумчивости, кто же еще обсуждает более высокой интеллекта — быть может, так мы могли бы лучше проиллюстрировать идею «компенсаторной заглупости» старшего факта). Теперь, чтобы избежать следующего «стура» экспериментов — с варьированием стажа продолжения этого факта старшим и младшим детям в семье — и последующим измерением уровня их интеллектуального развития. Возможно развитие допустить, что дарственный характер продолжения этого факта может усугубить реализацию (так ли это?). (Здесь перед нами повод к такому типу персоналогического исследования). При ином способе продолжения этого факта, не говоря уже о перестройках внутрисемейного взаимодействия с учетом этого факта, допустимо предположить, что эти различия будут оставаться (так ли это?). Любой факт персонологии — проработанный его подтекст — оставляет место для самоопределения личности, перепредопределения ситуаций и т.д.

постепенно оформляет себя персоналистическая теория (я называю этот процесс построения «Персоналогия-1») и, соответственно, складывается персоналистическая практика (процесс построения персоналистической практики я называю «Персоналогия-2»).

...Перед нами как бы лодка на две персоны, лодка-двойка – на два весла. *Персоналы-теоретики*, будем считать, сидят у весла слева. Налетал на весло теории, он следит за тем, чтобы лодка шла прямо. Он рассуждает так: «Теория, конечно, теорией, но она должна быть практико-ориентированной» – и строит практико-ориентированную теорию. А *персоналы-практики* – будем считать, что он сидит у весла справа – налетал на весло практики, также следит за тем, чтобы лодка шла прямо. Он строит теоретико-ориентированную практику, выбирая для себя то, что всерьез применимо... Персоналогия-1 и Персоналогия-2 должны быть синхронизированы, синергичны (а иначе лодка будет вращаться волчком). Кто в этой лодке обеспечивает сочетание интересов, синергию усилий? Возможный ответ: некий виртуальный субъект, равным образом представлений, «живущий» в голове обоих гребцов. Он олицетворяет собой фигуру *персоналы-экспериментатора*, позволяющего каждому сказать «по ту сторону» своей собственной роли, – в терминах Ж. Пиаже, дегентрироваться, «приспосабливаться» в партнера. Итак:

Схема построения Персоналогии-1:

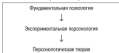
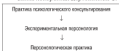

Схема построения Персоналогии-2:

(на рисунке 1 эти лодки перевернуты относительно друг друга дельтовыми стрелками)

Рис. 2. Схема построения экспериментальной психологии

На рисунке 2 изображена схема построения экспериментальной психологии.

Персоналогия-1 и Персоналогия-2 в целом образует то, что мы называем «Общей персоналогией» – условием синтеза фундаментальной и практической психологии. Общая персоналогия позволяет фундаментальной психологии рефлексировать «эффекты своего воздействия на личность, видеть себя в зеркале самой личности (вопросная при этом: значимы ли добытые в исследовании факты и положения? представляют ли они интерес? какой в них прок? и т.д.). Прикладная психология личности (персоналогическое консультирование), не подменяя собой практику психологического консультирования и психотерапии, предоставляет людям возможность взглянуть в лицо реальности, увидеть себя на фоне других, опереться на факты, с которыми трудно не считаться.

Сказанное выше дает основание сделать следующие выводы.

1. Общая персоналогия – это новое направление в психологии, исходящее из задачи объединения фундаментальной и практической психологии личности; психологическая теория личности, предъявляющая свои конструкты и факты людям и рефлекслирующая, таким образом, свое влияние на поведение и сознание людей; практика психологического консультирования, ориентированная на психологическую теорию личности; теория и практика лицом к лицу.

2. Возникновение общед персонологии – реакция исследователей на происшедший в мире раскол психологии на «академическую» и «практическую», возникший синтез «двух психологий». Общед персонология, таким образом, – это не только теория, имеющая своим предметом личность, но также и практика «ращения» личности: свод знаний, идей, техник, содействующих становлению личности, ее росту, развитию. Последнее подразумевает, что общед персонология, если иметь в виду перспективы ее собственного становления, является инструментом саморазвития личности, «психологическим оружием», применяющимся личностью. С этой точки зрения общед персонология не есть только наука о личности, но есть также наука для личности – «наука личности».

3. Общед персонология – не застывшая, а постоянно строящая себя система. В ней постоянно складываются и обуславливают друг друга персонологическая теория и, соответственно, персонологическая практика. Персонологическая теория – это практически-ориентированная теория личности. Персонологическая практика – это теоретико-ориентированная практика развития личности²¹. Процессы их взаимовоздействия должны быть синхронизированы, синергичны.

4. Согласование двух ветвей общед персонологии осуществляет экспериментальная персонология. По отношению к фундаментальной психологии личности она должна играть ту же роль, что и вставшая Правде по отношению к психотерапевтическим системам и технологиям (ожидания, а в чем-то и обескураживающая по своим выводам экспериментально-психологическая экспертиза эффективности их воздействия на пациентов).

5. Формулируются следующие требования к фактам персонологической теории: *актуальность* (возникают над точкой зрения «здорового смысла»), *информативность* (снижают неопределенность представлений аудитории о тех или иных психологических явлениях), *акселеративная личность* (вызывают живой интерес, ориентируют поведение).

6. Все эти «параметры» субъективной ценности фактов персонологии могут быть определены эмпирически.

²¹ Идея построения «науки ориентированной практики» в сочетании с практико-ориентированной наукой и стратегия ее развития была впервые высказана автором на организационной игре под руководством В.Г. Афанасьева, организованной ИИИ РАО в 1990 г. В 1991 г. в составе Института персонологии в составе Российского открытого университета. В Институте персонологии развивались идеи «науки личности» как единства научно-ориентированной практики и практико-ориентированной теории.

7. Персоналистическое знание должно обладать также объективной ценностью, предоставляя личности действенные инструменты и ориентиры развития; эмпирическое определение не только субъективной, но и объективной ценности фактов — необходимое условие построения персоналистики.

8. Парадокс состоит в том, что между фактами фундаментальной психологии личности и эффектами их влияния, как показывают уже проведенные психологские эксперименты, могут складываться противоречивые отношения. Факты могут стимулировать, наряду с положительными, также и негативные тенденции; факты могут побуждать людей упорствовать в своих установках; факты могут стимулировать элитные тенденции и, наконец, факты могут оставлять людей вполне равнодушными.

9. Помимо требований, предъявляемых к научным идеям и фактам, общия персоналистика призвана исследовать способы предъявления данных психологической теории людям — развивающие техники общения персоналиста с аудиторией.

Р.Э. С работой Ф.Е. Васильюка «Методологический смысл психологического сдвига» (1996) и его более ранней работой «От психологической теории к психотехнической практике» (1992) (см.: Васильюк, 2003) и познано мной совсем недавно — к сожалению, уже после того, как были опубликованы мои статьи об общей персоналикти. «Элементы» общей персоналикти — науки личности — складывались медленно и освещались нечасто. Пальма первенства в систематической разработке проблемы «существования» двух психологий и исторически первая попытка от принципиального разграничения, вне всяких сомнений, принадлежит Ф.В. Васильюку, — я бы сказала, последнему из возможных психологии традиционной («чистой») на пороге возникновения новой («психотехнической»). Если иметь в виду выбранное этим автором направление разработки «новой психологии», то трудно было бы представить себе попытку более назидную, психологически достоверную и экзистенциально значимую, чем эта. О проекте Васильюка, конечно, нельзя говорить мимоходом, тем более, что его размышление о слиянии двух психологий — часть общего подхода, представленного им в более поздней книге «Методологический анализ в психологии» (Васильюк, 2003), а она заслуживает особого прочтения и внимания. Я ограничусь лишь тем, что приведу, как говорят управленческие консультанты, «сi-mo-va» автора психотехнической теории, содержащее в себе «главную прогностическую методологическую гипотезу» будущей психологи-

ческой парадигмы, какой она открывается автору. Категории общения, согласно этой гипотезе, суждено стать не только общепсихологической категорией, завершающей парадигму отечественной психологической мысли XX в., но и выступить в качестве первичной категоральной формы, вокруг которой будет кристаллизоваться новая парадигма. Причем сам статус этой категории в новой парадигме изменится, она станет не только констативной фиксацией основного содержания исследования, но будет выражать сие и суть новой формы исследования, в соответствии с которой субъект и объект психологического познания изначально связаны не только гносеологическим отношением, но объединены всегда реальной формой общности и общения, так что психологическое познание человека «в третьем» лице становится периферическим и подчиненным методом, а в центр становится познание человека в форме Ты (Васильев, 2003).

В свете этой идеи может быть рассмотрен вопрос о соотношении проектов «общей персоналистики» и «психотехнической теории». Совместимы ли они? (В констатации раскола психологии «на двое» — очевидно, что «да, совместимы»; а вот в том, что касается выхода из сложившейся ситуации?)

Конечно, в постклассическом пространстве современной науки, почти как в детской игре, «все может стать (совместимым со-) всем». Но я говорю сейчас о сущностной совместимости.

Допуская, что это возможно. Все дело в сути «психологического орудия», о котором идет речь в «общей персоналистике» — здесь это психологическое знание, опосредствующее жизнедеятельность человека во всех сферах его бытия (вitalность, длительность, общение, софiто). Психологическое орудие объединяет в себе, казалось бы, несоединимое, например, «дух» и «материю»; ни для кого не секрет, что «психологическое орудие» в культурно-исторической теории Выготского — не только «не Маркса», но и «не Фрейдского». Обратимся теперь к М. Буберу, его «основным словам» «Я – Ты» и «Я – Оно (Он, Она)» (Бубер, 1995). Они кажутся несоединимыми друг друга, их гипотетическое объединение в рамках чего-то одного кажется совершенно невозможным. Но «психологическое орудие» может принять на себя важную роль мостовика — именно в качестве психо-логического орудия. Представим себе диалог двух начал, образующих ядро нашей науки:

Логос (уверенно): «Нес, невозможно! Я – Ты и Я – Оно несоединимы; складно способны моментально сдвинуться другине (ссылка на Бубера); но так, где сейчас одно, не место другому».

Песков (с вызовом): «Новомоковского – нет!»

Логос: «Я не могу мыслить подобно!».

Песков: «Попробуй пережить это!»

Переживанию одно из возможных продолжений этого диалога (описанное, причем, за десять лет до появления в данной статье): «Специфика мира переживаний состоит в том, что именно в нем существует несуществующее, обретает свои невысказанье. За этот счет, например, только в переживании истинно существует геометрия невозможного (психологически, кстати сказать, совершенно не освоенная), объекты парадоксального знания, в переживаниях нам дано пережить «актуальную бесконечность», полноту бытия (= асимметричность выбора из альтернатив); moreover, открывающаяся в переживаниях актуальная бесконечность является «элементарна и капризна. Она существует всплывками, открывается на мгновение. Будучи дана разом, она открывается лишь из раз. В этом, как мы отмечаем, оборотная сторона актуальности открытости, переживания отличают своей «актуальностью вечность, живущую в них» (Петровский, 2003, с. 276–277).

Итак, если искать путь сущностного соотношения двух проектов выходя из состояния кризиса (схизиса) психологии, то таким может стать формирование психологических орудий, обеспечивающих человеку *переживанию* мгновенного тождества или мгновенного расхождения/отклонения «Я – Ты» и «Я – ОНО (ОН, ОНА)». Это возможно, когда используемые психологические орудия сфокусируют в себе результаты экзистенциальной позиции – событийные истины – независимо от того, в какой логике они были впервые получены (в логике «естественной причинности», «объективности», «ОНО [ОН, ОНА]» и т.п., или в логике «свободной причинности», «субъективности», «Ты»). Политическими символами-метафорами таких психологических орудий-знаний может быть пушкинское «я сй – не он» и множество других примеров подобного рода. В играх-перевертышах, означающих и означаемых, в знаках – разрушителях знаков (Бороздин, 1985) и в знаковых отождествлениях неотождествительных знаков «сжечь» и сосуществовать субъективные и объектные instances работающего психологического знания.

Иначе говоря, психологические орудия-знания могут быть разными по своему происхождению: знания «корпускулы» (объективность, объектность) и знания «воля» (субъективность, субъектность), однако, в любом случае, это именно *знания*. Неслучайно у Ф.Е. Васильева речь идет о *полнотах* и *категориях*, а не о *мифах* (в том числе, и мифах «психотехнических»).

Психологическое знание как инструмент понимания и переживания человеком своих новых возможностей, а также «преодоления невозможностей», представленное в теории переживания Ф.Е. Василюка, я думаю, является общим смысловым вектором осуществления обоих проектов.

Акцентировать знание, а не фантом мишкетера себя знатоком человеческих душ «наконтрактно по домам квартир» (В. Добрович), даже в том случае, если вывеска на этом доме гласит: «Центр психо-контракта».

Начав эту статью раздумием о сосуществовании «двух психологий», я должен добавить, что, строго говоря, существуют не одна, не две, а три психологии: академическая, практическая и «жизненная». Первая (академическая) — о том, как исследовать человека (двуаду, группу), — «что и чему мы приходим». Вторая (практическая) — о том, как взаимодействовать человеку — «что что у нас с ним (с тобой) получается». Жизненная психология — о том, как человек живет, когда строит свою жизнь сам (без соглядатаев в лице пытливых исследователей, и без соучастников в лице ангажированных терапевтов и консультантов). Это психология, присущая каждому конкретному индивидууму. Психология его личного опыта. Каждый в той или иной мере «психолог по жизни», «психолог себе самому». Конечно, здесь есть свои великие психологи и «никакие не психологи». Иногда к категории последних относятся профессиональные психологи — теоретики и практики. Тем не менее, у каждого человека есть некое «ноу-дау». Конечно, интуитивные концепции мира привлекают внимание профессионалов, но для того, чтобы приступить к исследованию, нужно иметь некий пропуск в мир другого. А получить этот пропуск не просто. Жизненная психология — это особая сфера, чаще всего закрытая для посетителей. Открытия в области жизненной психологии — это, прежде всего, достижения самого индивида, они не являются предметом научных трактатов, независимо от их возможного ядра, будь то номотетическое или идеографическое содержание, и обычно не принимаются в инструментальной практической психологии (если только это не открытие самого практического психолога). Критерий истинности открытий, сделанных «психологом по жизни» — это его личная состоятельность, понятая в самом широком смысле (как состоятельность его отношений с собой, с миром, окружающими людьми, или, в других терминах, — как состоятельность его деятельности, общения, в конечном счете его судьбы). Когда профессиональный психолог-исследователь пытается познать мир «жизненной психологии», он зашифровывает его содержание в терминах своей научной доктрины.

изображает этот мир как бы снаружи. Знания, приобретенные таким образом, обычно не возвращаются в мир, откуда они родом. Они превращаются в «чужое знание обо мне». Когда же психологи-практики предлагают «психологию по жизни» свои решения, они вторгаются в его мир, иногда несамостоятельно перестраивая его (например, убеждая человека, что происходящее с ним – это просто «фронт его личности конури»). Другое дело – автономные механизмы трансляции и ретрансляции традиционного и благоприобретенного опыта «психологов по жизни» из поколения в поколение. Моволог отца, по Жванецкому: «Я не стал этим и не стал тем и я передам тебе, сын, свой опыт!...» «Жизненная психология», чему сказать я, это совершенно особая культура, противостоящая «культурам» двух других психологий.

В общем случае субъект академической психологии (теоретик и экспериментатор), субъект практической психологии (психолог-консультант, психотерапевт или коуч), субъект жизненной психологии («психолог по жизни», «сам себе психолог») – это разные субъекты. Но иногда они объединены в одном лице, как, например, в авторе этих слов (и во многих моих читателях).

Лучший ответ на вопрос о возможности синтеза академической, практической и жизненной психологии – это надежные данные о том, как работает в каждом из нас, воспитателей «трех психологий» (с отсылкой самонастроению будем называть себя «посвященными»), имеющиеся у нас психологические знания (будь то научный факт, психологическое открытие или живое свидетельство личного опыта).

И в частности, заданные вопросы: «Что происходит с детьми, детьми-родительскими отношениями, в семье “посвященного”?» «В чем состоит специфика его супружеского общения, межличностных контактов?», «Чем “посвященные” отличаются от “непосвященных” в бизнесе, общении с коллегами?» и т.д. – словом: «Как работает (и работает ли) психологическое знание в жизнедеятельности работающего психолога и к каким последствиям для него и для его близких оно приводит?»

И это – одна из будущих тем общей персонологии (и, быть может, психотехнической теории?).

ЛИТЕРАТУРА

- Бороденко М.В. Двухней Янус опыта. Ростов-на-Дону, 1995.
 Бурбур М. Два образа веры. М., 1995.

- Васильев Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.
- Петровский В.А., Труновская Т.А. Влияние прогноза на развитие событий. Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. Ч. 1. Душанбе, 1983.
- Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. 1996.
- Петровский В.А. Научное значение задачи прощого обобщения (три ответа на вопрос «пу и что?») // Модели мира. М., 1996.
- Михалко С.В., Петровский В.А. Истинность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов // Мир психологии, № 2, 2001.
- Петровский В.А. Основы персонального: наука личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2003.
- Рубин А. С. Большой толковый психологический словарь. М., 2003.
- Скляр Р., Кляш Д. Семья и как в ней утешить. М.: Кляш. 1993.

ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ЦЕННОСТНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

В.И. Кальнин

Целью данной работы является поиск и анализ релевантного подхода к изучению ценностного измерения жизненного мира человека, который позволил бы преодолеть хроническую тенденцию слишком утилитарного и упрощенного взгляда на феноменологию человеческих ценностей. Однако автор данной работы не ставил перед собой цели дать какой-либо репрезентативный обзор теоретических и эмпирических исследований человеческих ценностей по нескольким причинам.

Междисциплинарный масштаб проблемы ценностей настолько обширен, что охватывает не только все гуманитарные науки, но неизбежно и ощутимо обнаруживается в естественных науках, а также не может быть искусственно ограничен от области теологического опыта (Шарден, 1987; Бейтсон, 2000; Капра, 1994). Это становится особенно заметным в основных направлениях постнеклассической науки (Асмолов, 2002; Братусь, 1997; Зинков, 2005; Ключко, 2005; Мавлюков, 2006; Нюттон, 2004).

Транспарадигмальный аспект ценностного измерения жизни человека все чаще заявляет о себе не только как недоступная прежней науке проблема (Юнг, 1997), но и как возможность выйти за пределы возможного, т.е. найти метапарадигмальный системообразующий фактор ценностного мира в его необъяснимом многообразии. Вездусущность ценностного процесса в жизненном универсуме человека сравнима с движением нейтрино в физическом универсуме. Это обостряет проблему и задачу поиска релевантного подхода к познанию и исследованию собственно ценностного мира человека, даже если при этом приходится выходить в транспарадигмальные и постметатеоретические исследовательские пространства. Необходимости и возможности такого подхода в контексте рождения «эксологической психологии» посвящена данная работа.

ПАРАДОКСЫ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Не углубляясь в историю самой аксиологии с ее теологическими, философскими, этическими и эстетическими аспектами, попробуем схематично представить особенности освоения проблемы человеческих ценностей в современной психологии.

Возможно, большая часть психологов обходится *без* этого понятия, познавая важность данной реалии, но отдавая предпочтение психологически более «нагруженным», оцутным категориям, таким как потребности и мотивы, смыслы и цели и т.д. (Эммонс, 2004 и пр.).

К другой группе можно отнести психологов, которые уже дифференцируют ценностный аспект душевной жизни, но не рассматривают его как относительно самостоятельный, а изучают в контексте и как равнозначность вышеуказанных категорий. Так возникает множество «составных понятий»: ценностно-потребностный; ценностно-мотивационный; ценностно-когнитивный; ценностно-целевой; ценностная ориентация, ценностная позиция, ценностная направленность и т.д. (Олпорт, 1999; Журавлева, 2006; Тихомаздринская, 1999 и пр.)

О неопределенности и беспределельности ценностного

Если мы поставим простой вопрос: а есть ли какое-либо психологическое явление, не имеющее ценностного аспекта?, то поймем, что список составных психологических понятий может быть бесконечен, расширяя пределы всей известной феноменологии. Аналогичная участь ожидает составителей списка ценностей и их классификаций, кластеризаций и факторизаций (Клускхофн, 1951; Rotter, 1973; Shwartz, Bitky, 1990; Тихомаздринская, 1999; Ялов, 1973; Довнов, 1974; Волоцкий, 2004; Ермоленко, 2004; Назовских, 2005). Остановить этот процесс может лишь директивно-коммуникативная научная конвенция, однако это было бы похоже на капитуляцию. Поэтому доведем данную тенденцию до абсурда, чтобы выделить хоть одно универсальное свойство человеческих ценностей. Это бесспорно, поскольку, наряду с вышеописанной тенденцией «мягкой редукции» ценностей к близким феноменам, существует и практическая тенденция или просто привычка сводить ценности к спискам действий, событий и вещей.

Обобщая, подчеркнем, что из всех психологических теорий и практик вытекает, что человеку свойственно реализовывать и обожать только то, что имеет для него какую-то ценность, независимо, осознает он

те или нет. Тогда все языки мира с бесконечным множеством текстов, все виды искусства, архитектуры, производства, потребления, поведения, культуры в целом и отраженные в них аспекты мира образуют единственный универсум человечества. Поэтому ценности проливают свою *вездусидность* во всех аспектах человеческой жизни. С этим, видимо, связана их поразительная *реверсивность* как бесконечное «отзеркаливание» в других явлениях и друг в друге. Поэтому нам не трудно понять друг друга, когда один говорит о какой-то ценности смысла (любого), а другой — о смысле этой ценности.

Эти следствия важны для понимания ценности как специфической психологической реальности, не сводимой к другим.

«Ценно то, не либо что», или о трансценденности

Психологи, рассматривающие ценность как особую специфическую реальность, как правило, обнаруживают ее в качестве предельного (главного) основания всех духовных процессов, т. е. в качестве идеального основания — «реального идеала» (Эйзен, 1911; Асмолов, 2002; Пасквинель, 2001; Будинайте, Корнилова, 1993; Волочков, Ермолович, 2004 и пр.). Я хотел бы обратить внимание на нечто большее. Например, сами вышеупомянутые авторы, да и представители других наук часто спонтанно и неосознанно пользуются заданными возможностями аксиологических высказываний. Для убедительности «стоит» (!) привести несколько примеров.

Так, Р. Эйзен, корифей целевого (телеологического) подхода, пытающийся даже духовность понять сквозь призму «предельных» целей и стремящийся разработать «целые теории счастья», с удовольствием «присоединяется» к высказыванию Каррелла (психолога когнитивно-бихевиоральной направленности): «статус цели как мотивационной переменной чрезвычайно важен...» (Эйзен, 2004, с. 35). Такая рефлексивная аксиологическая позиция при игнорировании собственно ценностного измерения исследуемых явлений приводит к неконтролируемому (и потому асумеренному) редуccionизму. Relevantная задача понять цели через интересы как более интегрированные исторические образования влечет за собой парадоксальное (если не забавное) определение последних: «Интересы есть гипотетические бессознательные *волевые* процессы, которые сохраняют *предельные* цели...» (Эйзен, 2004, с. 51). В этом контексте уже не выглядит курьезным сведение смыслов к цели: «конструкт "смысл" не имеет личных смыслов помимо личных целей...» (Эйзен, 2004, с. 61). Этим

примером я хотел показать, что игнорирование аксиологического измерения в жизни и науке приводит к определенным последствиям.

Интересно, что нерелексированные аксиологические высказывания психологов, не игнорирующих нематериальную модальность в предмете своего исследования, свободны от подобных ошибок.

Ф.Л.К. Хью, специалист по системе американских ценностей с научно-прагматической направленностью и человек широкого кругозора, спокойно позволяет себе множество спонтанных аксиологических высказываний в оценке научных подходов. Вот одно из них: «Уильямс (социолог) пытается обобщить "доктрину этнического превосходства и т.д.", ошибочно относя их к категории "местных, отдельных или локальных ценностей"» (Хью, 2001, с. 227). При этом весьма симптоматично, что свой названный спонтанными «метафоричками» научный анализ он завершает следующей декларацией: «Но законы науки таковы, что мы должны размышлять, вне зависимости от того, являемся ли мы выводы из нашей реальности или нет» (Хью, 2001, с. 227).

Дж. Хендерсон, известный последователь конгянской школы, специалист по теоретическим и практическим проблемам культурных установок, склонен к более «нашим» (Г), чем в предыдущих примерах, спонтанным аксиологическим высказываниям относительно анализируемых теорий: «Экзистенциальные аналитики... не избежали широкой групповой идентификации, которая в итоге в 60-х–70-х годах кристаллизовалась в Движение Человеческого Потенциала с его дилемматическими кризисами и рефлексивными (курсив мой. – В.К.)» (Хендерсон, 1997, с. 9). Заменятельно, что аксиологическое высказывание относительно собственной психологической практики выглядит уже как рефлексируемая ценностная метафоричка: «Когда я думаю ои дилемматические ценности доминирующей культурной позиции в моих пациентах... я могу позволить им выйти из моей аксиологической позиции что-то, что могло бы обогатить и изменить их в дилемму створар» (Хендерсон, 1997, с. 18). Это редкий случай, когда рефлексируемость собственной метафорички в профессиональной практике оказывается выше, чем в теоретическом анализе.

М. Балвинт, «классик постнеклассического анализа», основатель теории первичных отношений, теории базисного дефекта и практики известных «балвинтовских групп» буквально «сычет соль на равномой постметодологической ориентации своим спонтанным, но остроумным и сегодня аксиологическим высказыванием: «В науке часто случается так, что неудачный выбор термина либо является привычкой недоразумения, либо создает препятствия на пути к-

представлен исследовании проблем... Предполагаю, что другой уровень должен обладать своим собственным именем и не должен называться "до-чего-то-там-еще" (уровень первичных отношений.— В.К.). Он не должен называться "дополнительным"... Я предлагаю назвать его уровнем базисного дефекта (курсив мой.— В.К.)» (Баллиет, 2002, с. 28). Примечательно, что здесь ключевая идея новой аксиологической теории аксиологически звучит как проблема релевантности языка вопреки «фатальному» редукционному в науке.

И последний пример. Э. Лундквист, один из оригинальных представителей континентальной психологии, кажется, уже понимает переходный характер постмодерна, в частности, постклассическую «забудораженность» науки избыточностью открывающихся степеней свободы, и поэтому предчувствует ренессанс интереса и внимания к человеку, а быт сталкам платоническому (Ильин, 1998; Гусельнича, 2005; Ключко, 2005). В этом контексте может стать понятной его вполне основанная рефлексивная аксиологическая позиция, выраженная в названии последней главы его книги — «Хвала отсутствию выбора» (Лундквист, 2004, с. 195). «Миф о выборе — это недавняя коллективная ценность. Это credo начало обретать очертания в эпоху Просвещения, но только в самом конце стало действительно частью системы ценностей, разделяемых обществом: американское образ жизни» (Лундквист, 2004, с. 196). «Болливудский герой примечателен тем, что... делает выбор и безусловно ему следует... это представление о человеке, которое ничем не обусловлено и в которое с трудом верышь... человек, полный противоречий, парадоксов, амбивалентный... в античном эссе. Священном писании и в великой литературе любого времени имеет плотность и глубину; часто он видит зло, в которое его захватывает, и хотел бы его избежать. Почти всегда, однако, он обнаруживает, что у него нет выбора... он знает, что ничего не может изменить. Он ведет себя соответственно и с достоинством. Он дружок и велик одновременно. Он искренен: он хотел бы выбрать, но признает, что все уже решено нашими силами» (Лундквист, 2004, с. 197). Я привел эту несколько пространную цитату, чтобы показать, что рефлексивная аксиологическая метапозиция по отношению к своим научным ценностям позволяет весьма креативно антиципировать изменение масштаба науки будущего, в частности, аксиологической психологии.

Приведенный здесь набор примеров далеко не репрезентативен, но и не случаен. В них представлены достаточно известные авторы, которые в своих исследованиях, так или иначе, коснулись проблемы ценностей. Тем более ценной оказывается наличие в этих работах

спонтанных аксиологических, нематематич, подтверждающих их естественную эвристическую и трансцендентальную природу.

Если учесть, что в исследованиях они проявляются бессознательно, сознательно, сверхсознательно, интуитивно как неведомые предметы и апрельские мгновенья всех переживаний и действий, то их эвристическое качество можно рассматривать как основополагающее, несмотря на парадоксальную простоту его проявлений.

Для контраста приведу пример того, как проявляет свою аксиологическую позицию один из известнейших ученых постнеклассической ориентации с чрезвычайно широким междисциплинарным спектром научной продуктивности, не склонный к показанному аксиологическим ловушкам. Претори Бейтсон: «Боре – бахемисту, не слышавшему о базовой структуре науки, не знакомому истории скрупулезной философской мысли о человеке за последние 2000 лет, не способному определить ни митохондрию, ни таниство, лучше бы ничего не делать, чем множить несуществующие доказательства недовсеченных гипотез» (Бейтсон, 2000, с. 30). Этот цитатой в точку не только проиллюстрировать свободу научных аксиологических мышканий, *Ценность живого, невозможного, невозможного для человека* – это уже не трансцендентность личности, а ценность самой трансцендентности для жизни и самотрансценденции самого человека (Фрэнк, 1990).

Но есть ли кто-либо, переживавший все это непосредственно и кому это даже предло объяснить? Думаю, что да, еще не испорченные взрослыми. Оставим пока в недоумении теоретиков социализаций. Здесь я лишь еще раз процитирую Э. Луиджи: «Вернемся к Шекспирову: "Мы сделаны из того же материала, что сны". Мы – не наш выбор, мы – наши сны» (Луиджи, 2004, с. 200).

Доступность идеала и невозможность вещи

Догадка о том, что ценность несет в себе идеал, существует с незапамятных времен. Две с половиной тысячи лет назад уже существовало понимание его трансцендентной, нонической, эдгетической сути (Анаксандр, Платон и др.). Сейчас чаще всего ограничиваются его социокультурной интерпретацией. Но даже при «приземленном» понимании идеала как, по сути, виртуального феномена, якобы «идеально» якобы существующего в самой культуре, его переход в реальное личностное бытие мыслится и декларируется весьма абстрактно, в лучшем случае – через интерпретацию (реже – на базе его эстетризации другими персонами).

Таким, по сути, плоскостной картиной анализа трансцендированной ценности как идеала связана с игнорированием большинством аналитиков сложных коммуникативных и, тем более, транскоммуникативных процессов, пространств, миров (социальных, групповых, личных), в которых только и возможны актуализации, жизни и метаформы ценностей как идеалов, ибо они представляют собой не просто вещи и их образы, а омыслимые. Они транзитивны по способу существования и смыслообразующи только в коммуникативном процессе на внутриа-, интер-, и трансперсональном уровнях.

Конечно, многие известные мыслители понимали в отрыве анализировали коммуникативную природу ценностей вообще и научных ценностей — в частности. Среди них и классики, и современники (Бахтин, 1988; Франкл, 1990; Гадамер, 1988; Хабермас, 2003; Восток, 2003; Булик, Зенна, 1997; Гусельева, 2005; Машин, 2006 и др.). Однако многомерный дифференцированный транскоммуникативный аспект ценностного мира человека как наиболее релевантный трансцендентной природе ценностей — это дело будущего. И если мы хотим учесть рассмотренную нами парадоксальную природу ценностного мира, то это задача постпарадигмальная или даже космоэволюционная (Кабрин, 2005b).

Здесь же имеет смысл обобщить парадокс, указанный в подзаголовке: почему в межличностной коммуникации люди достаточно легко обмениваются самыми различными идеалами-ценностями и очень легко идентифицируются с ними, тогда как идеалы, идеи, образы вещей, событий, явлений видят лишь избранные, а выразить могут в основном люди искусства?

Интуитивно понятно, что человек, способный встретиться (а не просто взаимодействовать) с деревом, рекой, облаками, звездами и другими людьми, будет встречаться с ними иначе, чем человек, который может встречаться только с людьми, «условными», что природа с ним общаться не может. «Встреча» человека с человеком и с миром вообще в жизненном, экзистенциальном и научном смысле (в отличие от взаимодействия) — это не просто коммуникация в силу сходства (по многим характеристикам), но это и транскоммуникация как общение, сообщаемость и соответствование разноморальных субъектов, сущностей и миров в силу их инаковости (Кабрин, 1992, 2002, 2005a).

В контексте транскоммуникации, существующей лишь в динамике трансформационной встречи человека с самим собой, другим, ситуацией, миром, конвенциональная нормативная коммуникация выглядит коллективной (и индивидуальной) идиллией, или мячом — стереоти-

ном (Кабылов, 1999, 2005а). Однако реальная, или трансисвидирующая коммуникация (транскоммуникация) всегда уникальна, несамостоятельна, и в то же время универсальна. В этом я вижу основание релевантности транскоммуникативного подхода к анализу ценностного мира человека, поскольку, как показано выше, он обладает теми же безусловными особенностями.

ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД КАК ПОСТМЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА РЕЛЕВАНТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

На основе анализа специфических качеств ценности как особой психологической реальности, не сводимой к более простым характеристикам всех других душевных явлений (как показано в первой части статьи), можно предположить, что ценностный план душевного мира человека является его «трансцендентной душой», чувствительной к собственно духовному миру.

Общезвестно, что духовный мир (по определению) непосредственно не представлен в душевных процессах. И если не отступаться до слишком вульгарных редукций, то можно констатировать интуитивную чувствительность человека к его отсутствию в жизни как символическую, синхронистическую и ценностную (Юнг, 1997; Франкл, 1990). Следовательно, для релевантного понимания ценностного мира необходим адекватный, как минимум, количественский подход к пониманию специфики психического в контексте духовно-душевно-телесного сожительства. Принимая во внимание разнопорядковость (разнуровность) духовного, душевного и телесного миров человека, следует понимать, что соответствие и гармония в сожидании этих миров — это результат не детерминизма, а именно их транскоммуникабельности, что и мотивирует выход в постметодологическое пространство анализа.

Интересно, что уже в начале и середине прошлого столетия такие несоизмеримо разные психологи, как К. Юнг и Ж. Пиаже, отмечали некорректность и неадекватность использования менее «вульгарных» (в отношении душевной жизни) заимствованных из физики, таких как «сила», «энергия», «работа» и даже «детерминизм» (Юнг, 1996, 1997; Пиаже, 1966).

Предмет психологии слишком необычен по сравнению с предметами большинства наук.

Естественные науки «вещественно» изучают вещество и допускают психологию в качестве науки, изучающей душевную жизнь лишь в качестве свойства высокоорганизованной материи.

Гуманитарные науки рассматривают семантическое, символическое, смысловые «продукты» душевной активности как данность (естественно, в чем-то воплощенную), а вопрос об их природе часто молчаливо перенаправляется психологии.

Сама психология, выходясь между этими главными сферами научного знания, недвусмысленно, уже давно страдает хроническим «комплексом неполноценности», от которого, правда, всего один шаг до магии величия. И то, и другое уже отражено в современной психологии — комплекс неполноценности предрасполагает к «финализму», магия величия — к магии. Последний комплекс преодолевается прозе, так как он легко вытесняется за рамки марксовского первого — сложное. Механицизм неизбежно ориентировал психологию на метод, методологично и технологично. Естественная наука механика начинается с намерения. Механицизм требует «объективности», и это требование, естественно, было ассимилировано в качестве главного требования к методам ранней психологии. Современная наука и ее методология, принявшая моделирование как универсальный метод, неизбежно призвала фатальность редукции как полезного упрощения. Если модель не прозе или словесное моделируемой реальности, она теряет смысл. Конечно, имеется в виду редукция, сохраняющая и акцентирующая существенное. Но здесь, как правило, и кроется камень преткновения и «полк брани» научных школ (Юренис, 2006).

При этом ключевым является вопрос о качестве научного знания. Некоторые школы (преимущественно в области психофизиологии и биохимических наук) удовлетворяются «метафорой» *объективно-го знания* (объективность приравнивается к критерию истинности), игнорируя стоящую за этим определенное почти неразрешимую проблему его субъективной сущности. Определенный прогресс имелся при переходе к анализу парадигмального знания, в контексте работ Т. Куна. «Призрак объективности» перестает быть коварным в связи с тем, что в относительности и множественности парадигм явно просматривается субъективный фактор. Поэтому закономерным является динамичный переход к личностному знанию, когда субъективно-личностное намерение становится определяющим (Полати, 1985). Этот переход, в свою очередь, породил постмодернистский

кризис гуманитарных наук, позитивной стороной которого являлась потребность в новом качестве знания более высокого порядка. На этом этапе сама субъективная суть знания нуждалась в переосмыслении в принципиально более широком контексте (Ильяш, 1998). При этом наука неизбежно сталкивается с непривычными и неожиданными качествами знания, связанными с его трансперсональностью, трансубъективностью, трансцендентальностью. Это новое качество научного знания в последние годы анализируется отечественными психологами нового поколения на уровне методологической рефлексии как существенная особенность постклассической психологии (Васильев, 2003; Гусельцева, 2005; Знаков, 2005; Машков, 2006; Юренич, 1999).

На этом этапе коммунистская, думается, коллективному знанию хорошо подойдет не только в области философско-гуманитарных наук, но и наук естественных, привыкших ранее за эталон объективности (Капра, 1994; Вульф, Ректор, 1995 и пр.). Психологическое знание также неизбежно трансформировалось в контексте указанных общенаучных тенденций. Однако, в силу необычности (трансцендентности) самого предмета психологического исследования, последнее уже не уместится в рамках известных методологий, что оборачивается, на мой взгляд, проблемой постметодологии.

Немногие психологи осознавали всю трагичность этой ситуации именно для психологии, выходящей далеко за *субъективную реальность*. Основатели научной психологии старались следовать требованиям естественнонаучного метода, что привело к созданию тысяч психологических тестов и изобретению изобретенного факторного анализа (Ф. Терстоун), уже успешно ассимилированного другими науками. При этом некоторые из них, преодолевая «комплекс интроекционизма» (в связи с обвинением Огюста Конта), даже решились редуцировать душевный процесс до поведения (биохевиоризм). Попытка хотя бы частично реабилитировать самостоятельность душевной жизни породила соблазнительное для многих «мифотворчество психоанализа», как, видимо, другую крайность. Тем не менее, многие выдающиеся психологи понимали неадекватность и нерелевантность объективирующей редукции применительно к душевной реальности. Поэтому они достаточно смело обращались к древним источникам знания, еще не скончанным жестокими научными парадигмами, на основе современного мировоззрения (Бейтсон, 2000). Я имею в виду линии развития, прежде всего, экзистенциальной и, особенно, трансперсональной психологии – от работ К. Юнга, Р. Ассаджоли до современных трудов К. Уилбера в духе долистической и К. Феррера в духе энеистической.

ческой трансперсональной психологии (Юнг, 1997; Ассадаволи, 2002; Уилбер, 2004; Феррер, 2004).

В таких работах часто интуитивно начинается переосмотр принципиальных основ психологического исследования и практики. *Целостные, недифференцированные* помыслы древней жизни возмущаются как *слабым* критерием аналитической науки — количественная психология обретает особое значение. Восстанавливается уверенность ученых в возможностях непосредственного познания живого психологического опыта и непосредственной работы с ним (медитация, управляемое воображение, различные виды рефлексии в альтернативных состояниях сознания). Возвращаются представления о «тонкой» — эфирной, смысловой, позитивной — организации мира и интимной причастности ей человека.

Со стороны академической психологии существуют серьезные претензии к трансперсональной психологии в связи с явным бытовым мышлением и агностицизмом «о-секкулярных» знаний, начиная с шаманизма. Я абсолютно уверен, что исключительное достоинство научного знания — это его стремление к ясности (объяснению, прояснению и т.д.) в сравнении с эзотеричностью других знаний (например, астрологических). В то же время я согласен с трансперсональными психологами в том, что необходимо преодолеть методологическую редуктивную объективацию, не релевантную специфике психологической реальности (Уэли, 1996; Проф, 2001; Ван Каам, 1998; Уайт, 1996).

Я обнаружил *колоссальное* направление в этой ограниченной области, существующее не менее врем *мыслителей* от Анаксагора, Платона и неоплатоников до современных представлений о ноосфере П.Т. Шардена и В.И. Вернадского (Кабрин, 1999, 2000). Важно, что этот луч знания оказался даже выше противопоставления теологического и светского знания. В этом направлении работали не только богословы, философы, но и ученые естественнонаучной ориентации (вышеупомянутые П.Т. Шарден, В.И. Вернадский). «Светлый взгляд» (К. Уилбер, 2004) на жизнь Вселенной предполагает существование мирового ума (Анаксагор), его мистическую активность (Платон), пробужденную в человеке «умное делание» (мистическое и символическое христианство), изначальную волевую интенциональность сознания (Э. Лустерль) в контексте ноосферы как трансперсональной реальности (Юнг, 1997). Эта реальность характеризуется весьма дифференцированным спектром альтернативных *смысловых* *созвоний*, естественным образом преодолевающим примитивную дихотомию психоанализа сознание — бессознательное (Уилбер, 2004; Кабрин, 1999).

И с принятием удивительных обнаружил, что давно плучасмый мной фетомея «транскомуникатив» (Кабын, 1992), выведенный человека из состояния самодостаточности для настоящего коммуникативания с Другим через транскомуникативание, имеет непосредственное отношение к такому критическому понижанию душевной жизни. Транскомуникативный подход предполагает, что человек может общаться как с «иными» (другими по-настоящему) не только с людьми, но и с разноморядковыми сущностями — как с более простыми («братскими мезамными»), так и с более сложными (группа, культура, нация, космос).

«Светлый взгляд», образующийся благодаря пониманию тонкой духовной организации космоса (Уилбер, 2004), который не так давно открыл К. Уилбер у Г. Фехнера и который мы, в силу своей невидимости или узости сознания, воспринимаем в качестве грубо материального конденсата (Йенгер, 1991), может быть разлит и переведен в научную область с помощью аналогии транскоммуникативации. Важный аспект сообщимости разноморядковых миров акцентировал В. Франкл в рамках своей «дизимENSIONальной онтологии» в контексте примера о том, что простой стаян может выглядеть и восприниматься в двумерном пространстве как круг или прямоугольник (Франкл, 1990). Интересно, могли бы «виртуальные» двумерные человечки, видящие этот стаян в разных ракурсах как НЛО, догадаться или договориться, что эти круг и прямоугольник — это «одно и то же». Когда мы сталкиваемся с более N -мерной реальностью, чем наш физический четырехмерный мир, в лучшем случае мы чувствуем символы или «эмблемы» присутствия чего-то важного, но непостижимого. К. Юнг пытался «объять» также события с помощью понятий синхронистичности и трансцендентальной функции (Юнг, 1997).

Я предположил, что здесь мы сталкиваемся не просто с более сложными свойствами «тонкого мира», а с активным живым процессом сообщимости разноморядковых миров, как процессом транскоммуникативации. Ницше, каким образом мы можем понять реальную целостность мира?

Древние мудрецы чувствовали, что человек — это микрокосм т.е. подобие макрокосмоса. Строгим наукам пришлось об этом забыть. Фехнером, или, точнее, сложной космической фактор транскомуникативации позволяет познать — по крайней мере, на уровне микрокосма — как это происходит в человеке. Нередуцируемый целостный взгляд на человека предполагает понимание его как духовно-духально-телесного сочетания (т.е. сообщимости) в духе «колориты» (Уилбер, 2004). Это же касается проблемы «собственно человеческого» в человеке.

акцентированной гуманистическими и экзистенциальными психологами, возмущившимся доминировавшим «олологизмом» в традиционной психологии (психофизиология, бихевиоризм, психоанализ и пр.). Феноменология транскоммуникации показывает, как тело может (и) соответствовать духу (т.е. общаться с ним). Во многих своих статьях я упоминал в этом контексте об уникальности человеческих слез и улыбки (Кафка, 2000). В отличие от звериного смеха, человеческая улыбка связана не только с радостью, но и с комором, восприятием переносного смысла метафоры, т.е. иронии. Человеческие слезы (физиологическая функция которых — очищение глаза от инородных тел) воплощают дуэльное очищение (катарсис) и при чтении книг, и на спектаклях, и в сложных человеческих отношениях. Смех и слезы часто образуют динамичное единство: способность смеяться до слез и способность перейти от слез к улыбке. Заторможенность таких способностей означает ослабление транскоммуникации между телом и духом, что ведет к возникновению соматических и психических расстройств. Здесь я лишь замечу, что К. Роджерс любил напомирать нам о великой мудрости человеческого тела и предостерегал от возможной утраты контакта с ним (Роджерс, 1997). Оно искренне отталкивало и к «хорошим», и к «плохим» образам, мыслям, чувствам! в этом — великий потенциал и великая опасность саморазрушения (специалисты по психосоматике привели бы нам тысячи примеров).

Чтобы на основе уже представленного выше контекста вывести главный принцип поэтической транскоммуникативной психологии (благодаря которому производность ценностей от эйдосов-идей станет позитивной), необходимо обратить внимание еще на одну странную и лезвие, известие превращающуюся в постулат во многих работах, где говорится о душевной жизни, о сознании как «всепереиме мире». Создается впечатление, что употребление такой метафоры представителями гуманитарных наук и, прежде всего, психологами не удесузыничает осмыслить ее противоречие. Собственно о каких «внутренностях» идет речь? Когда задается такой вопрос, и студенты, и специалисты почти инстинктивно, автоматически указывают пальцем на голову, реже — на сердце. Параллельность данной метафоры означает осознаваться только в юмористическом контексте, когда спрашивается: «А может ли душевный мир уйти в зубы?»

Вильгельм Вильгельм миф нескольких столетий о том, что человек может рождать образы, мысли, чувства (как печень выделяет желчь), постепенно превратившись в аксиому «материалистической психологии», так и не смог претерпеть ни одну верификацию. Король

оказался голым. «Внутри нас» ни в одном органе тела нет никаких образов, мыслей, чувств. Но душевная реальность существует. Не все, но большинство как специалистов, так и простых людей в этом не сомневаются. Тогда как же существует эта реальность? Вот здесь мы и возвращаемся к восточному дугу древней мудрости. Истина или что-то близкое к ней — всегда проста. Если мы понимаем, что бесполезно искать наш тонкий мир в наших внутренностях, то почему бы по древнему обычаю не попробовать наоборот? Почему бы не предположить, что не образы, а души содержатся внутри нас, а мы — ауры айдосов? Нужна определенная скромность, что бы признать (после древнегреческой мегаломании), что мы — не самая совершенная реальность Вселенной, что вокруг нас — невидимые тонкие оболочки эйдетических сфер. Правда, то, в каких образах мы будем пребывать, зависит от нашего состояния, «настроив души» и т.д. Синхроничность тонких миров поддерживается симпатией, прочностью, резонансом. Древнейшая профессия актера состоит в том, чтобы быть в образе. А в исполняемую роль не очень забытую ажуреску В. Винокура и Л. Огилсона (поты ... рыба) с ключевой фразой: «Не мешайте мне! Я — в образе». Кстати, эту «тонкую мысль» дети постоянно пытаются донести взрослым, сопротивляясь их «правильности». Эйдетическая природа душевной жизни человека, так ярко заявляющая о себе в искусстве, свидениях, аутогенной тренировке, медитации, воображении, удивительно трудно ассимилируется академической психологией. Может быть, все дело в дисциплинированном отношении к «улаковенным» научным парадигмам?

В этом контексте можно перейти к ключевому понятию данного раздела — к *послеметодологии*. Это понятие может характеризовать тот новый тип знания, которое было обозначено как трансверсальное, восточное, трансцендентальное, явно ориентированное на преодоление традиционных форм редукционизма, считавшихся неизбежными для науки. Стоит уточнить, что сама проблема постметодологии связана с поиском путей преодоления неизбежного редукционизма любых методологий, традиционно реализующихся в методах, призванных поддерживать иллюзию объективности. Возможно ли решить такую необычную задачу с помощью феномена и контекста транскоммуникативности?

Прежде всего, следует вспомнить о том, что физика оказалась в авангарде наук, научившись «мерить подобное подобным», и психология пришлось искать изобретенное решение аналогичной задачи на основе теорий изоморфизма, чтобы придумать наукообразное мо-

декартовыми психическими процессами (Веккер, 1976). Конечно, удобнее работать с тестами не просто как с процедурами или технологиями, но как с моделями «тестного навыка» – души.

Однако столь опосредованный маневр «действия в обход» не снимает проблему применимости и релевантности получаемой информации. Принцип «подобное – подобным!» возвращается к нам сейчас уже как научный укор. Что может быть «подобным» измерителем души? Очевидно, душа другого человека или своя собственная. Как это возможно? Ценнейшая записка для нас – это загалочная способность души понимать саму себя и душу другого. Традиционно эта способность описывалась как «рефлексия» и «дидецентрация». До сих пор научное проникновение в эти процессы было слабым. Посмотрим на них сквозь призму транскоммуникативного подхода. Обойдась, мы действительно выходим за пределы себя, т.е. транскоммуницируем, но происходит это, видимо, эйдетически, ментально, нонтически. При этом коммуникация и тем более транскоммуникация – это обмение душ. Только продолжение конвенциональных трафаретов, ограничивающих традиционную коммуникацию, приводит нас к более аутентичной экзистенциальной коммуникации (Ясперс, 1991) и далее – к транскоммуникации, которая уже открыта «трансперсональной реальности».

В предыдущих работах мы описали наглядность конвенциональной коммуникации, порождающей у человека множество психологических проблем (Кабрин, 1999).

Здоровье и личностный рост фактически являются результатами транскоммуникабельности тела – души – духа. Повторимся, что транскоммуникация – это выход за любые трафареты, нормы, схемы, парадигмы. Таким образом, чтобы избавиться от фатальной редукции, необходимо выйти за рамки метода и методологии, снабжающих нас стандартными процедурами и определенными схемами интерпретаций. Получается, что если я описываю свой уникальный опыт (импринтинг) своим вербально-вербальным языком другому или себе, я редуцирую на конвенциональную редукцию. В новом смысле транскоммуникация дает нам непредельный уникальный опыт друг о друге и лично уникальное переживание – что-то общее для нас как редукционист-опытником преодоления барьеров.

Таким образом мы делаем первые шаги в постметаспсихологии, где сталкиваемся с кардинальным вопросом – как сохранить для экзистенциальной психологии (Уилбер, 2004) нередуктивный опыт, появившийся в транскоммуникации. Прежде всего, стоит избавиться от комплекса неполноценности относительно обязательности обстоятельства. Понять

или смириться с тем, что «субъективная реальность» может как-то «отражаться» только в «субъективной реальности». А это, опять же, возможно только в транскоммунитативном процессе, поскольку, в отличие от обычной коммуникации, где упреляются конвенции, нормы, стереотипы, транскоммунитативация явно тяготеет к метафорам, содержащим переносный смысл, т.е., по-сути, ирреальность. Часто именно благодаря метафорам и юмору в живом общении можно уловить моменты перехода в транскоммунитативные состояния. Отсюда вытекает переосмысление известного суждения Г. Олдриджа о том, что художественная литература пока лучше описывает живую психологию живого человека, чем научная психология. Эстетика транскоммунитативации, например, психолога и клиента могла бы стать нередуцируемым материалом психологических описаний. Что-то близкое можно наблюдать в свободных описаниях «психологических историй» И. Ялома (Ялом, Элина, 2002, 2003, 2005).

При этом остается в обостренной проблеме сохранения научности на постметодологическом уровне. Я вовсе не считаю, что постметодологическая перспектива желательна для других наук — в этом я сомневаюсь. Своё мысленное экспериментирование с постметодологией я начал не просто так. Конечно, с точки зрения простых критериев наукообразия соблазнительно свести душу к «схизмике», а последнюю к поведению; будучи первокурсником ЛГУ, я был «уверенным библиофилом». Сейчас я задаю себе вопрос: а встречались ли мне «уверенные библиофилы»? — и не могу припомнить таковых. Тип методологии, избираемый ученым, и тип его личности определенно связаны. А я чем дальше, тем больше сомневался в релевантности признанных методологических подходов.

Прогресс же здесь естественных наук очевиден. Например, если в конце XIX в. мозг ассоциировался с телефонным коммутатором, а XX в. — с компьютером, то в XXI в. микробиологи допускают сравнение с микрокомпьютером животного нейрона. Тогда какие же «Интернет-пространство» могут образовать миллиарды нейронов при триллионах их потенциальных связей? Таким образом, древняя метафора о том, что человек как микрокосм подобен космосу уже подтверждается физиологически. Но это только один из уровней. С точки зрения количественного количественного подхода тело — это «конденсат» и «проводник» более тонких духовных N-верных свойства универсума, которыми во многом потенциально обладает душа. Однако человек, различая свое множество измерений и N-концепции, не часто осознает безграничность или свободу душевного процесса вследствие, по сути,

основных физических ограничений, за которые неизбежно обречено это тело. Здесь обнаруживаются кардинальные различия между физический и психический измерениями, информаций, пространственны и времени.

Трансцендентальный характер этих аспектов душевной жизни с какой-то необратимой регулярностью отмечается мыслителями всех эпох, начиная с древних мудрецов вплоть до современных трансперсональных психологов. Однако простую схему системы их анализа мне обнаружить не удалось. В своих последних работах я попытался свести эти аспекты в единую схему на основе теории транскоммуникации.

Так, по восходящему дугу транскоммуникации (душевное → телесное: катарсис) психическая энергия обнаруживает свою первичность, или предшествование физической, телесно-энергетической динамике (аккомодаторный акт, аутогенез и др.).

По ампрессивному дугу транскоммуникации (душевное ← телесное: импринтинг) обнаруживается латентность, сокровенность, недостижимость душевной информации по сравнению с информацией физической (Рубинштейн, 1946; Веккер, 1998). Не только студентам, но и профессионалам трудно принять простой «вопрос»: где находится образ, мысль, чувство и т.д.? — разве не находится! (в системе координат — измерений физического универсума).

По восходящему дугу транскоммуникации (душевное → телесное: экстаз) обнаруживается безразмерность, или сверхмерность психологического пространства (мотивационного, воображаемого, мысленного) в отличие от пространства физического.

По восходящему дугу транскоммуникации (душевное → духовное: псайх) обнаруживается собственно трансцендентность психологического времени (взаимной трансформации прошлого, настоящего, будущего, предвосхищения и чувства вечности) по сравнению с «линейными» физическим временем.

Для получения опытного знания об этих особых психологических степенях свободы мною был разработан специальный магический ритуалум, основанный на трансных состояниях (Кабан, 2005). Транс — это экзотное базисное корневое свойство души (об этом догадывался З. Фрейд, имея в виду первичное «облачное чувство» младенца). Однако до сих пор понятие транса не прописано даже эрестоматично не только в отечественных словарях, но и в относительно свежей психологической энциклопедии (Психологическая энциклопедия, 2003). В лучшем случае приводится слишком упрямый его интерпретация в рамках практики гипноза. (Зато вместо универ-

самого психологического понятия транса во всех психологических словарях присутствует важный «психологический» термин – транзитивизатор). Поэтому радикальную психику ребенка (какова она у самого ребенка) мы до сих пор понимаем слишком по-взрослому, ацентрично и поверхностно.

Получается, что методологически ориентированная психология, с трудом проникая в базовые психические процессы (транс), испытывает серьезные затруднения, и в результате neglect исследования наиболее сложных свойств душой человека просветленного человека. Я рассматриваю эти затруднения как прямое следствие «методологии», заимствованной психологией у слишком «тупых» наук. Вот почему, например, юнгианский аналитик, в ходе которого участники обнаруживают свойства души, совершенно не соответствующие принятому в науке детерминизму, я считаю *нормально-качественной аналитикой*. Ибо мне неизвестны другие науки (кроме психологии и геологии), где бы трансцендентальный фактор оказывался более значимым, чем другие. Параллельно, что этот факт чаще всего игнорируется основными психологическими школами, кроме трансперсональной.

Постметодология, сохраняющая научность – это, так или иначе, достижение истины, в противовес опыту-искусу. Этот критерий, по сути, объединяет в себе все более конкретные требования верификации или фальсификации классической, неклассической и постнеклассической науки. В постметодологии можно увидеть даже возвращение к ядру научности – подобное познавать подобным. В сфере психологии это реализуется через очень простой, вроде бы давно известный принцип симпатии, тропности: созвоние релевантно познается созвонием, душа – душой, переживание – переживанием (эмпатия).

Основные транскоммуникативные лучи, описанные в прежних моих работах, проявляются в «пиковых переживаниях» (Маслоу, 1997) – *экстазе*, *экстазисме*, *экстазе*, *экстазе*. С другой стороны, лучи нисходящей (*катарсис*), нисходящей (*экспиритинг*), экстенсивной (*экстаз*) и нисходящей (*нискайт*) транскоммуникативности обнаруживают универсальное стратегическое значение для нередуктивного понимания душевной жизни в целом (от момента зачатия до смерти). На этом макроуровне им соответствуют *идеальные* *слова* *душевной* *жизни*.

Эта глобальная метафора подробно представлена в последних моих работах (Кабын, 2002, 2005). Здесь я возвращаюсь к ней, чтобы сделать особый акцент в понимании именно человеческой психологии. Мы привыкли к линейной модели жизни, принятой в ботанике, биологии,

когнитивистской психологии, социологии и антропологии. Согласно этой модели, все живое зарождается, растет, расцветает, переживает апогей и с той или иной скоростью угасает. В этом ряду, пожалуй, исключением является концепция Б.Г. Ананьева о двух контурах регулирования развития человека в онтогенезе — вертикальном и горизонтальном. Под вертикальным контуром регулирования имеется в виду система спинного мозга, управляющая иерархией простейших соматических функций. Горизонтальный, или билатеральный контур регулирования развивается на основе формирования межполушарных связей коры головного мозга в связи со становлением высших психических функций. В рамках этой концепции оказывается, что многие психические функции по вертикальному контуру регулирования регрессируют уже в достаточно молодом возрасте, тогда как высшие психические функции, формируясь на основе межполушарного взаимодействия, могут развиваться инстинктивно довольно долго, все более компенсируя регресс по вертикальному контуру. Следовательно, в рамках этой концепции на психофизиологическом уровне сделана попытка понять общее психологическое развитие человека как постоянный рост за счет внешнеуказанных трансформаций соотношения разных контуров регулирования (Ананьев, 1969). Знаменательно, что Б.Г. Ананьев подтвердил эту гипотезу своей жизнью и смертью.

Я заинтересовался психикой и психологией, столкнувшись с понятием *земляной* в трансперсональной психологии (Уайт, 1996). Оно уходит своими корнями в далекие христианские традиции, где под метафизой понимали просветление, объединяющее окрестие и покаяние, интуицию и совесть. Святоотеческий опыт, отраженный в толках о добротолении, показывает возможность перехода такого пикового переживания момента в длительное состояние и даже в последний сезон жизни как подготовку к чему-то большому — жизни в духе. Еще Л. Толстой в «Холстомере» писал, что есть два вида старости — гадкая и величественная. Именно последняя описана выше, что прямо говорит о том, что метафизой может быть не только результатом специальных практик, существующих во всех мировых религиях (не только в христианстве), но и естественная последняя стадия земной жизни. Я имел счастливую возможность наблюдать такую старость у своей бабушки, конечно, не задумываясь вовсе об этой проблеме. Сейчас во всех науках об угасании мне ближе всего «гипотеза», сформулированная в предисловии К.Г. Юнга к «Тибетской книге мертвых»: чем сильнее, точнее, яснее выпущена «стрела духа» умирающего человека, тем значительнее его результат жизни в трансцендентальном смысле.

Путь к метаноии труден, поскольку лежит через параною (не в узком медицинском значении этого), полную опасностей, страхов и рисков, начиная с подросткового бунта, «потери головы» от любви, неволевыми, одиночества вплоть до христианской «пустыни» или репрессивной социальной изоляции. Примечательно, что эти процессы за рамки правильного разума — ортоноии — в сферу сомнений и понимания условностей и фальсифицированности большинства норм, правил, ценностей социокультурного устройства происходят регулярно и естественно, несмотря на более чем двадцатилетний период директивной социализации (семья, детский сад, школа, армия, ВУЗ). Но протекают эти процессы у каждого слишком по-разному, потому что «ортоноидальное образование» начинается не с чистого листа, и речь здесь идет не просто о критической оппозиции гнетущей психологии ортодоксальному *бихевиорному* во взглядах на ребенка. В психической психологии должна получить право на существование и осмысление гипотеза о том, что суть *оборванности* ребенка намного глубже и тоньше: каждый рождается в уникальной «колыбели духа». Ее мы в соответствии с принятой схемой называем *артоноией*. Именно благодаря этой «протоноидальной колыбели» младенец обладает еще и важной автономией от первого диктата наследственности. Ранее я упоминал о том, что первичные эйдосы младенца защищают его от традиционной нормативности ортоноии взрослого. Если этот «протоноидальный кокон» вклинивается взрослыми или обстоятельствами раньше времени, судьба растущего человека становится непредсказуемой...

Такая схема (не модель, не структура и т.п.) сезонов жизни человека (протоноия — ортоноия — параноия — метаноия), в отличие от традиционных моделей «взлета — падения», выглядит скорее как экспоненциальная функция духовного роста, который может «выбирать скорость» вплоть до конца жизни человека. Эта схема содержит внутри себя организацию или *верифицируемость* духовного спонтанного человека и в этом смысле может стать основой развития нередуктивных подходов постметодологического плана, в качестве одного из которых я рассмотрел транскомуникативный подход. В контексте этого подхода постметодологическая схема исследования может выглядеть следующим образом:

- интуитивное познание предмета исследования (духовного в нем измерении) на основе синтеза вербально-невербальных и поэтически-метафорических средств в более широком смысле;

- непосредственная релевантность теории предмету исследования (аутентичная синтонность теории и предмета);
- создание транскоммуникативной ситуации, непосредственно релевантной теории и предмету;
- инициирование транскоммуникативного процесса, соответствующего ситуации, теории и предмету.

Предполагается, что реализация этой схемы может привести к получению вередуктивного релевантного аутентичного психологического знания.

Заключительный очерк о первых шагах в постметодологии исследования душевной жизни, я же удивлюсь, если она будет воспринята как поиск черной кошки в темной комнате на пути к еще какой-то методологии. Однако именно постметодология позволяет иначе и более релевантно посмотреть на потенциал ценностного мира человека.

ЦЕННОСТНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА В ЕГО КОММУНИКАТИВНЫХ И ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

В первой части данной статьи мною была показана коммуникативная природа и транскоммуникативная сущность ценностей как особый психологический реалий. Вторая часть была посвящена проблеме поиска релевантного подхода к исследованию ценностного мира человека как трансцендирующего в масштабе духовно-душевно-телесных соответствий транскоммуникативного процесса.

Следуя принципам холистического подхода, *целостивый ду* (*драйв*, *жажда*) или измерение психологического универсума человека можно понять как символ, голографическое, фрактальное трансцендирование в синтезе его *визуального* (духовного, трансперсонального), *жизнentially* (интерперсонального, «психологического»), *эйдельного* (образного) и *телесного* (сенсомоторного) миров (Уилбер, 2004; Тихонлав, Тихонлав, 2003). *Целостивый ду* здесь может быть представлен метафорически как «духовный оракул», дура, свечение транскоммуникативного коллектива человека в «созвездии» обобщенных миров. Именно поэтому в непосредственно наблюдаемой *визуальности* человека можно интуитивно почувствовать символично, синхронистично представленные эйдельские, ментальные и телесные качества его ценностного мира.

Таким образом, ценностный мир олицетворяет «колларник» психологического универсума человека, воплощающийся в колларии его транскомуникативных отношений с собой и миром. Рассматривая транскомуникативность душевной жизни человека, а в свое время попытались упорядочить все многообразие человеческой коммуникации относительно четырех уровней ее самоорганизации. При этом комплекс осуществлялся единичной анализа и воплощением преимущественно интракоммуникативных (внутренне задаваемых) процессов; беседа – разговор – соответственно, экстракоммуникативных (ситуативно обусловленных) процессов; диалог – дискуссия – интеркоммуникативных (проблемно – «противо-речных») процессов; коммуникативное оплодотворение – транскомуникативных (ценностно-смысловых) процессов. На этом последнем уровне нерарсон (интра – колларии) процессов общения и обнаружил коммуникативный мир личности (как совпадение транскомуникативных отношений) в качестве самостоятельной реальности, соразмерной душевной жизни человека.

На этой основе мной был создан метод моделирования коммуникативных миров (ММКМ), позволивший моделировать транскомуникативный коммуникативный самопроецирование человека (Кабрия, 1992). Метод содержал открытые (незадействованные) возможности. После обнаружения «стресс-транс-формации» в качестве «движительно-звучающего ядра» транскомуникативного потенциала душевной жизни человека оказалось возможным интерпретировать ММКМ в постметодологическом ключе (Кабрия, 1999, 2005). Все это позволяет предполагать перспективу исследования релевантных качества ценностного мира человека с помощью ММКМ, построенного не на основе статистической стандартизации, а на принципах индивидуальной вариативности и ценностно-смыслового качественного анализа и синтеза (Кабрия, 2003а).

Так, коммуникативная природа ценностей означает, что последние действительно «живут» в реальных живых коммуникативных ситуациях, а не в искусственном искусственном конструируемом «принятии – отвержении» или рандомизированном варианте искусственного «авторского» списка исследователя, который к респонденту может и не иметь отношения. При этом, просто желая «угадать в угадать» (X^2) интенциями исследователя, респондент может выдать ему любые искусственные «реакции», которые тот захочет воспринять как «аутентичные данные».

Проективные психосемантические методы – существенный шаг в преодолении таких «замкнутых исследовательских ситуаций», но и они, за случайными исключениями, не воссоздают ни коммуни-

капитульную ситуацию респондента в его жизненном мире, или коммуникативную ситуацию исследователь–респондент.

Транскокоммуникативная же постметодология позволяет воссоздавать и анализировать сложность разновещных коммуникативных миров: 1) интенционального «герменевтического» мира исследователя; 2) интенционального мира респондента и 3) собственно «исследовательского мира» как транскокоммуникативного.

Кстати, модный ныне рессонанс феноменологического и интенционального анализа может быть релевантен в той мере, в какой удастся реализовать обозначенные выше условия, поскольку любая неэкзистенциальная теория соизвещает или стихийно воплощается в исследовательской стратегии. Поэтому имеет смысл (и «ценность») оставание этого перехода как варианта транскомуникативности в постметодологической концептуализации транскокоммуникативности ценностного мира человека.

Акцентируем два исходных момента транскокоммуникативной концептуализации ценностей. Первый из них состоит в том, что любые ценности обнаруживают свое актуальное существование, «сбивают» как минимум во *Встрече* (контакте). Нет встречи — нет переживания *целостной* целостности жизни, но есть переживание или индифферентности, или потери «вкуса жизни». «Человек не встречающийся» ни с собой, ни с друзьями, ни с миром — долго ли он может просуществовать в таком жизненном ступоре? Оставим этот вопрос клиническим психологам. Вторым исходным моментом является «стресс-транс-формация» как глубинный фактор, интенсифицирующий транскокоммуникативный процесс и соответствующие пиковые переживания, рассмотренные выше.

Стресс → удивление → восхищение → очинение → обожание → преображение... Если встреча наполнена такими процессами, можно ли потерять вкус жизни?

Тот факт, что ценностная динамика высказывается этим транс-фактором, подтверждается простым жизненным опытом. Если обозначенные процессы не происходят, то привычное неизбежно обесценивается, а ценность возвращается лишь через стресс опыта утраты. А любовь уходит и не возвращается из-за предательского опустошения. В таких ситуациях транскокоммуникативные состояния (взрывы, поступки) предвещаются человеком как высшие *непредельные* ценности.

Следовательно, иерархия и холизм транскокоммуникативных процессов в жизненном мире человека может открыться ему как иерархия его высших ценностей. Таким образом, холистически теория транскокоммуникативности может служить непосредственной системой координат анализ

ценностного мира человека, и в ММКМ, и в живом непосредственном транскоммуникативном опыте, минуя косвенные, обходные способы опосредования, присущие любому методу (одно из следствий постметодологической ориентации). Эти координаты следует, видимо, рассматривать как иерархию метацинностей, и пространство которых может быть обнаружено из трансцендентальное «выражение», «тяги», деятельная устремленность человека в конкретном коммуникативном отношении к конкретному явлению, действию, событию, к себе, другому...

Если, следуя количественному принципу, двигаться от высшего целого к более простым универсалиям, мы получим следующую иерархию уровней в ценностном мире человека:

А. Психический уровень – ценность духовной стресс-трансформации (преобразование, «рождение в духе»):

- a) *жизненный* – преобразующее, просветляющее, благоволеющее, включенное принятие жизни и сопричастности универсуму как ценности;
- в) *варяжский* – освежающая ценность страсти, время экстрима, болезненных преодолений формальных ограничений жизни, прорывов в свободное творчество;
- с) *орлеанский* – ценность ясности, определенности и правильности сознания, чувства и разума;
- д) *аравийский* – ценность чистоты, открытости, первородности, неопределенности впечатлений, образов, чувств.

В. Уровень психофизиологический переживания – пиковые душевные переживания как ценности:

- a) *жизнь высшая* – хотя бы на уровне органа или чувства юмора;
- в) *возможность актрессы* – свободное эстетическое самовыражение вплоть до восторга;
- с) *жизнь вечный* – возможность импринтинга и острых ощущений;
- д) *возможность конурсы* – очищающий транс.

С. Уровни «простых» коммуникативных ценностей:

- a) *ценность дружбы – любви* (в отношениях);
- в) *ценность доверия* (в диалогах);
- с) *ценность понимания* (в беседах);
- д) *ценность встречи* (в контактах).

Стоит подчеркнуть, что принцип иерархичности ценностей предполагает их обратную кумулятивность. Вершинный уровень ценностей воплощается через остальные, более простые, поэтому последние включаются вложенными в ценности более высокого порядка. Такое взаимопроникновение ценностей и образует их многомерную координату, в прогнозах механистической расчлененности и элементарной дифференциации.

Постметодологическая перспектива исследований предполагает не только *бесконечность* неповторимых ценностных конфигураций каждого человека, но и *аналогичную бесконечность* возможностей концептуально-метафорических схематизаций представлений об уникальных ценностных мирах людей (групп, культур), одной из которых является рассмотренная здесь схема. Отсюда также следует и *бесконечное* разнообразие вариаций постметодологических стратегий исследования, даже если последние вытекают из одной теории, например, теории коммуникативных миров в МКМ. Рассмотрим такую перспективу.

Исходным элементом постметодологических исследований является вовлечение респондентов в ситуацию самоанализа своего жизненного мира. Исследователь актуализирует у них ценность аутокоммуникации и ценность коммуникативного мира.

Основанием активности респондента является не столько «инструкция», сколько индукция свободного смыслотворчества:

- 1) сказать что-то о проблемах, темах, интересах, которые обсуждаются с собой и в своем кругу общения;
- 2) сказать что-то о партнерах, с которыми обсуждаются указанные проблемы;
- 3) далее производится невербальное субъективное оценивание малозаметности переживаний и общения в обозначенных выше контекстах.

Стандартизировать такой материал не составляет большого труда. Так, материал, умещающийся на одной странице и состоящий по всем канонам аспектов, даст минимум сто невербальных показателей (Кабрина, 2003а). Однако гораздо важнее понятие основной ценностный вектор анализа смыслового пространства-времени коммуникативного мира. Он задается на первом этапе самоанализа каковы-то определенном исходной проблемной ситуации. Предполагается, что таких определений может быть великое множество. И в них можно применить данную исследовательскую схему к анализу внутреннего мира личности.

коммуникативного мира личности в семье, в компании, учебной группе или организации и т.д. Любое метаценностное основание может ориентировать нас внимание на различные ценностные субмиры. Например, мы получили специфическую информацию о субмирах студентов и их родителей, предлагая им следующее определение неслодной ситуации: «Ради решения каких проблем и ради кого Вы готовы изыскивать и резервировать свои адаптивные ресурсы?» Эта ситуация ориентирована на выявление метаценностей и метамотивации. Аналогично исследуются «коммуникативные миры образования» глазами студентов и преподавателей, реальные образовательные ценности и т.д.

В постметодологической перспективе мы намерены переадресовать определение основного ценностного вектора коммуникативного мира самому субъекту этого мира, как бы доверить ему «чистый лист» или дать полную свободу самотрансцендирования. Таким образом мы осуществляем постметодологическое расширение исследовательской ситуации. Для достижения полной релевантности *субмирам* и *процесса* исследования в качестве вариантов можно предложить также принципы его организации, как «Группы встречи», «Группы экзистенциального опыта», «Практикум восточного опыта».

Главный критический вопрос постметодологии – не аналогична ли такая стратегия намеренно горе-исследователя, умерщвляющего лягушку чтобы понять, что же ею движет, или вытаскивающего рыбу из воды, чтобы она увидела свой жизненный мир со стороны и тем самым пробудилась к самосознанию?

ЛИТЕРАТУРА

- Давыдов Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
- Давыдов А.Г. На ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Александрова Р. Психология. Изложение принципов и руководство по технике. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
- Баллаш М. Базисный дефект: Транзистивческие аспекты регрессии / Пер. С англ. М.: «Калита-Центр», 2002.
- Баллаш М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники / Под ред. Н.С. Фролова. М.: 1986.

- Бейсова Г. Экология рагума. Выбранные статьи по антропологии, психологии и эвистиологии. М.: Смысл, 2000.
- Беланкина Е.П. Возможности организаций и образы социального мира // Мир психологии. 2004. № 3 (39). С. 97–102.
- Брандес Б.С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 67–91.
- Бродягина Г.А., Коринаева Т.В. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 99–105.
- Бруник Т.М., Зинина О.Г. Опыт утверждения общечеловеческих ценностей – культурных символов – в индивидуальном сознании // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 44–56.
- Ван Клеф А. Трансцендентная терапия // Журнал практического психолога. 1998. № 6. С. 3–20.
- Васильев Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- Венгер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
- Волчков А.А., Ермоленко Е.Г. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности // Психол. журн. 2004. Т. 25. № 2. С. 17–33.
- Вулф В., Реннер К. Холодная война нашей жизни. М., 1995.
- Вайнер Х.-Г. Психика и метод. М.: Прогресс, 1988.
- Дюф Сен. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: АСТ, 2002.
- Душарова М.С. Постпозитивистская радикальность в культурной психологии // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 6. С. 5–15.
- Дюро А.М. О ценностных отношениях личности // Советская педагогика. 1974. № 5. С. 67–76.
- Журавлева В.А. Динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях социально-экономических изменений // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 1. С. 35–53.
- Зинин В.В. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Зинина, З.Н. Рыбачевой. М.: Изд-во «ИИ РАН», 2005.
- Ильин М. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.
- Кабрава В.М. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни человека. М.: Смысл, 2005а.
- Кабрава В.М. Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: мыслительность – коммуникация – толерантность. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2002.
- Кабрава В.М. Нонклассическое измерение в психологии: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. 2006. Вып. 12. С. 23–28.

- Кабыр В.И. Психологический универсум человека интуитивного // Психологический универсум образования человека интуитивного. Томск: Водолей, 1999.*
- Кабыр В.И. Транскоммуникативная концепция психологического универсума личности (стресс-транс-формация) // Вестник Томского университета. 1999. № 208. С. 115–120.*
- Кабыр В.И. Транскоммуникативный подход как постметодология современной психологии // Вестник Томского государственного университета. Серия «Психология». № 286. 2005б. С. 15–20.*
- Кабыр В.И. Транскоммуникация и личностное развитие. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1992.*
- Кабыр В.И. Современные системы психологических парадигм как основами комплексных методов развития человеческих способностей в духе полноразличности // Модернизм в психологии. Новосибирск: НГУ, 2005а. С. 87–99.*
- Кайра Ф. Урок мудрости. Киев: София, 1994.*
- Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (исходные в трансактивной аналитике). Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2005.*
- Кун Г. Структура научной революции. М.: АСТ, 2003.*
- Людвиг Э. Сознание души / Пер. с нем. М.: ИЕРСЭ, 2004.*
- Малыш В.А. Методологические проблемы в психологии в начале 21-го века // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.*
- Маслов А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Смысл, 1997.*
- Николаев В.А. Психосоматическое исследование количественно-активационных ориентаций личности // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 3. С. 25–37.*
- Номинс Ж. Мотивация, действие и перспективы будущего. М.: Смысл, 2004.*
- Олмерс Г. О психологии личности. М.: Смысл, 1999.*
- Пиаже Ж. Характер объективизма в психологии и психофизиологический параллелизм // Фрейд П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1966. Вып. 1. 2. С. 157–194.*
- Пыльнов А.А. От традиционных ценностей к уникальным смыслам // Вопросы психологии. 2001. № 6. С.103–119.*
- Роджерс М. Личностное знание. М., 1985.*
- Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корзина, А. Аурбаха. СПб.: Питер, 2003.*
- Пути за пределы яго. Трансперсональные перспективы. М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996.*
- Ридберг К. Клиентоцентрированная терапия. М.: «Проф-бук», «Ваклер», 1997.*
- Рубинштейн С.А. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.*
- Тихонидрава О.А. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы // Мир психологии. 1999. № 3. С. 80–90.*

- Яковлев В.Ю., Яковлев Г.С. Париконн Хаоса, или Фрактальная реальность. СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2003.
- Яким Дж. Пространство и еврейско-христианская традиция // Что такое пространство? Исследования: путь духовного пути. М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996. С. 181–193.
- Яхшиб К. Интегральная психология. М.: Изд-во трансперсональной психологии, Изд-во К. Крачука, 2004.
- Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая двойность с точки зрения сознания. М.: Изд-во трансперсональной психологии, Изд-во К. Крачука, 2004.
- Фромм Л. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Хайдеггер Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003.
- Хейдерсон Дж. Психологический анализ культурных установок / Пер. С англ. М.: «Добросоты», 1997.
- Хью Ф.Т.К. Базовые американские ценности и национальный характер / Пер. Н.М. Лебедевой // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общей ред. А.А. Велика. М.: Смысл, 2001.
- Шарден П.Д. Феномен человека. М., 1987.
- Шварц Р. Психология высшей устремлений: мотивация и деятельность личности. М.: Смысл, 2004.
- Шпенглер О. Смысл и ценность жизни. Харьков, 1911.
- Шварц К.Г. Сверхличность. М.: «Рефл-букс», «Наслов», 1997.
- Шварц А.В. Системный анализ психологии // Вопросы психологии, 1999. № 2. С. 3–11.
- Шварц В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 89–105.
- Шварц В. Лечение от любви. Психотерапевтические повести. М.: Эксмо, 1994.
- Шварц В. Мамочка и смысл жизни. Психотерапевтические истории / Пер. С англ. Е. Филиной. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
- Шварц В., Шварц Дж. Хроника исцеления: Психотерапевтические истории / Пер. с англ. С. Артемова. М.: Эксмо, 2005.
- Шварц К. Смысл и значение истории. М.: Политиздат, 1991.
- Khayibsho S. Values and Value Operations in the theory of action // Toward a General Theory of action / Ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge: Harvard UP, 1951. P. 388–433.
- Robusch M. The nature of human values. N.Y.: The Free Press, 1973.
- Shwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications // J. of Personality and Social Psychology, 1990. V. 58. P. 878–891.

Часть III

ПЕРСПЕКТИВЫ
ИНТЕГРАЦИИ
ПСИХОЛОГИИ

ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

В.А. Мазитов

ИНТЕГРАЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В самом начале статьи «Методы интеграции психологического знания», на которую нам неоднократно придется сослаться в настоящем тексте, А.В. Юренин (Юренин, 2005) пишет о «призраке» интегративной психологии, «бродящем» по психологической науке. Действительно, появился и соответствующий манифест, а, как хорошо известно, в добром манифесте всегда найдется место «призраку» — и не только в эпитафие. Хотелось надеяться, что «призрак интеграции», по меньшей мере, такой же добрый, как и его мультяшный собрат Каспер, и намерения у него благие (и ничего разрушать он, кстати, не собирается не только «до основания», но и в принципе). Впрочем, нам кажется, что этот «призрак» — не что иное, как материализация всгдашней психологической мечты о целостности или, если угодно, «тоски по целостности». Об этом писал в своей «Автобиографии» Джером Брунер: «Я надеялся, что психология сохранит целостность и не превратится в набор несоблюдающихся поддисциплин. Но она превратилась. Я надеялся, что она найдет способ навести мосты между науками и искусствами. Но она не нашла» (цит. по: Зинченко, 2003, с. 117–118). Каждое новое поколение психологов приходит в науку с детской мечтой перестроить эту прекрасную науку с тем, чтобы ее представители достигли хотя бы взаимопонимания. Но они не находят, и не отступают внутренними адептами целостности предостережения методологических плакратистов, полагающих, что не

каждо никакой интеграции... Впрочем, достаточно шуток, обратилась в собственно интеграции»³².

Понятие «интеграции», как сообщает словарь иностранных слов, происходит от латинского *integratio* (восстановление, восполнение) и означает «объединение в целое каких-либо частей, элементов». Представляется, что для психологии это глубоко символично, так как в конечном счете интеграция имеет своей целью восстановление изначальной целостности психического³³. В целостности психики никто и никогда серьезно не сомневался, просто эта целостность и ее устройство представлялись разным психологам существенно по-разному.

Как хорошо известно, научная психология была конституирована во второй половине XIX в. В. Вундтом. Он обосновал физиологическую психологию как эмпирическую дисциплину, использующую метод эксперимента, что отвечало формальным требованиям «двойной программы» Канта (см. об этом Мазюков, 1998). Элементаризм научной психологии определялся именно кантовской критикой — Вундт создавал свою систему физиологической психологии, пытаясь устранить ее недостатки, зафиксированные в основных положениях этой критики. Кантовские положения, напомним, частично пытались уместить и предшественники Вундта (например, Н. Гербарт, использовавший математик, но полагавший, что психологию «не смеет экспериментировать»). Однако полностью кантовскую «двойную программу» осуществил именно создатель научной психологии В. Вундт. Нам важно отметить, что научная психология мыслилась Вундтом как позитивистская наука: ему представлялось, что как только будут выполнены требования (исследовать факты), законы психологии «откроются», и она превратится в столь же достойную науку, как химия (которая, напомним, служила этому ученому идеалом научности именно по ее образцу он строил психологию). Вундтовская конвенция стала образцом психологии атомистической и элементаристской, за что критиковалась представителями многих направлений в последующей психологии.

³² Подчеркнем, что в данной статье речь будет идти о когнитивной интеграции, т.е. интеграции психологического знания. Другие важные аспекты проблемы интеграции в психологии, личностной, социальной, организационной интеграция и т.д. остаются на равном уровне будущей публикации.

³³ Поэтому можно обозначить два аспекта проблемы целостности: проблема целостности психического (выбор таких способов исследования, которые не нарушают целостности) и проблема «выявляемости подходов» (построение комплексного исследования, которое позволило бы в теории «воссоздать» эту целостность). Эти аспекты, естественно, взаимосвязаны. О первом аспекте мы писали в другой работе (Мазюков, 2005), втором аспекте посвящена данная статья.

Это настолько хорошо известно, что стало «общим местом». Куда идет известно другое: Вундт вовсе не был (как это часто представляли) противником целостности. Приведем в подтверждение небольшую цитату из работы самого Вундта: «Какой бы процесс среди тех, которые мы называем "психическими соединениями" в широком смысле слова, или — так как все душевные процессы сложны, т.е. являются соединениями — какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всегда и всегда мы נתольнемся на следующую явную, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам; нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно исpringающее по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза» (Вундт, б/г, с. 118). И далее: «С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов. При слиянии их в единство, обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получается, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получаться из таких соединений, на основе простых тонов, отличающихся лишь высотой и глубиной, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок» (там же, с. 118). Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: «В процессах ассоциатива, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образующегося продукта: из простых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое восприятие» (Вундт, б/г, с. 118–119). Согласимся, что автора этих высказываний трудно считать противником целостности. Заметим, что когда мы говорим о целостном подходе, на первый план чаще всего выходят вопросы методологические. Современник Вундта Ф. Brentano, развивавший целостный подход и отстаивавший целостность психического акта, критиковал создателя научной психологии не за неинтерес к целому, а за путь к его постижению. По мысли Brentano, есть целостные образования, которые принципиально неведомы друг к другу. Исти в их исследовании нужно от целого.

Этапом в развитии целостного подхода являлась работа В. Дильтея, известная у нас под названием «Описательная психология» (Дильтей, 1996). Значительная часть этой книги посвящена критике конструктивного подхода в психологии, образцом которого является вундтовская психология. Решение Дильтея также широко известно — психология должна развиваться как описательная, расчлененная наука. За основу берется целое, оно расчленяется по особым правилам, не нарушающим взаимосвязей.

Если говорить о развитии идеи целостности в психологии, нельзя не упомянуть исследования школы «качества формы» и, конечно же, гештальтпсихологии, для которой проблема целостности стала центральной. Впрочем, объем настоящей публикации не позволяет подробно остановиться на анализе работ этого любопытнейшего направления в психологической науке. Тем не менее отметим, что вклад в разработку проблемы целостности, внесенный гештальтпсихологией, переоценить невозможно.

Заметим, что важнейший методологический вопрос состоит в том, как трактовать причины целостности психического. Вундт полагал, что объяснением является сформулированный им «закон творческого синтеза»: существует особая сила — иннергация, которая может объединять элементы опыта в произвольном порядке. Австрийская школа полагала, что «качества формы» создаются за счет факторов «более высокого порядка». Заслуга гештальтпсихологов состояла в первую очередь в том, что они не удовлетворились фиксацией целостных феноменов, не ограничились какими-либо «псевдообъяснением» (укажем на какие-либо субъективные факторы), но попытались выяснить их природу. Они стремились обнаружить универсальные законы гештальта, для чего Келер, например, проводил свои известные исследования по коллоидной дымке. Нацеленность на обнаружение общих законов (и нежелание удовлетвориться «квазиобъяснениями») и делала эту школу, по нашему убеждению, образцом научности в глазах современников.

Начальные этапы развития научной психологии, как хорошо известно, были связаны с разработкой «простых» подходов: как уже отмечалось, Вундт полагал, что эмпирическое исследование само по себе обеспечит результативность психологического исследования (авосьдаем он пересмотрел свои взгляды и в 1913 г. утверждал, что психология не может существовать без философии, отделение от которой он сам четырем десятилетиями ранее и обосновал). Достаточно быстро возникали структурные, функциональные, процессуальные

подходы к изучению психического. Они были дополнены уровнем и гештальтскими подходами.

Другая линия размежевания психологии состояла в том, что возникли различные ее предметы: одни школы продолжали изучать сознание, другие стали исследовать поведение, третьи сделали своим предметом глубинные пласты психического, обычно не осознаваемые самим человеком. Как справедливо отмечал М.Е. Ярошевский, различные направления в психологии сосредоточились на разработке отдельных категорий: образа, действия, мотива (Ярошевский, 1974).

Появлению множества различных подходов привело к возникновению так называемого «открытого» кризиса в психологии, фундаментальный смысл которого состоял в том, что психологи отчетливо осознали: «простых» подходов для адекватного понимания психического недостаточно.

Напомним, что особенно интенсивно интегративные процессы происходили в начале XX в., когда стало ясно, что «простые», «однородные» подходы не оправдали возлагавшихся на них ожиданий. Впоследствии эти процессы интеграции то усиливались, то ослабевали. Мощная волна интеграционного движения произошла в связи с возникновением системного подхода, получившего широкое распространение в психологии²⁴. Но в целом реализация системного подхода не дала ожидаемых результатов (во многом это было связано с «модой» на все, что привело к тому, что во многих исследованиях он или использовался некорректно, или вообще лишь провозглашался, т.е. оставался декларацией). Отметим, кстати, что история системного движения в психологии в полном объеме еще не написана, что представляется серьезным упущением историков новейшей психологии.

Новая волна интеграционного движения началась совсем недавно. Остановимся на ней несколько подробнее. В 2003 г. в Ярославле начал издаваться журнал «Вестник интегративной психологии» (главный редактор — проф. В.В. Козлов). Ежегодно в Ярославле проводятся конференции, посвященные обсуждению проблем интегративной психологии. Идея интеграции широко обсуждалась на последнем съезде РПО и на Международном психологическом конгрессе в Пекине. Как справедливо указывает А.В. Юренич, интегративные настроения «явно отражают не личные ощущения и намерения тех или иных психологов,

²⁴ В связи с ограниченной длиной публикации мы не ставим здесь останавливаться на истории проблемы. Отметим только, что это, на наш взгляд, представляет собой исключительную интересную тему историко-психологического исследования.

а внутреннюю потребность современной психологической науки и неудовлетворительность ее многолетнего развития по "конфронтационному" пути» (Юревич, 2005, с. 377).

А.В. Юревич отмечает, что в системе интегративных установок современной психологии можно различить несколько различающихся между собой позиций. По мнению С.Д. Смирнова (Смирнов, 2004, с. 280–281), могут быть выделены четыре позиции:

1. Методологический ингибизм.
2. «Методологический ригоризм» или «методологический монизм».
3. «Методологический либерализм».
4. «Методологический плюрализм».

А.В. Юревич, сформулировавший позицию методологического либерализма, интерпретирует различия между методологическим либерализмом и методологическим плюрализмом следующим образом: «Четвертую позицию С.Д. Смирнов называет "методологическим плюрализмом", отмечая, что сам он разделяет именно ее. Она состоит в том, что психологическим теориям следует принимать друг друга (подобно "методологическому либерализму"), но (в отличие от всего) не следует стремиться к "наведению мостов" между ними, оставив психологию в ее нынешнем раздробленном состоянии и признав ее "полипарадигмальность" в качестве неизбежной» (Юревич, 2005, с. 380).

Позиция методологического либерализма представляется более конструктивной, так как, по нашему мнению, интеграция психологического знания представляет собой одну из важнейших стратегических задач, стоящих перед психологической наукой в начале XXI столетия.

Действительно, решение вопросов интеграции тесно связано с методологией психологии. В самое последнее время опубликовано весьма значительное число работ, посвященных этой теме, высказано много продуктивных идей.

Не имея возможности предпринять здесь сколько-нибудь полный обзор методологических исследований, проведенных в отечественной психологии в последние годы, остановимся на принципиальном для современной методологии психологической науки вопросе: какой должна быть методология современной российской психологии? Необходимо реставрировать (или восстановить в правах) традиционную советскую методологию психологии (естественно, освободив ее от

очевидно устаревших или идеологизированных положений) или же следует разработать принципиально новую методологию психологической науки?

Прежде, чем обсуждать, какой должна быть новая (или обновленная) методология, полезно вспомнить, какой была старая (советская) методология. Конечно, было бы неоправданным упрощением полагать, что методологии отечественной психологической науки были единой. В советской психологии работали замечательные ученые, которые, несмотря на идеологический прессинг, разрабатывали важнейшие методологические положения. Методологические работы классиков советской психологической науки (С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, М.С. Роговина и др.) никоим образом не утратили своего значения (подробнее см. об этом Мазалов, 1998, 2003). В данном случае для нас важно отметить то общее, что было характерно для методологии психологической науки в советскую эпоху.

В советский период было распространено упрощенное представление о методологии. Чаще всего выделялись философский, общенаучный, конкретно-научный и методический уровни. В качестве философского уровня выступала марксистско-ленинская философия (диалектический и исторический материализм). Этот уровень был идеологизированным, что накладывало определенные «рамки» на возможности психологического исследования. Разрабатывался этот уровень философами, психология использовала преимущественно результаты таких разработок. Философия диалектического и исторического материализма выступала также основой для общенаучного уровня (законы и категории диалектики). Этот уровень был «обязательным» по идеологическим соображениям, без него обойтись было просто невозможно. Общенаучный уровень вытекал из «философского». Здесь также содержались определенные «ограничения» для развития психологической науки. Дело в том, что общенаучный уровень методологии разрабатывался по стандартам естественных дисциплин. На наш взгляд, существенным препятствием для разработки психологией собственной методологии являлась ее ориентация на те методологические установки, которые сложились в философии науки на основе реализации естественнонаучного подхода, претендующего на статус общенаучного. Такой подход не учитывал специфику психологии и уникальности ее предмета. Вместе с тем нельзя не согласиться с позицией Л. Гаран и М. Кечке, в соответствии с которой попытки построить всю психологию на «герменевтической» логике истори-

ческих наук бесприсречно, поскольку на языке герменевтической психологии невозможно перевести наработки естественнонаучной психологии (Гаран, Кечко, 1997). Попытки решить вопрос «сквозным» путем за счет «логического империализма» естественнонаучной или герменевтической парадигмы ни к чему, как убедительно показала история психологии XX в., не привели. Сегодня совершенно ясно, что подобная конфронтация лишь углубляет кризис в психологии. В таких условиях становится чрезвычайно актуальной разработка такой общепсихологической методологии, которая предполагала бы возможность взаимного соотношения психологических конвенций, исходящих из различного понимания предмета психологии.

Наибольший интерес психологов, естественно, вызывала собственно психологическая методология, соответствующая конкретно-научному уровню. Ее обычно представляли через совокупность методологических принципов (детерминизма, единства сознания и деятельности, развития, системности и т.д.). Конкретным воплощением психологической методологии обычно выступал деятельностный подход методологический анализ категории деятельности представлял собой парадигму, в которой должна была работать отечественная психология. Еще раз подчеркнем, что подобное представление является схематичным, но оно в целом отражает характер методологических разработок отечественной психологии в советский период.

Вернемся к стилизованным представлениям о том, какова должна быть методология современной психологии. По этому поводу в последние годы было высказано несколько различных позиций. Рассмотрим их более подробно.

Первую позицию можно условно определить как радикальную. Она состоит в том, что старая методология не годится совершенно, поэтому необходимо разрабатывать новую, соответствующую современным задачам психологии. Примером реализации первой позиции является работа И.П. Волкова. По мнению этого автора, под методологией следует понимать «непротиворечивую, логически цельную систему философских и теоретических принципов, отражающих понимание сущности психики как основного предмета исследований в психологии и управляющих на основе этой психологической конструкции мыслями и действиями психологов в их научных исследованиях и в научно-практической, а том числе педагогической, профессиональной деятельности» (Волков, 2003, с. 81). Такой методологии в настоящее время пока еще нет, она находится в состоянии становления. И.П. Волков отмечает, что «состояние научной психологии действительно достойно ее состоя-

тельной методологии, порожденной не просто наукой или обществом, а сознанием психологов. Отказаться от старой марксистской методологии было легко, но вот создать новую методологию — как трудно: разрушить всегда легче, чем строить» (Волков, 2003, с. 81).

Вторую позицию можно определить как *консервативную*. Она состоит в том, что традиционная методология вполне успешно выполняла свои функции. О наличии такой позиции можно судить по тем положениям, которые составляют содержание методологии психологии в представлении того или иного автора. В качестве примера приведем работу В.И. Тютюнника. «Методология — область научной деятельности, в ходе которой изучаются и применяются общие и частные методы научных исследований, а также принципы подхода к определению предмета, объекта и методов исследования действительности и к решению целого класса исследовательских задач» (Тютюнник, 2002, с. 8). В методологии выделяются четыре уровня — уровень философской методологии; уровень общенаучных диалектических принципов; уровень частнонаучных методов; уровень конкретной методики и процедуры исследования (там же, с. 9). Уровень философской методологии представлен основными законами и категориями диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого познания. Основные законы диалектики: закон единства и борьбы противоположностей; закон отрицания отрицания и закон перехода количественных изменений в качественные. Основные категории диалектики: сущность и явление; содержание и форма; причина и следствие; возможность и действительность; единичное, всеобщее и особенное; свобода и необходимость; необходимость и случайность; качество и количество; мера. Уровню общенаучных принципов соответствуют: принцип восхождения от абстрактного к конкретному и наоборот; принцип единства исторического и логического; принцип единства логики, диалектики и гносеологии; принцип относительности; принцип дополнительности; принцип системности. Таким образом, можно видеть, что уровни философской методологии рассматриваются в работе В.И. Тютюнника в традиционном ключе. Для этого, заметим, вполне достаточно оснований, так как в советской психологии, которая, как хорошо известно, базировалась на такой философской методологии, было много замечательных достижений.

Третья позиция может быть охарактеризована как *умеренная*. Она состоит в признании того, что старая методология во многом непригодна в новых условиях, но при формировании основ новой методологии

необходимо учитывать и использовать накопленные ранее разработки. Здесь (например, как и всегда в подобных случаях) наблюдается достаточно широкий диапазон расхождений во взглядах: одни авторы тяготеют к радикализму, другие к консерватизму.

Как нам представляется, весьма полезно прислушаться к мнению одного из классиков отечественной психологии В.П. Зинченко. Оценивая анализ методологии отечественной психологии, он отмечает, что «методология была связана не столько с теорией и философией, сколько с идеологией, находившейся над всем. Последняя была крайне агрессивна, претензиозна и самозванна» (Зинченко, 2003, с. 98). Автор замечает, что в отечественной психологии были сформулированы методологические принципы, которые сохраняются в виде недостаточно отраженных схематизмов профессионального сознания. «Беда в том, — пишет В.П. Зинченко, — что они излагаются именно в форме постулатов, а не проблем, что сковывает свободу мысли и исследования» (там же, с. 98–99). Он предпринимает детальный анализ методологических принципов (постулатов), которые составляли ядро методологии отечественной психологической науки: принципа системности, принципа детерминизма, принципа отражения, постулата о рефлексивной природе знания, принципа деятельности, принципа единства сознания и деятельности, постулата социальности (личность есть совокупность всех общественных отношений). В результате В.П. Зинченко приходит к выводу, что наличие «недостаточности, а то и неполноты, адекватности так называемых методологических принципов советской психологии. Иначе и не могло быть, поскольку выполняемая «самозванцами мысли» идеология выполняла служебные функции контроля за развитием науки и средства направлять это развитие в нужном направлении (хотя что такое нужное направление никому, кроме самих ученых, не может быть ведомо). Но как известно, на всякого мудреца довольно простоты. Ученые, лукаво приравнивая идеологическими стандартами и штампами, обесценивали себе хотя бы относительно безопасные условия для развития науки. И нужно сказать, что такую защитную функцию методологии выполняла, если не становилась сознательно» (там же, с. 114). В.П. Зинченко заключает: «Жизнь сложна, и мы меньше всего склонны приходить к ее упрощению. Его предела, кажется, уже достигла методология, которая, к несчастью, претендовала и на роль теории... Абсолютизация любого методологического подхода препятствует теоретической работе. Например, системный подход выдавался за последнее слово именно в теории психологии, и тем самым он мог породить только бессистемную химию»

рина. Но теоретическая работа шла как бы под сурдинку методологии и для ее выявления нужно проведение специальной работы» (там же, с. 113). Нельзя не согласиться с суждением классика отечественной психологии: «Едва ли целесообразно призывать к полному разоблачению методологических мифов. Прямая борьба с догматами бессмысленна. Более уместна их конструктивная критика, ограничение их влияния, выдвижение разумных оппозиций. В итоге они сами постепенно сойдут со сцены или трансформируются на испрекоженных постулатах и принципах в возможные подходы. Другими словами, некоторые из методологических принципов займут скромное место научных и методических подходов» (Зинченко, 2003, с. 100).

Сформулируем нашу точку зрения на проблему методологии. Мы полагаем, что дискуссии по поводу методологии психологической науки во многом связаны с эмоциональными оценками («методологическими эмоциями», по А.В. Юреничу). Конечно, когда идеология вытесняет собой науку, это плохо и совершенно недопустимо. Вместе с тем вряд ли стоит отрицать, что к психологии применимы общие стандарты научного мышления и логики научного познания. Поэтому философский и общенаучный уровень методологии, задающие основные правила рассуждения, обоснования, доказательства, несомненно должны присутствовать в сознании научного психолога. Но наиболее важными для психологии все же являются собственно психологические методологические представления, собственная методология психологии. Подчеркнем, что крайне опасно полагать, что для психологии безоговорочно подходят разработки, полученные на материале естественных наук. Очень часто делаются обобщения, представляющиеся совершенно неоправданными (ибо за ними не стоит конкретных специальных исследований), согласно которым естественнонаучные стандарты распространяются на область всей психологии. Уровень собственно психологической методологии (как нам представляется, важнейший среди всего методологического психологического знания) подымался в советской психологии набором принципов и постулатов, о которых писал в цитированной выше работе В.Л. Зинченко. Можно согласиться с этим автором в том, что абсолютизация принципов неуместна. Вместо «притравливания» принципов методологии стоит обратить более пристальное внимание на разработку проблем предмета, метода, обеспечения в психологии, обеспечение интеграции психологического знания и др.

Очень важно подчеркнуть, что необходимо различать собственно методологию и теорию психологии — несомненно, методология не

должна подкреплять собой теории. Те или иные психологические теории, безусловно, могут иметь методологическое значение и выступать в качестве методологии при осуществлении конкретного психологического исследования, однако должны существовать *собственно* методологии психологической науки в узком смысле, обеспечивающие выполнение определенных функций.

Методология психологической науки, по нашему глубокому убеждению, пока еще не является установленной, сформировавшейся теорией. Напротив, она представляет собой (и, по-видимому, должна в обозримом будущем представлять) совокупность идей, понятий, принципов, схем, моделей, концепций и т.д., причем в каждый момент времени на первый план выходят те или иные ее аспекты, и если перед психологией встают новые задачи, то методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. Иными словами, методология психологии имеет конкретно-исторический характер.

Приступая к анализу методологических исследований и замечая контуры новой методологии психологической науки, мы отмечаем (Mazluc, 1997), что, вероятно, она должна складываться из следующих составляющих, соответствующих трем основным группам задач, стоящих перед этой областью знания:

1. Когнитивной (познавательной) методологии, описывающей принципы и стратегии исследования психического.
2. Коммуникативной методологии, обеспечивающей соответствие различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.
3. Методологии психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Одной из составляющих современной методологии психологической науки, таким образом, является, по нашему мнению, коммуникативная методология (о ней мы будем говорить подробнее ниже). Впрочем, вернемся к проблеме интеграции.

Характеризуя перспективы интеграции в современной психологии, А.В. Юренич отмечает, что «современные психологи осознают потребность в интеграции психологической науки в качестве одной из ее главных задач, однако ищут более "мягкие", "либеральные" варианты интеграции, нежели их воинственно настроенные предшественники, игнорирование или "последние" концептуальные построения

друг друга. В этих условиях первоочередной задачей ставится не только сама по себе интеграция, но и выработка ее модели, которая, во-первых, была бы действительно "либеральной", позволяющей избежать издержек "капитулянтской" или искусственно форсированной интеграции, характерной для прежних времен, во-вторых, – была бы все-таки моделью именно интеграции, а не легализации анархии и раздробленности, весьма характерной для постмодернистских программ, в-третьих, – не выглядела бы как набор объединительных призывов, восторженных по принципу "психологов всех стран и направлений, объединяйтесь!" (Юревич, 2003, с. 381). А.В. Юревич отмечает, что для того, чтобы выработать или хотя бы представить себе модель интеграции, необходимо задаться естественным вопросом о том, что вообще могла бы представлять собой интеграция современной психологии. Отвечать на него логически целесообразно от противного, т.е. отталкиваясь от основных видов разобщенности, или «разрывов» психологического знания, препятствующих его интеграции. «В структуре психологического знания (точнее, в довольно аморфном массиве, который лишь условно или как дань традиции может быть назван "структурой") можно усмотреть три фундаментальных "разрыва". Во-первых, разрыв "горизонтальный" – между основными психологическими теориями и соответствующими психологическими "империями" – бихевиоризмом, когнитивизмом, психоанализом и др., каждая из которых предлагает свой образ психологической реальности, свои правила ее изучения и т.п. Во-вторых, разрыв "вертикальный": между различными уровнями объяснения психического – внутрисубъективным (феноменологическим), физиологическим (финическим), социальным и др., порождающий соответствующие "параллелизмы" – психофинический, психофизиологический и психосоциальный. В-третьих, "диагональный" – "разрыв" или, говоря словами Ф.Е. Василюка, "случие" между исследовательской (академической) и практической психологией» (там же, с. 381–382). Согласно А.В. Юревичу, именно три обозначенных «разрыва» являются основными и порождают «общую дезинтегрированность психологии, соответственно, их преодоление или хотя бы сокращение могут стать основными направлениями ее интеграции.

Интеграция в современных условиях представляется вполне реальной: «существующие в психологии теории не так уж несовместимы и "несоизмеримы" (в терминах Т. Куна) друг с другом, нынешнее психологическое сообщество не поделено на фанатичных адептов этих теорий, большая часть исследований строится на кросс-теоретической

основе и воздаст должное различным аспектам психического. Все это — проявления естественной «горизонтальной» интеграции психологического знания, которая, в отличие от его искусственной интеграции путем декларирования объединительных программ и попыток создания соответствующих теорий, выглядит не броско, происходит незаметно, но обусловлена внутренней логикой развития психологического знания и даст зримые плоды» (там же, с. 387).

По нашему мнению, можно различать стихийную (естественную, по А.В. Юреничу) интеграцию, которая происходит «самостоятельно» в ходе развития психологического знания, и целенаправленную интеграцию, являющуюся результатом специальной деятельности психологического сообщества. Рассмотрению этих разновидностей психологической интеграции будут посвящены соответственно второй и третий разделы настоящей статьи.

СТИХИЙНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Представляется полезным рассмотреть на конкретном историческом интервале реальные стратегии и способы, использованные психологами для совершенствования своих концепций, которые неизбежно «сближают» различные подходы. Это один из возможных путей практической «стихийной» интеграции в психологии. Об этом хорошо написал А.В. Юренич: «Все реже можно встретить психолога, который считал бы себя (и реально был бы) “чистым” бихевиористом, когнитивистом или сторонником психоанализа, равно как и, скажем, теории деятельности, да и какой-либо другой психологической теории. Большинство из них не является адептом какой-либо “одной отдельно взятой” теории, а реализует комплексный взгляд на психологическую реальность, интуитивный в себе элемент разных концепций. И данная, отчетливо проявляющаяся в психологии тенденция, характерная для всей современной науки, переживающей как социальную, так и когнитивную глобализацию» (Юренич, 2005, с. 386). «Одним из проявлений социальной глобализации науки служит “размыкание” научных школ (которые Т. Кун называл “божьими единицами допарадигмальной науки”, акцентируя, что они выполняют не столько научные, сколько политические функции), их слияние, постепенное вытеснение “непримыми колледжами” и прочими, более современными, нежели научные школы, видами объединения ученых... Соответствующую

тенденцию каждый из нас легко может уловить в себе, заданным вопросом: “Кто я – бихевиорист, когнитивист, адент психоанализа, теория деятельности или какой-либо другой психологической концепции?” Наверняка, большинство из нас выберет характерный для подобной постановки вопроса ответ “другое”, осознав себя как не принадлежащего ни к одной из психологических школ, а реализующего более обширую “над-школьную” перспективу. (Исключением служат “закоренелые аденты”, в которых преимущественно принадлежат ученые старшего поколения, а также ситуации, в которых выгоднее определяться в качестве адента одной из школ.) Большинство из нас, будь он психолог-исследователь или психолог-практик, наверняка использует в своей работе знания, добытые в бихевиоризме, и когнитивизме, и психоанализе, идеи и Выготского, и Рубинштейна, и Леонтьева, и других выдающихся отечественных психологов, опирается на разные концепции и применяет разнообразные методики. Да и в тех случаях, когда психолог тяготеет к определенной теории или объявляет себя ее адентом, он неизбежно реализует исследовательскую перспективу, выходящую далеко за пределы этой теории. А “чистого” бихевиориста, когнитивиста, представителя теории деятельности или психоанализа, который вообще не использовал бы знания, наработанные в рамках других концепций, можно представить себе разве что в абстракции, да и то для этого надо иметь очень богатое и оторванное от реальности воображение» (там же, с. 386–387). Представляется интересным рассмотреть (причем на конкретном примере, а не на уровне общих деклараций) те возможности, которые открываются при развитии научной школы в плане совершенствования ее первоначальной концепции и приводят к ее обогащению с другими научными направлениями. Рассмотрим такую возможность на примере гештальтпсихологии²⁵ — одного из наиболее «целостных» и «бескомпромиссных» направлений в истории мировой психологии.

Гештальтпсихология как самостоятельное научное направление сформировалась в Берлине в 1912 г. По праву считается одним из основных направлений в мировой психологии первой половины XX в., гештальтпсихология внесла крупный вклад в решение проблем восприятия,

²⁵ За рамками настоящей статьи остается очень интересный вопрос о взглядах на целостность К. Левина, одного из замечательных представителей гештальтпсихологии. Работы Левина двадцатых годов выложены в методологическом русле гештальтпсихологии. В известной работе в период от кризиса гештальтпсихологии и психоанализа (Lewin, 1931) выдвинута методологическая программа построения новой психологии. Этому вопросу будет посвящена специальная статья.

мышления, личности. По точной оценке Поля Фреда, «гештальтиссты были блестящими экспериментаторами, их плодотворные влияния сказались не только на исследованиях восприятия, но и памяти, обучения и мышления. Следы этого влияния мы находим повсюду, хотя гештальтпсихология почти уже не существует как школа» (Фредс, 1996, с. 81). М.Г. Ярошевский справедливо отмечал, что гештальтпсихология – «направление в западной психологии, возникшее в Германии в первой трети XX в. И выдвинувшее программу изучения психики с точки зрения целостных структур (гештальтов), первичных по отношению к своим компонентам. Гештальтпсихология выступила против выдвинутой структурной психологией (В. Вундт, Э.Б. Титчнер и др.) принципа расчленения сознания на элементы и построения на них по законам ассоциации или творческого синтеза сложных психических феноменов» (Ярошевский, 2003, с. 44). Остановимся более подробно на некоторых моментах, характеризующих это направление в психологической науке. Для того, чтобы анализ основывался на конкретном материале, необходимо выбрать конкретную предметную область. Рассмотрим, как развивались в гештальтпсихологии представления о мышлении.

Фактически мышление являлось в этой научной школе странной проблемой исследований (как теоретических, так и экспериментальных) практически на всем протяжении ее самостоятельного существования. Выбор именно этой проблемы не случаен: мышление не получило сколь-нибудь удовлетворительного объяснения в традиционной психологии, поэтому гештальтпсихологи со всей присущей им решительностью приступили к исследованию продуктивного творческого мышления. Объяснение этого сложнейшего проявления человеческого сознания должно было подтвердить справедливость претензий гештальтисстов на создание подлинно научной психологии.

Несверно было бы считать, что гештальтпсихология являлась единой теорией, основные положения которой разделились всеми представителями данного направления. Вскоре после оформления гештальтпсихологии как самостоятельного научного направления между ее адгентами стали возникать разногласия, которые в дальнейшем значительно углубились, а отдельные представители этой школы (М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Келер, Н. Майер, Л. Селвей и др.) зачастую оспаривали справедливость положений, выдвинутых коллегами. Существенно также, что представления гештальтпсихологов о мышлении исторически претерпели серьезные изменения. Работы гештальтпсихологов неоднократно публиковались на русском

зависе, теоретические и экспериментальные исследования мышления в гештальтпсихологии многократно анализировались в отечественной литературе, что добавляет как от необходимости изложения здесь концепций гештальтистов. Представляется интересным зафиксировать комплекс исходных представлений о мышлении в гештальтпсихологии и попытаться проследить хотя бы в самых общих чертах направление эволюции этих представлений.

Как хорошо известно, первым объектом изучения в гештальтпсихологии было восприятие, однако довольно скоро в сферу ее интересов вошло и мышление. Возникнув как реакция на ассоцианизм и функционализм, протестуя против подхода к исследованию мышления, сложившегося в формальной логике и используемого многими психологами для описания мыслительного процесса, продолжая традиции феноменологии (в первую очередь Э. Гуссерля), на первых этапах гештальтпсихология развивалась в острой полемике с Вюрцбургской школой и бихевиоризмом. Традиционно главными чертами гештальтпсихологии считаются целостность (принцип гештальта) и функционализм, что, безусловно, справедливо. Справедливо также и то, что основой этой теории состоит не столько в декларации принципа целостности и его экспериментальное обоснование, сколько в ином объяснении характера этой целостности. Главный результат классического исследования М. Вертеимером стробоскопического эффекта (Вертеимер, 1912) состоял в экспериментальном обосновании реальности феноменального поля, что послужило основой для формирования гештальтской теории. Полагая в качестве образца подлинной науки физику, гештальтпсихологи предпринимали попытку построения психологии «как строгой науки». С помощью понятия феноменального поля (в котором должно происходить «слияние» субъекта и объекта) они попытались снять противоставление субъекта и объекта, что позволяло уйти от принципа, неизбежно вытекающего из активности субъекта. Повторим, что нафос гештальтпсихологии состоял в том, чтобы создать подлинно научную психологию. Справедливости ради следует отметить, что гештальтпсихология именно так и воспринималась современниками: как направление, которое отвечало канонам научности. Не случайно Л.С. Выготский, разрабатывая собственные концепции, постоянно «сравнивался» с исследованиями гештальтистов (Малков, 2006а).

Феноменологические традиции, методологические установки и основные оппозиции гештальтпсихологии (в первую очередь В. Вульф, Вюрцбургской школе, О. Зелму, формальной логике и бихевиоризму) обусловили исходные представления этой школы о мышлении.

В основных чертах они могут быть сведены к следующему:

1. Мышление есть продуктивный, творческий процесс.
2. «Асубъектность» мышления, вытекающая из идеи феноменальной поля (как протест против гипотетических тенденций, возникающих у субъекта, и способных направлять процесс мышления), отказ от объяснения набирательного и направленного характера мышления действием факторов «более высшего порядка».
3. Мышление есть трансформация, реструктурирование ситуации (в соответствии с феноменологической традицией мышление может быть раскрыто через его содержание).
4. Переход от одного структурирования ситуации к другому (от одного гештальта к другому) достигается с помощью инсайта (противопоставление бихевиоризма, утверждающим в качестве основного способа такого структурирования постепенность решения задачи через пробы и ошибки).
5. Ситуативность мышления и отрицание роли прошлого опыта (противопоставление ассоциативной психологии, Вюрцбургской школе и бихевиоризму).
6. «Визуальность» мышления (влияние феноменологических традиций и предшествующих исследований восприятия, реакция на «безобразное» мышление и логцизм).
7. Независимость мышления от культуры, невербальный характер мышления (традиция феноменологии, реакция на логцизм).
8. «Сознательность» мышления, отрыв его от реального поведения, ограниченность сферой сознания (традиция феноменологии, вообще психологии сознания)²⁶.
9. «Нерефлексивность» мышления – мышление как принципиально односторонний процесс, совершающийся в мыслительном поле.

Итак, несомненно мышление рассматривалось гештальтпсихологами исключительно с его содержательной стороны как реструктурирование ситуации путем инсайта, как переход от одного гештальта к другому.

Как уже отмечалось, гештальтпсихистские представления о мыш-

²⁶ В этом отношении особенно обобщающим стала известная работа В. Келера, посвященная изучению интеллекта человекообразных обезьян, где в силу специфики объекта исследования принималась во внимание поведение.

лении в историческом развитии школы претерпели значительные изменения. Условно в эволюции гештальттеории мышления можно выделить три этапа:

- I. «Классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Коффин, В. Келера и др., выполненные в 1920-х годах).
- II. «Новогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Стекса, Н. Маёра и др., посмертно опубликованная работа М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», 1930-е – 1940-е годы).
- III. «Постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Стекса, Н. Маёра, А. Ленгиса и др., 1950–1970-е гг.).

Если на первом этапе большинство исходных характеристик мышления принимается, то уже на втором наблюдается отчетливый отход от целого ряда принципиальных положений. Третий этап вообще представляет собой попытку формирования «гибридных» теорий, синтеза с другими научными направлениями.

Первый и второй этапы развития гештальтистских представлений о мышлении в отечественной литературе получили достаточно подробное освещение, тогда как третий отражения практически не нашел. Поэтому остановимся на некоторых моментах, характеризующих второй и третий этапы.

Развитие гештальтпсихологической концепции мышления шло в направлении отказа от исходных ограничений и принятия положений, противоречащих первоначальному установкам. (Здесь мы не имеем возможности проанализировать два крайне важных взаимосвязанных вопроса: 1) причины, обусловившие принятие тех или иных положений; 2) изменение взглядов на методы, методики и стратегии исследования мышления. Сколь-нибудь подробное освещение этого вопроса требует специальной статьи.)

Уже в работах К. Дункера (1926, 1935) содержится отчетливое признание роли прошлого опыта в мышлении, решении задач (что, в частности, дало толчок для проведения целого цикла специальных исследований, направленных на изучение феномена функциональной фиксированности в решении мыслительных задач), исходит отражение операционные и мотивационные характеристики мышления.

Характеризуя книгу М. Вертгеймера (1945), В.П. Зинченко отмечает, что «автор выходит за границы гештальттеории» (Зинченко, 1987, с. 11), «Вертгеймер существенно трансформировал исходные

понятия гештальтпсихологии» (там же, с. 22), использует «неприменимый для классической гештальтпсихологии концептуальный аппарат, относящийся к описанию деятельности и действий. Здесь и понятия (или их аналоги) предметных значений или предметных обобщений, функциональных или операциональных значений, здесь есть в прототип описания функциональной структуры действий и даже ее модель, выраженная в абстрактных логических понятиях» (там же, с. 23).

Таким образом, работы, относящиеся ко второму этапу развития гештальттеории мышления, сильно отличаются от исходных представлений об этом процессе. Остановимся на концепции Лайона Секей, одного из наиболее интересных представителей гештальтпсихологии, поскольку его работы (особенно последние) у нас малоизвестны. Первое исследование Л. Секей (1940) посвящено центральному моменту в решении задачи, который особенно интересовал гештальтпсихологов, — возникновению идеи. Секей отмечает, что важнейшим достижением современной психологии мышления является признание того, что решение задачи состоит в реструктурировании материала (Szekely, 1940, s. 79). Подход Л. Секей в исследовании мышления явно следует традиции, заложенной К. Дункером (1926, 1935). Это следует специально подчеркнуть, так как представляется совершенно неоправданным мнение (основанное, вероятно, на обстоятельствах жизненного пути ученого), высказываемое некоторыми зарубежными историками психологии, согласно которому Секей не считает принадлежащим к этой научной школе. Секей, вслед за Дункером, полагает, что решение задачи представляет собой ряд последовательных фаз, которые закономерно вытекают одна из другой. Он выделяет (впервые описанные Дункером) эвристические приемы мышления: анализ ситуации и анализ цели, выводит роль направления, которое принимает мышление («в зависимости от того, идет оно как анализ цели — «что мне нужно, чтобы ее достичь?» или как анализ ситуации — «что нужно изменить в данном?») в решении (или нерешении) задачи. Важно отметить, что, по Секей, мышление не представляет собой «единообразности» во всех случаях процесса: реструктурирование мыслительного материала происходит не всегда, более того, эта перестройка нужна для протекания не каждого мыслительного процесса. В этой работе Секей есть еще один крайне важный момент, ставящий проблему роли прошлого опыта в решении задач. «Окружающие нас предметы имеют определенное значение и ряд закрепленных за ними свойств» (Szekely, 1940, s. 87). «За предметом в нашем понимании (на нашем уровне культуры, в нашем обществе) закреплены определенные функции, но в зависимости»

ти от специальных требований могут обнаруживаться новые свойства и возможности его применения. Обнаружение новых возможностей применения по-разному затруднительно в различных ситуациях. Это зависит от разных факторов, из которых только немногие известны сейчас» (Szekely, 1940, с. 88). Для решения задачи часто необходимо обнаружить именно новое, латентное, скрытое свойство предмета. Каким образом возможно обнаружение этого нового латентного свойства? По Сзекелю, переструктурирование связано с бессознательным: «Этот вид переструктурирования... принадлежит собственно к арсеналу бессознательных и предсознательных механизмов» (Szekely, 1940, с. 94). Отметим, что в цитированной статье имеются ссылки на публикации Фрейда, в частности, на известную работу об остроумии и его отношении к бессознательному, имеющую, впрочем, часто вспомогательное значение, но, как мы увидим, даже это обстоятельство оказывается важным для понимания логики развития концепций Сзекеля.

Прокладываем основные положения этой работы в интересующем нас контексте. Несомненно, что Сзекель исходит из традиций гештальт-психологии, непосредственно продолжая исследования К. Дунгера. Исходное положение, согласно которому мышление – продуктивный процесс, представляющий собой переструктурирование, сохраняется. Но во остальных «пониманиях» происходит весьма радикальное изменение взглядов:

- признается роль прошлого опыта, причем опыт не только является необходимым моментом в мышлении, но, в свою очередь, обусловлен культурой, общественным опытом;
- признается роль действий субъекта (эвристические приемы, анализ ситуации, анализ цели);
- мышление выступает как обслуживающее реальное поведение, является средством решения в том числе жизненных, практических задач;
- происходит отказ от понятия феноменального поля (в работе речь идет о мысленных образах предметов, в которых должны выявляться новые свойства);
- происходит отчетливое выделение различных уровней мыслительного процесса (осознаваемых и неосознаваемых).

Таким образом, можно видеть, что большинство выделенных исходных характеристик мышления оказались подтвержденными пересмотру. В цикле последующих работ Сзекеля (1940-е – начало 1950-х годов) разрабатываются проблемы, поставленные в первых экспери-

ментальных исследований: соотношение знания и мышления, влияние способа обучения на возможности продуктивного применения полученного знания и т.п. Эти исследования соответствуют второму этапу гештальттеории мышления.

На третьем этапе (1950-е – 1970-е годы) теория мышления трансформируется за счет заимствования объясняющих понятий, выработанных в других научных школах. Л. Селки предпринимает попытку соединить традиции гештальтпсихологии с психоанализом и гештальтскими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом традиционная проблематика гештальтпсихологии сохраняется. Ставится цель объяснить переструктурирование мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи. Наиболее интересной представляется работа Л. Селки «Творческая пауза» (1968) (Szekely, 1976), посвященная рассмотрению центрального момента в творческом мышлении – зарождения новой идеи, приводящей к открытию, логически решению задачи. Фактически эта работа выполнена на ту же тему, что и обсуждавшаяся выше статья 1940 г. Однако их разделяют почти тридцать лет. Каковы же основные отличия в их когнитивном аппарате и подходе к изучению мышления?

В последней статье Л. Селки различает следующие характеристики решения задачи: 1) содержание мышления; 2) фазы (этапы) мышления; 3) механизмы мышления, в которых различаются манипуляции и операции (абстракция, аналогия, обобщение, отрицание и т.д.); 4) уровни организации мышления (герметичность или иерархичность к противоречиям, идеалистическим предположениям и т.д.) (Szekely, 1976, с. 142). По Селки, во время творческой паузы различный опыт актуализируется и анализируется в общем мыслительном поле, не связанные между собой по времени и по смыслу мысли и высказывания приводятся в соотношение (Szekely, 1976, с. 149). Процесс мышления во время творческой паузы протекает на высоком уровне организации, нежестко соизмеряемый процесс. Вместо недостаточно определенного понятия «прошлый опыт» используется понятие «репрезентация», заимствованное у Джерома Брунера. Репрезентация, по Селки, – это гипотетическая структура, с помощью которой человек организует опыт для будущего употребления. Эти структуры организуются и строятся в раннем детстве на основе впечатлений об окружающем мире и соматических ощущений. Во время сознательной работы с проблемой зона поиска способа решения определяется через знания о причинно-следственных структурах действительности, во время паузы учет рациональных возможностей отсутствует на задний план, зона поиска

сместается на инфантильные области репрезентации (Szekely, 1976, с. 167). Изучение мыслительного процесса во время творческой паузы проводится с помощью сеансов психоанализа, на которых, в частности, проводится аналитическое толкование сновидений.

В случае (который подробно анализируется в цитируемой статье) с писателем Тота, работающим над кристаллографической проблемой, нахождение решения препятствуют инфантильные конфликты. Мышление оказывается втянутое в сферу инфантильных конфликтов, и лишь из психоаналитическая проработка позволяет мышлению освободиться и стать способным двигаться дальше (Szekely, 1976, с. 166).

Таким образом, творческое мышление, согласно Секелю, не только включает действия и операции субъекта, но и представляет собой витально-личностный процесс, непосредственно связанный с разрешением личностных конфликтов, включая сознательные и бессознательные фазы и протекающий на различных уровнях. Заметим, что мышление, по Секелю, фактически включает в себя и рефлексивные компоненты (хотя сам этот термин автор не использует). Вероятно, можно считать, что гештальтпсихология (в лице А. Секеля), ассимилировавшая достижения психоанализа и генетических концепций Ж. Пиаже и Дж. Брунера, перестала существовать как самостоятельное научное направление. Показательно, что сам Секель в своих последних работах причисляет себя к сторонникам когнитивной психологии (Szekely, 1976, с. 141). Заметим кстати, что в книге Нормана Р.Ф. Майера, другого представителя «неогештальтпсихологии», опубликованной в 1979 г., предлагаются результаты исследований процесса группового решения задач, что совершенно чуждо гештальтпсихическим традициям в изучении мышления (Mayer, 1970).

Изменения взглядов гештальтпсихологов на процесс мышления закономерны. Будучи в начале своего развития «чистым» направлением, не привлекавшим влияния «посторонних» факторов, гештальтпсихология столкнулась с существенными трудностями в объяснении избирательного и направленного течения мыслительного процесса. Полученный ею экспериментальный материал оказался значительно богаче исходных схем, что заставило вносить коррективы в концепции. Поворот к практике, в первую очередь к вопросам обучения, также обусловил изменение представлений гештальтпсихологов о мышлении и его основных характеристиках. Направление эволюции гештальтпсихических представлений о мышлении свидетельствует, на наш взгляд, о тенденции к стихийной интеграции к использованию комплексных описаний, предполагающих взаимодействие и тесное «взаимодейст-

вие», кооперацию, коммуникацию с другими исследовательскими подходами³¹. Подобная стихийная интеграция приводит к тому, что психологическая концепция выходит за «рамки» научной школы. Это неизбежно, так как постижение единичного во всей его реальной сложности вступает в противоречие с «узкими» теоретическими установками. На наш взгляд, это один из путей развития психологического знания.

В заключение отметим, что стихийной интеграции явно недостаточно. Чтобы обеспечить интеграцию психологического знания в полном объеме, необходимы специальные усилия психологического сообщества, специальная методология и технологии интеграции. Примером такой специальной работы может служить разрабатываемая концепция коммуникативной методологии психологии (Мамлов, 2003).

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Формы целенаправленной интеграции психологического знания, известные по истории психологии, достаточно многообразны.

Как мы уже отмечали в первом разделе данной статьи, в психологии появилось множество различных подходов, что привело к возникновению так называемого «открытого» кризиса, фундаментальный смысл которого состоит в том, что психологи отчетливо осознали «простых» подходов для адекватного понимания психического недостаточно.

Было обозначено три основных пути выхода из этого кризиса, которые, естественно, представляли собой пути интеграции психологии:

- 1) осуществление «синтеза»;
- 2) построение «сложных» теорий психического;
- 3) построение теории психологии (правильнее это было бы назвать разработкой новой методологии психологии).

Несколько позже возник четвертый путь — системное движение и системный подход в психологии, который также решал задачу построения адекватной модели психического, которая позволила бы объяснить психические реалии лучше, чем «одномерные» подходы.

³¹ Заметим, кстати, что это не единственной мейнстримом стихийной, неструктурированной интеграция. Описанию других подходов будет посвящена специальная работа.

Остановимся на обобщенных выше направлениях лишь в самых общих чертах. История психологии дает нам массу примеров первого пути – осуществления т.д. «синтеза». В качестве примера можно привести известную работу Бюллера, в которой предлагалось реализовать «синтез» интроспективной психологии сознания, поведенческой психологии и культурологических исследований психического развития детей. Много примеров можно обнаружить в известной книге Выготского, посвященной анализу методологического кризиса в психологии. Этот путь, как известно, в успеху не привел.

Второй путь – разработка сложных психологических теорий, где приведение к возникновению кризиса подходы «снимались» за счет «вписывания» в структуру целого (примером могут служить концепция деятельности и деятельностный подход или необихевиоризм в которых нашлось место для сознания и поведения, объективного и субъективного и т.д.).

В качестве примера третьего пути можно назвать разработку К. Левинем новой методологии психологии, представляющей переход от аристотелевского способа мышления к гештальтовскому (Lewin, 1931).

Системный подход также с успехом использовался в психологии (см. известные работы Б.Ф. Ломова и др.).

Вышеописанные подходы (второй – четвертый) внесли значительный вклад как в психологическую науку в целом, так и в разработку проблемы интеграции психологического знания в частности, но проблемы интеграции в полном объеме не решили. В этом одна из причин возрождения надежд на интеграцию в психологии на современном этапе и развертывания новых исследований по данной проблематике.

Достоин упоминания и интегративный подход К. Уиклера, в рамках которого максимально широкий трансперсональный взгляд на психику позволил соединить различные концепции психологии развития. Автору удалось обнаружить огромное количество совпадений (и существенных моментов) концепций психического развития, сформулированных различными авторами. Могут быть названы и другие перспективные работы, направленные на интеграцию в психологии²⁰.

²⁰ Мы здесь не можем возможности дать обзор различных подходов, реализующих интеграцию в психологии. Назовем лишь работу М.С. Роговина (Роговин, 1989), где была поставлена проблема интеграции психологических концепций, работы К.К. Платонова по разработке системы психологии, многолетние исследования М.Г. Ярошевского и Б.Ф. Ломова. Наконец, можно назвать работу А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, посвященную разработке теоретической психологии. Но наш вклад, значительный вклад в разработку проблемы интеграции психики привнес методологический либерализм (Юренин, 2001).

Как свидетельствует опыт (в истории психологии), одного стремления к пониманию мало. Необходимы специальные инструменты, обеспечивающие взаимопонимание (в на этой основе – интеграцию). Таких инструментов в готовом виде нет, студентов-психологов этому не учат. И в этом состоит главная трудность на пути интеграции психологического знания. Коммуникативная методология психологической науки представляет собой попытку создания такого инструмента.

КОММУНИКАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

Итак, главная трудность на пути интеграции – отсутствие специального аппарата, позволяющего ее осуществлять. Главный вопрос, который предстоит решить: как именно она будет осуществляться. Иными словами, на повестке дня стоит проблема разработки методологии, теории и конкретной технологии интеграции.

Необходимость разработки коммуникативной методологии определяется тем, что в современной психологии накоплен богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Вместе с тем (ввиду отсутствия общепринятых универсальных теорий) не складывается общей картины психического, которая удовлетворила бы потребности психологического сообщества в адекватной общей теории. Психологи вынуждены пользоваться одновременно концепцией, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому требуется инструмент, позволяющий сопоставить различные психологические теории и в перспективе проводить интеграцию психологического знания.

Современная традиционная методология психологии занимается почти исключительно исследованием процедур добытия и обоснования психологического знания. Коммуникативная методология направлена на сопоставление психологических концепций, на установление взаимопонимания. Подчеркнем специально, что в течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии). Методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, т.е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической

науки. Для этого необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях. Необходима коммуникативная методология, направленная на улучшение взаимопонимания между различными научными школами, между различными традициями. Без этого невозможна реальная интеграция психологического знания.

Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотношение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания.

Задачи коммуникативной методологии: 1) разработать конкретную модель соотношения психологических концепций; 2) разработать вспомогательный методологический аппарат; 3) разработать конкретную технологию интеграции; 4) осуществить конкретную интеграцию (на специально выбранных «полигонах»). Перспективной задачей следует считать выход за пределы научной психологии и осуществление интеграции между научным и практико-ориентированным психологическим знанием; между научным знанием, с одной стороны, и нем научным (вне научным) — с другой.

Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии (Мазилков, 1998).

К коммуникативной методологии сегодня предъявляются следующие требования: это должна быть методология на исторической основе, т.е. учитывающая исторический путь, пройденный психологией; это должна быть деидологизированная методология; это должна быть методология плюралистическая (не ориентированная на единый универсальный научный стандарт); это должна быть методология, учитывающая возможность существования различных целей получения психологического знания (познавательных или практических); наконец, это должна быть содержательная методология, т.е. рассматривающая вопросы реального предмета психологической науки (Мазилков, 2004).

Важно точно понимать, каковы (на сегодняшний день) реальные возможности коммуникативной методологии. Наибольшую трудность, как показывает развитие психологии в XX в., являет собой «несторазмерность», «несоответственность» различных психологических концепций, что подчеркивается многими авторами, которым это препятствие представляется вообще непреодолимым: по их мнению, различные подходы, парадигмы являются несоответственными.

По-видимому, дело обстоит не так безнадежно, и соотношение все-таки возможно. Назовем основные положения, составляющие фундамент концепции коммуникативной методологии, направленной на реальное соотношение различных психологических теорий. В данном случае мы ограничимся лишь формулировкой некоторых предварительных соображений.

Во-первых, это представление о том, что предмет психологии является сложным и многоуровневым. Как было показано в предыдущих работах (Машилов, 1998), предмет психологии имеет сложное строение; можно говорить о «декларируемом», «рационализированном» и «реальном» уровнях. Различение уровней предмета позволяет избежать многих недоразумений, поскольку соотношение концепций должно происходить на уровне «реального» предмета. Отметим здесь, что разработка концепции предмета представляет собой сложнейшую задачу (как ни удивительно, научная работа над этой проблемой еще только началась), но она совершенно необходима, так как является обязательным условием для продвижения в этом магистральном направлении.

Во-вторых, как было показано ранее, многие недоразумения в психологии возникают из-за неоднозначного пользования ряда терминов. Множественность определений и трактовок была и остается «фирменным» знаком психологии. Покажем это на примере понятия «метод». История психологии дает массу примеров того, как различные авторы давали противоположные характеристики одним и тем же методам. Парадоксально, но для этого имелись определенные основания. Разработанный нами подход позволил дать однозначный ответ на вопрос о причинах такого положения вещей. Специальное исследование показало, что метод имеет уровневое строение; можно говорить, по меньшей мере, об идеологическом, предметном и операциональном уровнях метода (Машилов, 1998). Естественно, что характеристики метода на разных уровнях будут существенно различаться. При сопоставлении психологических концепций важно иметь в виду, что на разных уровнях метод выступает существенно по-разному, поэтому необходимо строго учитывать данное обстоятельство. Отметим здесь, что подобной рода проблемы возникают при обращении едва ли не к каждому психологическому понятию, что, несомненно, затрудняет работу по интеграции психологического знания. Выявление подлинного и мнимого спектра значений того или иного понятия — еще одна актуальная задача методологии психологической науки.

В-третьих, при соотношении должна использоваться рабочая схема, определяющая технологию соотношения (с помощью которой будут производиться конкретные операции соотношения). Главная сложность состоит в том, что такая схема должна представлять собой инвариант, характеризующий любую психологическую концепцию. Поскольку многообразие психологических теорий общезвестно, задача кажется практически невыполнимой. Однако наши предшествующие исследования показали, что путь решения и этой проблемы существует: может быть выделена универсальная проблема, с которой сталкивается любой исследователь-психолог (подчеркнем, вне зависимости от того, осмыслит он это или действует интуитивно), – проблема соотношения теории и метода. Первоначально на основе историко-методологических исследований нами была разработана исходная схема, которая в последующих исследованиях была уточнена и подтверждена проверкой на универсальность (Мавлов, 1998, 2001).

Разработанная нами схема соотношения (см. рисунок 1) получена на основе историко-методологического анализа развития психологической науки (как концептуальной системы и как деятельности). Эта схема характеризует научную концепцию в ее целостности – от первоначального замысла (предтеория) до получения итогового продукта (научной теории). Главным ее достоинством является то, что она, как

Рис. 1. Модель соотношения теории и метода в психологии

показали наши исследования (Манилов, 1998, 2001), представляет собой структурный инвариант, и, следовательно, может выступать в качестве основы для составления различных концепций. Схема является «замкнутой», т.е. позволяет понять, каким образом полученные результаты одного исследования порождают гипотезы, подлежащие проверке в следующем авторском исследовании.

Таким образом, опираясь на данную модель, возможно разработать коммуникативную методологическую модель, позволяющую реально соотносить различные психологические концепции, обнаруживая в них как совпадающие элементы, так и те, в которых сопоставляемые концепции различаются.

Остановимся несколько подробнее (в силу особой важности этого аспекта) на главной характеристике предлагаемой модели — ее универсальности. Универсальность данной модели обеспечивается тем, что

- В ней задан предмет психологии. Таким образом (вспомнив, предмет многоуровнев, исходное понимание максимально широкое — «что угодно для сборки») любые психологические концепции (которые действительно являются психологическими по предмету своего исследования) оказываются реально соотносимыми.
- В ней задан метод. Любая психологическая концепция предполагает использование тех или иных методов (принципиально схема не изменяется даже в случае чисто теоретической концепции — в данном случае она лишь модифицируется; здесь мы не будем специально анализировать подобную ситуацию). Поскольку метод многоуровнев, появляется реальная возможность поуровневого соотношения различных психологических концепций.
- Предтеория является важнейшим понятием в процедуре соотношения. Моделирующие представления, к примеру, обычно не только не вербализуются, но и вообще не эксплицируются исследователями. Тем не менее, этот элемент является чрезвычайно важным (нами было показано, что различные теории мышления, к примеру, отличаются в первую очередь тем, что используют различные моделирующие представления) (см., например: Манилов, 1998). Естественно, то же самое можно сказать и о базовой категории, и о других компонентах предтеории.
- Создается возможность для реального соотношения различных типов и способов объяснения.

Мы не будем специально останавливаться на других характеристиках предлагаемой модели. Отметим лишь, что единство теории и метода достигается за счет того, что теории как результат исследования и метод как средство его осуществления имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется один вариант метода, тогда как в другом случае – иной. Становится понятно, почему один и тот же метод может иметь совершенно различные характеристики в глазах разных исследователей. Наличие уровней в структуре метода позволяет по-новому подойти к проблеме универсальности и вариативности метода и т.д.

Предложенная нами схема соотношения теории и метода в психологии является основой для одного из вариантов коммуникативной методологии. Достоинством этой схемы является ее достаточно универсальный характер. Важно подчеркнуть, что она учитывает специфику именно психологического исследования (поскольку предполагает исключение реального предмета). Не поддается омонимии, что задача реального освоения богатства, накопленного психологической наукой, требует практических шагов, направленных на разработку средств и конкретных методологических процедур, которые позволили бы способствовать более эффективной коммуникации психологических концепций. Реальной становится интеграция психологического знания на уровне концептуальных структур – ее осуществление представляется одной из первоочередных методологических задач психологии нового века.

ЛИТЕРАТУРА

- Валева И.В. Какая методология нужна российской психологии, кому и зачем? // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003.
- Вудко В. Основы физиологической психологии. Естественность и психология. Вып. 1. СПб.: Тинор. П.В. Соколова, б/г.
- Бранд Э., Кенне М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии. № 4. 1997. С. 86–96.
- Дальней В. Описательная психология. СПб., 1996.
- Зинченко В.В. Вступительная статья // Бернштейн М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 5–26.

- Лычева В.В. Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 98–134.
- Машин В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
- Машин В.А. Методология психологической науки. Ярославль, 2003.
- Машин В.А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001.
- Машин В.А. Целостность и интеграция в психологии (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) // Вестник интегративной психологии. Журнал для психологов. Вып. 1 (3). 2005а. С. 38–40.
- Машин В.А. Интегративные тенденции в психологии: гештальтпсихология и проблема целостности // Человеческий фактор: Социальный психолог. Вып. 1 (7). 2005а.
- Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 276–291.
- Толочкова В.И. Основы психологических исследований. М., 2002.
- Найсер К. Проект Аткина: Трансдисциплинарный взгляд на человеческое развитие. М., 1999.
- Фреге П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фреге, Ж. Пиаже. Вып. 1, 2. М., 1966. С. 15–98.
- Криво А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии, 2004. № 3. С. 3–19.
- Криво А.В. Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005. С. 377–387.
- Дружинский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. Изд. 2-е, доп. М., 1974.
- Дружинский М.Г. Гештальтпсихология // Психологический словарь. Энциклопедический словарь в шести томах: Общая психология. М., 2003.
- Levin K. The Conflict between Aristotelian and Galilean Modes of Thought in contemporary Psychology // J. Gen. Psychol. 1931. P. 141–177.
- Mashin V.A. About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow-Jaroslavl, 1997. P. 126–134.
- Schubel L. Die Schopenhauersche Pause // Schubel L. Denkverlauf, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Huber, 1976. S. 140–170.
- Schubel L. Studien zur Psychologie des Denkens. Zur Topologie des Einflüß // Acta Psychologica, 1940. V. 5. № 1. P. 79–96.
- Wittgenstein M. Productive Thinking. Ed. ed. (First Ed. 1945). L., 1966.

ИЗ ОПЫТА ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

И.И. Чумрикова

В современной экспериментальной психологии накоплено много хорошо обоснованных фактов и установлен целый ряд закономерностей. Но на сегодняшний день этот материал представляет собой весьма пеструю мозаичную картину. Многие факты, закономерности и теории выступают как разоволоженные, не группируются в более или менее крупные блоки, не образуют сколь бы то ни было упорядоченных систем, складывающихся вокруг немногих ключевых системообразующих психологических феноменов и описывающих их понятий. Однако при внимательном взгляде на обширную фактологию экспериментальной психологии складывается впечатление, что некоторые системы фактов и закономерностей, полученные независимо друг от друга в рамках разных теоретических подходов и даже разнесенные по разным рубрикам психологических классификаций, на самом деле объективно гораздо ближе друг другу, чем это кажется на первый взгляд. А теоретическая и экспериментальная работа по «объективации» этого впечатления приводит к выводу, что под различными системами фактов и закономерностей несутся некоторые единые общие глубинные психологические и психофизиологические основания, позволяющие осуществить их интеграцию и объединение в некоторые новые крупные системные блоки фактов, понятий и закономерностей. Таким образом, на этом пути задача интеграции психологических знаний непосредственно смыкается с задачей на более глубокого теоретического осмысления, поскольку найденное глубинное единое основание множества различных фактов и закономерностей начинает выступать как центральная категория и центральный феномен нового научного обобщения, новой научной теории (Юревич, 2004).

Цель настоящей статьи — показать это на двух конкретных примерах, которые подтверждают одно глубокое теоретическое предположение С.Л. Рубинштейна. В труде «Бытие и сознание» он заметил в одной из

подстрочных сносок, что сложившаяся в психологии традиция равносит по разным рубрикам явления, выражающие одни и те же психологические закономерности, и что «в дальнейшем основная часть психологии должна будет строиться как система закономерностей, общих для явлений, относимых к разным функциям, к разным процессам» (Рубинштейн, 1957, с. 278).

Казалось бы, что может быть общего между такими явлениями и закономерностями, как, например, избирательность произвольного внимания и восприятия, произвольное запоминание простых стимулов, «магическое число 7±2», «закон Хейкса», роль слова в образовании понятий у детей и в процессах наглядного мышления, зависимость эффективности непроизвольного запоминания от активности субъекта и глубины обработки материала, саморегуляция уровня активации коры мозга в зависимости от трудности осуществляемого его анализа сигналов и, наконец, уровень психоэмоционального интеллекта? Однако все перечисленные закономерности и феномены, как это ни удивительно, образуют некоторую внутренне связанную систему. Рассмотрим, как последовательный анализ фактов позволяет выделить центральный феномен и центральную категорию этой системы.

ПЕРВАЯ ГРУППА ФАКТОВ

Коснемся таких проблем, как измерение интенсивности «светлого пятна сознания», механизмы произвольного внимания, памяти и произвольных движений, избирательность и оперативность восприятия, роль слова в процессах мышления, «магическое число 7±2», рост времени реакций различения и выбора и его преобразование, когда число альтернативных сигналов достигает 7±2.

Известна метафора И.П. Павлова о «светлом пятне сознания». Он говорил, что если бы мы могли заглянуть в черепную коробку человека, то могли бы увидеть, как по коре его больших полушарий передвигается некоторое «светлое пятно», освещающее то или другие содержания его сознания.

В отечественной психологии в школе Е.Н. Войко был разработан метод исследования, позволяющий не только выявить действительное, реальное существование в коре мозга человека таких «светлых пятен», но и измерить их интенсивность в разных условиях. Метод получил название «метода тестирующего стимула», или «метода тестирующей

реакций». Он был разработан и первоначально применялся с целью выявления и количественной оценки состояний локальной возбудимости в корковых проекциях точечных зрительных раздражителей в условиях, когда они служили объектами разного рода аналитико-синтетических операций, содержание которых предписывалось даваемыми испытуемым словесными инструкциями. В дальнейшем он был применен также для изучения локальных состояний возбудимости в отдельных участках вербально-семантических сетей при осуществлении разного рода операций с вербальными стимулами. Метод был описан во многих публикациях (Пограничные проблемы психологии и физиологии, 1964; Бойко, 1964, 2002; Чурикова, 1967, 2004; Познавательная активность в системе процессов памяти, 1989). Его принципиальный смысл применительно к зрительному анализатору человека состоит в следующем.

Корковые области зрительного анализатора человека представляют собой своего рода экран, каждой точке которого соответствуют сетчатки (точечный принцип проекции сетчатки на кору) и определенные точки объективного пространства. Поэтому если повесить перед глазами человека большую панель с смонтированными в нее маленькими электрическими лампами, то, зажигая определенные лампы, мы получим возможность точно, локально, избирательно возбуждать определенные пункты его коркового зрительного экрана. Теперь представим, что человек осуществляет с зажигаемыми лампами (одиночными или составляющими одновременные или последовательные комплексы) разного рода операции, предписанные словесной инструкцией – выделяет внимание все или некоторые из ламп, запоминает их местоположение, сравнивает комплексы ламп между собой и т.д. Поскольку каждая лампа адресуется к определенным пунктам зрительной коры, то в коре по ходу и после осуществления такого рода операций должны складываться разного рода «мозаичные узоры» локальных функциональных состояний так, что проекция каждой лампы будет отвечать свое функциональное состояние. Разработанный в школе Е.И. Бойко метод тестирования стимула направлен как раз на то, чтобы выяснить, каковы эти «узоры» в условиях разных операций с сигнализиремыми лампами. С этой целью после того, как испытуемый выполнил предписанное ему задание, экспериментатор вновь зажигает одну из ламп панели, адресуя ее к заведомо известному определенному пункту зрительной коры. По физиологическому эффекту действия вспышки данной лампы можно судить о функциональном состоянии того пункта коры, куда она адресована. В школе Е.И. Бойко в качестве показателя

физиологического эффекта зажженной лампы использовались время простой двигательной реакции (ВР), осуществляемой испытуемым в ответ на ее предъявление. Чем это время короче, тем выше локальная возбужденность в данном пункте коркового зрительного экрана, чем оно длиннее — тем ниже. Если на одном и том же интервале времени после подачи сигналов к осуществлению определенной операции зажигать одиночные лампы, расположенные в разных местах панели, и, следовательно, адресуемые в разным пунктам коркового зрительного экрана, то, сравнивая ВР на разные вспышки, можно выявлять пространственную картину сложившейся в нем корковой мозаики, состоящей из более возбужденных и менее возбужденных пунктов. Таким образом, вспышки одиночных ламп выступают как стимулы, время реакции в ответ на которые позволяет оценить функциональное состояние тех пунктов коры, которым они адресуются. В вычисленной методом тестируемого стимула пространственной картине корковой мозаики обнаруживаются пункты с разной степенью повышения и понижения локальной возбужденности по сравнению с ее фоновым уровнем. В терминах метафоры И.П. Павлова, мы получаем картину, состоящую из «светлых пятен» — равной степени интенсивности и «темных пятен», локальная возбужденность которых ниже фоновой.

Результаты большого цикла исследований, представленные в названных выше публикациях, свидетельствуют о том, что функциональная мозаика, состоящая из более «светлых» и более «темных пятен», складывается в пространстве коркового зрительного экрана человека в соответствии с содержанием выполняемых им операций со зрительными сигналами. Она определяется содержанием инструкций, а не характером самих по себе зрительных раздражителей, и представляет собой результат взаимодействия и синтеза возбуждений со стороны словесной инструкции и со стороны поступающих в кору непосредственных зрительных афферентаций.

Поэтому «светлое пятно» может складываться в тех пунктах коркового зрительного экрана, куда вспышкающие лампы вообще не адресовывались, а «темное пятно» — в пунктах адресации испытывавших ламп большой интенсивности. Например, если испытуемый, согласно инструкции, выделяет выжиганием и записывает местоположение не горящих ламп, расположенных посередине между двумя вертикально или горизонтально вспышкающими лампами, то локальная возбужденность в корковых пунктах адресации этих не горящих ламп значительно выше возбужденности всех остальных пунктов зрительного коркового экрана. С другой стороны, в условиях, когда испытуемому предъявляются

пары ламп, составленные одной яркой и одной тусклой вспышкой, а он запоминает местоположение только тусклых вспышек, в проекциях ярких вспышек часто имеет место состояние локально пониженной возбужденности.

На основании системы фактов такого рода Е.Н. Бойко сформулировал положение о существовании в коре работающего мозга человека особого рода межцентральных нервных импульсов, инициируемых содержанием словесных инструкций, названных им второсигнальными управляющими импульсами — положительными и тормозящими. Под их влиянием возбуждения, вызываемые в коре мозга одними непосредственными раздражителями, усиливаются, а вызываемые другими — подавляются. Поэтому при одних и тех же внешних воздействиях при выполнении разных заданий, обусловленных словесной инструкцией, картина итоговой мозаики в корковоззрительном экране оказывается существенно различной: в коре мозга усилены и ослаблены возбуждения со стороны разных раздражителей. Поэтому в фокусе внимания и сознания каждый раз оказываются разные предметы содержания. Таким образом, можно говорить о едином глубинном механизме произвольного избирательного внимания, избирательного восприятия и произвольного избирательного запоминания (поскольку в памяти высчитываются предметные содержания, находящиеся в «светлом пятне» сознания, в то время как даже весьма сильные внешние воздействия могут не оставлять следов, если возбуждения с их стороны подавляются тормозящими второсигнальными импульсами).

Тот же механизм должен лежать в основе формирования и осуществления произвольных движений. Комплекс исследований А.В. Запорожца и его сотрудников показал, что главным фактом, компонентом или условием формирования произвольных движений у детей является наличие ориентировочно-исследовательской деятельности по отношению к определенным объектам во внешней среде и по отношению к собственным двигательным актам. Причину такого влияния ориентировки А.В. Запорожец видел в том, что она усиливает действие на нервную систему слабых и малочисленных раздражителей, чем облегчает их выделение, анализ и связывание с другими раздражителями и ответными реакциями организма (Запорожец, 1966). Его заключение о том, что ориентировка усиливает действие определенных раздражителей, было вполне логично, но все же не имело каких-либо прямых доказательств. В том случае, если именно факты локального повышения возбужденности в корковых проекциях слабых сигналов, обнаруженные методом тестируемого стимула, дифференцируют деятельность субъекта,

они могут рассматриваться как одно из прямых доказательств справедливости мысли А.В. Захарова.

Локальное повышение возбуждемости и усиление возбуждений в определенных пунктах корковых проекций воспринимаемых раздражителей, являющееся эффектом действия второсигнальных управляющих импульсов, должно быть также одним из ключевых механизмов образования понятий в детском возрасте. Как известно, Л.С. Выготский считал участие слова необходимым условием образования понятий потому, что слово – это необходимое средство активного выделения внимания, абстрагирования и вычленения отдельных признаков воспринимаемых объектов. Без такого выделения и абстрагирования отдельных признаков объектов, в простом восприятии которых эти признаки слиты и не отчленимы друг от друга, никакое понятие в полном смысле слова не может быть сформировано (Выготский, 1956, с. 163, 179, 210). Но как можно выделить вниманием из многих свойств объекта то единственное свойство, которое названо определенным словом? Как показали эксперименты с тестирующим стимулом, это может происходить благодаря второсигнальным управляющим импульсам, избирательно повышающим возбуждимость и усиливающим возбуждение в проекциях называемых словом признаков объектов.

Тот же механизм должен действовать в процессах наглядного мышления, которое на самом деле в большинстве случаев является не чисто наглядным, но наглядно-словесным (Соколов, 1968, с. 208). А.Н. Соколов, регистрируя скрытые речевые кинестезии, обнаружил, что они имеют место более чем в 90% случаев при решении матричных задач Равена. Их появление он связал со скрытой вербализацией во внутренней речи определенных признаков сравниваемых фигур, а именно тех из них, которые не контрастно выделяются и не сразу замечаются среди других признаков. Наглядное мышление, писал он, основано на необходимости перевода слабых компонентов воспринимаемых объектов на выделяемые и замечаемые, что и достигается посредством их словесного обозначения (там же, с. 205). В этом пункте А.Н. Соколов прямо соотносит свою позицию с представлением Е.Н. Бойко о координируемых второсигнальных управляющих импульсах, избирательно повышающих возбуждимость и усиливающих возбуждения в проекциях очень слабых раздражителей, когда они становятся объектами сознательной аналитико-синтетической деятельности человека.

Метод тестирующего стимула позволяет не только выявить систему более возбуждимых и менее возбуждимых пунктов в пространстве коркового зрительного органа при равном ряде операций со зрительными

стимулами, но и измерить и качественно оценить степень локального повышения возбужденности в его отдельных пунктах. Один из наиболее впечатляющих результатов такого измерения состоит в том, что при увеличении числа активных корковых пунктов, к которым одновременно адресуются положительные второсигнальные управляющие импульсы, величина локального повышения возбужденности в каждом из них progressively уменьшается и при пяти-шести пунктах становится ничтожно малой и уже экспериментально не обнаруживается. (Регистрировалась локальная возбужденность в проследках отдельных ламп панели, когда испытуемый записывал местонахождение одновременно вспыхивающих ламп, число которых варьировалось от двух до пяти.) Отсюда становится понятным, почему объем произвольного внимания и кратковременной памяти ограничен пределом 7 ± 2 раздражителя. Когда число одновременно второсигнально возбуждаемых корковых пунктов превышает 7 ± 2 , локальное повышение возбужденности в каждом из них практически сходит на нет, поэтому соответствующие сигналы не выделяются из окружающего фона и не записываются в память. По-видимому, причиной уменьшения степени локального повышения возбужденности при увеличении числа подлежащих выделению вниманием и запоминанию сигналов является индукционное торможение, нарастающая и суммирующаяся интерференция между потоками второсигнальных управляющих импульсов в пунктах их адресации. Таково должно быть свойство нервной сети с латеральным и реципрокным торможением между ее активизирующимися элементами.

Пределом в 7 ± 2 альтернативных сигнала ограничен также рост времени реакции различения и выбора при увеличении числа альтернатив (Чуприков, 1967; 1968; 1971; 1979; 1997). Рост времени реакции различения и выбора объясняется в когнитивной психологии широко известными моделями В. Хика и С. Стернберга, которые предполагают сличение каждого поступающего сигнала со всеми хранящимися в памяти эталонами — поэтому чем больше эталонов, тем больше сличений требуется, тем длиннее время реакции. Но эти модели несовместимы с тем, что известно о работе мозга по латентности и численности на памяти запоминаемой информации, на что я всегда обращал внимание в своих работах. Сейчас это, наконец, признано самими когнитивными психологами (Андерсон, 2002, с. 25). Кроме того, эти модели не предполагают и не объясняют прекращение роста времени различения и выбора, когда количество альтернатив достигает 7 ± 2 , что также обсуждалось в моих работах. Удивительно, что в течение нескольких десятков лет никто не обратил внимания на фактическое числовое

совпадение двух пределов – пределы объема внимания и кратковременной памяти и предела роста времени реакции различения и выбора, что можно бы вывести на мысль об определенной общности лежащих в их основе причин. А такая общность действительно существует.

Применение одной из модификаций метода тестирующего стимула к исследованию механизмов произвольных двигательных реакций человека позволило выявить три важных факта (³Уурникова, 1967; 1969; 1971; 1979).

Первый факт состоит в том, что после восприятия предварительной словесной инструкции, предписывающей, как следует реагировать на предъявляемые сигналы, и подачи предупредительного раздражителя в коре мозга человека складывается функциональное состояние готовности к осуществлению определенных реакций на определенные стимулы (тем более что инструкция предписывает осуществлять реакции «как можно быстрее»). Это состояние заключается в том, что в нервных путях, связывающих определенные сигналы с определенными ответами, складывается состояние тонического локально избирательного повышенной возбудимости. Поэтому каждый афферентно-эфферентный путь оказывается в состоянии готовности к восприятию определенного «своего» сигнала и к совершению определенного «своего» ответа на данный сигнал.

Второй факт заключается в том, что при увеличении количества находящихся в состоянии готовности афферентно-эфферентных путей степень избирательного локального тонического повышения возбудимости в каждом из них прогрессивно уменьшается.

А когда количество нервных путей достигает числа 7 ± 2 , тоническое состояние готовности в каждом из них практически сходит на нет и экспериментально не обнаруживается. Таков третий факт.

Если принять, что время реакции различения и выбора тем короче, чем выше готовность к совершению реакций, т.е. чем выше локальная возбудимость в нервных путях, связывающих определенные сигналы с определенными ответами, то становится понятным и рост времени реакции при увеличении числа альтернатив и его прекращение, когда это число достигает и превышает 7 ± 2 . При большом числе альтернатив разные афферентно-эфферентные пути уже не могут одновременно находиться в состоянии повышенной возбудимости. Таким образом, можно говорить об идентичности причин, определяющих ограниченность объема внимания, кратковременной памяти и предел роста времени реакции различения и выбора при увеличении числа альтернативных сигналов.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что целый ряд психологических феноменов и закономерностей, которые до сих пор не рассматривались как внутренне взаимосвязанные, может быть представлен в единой концептуальной системе с единым концептуальным ядром. Таким ядром выступает состояние локальной избирательно повышенной возбудимости в отдельных пунктах коры мозга или в отдельных афферентно-эфферентных путях, которое определяется влиянием второстепенных управляющих импульсов со стороны словесных отделов коры. Выделенное концептуальное ядро позволяет перекинуть мост от рассмотренной системы фактов к, казалось бы, совсем другой их системе, касающейся влияния умственной активности человека на эффективность произвольного и произвольного запоминания.

ВТОРАЯ ГРУППА ФАКТОВ

Рассмотрим далее представления о памяти и деятельности в отечественной психологии, теорию «глубины обработки» Ф. Кроек и Р. Локарта, анализ силы и длительности локальных следов кратковременной памяти на психофизиологическом и нейрофизиологическом уровне, а также роль активирующих систем мозга в усилении следов памяти.

В отечественной психологии широко известны экспериментальные исследования П.И. Зинченко, А.А. Смирнова, А.Н. Леонтьева и Т.В. Родановой, которые убедительно показали, что лучше всего произвольно запоминается тот материал, который является целью деятельности, а что эффективность произвольной и произвольной памяти при прочих равных условиях тем выше, чем более активную мыслительную деятельность осуществляет человек по отношению к воспринимаемому. Однако возникает вопрос: почему активная мыслительная деятельность повышает эффективность запоминания, почему лучше всего запоминается материал, который является целью деятельности? Ясного ответа на этот вопрос дано не было, и сам он, в сущности, не ставился, поскольку считалось достаточным указать на решающую роль деятельности в процессах памяти.

В том же направлении работали Ф. Кройк и Р. Локарт – авторы широко известной и популярной на Западе теории «уровневой обработки» материала как решающего фактора его эффективного запоминания. Многие экспериментальные факты, на которые опирались авторы этой

теории, по существу, повторили или были аналогичны фактам, полученным П.И. Зинченко, А.А. Смирновым и Т.В. Розановой (Познавательная активность в системе процессов памяти, 1989), хотя никаких ссылок на их работы не давалось. Но объясняются эти факты в теории Ф. Крэйка и Р. Локхарта по-другому. Авторы не ограничивались простым указанием на необходимость активной деятельности человека для эффективного запоминания материала, но и выдвинули тезис о важности того, на каком психологическом уровне он обрабатывается. Материал может обрабатываться на самом поверхностном сенсорном уровне, на уровне переписки и на самом глубоком семантическом уровне; чем глубже уровень обработки материала (и чем шире его обработка на этом уровне), тем лучше запоминание и сохранение его в памяти. Эта теория стимулировала появление множества новых экспериментальных исследований и неизменно получала подтверждение. Результаты, описанные ранее П.И. Зинченко, А.А. Смирновым и Т.В. Розановой, также легко поддаются объяснению в ее понятиях и терминах: действительно, во всех случаях, где в их экспериментах обнаруживалось лучшее запоминание материала, всегда можно увидеть его более глубокую психологическую обработку.

В рамках теории Ф. Крэйка и Р. Локхарта обсуждался вопрос о глубинных причинах влияния уровня и широты обработки материала на эффективность памяти. Было сделано предположение, что, чем глубже и шире обработка воспринимаемого, тем более разработанными и богатыми по содержанию являются его следы в памяти, тем лучше они различаются между собой, и тем более эффективным является их воспроизведение. Не отвергая данного предположения, мы выдвинули вторую гипотезу о внутренних причинах и механизмах влияния глубины и широты обработки материала на эффективность его запоминания. Эта гипотеза, во-первых, позволяла интегрировать в единой системе психологические факты и некоторые физиологические данные о работе мозга и, во-вторых, допускала прямую экспериментальную проверку. Она вытекала из двух систем физиологических фактов. 1. В ряде исследований было показано, что следовые разряды нейронов коры в последствии адресуемых к ним стимулов становятся более продолжительными на фоне приходящих в кору активирующих подкоровых импульсаций. 2. В исследованиях Ю.Г. Крыгина и ряда других авторов было установлено, что, чем более тонкий анализ раздражителей требуется для осуществления адекватных реакций на них, тем выше уровень активации коры, обеспечивающийся запуском активирующих систем подкорки (механизм саморегуляции уровня функционального состояния коры мозга).

Совокупление этих систем физиологических фактов с системой результатов психологических исследований привело к формулировке нами гипотезы о том, что, чем активнее деятельность человека в отношении воспринимаемого материала, чем более глубокому и всестороннему анализу он подвергается, тем выше уровень активации коры, тем более выражены и длительны должны быть следы соответствующих раздражителей в коре мозга. Отсюда лучшее сохранение материала в кратковременной, а затем и в долговременной памяти. Поскольку мы располагали методом тестируемого стимула, позволяющим количественно оценить уровень и длительность локального следового повышения возбудимости в проекциях зрительных и вербальных раздражителей в условиях разной глубины их перцептивного и смыслового анализа, выдвинутая гипотеза могла быть экспериментально проверена. И она полностью подтвердилась. Во всех случаях, когда зрительные и вербальные раздражители подвергались более глубокому и всестороннему анализу, выраженность и длительность локальных следов кратковременной памяти и их корковых проекций была выше, чем при более поверхностном и грубом анализе (Пономаренко, 1989; Локалова, 2004).

В эту систему фактов удалось включить также нейрофизиологические данные о длительности следовых процессов в последствии вербальных раздражителей, полученные в исследовании Н.П. Бехтеревой с сотрудниками (Память в механизмах нормальных и патологических реакций, 1976). В глубоких структурах мозга регистрировались паттерны нейронной активности, воспроизводящие некоторые акустические характеристики предъявляемых испытуемым вербальных сигналов, которые они должны были запомнить. Предъявлялись хорошо известные слова (русские) и слова неизвестные (иностранные). В первом случае акустические нейронные паттерны после прослушивания слов быстро – в течение нескольких секунд – затухали, а во втором случае – стабильно удерживались в импульсной активности вплоть до сигнала к воспроизведению. Таким образом, нейрофизиологические данные также свидетельствуют о том, что следовые процессы в последствии вербальных раздражителей, требующих активного развернутого акустического анализа (иностранные слова), более длительны, чем в случае свернутого и автоматизированного анализа (русские слова).

Итак, в целом выстраивается достаточно стройная и разноуровневая система фактов и закономерностей, интегрирующая результаты психологических, психофизиологических, физиологических и нейрофизиологических исследований, раскрывающая условия

и механизмом своей активности человека как субъекта деятельности и эффективности его памяти.

Как уже отмечалось, данная система концептуально связана с предыдущей. В обеих системах центральным является понятие о локальных функциональных состояниях возбужденности и многих проектных воспринимаемых объектов. В обеих системах выступают одни и те же условия и механизмы формирования таких локальных функциональных состояний. Это интеграция и синтез трех потоков возбуждений — со стороны самих действующих раздражителей, со стороны словесных инструкций, определяющих содержание выполняемых человеком заданий, и со стороны активирующих подкорковых структур мозга. А корковая мозанка таких локальных функциональных состояний определяет как особенности восприятия действующих раздражителей, так и яркость и длительность оставляемых ими следов памяти.

Из подученной системы фактов следует одно очень интересное предсказание. Характеристика «светлого пятна сознания», если их измерять и оценить, — скорость его формирования в «нужных» пунктах коры полушарий, степень офокусированности (концентрированности или размытости) и контрастности по сравнению с состоянием других пунктов коры — должны иметь самое прямое отношение к успешности умственной деятельности. Некоторые факты, подтверждающие это предположение, хотя и косвенные, уже известны.

В одном из экспериментов измерялась время возникновения локально повышенной возбужденности и концентрированности этого состояния в пунктах коркового зрительного экрана, соответствующих проекциям неравнозначных ламп, расположенных поперек между двумя испытуемыми, когда местоположение этих неравнозначных ламп должно было закончиться испытанием. Обнаружилось большое индивидуальное различие и в скорости возникновения соответствующего очага повышенной возбужденности, и в его концентрированности (Чуприкова, 1972). А Г.Ю. Айзенком был описан следующий эксперимент (Айзенк, 1985; Чуприкова, 1997). Перед испытуемым на приборной доске размещаются одновременно три лампочки — две рядом, а третья в отдалении от них, задача испытуемого — нажать как можно быстрее на находящуюся возле нее кнопку. Полученные данные показали, что время реакции в этих условиях высоко коррелирует с интеллектом. Очевидно, причина в том, что время реакции тем короче, чем быстрее складывается очаг локально повышенной возбужденности в корковых пунктах адресации сигнальной лампы, чем он сильнее и концентриро-

знание. А если это так, то данные Г.Ю. Айзенка делают весьма вероятным справедливость сформулированного предсказания.

Представленные результаты интеграции выбранного фрагмента психологических знаний базируются на центральном понятии о состоянии избирательной локальной возбужденности в корковых проекциях воспринимаемых раздражителей, которые складываются как результат интеграции возбуждений на трех источниках: со стороны самих действующих раздражителей, со стороны словесных отделов коры в соответствии с содержанием выполняемых человеком заданий и со стороны активизирующих (и тормозящих) структур подкорки. Это новое для психологии и психофизиологии понятие, которое явилось результатом обобщения экспериментальных фактов, полученных методом тестирующего стимула. Оно относится к психофизиологическому уровню психологического знания. Поэтому можно сказать, что складывающаяся на его основе система психологических фактов, понятий и закономерностей строится «снизу», обретая общее единое психофизиологическое основание.

Но интеграция и систематизация психологических знаний могут осуществляться также и «сверху» – на основе некоторых общих принципов, выработанных в науке и философии.

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ «СВЕРХУ»

Далее рассмотрим проявление действия общего универсального закона развития сложных систем в умственном развитии человека и дифференциально-интеграционную теорию умственного развития.

В настоящее время не существует сколько-нибудь общепринятой теории умственного развития, которая могла бы достаточно ясно осветить его главные линии, механизмы и закономерности, способствовала бы обобщению и систематизации множества накопленных эмпирических фактов. Вместе с тем эмпирический материал психологии умственного развития очень богат, поэтому его систематизация и обобщение являются необходимыми.

Но как приступить к решению такой кажущейся непосильной и невыполнимой задачи? Ясно, что дальнейшее накопление фактов или выдвижение каких-то новых теорий не может помочь делу, но лишь углубит существующее положение вещей. Ожидать все эмпирическое содержание данных об умственном развитии в современной детской

и возрастной психологии с целью вывести из этого какие-то общие закономерности тоже невозможно, так как этот материал практически необозрим, и именно для того, чтобы сделать его обозримым, нужна адекватная теория. Получается замкнутый круг, хотя ясно, что начинать все же нужно с теории. Так возникла мысль обратиться для начала к другим областям, где наука уже заложила твердые основы изучения процессов органического развития, а также посмотреть, не сформулированы ли какие-либо всеобщие универсальные принципы или законы развития, которые могли бы послужить своего рода маяком или путеводной нитью для первоначального введения порядка в области психологии умственного развития. Иначе говоря, представлялось наиболее правильным начинать не с создания какой-то новой теории, а с поиска чего-нибудь подходящего в истории философской, биологической и психологической теоретической мысли. Оказалось, что, по крайней мере, один всеобщий универсальный закон развития действительно давно сформулирован, и более того — многие выдающиеся мыслители видели его действие также в сфере умственного развития ребенка и в развитии научного познания. Этой традиции уже более 300 лет.

Универсальный всеобщий закон развития, который так или иначе звучал в трудах многих авторов, состоит в том, что всякое развитие, где бы оно ни происходило, идет от целого к частям, от общего к частному, от состояний и форм мало определенных, примитивных, глобально-диффузных и недифференцированных к состояниям и формам все более определенным, внутренне расчлененным и дифференцированным. Этот закон подразумевает, что развивается всегда некоторое исходное целое, которое по мере развития становится все более внутренне дифференцированным и иерархически упорядоченным. Он указывает также на базисную роль процессов дифференциации целого в развитии. В современной формулировке Ф. Берталинфи, в процессах органического развития «первичное целое подразделяется на субсистемы». Параллельно этому идут процессы интеграции, обеспечивающие, во-первых, удержание исходной целостности и, во-вторых, формирование в ней новых, более высоких иерархических уровней.

На базе общего универсального закона развития оказалась возможной интеграция четырех до сих пор мало связанных массивов теоретических представлений и фактов. Это:

1. Теоретико-философские представления о существовании общего универсального плана развития всех сложных органических систем, о существовании общих универсальных принципов развития — дифференциации и интеграции. Их обоснование в биологии.

2. Ряд крупных психологических теорий умственного развития и теорий познания, в рамках которых закон развития от общего к частному и принцип дифференциации и интеграции выступают как ведущие и основополагающие.

3. Ряд частных теоретических обобщений фактических экспериментальных данных о ходе развития отдельных психических процессов и функций (восприятия, речи, локомоторика, понятий и др.).

4. Фактические результаты многих исследований по развитию самых разных психических процессов и функций, полученные в рамках разных теоретических подходов.

Результаты проведенной нами работы отражены в других публикациях (Чурикова, 1997; 2006; 2003, 2007). Здесь они будут изложены в предельно кратком, контекстном виде.

1. Борьничко-философские предположения.

- Я.А. Коменский (природа начинает свое образовательную деятельность с самого общего и кончает наиболее частным).
- Г. Гегель (всякий предмет определяется сначала в своей общности, затем распадается на множественность разных моментов и через это саморазличие становится развитым целым).
- Г. Спенсер (общие законы эволюции: рост дифференцированности, выделение различного в первоначально однородном, рост связности частей, рост определенности).
- Вл.С. Соловьев (великий логический закон развития – три обязательных момента любого развития: первичная, мало определенная целостность, дифференциация, расчленение первичной целостности, свободное органическое единство всех элементов внутри целого).
- А.А. Боедиков (всеобщая организационная наука: развитие систем – это дифференциация исходного первичного однородно-простого состояния, закон расхождения частей целого, процессы контр-дифференциации и системной консолидации).

2. Общие эмпирические законы развития в биологии.

- К. Бор (правило эмбрионального развития, согласно которому оно идет от гомогенного и общего к гетерогенному и частному).
- Э. Мэлли-Эндрас (принцип физиологического разделения труда в процессе филогенеза: целое, несущее определенную

общую функцию, расчленив ее на части, обладающие разными, более специфическими функциями).

- Ч. Дарвин (все организмы произошли от одной или очень немногих простейших родоначальных форм благодаря усложнению их организации, которая происходит путем прогрессивной дифференциации тканей, органов, функций. В результате естественного отбора происходит дифференциация популяций, расхождение признаков соответственно частным условиям среды и возникновение многообразия форм на месте прежнего однообразия).
- И.И. Шмальгаузен (в процессе естественного отбора имеет место поднятие организации живых организмов на более высокую ступень, что происходит за счет внутренней дифференциации строения и функций организма с одновремениой интеграцией, т.е. усложнением системы связывающих их зависимостей).
- Формирование морфологической структуры и интегративной деятельности центральной нервной системы в фило- и онтогенезе протекает по общему принципу: от диффузных неспециализированных форм структурной организации и функционирования к более специализированным дискретным формам (Дж. Давенсон, Л.А. Орбели, А.А. Заварзин, А.Н. Карамзин, Н.И. Филлипов, Дж. Когланд, П.К. Авохин, М.М. Кольцова, Д.А. Фарбер с сотрудниками).

3. *Краткие тезисы дифференциально-интегративной теории эволюционного развития.*

- Дифференциальная теория умственного развития И.М. Сеченова, изложенная в труде «Элементы мысли» (эволюционное учение Г. Спенсера открывает возможность разрешить с удовлетворительной ясностью философский спор о развитии зрелого мышления из исходных детских форм. Умственное развитие должно начинаться с формирования сравнительно небольшого числа слитных форм и заключаться в большем и большем их расчленении с параллельно идущим группированием в разнообразных направлениях).
- Теория Х. Вернера (ортогенетический принцип везде, где есть развитие, оно идет от состояний относительной глобальности и отсутствия или слабой дифференцированности к состояниям большей дифференцированности, расчлененности,

иерархической интеграции. Обобщение и упрощение большого числа фактов и закономерностей, накопленных в детской психологии, психопатологии, психологии народов примитивной культуры, общей и дифференциальной психологии в соответствии с этим принципом).

- Дифференциальная логико-гносеологическая теория развития знаний Н.О. Лосского (развитие знаний — это многократная, многоаспектная и бесконечная дифференциация действительности, данной субъекту в целостном и нерасчлененном виде в его созерцании).

4. *Формирование мышления и умения действовать общепсихологического уровня в различных ситуациях ребенка и в различных условиях.*

- Я.А. Коменский (природный ход развития познания ребенка можно сравнить с ростом и развитием дерева, на котором, хотя бы оно росло сотни лет, вовсе не вырастают новые ветки, а только разрастается уже существующие).
- Г. Гегель (вначале имеется чистая чувственность, которая бесконечно богата и бесконечно бедна, затем познание «отнимает» у вещей отдельные свойства и отношения, между которыми далее устанавливаются родовидные отношения. Развитие понятий от абстрактного к конкретному).
- Т. Рибо (умственное развитие движется от мало определенных «протоинтеллектуальных» состояний познавательной сферы к состояниям все более определенным).
- Э. Кларед (имел в психологии понятие синкретизма. Определяющая черта детской психики — это восприятие вещей «в их целом», а путь интеллектуального развития — это путь от целого к частям).
- К. Коффка (сущность психического развития состоит в «усовершенствовании структуры», которое идет по линии из все большего внутреннего расчленения).
- В.Н. Ивановский (в эволюции человеческого познания приложим общий закон развития — закон перехода от неясной однородности к связанной разнородности. Для первобытного мышления характерна, прежде всего, полная недифференцированность основных категорий умственной деятельности).
- С.Л. Рубинштейн («разительное сходство» между законом перцепции Н.Н. Ланге и законом саморазвития понятий Г. Гегеля).

5. Частные дифференциальные теории достаточно развитая, основанные на обширных фактических данных.

- Дифференциальная теория раннего перцептивного обучения и развития Э. Гибсон.
- Теория Г. Фоллесаги о гестивеской первичности целостных переживаний.
- Дифференциальная теория раннего концептуального развития К. Нельсон и дифференциальная теория развития значений слов Е. Кларк.
- Теория канализированного развития категорией Ф. Кофта.
- Теория Л. Смит и Д. Кемлер о переходе в младшем школьном возрасте от целостной интегральной репрезентации разных свойств воспринимаемых объектов к их когнитивной отделенности.
- Дифференциальные теории фонетического развития Р. Якобсона и В.Н. Вельткова.
- Возрастной рост полнотелности и артикуляционности всей психической сферы в теории полнотелности/полнотелности Х. Уиткина.

Все вышеназванное приводит к заключению, что в психологии имеются все предпосылки для того, чтобы сформулировать обобщающую многие ее фактические и теоретические достижения дифференциально-интеграционную теорию умственного развития, аписанную в универсальную междисциплинарную системно-эволюционную парадигму современной науки.

Эта теория позволяет достаточно удовлетворительно обобщить с единой точки зрения и систематизировать большое количество фактов и закономерностей, относящихся к развитию самых разных познавательных процессов и функций, представлявшихся до сих пор разрозненными и не связанными между собой. Причем не только тех фактов и закономерностей, которые послужили основой упомянутых обзоров и частных теорий, но также и большого числа других. В эти теоретические рамки удается без особых натяжек вписать, по существу, все наиболее известные фактические данные, полученные Ж. Пиаже (у самого Ж. Пиаже понятия синкретизма, слеза целого, глобальности, недифференцированности и дифференциации красной нитью проходит через многие работы).

К общему плану развития всех познавательных процессов и функций хорошо подходит термин системогенез в том смысле, который вкладывает в него П.К. Анохин. Возникает кардинальный вопрос: поче-

му системности самых разных познавательных процессов и функций, независимо от их конкретных характеристик и содержания, подчиняется одним и тем же принципам? Поскольку психические процессы протекают не в «бесвоздушном» пространстве, а разматриваются на определенных глубинных психофизиологических структурах мозга, можно предположить, что все структуры, несущие функцию познания и регуляции поведения и деятельности, обладают некоторой формальной общностью своего системного строения и системного развития. Таким образом, дифференциально-интегративная теория развития смыкается, с одной стороны, с одним из центральных понятий когнитивной психологии — с понятием внутренних когнитивных структур субъекта, а с другой — с проблематикой реализации в онтогенезе генетических программ развития психики. Отметим также, что из этой теории вытекает целый ряд следствий и предсказаний, доступных прямой экспериментальной проверке. Они рассматриваются в книге Чуприкова, 2007.

К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

В отечественной психологии (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов и многие другие) сложилось понимание психики как специфической функции мозга, состоящей в обеспечении отражения живым существом мира, в котором оно живет, его собственного тела и его состояний, а также результатов (положительных или негативных) его взаимодействий с миром (включая других живых существ) и регуляции на этой основе своего поведения и деятельности. Основываясь на этом понимании психики, можно попытаться построить в первом приближении систему психологических понятий, традиционно употребляющихся для классификации психических процессов и свойств личности и составляющих основной каркас общей психологии. Эта система может рассматриваться как первый набросок общей теории о психической регуляции поведения и деятельности, которая, по своей сути, совпадает с теорией функциональной системы организации поведенческих актов П.К. Анохина. Более подробно эта проблематика рассматривается в Чуприкова, 2006.

Система строится как ответ на вопрос, что должно найти отражение в психике, чтобы поведение было адаптивным, а деятельность — успешной.

1. Должна быть отражена предметная объективная действительность. Это осуществляется системой координатных процессов, включающей осязание, осязание, воображение, мышление, память и внимание.

Познавательные процессы направлены не только в сторону внешнего мира, но и на собственное тело человека и его состояние, на его поведенческую и вербальную активность. На уровне чувственного познания это интроспективные и проинспективные ощущения, а на уровне мышления – рефлексия.

2. Должны быть отражены нужды организма и степень их удовлетворения. На высших этапах развития сюда добавляются нужды человека как личности. Это своеобразная форма отражения выходит за пределы волевых, нравственных, желаний, моментов.

3. Должно быть отражено значение для организма и личности (положительное или негативное) тех или иных внешних воздействий, внутренних состояний, а также результатов взаимодействия человека с миром, его поведения и деятельности. Это являясь и чувствами, своеобразная форма отражения, происходящая в непосредственной чувственной оценке пользы или вреда для человека того, с чем он сталкивается и что он делает.

Если процессы, рассмотренные в рубриках 2 и 3, носят длительный характер, они могут быть обозначены как *возможные состояния*, хотя границы здесь в высшей степени условны и мало определены.

4. Необходимо иметь сведения о результатах отражательной деятельности других людей, об их целях и намерениях, сообщать им о результатах собственной отражательной деятельности, о содержании и состоянии своей психики. Для обмена результатами психической отражательной деятельности (пункты 1, 2, 3) в человеческом обществе служат *язык и речь*, а также множество средств *невербальной коммуникации*.

Вербализация является механизмом освоения отраженных в сознании внешних воздействий и внутренних состояний организма и личности. Если же регулирующие поведение воздействия не вербализуются, они не осознаются, принадлежат к сфере *бессознательного* отражения действительности и *бессознательной* регуляции поведения.

Жизненная задача психики – осуществлять адекватные внешней и внутренней среде *внимательность* и поведение. Поэтому результаты отражения ведут к выработке целей и моторных программ поведения (включая программы голосовых актов) и программ, направляющих работу внутренних органов. Иногда для формирования таких программ

бывает достаточно какого-либо одного из четырех рассмотренных выше каналов отражения, но чаще всего в конкретных актах поведения результаты отраженной деятельности разных каналов должны интегрироваться и согласовываться между собой. Вся эта сложнейшая совокупность интеграционных процессов, ведущая к принятию решений и к формированию планов, целей и программ поведения, может быть обозначена традиционным термином *воля*. К этим процессам понятие отражения неприменимо, они ничего не отражают. Это те процессы, которые на основе интеграции результатов отражения осуществляют регуляцию поведения и деятельности.

Правомерность предложенной классификации психических процессов подтверждается в определенной степени тем, что для каждой их группы могут быть указаны области мозга, с функциями которых они по преимуществу связаны. Для познавательных процессов это анализаторы и ассоциативные зоны коры, для потребностей и влечений – гипоталамус и ряд подкорковых образований, для эмоций и чувств – лимбическая система, для речи – речевые области коры, для интегративно-регуляторных волевых процессов – прецентральные и лобные ее отделы.

Разделение психических процессов на пять основных групп (познание, эмоции и чувства, влечения, потребности и мотивы, речь, воля), сложившееся в истории философской и психологической мысли, традиционно сохраняется во всех учебниках общей психологии, но оно до сих пор не базируется на каком-то определенном логическом основании. В предложенной системе понятий это логическое основание указано.

Представленная система психических процессов имеет иерархическое строение. В ней воля не равнозначна с другими процессами, но занимает место центра, в которому все они складается, в котором формируются цели, планы и программы поведения и деятельности, адресованные к исполнительным органам, а также обратные управляющие влияния в отношении работы всех каналов отражения.

На предложенную систему понятий можно посмотреть еще с одной точки зрения: ее можно рассматривать как систематическое описание основных блоков процессуальной динамической организации поведения и деятельности. Это система тех внутренних психических процессов, взаимодействие и интеграция которых в каждом конкретном акте (или цикле) поведения и деятельности субъекта опосредствует влияние на его поведение и деятельность внешних и внутренних условий ее осуществления. При таком взгляде легко обнаруживается, что данная

система представляет собой модифицированный и расширенный вариант обобщенной схемы функциональной системы организации поведения П.К. Анохина. Из схемы видно, что психика — это не сумма отдельных психических процессов (индукция + восприятие + чувства + мышление + речь + воля), а единая целостная система, выполняющая определенную функцию и состоящая из нескольких подсистем. При этом каждая из основных подсистем в свою очередь подразделяется на определенные более частные подсистемы, функционирующие совместно. Поэтому, например, познавательная деятельность человека — это не ощущение + восприятие + воображение + мышление + память + внимание, а совместное функционирование всех этих подсистем в конкретных целях познания, поведения и деятельности.

В предложенной схеме функциональной системы психологической организации поведения и деятельности легко находят свое ясное место процессы опережающего отражения и акцентора результатов действия, которым отвечают проявления многочисленных устойчивок разных типов и уровней.

Но каждый человек — это неповторимая индивидуальность и неповторимая личность с определенными устойчивыми особенностями отражения действительности и поведения. В истории философской и психологической мысли складывалась определенная классификация таких устойчивых характеристик, в которых ярко выражены индивидуальные различия между людьми: это способности, темперамент, характер, устойчивые черты эмоциональной сферы, система потребностей и мотивов, волевые качества личности. Эти понятия также традиционно рассматриваются в отечественных курсах общей психологии, составив ее второй большой раздел.

Если посмотреть на перечень понятий, которые обычно представлены в разделе о психологии личности, то можно увидеть, что он до некоторой степени вполне совпадает с процессуальной системой понятий, описывающей источник и механизм динамической психологической регуляции поведения и деятельности субъекта.

Способности — это характерные устойчивые особенности по преимуществу блока познавательных процессов, блока восприятия речи (включая восприятие текстов) и отчасти — блока волевой регуляции.

Характер и волевые качества личности — это проявления устойчивых особенностей блока регуляции поведения и деятельности.

Устойчивые особенности эмоций, потребностей и мотивов — это характерные устойчивые черты эмоциональной и потребностно-мотивационной сфер личности.

При взгляде на основные, традиционно выделяемые индивидуальные и личностные особенности человека с точки зрения понятия отражения можно заключить, что они представляют собой устойчивые индивидуальные особенности тех основных групп динамических психических процессов, которые осуществляют отражение действительности и регуляцию на этой основе поведения и деятельности. В терминах П.К. Анохина, это более или менее устойчивые характерные индивидуальные особенности основных составляющих функциональной системы психической регуляции поведения и деятельности. Правда, в получившейся функциональной системе нет такой подструктуры, как темперамент. И это закономерно, так и должно быть. Темперамент не имеет и не может иметь аналога в системе психических процессов, обеспечивающих отражение действительности и регуляцию на этой основе поведения и деятельности, потому что та реальность, которую называют темпераментом, не осуществляет никаких процессов отражения, в ней ничто не отражается и она не участвует прямым содержательным образом в выработке программ поведения и деятельности. Темперамент участвует в организации поведения и деятельности по-другому.

Темперамент — это система устойчивых динамических и энергетических характеристик всех психических процессов, которая определяется свойствами нервной и нейрогуморальной систем организма. Свойства темперамента откладывают отпечаток на протекание всех без исключения психических процессов и на индивидуальные устойчивые особенности всех подструктур личности (особенно велика роль темперамента в подструктуре волевых процессов). Поэтому подструктура темперамента не родственна другим подструктурам личности, а представляет собой глубинный физиологический уровень ее иерархической организации, общий для всех остальных подструктур.

Ведущим развивающим фактором формирования устойчивых структур личности должно быть, как это постулируется теорией П.К. Анохина, достижение в каждом конкретном акте (или цикле) поведения и деятельности конечного позитивного результата работы динамических функциональных систем.

Таким образом, проблематика психологии личности теоретически смыкается с проблематикой психологии психических процессов. А если это так, то сложившееся в отечественной психологии понимание психики как отражения действительности, необходимого для регуляции поведения и деятельности, создает также серьезные предпосылки для концептуального объединения двух пока еще почти не связанных между

собой областей психологии – психологии психических процессов и психологии личности.

Представленная система психологических понятий и схема функциональной системы психической регуляции поведения и деятельности характеризуют психику современного взрослого человека, которая является продуктом длительного эволюционного, исторического и онтогенетического развития. На самых ранних этапах возникновения психики никаких отдельных каналов отражения еще не существовало, они формировались и дифференцировались из первоначально слитного мало определенного состояния лишь в процессе длительной эволюции. Начальные этапы развития психики на ранних этапах онтогенеза современного ребенка также характеризуются значительно меньшей дифференцируемостью психической сферы, чем это имеет место у взрослого человека. Поэтому в рамках равновесных представлений проблема развития системы психической регуляции поведения и деятельности ясно выписывается во всеобщий универсальный дифференцировочный закон развития всех органических процессов природы и общества.

Наконец, в представленной системе находит законное место механизмы центрального управления афферентацией. При их посредстве из всего комплекса наличных воздействий человек осуществляет конечный выбор только тех из них, которые необходимы для достижения позитивного поведенческого результата складывающейся функциональной системы – «нужные» воздействия усиливаются и участвуют в организации движений и вербальных ответов, а «неужные» тормозятся.

ЛИТЕРАТУРА

- Айвазян Г.Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111–131.
- Андерсон Дж.Р. Когнитивная психология. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
- Бойко Е.И. Время реакции человека. М.: Медицина, 1964.
- Бойко Е.И. Механизмы умственной деятельности. М.: Воронеж: ИПО «МО-ДИК», 2002.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Набр. психол. исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.
- Защирняк А.В. Развитие произвольных движений. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

- Доккина Н.П. Нейродинамическое и психическое возбуждение корковых пучков зрительного анализатора как показатель сложности аналитико-синтетической деятельности субъекта // Психология высших когнитивных процессов / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.И. Чуриковой. М.: ИП РАН, 2004. С. 76–95.
- Память и механизмы нормальных и патологических реакций / Под ред. Н.П. Беккеревой. Л.: Наука, 1978.
- Пограничные проблемы психологии и физиологии / Под ред. Е.И. Гойко. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Психомоторная активность в системе процессов памяти / Под ред. Н.И. Чуриковой. М.: Педагогика, 1989.
- Рубинштейн С.А. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Селиванов А.В. Внутренняя речь и мышление. М.: Прогрессивная, 1968.
- Чурикова Н.И. Слово как фактор управления в высшей нервной деятельности человека. М.: Прогрессивная, 1967.
- Чурикова Н.И. О причинах роста латентных периодов реакций при увеличении числа альтернативных сигналов // Вопросы психологии, 1969, № 1. С. 69–74.
- Чурикова Н.И. О стабильности времени реакций при большом числе раздражителей в памяти эталонов // Вопросы психологии, 1971, № 1. С. 35–42.
- Чурикова Н.И. О скорости развития и степени концентрированности локального очага когнитивной возбужденности при выделении объекта из фона // Проблемы дифференциальной психофизиологии / Под ред. В.Д. Небылицына. М.: Педагогика, 1972. Т. VII. С. 156–175.
- Чурикова Н.И. Предструктурная интеграция в опытах с измерением времени реакций человека // Системный анализ механизмов поведения / Под ред. В.Б. Шварцмана. М.: Наука, 1979. С. 42–56.
- Чурикова Н.И. Психология умственного развития: принципы дифференциации. М.: Столица, 1997.
- Чурикова Н.И. Идея общих законов развития в трудах русских мыслителей конца XIX – начала XX вв. // Вопросы психологии, 2000, № 1. С. 109–125.
- Чурикова Н.И. Умственное развитие и обучение: К обоснованию системно-структурного подхода. М.; Воронеж: ИПО «МОДЭК», 2003.
- Чурикова Н.И. Метод контролируемого стимула в изучении механизмов аналитико-синтетической деятельности мозга человека // Психология высших когнитивных процессов / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.И. Чуриковой. М.: ИП РАН, 2004. С. 10–32.
- Чурикова Н.И. Теория отражения, познательная реальность и психологическая наука // Методы. И история психологии, 2006, Т. 1. Вып. 1. С. 174–192.
- Юрлов А.В. Структура психофизиологической теории // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марьягиной. М.: Спектр, 2004. С. 20–38.

МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ

И.Е. Галбер

Надо только честно оценить успехи (а их немало!),
взять наизысканности слабости (которые, конечно же,
не хочется замечать), и признать, что теоретическая
психология может быть построена только по канону
естественных наук

(Аллахвердов, 2003).

Много лет назад прославившийся методолог М.С. Роговин с сожалением констатировал, что подавляющее большинство попыток создания единой психологической теории было сделано с позиций идеалистической философии (Роговин, 1969, с. 6). В годы перестройки иglasности была названа причина: во всем виновато единственно верное вероучение — марксизм, знавший ответы на все вопросы. Когда он сошел с арены, неожиданно для многих обнаружилось, что вместе с ним исчез и единый язык, на котором психологи разговаривали друг с другом (Аллахвердов, 2003, с. 9).

Цель данной работы состоит в том, чтобы на основе междисциплинарных аналогий наметить контуры подхода, позволяющего от современной методологии психологии, основанной на философии и изначально, со времен И. Канта, деструктивной по отношению к науке (Маалон, 1998, с. 148), перейти к четко структурированной психологической дисциплине «метапсихологии» с явно разделенными эмпирическим и теоретическим языками описания психологической реальности и ориентированной конструктивно, на синтез различных, как правило, противоречащих друг другу концепций, сохранение основных полученных в них результатов и устранение артефактов, текущих из учебника в учебник.

СЕМЕЙСТВО МЕТАНАУК: ИСТОРИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Попытки психологов решить проблемы поиска оснований своей дисциплины в «семейном кругу», без обращения к опыту других наук, напоминают сифилов труд. Интеллектуальных усилий при решении «вечных» вопросов затрачено немало, а продвижение вперед по «особому» пути отсутствует в вопросах, затрагивающих основы психологических исследований.

Так, в начале XXI в. дискутируют о том, «где находится внутренний мир?» и «где граница между внешним и внутренним?» (Вересов, Алафонов, 2004). Вопросы разумные и не праздные, но по форме и содержанию напоминают задававшиеся в середине века теми, кто штудировал космологию Аристотеля: «А что находится вне мира?», «А что будет, если проткнуть палкой самую крайнюю оболочку небесного свода?» (Койре, 1985, с. 17). Спорщики «не замечают» Да. фон Неймана, унитарски выводя границу между «внутренним миром» компьютера и «внешним миром», представленным исходными данными, и обеспечивающего беспреседентный успех информации.

Примеры из истории науки показывают, что прогресс, понимаемый как качественно-количественное изменение описания картины мира, возможен и при неверных исходных посылках, но не в результате бета «на месте». Ответы на многие «вечные» психологические вопросы не нужны ни для практики, ни для теории, а потому их лучше не задавать, оставив для обсуждения философам. Вряд ли редакция компьютерного журнала выделит место для обсуждения вопроса о том, где находится операционная система Windows. Стобым делом метапсихологии является то, что она задает не те вопросы, что ведут к успеху. Поиск «единицы психического», например, среди поиска философского камня или вечного двигателя и по затраченным усилиям, и по достигнутым результатам.

Прогресс астрономии, механики, физики, да и естественных наук в целом связан с рассмотрением звездных не существующих идеальных объектов (материальных точек, не имеющих размеров, но обладающих массой; гладких поверхностей, по которым можно двигаться без трения и т.д.) и взаимодействием их между собой и прокатывающихся друг другу сдвиг, земному опыту и имитации (тяжелое тело в отсутствие сопротивления среды падает с такой же скоростью, как и легкое; два никак не связанных между собой тела притягиваются друг к другу и т.д.). Может быть, в успех З. Фрейда частично обусловлен введением таких объектов («Я», «Оно», «Сверх-Я») и опорой

ка постулаты, противоречащие здравому смыслу (длинная комплексы, детская сексуальность)?

Ученая наука агрессивно навязывает свою точку зрения большинству и противоречит житейским представлениям и стереотипам:

- «науку занимает не то, что думают люди в мире, и не то, как они в связи с этим себя ведут, а то, что им следовало бы думать» (Хайек, 2003, с. 39);
- «из двух форм знания более объективной мы должны считать ту, которая в большей мере пользуется на теории, нежели на более непосредственное чувственное восприятие» (Поппер, 1985, с. 21).

Систематический анализ начнем с терминологии. Префикс греческого происхождения «мета» имеет множество значений, среди которых *а, вне, среда, после, между, между, через, взаимосвязь* и. Первое из этих значений, возможно, является наиболее распространенным, особенно в философски ориентированных работах, другие используются свободно в различных контекстах (Рейер, 2003).

Например, отечественные и зарубежные психологи, занимающиеся методологическими проблемами, охотно используют термины типа «метатеория» (Ярошевский, 1996, с. 23) или «метамотивация» (Маслоу, 1999, с. 313), не утруждая себя точными определениями. Напротив, термины «метатеория», «метасистема», «метауровень», «метаязык» и им подобные допускают однозначное истолкование. Например, *метатеорией* принято называть теорию, анализирующую другую теорию, обычно называемую *объектной* или *предметной*. При этом исходный язык теории называется *объектным* (*предметным*), а язык метатеории — *метаязыком* или *языком-объектом*.

Источником подобного употребления префикса «мета» является в математике и логике. Термины «язык-объект» и «метаязык», точнее, их польские и немецкие аналоги, были введены А. Тарским и Р. Карнапом (Черч, 1960, с. 370). Соотношение между метаязыком и предметным языком можно пояснить на примере человека, родным языком которого является русский, изучающего иностранный язык. Все начальные сведения в учебниках и словарях он воспринимает на русском языке (на метаязыке), но его конечная цель состоит в том, чтобы овладеть иностранным (предметным) языком. В теоретических исследованиях, как правило, предполагается, что если в качестве метаязыка взят русский язык, то фактически будет использоваться лишь некоторый весьма узкий его фрагмент. Это делается для того, чтобы избежать появления логических парадоксов, речь о которых пойдет ниже.

Ситуация меняется, когда префикс «мета» добавляется к новым наукам. Даже далекий от металолии ученый помнит, что под «метафизикой» понимается нечто отличное от «науки о физике». Отчасти это объясняется историей термина. Утверждается, что, пытаясь расколотить произведение Аристотеля в соответствии с их внутренними связями, александрийский библиотекарь Андроник Родосский в I в. до н. э. перевел одну из его книг «метафизика», имея в виду, что она следует после физики.

Есть и более сложные версии. Автор концепции о диалогическом «новом мышлении» Ф. Розенцвейг считает, что приставка «мета» в терминах «метафизика», «металолика» и «металитика» предназначена для обозначения выхода бога, мира и человека за пределы традиционной философской целостности, конкретными моделями и символами которой служат *физис*, *логос* и *энос* (Наместникова).

Вместе с тем многие науки пришли к акту метанауки, понимаемой как логическая рефлексия о собственных основаниях. Первоначально в германско-З. Фрейда с В. Флиссом в 1896 г. под метансихологией понимали психологию, ведущую за пределы сознания. Противопоставление для того времени естественное, но истинное. Скорее, речь шла о «метасознании». В опубликованных работах термин «метансихология» впервые появился в 1901 г. в «Психопатологии обаятельной женщины», где использовался для того, чтобы пояснить стремление психоанализа заменить метафизику метансихологией (Фрейд, 1988, с. 297).

Предлагается вернуть термин «метансихология» научной психологии, наполнить его адекватным содержанием (предмет, структура, методы) и использовать для решения актуальных теоретических проблем.

Для определения смысла термина «метансихология» обратимся к родовому имени «метанаука» и рассмотрим «эпихомасания» близких «родственников» по виду.

Психологи любят говорить о перманентном кризисе оснований своей науки и видят в нем одну из ее специфических особенностей. Между тем и более близкородственные науки, такие, как математика и физика, знали периоды, когда их будущее представлялось сомнительным, но, в отличие от психологии, успешно преодолевали возникшие трудности.

После многих веков успешного развития своей науки математика, уверенные, что они доказывают истинные утверждения, столкнулись с противоречащими здравому смыслу неевклидовыми геометриями и примером функций с патологическими свойствами. К тому времени

им удалось заложить фундамент современной математики – теорию множеств. Именно в ней они встретились с парадоксами, затронувшими основания науки и потребовавшими отказа от многих классических результатов, выдвинутых их профессиональному миру. Наибольшее впечатление на современников произвел парадокс Б. Рассела, незамысловато от него обнаруженный Э. Цермело и восходящий к парадоксу «лучшего критиканна» Эпименида (Клини, 1957, с. 39–42).

В ответ Д. Гильберт заявил, что «никто не может познать нас извне, который создал нам Кантора» и «отнять у математиков закон исключенного третьего – это то же, что забрать у астрономов телескоп или запретить боксерам пользование кулаками» (Гильберт, 1948, с. 350, 383). Для спасения математики от парадоксов и критики он разработал программу, названную им метаматематикой, или теорией доказательств.

Для построения метанискологии важно, что метаматематика:

- «вымысла для разрешения кризиса оснований, призванного вернуть науку важнейших результатов;
- «выребовала разработку новой терминологии (мстаянык, язык-объект, метатеория);
- рассматривала предметные теории как системы *бесодержательных* предметов, аналогичных позициям в шахматной игре;
- допускала применение только *формальных* методов рассуждений, т.е. использующих интуитивно представляемые объекты и операции;
- получила статус *математической*, а не философской дисциплины;
- заменил *проблемные истинности* утверждаемой на *решение неприглядиваречивости* теорем. Несогласный с этим шагом интуитивист Л. Брауэр писал: «Неправильная теория, не заключающаяся на противоречие, не становится от этого менее неправильной, подобно тому, как преступное поведение, не остановленное правосудием, не становится от этого менее преступным» (Клини, 1957, с. 56–57).

Проблемы, волновавшие математиков сто лет назад, не чужды современной психологии. При изучении патологий общения и шизофрении Г. Бейтсон описал ситуации двойного принуждения («double bind»), в которых один из партнеров посылает другому противоречащие друг другу сигналы, не оставляющие ему никакого приемлемого выбора, ситуация, в которых человек, что бы он ни делал, «не может

победить» (Бейтсон, 2000, с. 226). Чаще всего сигнал принимает форму призыва, который нужно выполнить, но выполнение которого состоит в том, чтобы проявить неповиновение. В отличие от компьютера, лишнего эмоций, человек тем или иным способом расшифровывает направленное ему послание.

Бейтсон прямо апеллирует к теории логических типов Б. Рассела, затронутого в своей теории возникновение таких парадоксальных ситуаций (Бейтсон, 2000, с. 228). При общении людей или в случае ввода противоречивых команд в компьютер такой запрет невозможен или нежелателен. М. Ротенберг насчитал в *библейской литературе* свыше 180 описаний ситуаций двойного принуждения и предложил психологический принцип парадоксальной интерпретации такого текста: не читать его так, как написано, а, немного изменив его, искать альтернативный смысл. Может быть, этот принцип когда-нибудь пригодится психологам и математикам.

А.В. Карнов приходит к парадоксу Рассела, анализируя понятие метасистемного уровня и связанный с ним парадокс высказывания системы. Он считает, что «наиболее естественным, хотя и достаточно радикальным способом снятия указанного парадокса может быть предположение, согласно которому в содержании системы (в том числе – и психики) может существовать такой уровень, который одновременно является и ее собственным уровнем, и уровнем, выходящим за ее пределы (метауровнем), то есть в определенном смысле – локализованным вне нее» (Карнов, 2004, с. 156). Апелляция к принципу дополнительности, простоте и феноменологической конкретности не снижает, по его мнению, трудность конкретно-научного объяснения (Карнов, 2004, с. 161, 163). Добавим – и формально-логического объяснения тоже.

Идея, предложенные математиками для спасения своей науки, были приняты не всеми представителями других наук. Условно их можно распределить вдоль спектра из двух полюсов. На одном из них находятся те, кто более или менее последовательно, с тем или иным успехом, с учетом специфических особенностей развивал метафизику – физики, социологи, географы. Ко второму полюсу относятся те, кто «подарил» префикс «мета» философам, теологам, парадоксам и специалистам окольных наук, любителям трансцендентальности и мистики – физикам, историкам и психологам.

Среди гуманитариев наибольших успехов в области метатеории добились специалисты по этике (Максимов, 1998). Для построения метапсихологии важно, что метатеория

Подведем итоги междисциплинарного анализа.

1. Значительное количество ученых, в том числе обществоведов и гуманитариев, обнаружив кризис оснований своей науки, пришли к идее метанауки, понимаемой как *комическая рефлексия* о собственных теориях и используемых методах в рамках исходной дисциплины.
2. Часть из них, например, математики, увидели в метанауке инструмент сохранения важнейших результатов.
3. Другие, например, физики, рассматривали метанауку, прежде всего, как инструмент обнаружения ошибок и противоречий.
4. Разные науки использовали специфические методы мета-анализа.

Для построения метапсихологии как психологической, а не философской дисциплины желательно, исходя из опыта других наук, разработать подход, в рамках которого возможен, с одной стороны, синтез различных, как правило, противоречащих друг другу психологических концепций, сохранение основных полученных в них результатов и, с другой стороны, устранение устаревших и ошибочных положений, перенимаемых авторами учебников друг у друга. Relevantной поставленной задачей представляется концепция метастыкового перехода В. Ф. Турчина (Турчин, 2000).

МЕТАСИСТЕМНАЯ ДИНАМИКА

Физик и специалист в области информатики В.Ф. Турчин подвел итоги кибернетического бума в сфере метанауки. Многие исследователи-социогуманитарии не без оснований ее скрывают своего разочарования в ней, поэтому имеет смысл кратко оценить достоинства и ограничения кибернетического подхода.

Напомним его основные положения в трактовке Турчина. Термин «кибернетика» (от греческого слова «нормный») ввел Н. Винер, определив его как теорию управления в связи в живых организмах и машинах.

Систему, состоящую из управляющей подсистемы X и управляемых и порождаемых ею однородных или сходных в каком-то отношении подсистем A_1, A_2, A_3, \dots , Турчин называет *жесткосистемой* по отношению к системам A_1, A_2, A_3, \dots , а переход от систем A_1, A_2, A_3, \dots

к метасистеме — *леммаксимизма* переходом (далее МСП). Турчин рассматривает это как квант эволюции и претендует на объяснение структуры скачков в эволюции сложных систем, в частности, науки и на указание их «точек роста».

МСП создает высший уровень организации — *леммадромия* по отношению к уровню организации интегрируемых подсистем. С функциональной точки зрения МСП состоит в том, что активность, являющаяся управляющей на низшем этапе, становится управляемой на высшем этапе и появляется качественно новый вид активности, ассоциируемый с высшим уровнем управления и наиболее характерный для него.

Обозначим исходную высшую активность A , а активность, возникшую в результате МСП, — A' . Тогда функциональное описание МСП может быть представлено символически как «Управление $A = A'$ ». В этих терминах эволюция описывается В.Ф. Турчиным следующим образом:

1. Управление положением = движение.
2. Управление движением = раздражимость (простой рефлекс).
3. Управление раздражимостью = (сложный) рефлекс.
4. Управление рефлексами = ассоциирование (условный рефлекс).
5. Управление ассоциированием = человеческое мышление.
6. Управление человеческим мышлением = культура.

Первый МСП, согласно Турчину, заключается в возникновении движения. Интегрируемыми подсистемами являются части клетки, обеспечивающие обмен вещества и размножение. Положение этих частей в пространстве до поры до времени случайно, неуправляемо. Но вот появляются органы, соединяющие остальные части клетки и приводящие их в движение, и происходит МСП, определяемый формулой: *управление положением = движение* и т.д.

МСП создает специализирующие интегрируемые подсистемы. Некоторые из них до МСП имели функции, необходимые для самостоятельной жизни, но ставшие избыточными и утраченные в сообществе, ибо они лучше выполняются другими подсистемами. МСП не может совершаться под воздействием одних лишь внутренних факторов интегрируемых подсистем, но всегда требует вмешательства извне, «сверху».

Современному психологу модель Турчина, основанная на утраченных (ассоциациях) и утрачивающих (биохевиоризм) популярности идеях, может показаться устаревшей или наивной. Однако сто иде

о том, что, развиваясь, культура порождает внутри себя следующий уровень иерархии – критическое мышление, которое в свою очередь порождает современную науку – построение моделей действительности с помощью знаковых систем, допускают представление в виде формул, отсутствующих в издании 2000 г. И в более современной англоязычной версии в Интернете:

7. Управление культурой = критическое мышление.
8. Управление критическим мышлением = наука.
9. Управление наукой = метанаука.

Мысль Турчина о том, что метанаука может рассматриваться как результат МСП, представляется плодотворной для психологии. Перед тем, как вернуться к ней, сформулируем два ограничения данной модели. Они состоят в том, что она является:

1. Феноменологической и основана на концепции «черного ящика», в который, в случае его сложного внутреннего устройства, необходимо постучаться и посмотреть, что внутри (Ф. Крик).
2. Дескриптивной, а ее дескриптивность и аналитическая ценность нуждается в проверке.

Далее с позиций концепции В.Ф. Турчина строится многоуровневая структура метапсихологии.

МЕТАПСИХОЛОГИЯ: ПРЕДМЕТ, СТРУКТУРА И МЕТОДЫ

Как уже отмечалось выше, методолог, предлагаемый в данной работе, исходит из того, что психологами накоплен ценный экспериментальный и теоретический материал, принадлежащий различным школам и направлениям, идейно противоречащим друг другу, и имеющий смысл только с учетом соответствующих контекстных факторов (исторических, культурных, экономических). Речь идет о создании многоуровневой теории, способной сохранить значительную часть накопившихся достижений и отбросить ряд старых ошибок и заблуждений, а также, в отличие от традиционной методологии, созданной влиятельными (Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым), доступной для разработки студентам-психологам старших курсов.

Таким образом, под метапсихологией предлагается понимать междисциплинарную, межатласную, межкультурную психологию. Препятствующим образом является другим психологическим дисциплинам,

возникшей для описания феноменологического «фасада» психической реальности, является для метапсихологии объективным (предметным), а метатеории предлагается выложить на иерархическом уровне. Его психологам предстоит разработать в XXI в., что не исключает существования общих терминов в эмпирическом языке-объекте и теоретическом метаязыке.

Рассмотрим некоторые примеры исследований, иллюстрирующие структуру и методы метапсихологии. Е.В. Сидоренко считает, что «интерпретации результатов сложных расчетов несут в себе лишь видимость научной объективности, поскольку мы по-прежнему субъективно интерпретируем, во уже не реальные результаты наблюдений, а результаты их математической обработки» (Сидоренко, 2001, с. 7) и на этом основании не рассматривает в своей книге многомерные методы статистического анализа.

С позиции метапсихологического подхода ситуация видится по-другому. В рамках отдельного психологического исследования МСП подлежащим изучению является, как показывает Ю.Н. Толстова, «одно-дважды», рассматриваемый как «специфичный процесс, не сводящийся ни к какому набору математических приемов и органично вплетавшийся в содружественную ткань» социального исследования (Толстова, 2009, с. 9). Социологи давно осознали важность проблемы интерпретации и анализа данных (Интерпретация... 1987).

Необходимость синтезировать результаты независимых исследований (рассматриваемая нами также как МСП) привела во второй половине XX в. к созданию мощного статистического метода — *мета-анализа* (Мартин, 2002, с. 372). В России его «монополизировали» медики для оценки клинической эффективности терапевтических вмешательств. На Западе у психологов популярен качественный мета-анализ, и на его основе, создан новый вид публикаций — *систематический обзор* (*systematic review*; *systematic overview*).

В общем случае мета-аналитический процесс состоит из пяти шагов (Handbook, 2002, с. 209–202): определение основной цели анализа; поиск релевантных публикаций; выбор критериев их оценки; сбор информации по каждому исследованию, удовлетворяющему критериям ее анализа, как правило, математическими средствами.

Таким образом, основным инструментом метапсихологических исследований «низшего» уровня является, с некоторыми оговорками, касающимися качественных оценок, *систематический метод*. Пропуская, в силу ограниченности объема работы, «средний» уровень, например, проблему построения метатеории мотивации и метамети-

зации (Хеккаузен, 2003; Маслоу, 2003, с. 313–353), перейдем сразу на самый «верх», где решаются проблемы предмета, объекта и метода психологии.

В.А. Лефевр пытался осуществить синтез ментализма и биохимизма с помощью рефлексивных моделей (Лефевр, 2004) и «не замечает» века ассоцианизма, гештальтизм, когнитивизм и прочие «шумы», созданные поколениями психологов.

Одним из первых отечественных психологов, попытавшихся свести в единую концепцию основные теории XX в., был М.Г. Ярошевский, показавший свой метод категориальным анализом (Ярошевский, 1974, с. 21). В частности, он выделил и связал с отдельными теориями систему базисных, ведущих категорий, однако оставил нерешенной проблему их полноты (все ли важнейшие категории уже обнаружены исследователями?), исланичности и, главное, не описал метатеорию, основанную на них.

Ф.Е. Васильев выделил в советской психологии три теории, сущность своей предмет до одной категории: *опытная* В.Н. Мясищева, *режимная* Д.Н. Узнадзе и *деятельности* А.Н. Леонтьева (Васильев, 2003, с. 142). Он показал, что каждая из них может претендовать на роль *общей* психологии и, исходя из того, что «синтез теорий может быть плодотворен только в том случае, если всем им присуще глубинное родство, общность базисных методологических и онтологических представлений» (Васильев, 2003, с. 150), утверждает, что завершающей парадигму категорийной должно стать *общие*.

История психологии показывает, что родство и общность представлений о психической реальности являются исключением из правила, согласно которому новая психологическая концепция появляется в результате критики и отвержения всех предыдущих. С учетом этого замечания блестящим и, вероятно, неизвергаемым представляется только *содержательный анализ*, осуществленный Д.М. Векстерм (Векстер, 2000, 1974) и схематически представленный ниже в таблице.

Рассмотренная классическая психологическая концепция (исключая их культурно-исторический контекст и социальную детерминацию психических явлений) с позиций теории психических процессов, Векстер показывает, что каждая из них сложилась закономерным образом, исходя из феноменологического фасада психических явлений, выделили отдельные их аспекты в виде небольшого числа категорий и, абстрагировавшись от остальных, не менее существенных характеристик, доказала свою эвристическую ценность, но в конечном счете из-за обрванных категорий не смогла свести концы с концами и оказалась в тупике.

Таблица 1

Мета-анализ классических психологических концепций по Л.М. Вексеру

Концепция	Главный аспект исследования	Побочный аспект исследования	Субстрат и методологическая модальность	Типы
Ассоциативная Психология	Способ связи психических феноменов	Отсутствует	Учитывается (Гарте)	Параллелизм нервного и психического
Структурализм и позитивизм	Структура, предметная целостность	Изолированность психических, психофизиологических и физических явлений	Не учитывается	Параллелизм психического, физиологического и физического
Функциональная психология	Функции	Отсутствует	Не учитывается	Связь зависит от организма и его реакции
Бихевиоризм	Поведение	Вероятностная организация поведения	Не учитывается	Отсутствие внутренней структуры
Психологический редукционизм	Исходный	Зеркал	Не учитывается	Специфика психической энергии
Психология деятельности	Движение, действия, операции	Зеркал (П. Жане)	Не учитывается	Психическое структура высшей субстрат

Вексер отвечает, что общей чертой всех концепций является то, что «эмпирический и теоретический аспекты в них еще не разведены, и, соответственно, не сформулированы проблемы, с необходимостью требующие перехода к конкретно-научной мета-теории» (Вексер, 2000, с. 32).

В ранних работах он, с одной стороны, утверждал, что средствами интрапсихологического понятийного аппарата синтеза главных аспектов психической деятельности принципиально несущественны и требует выхода за пределы психологической теории (Вексер, 1974, с. 110), а, с другой стороны, в качестве исковой чуждо-теории, органически включенной даже понятие материала, предлагал «объединить теорию»

сказание (Веккер, 1974, с. 115). Время поставило под сомнение первое утверждение, а второе дополнило эмпирическим подходом.

Метод Л.М. Веккера, условно названный выше логико-содержательным анализом, представляется образцом мета-анализа концепций высокого уровня. Он позволил выделить главный и побочные аспекты исследования и показать, что введение категории «целостности» естественно привело гештальт-психологов к примордиальному и морфологическим психическим, нейрофизиологическим и физическим явлениям (Веккер, 2000, с. 33), а бихевиористов отказать от рассмотрения внутренней психической структуры и необходимость объяснения адаптации организма к окружающей среде заставить ввести примордиальную *вероятностную организацию поведения* (Веккер, 2000, с. 37; см. также: Лоффер, 2004). Это позволяет, вопреки внешней видимости, считать бихевиоризм психологической теорией (Веккер, 2000, с. 39).

Подведем итоги проделанного анализа.

1. Идея метапсихологии закономерно возникает в кризисной для науки ситуации. Она может служить как конструктивным (сохранение важнейших результатов), так и деструктивным (обнаружение ошибок и противоречий в основных) цели. С учетом специфики исторического развития психологии при построении метапсихологии представляется реальным преследовать обе эти цели.

2. Развитие метапсихологии как психологической дисциплины, «науки о психологии», требует разработки специальной терминологии, теоретического метаязыка, для которого эмпирический язык современной психологии послужит языком-объектом, что не исключает наличия общих терминов в эмпирическом языке-объекте и теоретическом метаязыке.

3. Многоуровневую структуру метапсихологии можно сформировать на основе концепции метасистемного перехода В.Ф. Турчина. Она схематически описывает динамику развития научного знания, отсутствующую в статичных определенных методологии.

4. Метапсихология отличает специфические методы анализа. Основными инструментами метапсихологических исследований нашего уровня являются модификации статистического метода и содержательного анализа данных, не сводимого к математическим процедурам. На высших уровнях мета-анализа преобладают логико-содержательный анализ, синтаксический и семантический анализ психологических теорий. Возможно применение контекст-анализа, психолингвистических (дискурсивных) и архивных методов работы с текстами.

5. Такое построение метапсихологии позволяет двигаться ее проблемами не только университетским профессорам, но и студентам-психологам старших курсов. Оно укладывается в концепцию *точной методологии науки* (Буртин, Кузнецов, 1994) и может привести к созданию парадигмы психологии вопреки сомнениям скептиков и критиков.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ

Современная академическая психология является подчеркнуто историко-теоретической наукой. На протяжении длительного времени ее идентифицировали как естественнонаучную экспериментальную дисциплину, изучающую исторически инвариантные феномены природы, а не исторически детерминированные социальные феномены (Danziger, 1987, с. 9). Предложение В. Дильтея идти за исходную точку исследования «равного культурного человека» (Дильтей, 1996, с. 36) вместо привычного «нормального взрослого человека» приобрело сравнительно великого сторонников в научном сообществе.

Следствиями принятия такой модели явились бы, например, изменение состава испытуемых: вместо привычных студентов-психологов ими стали бы люди, охватывающие более широкий репертуар социальных ролей: «родитель», «служащий», «потребитель» и т.д. Изменилось бы и отношение психологов к архивным документам и архивным исследованиям (Мартин, 2002, с. 40–43), прекратилось бы игнорирование того очевидного обстоятельства, что человек, живущий в век компьютерных и сетевых технологий, отличается от жившего в эпоху книгопечатания в не меньшей степени, чем последний — от жившего во времена рукописных текстов и устной передачи информации.

Принятие психологами правил игры математиков и физиков было формальным и неполным. Отметим мысль В.А. Лоффера о том, что *различные аспектами подтверждаются не-линейные свойства моделей, которые описывали бы в себя «запретный ящик» человека*. Нередко высказывается мнение, что уникальная специфика психологического исследования не укладывается в естественнонаучную модель и потому *требует принципиально иных подходов и методов*.

В течение длительного времени инструментарий, использовавшийся в психологических исследованиях, соответствовал современному научно-техническому уровню. На начальном этапе развития психоло-

тии приборы способствовали получению новых результатов. Одним из первых психологических приборов стал ветряком, с помощью которого В. Вундт оценил объем сознания. Хроноскопу в учебнике экспериментальной психологии Г.Н. Чехомова (Чехомов, 1918) посвящены две главы, 34 страницы! Стробоскоп позволил М. Вертагстайнеру открыть фи-феномен и заложить основы гештальт-психологии и т.д.

Использование механических приборов, а затем и автоматизации психологических исследований не сопровождалось столь заметным научным прогрессом, как в естественных и инженерных науках. Данные точных измерений внесли немного ясности в то, что происходит, когда человек думает или учится, общается или спит, фантазирует или занимается спортом, однако не позволили надежно прогнозировать его социальное поведение, мало соответствовали потребностям практики.

С другой стороны, познание глубинной психологии оказалось возможным без всяких технических приспособлений, если не отходить к такому моменту, на которой расползалась клиентка З. Фрейда. Его вклад состоит, в частности, в том, что он вернул душу как объект изучения в психологические исследования, привлек внимание всех мыслящих людей к тому, что мы не знаем самих себя, что мы не знаем собственных душ. Не меньшее значение имело и то, что в отличие от других корифеев психологии, мало известных за ее пределами, Фрейд удалось списать популярность среди самых широких слоев читающей публики.

Однако его работы противопоставили психологию остальным наукам и, прежде всего, физике, как главной науке о внешнем мире. Опытный ученый, Фрейд допускал значительные отклонения от общепринятых научных процедур: искал данные, которые подтверждали бы его теорию, и отбрасывал все, что шло с ней вразрез, демонстративно избегал статистической проверки гипотез, черпал уверенность в своей интуиции и интуировал в конфликтных ситуациях к своему старшинству по возрасту. Сегодня многие конкретные положения теории Фрейда опровергнуты, некоторые подвергаются сомнению, однако его *бессознательный* и *бессимволический* подход оказался архаичнейшим и *неудовлетворимым*.

Принципиальные возражения против использования экспериментальных процедур высказал А. Маслоу. После того как было показано, что крыса может ориентироваться в лабиринте не хуже человека, следовало, по его мнению, отказаться от лабиринта как от инструмента научения: «Мы не сомневаемся в том, что человек обладает лучшими,

чем у крысы, способностями к обучению. Любая техника, которая не может продемонстрировать этого, средни измерению роста людей, которые стоят, согнувшись, в компании с инжирным потолком. При этом мы измеряем высоту потолка, а не людей. Лабиринт — своего рода низкий потолок, не позволяющий оценить способности испытуемых в мышлении и обучению, даже если это крысы» (Маслоу, 2003, с. 238).

Так началось отделение психологии от естественных и инженерных наук. Разрыв непрерывно увеличивался, и студенты психолог освоили технические предметы хуже не только физика, химика или биолога, но и врача, что существенно ограничивает его возможности. Это не мешало Фрейд позиционировать себя в одном ряду с естественными телами Коперником и Дарвином, внесшими наиболее значительные удары по коллективному самодобию и самоуважению человечества. Может быть, точнее всего его вклад описал лидер герменевтического психоанализа Ж. Лаан, помещивший Э. Фрейда в партию врагов среднего класса вместе с К. Марксом и Ф. Ницше: Маркс разработал теорию пролетарской революции, которая должна была уничтожить капитализм; Ницше отвергал буржуазную мораль как истощающую для сверхчеловека, а Фрейд, третий лидер «Партии Подозрения», раскрывал глубины сексуальной развращенности, скрывавшиеся за широкой respectable среднего класса (Лан, 2003, с. 169).

В данной статье представлена одна из возможных программ, направленных на выход из перманентного теоретического кризиса и интеграцию психологии в научное сообщество. Ее первый шаг состоит в извлечении из теоретического наследия, а слова, вынесенные в эпиграф статьи, не исключают, а предполагают сотрудничество со сторонниками герменевтического подхода.

Современный этап развития общества дает психологии уникальный шанс сократить разрыв с естественными и инженерными науками. Наставная на своем особом пути, противопоставляя методы изучения и технологии преобразования внутреннего мира тем, что успешно применяются во внешнем мире, психологи рискует остаться в изоляции от других ученых, в одной компании с астрологами и эзотериками.

Использование исторических и текстовых методов, предполагаемых данной программой, сопряжено с рядом сложностей: большим объемом работы, труднодоступностью многих текстов и отсутствием четко разработанной и одобряемой методологии исследования. Однако такая работа необходима для понимания исторически и методологически истории и логики развития психологии, предотвращения пересективных направлений и избавления от ложных мифов

и идиллической (Tracy, Robins, Gosling, 2003, p. 105–130). В условиях ограниченности ресурсов государства и общества она, помимо теоретического интереса, приобретает и практическую значимость, так как дает ориентиры для организаторов науки и профессионального психологического образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров В.М. Методологические путешествия по окладу боссаиногольного и павильонному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
- Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и кибернетологии. М.: Самед, 2000.
- Большой толковый психологический словарь. Т. 1 (А–О) / А. Ребер. М.: АСТ, Век, 2003.
- Бруник М.С., Крайнов В.М. Выделение в современную точку методологии науки: Структуры систем знания. М.: Аспект Пресс, 1994.
- Васильев Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ, Самед, 2003.
- Веккер Л.М. Психика в реальность: Единая теория психических процессов. М.: Самед, ИЕР СЭ, 2000.
- Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
- Вереща Г.И., Асфандияр А. Ю. «Внутренность – это где?» // Журнал прикладной психологии, 2004, № 3, С. 64–71.
- Гольдберг Д. Основания геометрии. М.–Л.: ОГИЗ Востокздвдт, 1948.
- Дальний В. Отвлеченная психология / Под ред. Е.Е. Шмеля. СПб.: Алетейя, 1996.
- Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях. М.: Наука, 1987.
- Карпов А.В. О метаистинном подходе в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Предмет психологии. Ярославль: МАИИ, 2004. С. 153–174.
- Клайн С.К. Выделение в метаматематике. М.: Иностранная литература, 1957.
- Койре А. Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М.: Прогресс, 1983.
- Лефевр В.А. Монотализм и билингвизм: слияние? // Психол. журн. 2004, № 2. С. 116–127.
- Лата Т. История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.
- Мильман В.А. Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки. Ярославль: МАИИ, 1998.

- Минишвили Л.В. Очерк современной метафизики // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 39–54.
- Мурман Л. Психологические эксперименты. Секреты успешной психики. СПб: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.
- Муссер А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999.
- Муссер А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003.
- Мурр Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.
- Наместникова Л. Философия Франца Риккорта: между временем и мета-историей // psysoc.org/ru/texts/namnestnikova_plm.html.
- Палава М. Личностное знание. На пути к постструктуралистской философии. М.: Прогресс, 1985.
- Розова М.С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969.
- Сидорова Е.В. Методы автоматической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2001.
- Тихомиров Ю.Н. Анализ социологических данных: Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. М.: Научный мир, 2000.
- Трунов В.Ф. Философия науки. Кибернетический подход к эволюции. М.: ИТЦ, 2000.
- Фрейд З. Психология бессознательного: Собрание сочинений. М.: Прогресс, 1989.
- Халиев Ф.А. Конвергентология науки. Эссе о дисдисциплинарном разуме. М.: ОГН, 2003.
- Хеллерман К. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер. М.: Смысл, 2003.
- Черв А. Введение в математическую логику. Т. 1. М.: Иностранная литература, 1963.
- Дроздовский М.Г. Наука о поведении: русский путь. М.: Институт практической психологии. Воронеж: ИПО «МОДЭК», 1996.
- Дроздовский М.Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Политехник, 1974.
- Deweger K. Naming the Mind. How Psychology Found its Language. London: SAGE Publications, 1997.
- Handbook of Research Methods in Industrial and Organizational Psychology. Mahlen, USA: Oxford, UK, 2002.
- Warr J.L., Robins R.W., Gosling S.D. Tracking Trends in Psychological Science: An Empirical Analysis of the History of Psychology // The Life Cycle of Psychological Ideas: Understanding Prominence and the Dynamics of Intellectual Change (Path in Psychology) / Eds. T.C. Dalton, R.B. Evans. Kluwer Academic / Plenum Pub Corp., 2003. P. 105–130.

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

А.В. Юревич

КНРС НА ИНТЕГРАЦИЮ

Перефразируя некогда популярное высказывание, можно констатировать, что «призрак бродит по психологической науке – призрак интегративной психологии». Свидетельства тому – наблюдения известных психологов о том, что в этой науке начинает реализовываться «конвергентная модель», мы движемся к «единству психологии при всем разнообразии проблем» (цит. по: Манилов, 2003, с. 232), проблемы, обсуждавшиеся на последних Международных психологических конгрессах, знаковые события в отечественной психологии, такие как издание Манифеста интегративной психологии и т.д.

Все это – явления одной природы, обусловленные закономерной реакцией психологической науки на долгие годы разобщенности на «государства в государстве» (также как биохимизм, когнитивизм, психоанализ), каждое из которых жило по своим собственным законам, включившим правила производства знания, критерии его верификации и т.п. (см.: Юревич, 2000). Очевидно, скакалось и распространение в психологии, как и во всей современной науке, постпозитивистской методологии, утверждающей принципы «равной адекватности теорий», их трактовку как интерпретаций, которые не могут быть истинными (см.: Юревич, 2001), а стало быть, побуждающей к легитимизации соперничающих психологических концепций и к переходу от «парадигмы» взаимного неприятия и конфронтации к «парадигме» сотрудничества и объединения.

Так или иначе, на страницах психологических трудов все чаще можно встретить решительные утверждения о том, что «самая актуальная проблема психологии на современном этапе — это интеграция психологического знания» (Маслов, 2003, с. 218). Подобные интеграционные настроения явно выражают не личные ощущения и намерения тех или иных психологов, а внутреннюю потребность современной психологической науки и неудовлетворительность ее многолетнего развития по «конфронтационному» пути.

Разумеется, нынешний интеграционный запад не является чем-то принципиально новым для психологии, да и вообще в любой науке каждое тотальное методологическое стремление всегда обнаруживает некоторые корреляты в ее прошлом. В истории психологической науки тоже можно разглядеть немало попыток интеграции.

Так, в американской психологии 1970–1980-х годов прошлого века доминировала «мода» на интегративные теории, которые, по замыслу их создателей, должны были объединить психологическую науку, покончить с ее раздробленностью, включить в и прочими методологическими пороками (см.: Юренис, 1981). В роли таких теорий последовательно выступали теории клауальной атрибуции, теории справедливости и другие теории, как правило, создававшиеся в социальной психологии, а впоследствии значительно расширявшие свой объяснительный потенциал в выражающие претензии на объяснение всей психологической реальности и интеграцию психологической науки (там же).

Вместе с тем нетрудно разглядеть принципиальное различие между прежними попытками объединения психологического знания и тем вариантом интеграции, который прорисовывается в настоящее время. Одной равнозначностью прежних попыток служило создание некой новой теории, перераставшей в глобальную систему психологического знания на фоне игнорирования всех прочих теорий или использования их в качестве коллекций поучительных ошибок (Юренис, 1999). Второй равнозначностью были попытки «сподания» концепций-свершиц путем включения их объяснительных схем в некоторую более общую схему и использование в качестве «клаблиц феноменологии» (там же). В обоих случаях закономерным и, по-видимому, неизбежным результатом было искусственное «натягивание» некоторой частной объяснительной схемы (и соответствующей психологической категории) на всю психологическую реальность или, по крайней мере, на ее значительную часть, в результате чего исходный объяснительный потенциал этой схемы выходявшийся, и она уже практически ничего не объясняла. Когда вся пеналка представляла в качестве равнознач-

ностей, например, образа, деятельности, каузальной атрибуции или чего-то еще, она не становится более понятной, а тем более, более подверженной целенаправленным воздействиям и более предсказуемой (основные задачи любой науки), и при этом понятию об образе, деятельности, каузальной атрибуции и др. оказываются предельно размытыми и утрачивают свое исходное содержание.

Закономерный результат интеграции психологической науки путем «наращивания» на психологическую реальность какой-либо одной категории описал еще Л.С. Выготский «...когда объем понятия растет и стремится к бесконечности, по известному логическому закону его содержание столь же стремительно падает до нуля» (Выготский, 1982, с. 308). Он же объяснил и главную причину нестойкости, с которой современная ему психология шла подобным путем: «...дуть этот предприняли объективной потребностью в едином объективном принципе, а именно потому, что такой принцип нужен и что его нет, отдельные части принципа занимают его место» (там же, с. 309).

Современные попытки интеграции психологической науки строятся по-другому, что, по-видимому, обусловлено как плановыми результатами ее интеграции путем «игнорирования» или «похищения», так и отмечающимся выше распространением постмодернистской методологии, требующей от научных теорий не игнорирования, дискредитации и «похищения» друг друга, а равноправного взаимодействия на основе взаиморазничия.

Тем не менее, и здесь — в системе интегративных установок современной психологии — можно различить несколько их видов. С.Д. Смирнов, например, выделяет четыре основные позиции. Первая — «методологический витализм», обобщаемый идеей, особенно характерной, как отмечает автор, для практикующих психологов, о том, что «всякая методологическая рефлексия увидит от сути дела в дурную бесконечность бесплодного философствования и вербализма» (Смирнов, 2004, с. 280). Второй позиции С.Д. Смирнов дает двойное название — «методологический ригоризм» и «методологический монизм» — и видит ее в убежденности в том, что «должна существовать единственно "подлинно научная" методология, строгое следование которой является критерием научности» (там же, с. 280), отмечая, что «на уровне конкретно-научной методологии сторонники этой позиции стремятся к построению "единой теории психического"» (там же, с. 280), а то время как «современные концепции природы и сущности научного знания... оставляют все меньше надежд на то, что построение такой теории в принципе возможно» (там же, с. 281). Третью позицию он ассоциирует с личностью автора

этих школ и исследовании называет «методологическим либерализмом», согласно которому равно легитимны и равно адекватны все глобальные психологические подходы, прошедшие естественный отбор в истории психологической науки (стало быть, теории, подобные теории фрейдистской, не в счет), но надо искать «переходы», «мостики» между ними, которые и послужили бы «каркасами» единой системы психологического знания. Четвертую позицию С. Д. Смирнов называет «методологически плюрализмом», отмечая, что сам он разделяет именно ее. Она состоит в том, что психологическим теориям следует признавать друг друга (подобно «методологическому либерализму», но (в отличие от него) не следует стремиться к «наведению мостов» между ними, оставив психологию в ее нынешнем раздробленном состоянии и приняв ее «плюрацидность» в качестве неизбежной (там же).

Нетрудно заметить, что даже отстаиваемый С. Д. Смирновым «методологический плюрализм» — это не только легитимизация раздробленности психологической науки в качестве методологически неизбежной, но и оправдание ее аморальности, напоминающей отношения в феодальном государстве. Соответственно, монашеский вариант объединения психологии может быть утوждлен унитарному государству, а барьеры, предположаемая «методологическим либерализмом» — федеративному²⁰. Причем характерный для прессы прессы монашеский вариант тернет сторонников, а его противники в качестве главного аргумента в пользу его неосуществимости указывают на то, что предположаемая им «психологическая монархия» в свою очередь предполагает «монархизм», т.е. некую глобальную, единую и общеразделяемую психологическую теорию (или мета-теорию), которая стала бы вершиной психологического знания, придав ему вид пирамиды, и то время как такая теория в принципе невозможна. Исследователи, анализирующие эту проблему, пишут, что «психическое — чрезвычайно сложное явление, поэтому на современном этапе всерьезная теория невозможна» (Машков, 2004, с. 219), «перспективы появления такой теории даже в отдаленной перспективе представляются нереальными» (Смирнов, 2004, с. 281) и т.д. Те, кто отстаивают ее невозможность, систематически апеллируют к опыту естественных наук, в первую очередь, физики, подкрепляя, что и здесь единая теория отсутствует, а, скажем, единая теория поля остается несбыточной мечтой. Например: «перспективы появления

²⁰ Автор, естественно, очень далек от того, чтобы пропарировать по поводу соответствующим способом интеграции психологической науки свое отношение к тем видам социальной систем, с которыми проводится аналогия.

такой теории в ближайшем будущем нужные, скорее всего они вообще невообразимы, поскольку аналогичных теорий нет даже в гораздо более развитых науках» (там же, с. 282).

В результате, как было отмечено выше, современные психологи осознают потребность в интеграции психологической науки, однако ищут ее более «мягкие», «либеральные» варианты, нежели их воинственно настроенные предшественники, игнорировавшие или «подавившие» концептуальные построения друг друга. В этих условиях первоочередной задачей становится не только сама по себе интеграция, но и выработка ее моделей, которая, во-первых, была бы действительно «либеральной» и позволяла избежать падений «насилыстской» или искусственно форсированной интеграции, практиковавшейся в прошлые времена, во-вторых, была бы все-таки моделью именно интеграции, а не дегализации анархии и раздробленности, весьма характерной для постмодернистских программ, в-третьих, не выглядела бы как набор объединительных призывов, построенных по принципу «психологи всех стран и направлений, объединяйтесь!».

Для того, чтобы выработать или хотя бы представить себе такую модель, необходимо задать естественным вопросом о том, как вообще могла бы выглядеть интеграция современной психологии⁶⁵. Отвечать на него логично целесообразно от противного, т.е. отталкиваясь от основных видов разобщенности или разрывов (Юренин, 2000) психологического знания, которые препятствуют его интеграции.

В структуре психологического знания (точнее, в довольно аморфном массиве, который лишь условно или как дань традиции может быть назван «структурой») можно усмотреть три фундаментальных разрыва. Во-первых, разрыв «горизонтальный» — между основными психологическими теориями⁶⁶ и соответствующими психологическими «интернами» — бихевиоризмом, когнитивизмом, психоанализом и др.,

⁶⁵ Автор говорит о когнитивной интеграции — об объединении психологического знания, но задается в данном контексте очень существенным, но игнорируемым мной важным вопросом о социальной интеграции психологического сообщества — об объединении интеллектуальных и конкурирующих друг с другом психологических ассоциаций и т.п.

⁶⁶ Подчеркнем, что теория в психологии — это больше, чем теория. Она, как правило, представляет собой ядро, на которое накладываются соответствующие «объемные» или «плоские» приложения, способы накопления эмпирического опыта, результаты исследований, выведенных в русле данной теории, и т.д., которые постоянно соотносятся с этим ядром. Символично, что, например, И. Франклине определяет психоаналитическую теорию как «правила, которые предписывают, что и как делать исследователю» (Franklin, 1982), т.е. фактически выделяет ее парадигмальными функциями.

каждая из которых предлагает свой образ психологической реальности и свои правила ее изучения. Во-вторых, разрыв «вертикальный»: между различными уровнями объяснения психического — внутрилическим (феноменологическим), физиологическим (фактическим), социальным, порождающим соответствующие «параллельные» — психофизиологический, психофизиологический и психосоциальный. В-третьих, «диагональный» разрыв или, говоря словами Ф.Е. Василюка, «случие» между исследовательской (академической) и практической психологией (Василюк, 1996). Конечно, в структуре психологического знания можно выделить немало и других разрывов и «белых пятен», однако именно три обозначенных вида ее разобщенности представляются основными, порождающими общую дезинтегрированность психологии, и, соответственно, их преодоление или хотя бы сокращение выглядит как основные направления ее интеграции.

«ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ» ИНТЕГРАЦИЯ

Разделение психологической реальности между тремя наиболее влиятельными психологическими «экзистенциями» — бихевиоризмом, когнитивизмом и психоанализом, а также их «колониями» на территории специальных разделов психологической науки, например, социальной психологии (в виде трех глобальных социально-психологических ориентаций — бихевиористской, когнитивистской и психоаналитической [Андреева и др., 1978]), сопровождалось «вытеснением» на все соответствующих категорий — соответственно, поведения, образа и мотива. В рамках бихевиоризма психика выделялась как поведение, в рамках когнитивизма — как трансформация образов, в рамках психоанализа — как борьба мотивов⁶². Подобные попытки интеграции психологического знания можно назвать «редукцией по горизонтали» (Юренич, 1992) или «горизонтальной редукцией», т.е. сведением всей психологической реальности к чему-то одному, что объявляется в ней самым главным⁶³.

⁶² См. работы М.Г. Ярошевского (Ярошевский, 1985) и др., выделявшего в этих системах психологического знания «центральные» категории.

⁶³ Методологически «единица» психологической реальности, ставшей очень популярной в отечественной психологии, в общем, имеет тот же смысл: вся эта реальность «сводится» к одному своему фрагменту, например, к переживаниям, в котором пытаются разложить ее всю. В принципе, этот методологический прием не так уж

Богатый исторический опыт подобных попыток породил два фундаментальных методологических результата. С одной стороны, он показал несостоятельность идеи *обозреть* всю психологическую реальность из какой-либо одной точки, свести ее к какой-либо одной психологической категории, т.е. категориальной монихи интерпрет. В этой науке полный провал, естественной реакцией на который явился системный подход к построению психологического знания (Ломов, 1999), выстраивание комплексных систем равноправных психологических категорий (Петровская, Ярошевский, 1998) и др. С другой стороны, психологическая реальность показала себя как многомерная, но не *бесмерная*, а ее когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты ларсковендовали себя как основные составляющие психического, что породило представление о т.н. «фундаментальной психологической триаде»⁶⁴. Эти два результата слились в «умеренную» интегративную установку, состоящую в том, что психологическую реальность из одной точки *обозреть* невозможно, поэтому на нее надо смотреть не из одной, а из разных точек, но не из всех возможных, а только из ключевых, поскольку из всех точек сразу смотреть невозможно. Набор таких ключевых точек варьируется в зависимости от тех факторов, которые определяют разнообразие методологических установок в любой ситуации их проявления⁶⁵. Например, в «фундаментальную психологическую триаду» иногда включают или присоединяют к ней волю, душу или что-либо еще. Но все же, как правило, именно когниция, эмоция и поведение — во всех их разнообразных проявлениях — рассматриваются в качестве основных слагаемых психологической реальности, и именно на опорных точках, сформированных совместно, хотя и в конфронтации друг с другом, бихевиоризмом, когнитивизмом и психоанализом, выстраивается интегративная перспектива.

порочен, поскольку в любом элементе системы замечаются ее родовые качества (в этой связи уместно вспомнить один из ключевых принципов биологической науки — достаточно разрезать одного червяка, чтобы родить много-в-много червячков). Вместе с тем в качестве универсального методологического принципа психологической науки он имеет очевидные изъяны, поскольку если во все познана и во все в ней сведены к тем же переживаниям.

⁶⁴ Понимается в несколько иных компонентах этой «триады». Например, Л.М. Веккер выделяет эмоции, волю и интеллект (Веккер, 1999). Но все же наиболее чаще встречается трехчленное представление именно на три основных ядра компонента.

⁶⁵ П. Фейерабенд, например, пишет по этому поводу: «Теория, выдвинутая ученым, зависит не только от фактов, входящих в его распоряжение, но и от теории, представителем которой он является, от математического аппарата, которым случайно владеет, от его вкуса, от исторически полученных, от мнения его друзей и других элементов, которые существуют не в фактах, а в мышлении теоретика, и, следовательно, носят субъективный характер» (Фейерабенд, 1996, с. 34).

Соответствующий вид «горизонтальной» интеграции давно провозглашен (и не только провозглашен, но во многом и реализован), хотя и в несколько других терминах, на уровне базовых методологических принципов отечественной психологии, таких как принцип единства сознания и деятельности, аффекта и интеллекта и др. (см.: Рубинштейн, 1946; Леонтьев, 1975; и др.), хотя, наверное, давно пора осуществлять комбинационные этих принципов и провозгласить не в «парном союзе» соответствующих локусов психологической реальности, а к их объединению в триаду, т.е. провозгласить единство когнитивных, аффективных и поведенческих процессов. Еще чаще это единство провозглашается не в провозглашаемых общих принципах психологической науки, а в траекториях и результатах изучения конкретных психологических феноменов. Особенно яркий пример — изучение социальных установок в зарубежной социальной психологии. Эмпирические исследования регулярно порождали парадоксы типа феномена Дашера и противоречивые результаты — «головоломки» в терминах Т. Куна (Кун, 1975), пока установку не «размозжили», выделив в ней когнитивный, социальный и поведенческий компоненты, после чего все стало на свои места — в той мере, в какой это вообще возможно в такой науке, как психология. Похожую эволюцию претерпели и другие психологические понятия, практика эмпирического изучения которых вынуждала ученых отказываться от монистического (читай: одностороннего) взгляда на них и выделять в их структуре три обозначенных компонента. Это побуждает сформулировать представление о триединной структуре как об универсальном принципе построения психологической реальности, причем за данным принципом стоит простая идея: мы действуем, мыслим, переживаем, и это, наверное, главное в нашем существовании, а вопрос о том, что в нем самое главное — действия, мысли или переживания, видимо, лириков смысла.

Здесь, конечно, можно возразить, что не все компоненты психики сводимы к действиям, мыслям и переживаниям — например, воля, что, возможно, и служит одной из причин стойких возмущений вообще элементаризировать ее из категориального репертуара психологической науки, объявив иллюзией или артефактом. Но, во-первых, все зависит от способа сведения или выведения: например, личность, привычно возмущающаяся над «триадой» и всеми прочими психологическими конструктами, за исключением разве что души⁹⁹, можно представить

⁹⁹ Труднее дело обстоит с самой душой, о которой пишут, что «не исключено, что этот фундаментальный предмет интегральной психологии может снова стать предметом души».

как уникальный для каждого человека результат соединения трех базовых психологических компонентов, украсив его всей характерной для различия о личности палитрой. Во-вторых, все-таки любая интегративная методология должна обладать минимально необходимым уровнем сложности (вспомним Бренту Ойлама), превышение которого делает ее эффективной, но невыполнимой – как желание объять необъятное или построить систему психологического знания, включающую все более или менее значительные психологические категории. Кроме того, ни к одной интегративной перспективе не следует относиться как к окончательной, интеграция любой науки – постоянный (пока наука развивается, она интегрируется) и многоступенчатый процесс. На первом шаге интеграции психологии, озаглавленном «традиционным» видением психологической реальности, решаются лишь первые, а далеко не все проблемы интеграции, попытки же вскочить сразу на вершине ступени «лестницы интеграции» чреваты опасностью с нее свалиться. В результате обозначается наиболее простой и естественный вариант «горизонтальной» интеграции психологии: «наверху» – на уровне общей картины психологической реальности – она видится как единство когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов, а «внизу»⁶⁷, т.е. на уровне исследовательской практики, в каждом изучаемом феномене вычлещаются когнитивный, аффективный и поведенческий аспекты.

Надо отметить, что подобные методологические установки уже давно реализуются в исследовательской практике и пустили в психологическом сообществе глубокие корни. Да и вообще в данной связи уместно подчеркнуть, что «форсированные методологии», предписывающие научному сообществу делать то, чего оно еще не делает, мало жизнеспособны и выглядят как «методологические мифы». Жизнеспособные же методологии, как правило, формируются путем обобщения и вынесения на методологический уровень того, что уже давно выросло и существует в реальной исследовательской практике, а не предписывается ей.

Даже самый поверхностный взгляд на эту практику не оставляет сомнений в том, что «горизонтальная интеграция» уже достаточно давно реализуется в психологической науке. Все реже можно встре-

но уже и во научном понимании» (Завитин, 2001, с. 93). Впрочем, это научное понимание души тоже открывает большие возможности – в том числе и ее «разложение» на вполне конкретные элементы.

⁶⁷ Да простит психологи-математик такую «стилографию».

тить психолога, который считал бы себя (и реально-был бы) «чистым» бихевиористом, когнитивистом или сторонником психоанализа, равно как и, скажем, теории деятельности, до и какой-либо другой психологической теории. Большинство психологов не является адептом какой-либо «одной отдельно взятой» теории, а реализует комплексный взгляд на психологическую реальность, впитавший в себя элементы разных концепций. И данная, отчетливо проявляющаяся в психологии тенденция, характерна для всей современной науки, переживающей как социальную, так и когнитивную глобализацию (см.: Юренич, 2004). Последняя состоит в том, что «замкнутые на себя» и самодостаточные системы знания (или заблуждений), подобные иштиту и диаволу, уходят в прошлое, и даже такие его глобальные системы, как Западная наука и традиционная Восточная наука ассимилируют элементы друг друга. А одним из проявлений социальной глобализации науки служат «размыкание» научных школ (которые Т. Куэ называл «бесовыми единичными донорами дегенеративной науки», подчеркивая, что они выполняют не столько научные, сколько политические функции [Куэ, 1975]), их слияние, постепенное вытеснение «исчерпавши колледжами» и прочими, более современными, нежели научные школы, видами объединения ученых (см.: Мирская, 2002).

Современную тенденцию каждый из нас легко может уловить в себе, задавшись вопросом: «Кто я — бихевиорист, когнитивист, адепт психоанализа, теории деятельности или какой-либо другой психологической концепции?» Наверняка большинство из нас выберет характерный для подобной постановки вопроса ответ «другое», осознав себя как не принадлежащего ни к одной из психологических школ, а реализующего более общую, над-школьную перспективу. (Исключениями служат «закованные адепты», к которым преимущественно принадлежат ученые старшего поколения, а также ситуации, в которых выгодно определяться в качестве адепта одной из школ)⁹⁸. Большинство из нас, будь он психолог-исследователь или психолог-практик, наверняка использует в своей работе знания, добытые и бихевиористами, и когнитивистами, и психоаналитиками, адепты Выготского, и Рубинштейна, и Леонтьева, и других выдающихся отечественных психологов, опирается на разные концепции и применяет разнообразные методики. Да и в тех случаях,

⁹⁸ В подобных случаях важно не разделять участь отца Платона — оруженосца Д. Арханджело, который католикам говорил, что он — католик, еретиком — что он еретик, однако плачевно закончил свою жизнь, однажды плавающим на убитой грехе между католиком и еретиком.

когда психолог тяготеет к определенной теории или объявляет себя ее адептом, он неизбежно реализует исследовательскую перспективу, выходящую далеко за пределы этой теории. А «чистого» бихевиориста, когнитивиста, представителя теории деятельности или психоанализа, который вообще не использовал бы знания, наработанные в рамках других концепций, можно представить себе разве что в абстракции, да и то для этого надо иметь очень богатое воображение.

Соответствующим образом построено и психологическое образование, предполагающее ознакомление студентов, обучающихся психологии, с самым разным концепциям, снабжение их знанием, полученным в рамках самых различных концептуальных оснований. «Чистого» бихевиористское, когнитивистское и т.д. преподавание психологии тоже трудно себе представить, а если и можно, то только как систему подготовки «профессиональных критиков». Любой современный психолог – это своего рода «стихийный интегратор» психологического знания, а первый шаг к «горизонтальной» интеграции психологической науки уже давно сделан и записан в том знании, которое дают психологические вузы, в его структуре и соединении в мышлении каждого из психологов.

Практика изучения конкретных психологических феноменов, как было показано на примере социальной установки, тоже неизбежно порождает интеграцию, в данном случае имеющую когнитивный (внутреннюю логику изучения соответствующих психологических проблем), а не социальный источник (хотя разделить когнитивные и социальные источники интеграции тоже возможно лишь в абстракции).

Таким образом, хотя единая психологическая теория, о которой психологи прошлого вообразили как о главном интеграторе психологического знания, так и не создана и едва ли будет создана, во крайней мере, в обозримом будущем (один раз подчеркнем, что такой теории нет ни в одной науке), существующие в психологии теории не так уж непримиримы и «несоизмеримы» – в терминах Т. Куна – друг с другом, вышедшее психологическое сообщество не поделено на фактически неадекватных школ теорий, большая часть исследователей строится на кросс-теоретической основе и воодает должное различным аспектам психического. Все это – проявления естественной «горизонтальной» интеграции психологического знания, которая, в отличие от его искусственной интеграции путем декларирования объединительных программ и попыток создания соответствующих теорий, выглядит не броско, происходит незаметно, но обусловлена внутренней логикой развития психологического знания и приносит прямые плоды.

ДИАГОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Разрыв между исследовательской (или академической) и практической психологией уже долгое время фигурирует в «истории болезни» психологии как один из ее главных симптомов.

Так, по наблюдениям Р. Ван дер Влейста, исследовательская и практическая психология фактически представляет собой две разные науки, использующие разные языки, разные стилисты анализа и различную логику его построения. Язык исследовательской психологии погрязт специальными терминами, в то время как язык практической психологии мало отличается от обиходного языка. В исследовательской психологии единица анализа — отдельный психологический процесс или феномен, искусственно отделенный от целостной личности и помещенный в специальные лабораторные условия, а в практической психологии такой единицей служит «индивидуальная история» личности. Логика исследовательской психологии состоит в выделении 2–3 независимых переменных и намерении корреляций между ними, в то время как практическая психология стремится не количественно описать отдельные связи, а качественно осмыслить целостную детерминацию личности и ее состояний. В результате все эти различия знание исследовательской и знание практической психологии плохо состыкуются друг с другом, в результате чего практическая психология недостаточно научна, а исследовательская психология — недостаточно практична (Van der Vleist, 1982).

В конце истекшего века регулярно констатировались не только сохранение, но и расширение разрыва между академической психологией и профессиональной практикой, причем, по мнению ряда авторов, это было связано с тем, что психологическая практика охотнее и активнее интвывает методологию и культуру постмодернизма, а в то время как консервативная и неравнодушная академическая психология все еще несет данно устаревшую «позитивистскую идею». Например, Д. Польшикори выделил такие общие черты постмодернизма и психологической практики, как нефундаментальность, фрагментарность, конструктивизм, повышение знания как динамичного, социально конструируемого и зависящего от контекста, «неопрагматизм». Польшикори подчеркивает, что психологи-практики охотнее применяют постмодернистскую методологию, чем академические психологи, однако он признает, что «ближе к практике» психологи-исследователи тоже преуспевают в освоении и распростра-

вспни этой методологии¹⁰, таким образом констатируя появление в психологическом сообществе нового слова, служащего связующим звеном между двумя его полнотами – «чистыми» практиками и «чистыми» исследователями (Polkinhorne, 1994). Он же констатирует «практический переворот» в психологии, результаты которого очевидны и в нашей стране, где на 30 тыс. (если не больше) психологов приходится лишь два исследовательских института.

Л. Сасс улавливает в современной психологической, особенно в психоаналитической, практике такие постмодернистские черты, как релятивизм, скептицизм, вымысленность, акцентируя их в качестве ее ключевых отличий от академической психологии (Sass, 1994).

К. Герсен отмечает, что, в противовес общему традиционному развитию академической психологии, современная психологическая практика развивается в русле постмодернистской мысли, имеет дело с развивающейся индивидуальностью человека и сосредоточивается на контекстуальных смыслах человеческой деятельности. В результате теоретическое знание академической психологии часто вступает в конфликт с эмпирическим знанием современности, а психологическая практика предпочитает теоретическому знанию гетерогенные и качественные знания повседневной жизни, приобретающие достоверность в личном опыте (Gergen, 1994).

Подвергать сомнению существование больших и принципиальных различий между исследовательской и практической психологией было бы неслучае. Они, безусловно, имеют место, препятствуя интеграции двух основных форм психологического знания, однако, обращаясь к изложенным выше констатациям, следует отметить, что, во-первых, эти различия иногда преуменьшаются, во-вторых, реально существующие различия постепенно сокращаются. К примеру, призывание значимости «единичных случаев» и их изучение, акцент на анализе уникальных жизненных ситуаций и т.д., в которых обычно надется одна из главных специфических черт практической психологии, отличающая ее от психологии исследовательской, можно обнаружить и в ряде исследовательских установок последней. Скажем, такой ее представитель, как Л.С. Выготский, стремился вывести законы психологии искусства из «анализа одной басни, одной новеллы и одной трагедии» (Выготский, 1982, с. 405), при этом констатировал, что

¹⁰ Отметим, что в данной статье высказываются и опасения. Например, Л. Сасс полагает, что релятивизм и фундаментализм постмодернизма способны повести при терапевтической практике (Sass, 1994).

«классике индукции и математической обработки и недоразвитие анализа лирически погубило дело Вундта и экспериментальной психологии» (там же, с. 402). Впрочем, в современной исследовательской психологии метод анализа конкретных случаев (*case studies*), а также отсутствующий его применение качественным анализ, получают все большее распространение. (Отметим, что это происходит также в социологии и других смежных с психологией науках.)

Целый ряд направлений исследовательской психологии, например, психоаналитическая ориентация в социальной психологии, выросли из психоаналитической практики, да и, вообще, психоанализ служит ярким примером того, что единство практической и исследовательской психологии возможно.

В современной психологии можно разглядеть и встречный вектор развития знания – погружение сюжетов, традиционно изучавшихся в контексте исследовательской психологии, в практический контекст со всеми сопутствующими этому изменениями самих сюжетов. Например, Дж. Шоттер отмечает тенденцию к изучению таких традиционных тем когнитивной психологии, как восприятие, память, научение и мотивация, в контексте постмодернистской социальной практики, а также доминирование в контексте их изучения опыта повседневной жизни над теоретическими знаниями (Shotter, 1994).

Одним из главных лейтмотивов сближения академической и практической психологии служит постмодернистская методология, которая, давно будучи характерной для практической психологии, распространяется и в академической психологии. Например, такие атрибуты практической психологии, как качественный анализ, изучение единичных случаев, признание важности уникального опыта, полученного в обход репрезентативных выборок и без подсчета коэффициентов корреляции, становятся все более распространенными и в исследовательской психологии, в которой происходит также детализация личного опыта психолога в качестве источника психологического знания (см.: Юренис, 2000), в результате чего практическая психология все увереннее выполняет характерные для академической психологии исследовательские функции.

Наметились и другие направления сближения. Например, теории, ставшие одним из символов академической психологии, которые практическая психология традиционно отвергала как чрезмерно «академические», сейчас тоже адекватуются к потребностям практики. В частности, не трудно заметить, что из психологических конференций, в особенности из «научно-практических» (которые сами

но себе стали знакомым явлением, знакомую стремление объединить психологическую науку и практику), «большине» психологические теории упоминаются довольно редко, однако активно дискутируются «малые» теории и теории «среднего ранга», позволяющие упорядочить ту или иную сферу научной реальности. Нередко подобные теории и зарождаются в практической деятельности психологов, стремящихся не только воздействовать на эту реальность, но и осмыслить, упорядочить ее.

Налицо также тенденция к развитию методологического самоанализа практической психологии, традиционно ассоциировавшегося с академической наукой, явившаяся естественной реакцией на расширение и усложнение психологической практики (см.: Карницкий, 2003; Вачков, 2003; и др.).

Таким образом, исследовательская психология осваивает направления работы, традиционно характерные для практической психологии, а практическая психология – характерные для исследовательской психологии, что неизбежно порождает их когнитивное сближение.

Но, пожалуй, еще более заметно «сведение мостов» между академической и практической психологией в социальной плоскости, т.е. сближение соответствующих страт психологического сообщества. Ф.Е. Василюк писал в 1990-е годы: «...психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две личности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о «звездах» психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» (Василюк, 1996, с. 26). И эта, сколько утрированная (хотя бы потому, что такие психологи, как сам Ф.Е. Василюк, знали и тех, и других) оценка была в целом справедлива для того времени.

Но впоследствии многое изменилось, причем в духе известной формулы: «не было счастья, да несчастье помогло». Зарплаты наших академических психологов опустились на уровень бесконечно малых величин, и большинству из них не оставалось ничего другого, кроме как подрабатывать практикой (или преподаванием). Результат не заставил себя долго ждать: сейчас на основе большинства наших академических подразделений созданы коммерческие фирмы, сотрудники которых обладают двойной профессиональной идентичностью,

выступая в роли и психологов-исследователей, и психологов-практиков. А та «дихотомизированность», о которой писал Ф.Е. Василюк, может носить внутрисубъективные формы, выступая в виде внутреннего «раздвоения» наших психологов или выполнения ими непрофильных функций на рабочих местах, но теперь в гораздо меньшей степени относима ко всему нашему психологическому сообществу, вынужденному, причем не от хорошей жизни, интегрировать научную деятельность с коммерциализацией ее результатов. Таким образом, и в нашем отечественном психологическом сообществе разрастается тот слой «ближних к практике» исследователей, о которых пишет Д. Полкинхорн (Polkinghorne, 1994). Обобщая соответствующие когнитивные и социальные тенденции, можно констатировать, что линия «разрыва» между практической и академической работой по-прежнему существует, но уже не выглядит как непреодолимая пропасть, и наблюдается не столько ее расширение, сколько сглаживание.

«ВЕРТИКАЛЬНАЯ» ИНТЕГРАЦИЯ

Но все-таки, наверное, самая известная мечта и одновременно главная методологическая проблема психологической науки — это объединение различных уровней проявления и детерминации психического.

В ее истоках — попытки найти «взаимопереходы» между этими уровнями, например, путем установления количественных соответствий между физической величиной стимула и интенсивностью вызываемой им психической реакции, что дало бы возможность внести психическое и физическое в единое «пространство». Малоудовлетворительные результаты подобных попыток породили представление о «параллелизмах» — психофизическом, психофизиологическом, психосоциальном — как об одном из главных свойств предмета психологии и, соответственно, одной из главных «головоломок» (язовь в терминах Т. Куна) психологической науки, которую психологи до сих пор безуспешно пытаются разрешить.

Эти парадоксы успешно преодолевались на уровне общеметодологических принципов. Например, системный подход декларирует необходимость системного, т.е. взаимосогласованного, изучения самых разных уровней психического (Ломов, 1999). Методологические установки такого рода регулярно провозглашались в истории психологической науки, выражая не столько реальные исследова-

только ориентиром, сколько избыточную мечту ее представителей о «комплексных, междуровневых объяснениях, в которых нашлось бы место и для смысла жизни, и для нейронов, и для социума, и для многоплановой целостности» (Юренин, 2003, с. 336).

В конкретной же исследовательской практике подобные мечты в программе не только не удавалось реализовать, но и происходило своего рода «удвоение» исходных «параллелистов» вследствие того, что «параллельная» детерминация психического проецировалась на само психическое. Психическое постоянно «говорило» по основным плоскостям его детерминации, помещая то в социальную плоскость (например, путем таких его пониманий и, соответственно, локализации, как «психика — это отношение», «психика — это совокупность общественных отношений» и т.д.), то в физиологическую («психическое — это результат взаимодействия нейронных ансамблей» и др.), то отодвигая подальше от них обеих и отождествляя, например, с душой. Все подобные попытки были сколь безрезультатны (соответствующие понимания психики выглядели явно односторонне), столь и результативны, с разных сторон высветившая одна и та же реальность — невозможность понять и объяснить психику, абстрагируясь от какой-либо из основных сфер ее детерминации, а тем более от всех, кроме одной. Благодаря им стало абсолютно ясно, что понять и объяснить психику можно, только рассматривая ее одновременно и как порождение социума, и как функцию нейронов, и как многообразие нашего феноменального мира, и в других аспектах, что, естественно, не означает для каждого конкретного психолога необходимости «ловить» ее на всех этих уровнях и не превращает специализацию исследователей в абсурд. В русле «методологического либерализма» (Юренин, 2001) это означает, что, подобно тому, как не существует «неправильных» психологических теорий, поскольку каждая из них достаточно адекватно объясняет какой-либо аспект психологической реальности, не существует и «неправильно работающих» или «неуважных» психологов (парапсихологи и даже с ними — не в счет), и познавать психологическую реальность можно только объединенными усилиями тех, кто изучает нейроны, тех, кто изучает внутренний мир человека, в том числе и его душу, тех, кто изучает его зависимость от социума и др.

Все это, естественно, проще провозгласить, чем исполнить, а главная проблема возникает в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, основные виды детерминации психического — физиологическая (финическая), феноменологическая (интринсическая)

и социальные – практически не перекликаются друг с другом и плохо выстраиваются в единую систему детерминации. Во-вторых, психологи, в своем профессиональном мышлении воспроизводящие общие закономерности человеческого мышления, проваляют отчетливо выраженную авестеринность в подобной «параллельной» детерминации явлений, настойчиво стремясь «спрimitь» ее и поместить в какую-либо одну плоскость. В привычке для научного мышления «параллелизм», подобный психофизическому, после кризиса классической физики стали привычными. Оно спокойно воспринимает, например, свет и как волну, и как поток частиц, физические объекты – и как набор атомов, и как твердые тела, живые организмы – и как саморегулируемые системы, и как скопления молекул. Но, во-первых, это характерно не для любого, а только для наиболее сложно организованного научного мышления, во-вторых, подобные схемы мышления, ломанные привычные схемы восприятия, принимаются с большим трудом. Как подчеркивал В.Ф. Ломов, «В психологии довольно широко распространение получило линейное представление о детерминизме ("линейный детерминизм"). Имеется в виду стремление представить причины и следствие в виде одномерной цепочки» (Ломов, 1999, с. 75), в то время как «детерминация реально выступает как многоплановая, многоуровневая, многомерная, включающая явления разных (многих) порядков, т.е. как системная» (там же, с. 75), и поэтому «принцип "линейного детерминизма" уже не может удовлетворить современную психологическую науку» (там же, с. 75).

Тем не менее, психологической науке, по всей видимости, еще нужны время и просветительские усилия методологов, чтобы, во-первых, принять идею *параллельной детерминации* психическим, во-вторых, «оживить» ее в свое рабочее мышление, перестав воспринимать «параллелизм» как аномалию и парадоксы, отвергнуть в качестве бессмысленных вопросы о том, мы управляем своими нейронами или наши нейроны управляют нами и т. д.

К тому же «параллелизм», которыми эта наука мучается с момента своего появления на свет, выглядит как группа далеко не равнопорядковых явлений, некоторые из которых не заслуживают включения в нее. Например, то, что принято считать психосоциальным «параллелизмом», представляет собой связь явлений, которую вполне можно выстроить в одной каузальной плоскости, а соответствующий парадокс снимается, например, методологической формулой, согласно которой внешние (в частности, социальные)

факторы действуют через внутренние (например, внутрисистемные) условия (Рубинштейн, 1946). Некоторые виды биологического детерминизма, например, эволюционная детерминация психического, тоже не выглядят параллельной его внутренней детерминации и вписываются в одну каузальную плоскость и рамках, скажем, дарвиновской парадигмы, которая во многих случаях позволяет преодолеть «параллельность» биологической и социальной детерминации.

В общем, «параллелизм», выражающий расхождение уровней детерминации психического и традиционно воспринимаемые как наиболее сложные «головоломки» психологической науки и наиболее опасные онтологические ловушки, выставленные ее объектом, в действительности не так уж сложны и непреодолимы. В случае же их действительной непреодолимости — скажем, родоположности нашего феноменального и нейро-гуманального «миров» — соответствующие виды детерминации могут быть прояснены на основе идеи о «параллельной» каузальности, которая давно прутила корни в развитых науках.

В результате и традиционно наиболее сложная для психологии «вертикальная» интеграция психологического знания не встречает на своем пути непреодолимы барьеров и уже в значительной мере подготовлена историей психологической науки. Конечно, трудно совладать, что знание, накопленное социальными психологами, психологами физиологической и гуманистической ориентации и т.д., сольются в одно целое. Но вполне можно представить и уже сейчас различить «каркасы» той системы психологического знания, в рамках которой каждое из них найдет свое место. Важно лишь, чтобы обретение этого места не оборачивалось стремлением лишить места другим.

Таким образом, «признак» интегративной психологии не только «бродит» по психологической науке, но и все увереннее материализуется в ней, ее интеграция выглядит не как утопия, а как уже различимая реальность. Однако способы и результаты этой интеграции представляются более сложными и многоплановыми, нежели те, к которым привыкло реформное мышление, воспитанное на «линейном детерминизме».

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г.М., Володина Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. Теоретические ориентации. М., 1978.
- Васильев Ф.Е. Методологический анализ психологического знания // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 25–46.
- Вачков И.В. Нужна ли практическому психологу методология? // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 72–79.
- Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 1998.
- Вельский А.С. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1982.
- Зарвакис Б.М. О регулятивании психологии: генеральный предмет интегральной психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 91–100.
- Карацкий И.М. Методология практической психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 135–158.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 1973.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1989.
- Минаев В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 205–237.
- Минаев В.А. Научная психология: проблема предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 207–223.
- Марксизм Е.Э. Научные школы как форма организации науки (социологический анализ проблемы) // Научное знание. 2002. № 3. С. 8–24.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
- Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 276–291.
- Фейербах Л. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- Крюков А.В. Критический анализ американских социально-психологических концепций «справедливого обмена» // Вопросы психологии. 1983. № 5. С. 158–166.
- Крюков А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5.

- Крушев А.В. «Методологический либерализм» и парадигмальный статус психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 349–357.
- Крушев А.В. «Онтологический кризис» и структура психологического знания // Психол. журн. 1992, № 1, С. 6–14.
- Крушев А.В. Психология и методология // Психол. журн. 2000, № 5, С. 35–47.
- Крушев А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999, № 2, С. 3–11.
- Крушев А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М., 2004.
- Дружинский М.Г. История психологии. М., 1985.
- Foa D.B. *Theoretical perspectives in social psychology*. Boston, 1982.
- Gergen K.J. *Toward a postmodern psychology* // *Psychology and postmodernism*. London, 1994. P. 17–30.
- Polkinghorne D.E. *Postmodern epistemology and practice* // *Psychology and postmodernism*. London, 1994. P. 146–152.
- Sax L.A. *The epic of disbelief: The postmodernist turn in contemporary psychoanalysis* // *Psychology and postmodernism*. London, 1994. P. 166–182.
- Shiner J. «Getting in touch»: The Metta-met methodology of a postmodern science of mental life // *Psychology and postmodernism*. London, 1994. P. 58–73.
- Van der Veist E. *Special psychological theory and empirical studies of practical problems* // *Confronting social issues: Applications of social psychology I.*, 1982. V. 1, P. 7–22.

АВТОРЫ

*Александров
Виктор
Михайлович*

доктор психол. наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета.

*Бельянинов
Владимир
Александрович*

доктор психол. наук, заведующий лабораторией Института психологии РАН.

*Глебов
Илья
Евгеньевич*

кандидат психол. наук, ст. научный сотрудник, доцент Саратовского государственного социально-экономического университета.

*Гусельник
Марина
Сергеевна*

кандидат психол. наук, ст. научный сотрудник Психологического института РАО.

*Дегин
Анатолий
Александрович*

доктор психол. наук, профессор, заведующий кафедрой акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС при Президенте РФ, заслуженный деятель науки РФ, действительный член РАО.

*Журавлев
Анатолий
Лекимович*

доктор психол. наук, профессор, директор Института психологии РАН, член-корреспондент РАО.

*Зинский
Василий
Владимирович*

доктор психол. наук, профессор факультета психологии Томского государственного университета, член-корреспондент РАО.

*Зыков
Виктор
Владимирович*

доктор психол. наук, профессор, ст. научный сотрудник Института психологии РАН.

<i>Калнин Валерий Николаевич</i>	доктор психол. наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и гуманитарной психологии Томского государственного университета.
<i>Калочкин Игорь Николаевич</i>	кандидат психол. наук, зам. глав. ред. журнала «Методология и история психологии».
<i>Катков Анатолий Викторович</i>	доктор психол. наук, профессор, декан факультета психологии Ярославского государственного университета.
<i>Ковалова Татьяна Васильевна</i>	доктор психол. наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
<i>Ломовый Дмитрий Александрович</i>	доктор психол. наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
<i>Мамко Владимир Александрович</i>	доктор психол. наук, профессор, заведующий кафедрой Ярославского государственного педагогического университета.
<i>Матвиенко Татьяна Давыдовна</i>	доктор психол. наук, профессор, заведующая лабораторией Психологического института РАН.
<i>Мирошник Юрий Александрович</i>	кандидат психол. наук, доцент факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.
<i>Петренко Виктор Федорович</i>	доктор психол. наук, профессор, заведующий лабораторией факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН.
<i>Петровский Вадим Артурович</i>	доктор психол. наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета.

Авторы

<i>Подольков Александр Николаевич</i>	доктор психол. наук, профессор факультета психологии ГУ ВШЭ.
<i>Смагина Светла Дмитриевна</i>	доктор психол. наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
<i>Савкина Елена Васильевна</i>	кандидат психол. наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
<i>Чувакова Наталья Николаевна</i>	доктор психол. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель группы психологии развития когнитивных процессов Психологического института РАН.
<i>Юрину Андрей Владимирович</i>	доктор психол. наук, заместитель директора Института психологии РАН, член-корреспондент РАН.

Научное издание

Серия «Методология, теория и история психологии»

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ Постнеклассическая перспектива

Редактор — *И.В. Ключкова*

Корректор — *О.В. Шаповалова*

Макет и верстка — *А. Пожарский*

Обложка — *Е. Дуров*

Сдано в набор 28.09.07 Подписано в печать 28.11.07
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Петербург.

Усл. печ. л. 33,0 Уч.-изд. л. 30,1

Тираж 800 экз. Заказ №

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.04

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Тел.: (495) 682-51-29

E-mail: publ@psychol.ras.ru

www.psychol.ras.ru

Отпечатано в ИПИ «Типография "Наука"»

121099, Москва, Шубинский пер., 6